

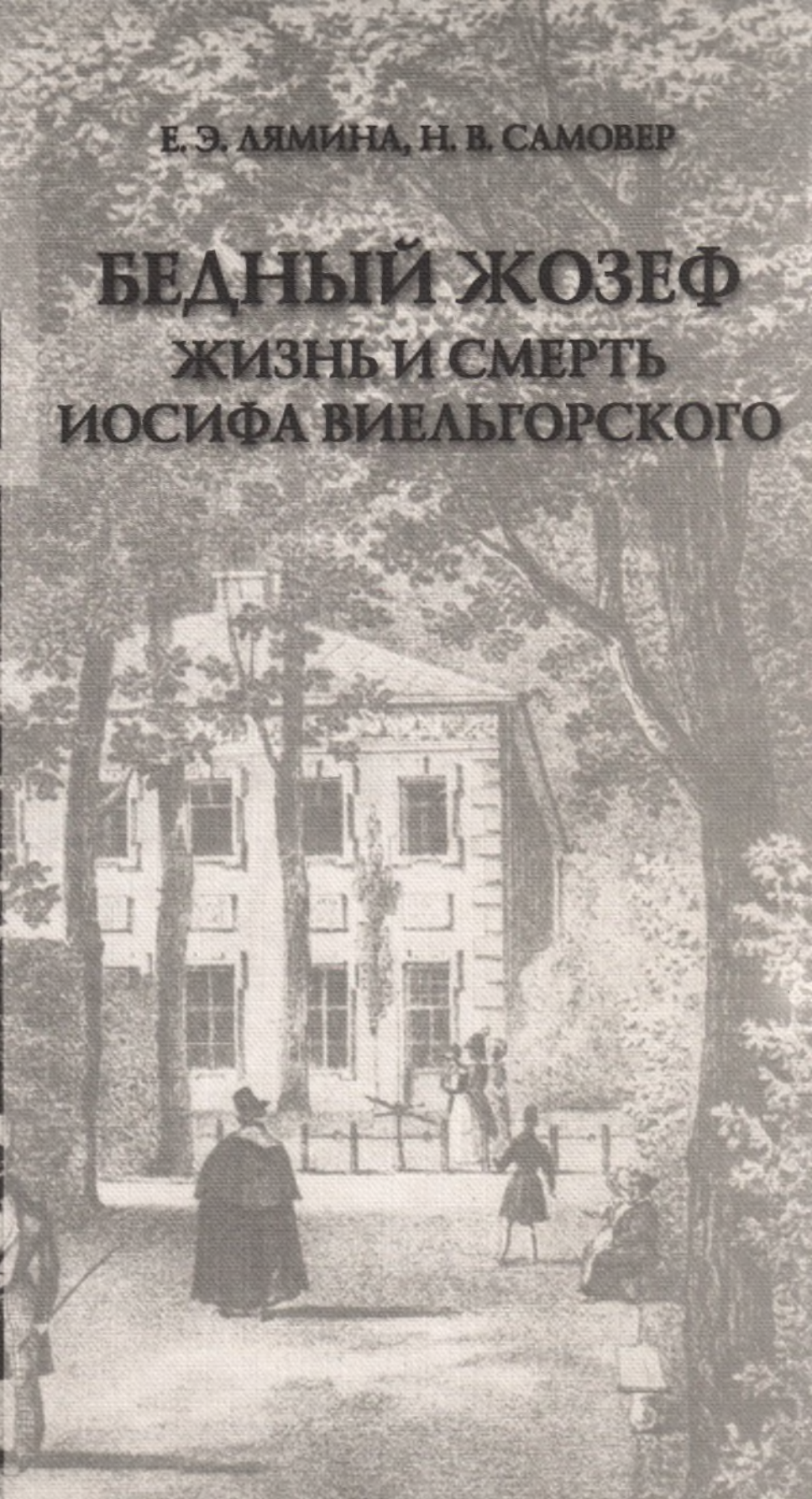

Е. Э. ЛЯМИНА, Н. В. САМОВЕР

БЕДНЫЙ ЖОЗЕФ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ИОСИФА ВИЕЛЬГОРСКОГО

Е. Э. ЛЯМИНА, Н. В. САМОВЕР

«БЕДНЫЙ ЖОЗЕФ»:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ИОСИФА ВИЕЛЬГОРСКОГО

Опыт биографии
человека 1830-х годов

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ББК 63.3(0)52
Л 97

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16108

Лямина Е. Э., Самовер Н. В.

Л 97

«Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 560 с., ил.

ISBN 5-7859-0089-0

В книге на основании широкого круга источников (в том числе привлекаемых впервые) реконструируется биография И. М. Виельгорского (1817–1839), выходца из аристократической семьи музыкантов и меценатов, воспитанника В. А. Жуковского. Многообразие материалов и точек зрения на личность центрального персонажа позволяет проследить как формирование самосознания молодого человека 1830-х годов, так и складывание в представлениях современников образа, нашедшего воплощение в творчестве Н. В. Гоголя и А. А. Иванова.

ББК 63.3(0)52

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер, 1999

Содержание

От авторов	7
Глава I. В семье	13
Глава II. Во дворце	75
Глава III. Дневник	181
Глава IV. За границей	333
Глава V. Рим	381
Глава VI. «Ночи на вилле» и «Явление Мессии»	469
Post mortem.	505
<i>Домашние прозвища Виельгорских</i>	<i>517</i>
<i>Аннотированный указатель имен</i>	<i>518</i>

От авторов

Тридцатые годы русского XIX века обычно ассоциируются с неким классическим набором персонажей. Но стоит перевести взгляд с центральных фигур эпохи на окружающий их «фон», как из обобщенной толпы «современников» выступают многочисленные лица со своими именами и жизненными историями. В последние годы интерес к личностям «второго плана» значительно вырос. Необходимый инструментарий для таких штудий содержат научные подходы, получившие название микроистории и истории повседневности. Их общим исходным теоретическим положением является признание того, что каждый человек прямо или опосредованно участвует в исторических процессах разных масштабов и уровней, от локального до глобального, и, следовательно, вписан в множество контекстов одновременно. Таким образом, само понятие «значимости» того или иного персонажа для истории в известной степени размывается. Неслучайно в контексте подобных методологических рассуждений часто звучит имя Льва Толстого, художественно обосновавшего идею абсолютной значимости каждой человеческой личности.

Жанр биографического исследования дает возможность с наибольшей полнотой раскрыть потенциал этой методологии. Соотнесение достоверных фрагментов индивидуальной биографии с широкой социокультурной панорамой, реконструкция самоощущения человека конкретной исторической эпохи возможны только при условии одновременного применения методов многих научных дисциплин антропологического круга, включая исторические, филологические, медицинские науки, искусствоведение, психологию. Пристальное рассмотрение повседневной жизни человека, его ежесекундного самоопределения в массе возможностей, предоставляемых данным типом культуры и исторической ситуацией,—самоопределения, формы которого диктуются неповторимым своеобразием личности,—способно по-новому осветить многие стороны известных исторических феноменов.

Предметом внимания микроистории традиционно выступает так называемый «маленький человек» — носитель массовой народной культуры. Это вполне объяснимо: микроистория зародилась как реакция научного сообщества на недостаточность методов глобальной социальной истории. Однако ничто не препятствует приложению этого метода к исследованию других типов культуры, в частности, культуры дворянской элиты.

Герой нашего исследования, граф Иосиф Михайлович Виельгорский (знакомые обычно звали его Жозефом), несмотря на принадлежность к весьма известной семье и близость к таким значительным фигурам, как великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II), Жуковский, Гоголь, обычно оставался на периферии внимания исследователей. Он скончался на двадцать третьем году жизни, едва выйдя из периода ученичества, не успев проявить себя

ни на служебном, ни на общественном поприще. Между тем история сохранила на удивление богатый и разнообразный материал, который проливает свет на короткую жизнь молодого Виельгорского и позволяет с редкой полнотой реконструировать мир его привязанностей, интересов и ощущений, занятий и привычек — весь его личный универсум. Неполноту сведений о ранних годах жизни мальчика удастся отчасти компенсировать существенно уточненными по многочисленным архивным документам данными об атмосфере в доме Виельгорских. С 1828 г., когда одиннадцатилетний Жозеф становится совоспитанником наследника, круг источников расширяется, появляются содержательные наблюдения над развитием его личности, сделанные педагогами. Наиболее богатый материалами отрезок биографии нашего героя приходится на 1837—1839 гг., когда его образование было уже практически завершено и для юноши настало время самостоятельного поиска моральной, социальной и национально-культурной идентичности. Именно к этому периоду относится большинство личных документов Иосифа, открывающих широкую панораму его жизни — от бытовой атмосферы до самых сокровенных переживаний. Отдельная тема исследования — восприятие молодого человека родными, приятелями, просто случайными знакомыми. Каким он был на самом деле и каким казался, что окружающие видели в нем и чего не замечали — на эти вопросы позволяют ответить письма и мемуары современников. А в гоголевских «Ночах на вилле» и подготовительных студиях Александра Иванова к «Явлению Мессии» образ Иосифа Виельгорского нашел особое — художественное — воплощение.

Виельгорские принадлежали к числу семейств, оставивших заметный след в культурной жизни России, поэтому вполне объяснимо внимание, которое уделяли старшим представителям семьи ученые, в первую очередь историки литературы и музыковеды. Первым, еще в конце XIX в., обратился к архиву и воспоминаниям Виельгорских В. И. Шенрок, заинтересовавшийся этим семейством в связи со своими гоголеведческими исследованиями. В специальной статье¹ он уделил немало места и Жозефу. Полвека спустя личность юноши и его отношения с писателем привлекли внимание искусствоведа Н. Г. Машковцева, обнаружившего портрет Иосифа кисти Иванова². В то же время активно занималась изучением семейной истории М. С. Волкова — одна из немногих родственников Виельгорских, оставшихся в СССР после революции (Жозефу она доводилась двоюродной племянницей). Даже в преклонном возрасте она хорошо помнила не только отца, С. С. Волкова, но и его двоюродных, урожденных Виельгорских. Волкова готовила к публикации комплекс фамильных документов, включавший воспоминания сестры Иосифа С. М. Соллогуб, и работала над подробной вступительной статьей. Однако осуществить эти планы ей не удалось — по всей видимости, она умерла в

¹ Шенрок В. И. Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839—1849 // Вестник Европы. 1889. № 10—11.

² См.: Машковцев Н. Г. История портрета Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л., 1936.

конце 1930-х гг., после чего ее рабочие материалы оказались в РГАЛИ³ и в Отделе рукописей РГБ⁴.

Исследование семейной истории Виельгорских возобновилось в 1980-х годах. В 1985 г. вышла статья А. С. Розанова «Ф. Лист в Риме в 1839 г.»⁵, включающая публикацию нескольких писем Иосифа. О смещении исследовательского интереса с литературно-бытового аспекта проблемы на музыковедческий свидетельствует и появление монографии Т. А. Щербаковой «Михаил и Матвей Виельгорские»⁶. Однако с точки зрения профессиональной научной критики эти труды оставляют желать лучшего, изобилуя ошибками и неточностями разного рода⁷.

К сожалению, приходится констатировать, что начатая Шенроком традиция вдумчивого изучения отношений Гоголя с молодым Виельгорским, к которой примыкают классические труды К. В. Мочульского, В. В. Зеньковского и В. В. Гиппиуса, не получила поддержки современных отечественных литературоведов. Претендующие на концептуальное осмысление гоголевского творчества работы последних лет вообще игнорируют эту тему и неразрывно связанный с ней отрывок «Ночи на вилле». Исключение составляют лишь скандально известная монография С. Карлинского⁸ и статья И. Виноградова «К истории отношений Гоголя с Виельгорскими». Последняя насыщена специфическими пассажами, характерными для распространенной ныне псевдодуховной традиции со свойственными ей вульгаризацией, морализаторским пафосом и навязчивым монархизмом: «Вера матери Иосифа была недостаточно глубока, не мог служить образцом подлинного благочестия и его отец»; «Несомненно, писатель понимал, сколь многого еще недостает одаренному юноше, чтобы стать на самом деле „правой рукой“ православного монарха», и проч.⁹

Работая над этой книгой, мы, со своей стороны, стремились возможно полнее¹⁰ воссоздать биографию Иосифа Виельгорского и рассмотреть в уникальном черты

³ Фонд 111 (М. С. Волковой) был образован в 1941 г., когда составляющие его материалы поступили в архив из Государственного Литературного музея.

⁴ Фонд 48 (Веневитиновых).

⁵ Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник на 1983 г. Л., 1985.

⁶ Щербакова Т. А. Михаил и Матвей Виельгорские. Исполнители, просветители, меценаты. М., 1990.

⁷ Так, один автор называет императора Николая I сыном Александра I, а другой вполне серьезно утверждает, что отправившись по морю из Петербурга в Гавр, можно по дороге оказаться в Марселе.

⁸ Karlinsky S. The Sexual Labyrinth of Nicolai Gogol. Cambridge, Massachusetts and London, England, 1976. Подробный анализ этого исследования в части, касающейся отношений писателя с И. М. Виельгорским, см. в главе VI нашей книги.

⁹ Наше наследие. № 46. 1998. С. 59.

¹⁰ Длительный перерыв в работе ОР РГБ, к сожалению, лишил нас возможности в полном объеме использовать хранящиеся там материалы.

типического, уловить в личной судьбе и личной трагедии то, что делает «бедного Жозефа» характерным представителем своего поколения.

Пользуемся возможностью принести искреннюю благодарность всем, кто помог нам в ходе наших изысканий: М. М. Алленову, Д. П. Баку, К. Г. Боленко, В. И. Бородулину, Е. Е. Бергер, З. И. Вишневецкой, В. С. Гречаниновой, Е. Е. Давыдовой, Е. Н. Ждановой, Р. М. Кирсановой, М. А. Колерову, А. Л. Лифшицу, В. А. Мильчиной, М. Г. Неклюдовой, П. Е. Пастернаку, Е. Л. Плотниковой, Н. С. Плотникову, В. П. Польшковской, А. В. Россохину, А. И. Серкову, А. И. Филюшкину, А. С. Янушкевичу.

Приводимые в настоящем издании документы печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации с сохранением ряда авторских особенностей написания и грамматики, характерных для эпохи. Унифицировано использование прописных и строчных букв (заглавные буквы сохранены в титулах членов императорской фамилии). Имена и отчества, титулы, названия месяцев и городов без оговорок даны в полной форме. Другие сокращения раскрыты в ломаных скобках; в квадратные заключены слова, читаемые предположительно или пропущенные в рукописи и восстанавливаемые по смыслу. Переводы иноязычных слов и выражений (кроме особо оговоренных случаев, выполненные Е. Э. Ляминой) вынесены в подстрочные примечания. В случаях относительно большого объема иноязычных вставок эти фрагменты текста даются в переводе и с обеих сторон помечаются звездочками. Дневник И. М. Виельгорского за 1838 г., впервые опубликованный нами в извлечениях в журнале «Наше наследие» (№ 46. 1998. С. 40—55)¹¹, воспроизводится полностью; комментарии к нему и помещенным в той же публикации письмам Иосифа к сестре от 25 июля и 24 августа 1838 г. существенно уточнены и дополнены.

Даты приводятся по старому стилю, если речь идет о событиях, происходивших в России; когда же действие переносится за пределы империи, указывается или двойная дата, или число по новому стилю.

Список сокращений

- Блудова— Записки графини А. Д. Блудовой // РА. 1872. № 7.
 ГАРФ— Государственный архив Российской Федерации.
 Герштейн— Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. М., 1964.
 Гоголь— Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 тт. М., 1937—1952.
 Дневники Жуковского— Дневники В. А. Жуковского с примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1903.

¹¹ Два небольших фрагмента дневника были в разное время напечатаны М. И. Гиллельсоном в составе его статей «О друзьях Пушкина» (Звезда. 1975. № 2. С. 213) и «Последний приезд Лермонтова в Петербург» (Звезда. 1977. № 3. С. 195).

Долгоруков—Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992.

Жуковский. Полн. собр. соч.—Жуковский В. А. Полное собрание сочинений под ред. А. С. Архангельского: В 10 тт. СПб., 1902.

Зиссерман—Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. Т. 1. М., 1889.

Инсарский—Записки Василия Антоновича Инсарского. Ч. 1—2. СПб., 1898.

Камер-фурьерский журнал—Журнал камер-фурьерской должности (РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Сдаточная опись 120/2322. № 139—январь 1838; № 140—февраль 1838; № 141—март 1838; № 142—апрель 1838).

Мердер—Записки К. К. Мердера // РС. 1885. № 2—7, 9, 12.

Миллер—Миллер. Путеводитель по климатолечебным местностям Южной Европы. СПб., 1876.

ОПИ ГИМ—Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР РГБ—Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Погодин—Погодин М. П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 2. М., 1844.

ПД—Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом).

РА—«Русский архив».

РГАЛИ—Российский государственный архив литературы и искусства.

РГИА—Российский государственный исторический архив (Петербург).

РИ—«Русский инвалид».

РО РНБ—Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Петербург).

Розанов—Розанов А. С. Ф. Лист в Риме в 1839 г. (по материалам семейного архива графов Виельгорских) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник на 1983 г. Л., 1985.

РС—«Русская старина».

Смирнова—Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.

Соллогуб—Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931.

Фредерикс—Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. Т. 71.

Щербакowa—Щербакowa Т. А. Михаил и Матвей Виельгорские. Исполнители, просветители, меценаты. М., 1990.

Фамильная легенда повествует о происхождении рода Виельгорских от французских аристократов Граммон, которые приехали в Польшу в свите Генриха III Валуа, в 1574 г. избранного польским королем, и, переведя свое родовое прозвание на польский язык, стали называть себя Виельгорскими¹ (Grand Mont, Gramont = Wielka Gora, Большая гора). Скорее всего, эта легенда имеет мало общего с действительностью: П. В. Долгоруков² указывает, что в начале XVI в. Виельгорские, выходцы из Червонной Руси, исповедовали православие, и окатоличились лишь позднее. Литовский великий кухмистр (обергофмаршал) Михаил Виельгорский был послом Тарговицкой конфедерации в Париже и вместе с Ж. Ж. Руссо работал над проектом польской конституции; 27 февраля 1787 г. он был возведен австрийским императором Иосифом II в графское достоинство Священной римской империи³. Его старший сын Юрий, последний польский посланник в Петербурге, в 1786 г. перешел в русскую службу, получил от Екатерины II чин камергера и вскоре женился на фрейлине Софье Дмитриевне Матюшкиной (впрочем, российское подданство он принял только в 1794 г.⁴). Матюшкины состояли в свойстве с Романовыми: в 1626 г. царь Михаил Федорович и стольник Иван Матюшкин женились на родных сестрах—дочерях Лукьяна Стрешнева. По матери молодая графиня Виельгорская происходила из рода князей Гагариных. Из политических соображений—в преддверии второго раздела Польши—Екатерина II поощряла подобные браки польских магнатов (примерно в эти же годы представители рода Браницких, Пассеков и др. также женились на русских). Со стороны Юрия Виельгорского

¹ Впоследствии эта труднопроизносимая для русских фамилия варьировалась на разные лады: Вьельгорский, Вельегорский, Вилигорский, Вельгурский и проч. В настоящее время принято написание Виельгорский.

² Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. С. 95.

³ Диплом на пожалование графского достоинства см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. № 1096. Л. 10 (копия его сохранилась в том же архиве: Ф. 1681. Оп. 1. № 113).

⁴ Его прошение об этом см.: РГИА. Ф. 938. Оп. 1. № 611.

этот союз был, видимо, дипломатическим шагом: А. В. Храповицкий 24 ноября 1787 г. упоминает в дневнике о недовольстве императрицы «Вилегурским, сватающимся на Матюшкиной», который «явился бездельником и берет ее только для денег; он писал к любовнице своей, да еще к другой, на коей был помолвлен. Он в одно время трех обманывает»⁵.

Появлявшихся на свет детей крестили, видимо, в католической вере: во всяком случае, 5 июня 1794 г. в Царском Селе Екатерина II стала восприемницей от купели сразу четверых сыновей Ю. М. Виельгорского⁶. В лоно православия перешли старшие Михаил и Иосиф, родившиеся соответственно 31 октября 1788 и 12 марта 1790 г., а также Юрий и Александр⁷, точные даты рождения которых нам неизвестны. Младенец Матвей, появившийся на свет 15 апреля 1794 г., в этой церемонии не участвовал, поскольку был сразу крещен по православному обряду. В фонде Виельгорских в Рукописном отделе Пушкинского дома сохранились четыре силуэтных портрета детей, скорее всего, мальчиков приблизительно шести, восьми, десяти и четырнадцати лет, наклеенные на один лист бумаги⁸. К сожалению, точно определить личности изображенных невозможно.

С восшествием на престол Павла I Ю. М. Виельгорский стал гофмаршалом, тайным советником и сенатором. Его сыновья были пожалованы в кавалеры ордена св. Иоанна Иерусалимского⁹. По-видимому, дети стали мальтийскими кавалерами вслед за отцом или одновременно с ним.

⁵ Памятные записки А. В. Храповицкого... М., 1990. С. 44.

⁶ Сохранилось свидетельство Придворной Конторы об этом событии (ПД. Ф. 50. № 198). См. также запись в Камер-фурьерском церемониальном журнале 1794 г. (СПб., 1893. С. 429).

⁷ В мае 1802 г. появился на свет сын Ю. М. Виельгорского от второго брака, также названный Александром (Долгоруков, впрочем, указывает двойное имя—Эдуард-Александр—видимо, дань нерусскому происхождению родителей). Одновременное существование двух сыновей с одним именем в дворянской семье этой поры представляется маловероятным (хотя в XVI—XVII вв. такое явление было широко распространено), поэтому не исключено, что старшего Александра Юрьевича к этому времени уже не было в живых.

⁸ ПД. Ф. 50. № 211.

⁹ См. письмо императрицы Марии Федоровны к А. А. Матюшкиной от 18 декабря 1799 г. об этом (ПД. Ф. 50. № 151; ср. указание в формулярном списке Мих. Ю. Виельгорского (1850)—РГИА. Ф. 938. Оп. 1. № 42).

Ю. М. Виельгорский, будучи большим любителем музыки, одним из учредителей Петербургского филармонического общества, всячески старался развивать незаурядные музыкальные способности своих детей. Старший, Михаил, лет с десяти начал брать уроки игры на скрипке. К 1801 г. относятся его первые композиторские опыты; контрапунктом с ним занимался И. Г. Миллер, гармонией—испанский композитор В. Мартин-и-Солер¹⁰, автор ряда популярных опер-буффа. Однако наибольшую музыкальную славу семейству впоследствии доставил не Михаил Юрьевич, а его брат Матвей, выдающийся виолончелист¹¹.

В 1796 г. умерла С. Д. Виельгорская, и заботу о детях приняла на себя бабушка, статс-дама А. А. Матюшкина—одна из авторитетнейших фигур петербургского большого света. После нескольких лет вдовства Ю. М. Виельгорский женился вторично—на красавице Елизавете Станиславовне Сиверс (урожденной Снарской); в 1802 г. родился его последний ребенок, сын Александр, а два года спустя жизнь семьи резко переменялась: скончалась А. А. Матюшкина, и в тот же год Виельгорские покинули Петербург. Юрий Михайлович решил на время переселиться в Париж, «желая напечатать свои сочинения и вместе с тем заботясь об окончательном воспитании сыновей своих»¹². Уезжая, Виельгорские решили расстаться с частью своей нотной библиотеки. Судя по тексту объявления о ее продаже, это было одно из крупнейших собраний такого рода в Петербурге, а может быть, и в России: «Любители музыки уведомляются, что в музыкальном магазине господина Феврие, состоящем в Садовой улице, против железных ворот Михайловского дворца¹³, продается собрание нот, принадлежащих ее сия-

¹⁰ О полученном Мих. Ю. Виельгорским музыкальном образовании см.: Щербакова. С. 13; ряд сведений почерпнут нами из рукописных материалов композитора и музыкального критика А. С. Фаминцына (РО РНБ. Ф. 805. № 64. Л. 151—153).

¹¹ См. об этом: Гинзбург Л. С. История виолончельного искусства. Кн. 2. Русское виолончельное искусство до 60-х годов XIX в. М., 1957. С. 278—330.

¹² Н. М[ундт?] Графы Виельгорские-Кирде // Энциклопедический лексикон. Т. 10. СПб., изд-во А. А. Плюшара, 1837. С. 527. Из принадлежащих перу Ю. М. Виельгорского сочинений теоретико-политического характера, оставшихся неизданными (некоторые сохранились в ПД. Ф. 50), широкой известностью пользовался трактат «О воспитании российского дворянского юношества», который расходился в списках.

¹³ Имеется в виду Михайловский (Инженерный) замок—бывшая резиденция императора Павла I.

тельству графине Виельгорской. Оно состоит из 600 квартетов, 200 квинтетов, секстуоров и разных симфоний, более 400 арий, дуэтов, триоров, для пения 40 портиций¹⁴ французских опер, более 500 сонат, концертов и проч. для клавикордов. Все сии ноты хорошо переплетены и сие редкое собрание, составленное новейшими сочинителями, как то: Моцартом, Гейденом, Геслером, Клементием, Дюшекком, Бетговенем, Враницким, Жировецом, Сартием, Пейзиеллом и проч. можно купить за весьма сходную цену. В том же магазине продаются принадлежащие той же особе славные Клементиевы клавикорды о шести полных октавах, спинет и клавикорды, деланные в Петербурге»¹⁵.

Поместив дочерей в Смольный институт, Виельгорские взяли с собой только мальчиков, хотя Михаил, которому в то время было шестнадцать лет, уже числился состоящим в службе¹⁶. Весной 1804 г. по дороге в Европу семейство сделало остановку в Риге. Неизвестные нам обстоятельства (возможно, болезнь графини) помешали продолжению путешествия, а образование летом 1805 г. третий антифранцузской коалиции с участием России и вовсе сделало невозможной поездку во Францию; в итоге семейство обжилось в этом городе, занятия детей, светская и музыкальная жизнь вскоре пошли своим чередом, возобновилось ансамблевое музицирование, исполнение фортепьянных переложений симфонических произведений Моцарта, Бетховена, Баха и Генделя, домашние постановки итальянских опер и французских пасторалей. В музицировании принимали участие все сыновья Ю. М. Виельгорского; известно, что Михаил исполнял партию альты в струнных квартетах, хорошо играл на гитаре и выступал в качестве певца. Благодаря этим концертам дом Виельгорских превратился в наиболее из-

¹⁴ Партитур.

¹⁵ Санктпетербургские ведомости. 1804. С. 1823. По мнению А. С. Розанова (комментарий к изд.: Столпянский П. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989. С. 212), собрание принадлежало первой жене Ю. М. Виельгорского. Это возможно: в таком случае объясним сам факт продажи, однако остается неясным, почему ноты названы не «принадлежавшими», а «принадлежащими» графине Виельгорской. «Клементиевы клавикорды» — изготовленные на одной из фабрик, принадлежавших композитору М. Клементи.

¹⁶ 4 января 1804 г. он был причислен к Коллегии иностранных дел, а через день пожалован «в камер-юнкеры V класса с оставлением в ведомстве той же коллегии». Здесь и далее сведения о службе Мих. Ю. Виельгорского даются по формулярному списку — РГИА. Ф. 938. Оп. 1. № 42.

вестный музыкальный салон города¹⁷. Одним из его посетителей был К. Н. Батюшков, который летом 1807 г. лечился в Риге после ранения¹⁸. Хотя знакомство поэта со старшим из сыновей Ю. М. Виельгорского не переросло в дружбу, несколько лет спустя Батюшков вернувшись к впечатлениям того времени в поэтическом послании к другу:

О ты, владеющий гитарой трубадура,
Эраты голосом и прелестью Амура,
Вспомни, милый граф, счастливы времена,
Когда нас, юношей, увидела Двина!
(...) сердце в той стране с любовью отдыхало,
Где я узнал тебя, мой нежный трубадур!
Обетованный край, где ветренный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилен образует (...)
Вливает томный огонь и в очи и в уста,
А в сердце юное — любви прямое чувство¹⁹.

Батюшков пробыл в Риге около двух месяцев и в июле 1807 г. покинул город. Виельгорские также недолго после этого оставались в Лифляндии. Возможно, они решили все-таки продолжить прерванное путешествие, но когда семья уезжала из Риги, графини уже не было в живых, а в 1808 г. в Кенигсберге скончался и Юрий Михайлович. Это заставило его сыновей в очередной раз изменить свои планы и вернуться в Петербург. Примерно в это время Михаил Юрьевич вступил в столичную масонскую ложу «Palestine», членами которой были преимущественно французы²⁰. «Вольными каменщиками» были его отец и дед, и от них он должен был унаследовать немалое количество «братских» связей и знакомств по всей Европе, что несомненно облегчило бы ему вхождение в аристократические салоны тех столиц, которые он планировал посетить.

Достоверными сведениями о начале этого долгожданного вояжа мы не располагаем, неизвестно даже, кто еще из братьев помимо Ми-

¹⁷ Rudolf M. Rigaer theater- und tontkunstler Lexicon. Riga, 1890. S. 264.

¹⁸ Батюшков был ранен в сражении при Гейльсберге 10 июня 1807 г.

¹⁹ Батюшков К. Н. Сочинения. М., 1955. С. 111. «Послание (графу) В(елеурско)му» принято датировать концом декабря 1809 г.

²⁰ Здесь и далее мы опираемся на уточненные данные о масонской деятельности Мих. Ю. Виельгорского, любезно предоставленные нам А. И. Серковым.

хаила Юрьевича отправился тогда за границу. В Европе молодого Виельгорского интересовала в первую очередь музыкальная жизнь. Проезжая через Вену, он познакомился с Бетховеном и в числе немногих слушателей присутствовал 22 декабря 1808 г. при первом исполнении четвертого фортепианного концерта, Пятой и Шестой («Пасторальной») симфоний. «Одинок сидел он в нумерованных креслах, и Бетховен, выйдя на вызов, послал ему со сцены полудружеский, полуиронический поклон»,—сообщает, опираясь на устные воспоминания самого Виельгорского, его знакомец, немецкий пианист и музыкальный критик Ф. фон Гиллер²¹. В Париже Михаил Виельгорский проходил курс контрапункта под руководством композитора Луиджи Керубини, в то же время он вращался в высшем обществе, был принят в салоне близкой родственницы Наполеона, молодой нидерландской королевы Гортензии де Богарнэ, и сопровождал ее на фортепиано ее пению. Мих. Ю. Виельгорский вернулся в Петербург, вероятно, не позднее 1811 г. Службой он по-прежнему не был обременен, однако чин V класса, соответствующий рангу вице-губернатора, и придворное звание камер-юнкера обеспечивали ему высокое общественное положение. Незначительные перемены в его служебном статусе произошли в апреле 1812 г., когда из Коллегии иностранных дел он был переведен в ведомство народного просвещения. А несколькими месяцами ранее, 23 января, А. Я. Булгаков сообщал брату свежую новость: «Молодой Виельгорский женится на меньшей Бирон»²².

Курляндский дворянский род Биронов известен с XVI в., но вплоть до блистательного возвышения самого известного своего представителя он не отличался ни знатностью, ни богатством. Владетельным герцогом Курляндским и Семигальским Эрнст Иоганн Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны, стал в 1737 г., но в марте 1795 г. его старший сын Петр добровольно отрекся от курляндского престола в связи с окончательным вхождением этой части Прибалтики в состав России. В качестве компенсации Бироны получили значительную денежную сумму и крупные поместья во внутренних губерниях.

²¹ Цит. по: Письма Бетховена. 1807—1811. М., 1970. С. 303. Поклонником музыки Бетховена был и отец Мих. Ю. Виельгорского, и его дядя Михаил Михайлович, в 1795 г. в Вене подписавшийся на изданные композитором три больших трио для фортепьяно, скрипки и виолончели (Там же. С. 469).

²² РА. 1900. № 5. С. 7. Оригинал по-французски.

Фрейлина Екатерина Бирон, невеста Мих. Ю. Виельгорского, была дочерью генерал-майора русской службы Карла Эрнста Бирона, младшего сына знаменитого временщика, и княжны Аполлонии Матвеевны Понинской. Помимо четырех братьев и сестер, умерших в младенчестве, у нее было два старших брата (Густав Каликст и Петр Алексей) и старшая же (на два года) сестра Луиза. В 1800 г. К. Э. Бирон овдовел, и его малолетних дочерей взяла под свое покровительство императрица Мария Федоровна. Они были помещены в Смольный институт; все расходы по содержанию сирот нес император: сначала Павел I, потом Александр I. Через год девочки лишились отца и с этих пор оказались полностью замкнутыми в небольшом мире Смольного: их старший брат жил за границей, младший же, находившийся на русской службе, крайне редко навещал сестер, поскольку условия воспитания в институте предполагали полную изоляцию детей от родных. Луиза и Екатерина Бирон находились в Смольном на привилегированном положении: жили в отдельных комнатах, а не в дортуарах, как прочие воспитанницы, обедали с начальницей института, а не за общим столом, имели даже свою гувернантку. Впрочем, это лишь отчасти скрашивало для них тяжелое переживание сиротства. Позднейшее страстное материнство старшей принцессы Луизы и ее неприятие наемных воспитателей, становящихся между матерью и детьми, вероятно, восходит именно к этим невеселым годам.

Девицы Бирон вышли из института вместе, в 1809 г.; Луиза, очевидно, училась лучше сестры и была выпущена с шифром²³. Императрица Мария Федоровна продолжала их опекать, поэтому во фрейлины были пожалованы обе молодые принцессы. Ф. А. Бюлер, внук Е. А. Пальменбах, бывшей в 1797—1802 гг. начальницей Смольного, передает воспоминания своей бабушки о фрейлинах Бирон, доводившихся ей двоюродными сестрами²⁴: «Братья их (...) пользовались на высочайших выходах правом следовать из внутренних апартаментов *непосредственно за императорскою фамилиею* (...) принцессы Луиза и Екатерина кичились тем, что если бы дядя их герцог Петр не уступил Курляндии России, то сами они могли бы иметь при себе фрейлин»²⁵. В этой над-

²³ Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц... Т. 3. Пг., 1915. С. 502.

²⁴ Мать Е. А. Пальменбах—баронесса Черкасова, урожденная Бирон, была родной сестрой отца Луизы и Екатерины.

²⁵ РС. 1890. № 3. С. 831.

менности, очевидно, давало себя знать уязвленное честолюбие захудалого дворянского рода, внезапно вознесенного на один уровень с владетельными фамилиями Европы и столь же внезапно вновь низведенного до уровня подданных. Брак с графом Виельгорским с точки зрения амбициозных Биронов мог представляться мезальянсом, однако есть сведения, что эту свадьбу устроила сама императрица Мария Федоровна²⁶. Венчание состоялось в Большой церкви Зимнего дворца 18 февраля.

В июне 1812 г. Михаил Юрьевич с молодой женой и братьями отправился в Москву, чтобы присутствовать на бракосочетании своей сестры Дарьи с С. А. Волковым 5 июля. Покидая Петербург, они, скорее всего, еще не знали о том, что началась война (неофициальное известие о переходе армии Наполеона через Неман пришло в столицу 17 июня). Через несколько дней после их приезда в Москву М. А. Волкова делилась со своей петербургской подругой В. И. Ланской первыми впечатлениями от встречи с будущими родственниками: «Я познакомилась с моей невесткой и со всем ее семейством. Они все очень приятные люди. Жена Михаила Виельгорского более дитя, нежели обыкновенно бывают в ее годы; но она так мила, так старается всем угодить, что невольно находишь прелесть в ее наивности»²⁷. Ланскую, видимо, не удовлетворила эта беглая характеристика, и 8 июля ей был отправлен целый очерк: «Тебе интересно знать мое мнение о семействе Виельгорских. Вот три недели, как я вижу с ними с утра до вечера и потому могу судить о них. Жена Виельгорского премилый ребенок, но не более как ребенок, которого необходимо руководить; ей нужно давать советы, сдерживать ее подчас, так как у нее довольно упрямый характер; я замечаю, что в семействе о ней имеют мнение одинаковое с моим. Муж ее добрейший из людей, но бесхарактерный; ему не справиться с ней, тем более, что он дает вертеть собой как угодно, почти всегда исполняет волю Катиши, и я ему предсказываю, что через два или три года он постоянно будет плясать по ее дудке. Впрочем, она очень мила и в обществе весьма приятна. Что касается до ее ребячества, не могу дать тебе лучшего образчика его, как рассказав,

²⁶ Записки графа Н. Е. Комаровского. М., 1912. С. 41.

²⁷ РА. 1872. Кн. 2. Стлб. 2378—2379 (письмо от 24 июня 1812 г.). «Невестка»— Д. Ю. Виельгорская (в примечании к публикации содержится неверное указание на то, что речь идет о Луизе Бирон—старшей сестре Е. К. Виельгорской).

что она понять не может, почему настоящая война всех интересует. Я из сил бьюсь, объясняя ей, что от этого зависит общее спокойствие; слова мои даром пропадают: она гораздо более думает о кружевах и тряпках, нежели о судьбе страны, в которой живет. На первых порах я заметила в ней желание разыгрывать петербургскую барыню (впрочем, со мной она всегда очень вежлива) в отношении некоторых особ, которых она даже оттолкнула своим обращением. Третьего дня, оставшись одна с ней и Дашей, я начала разговор о том, какое неприятное впечатление производит важничанье особ, приезжающих из Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смешно нам, москвичам. Я прибавила, что такие особы обыкновенно бывают всеми покинуты, так как у нас не любят тех, кто высоко задирает нос. (...) — Катюша разделала мое мнение, и до сих пор мы с нею большие друзья. Что касается Даши, то она так кротка, так добра, что такого рода мысли ей и в голову не приходят. Из младших братьев я больше всех люблю Матвея. Иосиф слишком дик. Впрочем, теперь он более общителен; прежде, говорят, он кроме как с своей сестрой ни с одной женщиной не разговаривал. Самый младший²⁸ премилый. Вообще все семейство преприятное; они все дружны между собою, что так редко встречаешь в нашем веке»²⁹.

15 июля Волкова сообщает о том, что Матвей Виельгорский вступил в армию³⁰; в начале 1813 г. генерал В. С. Трубецкой взял его к себе в адъютанты. Возможно, он считал молодого графа своим свойственником по первой жене — герцогине Екатерине Фридерике Бирон, с которой он, впрочем, развелся еще в 1806 г., прожив в этом браке только год. Ровно через месяц после поступления Матвея на военную службу молодые Волковы уехали из Москвы, к которой приближался неприятель. Возможно, с ними отправились и Виельгорские: беременной Екатерине Карловне необходимо было находиться в окружении родственников. Через некоторое время М. А. Волкова с матерью и

²⁸ Александр, сын Ю. М. Виельгорского от второго брака.

²⁹ РА. 1872. Кн. 2. Стлб. 2381—2383.

³⁰ Вступив корнетом в 3-й Украинский казачий полк, Матв. Ю. Виельгорский затем перешел в Кавалергардский полк. В начале 1821 г. после тяжелой болезни он перевелся в Псковский полк, где служил до выхода в отставку в 1826 г. (в чине полковника).

своими кузинами Валуевыми также покинула столицу. В конце августа все они наконец съехались в Тамбове. Однако Виельгорские не задержались в переполненном беженцами городе и вскоре, видимо, отправились дальше — в принадлежавшее им село Ерлево Керенской округи Пензенской губернии. Михаил Юрьевич все время находился в разъездах. 22 октября Волкова из Тамбова писала Ланской: «Михайло Виельгорский уже три дня как здесь и нынче едет в пензенское свое имение, где оставил жену, и намерен пробыть там до зимы. Вероятно, по первому снежному пути вернется в Тамбов. Катиша, Даша, Валуевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжем»³¹. Впрочем, как оказалось, Екатерина Карловна иначе представляла свое ближайшее будущее. Она наверняка переписывалась с сестрой, находившейся в Петербурге, и делилась с ней своими планами. Возможно, именно через старшую Бирон Ланской стало известно о намерении Катиши приехать для родов в столицу. Сообщив об этом Волковой, она вызвала немалое изумление: «Виельгорские и не думают ехать в Петербург. Очень может быть, что Катиша сюда приедет родить, так как [так что?] вскоре здесь соберется вся их семья»³². И все же Волкова явно поторопилась, уверяя свою корреспондентку в том, что Виельгорские не поедут далее Тамбова. «Упрямый характерец» молодой графини дал себя знать; в письме от 17 декабря звучат ноты досады и тревоги: «Не стыдно ли вам отнимать у нас Виельгорских? — пишет Волкова. — Впрочем, берите их. Катиша непременно хочет ехать вопреки всему семейству и своему бесхарактерному мужу»³³.

Следствия этой неразумной настойчивости, которой Михаил Юрьевич не сумел противостоять, оказались трагическими: Виельгорские не доехали до Петербурга, и 31 января 1813 г. в разрушенной Москве Екатерина Карловна умерла в родах³⁴.

Письма Волковой к Ланской со времени опубликования приобрели широкую известность — в первую очередь потому, что в значительной

³¹ РА. 1872. Кн. 2. Стлб. 2408. Упоминание Е. К. Виельгорской, находившейся в это время в пензенском имении, объясняется, вероятно, тем, что ее муж рассказывал родным о ее занятиях.

³² Там же. Стлб. 2416 (письмо от 28 октября 1812 г.).

³³ Там же. Стлб. 2431.

³⁴ В опубликованных письмах Волковой имя молодой графини более не упоминается; о дате смерти Е. К. Виельгорской см.: РС. 1890. № 3. С. 830.

их части речь идет о событиях Отечественной войны. В частности, они послужили Льву Толстому при работе над «Войной и миром» одним из пособий для изучения интересовавшей его эпохи; так, отмечалось, что слог писем княжны Марьи Болконской к ее подруге Жюли Карагиной отчасти воспроизводит приемы эпистолярного стиля М. А. Волковой. Основательное знакомство писателя с этим источником могло оказать влияние еще на один образ — княгини Lise Болконской, прототипом которого послужила Е. К. Виельгорская, вернее, то, как ее рисовала в своих письмах Волкова.

Традиционно принято считать, что в «маленькой княгине» Толстой запечатлел некоторые черты Луизы Ивановны Труссон, которая в 1842 г. стала женой А. А. Толстого, троюродного брата писателя. На обратной стороне ее портрета, находившегося в яснополянском доме, рукой С. А. Толстой была сделана помета, удостоверяющая, что Луиза Ивановна — прототип Лизы Болконской³⁵ (скорее всего, здесь имелось в виду в первую очередь сходство внешности и отчасти имени: Lise — Louise). К семейным толстовским воспоминаниям восходит также описание смерти княгини в родах — такова же была кончина матери писателя, умершей в 1830 г. при рождении дочери Марии.

В ходе работы над «Войной и миром» образ «маленькой княгини» не претерпел никаких существенных изменений, оставаясь таким же, как был намечен еще в первом варианте романа, создававшемся одновременно с чтением писем Волковой. Сопоставление текстов свидетельствует, что общих черт в облике героини Толстого и Е. К. Виельгорской так много, что едва ли можно говорить о случайном совпадении. Прежде всего это свежесть и молодость княгини, о которых неоднократно упоминает писатель, ее подчеркнута детская беспомощность («детский страх неотвратимого физического страдания», «заплакала детски-страдальчески») и «игрушечная» миловидность. В толстовских портретах Lise бросается в глаза обилие уменьшительных суффиксов: «хорошенькая», «маленькая», «толстенькая, румяная», «прелестное, детское личико», «прекрасные глазки», «румяный, прелестный ротик с губкой, покрытою черными волосиками». «Ах, André! Quel trésor de femme vous avez»³⁶ (...) Она совершенный ребенок, такой милый, весе-

³⁵ Кандиев Б. И. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М., 1967. С. 130.

³⁶ Андрей! Какое сокровище твоя жена (фр.; пер. Л. Н. Толстого).

лый ребенок (...) Она так мила, так добра (...)» — так говорит княжна Марья о своей невестке, явно вторя описанию Катиши Виельгорской у М. А. Волковой («более дитя, нежели обыкновенно бывают в ее годы; но она так мила (...) премилый ребенок»³⁷).

Сходство поддерживается и тем, что «маленькая княгиня» изъясняется по-французски, окружающие зовут ее чаще Lise, чем Лиза, подобно тому, как Е. К. Виельгорскую близкие называют также на французский манер Катишей; совпадает, что небезынтересно, и отчество, и немецкое происхождение: Болконская (урожд. Мейнен) — Елизавета Карловна, Виельгорская (урожд. Бирон) — Екатерина Карловна. Lise в совершенстве владеет искусством светского обращения, салонной *sauteserie*³⁸. На вечере у Анны Павловны Шерер, в своем петербургском доме, в Лысых Горах — везде она ведет себя одинаково, дифференцируя лишь приемы обращения с мужчинами и женщинами: «капризно-игривым тоном», «подмигнув», «погрозила пальчиком» — таковы ремарки романиста. В сущности, она не мыслит себя без этой стихии и не умеет жить иначе, даже оказавшись в доме своего сурового свекра, где ее столичный лоск выглядит неуместным ломаньем. Точно так же и Виельгорская, по свидетельству Волковой, пыталась в Москве «на первых порах (...) разыгрывать петербургскую барыню».

Героиня «Войны и мира» при всей доброте и очаровании крайне пуста и даже глуповата. Ей трудно уразуметь, чем военное время отличается от мирного: «Я не понимаю, решительно не понимаю, отчего мужчины не могут жить без войны. (...) Ah! ne me parlez pas de ce départ, ne m'en parlez pas. Je ne veux pas en entendre parler»³⁹, — говорит она Пьеру об отъезде мужа в действующую армию. Тем же «капризно-игривым» тоном отзывается поведение Катиши Виельгорской в передаче Волковой: «Она понять не может, почему настоящая война всех интересует. Я из сил бьюсь, объясняя ей, что от этого зависит общее спокойствие; слова мои даром пропадают». Замкнутость Lise в ее «дамском» мирке подчеркнута характером ее немногочисленных занятий:

³⁷ Как с ребенком обращается с женой и князь Андрей: «погладил ее по голове», ср. сцену объяснения княгини с мужем в присутствии Пьера Безухова (т. I. Ч. I. Гл. 6).

³⁸ Болтовня, легкий разговор (фр.).

³⁹ — Ah! не говорите мне про этот отъезд, не говорите. Я не хочу про это слышать (фр.; пер. Л. Н. Толстого).

на вечере у Шерер она работает над каким-то рукоделием— вероятно, приданым для будущего младенца, в Лысых Горах заботливо наряжает княжну Марью. Тот же мотив прослеживается и у Волковой в связи с Катишей Виельгорской: «гораздо более думает о кружевах и тряпках», «прилежно вяжем». Совпадает и общий очерк биографий обеих женщин: молодые, воспитанные в столичном свете, они против собственного желания оказываются в деревне, панически— и, как выясняется, пророчески— боятся родов и собственной гибели. В эту канву естественно вплетаются и упомянутый Lise в разговоре с княжной Марьей «случай, который был с ними на Спасской горе, грозивший ей опасностью в ее положении», и настойчивое стремление Катиши в Петербург.

Толстой подметил характерный образ Е. К. Виельгорской в письмах Волковой в то время, когда всякая память об этой женщине уже давно изгладилась. Мы не знаем, долго ли грустил о своей утрате Мих. Ю. Виельгорский. Едва ли он задержался в опустошенной Москве после похорон жены и младенца. Направился ли он в одно из своих имений, чтобы провести первое время траура в деревенском уединении, или же сразу поехал в Петербург, неизвестно. Весной 1814 г. он снова посетил Москву. Эта поездка могла быть связана и с желанием повидать сестру и племянника⁴⁰, навестить могилу жены (истек год со дня ее смерти), и с масонской деятельностью, которой Михаил Юрьевич, овдовев, предался с особенным энтузиазмом. К этому времени он тесно сблизился с одним из самых авторитетных русских «вольных каменщиков» И. А. Поздеевым⁴¹ и с его благословения вместе с С. С. Ланским и А. П. Римским-Корсаковым вошел в «триумвират» руководителей петербургских масонов союза Великой провинциальной ложи. Поздеев жил в это время в своем вологодском имении, селе Нелюбовском Кадниковского уезда. В письмах к Виельгорскому он не только дает указания относительно деятельности в рамках ордена (приемы в ложу, духовное руководство братьями, практические советы по взаимодействию с властями), но подбадривает, утешает и наставляет молодого человека, по возрасту годившегося ему в сыновья.

⁴⁰ Сын Волковых Сергей родился в 1813 г.

⁴¹ Знакомство с Поздеевым относится, по всей вероятности, к первой половине 1800-х гг. (ср. письма к нему Виельгорского, приблизительно датируемые этими годами— РО РНБ. Ф. 141. № 144).

В январе 1815 г. в письмах Поздеева возникает тема новой сердечной привязанности Михаила Юрьевича и предполагаемой женитьбы, путь к которой по каким-то причинам непрост и изначально драматичен. Это сопровождается предписаниями быть твердым, настаивать на своем: духовному наставнику Виельгорского, несомненно, была известна и печальная история первой жены графа, и то, какую роль сыграла в этом его бесхарактерность.

«Не унывайте и будьте бодрственны и положитесь на Бога! как ему угодно, так да исполнится, а пребудьте только верны Богу и Ону⁴², а женитца не запрещено, а естли женитесь—будте только мужем, а не женою, будте вы командиром, то и себя спасете и ее, вот должность мужа и ваша,—писал Поздеев 15 января 1815 г.—Вы, яко из брр.⁴³, еще и паче имеете в должности желать спасения особливо той, ково вы хотите сблизить с вами, вы должны делаться средством для спасения, обращая себя к первому! спасающему всех! вспоминайте Бога! Любите ее, естли жена вам надобна, просите ево⁴⁴, даст вам и жену. (...) Пишите ко мне, не стыдитесь, вам недолжно меня стыдиться ни в чем, уже меня ничем не удивите. Помните, что я люблю вас»⁴⁵.

Увлечение Виельгорского тем временем переросло в страсть—столь сильную, что Поздеев, искренне жалея молодого человека и тревожась о его духовном здоровье, засыпает его назиданиями. Поначалу полусутоливые, они затем делаются все более серьезными: «не заглядывайтесь на глаза девиц»; «вся да плотская любовь не отвлечет вас от службы Божией»; «читайте о ислении и сожжении вещей, то вам лехче будет от страсти и уповайте, взирая на страдания [того], за нас которой что претерпел»⁴⁶. Определенное указание на личность избранницы Виельгорского возникает в этих письмах весьма поздно—только в апреле 1816 г.: «весьма желаю, мой любезнейший друг, да сохранит вас Господь и вашу почитаемую своячину»⁴⁷, ибо вы ее спасли по прежней

⁴² Ордону.

⁴³ Братьев.

⁴⁴ Над строкой: Бога.

⁴⁵ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 7—7 об. При цитировании этих писем частично сохранены орфография и пунктуация подлинника.

⁴⁶ Там же. Л. 9 (письмо от 22 января 1815 г.); л. 12 (4 февраля 1816); л. 13 (12 апреля 1816). «Рассуждение об ислении...» (М., 1816)—масонский трактат.

⁴⁷ свояченицу.

истории и все семейство». Что означает последний намек — непонятно, зато становится ясен драматизм событий: брак с Луизой Карловной, сестрой покойной жены и, следовательно, ближайшей родственницей, для Михаила Юрьевича как православного был категорически невозможен. Однако Бироны исповедовали католичество, что оставляло влюбленным некоторое пространство для маневра.

По всей видимости, решившись выйти за Виельгорского, Луиза Бирон еще в 1815 г. обратилась за позволением к католическому митрополиту Сестренцевичу-Богушу. Тот установленным порядком отправил запрос в Ватикан, откуда соответствующий документ за подписью архиепископа тосканского Северолли был получен не позднее 23 декабря⁴⁸. Таким образом, первая часть плана была осуществлена вполне успешно: диспенса⁴⁹ стала гарантией того, что последующие действия Луизы будут хотя бы с точки зрения католической церкви считаться вполне законными. Имея на руках бумагу из Ватикана и дождавшись конца русского Великого поста, Михаил Юрьевич и Луиза Карловна 23 апреля 1816 г. тайно обвенчались⁵⁰ в православном храме села Ульянки на восьмой версте Петергофского тракта⁵¹. С точки зрения русской церкви это венчание было абсолютно незаконным: и молодым, и священнику, и другим участникам церемонии по закону грозило суровое наказание. Однако С. С. Ланской и А. П. Римский-Корсаков все же отважились быть шаферами. Не приходится сомневаться, что в этом случае ими двигало чувство масонской братской верности. Кроме того, в силу своих убеждений они вообще равнодушно относились к религиозной казуистике, воспрещавшей православному брак со свояченицей.

⁴⁸ Этим числом датирован документ за подписью Сестренцевича, подтверждающий законность будущего брака (ПД. Ф. 50. № 153. Л. 2).

⁴⁹ Разрешение на брак между близкими родственниками. Ср. свидетельство, относящееся к середине 1820-х гг.: «Папа не имеет в России власти, но по спорным разводам, по женитьбам на родственниках (...) Россия предоставила ему [право] решать» (цит. по: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 149). Оригинал диспенсы неизвестен.

⁵⁰ Спустя сорок лет Мих. Ю. Виельгорскому пришлось еще раз быть причастным к подобной драматической ситуации. В 1854 г. он был свидетелем на тайном венчании великой княгини Марии Николаевны с графом Г. А. Строгановым (по-луанекдотический рассказ об этом см.: Долгоруков. С. 127).

⁵¹ См.: Записки графа Н. Е. Комаровского. М., 1912. С. 41. В 1827 г. там же венчался со своей двоюродной сестрой М. А. Корф (см.: РО РНБ. Ф. 380. № 1. Л. 41 об.).

Через много лет графиня Виельгорская сама поведала детям романтическую историю своего замужества; ее дочь Софья спустя еще несколько десятилетий внесла в свои мемуары эти рассказы матери— в том виде, как они ей запомнились. По ее словам, сразу же после венчания новобрачная как ни в чем не бывало вернулась во дворец. Из письма Поздеева известно, что молодожены уже на следующий день уведомили о своем браке императорскую фамилию. Кому они открылись сначала—Александрю I или его матери, неясно, однако произошло именно то, на что они надеялись: союз был признан *de facto*, хотя и не без неудовольствия. Следствием этого явилось официальное высочайшее позволение венчаться по католическому обряду. 25 апреля Виельгорский поспешил уведомить обо всем своего духовного руководителя. В ответ тот сердечно поздравлял его: «Видите ли, мой любезнейший граф Михаил Юрьевич! как Бог дал исполниться воле вашей и вашей теперешней супруги? Видите: духовенство западное и восточное позволило и государь соизволил: словом, все правительство позволило, как вам не благодарить Бога (...) а ездить в чужие земли отнюдь ненадобно, так мне кажется. Уже вы ездою вашу прежде испытали.— Вы пишете, не без великих слез это исполнилось, то скажите, перед кем же плакали?—Советовал бы остаться, как вы пишете, на прежней ноге, естли к вам милостивы. (...) хорошо, что друзья ваши вас и при сем не оставили.—Вы пишете, поручителями были гр. Милорадович, гр. Остерман и князь Голицын⁵², в чем же были поручителями⁵³? Скажите: удалиться вам не для чего, все знают! сначала поговорят, а после и оставят, всё так делается. Публика барыня говорливая, да ненадолго»⁵⁴. Сцена объяснения Виельгорских с государем, вне всякого сомнения, была полна драматизма; сами события наделали немало шума (известно, например, что Е. А. Пальменбах была шокирована поступком своей молодой кузины и, «справедливо считая такой брак *нарушением церковных канонов*, отказалась принять визит новобрачных, нисколько не стесняясь тем, что они пользовались весьма почетным положением при дворе; с тех пор она и ее дочери⁵⁵ порвали

⁵² Неустановленное лицо.

⁵³ Возможно, речь идет о ручательстве за то, что Мих. Ю. Виельгорский не станет переходить в католичество.

⁵⁴ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 16—17.

⁵⁵ Софья, Александра и Екатерина.

всякие связи с курляндскими Биронами и перестали считаться с ними родством»⁵⁶). И все же, несмотря на несомненное охлаждение императорской фамилии и демонстративное негодование ряда знакомых, о серьезной опале говорить, видимо, нет оснований.

Избегая лишней огласки и предоставив времени сгладить неприятное впечатление, произведенное их поступком, Виельгорские решили для католического венчания покинуть столицу, что вызвало недоуменный вопрос Поздеева: «Зачем вам ехать из Петербурха, когда уже вам позволено и сделано, да разве католицкого патера нет в Петербурхе?»⁵⁷ В первой декаде июня они отправились в Витебскую губернию. Очень вероятно, что это было рекомендовано митрополитом Сестреничем, который в начале своей духовной карьеры служил в Гомеле и Бобруйске, а в 1773 г. был назначен епископом Белорусским и лично знал многих тамошних священников, в том числе, возможно, и патера Иозефа Яронского, настоятеля костела в местечке Освее Дриссенского уезда, куда и лежал путь молодой четы. По Восточной Белоруссии проходила в то время граница православных и католических земель. После включения этих территорий в состав России вопрос об оформлении смешанных браков оказался весьма актуальным, и механизмы корректного обхода формальностей наверняка были отлажены. Наконец, нельзя исключать и возможности знакомства или родства Мих. Ю. Виельгорского с кем-то из тамошних дворян. Предписание духовного начальства настоятелю Освейского костела о совершении венчания датировано 28-м мая, а 18 июня, во второе воскресенье после католической Пятидесятницы, Луиза Карловна и Михаил Юрьевич сочтались браком⁵⁸. Через день Виельгорский уведомил об этом Поздеева, писавшего в ответ: «поздравляю вас, что вы брак ваш и покатолицки совершили (...) теперь обратитесь совершать дело Божие и удаляться от суэты. (...) Супруга ваша шла за того, у коего правила учиться, то и сама имеет возможность жить счастливее и умнее в сей жизни»⁵⁹.

Остаток лета и начало осени молодожены провели вне столицы (возможно, в Освее), а к середине октября приехали в Петербург. В

⁵⁶ РС. 1890. № 3. С. 821.

⁵⁷ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 18 (письмо от 12 мая).

⁵⁸ ПД. Ф. 50. № 153. Л. 4 (выписка из метрической книги Освейской церкви).

⁵⁹ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 22—22 об. (письмо от 16 июля 1816 г.)

конец этого месяца Поздеев успокаивал и обнадеживал своего корреспондента, которому первые дни по возвращении в столицу, видимо, принесли немало огорчений: «И слава Богу! что дорога была благополучна. Приезд ваш странен покажется ненадолго, а после и говорить перестанут, только надобна эта осторожность, чтобы вам и с Луизой Карловной всячески избегать под видом болезни и не быть ни в собраниях, ни на балах, чтобы не колоть глаз тем, кои охочи судить, и чрез то избежите многова неудовольствия. Еще скажу, что если увидите с Родионом Александровичем⁶⁰ и князем Голицыным⁶¹ и они нападут на вас словами, то вы скажите: «Нельзя де вам не знать о тех, кои явно блядут, а я де имею законный брак, потому что позволенный теми, кои и могут меня осуждать, а вы ни тех не осуждаете, а меня, не имея права, судите, будьте милостивее»,—то они и умолкнут»⁶².

Сведения о жизни Виельгорских в последние месяцы 1816 г. довольно скудны, однако можно с большой долей уверенности предполагать, что это время было для них непростым, и не только потому, что им пришлось отказаться от многих светских развлечений, чтобы не сталкиваться с более или менее явным недоброжелательством части знакомых. 5 декабря от чахотки скончался Иосиф, младший брат Михаила Юрьевича. Кроме того, беременная молодая графиня, памятуя об участии сестры, наверняка тревожилась о том, как пройдут ее роды. К счастью, ее страхи оказались напрасными.

Первенец Виельгорских родился в Петербурге 13 февраля 1817 г. Его нарекли Иосифом⁶³. Это было одно из традиционных имен в семье; кроме того, можно предположить, что так выразилась благодарность родителей, в первую очередь отца, Иосифу Алексеевичу Поздееву. Не исключено, что духовный наставник Михаила Юрьевича был заочным воспитанником младенца от купели. «Желаю,—писал Поздеев 28 марта,—да сокрушает вас дух благодарности за все то, что Господь вам соделал, именно: вы желали иметь жену такую, что все было

⁶⁰ Кошелевым. Он приходился Виельгорскому свойственником: его сестра Маргарита Александровна была свекровью Д. Ю. Волковой (урожд. Виельгорской).

⁶¹ Вероятно, имеется в виду А. Н. Голицын.

⁶² РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 23 (письмо от 27 октября 1816 г.).

⁶³ Не следует смешивать нашего героя с его тезкой и почти ровесником—польским композитором графом Юзефом Виельгорским, представителем другой ветви той же фамилии.

против вас, но Господь все препятствия от вас отвратил и даровал вам имение довольное⁶⁴ и дал ей благополучно разрешиться от бремени и пожаловал вас лучшим рождением, то есть сыном, то видите ли, как Господь вам благоворит?»⁶⁵

Некоторые подробности первых двух с небольшим лет жизни маленького Иосифа—Оти, Отеньки, как называли его родные—известны нам из писем А. К. Шотена. Приняв еще в 1804 г. приглашение Ю. М. Виельгорского сопровождать в качестве компаньона его старших сыновей в заграничной поездке, холостяк Шотен скоро стал своим человеком в семействе и прожил под одной крышей с Виельгорскими до конца своих дней. Он музицировал в домашних концертах и ухаживал за больными, брал на себя разнообразнейшие бытовые и хозяйственные хлопоты (следил за ремонтом дома, состоянием экипажей и выезда, вел счета и деловую корреспонденцию и проч.), позднее сопутствовал графине с детьми в ее практически непрерывных многолетних странствиях по европейским курортам—словом, был незаменим. Его подробные и регулярные (почти с каждой почтой, а иногда и чаще) письма к Матв. Ю. Виельгорскому в Москву дают представление о жизни семьи, в том числе о страстной привязанности Луизы Карловны к сыну. Домашние неслучайно величали Иосифа «собственным ее сиятельства ребенком» подобно тому, как личные владения членов императорской фамилии носили названия «собственного дворца», «собственной дачи», «собственного садика» и т. д. Несомненно, графиня нашла себя в супружестве и особенно в материнстве, которое она рассматривала не только как долг и миссию, но и как высшее счастье, ниспосланное ей в утешение за безотрадное сиротство и на редкость сложную дорогу к вступлению в брак.

На лето 1817 г. Виельгорские сняли дачу где-то под Петербургом в ожидании окончания отделки своего городского жилища. Работы, од-

⁶⁴ Общий размер приданого, принесенного Виельгорскому обеими его супругами, в точности неизвестен; в формулярном списке 1850 г. указано, что Луизе Карловне в разных губерниях принадлежат 3074 души крестьян. Кроме того, в 1817 г. в собственность Михаила и Матвея Виельгорских перешло имение их покойного брата Иосифа, доставшееся ему от бабки, А. А. Матюшкиной—934 души в Керенской округе Пензенской губернии—в селе Троицком и деревне Самарихе, а также 268 душ в селе Тюткове Юрьевопольского уезда Владимирской губернии (их прошение о введении в наследство (август 1817 г.) см.: РО РНБ. Ф. 142. № 1).

⁶⁵ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 31—31 об.

нако, затянулись, и в сентябре им пришлось переехать в дом, еще полный «духа от красок и сырости и пыли от строения». Впрочем, малышу это, по словам Шотена, не повредило⁶⁶. А уже в начале октября Михаил Юрьевич отправился в Москву. Несмотря на беспокойство жены и настойчивые призывы поскорее возвращаться, он прожил в первопрестольной без малого четыре месяца⁶⁷. Все это время он писал Луизе весьма неисправно, изобретая разные предлоги, чтобы оправдать свое долгое отсутствие. В частности, ему пришло в голову воспользоваться болезнью брата, серьезность которой он значительно преувеличил в письмах к жене⁶⁸. Та же, очевидно, и помыслить не могла, что муж попросту желал отдохнуть от чрезмерной экзальтации, которую она вносила в их отношения. В силу склада характера, легкого и лишенного склонности к экзотически глубоким переживаниям, он куда сильнее, чем Луиза Карловна, должен был страдать от отсутствия полноценного светского общения. По всей вероятности, в Москве Виельгорский вполне отдыхал душой. По этому поводу Шотен с легкой иронией писал Матвею: «Она [графиня] уверена и даже гордится тем, что Мишель от нее ничего не утаит. Может быть. Я только припомню тебе, что от первой жены он был в подобных случаях очень скрытен; и я уверен, что покойница не оставила бы в покое его так долго быть в разлуке. А по сему и видно, что Мишель знает, что могла перенести та и что может эта. Из сего можно заключить, что при всей любви и дружбе этой, та имела более нежности. Но оставим это между нами»⁶⁹.

Жизнь в детской в отсутствие отца шла своим чередом. «Наконец, милый мой Матя, толь много ожидаанный, толико раз предсказанный и даже иногда и видимый, только не нашими глазами, зубок у твоего племянничка прорезался сегодня. Зная его маменьку, ты легко себе представить можешь, какую это причинило ей радость. Собственный же нимало не оказывает в сем удовольствия. Этого зубка никто не ожидал; примечали только, что он с неделю беспокойно спал, но никто не предполагал, чтоб это было к зубам, потому что днем был всегда здоров и весел»,—с комической торжественностью уведомлял сво-

⁶⁶ ПД. Ф. 50. № 123. Л. 1 (письмо от 27 сентября 1817 г.).

⁶⁷ Там же. Л. 39 (письмо датировано 10 января 1818 г.—днем возвращения графа в Петербург).

⁶⁸ Там же. Л. 37 (письмо от 3 января 1818 г.).

⁶⁹ Там же. Л. 28 об. (письмо от 6 декабря 1817 г.).

его адресата Шотен 11 октября 1817 г., а через полмесяца прибавлял: «У Собственного еще зубок прорезался. Это удивительный ребенок! он совсем при сих случаях не страдает. Про маменьку его я тебе и говорить не хочу: она по нем с ума сходит»⁷⁰. Естественной реакцией окружающих на неумные восторги Луизы Карловны была легкая ирония, к которой и прибегал подчас Шотен: «Графиня мне сказала, что я так стал хорош, как ее собственный.—Тс, только это будь сказано между нами, узнает Мишель, возревнует. (...) Собственный ее сиятельство выговаривает слова Мама»⁷¹.

По возвращении Михаила Юрьевича в столицу ему пришлось задуматься о будущем семьи. Материальное положение Виельгорских было далеко не блестящим, особенно сложным обещал быть следующий, 1819 год. «Тяжелый год! (...) Мишелю придется выплатить, кроме частного долга, одних казенных процентов 70.000 руб.—чем же им будет жить в Петербурге?»—вопросил встревоженный Шотен⁷². Поначалу возник проект продать рязанское имение Сенницы «и на вырученные (...) деньги купить здесь в Петербурге дом или около оногo небольшое поместье», но через некоторое время это намерение было отставлено за отсутствием «зажиточных охотников»⁷³. Наконец Луиза Карловна взяла инициативу в свои руки и добилась от мужа согласия прожить следующий год в Сенницах или в ее курском поместье. Твердость, выдержка, жертвенная любовь к близким сочетались в характере графини с нервозностью и подсознательным стремлением подчинять себе тех, кому она была безраздельно предана. Материалы семейной переписки убеждают в том, что малейшие недомогания детей или отсутствие писем от домашних равно повергали ее в ужасное беспокойство и едва ли не панику. Так, стоило младшим братьям мужа Матвею и Александру, уехав в пензенское имение, некоторое время не подавать о себе вестей, как ее воображение немедленно разыгралось: «Графиня же (чудная женщина!) не знаю почему, полагает уже, что мужики взбунтовались и вы учинились их жертвою! Каково заключение?»—недоумевал Шотен⁷⁴. Через много лет Н. В. Гоголь, близко по-

⁷⁰ Там же. Л. 5; Л. 15 (письмо от 1 ноября 1817 г.).

⁷¹ Там же. Л. 17—17 об. (8 ноября 1817 г.).

⁷² Там же. Л. 56 об. (7 октября 1818 г.).

⁷³ Там же. Л. 45 (26 января 1818 г.); Л. 55 (7 октября 1818 г.).

⁷⁴ ПД. Ф. 50. № 123. Л. 56 об. (письмо от 7 октября 1818 г.).

знакомившийся с Виельгорскими, так писал о характере Луизы Карловны: «вы, несмотря на то, что имеете преимущественно перед другими из вашей семьи некоторые несовершенства: уметь гневаться, огорчаться, унывать, не обдумывать и не воздерживаться, имеете, однакож, несравненно более всех силы и энергии душевной, и если предстанет такое дело, которое потребует душевной отваги, то ни у кого, кроме вас, не достанет характера совершить его»⁷⁵.

Убедившись в своей способности руководить мужем, графиня с тех пор все решительнее брала в свои руки правление делами семьи. Ее советчиками и помощниками по хозяйственной части были Шотен и Матвей Юрьевич. Надо полагать, что они также одобрили решение на время из соображений экономии переселиться в деревню. Впрочем, до исторического отъезда из Петербурга в провинцию, намеченного на лето 1819 г., должно было пройти некоторое время. Еще 31 января 1818 г. Шотен лукаво замечал: «Графиня с Мишелем, кажется, не задумались размножить фамилию Виельгорских (но это еще между нами)», а 15 октября сообщал, что «в половине одиннадцатого часа пополудни графиня после 6-ти часов мучений благополучно разрешилась от бремени дочерью»⁷⁶. Поскольку Луизе Карловне «угодно было назвать новорожденную свою материнским именем, а оно в русских святцах не нашлось, то выбрала самое ближайшее в сходстве: Аполлинария; но называть ее Мишель просил всех Аполиною»,—писал он через два дня после рождения девочки⁷⁷. Появление на свет дочери должно было заставить Луизу Карловну делить свое внимание между ней и Иосифом, но вряд ли она всецело переключилась на второго ребенка, забыв о Собственном. Сохранившиеся воспоминания и другие свидетельства не позволяют предполагать, что кто-то из пятерых детей в большей степени пользовался ее любовью: она боготворила всех равно, как замечает осведомленный мемуарист⁷⁸, хотя, разумеется, ее

⁷⁵ Гоголь. Т. 13. С. 177 (письмо к Л. К. Виельгорской от 16 января 1847 г.).

⁷⁶ ПД. Ф. 50. № 123. Л. 48 об.; Л. 57. Эти сведения опровергают ошибочное утверждение П. И. Бартенева о том, что Ап. М. Виельгорская-Веневитинова родилась в Москве (РА. 1884. № 5. С. 239).

⁷⁷ Там же. Л. 70 (письмо от 18 октября 1818 г.).

⁷⁸ Соллогуб. С. 293. Ср. весьма выразительную сцену, описанную Шотеном: «(...) у нас несколько дней в доме не без тревоги: у маленькой Аполины чрезвычайно трудно идут зубки: десны ужасно вздулись, и она жестоко страдает; но все

забот в первую очередь требовали те, чье здоровье было слабее— вторая дочь Софи и младший сын Миша.

Но пока в семье Виельгорских только двое детей— Оти (пройдет еще несколько лет, и близкие станут называть его также Жозефом) и новорожденная Лина. В феврале 1819 г. мальчику исполнилось два года, и некоторые черты его характера, насколько можно судить по выразительным, но, к сожалению, обрывочным картинам, уже сложились. Видимо, он был живым и внимательным ребенком, что немало забавляло Шотена: «Ота хозяйничает и как сведущий по части гостеприимства лучшую и большую часть прибирает под свое сохранение, но потом однакож опять раздает. Вчера разгневался он на Ивана Гавриловича⁷⁹, что сей не умеет ездить на его лошади верхом, ибо не ставит ноги в стремя, «а ноги, ноги»,—закричал он на него, указывая пальцем на стремя. (...) Так как ремни устроены только для него, то я прошу покорно кого-нибудь попытаться сесть на лошадь по его предписанию»⁸⁰. Матв. Ю. Виельгорский нечасто видался с племянником, однако маленький Иосиф просто обожал его. «Луиза Карловна тебе кланяется, а собственный ее ищет тебя по всем углам своими глазенками: он, кажется, на всяком думает видеть твои эполеты и кресты»,—писал Шотен в октябре 1817 г.⁸¹. Очередной приезд великолепного дядюшки в Петербург надолго запомнился мальчику: «Ота не выпускает тебя из памяти и каждый раз, что войдем Саша⁸² или я, спрашивает: „А Матя?“» Передав таким образом Матвею поклон от племянника, Шотен затем озабоченно вздыхает: «Милый робенок! боюсь только, чтоб он не был маменькин сынок»⁸³.

10 апреля 1819 г. он наконец сообщил, что графиня намеревается оставить Петербург в начале мая. Отсутствие в столице должно было продлиться как минимум год— об этом можно судить хотя бы по тому,

еще кажется не сколько, как ее маменька; глядя на нее, подумаешь, что она главная в сем случае страдальца: так и рыдает» (ПД. Ф. 50. № 123. Л. 84 об.; письмо от 4 апреля 1819 г.).

⁷⁹ Неустановленное лицо.

⁸⁰ ПД. Ф. 50. № 123. Л. 87 (письмо от 5 апреля 1819 г.).

⁸¹ Там же. Л. 10 об. К этому времени в числе наград Матвея Юрьевича был орден св. Владимира 4-й степени с бантом и прусский орден «Pour le mérite».

⁸² А. Ю. Виельгорский.

⁸³ Там же. Л. 84 об. (письмо от 5 апреля 1819 г.).

что дом по отъезде был сдан жильцам. «И так все готово в дорогу,— писал Шотен 6 мая.—Серебряная столовая посуда, кухмейстер (француз) Petillart, люди одеты, экипажи готовы, деньги есть; но не знаю, скоро ли приведут лошадей: вот эта статья, я думаю, затянется; и особенно Мишелем, которому весьма не хочется подняться отсюда. Между тем он взял свое, и француз повар принят за 1800 руб.»⁸⁴.

Упорство Луизы Карловны все же пересилило, и 3 июня семейство было уже в Сенницах⁸⁵, но местом постоянного пребывания Виельгорские в конце концов избрали еще более отдаленное поместье—Фатеевку, курское имение Биронов, куда и переехали через несколько месяцев.

Все изложенное выше основывается на документах и потому позволяет другими глазами взглянуть на устойчивую легенду об обстоятельствах брака Виельгорских и первых годах их семейной жизни.

Скандал, разразившийся в связи с женитьбой Михаила Юрьевича на свояченице, был, видимо, одним из самых громких в истории русского двора. Разговоры на эту тему не смолкали в течение как минимум двух десятилетий и отразились в целом ряде мемуарных повествований об эпохе. Сформировавшуюся таким образом версию событий наиболее подробно излагает А. О. Смирнова-Россет. Мих. Ю. Виельгорский, пишет она, «был женат на принцессе Бирон-Курляндской. Когда он, овдовев, приехал в Петербург, то очень естественно искал утешения у сестры своей покойной жены, принцессы Луизы. Они друг друга полюбили и тайно обвенчались. Она была любимая фрейлина Марии Федоровны. Ей пришлось в этом признаться. Она обратилась к первому секретарю Григорию Ивановичу Вилламову, который был католик. (...) Он не решился сделать доклад императрице. Она [Луиза

⁸⁴ Там же. Л. 98.

⁸⁵ Там же. Л. 104. Село Сенницы Зарайского уезда Рязанской губернии (ныне Озерского района Московской области) принадлежало князьям Гагариным уже в конце XVI столетия. В 1707 г., при князе Матвее Петровиче—деде Анны Алексеевны (в замужестве Матюшкиной) там была выстроена каменная церковь Вознесения (см.: Добролюбов И. В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 1. Зарайск, 1884. С. 193—194). Впоследствии, после смерти Михаила Юрьевича, имение перешло к младшей графине Виельгорской—Анне Михайловне и ее мужу князю А. И. Шаховскому, а потом к их дочери (в замужестве графине Келлер). Сохранившиеся предметы обстановки сенницкого дома хранятся ныне в Зарайском историко-краеведческом музее под названием вещей из собрания Келлер.

Карловна] была дежурная и ехала в карете с государыней, бросилась на колени и сообщила ей о своей свадьбе. Ответу не было никакого, но через Вилламова по приказанию государя Александра Павловича они присуждены были жить в курском имении»⁸⁶. Эта история стала известна Смирновой, скорее всего, в пересказе кого-то из очевидцев, поскольку сама она была пожалована во фрейлины к вдовствующей императрице лишь в 1826 г. Именно тогда в связи с возвращением Виельгорских ко двору романтическая история их брака, вероятно, вновь стала предметом пересудов.

Воспоминания М. П. Фредерикс содержат еще более драматизированный рассказ, услышанный ею, очевидно, уже в 1830-е гг.: «Граф Михаил Юрьевич Виельгорский женился на старшей принцессе Луизе Карловне, которая была очень хороша собой и в которую он влюбился еще при жене. Так как в нашей церкви воспрещается жениться на свояченице (он был православный—она католичка) и в то время закон строго соблюдался, то Михаил Юрьевич был удален императором Александром I на жительство в свои поместья внутри России с запрещением въезда в Петербург. Наказанные молодые поселились в своем имении Курской губернии «Луизино». Там они проживали с 1816 года, там же родились все их дети»⁸⁷.

Все мемуарные изложения этой истории подменяют действительность легендой, складывающейся из набора жестко связанных друг с другом штампов и лишь в незначительной степени варьирующейся у разных рассказчиков. Известная мемуаристам реальная драматическая завязка допускает, согласно литературным канонам, единственно возможное развитие событий: за «романической страстью»⁸⁸ должен следовать тайный брак, приводящий к опале и бегству на лоно природы, где смельчаки, нарушившие законы света, наслаждаются счастьем в мирном кругу семьи. На самом же деле, Луиза Бирон-Виельгорская и не думала скрывать от двора факт своего самовольного замужества;

⁸⁶ Смирнова. С. 113—114.

⁸⁷ Фредерикс. С. 80—81.

⁸⁸ Хомутова А. Г. В 1814 году // Нева. 1914. № 10/12. Стлб. 1546; характерно, что здесь Луиза Карловна упомянута именно в связи с этим скандалом: «Фрейлины, украшавшие тогда двор императрицы (Марии Федоровны в Павловске.— *Лет.*), были: (...) княжна Луиза Бирон, хорошенькая и интересная своей романтической страстью».

не было ни жестокой опалы, ни изгнания; более того, двое старших детей «преступной» четы благополучно увидели свет в Петербурге, а Михаил Юрьевич после женитьбы даже не вышел в отставку, несмотря на то, что в течение нескольких лет не появлялся на службе.

Имение Фатеевка с усадьбой Луизино, на прибалтийский лад называемой мызой, вероятно, составляло часть приданого Луизы Карловны — отсюда его название. Эти земли в Дмитриевском уезде Курской губернии были пожалованы Биронам в вознаграждение за утрату Курляндии. Кругом располагались поместья весьма известных русских родов. В Молодовом Карачевского уезда соседней Орловской губернии жили Тепловы, наследники кабинет-секретаря Екатерины II, владельцы знаменитого крепостного оркестра. Имение Тагино принадлежало графу Г. И. Чернышеву. Но наиболее близко Виельгорские сошлись с семьей князя И. И. Бяратинского — крупнейшего местного землевладельца, обустроившего в это время свою роскошную резиденцию в селе Ивановском Рыльского уезда. Сооружение усадьбы, получившей название Марьино в честь второй жены князя, в основном было завершено в 1820 г.⁸⁹ Средства Бяратинского позволяли ему не отказывать себе в причудах грансенъорства, поэтому Марьино своим великолепием соперничало с Павловском. Там был громадный, не уступавший царской резиденции дворец с книжным собранием и богатыми коллекциями западноевропейского искусства, огромный, разделенный на регулярную и пейзажную части парк с большим прудом на речке Избице, с флотилией увеселительных судов, плававших вокруг двух островков, на одном из которых был выстроен павильон-ротонда, а на другом — кирха в псевдоготическом стиле. В парке размещался зверинец и «потешные» фермочки-«кошары», где княжеские дети на практике осваивали сельское хозяйство. В усадьбе Бяратинских был даже свой драматический театр, а также школа, богадельня, больница, аптека для крестьян. Последними заведениями руководила сама княгиня, по примеру которой и Луиза Карловна занялась в своем имении благотворительностью. Хотя Виельгорские не могли тягаться со сказочным богатством Бяратинских, это не мешало обоим семьям находиться в самых дружеских отношениях. По-видимому, более всего их сбли-

⁸⁹ Подробнее об этом см.: Федоров С. И. Марьино. История усадьбы. М., 1989; Он же. Марьино. Памятник усадебного зодчества. Воронеж, 1988.

жала общая страсть к музыке. Соседи поочередно устраивали у себя домашние концерты, и тут первенствовал, конечно же, Михаил Юрьевич. Так, многие произведения Бетховена и других европейских знаменитостей впервые в России прозвучали в Луизине⁹⁰. В концертах нередко принимали участие и сами братья Виельгорские, Луиза Карловна же оставалась только слушательницей. На фоне таких одаренных музыкантов, как муж и деверь, ее таланты меркли, но нельзя забывать, что она также получила хорошее музыкальное образование и позже брала уроки игры на фортепиано у самого Дж. Фильда. Характерно, что на единственном известном ее портрете, написанном в 1816 г., Л. К. Виельгорская изображена с нотами в руках. О ее неподдельной любви к музыке свидетельствует и своеобразный слушательский дневник, который графиня вела зимой 1822/23 гг., когда концерты в лузинском доме происходили дважды в неделю.

Л. К. Виельгорская. Из «Записок о чувствах и размышлениях на музыкальных вечерах в Луизине, 1822—1823»⁹¹

[26 декабря 1822 г.; о Четвертой симфонии Бетховена] Вот произведение, которое можно слушать без усталости. Это бестелесный язык, которым говорят сердца, чувствующие больше, чем способна выразить материальность языка. Какое богатство в этой беглой череде звуков! Это счастливые мечты, снова посещающие нас, их можно слушать без конца. Есть и патетические пассажи. Адажио— изящное, печальное, жалобное. Досадно было, когда музыка кончилась.

[29 декабря 1822 г.; о 2-й симфонии Э. Мегюля] (...) какой блистательный колорит, сколько огня и души! Я могу слушать это произведение без усталости. Впечатление, им производимое, столь сильно, что достигает сокровеннейших уголков души и заставляет трепетать самые тонкие ее струны. Это сама жизнь, само счастье, это словно одна из тех молитв, которые способны воскрешать угасающие душевные силы. Здесь сгустилось некое духовное электричество, присущее музыке и подобное мощным прекрасным впечатлениям природы, искусств, возвышенных и благородных страстей. (...)

⁹⁰ В фундаментальной работе «История русской музыки» (Т. 4. М., 1986. С. 276—277) лузинский салон назван первым чисто музыкальным салоном в России, однако это утверждение основывается на ошибочном мнении о том, что Виельгорские поселились в своем курском имении еще в 1816 г.

⁹¹ Цит. по: Смоленский Ст. 80 и 60 лет назад. Заметки по документам семейного архива М. А. Веневитинова. СПб., 1900. С. 12—13, 15—17. Оригинал по-французски.

[2 января 1823 г.; о романсе «*A peine au sortir de l'enfance...*»⁹² из оперы Мегюля «*Иосиф в Египте*» в исполнении мужа] Полон грации, невинности, чувства. Сердце исполняется печалью, которую выражают звуки, и она разрешается слезами. Мишель пел превосходно, его лицо преобразилось во время пения.

[О симфоническом произведении Бетховена «*Победа Веллингтона, или Битва при Витории*»] Военная музыка, где преобладает шум. Это военный марш, но в нем нет опьянения победой. У себя в кабинете Бетховен не был воспламенен восторгом славы, а без подобного воодушевления не может быть никакого сильного впечатления. «*God save the King*»⁹³ доставил удовольствие, но когда он исполнен с вариациями и прерывается звуками барабана, пушек и проч., то перестает быть и молитвой, и маршем. Такая музыка всегда оказывается ниже своего предмета, стоит лишь заработать воображению. (...)

[9 марта 1823 г.; об увертюре Бетховена к трагедии «*Эгмонт*»] Превосходный отрывок! Я слушаю его всегда с новым удовольствием! (...)

[13 апреля 1823 г.; о 5-й симфонии Бетховена] Всегда прекрасная, всегда новая музыка, полная души и гения! Финал симфонии превосходен, он производит поразительное впечатление, исполнен силы, его мелодия украшает и облагораживает все произведение. Это нечто восхитительное! Автор не был хладнокровен, когда сочинял эту музыку, и никто не может слушать ее спокойно. В ней дышит жизнь в минуты сильнейшего упоения и восторга. (...)

Все Виельгорские, каждый по-своему, нашли отраду в луизинском бытии. Михаил Юрьевич, с такой неохотой расстававшийся с Петербургом, в курской глуши предался сочинению музыки; в результате начало 1820-х гг., по мнению музыковедов, оказалось наиболее плодотворным периодом его композиторского творчества⁹⁴. Впрочем, въезд в столицы вовсе не был ему запрещен. Осенью 1820 г. граф провел в Петербурге несколько месяцев, вместе с братом Александром ухаживая за больным Матвеем, который тяжело переживал разрыв с невестой⁹⁵. В начале 1821 г., не желая более оставаться в Петербурге, Мат-

⁹² «Едва выйдя из детских лет...» (фр.).

⁹³ «Боже, храни Короля» (англ.)—гимн Великобритании.

⁹⁴ См.: Щербакова. С. 17.

⁹⁵ Матвей Юрьевич посватался к графине Е. Г. Строгановой и получил согласие, однако вскоре тяжело заболел, и семья невесты расторгла помолвку. «Здесь теперь один разговор: о болезни жениха Вьельгорского (...)»—писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому.—Он онемел и несколько дней уже лекарства на него не действуют, и на него нашел род столбняка (...) Между тем брат из деревни едет к свадьбе и найдет его без невесты и в онемении» (ОА. Т. 2. С. 77—письмо от 28 сентября 1820 г.). К началу октября Матвей Юрьевич пришел в себя, но был все еще

вей перевелся из кавалергардов в армейский полк, стоявший в Севске, неподалеку от Луизина, и тут же испросил отпуск, чтобы провести некоторое время в семействе брата.

Луиза Карловна достигла предела своих желаний, оказавшись вдали от столичной суеты, в окружении обожаемого семейства и немногих достойных друзей. По-видимому, ей немалое удовольствие доставляла роль доброй помещицы, по-матерински заботящейся о крестьянах. При этом вполне серьезные начинания (такие, как сельская больница) сочетались у нее с чисто театральными затеями в пасторальном духе. Таковы, очевидно, были упомянутые в публикуемых ниже мемуарах пляски крестьянок: для них в доме хранился специально изготовленный реквизит—бархатные шитые золотом кички, которые по окончании праздника возвращались в кладовую. Здесь родились двое ее детей—Софья и Михаил. Старшие, подрастая, сдружились с многочисленным молодым поколением Тепловых, Бярятинских и Чернышевых и сохранили эти привязанности на всю жизнь. Имена Захара Чернышева и его сестер Лизы (Чертковой), Веры (Пален), Надины (Долгоруковой), а также Александра, Леонили и Мари Бярятинских еще не раз встретятся в фамильных бумагах Виельгорских.

Жизнь в Луизине продолжалась около трех лет. Наконец Виельгорские решили перебраться если не в первую, то хотя бы во вторую столицу. В конце 1823 г. они уже обосновались в Москве, причем держали себя отнюдь не робкими изгнанниками. Напротив, они немедленно открыли двери своего дома для всех любителей музыки. Теперь у них выступали самые знаменитые артисты. Музыкальные собрания у Виельгорских, писал В. Ф. Одоевский в статье «Взгляд на Москву в 1824 году», «хотя не бывают публичными, но весьма замечательны потому, что в них собираются люди, более других имеющие право—слушать хорошую музыку. Эти концерты не только имеют весьма мало общего с обыкновенными, так называемыми *concerts d'amateurs*⁹⁶, но признаемся: едва ли можно встретить в России что-либо подобное сим концертам, где бы соединялись и выбор сочинений, и достоинство му-

очень слаб и подавлен. 28 октября Тургенев извещал своего корреспондента: «Брат везет его к себе в деревню, там милая женщина лучше поймет его и нежною попечительностью если не залечит его рану, то заговорит резкую боль ее» (ОА. Т. 2. С. 96).

⁹⁶ любительскими концертами (фр.).

зыкантинов, и точность исполнения (...), где бы, как в сих концертах, господствовало не пристрастие к какому-либо именно роду музыки, не переменяющиеся толки знатоков-самозванцев или невежд-любителей, как то часто случается, но вкус, напитанный глубоким изучением искусства и оживленный пламенной, бескорыстной к нему страстию»⁹⁷.

В марте 1824 г. Мих. Ю. Виельгорский вместе с П. А. Вяземским организовал благотворительный вечер лучших музыкантов-любителей, сбор от которого предназначался для того, чтобы выкупить на волю известного крепостного скрипача И. И. Семенова, выступавшего, в частности, и в его домашних концертах. Свобода Семенова была оценена его владельцем А. Б. Куракиным в 10 тыс. рублей. Эту сумму организаторы концерта рассчитывали выручить за 200 билетов. Найти в Москве двести человек, готовых пожертвовать 50 рублей на освобождение крепостного, оказалось не так-то просто, и вокруг дома Виельгорских в очередной раз вспыхнул скандал. Однако даже реальная угроза заслужить репутацию опасного фрондера не заставила Михаила Юрьевича отказаться от задуманного⁹⁸.

Из письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу⁹⁹

13-го марта [1824 г.]

(...) Вся Москва наполнена и напучена толками о концерте благородном (целью и действующими лицами), который затеял Вьельгорский для искупления из куракинского плена отличного скрипача Семенова. Все взвыло! Концерт однако идет и дойдет; только не разглашай о том, ибо многие отсюда писали к Куракину, чтобы восставить его против Вьельгорского (...) Куракин — человек горячий и честолюбивый и с сердцов может отказаться и от денег, и от слова. (...) Здесь так много раскричались об этом концерте, что дамы: Рахманова, графиня Риччи, княжна Агриппина Трубецкая, обещавшие прежде играть и петь в этом

⁹⁷ Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 87—88 (впервые — Прибавление к «Московскому телеграфу». 1825. № 1).

⁹⁸ Впрочем, из упорного стремления дать свободу талантливому музыканту не следует делать вывод об антикрепостнических убеждениях Виельгорского. В том же 1824 г. от имени принадлежавших ему полутора тысяч душ крестьян села Ерлева Пензенской губернии была подана на высочайшее имя жалоба, в которой говорилось, что Мих. Ю. Виельгорский, установив непомерный оброк в 100 рублей с души, совершенно разорил их и довел до голода (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. № 376. Л. 253—256).

⁹⁹ ОА. Т. 3. С. 17—18.

концерте, отказались. Вся наша дворянская подлость видна в этих толках. Иные, чтобы повредить успеху, распускают слухи, что у этого Семенова сорок тысяч лежит в ломбарде, когда все деньги его в пальцах, как у поденщика; что он развратный и пьяница, когда он поведения беспорочного; что государь дурно примет это дело и прочее, и прочее. Грустно, тошно и горячительно! Что за плюгавцы! (...)

В итоге из 200 билетов было раскуплено 194. Последние шесть оплатил сам Виельгорский; он же взял на себя издержки по освещению залы, безвозмездно предоставленной Я. Ф. Скарятиним. Когда незадолго до концерта стало ясно, что общественное мнение все же на стороне его организаторов, отстранившиеся было Е. А. Рахманова, А. И. Трубецкая и Е. П. Риччи вновь согласились участвовать. Вечер прошел блестяще.

Из письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу¹⁰⁰

24-го марта [1824 г.]

(...) Вчера дан был концерт: собрано 10000 с лишком¹⁰¹. Все и в музыке, и в действующих лицах, и в слушателях, и в зале имело какое-то *доброгласие*, и, кроме цели исключительно русской, все прочее было на европейскую статью. Слава Богу, что победили все козни глупости и низости. Даже Юсупов и княгиня Татьяна Васильевна с дочерью присутствовали: вот кляп для бригадирских ртов. Один Апраксин¹⁰² отстоял свое мнение и не был. (...)

Когда в конце 1824 г. в Москве поселилась З. А. Волконская, два музыкальных салона не только не вступили в соперничество, но объединили усилия в деле благотворительности и просвещения московской публики. Их самым ярким совместным выступлением стало устройство 8 декабря еще одного благотворительного концерта, теперь совершенно нейтрального в политическом отношении. Однако для Михаила Юрьевича между этими акциями не было существенной разницы: верный своим масонским убеждениям, он стремился помогать «страждущему человечеству»¹⁰³, но на этот раз в лице потерпевших от наводнения жителей Петербурга, а не крепостного музыканта.

¹⁰⁰ Там же. С. 23.

¹⁰¹ Несмотря на это, А. Б. Куракин отказался выполнить свое обещание и дать Семенову вольную; тот получил свободу только в 1833 г. (после смерти владельца).

¹⁰² Имеется в виду С. С. Апраксин.

¹⁰³ В апреле 1838 г. он принимал участие в организации придворной лотереи с целью выкупа на свободу Т. Г. Шевченко. Разыгрывался портрет Жуковского работы К. П. Брюллова.

Между тем в семейственной жизни Виельгорских произошла самая значительная перемена со времени рождения Иосифа. В ноябре 1823 г. на свет появился их последний ребенок—дочь Анна, и вслед за этим Луиза Карловна решительно реформировала внутреннее устройство семьи. С. М. Соллогуб вспоминала, что графиня с этого момента совместила свою спальню и детскую и целиком посвятила себя материнству. Это вовсе не означало разрыва с мужем и распада семьи. Напротив, такой шаг вполне укладывался в тогдашние представления о добродетельной супружеской жизни, цель которой—рождение и воспитание детей, причем любовь супругов друг ко другу естественно переходит в свою высшую форму—общую любовь к детям. Жозефу было уже шесть с половиной лет, Лине—пять, и в отличие от малышей, которых еще опекала бонна, они нуждались в непосредственных заботах матери. Не желая никому доверять воспитание своих детей, Луиза Карловна сама сделалась для них и педагогом, и гувернанткой. С тех пор началось разделение семейного быта Виельгорских на две разнохарактерные половины: светскую, общественную, оставшуюся прерогативой мужа, и сокровенную домашнюю, которая вращалась преимущественно вокруг детей. Обновленная таким образом модель семейной жизни, по-видимому, не вызвала протеста у Михаила Юрьевича. Об этом красноречиво свидетельствует его недатированная записка к старшему сыну, которая дышит спокойствием и гармонией отношений.

Мих. Ю. Виельгорский—Иосифу¹⁰⁴

Дорогое мое дитя, возлагаю на тебя обязанность поздравить от меня нашу добрую, милую Луизу с днем ее рождения; обними ее за меня и последи, чтобы это сделали Миша и твои сестрицы. Возьми чашки с вашими портретами и преподнеси их Луизе от меня. Дела помешали мне вернуться к столь дорогому для всех нас празднику. Прощай, любезный Жозеф, будь послушным мальчиком. Господь тебя да благословит.

Михаил Виельгорский.

Поселившись в Москве, Виельгорские стали подобно всем зажиточным горожанам перебираться на лето в деревню, в свое ближайшее рязанское имение Сенницы. С этим местом связаны наиболее ранние

¹⁰⁴ ПД. Ф. 50. № 29. Оригинал по-французски. День рождения Луизы Карловны—25 июля.

известные нам детские воспоминания Иосифа. Через десять с лишним лет он, очутившись в Москве, мечтал вновь всей семьей съездить туда, где ему было когда-то так хорошо: «Как будет приятно, трогательно вспоминать о нашем младенчестве, о счастливых, веселых днях, проведенных в Сенницах, где мы жили всегда вместе, весело, без шума светского, посреди прекрасной природы и добрых крестьян»,—писал он сестре Софи¹⁰⁵.

Впрочем, московская идиллия подходила к концу. 5 октября 1825 г. А. Я. Булгаков сообщал брату: «Вьельгорский (...) собирается на два года в чужие края»¹⁰⁶. По-видимому, главной целью предполагаемой поездки было лечение младшего сына. Миша, родившийся здоровым мальчиком, в возрасте двух лет внезапно начал хромать; врачи в России ничем не могли помочь ему. Однако семейство не успело тронуться в путь. В конце ноября Москва была потрясена известием о смерти императора Александра I. После этого Вьельгорские уже не думали об отъезде: междуцарствие, сообщение о бунте в Петербурге, аресты многих знакомых молодых людей—все это создавало чувство всеобщего беспокойства и неуверенности, лишняя раз напоминая о неопределенности их собственного положения. Выйти из этой ситуации можно было лишь одним путем—выяснив, благоволит ли к ним новый государь или гневается, как его брат. Сделать это отважилась Луиза Карловна.

Из письма А. Я. Булгакова к К. Я. Булгакову¹⁰⁷

3 июня 1826 г.

(...) Вчера был я у Вьелеурскаго и нашел его в радости. Ты, верно, знаешь, что ему нехорошо было у Императрицы¹⁰⁸, что женитьба его почиталась противозаконною, и в случае смерти его дети остались бы без бытия и имени. Покойный Государь начинал сближаться, но вдруг разными проказами все дело рушилось. Это положение мучило Вьелеурскаго, любящего жену и детей страстно. Графиня писала письмо к Императрице, от коей удостоилась получить очень милостивый рескрипт, в коем изволит говорить: «J'ai reçu votre lettre, j'ai cru devoir la soumettre

¹⁰⁵ См. письмо от 15 июня 1837 г. (гл. II).

¹⁰⁶ РА. 1901. № 6. С. 217.

¹⁰⁷ РА. 1901. № 7. С. 393—394. Согласно другой версии, инициатива прощения Вьельгорских исходила от самого Николая (Смирнова. С. 169).

¹⁰⁸ Марии Федоровны.

à l'Empereur mon fils, et je m'empresse de vous informer que la reponse que je viens de recevoir de Sa Majesté est tout-à-fait favorable. Rendez-vous demain vers les 3 heures chez moi etc.»¹⁰⁹. Слава Богу, что все это кончится теперь. Я полагаю, что Михаил Павлович помог Вьелеурскому в сем случае, столь для него важном. Толковали, что дело никак устроить нельзя было, разве бы Вьелеурский переменял веру и пошел в католическую. Но он никогда бы на это не согласился. Ужо узнаю, как графиня была принята Императрицею, пред коюю точно виновата, ибо дежурила у нее фрейлиною, тогда как была уже давно тайно обвенчана. (...)

Михаил Юрьевич не случайно показал рескрипт императрицы Булгакову: таким способом можно было в кратчайший срок довести до сведения всего московского, а затем и петербургского общества самое авторитетное свидетельство о своем прощении. То, что Булгаков не был посвящен во все тонкости дела и вслед за молвой преувеличивал драматизм конфликта, было Виельгорским даже на руку—тем убедительнее в его устах звучала радостная новость.

Коронация Николая I, состоявшаяся 22 августа 1826 г., стала переломным моментом в жизни Виельгорских. Михаил Юрьевич был сделан камергером и егермейстером, то есть, шагнув через ступень Табелли о рангах, очутился особой третьего класса. Обласканное императрицей-матерью и молодым государем семейство вновь заняло подобающее положение в свете. Коронационные празднества продолжались почти месяц. По всей видимости, для Виельгорских это были дни особого торжества; 30 августа, в день именин наследника, великого князя Александра Николаевича, их старший сын был приглашен в Нескучное, на дачу А. А. Орловой, чтобы вместе с детьми наиболее приближенных к императорской фамилии семейств играть и веселиться со своим царственным сверстником. Так был сделан первый шаг в будущей карьере Иосифа.

Уже через несколько дней Виельгорские, очевидно, расстались с Москвой. 9 сентября Михаил Юрьевич получил назначение состоять по министерству народного просвещения, 1 января следующего года стал членом Главного правления петербургских училищ, а спустя еще двадцать дней—членом Комитета Главной театральной дирекции. Скоро его закужила петербургская жизнь.

¹⁰⁹ «Прочитав ваше письмо, я сочла своим долгом показать его императору и спешу уведомить вас, что его ответ, только что мною полученный, совершенно для вас благоприятен. Приезжайте завтра ко мне к трем часам, и проч.» (фр.).

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к П. А. Вяземскому¹¹⁰

Петербург 14 февраля [1827]

Я сильно замешкал с ответом на твое письмо, любезнейший друг, но не имея совершенно ничего интересного для присылки к тебе, медлил в ожидании и наконец пользуюсь верной okazji—отъездом графини Софы¹¹¹, чтобы сказать тебе несколько дружеских слов.—Несмотря на все великолепие Петербурга, я живо сожалею о Москве и оставленных там друзьях, среди которых ты—один из драгоценнейших. Если бы государь не дал мне со всей определенностью понять, что он желает, чтобы я остался в Петербурге, то я бы хотел иметь какую-нибудь должность в Москве, которую нетрудно было бы получить, но будущее моих детей обязывает меня отложить всякую мысль об этом на два или три года.

Существеннейшее из моих теперешних занятий—училища; что же до театральной Дирекции, то я состою лишь членом Комитета, не имея покамест собственной части. Тебе следовало бы, любезнейший друг, попробовать свои силы в жанре, который, кажется, создан нарочно для тебя. Дмитриев несколько раз говорил мне об этом. Я имею в виду небольшую комедию или водевиль; «*La manie du jeu*»¹¹² могла бы стать забавной и остроумной картиной наших гостиных. Это было бы в высшей степени национально, ибо до сей поры всякая национальность рождается в высшем обществе—если только не писать в роде «Бригадира» или «Рекрутского набора»¹¹³.

Весной надеюсь оказаться тебе полезным несколькими литературными присылками¹¹⁴.

(...) Жена моя сердечно тебя приветствует. Постоянные болезни наших детей не дали нам пока возможности переехать в Царское Село. (...)

Приложение

Необходимым дополнением к изложенной истории семейства Виельгорских служат воспоминания С. М. Соллогуб. Начатые в 1872 г., они остались незавершенными. Мемуаристке к этому времени было чуть более пятидесяти лет, однако состояние здоровья уже не позволяло ей писать самой; ее рассказы на французском языке были записаны под диктовку ее детьми. Софья Михайловна, очевидно, собиралась со временем придать своим запискам систематический вид, однако

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1585. Л. 3—3 об. Оригинал по-французски.

¹¹¹ Возможно, имеется в виду графиня С. И. Соллогуб.

¹¹² «Мания игры» (фр.).

¹¹³ «Бригадир» (1766—1769)—комедия Д. И. Фонвизина; «Великодушие, или Рекрутский набор» (1803)—драма Н. И. Ильина.

¹¹⁴ Речь, видимо, идет о присылке каких-то материалов для журнала «Московский телеграф»; о литературных опытах самого Мих. Ю. Виельгорского ничего не известно.

работа не пошла далее черновика. Возможно, это было связано с тем, что ее подводила память. Разнообразные ошибки и неточности отчасти могут быть объяснены забывчивостью (например, С. М. Соллогуб неправильно приводит дату рождения старшего брата, путает двух знаменитых певцов В. Шрёдер-Девриен и С. Шоберлехнер, и проч.) или особенностями детской памяти, контаминирующей схожие события, происходившие в разное время (так, повествование о годах сельской жизни Виельгорских складывается из перемешанных до неразличимости элементов воспоминаний о Луизине и Сенницах). В тех же случаях, когда мемуаристка излагает для своих детей семейные предания, в частности, историю брака своих родителей, она несомненно ориентируется на сложившуюся уже к тому времени мифологизированную версию событий, которую, по-видимому, считает наиболее подходящей *ad usum Delphini*—т. е. для сведения будущих поколений потомков Виельгорских.

Из воспоминаний С. М. Соллогуб¹¹⁵

⟨...⟩ Могу не кривя душой сказать, что во мне самой не было ничего особенно примечательного. Это, однако, ни в коей мере не относится к нашему семейству—выдающемуся, щедро наделенному превосходнейшими качествами ума и сердца. Мои родные не только были хорошо известны среди людей искусства и ученых, но составляли центр этого круга; наслаждаясь обществом друг друга, они вполне могли обходиться без посторонних и никому не подражали; богатые, изящные, начисто лишённые тщеславия, чванства, хвастовства, они были любимы при дворе и всеми уважаемы.

Итак, я буду писать по наитию, без определенного плана и порядка, подбирая даже крохотные крупинки прошлого, расспрашивая друзей, перечитывая старые письма, теряя нить рассказа и вновь ее находя, отдавшись на волю волн памяти и придерживаясь одного—истины. ⟨...⟩

Я родилась 23 июня 1820 г. в Курской губ. (*Дмитриевского на Свапе уезда, в селе Фатеевке на мызе Луизино*); на час моего рождения пришлась одна из тех чудовищных гроз, когда людей охватывает ужас, а старухи думают, что слышат трубу архангела, возглашающего о

¹¹⁵ Оригинал см.: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 9. Работая над историей семейства Виельгорских, М. С. Волкова сняла с воспоминаний копию, хранящуюся в составе ее фонда в РГАЛИ. По этой копии ввиду временной недоступности рукописного собрания РГБ мы и публикуем фрагменты воспоминаний (Ф. 111. Оп. 1. № 5. Л. 73—74, 77—95, 99—106, 108—118).

Страшном суде. Видя, как молнии полыхают в свинцовом небе, слышая вой ветра (его ярость в этих бескрайних, плоских, лишенных лесов местах необыкновенна), чувствуя, как дом сотрясается до основания от непрерывных раскатов грома, можно было подумать, что ребенку, приход которого в мир ознаменовался столь необузданной борьбой стихий, предстоит полная бурь и тревог жизнь. Суеверные толкователи примет могли сколько угодно болтать об этом: мало кому выпадает такое счастливое, ласковое и тихое детство, какое выпало мне. Двое детей появились на свет до меня: Иосиф родился 26 декабря 1816¹⁶, Аполина — 15 октября 1818 г. Моя мать, женщина страстная и необыкновенно энергичная, сама кормила своих детей, что в то время вовсе не было принято в состоятельных семействах. Она не выносила кормилиц, считая безнравственным, несправедливым и жестоким отбирать у ребенка родную мать для того, чтобы та ухаживала за чужим младенцем. Ему не достается ни здоровья, ни лица — а каким счастьем было бы для матери подарить все это собственному дитяти. В дальнейшем я вернусь к тому, как рассказы моей матери и ее пример повлияли на меня, когда у меня самой родилась первая дочь. Мой собственный опыт слишком поздно убедил меня в справедливости ее слов: я с прискорбием заметила, как разнится мое отношение к тем детям, которых я кормила сама, и тем, которые росли на молоке кормилиц. — Женившись на принцессе Луизе Бирон, родной сестре своей первой супруги, мой отец, граф Михаил Виельгорский, оказался в немилости у императора Александра I; родители оставили Петербург, где им принадлежал красивый дом на Мойке¹⁷, и поселились в деревне. Они прожили там пять лет. О семье матери мне известно очень немногое. — Она была второй дочерью графини Понинской, бывшей замужем за герцогом Карлом Курляндским; помимо моей матери и тетки, у них было еще двое детей — сыновья Густав и Петр. — (...) В качестве компенсации за герцогство, переданное России, император Павел пожаловал вдовствующей принцессе Курляндской, моей бабке, прекрасное поместье, и она выстроила там дом, в коем прожила несколько

¹⁶ Ошибка: ее старший брат родился 13 февраля 1817 г.

¹⁷ Виельгорские сдавали этот дом во время своего отсутствия в столице. К 1823 г. относится запись петербургского адреса Н. Н. Раевского в бумагах Пушкина: «На Мойке, в д. гр. Вельгорского» (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Л., 1991. С. 372).

лет. В этот дом я приехала с мужем и детьми чудным майским днем 1869 г. (...) Простота жизни наших предков бросалась в глаза: голые стены, классически строгая, чопорная мебель, совершенное отсутствие комфорта, доведенного 19-м столетием едва ли не до чрезмерности. Стены, выбеленные известкой, деревянные некрашенные полы, окна без занавесей и рамы без зеркал красноречиво свидетельствовали о том, насколько скромны были тогда притязания на роскошь. Возможно, впрочем, что зеркала разбились.— Зато с первых минут пребывания в старом доме мы почувствовали, что его обитатели дорожили тщательным воспитанием и умственными занятиями. Библиотека, бильярд, множество журналов на всех языках, великолепные письменные столы. Унылое чувство овладело мною, когда я вошла в этот дом, стоявший заброшенным и опустелым в течение 44 лет. Все воспомина- ния детства разом нахлынули на меня: печаль, супружество родителей, их страстная привязанность, которую они унесли с собой в могилу, удручающе резкий контраст между чистотой детства и нынешним состоянием моей души. Широкая тенистая аллея, образующая зеленый коридор, за нею длинный, длинный господский дом самой простой архитектуры напомнили мне о прошедшем счастье, о радостях, об упоительных чувствах.— У меня всегда была необыкновенная память на места. Мы уехали из Луизина, когда мне было четыре года, однако я настолько отчетливо помнила расположение комнат, что когда 40 лет спустя дядя, не веривший, чтобы я могла удержать это в памяти, показал мне план дома, я тут же сказала, что изменилось с тех пор, как я была там в последний раз. Действительно, подтвердил он, эту лестницу перенесли, а ту дверь заложили. Я помнила все, как оно было. Для вящей точности могу добавить, что дядя заставил меня нарисовать план дома, и по моим воспоминаниям можно было сказать, какие перемены были сделаны двадцать лет спустя.—

Я видела, как по приказанию моей матери сажали тоненькие деревца— за эти годы они разрослись в чудесный парк. Дубы, посаженные папа, дядей и Хёхтом, простирали пышные зеленые ветви-руки над лужайкой, по которой ходил пастух, смотревший за нашим стадом. Фруктовый сад с прекрасными оранжереями и дом управителя завершают череду моих воспоминаний. Мне часто приходилось сожалеть о том, что служба отца и исключительное положение моего старшего брата Иосифа помешали родителям прожить в курском имении как можно долее. Это общее заблуждение наших дворян: они мало живут

в провинции и никогда— в деревне, проводя время преимущественно за границей. Но в 1825 году это было еще извинительно по причине огромных расстояний, плохого сообщения, климата, варварского состояния народа; если же мы будем и впредь упорствовать в сем заблуждении— сейчас, когда железные дороги сокращают расстояния и цивилизация начинает мало-помалу проникать в народ— наш недостаток смелости обернется подлинной трагедией. Итак, мне искренне жаль, что мы были лишены той привязанности к своему имению, которая резче очерчивает характер, вносит определенность в интересы, умножает наши радости.— Я бы многое отдала, чтобы у моих детей было то, чего в юности недоставало нам: устойчивость семейного гнезда и привычек, традиционность чувств, дух порядка, прочности, сплоченности.— В рассеянии заграничных странствий, во время пребывания на водах все это быстро выветривается, а в тяжелой и полной условностей атмосфере двора становится и вовсе недостижимым. Вспомните о всех преимуществах, извлекаемых англичанами и французскими аристократами из того простого факта, что они привязаны к месту своего рождения; они никогда не забывают о взаимных обязанностях владельца земли и членов сельской общины. Моя правота станет совершенно очевидной, если задуматься над разобщенностью и отсутствием подлинного интереса к образованию и семейной жизни в России.—

Возвращаюсь к моим родителям.—

Ни один из портретов мама нельзя назвать вполне близким к оригиналу— за исключением миниатюры, выполненной Штубелем¹¹⁸ в 1840 г. и хранящейся у меня.— Ее главное очарование составляли глаза: красивого разреза, редкого цвета, искрящиеся умом. Среднего роста, скорее крепкая, чем худощавая, она была необыкновенно легка и грациозна в движениях.— У нее были длинные, шелковистые каштановые волосы. Она носила их заплетенными в косу, обернутую вокруг головы и приколотую четырьмя большими золотыми шпильками (моя сестра Аполи убирает волосы так же). Выражение ее лица могло быть очень суровым и холодным, хотя она была необыкновенно добра, а более преданных матерей я не встречала. Она рано отстранилась от отца, чтобы всецело предаться нашему воспитанию.— Весьма твердая в своих решениях, неутомимо заботившаяся о нас, любящая и оттого

¹¹⁸ Современное местонахождение этого портрета неизвестно.

многое умевшая предвидеть, она обладала широкими убеждениями, оставаясь доброй католичкой, и вовсе не была чопорной и придиричливой светской дамой, хотя своей твердостью, тактом и обаянием умела заставить других делать то, что она хотела. Не кичась своими строгими принципами и добродетелью, она была добродетельнейшей женщиной и матерью *par excellence*. Она жила и дышала только нами. В этом доме осталось множество знаков ее любви к нам; сохранились здесь и практические воплощения ее гигиенических теорий. Наша спальня была самой просторной и красивой во всем доме. Посреди этого громадного помещения располагались наши пять кроваток, окружавшие ее постель.— Она спала в одной комнате с нами с тех пор, как родилась Анолита.— Наши кожаные матрасы были жестки как дерево; вся мебель имела закругленные углы, чтобы избежать несчастных случаев. Дабы не упустить ни единого солнечного луча, она подвергла решительному изгнанию оконные занавеси—они были заменены деревянными рамками, затянутыми тканью, которые на ночь ставились на подоконники. Чтобы нам легче было учиться французскому и немецкому, она придумала особую игру в лото и своими руками вырезала чудесной красоты карты и фишки, которых было так много, что они не помещались в одном ящике комода.— Нам обычно подавалась простая, но тщательно приготовленная пища. Ванны, гимнастика, пешие прогулки в строго определенные часы—она не оставляла без внимания ничего, что могло укрепить наше здоровье, развить нашу ловкость и гибкость, и все это в то время, когда о пользе гимнастики мало кто слыхивал, когда молодые русские дворянки выезжали из дому не иначе как в экипаже, когда не было даже обыкновения запасаться подходящей одеждой для сурового времени года. Мысль о том, чтобы в воспитании детей ей помогала гувернантка, совершенно противоречила убеждениям мама: она считала гувернанток стеной, разделяющей родителей и детей. Она никогда на это не соглашалась и, хотя воспитывать мальчика было далеко не просто, все-таки обошлась без посторонней помощи: когда мы жили в курском имении, только для уроков латыни был приглашаем какой-то молодой человек. Позже (нам было 11—13 лет) она решилась поселить в доме англичанку по фамилии Брукс, которая должна была сопровождать нас на прогулки в тех случаях, когда мама не могла этого сделать, и читать с нами по-английски. Брукс не пользовалась у нас никаким авторитетом; мы никогда не слышали от нее ни единого приказания. Однажды она попы-

талась на свой лад истолковать предписание мама, данное ей перед отъездом из дому, но Аполина настояла на том, чтобы все было исполнено строго и буквально—такое глубокое уважение питали мы к каждому слову матери.—Мисс Брукс прожила у нас три года и оставила наш дом лишь потому, что должна была ехать в Англию—лечиться от начинавшегося у нее рака; причиной болезни была вспышка гнева одной из ее прежних воспитанниц. Мы много лет переписывались с ней. В *nursery*¹¹⁹ помощницей матери была женщина простая, необразованная, но удивительно преданная и благородная в чувствах. Мисс Криспи¹²⁰, нянчившая моего старшего брата, была взята ко двору великого князя Николая Павловича, чтобы ухаживать за ребенком (будущим императором Александром II), рождения которого тогда ожидали. Взамен мама нашла другую англичанку, мисс Барнетт, которая и пестовала всех детей по мере их появления на свет. Она появилась в нашем доме в 1818 г. и вскоре стала членом семьи; окруженная заботами и уважением, она прожила у нас до самой кончины, последовавшей в 1854 г. Другой бонны у нас не было. На попечении этой достойнейшей женщины мама оставила моего брата Михаила, когда мы должны были уехать из Вюрцбурга, где прожили некоторое время ради лечения его больной ноги. Одно приключение из жизни мисс Барнетт расскажет о ней лучше, чем могу это сделать я. До поступления к нам она жила в одном семействе в провинции и занималась там воспитанием детей. Б., глава семьи, был человеком весьма резким и деспотичным—в наше время, надеюсь, таких характеров уже не встретишь. Горе тому, кто приводил его в неистовство! Не только крепостные, но и дети становились жертвами его необузданного гнева. Как-то его сын совершил ничтожный проступок, и г. Б. не только самолично выпорол его, но еще и посадил мальчика в соленую воду. Это возмутило честную мисс Барнетт, и она осыпала упреками г. Б., ярость которого не знала границ. Он оскорбил ее и забылся до такой степени, что поднял на нее руку. Британская гордость не могла перенести подобного унижения; мисс Барнетт решила немедленно оставить этот дом, а поскольку хозяева воспротивились ее намерению, она задумала бежать. Не-

¹¹⁹ детская (англ.).

¹²⁰ Неточность: речь идет об англичанке Е. И. Кристи, состоявшей сначала при великом князе Александре Николаевиче, а затем при его младших сестрах Марии, Ольге и Александре.

взирая на 25-градусный мороз¹²¹ (дело было около Рождества), она с наступлением ночи выбралась из дома и направилась на *постоялый двор*, находившийся неподалеку от усадьбы. Там, не зная почти ни слова по-русски, она заручилась расположением хозяина большого *обоза*, направлявшегося в Москву. Русский крестьянин сострадателен и добросердечен: ямщики сочувствовали мисс Барнетт и опекали ее, по очереди накрывая ее своими *тулупами*, когда холод становился совершенно невыносимым.

Мне уже давно следовало перейти к рассказу об отце, которого звали Михаилом, как и тебя¹²²; я бы хотела, чтобы ты походил на него превосходными качествами ума и сердца. Не думай, что мои слова о нем продиктованы слепой дочерней привязанностью—расскажу тебе одну только историю. В 1843 г. я впервые приехала в Баден-Баден вместе со свекровью¹²³ и познакомилась там с Гугортом. Он случайно узнал мою девичью фамилию и, подойдя ко мне, сказал, что ему никогда в жизни не доводилось знать человека, до такой степени любимого и уважаемого всеми без исключения, как мой отец, и что я должна гордиться тем, что я его дочь. Мнение Гугорта имеет вес, ибо он не только был на редкость умным человеком, но и сам вращался в лучшем обществе Франции и Германии. Лейб-медик при Баденском дворе, друг и советник принцессы Стефании, он пользовал бесчисленную толпу иностранцев, съезжавшихся в Баден не столько ради вод, сколько за его советами. Благодаря ему Баден за несколько лет сделался модным курортом, который посещали коронованные особы и европейские аристократы.

Мой отец, старший из семерых детей, лишился матери в том возрасте, когда его воспитание требовало самого пристального внимания. Я немного знаю о его детстве, ибо мало беседовала с ним о прошлых годах: он не любил говорить о себе; большую часть того, что мне известно, сообщил Александр Кондратьевич Шоттен.—

Здесь следует сказать о том, насколько пример родителей обычно влияет на детей. Привыкнув с самого нежного возраста видеть в доме музыкантов, каждый из них¹²⁴ стал учиться играть на каком-нибудь

¹²¹ Мороз в 25° по шкале Реомюра соответствует около 31°С.

¹²² Воспоминания написаны по просьбе Мих. В. Соллогуба, сына мемуаристки.

¹²³ С. И. Соллогуб.

¹²⁴ Имеются в виду дети Ю. М. Виельгорского.

инструменте и очень скоро умел аккомпанировать отцу, исполнявшему партию первой скрипки в квартетах Роде, Гайдна и др. Таким образом развился необыкновенный талант дяди Матвея, снискавшего своей виртуозной игрой европейскую известность. Помимо других драгоценных инструментов, ему принадлежали полный квартет и контрабас работы Страдивариуса. Известно, что за всю свою жизнь этот мастер сделал только два контрабаса. Отец, еще более музыкально одаренный, чем дядя, играл на всех инструментах, но ни в чем не достиг совершенства. Он предпочел исполнению музыкальных сочинений их любительское сочинение. (...) По обыкновению того времени, моего отца, его братьев и сестер воспитывали дома гувернеры и гувернантки. Когда здоровье второй жены дедушки пошатнулось, он уехал из Петербурга за границу, взявши с собой сыновей и оставив двоих дочерей, Доротею и Елизавету, в Смольном институте¹²⁵; там одна умерла от скарлатины, а другая познакомилась с двумя своими будущими невестками, герцогинями Бирон. После смерти их матери, герцогини Аполлины Бирон, они состояли под особенным попечением императрицы Марии Федоровны и начальницы Смольного института г-жи Адлерберг. У девочек были отдельные комнаты, при них состояла гувернантка; с остальными воспитанницами их объединяло только форменное платье и учебные занятия. По приезде в Ригу моя бабка тяжело занемогла. Семейство не могло отправиться далее до ее выздоровления, и дедушка решил покамест поселиться в Риге. Дети возобновили занятия, им нашли хороших учителей; жизнь устроилась, и вскоре составились весьма приятные знакомства. Вместо нескольких недель им пришлось прожить в Риге четыре года. Графиня Виельгорская скончалась в этом городе в 18...¹²⁶ году и была погребена там же. (...)

Мне неизвестно, что последовало за этим; признаться, я и так с большим трудом извлекаю из памяти обрывки воспоминаний.

Александр Кондратьевич и старшие мальчики Виельгорские, будучи примерно ровесниками, быстро сдружились.—Обладая строгими моральными принципами и неизменно ровным расположением духа, Шоттен вскоре сделался своим человеком в доме. Дедушка взял его с

¹²⁵ В списках выпускниц Смольного института (Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц... Т. 3. Пг., 1915) имени Д. Ю. Виельгорской не обнаружено.

¹²⁶ Так в рукописи.

собой за границу, чтобы мальчикам было с кем говорить по-русски и учиться. Будучи воспитанником Академии Художеств по гравировальному классу¹²⁷, он очень мило рисовал; увлекшись общей музыкальностью Виельгорских, он решил играть на альте и вскоре стал страстным и, пожалуй, незаурядным исполнителем. Я помню его пожилым человеком лет пятидесяти с небольшим, седоволосым, румяным, с ясными голубыми глазами; ежевечерне он играл на своем обожаемом инструменте альтовые партии из разных квартетов и другую музыку, написанную специально для альты. Он горько оплакивал умерших вскоре друг за другом трех молодых Виельгорских: Иосифа и двоих Александров.

Говорят, ничто не связывает людей прочнее, чем общие несчастья. Сие подтверждается и примером А. К., все привязанности и радости которого сосредоточились в нашем семействе. Он более не расставался с нами и во всех событиях, о коих я скажу далее, с неизменной преданностью помогал и служил моим родителям. Он умер 5 мая 1851 г. от рака желудка; моя мать и двое друзей ухаживали за ним. Из его родственников мы знали только одного брата¹²⁸, у которого (тот был женат) он неизменно обедал по четвергам и воскресеньям в продолжение 25 с лишним лет. Размеренный, аккуратный в привычках и одежде, он часто потешал нас глубокой древностью своих туалетов. Такой-то фрак был сшит в 1823 г., другой—в 1818, третий, заказанный в Париже, он надевал лишь ради из ряда вон выходящих торжеств. Я помню один его фрак цвета темной корицы с позолоченными пуговицами, в который он с величайшей важностью облачился по случаю большого праздника: 13 ноября 1840 г. я вышла замуж, и на следующий день император, бывший моим посаженным отцом, пожаловал к нам с мужем на чашку чаю. Этот же фрак он надевал и на крестины моей старшей дочери, восприемниками которой от купели были великая княгиня Мария Николаевна и дядя Матвей. Подобно Карлу V, Шоттен страстно любил заводить все часы в доме—таким образом, чтобы они были разом. В такие дни нельзя было ни отвлекать его от этого важного

¹²⁷ Сведения о полученном Шотеном художественном образовании и его работах см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 1208—1209.

¹²⁸ Речь идет, очевидно, об И. К. фон Шотене, который в 1840-х гг. служил помощником главного надзирателя Петербургского воспитательного дома, состоявшего в ведении Мих. Ю. Виельгорского.

дела, занимавшего целое утро, ни обращаться к нему с вопросами. Он был нежно привязан ко мне и глубоко скорбел, когда умерли двое моих детей¹²⁹.

Возвращаюсь к отцу. Как всякий милый и смысленный ребенок, он был до известной степени избалован бабушкой. Как-то раз к графине Матюшкиной приехал с визитом французский посланник; мой отец забрался под большое канапе в парадной гостиной и ни за что не хотел вылезать оттуда, несмотря на все уговоры и упрашивания бабушки. Императрица Екатерина II имела обыкновение в понедельник на Святой неделе приезжать к графине с поздравлениями. Для всего дома это был день большого торжества: лестница украшена цветами, лакеи облачены в парадную одежду (короткие штаны, шелковые чулки), швейцары в ливреях с вышитыми гербами. Весь город поздравлял старую графиню; спокойная и величавая, она без всякой суетливости и надменности принимала дань почтения к ее летам и положению, нанося для каждого из многочисленных посетителей любезное слово. Я смутно помню рассказ отца о том, как по случаю одного из таких торжеств императрица прислала старшему из внуков графини подарок: огромную, великолепную куклу. Ее можно было заводить особым ключом, и она величественно шагала по комнате, приводя всех в восторг. Нисколько не удивительный в наши дни, используемый во множестве игрушек, тогда этот механизм казался гениальным изобретением.

Ты видишь, дорогое мое дитя, как мало я знаю о воспитании, полученном твоим дедом, о его познаниях и вступлении в свет. Обладая мечтательным складом ума, отличаясь поэтичностью и артистизмом, он к тому же всегда много читал, многому учился и, самое главное, обладал превосходной памятью: кругозор его был чрезвычайно широк, а разговор — жив и занимателен. Ты так же страстно любишь книги, как он и мой брат Михаил; читай же, подобно им, с толком, без педантизма и предвзятости. Отец заглядывал во множество книжных магазинов и подчас отыскивал что-нибудь любопытное. У него была изрядная коллекция редких каббалистических, масонских и мистических сочинений; путешествуя с нами, он непременно заходил в лавки книгопродавцов и антикваров. Сколько раз в 1829 и 1830 гг. он исчезал на то время, пока нам меняли лошадей в каком-нибудь из немецких или французских городков. За сорок лет он собрал великолепную биб-

¹²⁹ Дочери Софья и Аполлинария.

лиотеку в 12000 томов; по его заказу был составлен подробный систематический каталог, однако он никогда в него не заглядывал: я часто спрашивала у него ту или иную книгу, и он указывал, где она стоит, прежде, чем его секретарь¹³⁰ успевал найти ее по списку. Память его была нечто изумительное. Врачей поражали его познания в медицине, ученых — обширность сведений и точность наблюдений в истории, философии, естественных науках, художников и писателей — изысканность его вкуса и глубина критического взгляда. Он помнил все — за исключением имен. Мисс Барнетт прожила у нас в доме без малого сорок лет, однако он неизменно ошибался, называя ее по имени. Вообще, он был ужасно рассеян (что, впрочем, не распространялось на его умственные и музыкальные занятия), но друзья прощали ему, а при дворе знали за ним такое свойство: случалось, он закуривал в присутствии императрицы, напрочь забыв, где находится. В последние годы жизни он особенно много читал; чтобы всегда иметь под рукою книги и свет, он приказал укрепить на стене возле своей постели полку, на которую ставился двойной подсвечник и книги, занимавшие его в тот или иной момент. Перед сном он подолгу читал — обыкновенно серьезные сочинения. После его кончины мы передали упомянутое собрание мистической литературы в дар императорской библиотеке, а остальную часть его книг — в Румянцевский музей, в 1860 г. переведенный в Москву¹³¹. Мой муж предлагал еще пополнить эту библиотеку и открыть ее для сочинителей и вообще для всех, кто пожелает навести справки или умножить свои познания, но наше семейство отвергло эту мысль как слишком трудную для исполнения и сопряженную с чрезмерными издержками.

Первым браком отец женился на принцессе Екатерине Бирон, старшей сестре моей матери. Я долго ничего не знала о том, что папа был женат дважды. При нас об этом никогда не говорили, хотя мама как католичка имела несомненное право выйти за своего зятя после кончины сестры, испросив предварительно согласия Папы Римского. Моя мать была старшей и любимой фрейлиной императрицы Марии

¹³⁰ Возможно, имеется в виду А. Д. Комовский, в середине 1830-х гг. бывший библиотекарем Мих. Ю. Виельгорского.

¹³¹ Ныне масонские книги Мих. Ю. Виельгорского хранятся в Российской национальной библиотеке, остальная часть собрания рассеяна в основном фонде РГБ.

(урожденной принцессы Вюртембергской), вдовы императора Павла I. Получив образование, как я уже сказала, в Смольном монастыре, она шагнула из классной комнаты в рассеянную придворную жизнь. Ее знатность, красота и ум были сразу замечены; явились многочисленные претенденты на ее руку, но она оставалась равнодушной к их чувствам и предложениям. На нее обращали пристальное внимание император Александр и великий князь Михаил Павлович; она была окружена блестящими молодыми людьми, но никогда не теряла великодушного достоинства, и ее многочисленные обожатели благоговели перед ней. Когда впоследствии император Николай позволял себе двусмысленные шутки в присутствии ее дочерей, она взирала на это свысока и столь явно выказывала ему свое неодобрение, что в дурном расположении духа он часто называл ее «la Princesse pudibonde»¹³². Итак, она не соглашалась ни на одну из представлявшихся ей прекрасных партий. Молодая княгиня Екатерина Виельгорская, отправившись в деревню для родов, стала по дороге жертвой несчастного случая, повлекшего за собой ее преждевременную кончину в 18[13] г.¹³³ Мой отец искренне оплакивал ее. По истечении срока траура он снова появился при дворе, где пользовался всеобщим расположением и как светский человек, и как завидный жених. Через два года свет узнал о его женитьбе на младшей из сестер Бирон. Двор был взволнован этим событием, город наполнился пересудами. Императрица-мать не хотела этому верить, но слух подтвердился.—Разгневанный император сурово наказал священника, венчавшего молодых в маленькой церковке на Петергофском тракте; лишившись расположения государя и рассудив, что придворные стихии разыгрались не на шутку, мой отец добровольно удалился в деревню, где и прожил несколько лет кряду.—В этих обстоятельствах мама выказала несомненную силу характера. Она шла напрямик к цели без страха и колебаний. Убедившись в глубине и прочности своего чувства, любя Виельгорского за ум и сердечность, она решила отказывать всем женихам, кроме него. Зная, что двор осудит этот брак, она обвенчалась тайно. Смелость придуманного ею плана поразительна; об их намерениях знали только два шафера, горничная и священник. С наступлением вечера она потихоньку вы-

¹³² стыдливая княгиня (фр.)

¹³³ В квадратные скобки здесь и далее заключены даты, отсутствующие в рукописи.

шла из Зимнего дворца под густой вуалью, отправилась к месту, где стояли наемные экипажи, села в один из них вместе с горничной и приказала извозчику ехать за несколько верст от Петербурга. Там ожидал ее с двумя шаферами, имен коих я не припомню¹³⁴, мой отец; после венчания она вернулась во дворец и появилась на вечере у императрицы, словно в ее жизни не произошло ровным счетом ничего. Государь был очень недоволен, и мои родители поступили разумно, уехав из столицы в деревню. В жизни все блекнет, и Петербург скоро позабыл о молодой чете, заставившей столько о себе говорить. Отец с матерью счастливо и мирно жили в прелестном имении, еще украшая и облагораживая его. Мама вскоре сумела расположить к себе соседей, почитавших ее благороднейшей женщиной, а крестьяне смотрели на нее как на свое провидение. В глуши Курской губернии она познакомилась с молодой и прекрасной княгиней Марией Бярятинской, урожденной графиней Келлер. Они сдружились, и эта дружба в течение сорока лет осталась по-прежнему искренней, несмотря на долгие разлуки, и была для обеих женщин источником утешения, когда рука Господня отяготела на них (одна потеряла старшего сына Иосифа, другая — младшую дочь Марию).

С того времени наши семейства поддерживали теснейшие отношения друг с другом. Мы часто езжали в их великолепное Ивановское, и левое крыло дома в течение многих лет называлось «половина Виельгорских» — в память о нашем гостевании. Бярятинские также навещали нас в Луизино. Муж Бярятинской, князь Иван, был на двадцать с лишним лет старше ее, и вот почему. Путешествуя за границей, он некоторое время прожил в Берлине; там он влюбился в одну красавицу, но на предложение руки и сердца получил отказ, ибо его избранница была слишком молода. Впоследствии эта девица вышла замуж за графа Келлера. Через двадцать лет Бярятинский, вновь оказавшись в Берлине, познакомился с очаровательной семнадцатилетней девушкой — это была дочь его возлюбленной. На сей раз его предложение было принято, и он увез это милое создание в свой роскошный замок в Ивановском. Здесь она родила ему трех дочерей и четырех сыновей, одного красивее другого. Старшая дочь Ольга восемнадцати лет вышла за Владимира Петровича Давыдова (впоследствии графа Орлова-

¹³⁴ Андрей Петрович Римский-Корсаков и Сергей Степанович Ланской (карандашная помета С. М. Соллогуб).

Давыдова). Александр ныне фельдмаршал. Обворожительная Леониль (живописец Винтергальтер называл ее самой красивой из всех позировавших ему дам¹³⁵) в 1834 г. стала женой Людвига Витгенштейна (сына старого фельдмаршала), первая жена которого, Стефания Радзивилл, скончалась, оставив ему сына и дочь¹³⁶. Князь Александр передал своему младшему брату Владимиру (сейчас обер-штальмейстеру) права на майоратное имение, причем сообщил ему о своем решении, уже закрепленном юридически, придя на рождественскую елку к его детям—своим племянникам¹³⁷.—Мария, наша милая и лучшая подруга, была менее красива, чем ее сестры; не такого высокого роста, но хрупкая и стройная, с чудными волосами, скромная, но бесконечно очаровательная. Увы, она покинула этот мир через год после свадьбы с третьим сыном князя Кочубея, Михаилом. Наконец, младшие мальчики Анатолий и Виктор—каждый был хорош собой, словно Адонис. Первый, повзрослев, превратился в на редкость неприятного господина: он проел одно состояние, а второе приобрел на скандальных торгах, поощрявшихся правительством, которое решило обратить крупных польских землевладельцев. Виктор, милый мальчик, друг моего брата Михаила, сделался моряком; ныне он придворный, счастливо женившийся на очаровательной девице Бутеновой.

Самые ранние мои воспоминания связаны с нашим последним пребыванием у Барятинских.—К тому времени княгиня уже овдовела¹³⁸ (...)

Жизнь в Ивановском была чрезвычайно приятна. В чудесном саду и великолепном парке скрывалось множество милых уголков; гулять там никогда не наскучивало. Широкая терраса спускалась к самому пруду, который зимой превращался в каток. Все встречались за столом в большой двухсветной зале. Обедать нередко садилось не менее сорока человек: немецкий пастор Рейнгардт с женой (он совершал богослу-

¹³⁵ О красоте Л. И. Витгенштейн современница пишет: «Эти бархатные глаза, соболиные брови наделали много шума» (Смирнова. С. 203). Немецкий художник Ф. К. Винтергальтер был популярным портретистом, писавшим многих представителей царствующих династий Франции, Бельгии, Англии, Испании, России.

¹³⁶ Петра и Марию.

¹³⁷ Передача майората состоялась в 1850 г.; о сопутствовавших этому обстоятельствах см.: Долгоруков. С. 229—230.

¹³⁸ И. И. Барятинский скончался 13 июня 1825 г., когда Виельгорские уже покинули Луизино.

жения в домашней часовне, ибо княгиня и в замужестве осталась лютеранкой), доктор и его семейство, вдова старого управителя с детьми, м-ль Гино (гувернантка старших детей), мисс Мэри (бонна маленьких), соседи со всеми детьми, бонной и гувернером, а также лица, обязательно жившие в домах больших русских бар,—секретарь, землемер, библиотекарь, дирижер домашнего оркестра, художники, получавшие пособие от хозяев, девушки-сироты, за коими при выходе замуж княгиня давала приданое, и проч. и проч. Ныне уж нет этого княжеского гостеприимства. Наша старушка Анна Прохоровна часто с сожалением вспоминает о былом величии.—В Луизино также был домашний доктор по фамилии Хёхт (...), оркестр, состоявший из двадцати музыкантов (в доме до сих пор сохранились некоторые инструменты), но такая роскошь теперь невозможна, и не следует жалеть об этом, ибо она во многом держалась на крепостном праве.—Хорошо подобранная библиотека, великолепный бильярд, содержавшиеся в образцовом порядке конюшни довершали разнообразие развлечений в Ивановском. Дядя музицировал. Папа чудесно пел романсы и часто читал вслух в маленькой гостиной, которой завершалась анфилада парадных комнат. Дядя питал к княгине глубокое чувство, к которому она не осталась равнодушной, но попросила дать ей некоторое время на раздумья. Дядя уехал в путешествие по Германии и Италии, где познакомился с Брюлловым, который впоследствии написал его портрет (об этом далее, чтобы не терять нити рассказа). Княгиня не решилась вторично выйти замуж. Любовь к детям, старшему из которых исполнилось уже 16 лет¹³⁹, заставила ее принести эту жертву. Дядя был в отчаянии и тяжело занемог в Париже; когда он уже выздоравливал, Брюллов зашел его навестить и увидев, как он, облаченный в халат, играет на виолончели, упросил его позировать и написал свой первый шедевр. Этот портрет дядя завещал моей сестре Аполине; присланный на выставку, он произвел потрясающее впечатление, и премия была впервые присуждена русскому художнику. С той поры началась известность Брюллова¹⁴⁰. Дружеские от-

¹³⁹ А. И. Барятинскому исполнилось шестнадцать лет в 1831 г.

¹⁴⁰ Мемуаристка ошибается. Портрет Матв. Ю. Виельгорского, играющего на своем знаменитом Страдивариусе, был написан К. П. Брюлловым в 1828 г. в Риме. Он стал началом блистательной серии брюлловских портретов, однако называть его первым шедевром художника неверно: за год до этого было создано полотно «Итальянский полдень», шла работа над «Последним днем Помпеи».

ношения между дядей и княгиней Барятинской остались неизменными. Он всегда выказывал ей непоколебимую преданность, принимал живое участие в карьере ее сыновей, замужестве дочерей и до конца дней остался верным и искренним другом этой семьи. Александр Барятинский (фельдмаршал) ухаживал за ним в Ницце во время его последней болезни; дядя умер у него на руках.

В Луизино до сих пор сохранились следы великодушия и неутомимой деятельности мама.—Это прежде всего больница (с состоящими при ней аптекой, баней, врачом и его ассистентом, химической лабораторией и плантацией лекарственных растений), которую медицинский инспектор Курской губернии нашел лучшей во всем уезде. Сейчас это, быть может, и не заслуживало бы упоминания, но ведь тогда шел 1822 год!! Она организовала сберегательную кассу для крестьян, просуществовавшую вплоть до освобождения.—К тому времени наличный капитал составлял 16000 рублей. Она была крестной матерью многих детей, принимала роды, запрещала женщинам выходить на барщину до истечения шести недель после разрешения от бремени.—На ее средства отстраивались дома погорельцев и покупались коровы для тех семей, в которых у матерей не доставало молока. Ее имя благоговяется в этих местах и по сей день. Ее управитель, Филипп Антонович Векрот¹⁴¹, несомненно, обладал сильным характером и умом. В течение двадцати лет он упрямо обжаловал мнение Сената, решившего судебный процесс не в пользу мама. Речь шла о довольно значительном земельном участке, присвоенном нашей соседкой г-жой Брискорн, женщиной алчной и жестокой, благодаря той неразберихе, которая царилла тогда в вопросе о размежевании больших владений. Любое имение оценивалось по числу крестьян, а не десятин. Говорили: «*У него столько-то душ*»; количество земли было менее важно. Отсюда отсутствие определенных границ: расставленные вешки и межи исчезали при следующей же пахоте, а крестьяне, которым было вовсе не выгодно держаться за не принадлежавшую им землю, не обращали никакого внимания на эти призрачные границы. Все это позволяло прихватывать немалые участки земли, при каждой пахоте подвигая между несколько вперед. Именно так и действовала г-жа Брискорн, и хотя мама подала на апелляцию и ей (вероятно, по особому располо-

¹⁴¹ Известны два письма Ф. А. Векрота к Мих. Ю. Виельгорскому (1855) по поводу хозяйственных дел (РО РНБ. Ф. 277. № 598).

жению императора Николая к моим родителям) было позволено возобновить процесс, он был бесповоротно ею проигран.—Я прекрасно помню, как деятельна и насыщена разнообразными занятиями была жизнь родителей в Луизино. В распоряжении папа находилась богатая библиотека. Мама занималась с Иосифом и Аполиной географией, историей, английским и французским языком. Брату также давал уроки гувернер. Сад, раскинувшийся вокруг дома, был распланирован, посажен и лелеем родителями. Известную часть дня мама посвящала больным; мы с Мишей гуляли больше старших, собирали ягоды и грибы. Одна из таких совместных прогулок, совершаемых в часы отдыха от занятий, доказала, что яркий красный цвет приводит быков в неистовство. Мой младший брат был хром и потому сидел в колясочке, которую по очереди везли мы или мисс Барнетт. Мы вышли из сада через ворота, находившиеся возле конторы, и встретились со стадом, которое гнали на пастбище. Бык увидел красный кашемировый чепчик на голове у Миши, заревел и бросился на нас. Бонна подхватила брата на руки, и мы помчались назад. Аполине, потерявшей в грязи башмачок, пришел на помощь гувернер Иосифа. Нас выручила крепость ног, и мы влетели в сад, задыхающиеся и дрожащие от ужаса.

В сочельник 1824 г. нам устроили первую в нашей жизни елку. Говорят, императрица Мария Федоровна привезла в Россию этот милый обычай, так широко распространенный ныне. В новогоднюю ночь слуги наряжались в маскарадные костюмы и плясали в большой столовой. Буфетчик Степан, облаченный в медвежью шкуру, живо поразил мое воображение. Мама любила видеть вокруг счастливые лица. На пруду по ее приказанию были построены две ледяные горы. На масленицу устраивались качели и шест с призом, женщин оделяли орехами, яблоками и сладями, мужчин—водкой и пивом. На праздник сходилась тьма народу из окрестных деревень. Мне вспоминаются непринужденные, шуточные разговоры мама с крестьянками. Она раздавала им бархатные, расшитые золотом *кички* (в этот последний приезд я нашла в доме несколько штук) и просила их петь и плясать возле господского дома. Деревья и кусты, посаженные ею, за много лет так вырослись, что в комнатах стало темно и сыровато.—Мне пришлось сделать новые посадки, предварительно почти все вырубив. Дом на удивление хорошо сохранился. Дубовая роща великолепна, другой такой у нас нет. Двор и крыша в превосходном состоянии. Надобно только заменить оконные рамы, но я пока не могу позволить себе таких круп-

ных трат.— В Луизино дядя Матвей решил подать в отставку.— Он состоял адъютантом при генерале князе Василии Трубецком, отце трех красавиц: г-жи Столыпиной (или, скорее, княгини Воронцовой), г-жи Устиновой и графини Софии Рибоьер; эти его дочери все овдовели в первом браке, и только младшая не вышла замуж вторично¹⁴². Он участвовал в кампании против Наполеона, но об этом я не знаю никаких подробностей. Полк Матвея Юрьевича стоял на квартирах в Севске¹⁴³. Дядя был страстный любитель лошадей, и принадлежавшие ему животные действительно были превосходны. Молодой богач, которого всячески обхаживали маменьки девиц на выданье, он так и не вступил в брак. Он был нежно привязан к мама, уважая ее столько же, сколько и любя. Вопреки обыкновению многих женщин, желающих, чтобы их дети унаследовали имение холостого деверя после его смерти, она неустанно теребила дядю, доказывая ему необходимость женитьбы¹⁴⁴. Я любила дядю не менее, чем отца. Полагаю, что его глубокая привязанность к нам и ответная любовь, которую он неизменно находил в нашем семействе, заменили ему собственное домашнее счастье. Мы всегда жили под одной крышей и вели общее хозяйство. Дай Бог, чтобы то дружеское чувство, которое ты питаешь к своему брату¹⁴⁵, походило на отношения, связывавшие двух поистине редких людей, какими были дядя и отец. Их взаимная нежность никогда ничем не омрачалась, их полного согласия не нарушали ни споры, ни размолвки. В 1856 г. мы оплакивали кончину отца; дядя, еще раз пройдя по комнатам, взглянув на библиотеку и вещи, живо напоминавшие о том, кого уже не было с нами, не смог сдержать слез и произнес слова, которые я привожу с чувством восхищения: «Моя скорбь смягчается мыслью о том, что за пятьдесят с лишним лет, счастливо прожитых мною рядом

¹⁴² У В. С. Трубецкого было еще две дочери: Александра и Вера.

¹⁴³ Севск располагается в 50 км к западу от Дмитриева-на-Свапе (ныне Дмитриев-Льговский), т. е. сравнительно недалеко от Лузина.

¹⁴⁴ Известно, что в 1818 г. Луиза Карловна надеялась устроить брак своего деверя с М. Д. Нарышкиной. 26 ноября А. К. Шотен писал Матвею: «Графиня в большом беспокойстве (...) в рассуждении тебя. Она опасается, чтобы ты не сделал шаг к женитьбе, не посоветовавшись с нею» (ПД. Ф. 50. № 123. Л. 81). В 1820 г. разыгралась драма его неудачной помолвки с Е. Г. Строгановой. Сватовство к М. Ф. Барятинской не могло состояться ранее 1826—1827 гг., когда истек срок положенного вдове траура.

¹⁴⁵ Вероятно, имеется в виду Матв. В. Соллогуб.

с твоим отцом и озаренных его дружбой, между нами никогда не проскользнуло и намек на ссору, на охлаждение, мы не обменялись ни единой колкостью, не скрыли друг от друга ни одной мысли!»

Оба они были натурами широкими, открытыми, возвышенными, великодушными, правдивыми, не способными к мелочности и зависти, по врожденному благородству любившими все доброе и справедливое; они понимали, дополняли, поддерживали друг друга в радости и в горе.—

Мой второй брат Михаил, наша отрада и боль, родился в Луизиано [28 февраля] 182[2] г. Наша отрада—ибо он был щедро наделен всеми качествами, которых могли желать взыскательные родители: ум, доброта, нежность и твердость—эти столь редко сочетающиеся черты соединились в нем. Наша боль, потому что с двухлетнего возраста у него обнаружилось искривление берцовой кости, которое вскоре распространилось на стопу и привело к хромоте.—Сколько горя это причинило матери, невозможно описать; одному Богу ведомо, сколько слез она пролила об этом ребенке, сколько выстрадала от тоски, неизвестности, несбывшихся надежд на его выздоровление.—Как-то она призналась мне, что болезнь Миши—крест, который ей суждено нести до сложения рук. Никто в точности не знал, в чем состояла причина несчастья: было ли это следствием несчастного случая, падения с кровати, врожденным недостатком? Последнее предположение мама решительно отвергала.—Она показывала сына лучшим врачам, перепробовала все возможные способы лечения, и когда за шесть лет, несмотря на все усилия и терпение, не произошло никаких изменений к лучшему, она решила оставить отца и ехать за границу для еще более тщательного обследования и лечения.—Таким образом, нездоровье брата внесло в нашу жизнь неожиданные перемены.—Особенно это сказалося на нашем воспитании: мы уехали за границу прежде, нежели серьезные занятия и взросление создали прочную основу для наших познаний и убеждений.—Мы онемечились, отвыкли от сурового русского климата (к нему я так и не смогла привыкнуть вновь), стали космополитами по мнениям, привычкам и склонностям. Меня всегда упрекали за полное отсутствие во мне славянских черт.—Возвращаясь мысленно ко времени, проведенному в Германии, Франции, Италии, где я прожила с 8 до 14 лет, я понимаю причины этого непостоянства и не склонна жалеть о нем. Национальность есть новый горизонт, и чем больше их открывается перед нами, тем богаче мы становимся.

Немецкий оттенок в нашем воспитании и учебе объясняется не только долгим пребыванием в Германии. Твоя бабка родилась в Курляндии; пищу нашему воображению давали стихотворения Шиллера и поэмы Гёте, а к немецкому языку нас приучали с детства. Брат вовсе не задумывался о том, как страдает мать; нога у него не болела, и он выучился даже бегать, подволакивая ее. Мама, всегда столь деятельная, с достоинством перенесшая монаршую немилость и светские пересуды, так и не свыклась с мыслью о том, что у нее хромой сын. Впрочем, наша деревенская жизнь протекала мирно. Отец сочинял, читал и размышлял, мать занималась с Иосифом и Аполиной, по вечерам говорили о политике. Я насчитала здесь 15 разных журналов и газет, которые получали родители в 1824 г. Мама делала многочисленные выписки по истории и географии и составляла из них учебную книгу. Среди этих полезных и разнообразных занятий на нас подобно грому обрушились известия о кончине императора Александра, о 14 числе, о никем не ожидавшемся восшествии на престол Николая, третьего сына Павла I.— В начале нового царствования пролилась кровь восставших и генерала Милорадовича, были повешены молодые люди, которых любовь к свободе толкнула на ужасное преступление. (...) Однажды вечером всех взволновал приезд фельдъегеря— в ту пору не было быстреего способа для доставления важных новостей. Обычно на эту службу подбирали самых крепких и выносливых людей (...) Фельдъегерь привез письмо вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которым она просила мама вернуться в Петербург. Полагаю, что родители всё же не вдруг решились оставить деревню. Помню, что день моего рождения, 23 июня, мы провели в Сенницах, откуда, кажется, осенью и отправились в Петербург.— Здесь мои воспоминания довольно расплывчаты.— Знаю точно, что мама предпочла жить не в городе, а в Царском.— Мы провели там две зимы— вероятно, 1827 и 1828 годов. Поселились мы, так сказать, на окраине; там, между огромным лугом, который отделял нас от дворца, выстроенного при императрице Елизавете, и чудным парком мы приятно и уединенно жили зимой. Уроки шли своим чередом. Летом наша жизнь несколько оживлялась: мы часто езжали в Павловск, где жил отец, бывший обер-шталмейстером при дворе императрицы-матери. Нам нравилось его навещать— во многом оттого, что нас угощали фруктами, конфетами и медовым напитком, который отцу подавали в обед.— Мы возвращались домой пешком в сопровождении мисс Барнетт и Анны Прохоровны, которой

тогда было всего 16 лет, и ужинали в 5 часов вечера.—Мария Федоровна полностью вернула мама свое расположение. Я помню, как часто мама одевалась, чтобы ехать в Павловское на ужин или на вечер. Она была пряма, откровенна и всем говорила правду без обиняков. Императрица высоко ценила эти качества, столь редкие при дворе. Отца во дворце также любили; его любезность, умный и глубокий разговор, музыкальный талант прибавляли очарования вечерам, которые устраивались для избранного круга лиц в Розовом павильоне, особенно любимом государыней. К слову об этом павильоне: твой дед Виельгорский был одним из самых искусных и ловких танцоров своего времени. С особенным изяществом и задором он танцевал мазурку. (...) Много лет спустя, когда я стала невестой графа Владимира Соллогуба, он рассказал мне, что вместе с лицеистами, жаждавшими перенять тот шик, с которым танцевал мой отец, он убежал из Царского в Павловск поглядеть на него в мазурке—в Розовом павильоне. В жилах моего отца и мужа текла польская кровь. Позже мне рассказали, что твой дед Соллогуб также был превосходным танцором¹⁴⁶.—Вероятно, именно в это время моя мать познакомилась с Мёрдером, губернатором великого князя Александра Николаевича. Он был немцем по честности, упорству и точности и вполне русским по сердцу и преданности.—Он всегда питал к моей матери глубокое уважение. Причину события, вскоре затем переменившего нашу жизнь и повлиявшего на дальнейший ее ход, надобно искать в отношениях родителей с молодой императорской четой, которые в это время стали более тесными и доверительными.—Государь и государыня не могли противиться обаянию отца, покорявшему всех, кто с ним сближался. Они также постигли возвышенный и незаурядный характер мама. Расположение их к моим родителям быстро возрастало. Смелые взгляды мама на воспитание поразили императора. Мёрдер со своей стороны также мог повлиять на его выбор. И в 1827 г. у его величества созрела мысль о том, чтобы вместе с наследником воспитывались еще два мальчика, и он обратил взор на моего старшего брата Иосифа, удовлетворявшего всем необходимым условиям: он был сверстником великого князя, получил тщательное

¹⁴⁶ Ср. воспоминания В. А. Соллогуба об отце: «Он с молодых лет славился необыкновенным, образцовым щегольством (...) пел приятно в салонах и так превосходно танцевал мазурку, что зрители сбегались им любоваться» (Соллогуб. С. 139).

воспитание, обладал приятным нравом—серьезным и приветливым одновременно. В его душевной чистоте сомневаться не приходилось. У него было хорошее здоровье, для своих лет он не был ни слишком развит, ни отставал; ему очень нравилось заниматься, особенно историей. Ему было в ту пору 10 лет. Думаю, что решающее влияние на выбор императора оказал генерал Мёрдер. Он видел, как мама воспитывает своих детей, и понял, что даже ребенок средних способностей не может не поддаться развивающему влиянию такой матери. Ее любовь к нам напоминает мне отношение королевы Бланки к ее сыну Людовику IX. Это постоянная тревога за ребенка, внимание, предвидящее опасности, разумная и тщательнейшая забота, неиссякаемое терпение. Кроме того, ей всегда хватало смелости требовать от бонн и горничных точнейшего исполнения ее приказаний. Как часто мне самой недоставало подобной настойчивости, и я застывала на пороге, не в силах справиться с робостью, хотя и чувствовала, что сделать замечание—мой долг.—Мама не могла себя упрекнуть в такой трусости.—При всем том мне редко случалось видеть такую преданность, которую питали к ней Марья¹⁴⁷, служившая ей в течение 30 лет, Аннушка, любившая ее и заботившаяся о ней как дочь, наша бонна Барнетт, слепо, по-собачьи ей верная. Итак, зная мама, Мёрдер рекомендовал моего брата в качестве товарища, друга и соученика для великого князя. Ему не пришлось раскаиваться—но ей это принесло горькую печаль. Мне вспоминается, что однажды в доме творилось что-то совершенно необычное: мама обнимала и орошала слезами красного как рак и смущенного Иосифа, рядом с которым стоял Мёрдер. Его отвели в Зимний дворец. С тех пор он не ночевал дома, пока не случился ужасный пожар Зимнего дворца, уничтоживший все крыло здания, где жили великие княжны Мария, Ольга, Александра, наследник, Иосиф и Паткуль; тогда и брат лишился своей комнатки. Эта разлука была нашей первой горестью и прелюдией к другим, еще печальнейшим разлукам.—Вскоре благодаря своим превосходным способностям Иосиф стал лучшим учеником из троих мальчиков, вверенных заботам Мёрдера. Воспитателем Иосифа и Паткуля был Юрьевич, офицер Семеновского полка—маленького роста, невзрачный, рыжий, но славный

¹⁴⁷ Марья Петровна—экономка в доме Виельгорских, прозванная Михаилом Юрьевичем за строгость Марфой Посадницей (см.: Записки графа Н. Е. Комаровского. М., 1912. С. 68).

человек. Все учителя были восхищены быстрыми успехами брата. Расскажу об этом далее, ибо в те годы я была еще слишком мала, чтобы судить о том, насколько избранные генералом Мёрдером дети были способны к достойному прохождению выпавшего им поприща. И потом, летом того же 1828 г. мы должны были ехать за границу. Прежде чем перейти к этому, попытаюсь собрать крохи моих воспоминаний о времени перед нашим отъездом. Мы жили на Большой Морской, в доме Гагарина, с тех пор неоднократно переходившем к другим владельцам. Мы все, 2 мальчика и 3 девочки, спали в одной комнате с мамами на полу были постелены матрацы. Позже для старшего брата отделили особенную комнату, и мы с сожалением лишились его общества. Папа был назначен директором итальянской труппы. Там репетировали «Ченерентолу», «Тайный брак» и другие оперы¹⁴⁸ — именно в это время в нас проснулась любовь к музыке, память на мелодии; все мы были наделены музыкальным слухом и вкусом. Тогда в «Тайном браке» выступала Шрёдер-Девриен¹⁴⁹, великолепная певица, любимица двора и публики. Потом была поставлена «Ченерентола» Россини. Папа вникал во все, тщательно следил за любыми мелочами. Странно, что мне впоследствии никогда не приходилось слышать этой красивой оперы; а в свое время она производила фурор. В ту зиму болезнь младшего брата усилилась — возможно, это было естественным следствием роста. Многие доктора смотрели его и посоветовали матери ехать за границу, а именно в Вюрцбург, древний город, бывший некогда столицей церковного княжества и местом сражений Тридцатилетней войны; в то время там жил Гейне, один из лучших ортопедов Германии¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Итальянская оперная труппа начала свою деятельность в Петербурге в начале 1828 г. Мих. Ю. Виельгорский имел к ней лишь косвенное отношение в качестве члена Комитета театральной дирекции. «Cenerentola» («Золушка»; 1817) — опера Дж. Россини, «Тайный брак» (1792) — опера Д. Чимарозы (в описываемое время отсутствовала в репертуаре петербургской Итальянской оперы).

¹⁴⁹ Немецкая певица В. Шрёдер-Девриен впервые гастролировала в России в 1830 г., когда самой мемуаристки уже не было в Петербурге. С. М. Соллогуб путает ее с примадонной петербургской Итальянской оперы конца 1820-х гг. С. Ф. Шоберлехнер.

¹⁵⁰ Позднее, в 1837 г., Гейне прибыл в Петербург для ознакомления врачей подведомственной Мих. Ю. Виельгорскому Мариинской больницы для бедных с разработанными им инструментами и методиками ортопедических операций (Северная пчела. 1839. № 33. С. 130).

Пускаться в длительное путешествие в 1828 г.—даже в западном направлении—было делом непростым. Шоссе, которое должно было соединить Петербург с прусской границей, пройдя через Дерпт, Ригу и Митаву, еще не было закончено. От Нарвы и почти до самой Риги взору открывались только зыбучие пески, широкие дороги с канавами по краям да одинаковые станционные дома, выстроенные, если не ошибаюсь, при Екатерине II. Она прекрасно понимала, что необходимо проложить удобный, верный и простой путь из России в Северную Пруссию. До Нарвы (...) уже можно было добраться по прекрасному широкому шоссе. Но средства, ассигнованные на его строительство, быстро истощились. Проезжая по сей дороге, вы видели красивые мосты через реку Нарову, крепкие, выстроенные из камня почтовые станции за кирпичными оградами. На этих станциях бывало по 150 и даже 200 лошадей, смотрители были расторопны и услужливы, зато лошади—малорослые, несчастные, сбруя в плачевном состоянии.—Мы путешествовали в двух экипажах—четырехместной карете и коляске, предназначенной для двоих. Взрослых было шестеро: мама, г-жа Рейнгардт, мисс Барнетт, Александр Кондратьевич Шоттен, горничная Мавра, состоявшая при маме в течение многих лет, и слуга.—В те времена следовало брать с собой в дорогу разный скарб, что сейчас совершенно излишне.—И с нами ехало столовое серебро, некоторая посуда, постельное и столовое белье (мама не выносила ни толстых гостиничных простыней, ни грубых, недосушенных скатертей), подушки, а также большие куски замши (ими покрывали кровати, а сверху стелили белье). Неполных восьми лет я вступила в школу скитальческой жизни.—Сейчас мне припомнилось, как на одной из станций между Нарвой и Ригой нас обокрали: во время еды исчезли две большие серебряные ложки. Мама заявила о пропаже; весь дом подняли вверх дном, хозяин возмущался, слуги отпирались—но все было тщетно, и нам пришлось уехать, так ничего и не найдя. В большой берлин¹⁵¹ запрягали 8—10 лошадей, в коляску—6—8. Если дорога становилась совсем ужасной, а песок—чересчур глубоким, мы выходили из экипажей поразмять ноги. Была как раз пора земляники—Миша с сестрами собирали ее в придорожном сосновом лесу. Было жарко; лошади брели шагом.—Сейчас мало кто может вообразить, что значило путешествовать в 1828 г.—Мы ехали так медленно, что мама решила двигаться и ночью. Но через несколько дней мы от этого невероят-

¹⁵¹ Берлин—старинный многоместный экипаж.

но устали, дорога нам опостылела, тело затекло. В нашем экипаже обнаружилась какая-то неисправность, мама решила отдохнуть на станции, и это пребывание произвело на нас неизгладимое впечатление. По всей видимости, это было где-то в Курляндии, за Дерптом или скорее за Ригой, неподалеку от границы. Место было уединенное, даже дикое, тенистое; в просторном станционном доме царила поразительная чистота; вокруг был разбит сад, в нем росло множество цветов и огромное ореховое дерево. Прозрачную воду небольшого пруда бороздили два многочисленных семейства уток и гусей.—Работники были опрятно одеты.—Хозяйка дома, седенькая старушка с лучистыми глазами, была рачительна, деятельна, умна. Скорее всего, она и впрямь была очень мила, раз я до сих пор ее помню. Мама так понравилось там, что мы провели в этом маленьком раю три дня.—Нас искупали и уложили на полу, постелив душистое сено, ибо для всех недоставало кроватей.—Нам подавали восхитительную простоквашу и землянику; обедали мы на лужайке.—Стояла чудесная погода, и каждый отдыхал, стараясь впитать все очарование этого уголка, где нас коснулось дыхание иных краев, с другим укладом жизни, более мягким климатом и более развитым народом. Мы с сожалением покинули эту станцию—кажется, она называлась Ненналь¹⁵².—Упомянутая мною выше г-жа Рейнгардт, отправившаяся с нами в Германию, была вдовой пастора, которого князь Барятинский выписал в Ивановское после женитьбы на красавице графине Келлер.—Всякое воскресенье он совершал богослужение в специально устроенной князем часовне, обедал за общим столом, любил играть на бильярде и импровизировать на фортепиано.—Папа очень смешил нас рассказами о том, как этот почтенный и добрый старик восторгался своим талантом.—Он не имел никакого понятия о гармонии, но выучившись брать некоторые аккорды и играть арпеджио, смело бряцал по клавишам и пробегал по всей клавиатуре стремительными пассажами, производя такой оглушительный шум и такие невообразимые звуки, что отец помирал со смеху—особенно когда пастор, побесновавшись с четверть часа, наконец оставлял в покое инструмент, изреки: «Lauter Phantasie»¹⁵³. Мама частенько мило болтала с г-жой Рейнгардт, маленькой уродливой горбуньей, чем вызывала в той глубокое восхищение. Сама г-жа Рейнгардт была умна, жива, поэтична. Когда она овдовела и ее пребывание в семействе Барятинских

¹⁵² Станция Ненналь расположена между Нарвой и Дерптом.

¹⁵³ «Это просто так—игра воображения» (нем.).

утратило цель и смысл, она приехала с княгиней в Петербург и поступила на место, предложенное ей мама. Она была не гувернанткой—их мама не выносила—но занималась с нами немецким языком.—Если мама вообще была способна к ненависти, то ее предметом были именно гувернантки.—Она часто сравнивала их с чумой, называла причиной разлада между родителями и детьми, камнем преткновения для доверия и любви, заклятыми врагами матерей, педагогическим уродством.—И у меня никогда не было гувернантки. Г-жа Рейнгардт начала учить меня немецкому; старший брат читал с ней «Die Entdeckung von Amerika» Кампе¹⁵⁴. Она сидела подле меня на уроках музыки, но никогда не пыталась как-то направлять наше воспитание.—Мама составляла расписание, подбирала книги, следила за тем, как мы выполняли задания, все держала в руках, ничего не упуская из виду.—Как она успевала все это, остается для меня загадкой; должно быть, ей были известны какие-то высшие тайны. Например, я никогда не слышала, чтобы она занималась музыкой—то есть упражнялась в игре на фортепиано. Однако она музицировала с большим вкусом, выучившись сначала в Смольном институте, затем у Фильда и наконец у моего отца; когда мы танцевали, она импровизировала галопы и вальсы, а зимой 1834 г., которую мы проводили во Флоренции, играла по нашему выбору целые оперы и балеты. Г-жа Рейнгардт немного приговорила нас к усвоению немецкого языка, на котором мы со временем стали говорить свободнее, чем на русском.—У нее был легкий характер, хотя она была немного обидчива, как все немцы; необыкновенно деятельная, она за чтением всегда вязала, славно писала и превосходно рассказывала. Она страстно любила цветы, вечно составляла ароматические саше¹⁵⁵ и воды, и вокруг нее витал какой-то необыкновенно приятный особенный запах, который мы с Аполиной всегда узнавали. Она искренне почитала маму и питала к ней глубокую привязанность. Она помогала маме по хозяйству и не покидала нас в течение четырех лет, которые мы провели в Германии. Впоследствии она обосновалась в Гамбурге вместе со своей подругой-писательницей и провела остаток дней, сочиняя и издавая книги для юношества. (...)

¹⁵⁴ «Открытие Америки» — популярнейшее в то время сочинение немецкого педагога И. Г. Кампе.

¹⁵⁵ Саше (от фр. sachet) — мешочек с засушенными ароматическими растениями для придания приятного запаха белью и одежде.

В октябре 1827 г. в Петербург из заграничной поездки вернулся В. А. Жуковский. Он давно знал родителей Иосифа: знакомство состоялось, по всей вероятности, не позднее осени 1815 г., когда поэт получил свою первую придворную должность — чтеца императрицы Марии Федоровны. В то время он, несомненно, часто встречался и с фрейлиной Луизой Бирон, и с камер-юнкером Михаилом Виельгорским. Вскоре после переезда поэта в Петербург возникает общество «Арзамас». Виельгорский формально не был его членом, но, будучи связан дружескими отношениями с виднейшими «арзамасцами» (Вяземским, А. И. Тургеневым, Батюшковым), принимал непосредственное участие в деятельности кружка. По свидетельству Вяземского, именно он положил на музыку «арзамасские» куплеты с припевом «Сотте ça брусника», которые «весело и шумно распевались на приятельских ужинах»¹. Общение Михаила Юрьевича с Жуковским продолжалось вплоть до отъезда Виельгорских в провинцию. Они возвратились в столицу осенью 1826 г., но в это время поэт находился за границей, куда он отправился еще в мае, для лечения и подготовки к исполнению возложенных на него обязанностей наставника наследника престола великого князя Александра Николаевича.

В его отсутствие за учением наследника присматривал воспитатель К. К. Мердер. Графа и графиню Виельгорских и их старшего сына он, скорее всего, впервые увидел в Москве, во время коронационных торжеств летом 1826 г. Вскоре, наблюдая, как Луиза Карловна пестует своих детей, Мердер проникся к ней неподдельным уважением. Поэтому, когда Жуковский по возвращении в Петербург вплотную занялся подыскиванием совоспитанников для своего девятилетнего подопечного, выбор обоих педагогов естественно остановился на Иосифе Виельгорском². К этому моменту у наследника уже был товарищ —

¹ Цит. по: Арзамас. Кн. 2. М., 1994. С. 175.

² О роли Жуковского в этом см.: Юрьевич С. А. Записки о занятиях наследника // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1526. Л. 43.

Александр Паткуль, происходивший из небогатого остзейского рода, тем не менее известного в новейшей истории России. В петровские времена прославился И. Р. Паткуль, русский посол в Саксонии, вероломно выданный курфюрстом Августом II шведам и казненный³. Семейство заслуженного семеновского офицера В. Г. Паткуля пользовалось благоволением Александра I, и маленький Александр был крестником покойного императора⁴. В то время наследника окружало немало других детей: играть и веселиться к нему приглашались Паша Баранов (сын его первой воспитательницы), Саша и Никса Адлерберги, Петя Мердер, а также Карамзины, Трубецкие, Шуваловы, Нессельроде. Однако товарищ великого князя должен был обладать целым рядом качеств, и ни давнего знакомства, ни даже рекомендаций Мердера и Жуковского было еще недостаточно. Окончательное решение оставалось за императорской фамилией, и здесь свою роль, по-видимому, сыграло и свойство Матюшкиных с Романовыми, и то, что Виельгорские и Бироны весьма многим были обязаны России, и, наконец, чувство личной благодарности, которое Луиза Карловна и Михаил Юрьевич не могли не питать к молодому самодержцу, великодушно предавшему забвению их проступок.

Лестное предложение сделать Иосифа официальным совоспитанником наследника застало Виельгорских врасплох; Луиза Карловна собиралась ехать с детьми за границу. До сей поры она и мысли не допускала о том, чтобы расстаться с сыном, но соблазн был слишком велик: десятки самых знатных, самых приближенных ко двору семейств могли лишь мечтать о такой чести для своих отпрысков.

А. К. Виельгорская — В. А. Жуковскому⁵

[Осень 1827 г.]

Позвольте ли вы, милый и прелестный гений, чтоб я с Либманом⁶ посоветовалась в разсуждении вашего предложения. Материнское сердце такая бездна глупости и слабости, что ваш ум оно не поймет. Нельзя ли мне доставить план уче-

³ Этот известный эпизод был положен Н. В. Кукольниковым в основу трагедии «Генерал-поручик Паткуль» (целиком опубликована в 1846 г.).

⁴ К. Г-в [Голохвастов К. К.]. Русская красавица минувшего века. Памяти М. А. Паткуль, рожденной маркизы де Траверсе. СПб., 1901. С. 14.

⁵ РА. 1902. № 7. С. 437. Уточнено по автографу — ПД. № 27. 955. Л. 13—13 об.

⁶ Ф. И. Липманом.

ния и теперешний распорядок занятий; для моих соображений все эти сведения мне необходимы; когда же я этот пункт соображу, то примусь за другие. Между тем не браните меня и будьте уверены, что, несмотря на всю пылкость вашего воображения, вы себе представить не можете материнской любви. Быть может— и я этого сердечно желаю, что Карамзина⁷ или другая счастливая смертная даст вам понятие о отцовской нежности, которая содержится к материнской как 3 к 7-ми. Простите, что я отвлекаю вас от важных занятий моею запискою, простите великодушно.

Графиня Луиза Вильгорская.

Пока взрослые вели свои переговоры, Иосифа время от времени привозили во дворец поиграть с великим князем и его товарищами. 9 января 1828 г., в день, когда Жуковский провел свое первое занятие с наследником, в дневнике маленького Александра впервые появилось имя его будущего товарища: «Волтижировал у Турниера с Барановыми и Вилигурским»⁸. Еще раз наследник упомянул об Иосифе в записи от 1 марта: «День провел весело. Был в Морском кадетском корпусе. Папа и Мама позволили, чтобы Ося Вилигорски был моим товарищем и жил со мною»⁹. И наконец итоговая запись:

4го марта. Воскресенье.

Играл. День провел весело, и Карл Карлович¹⁰ был мною доволен. Ося Вилигорски приехал к нам.

Александр¹¹.

Казалось бы, подобный поворот в судьбе открывал перед мальчиком самые блестящие перспективы, однако для Жозефа он оказался завязкой его жизненной драмы.

Первое время родители, конечно, продолжали встречаться с сыном¹², но уже в июле Луиза Карловна с младшими детьми, как и пла-

⁷ Возможно, Луиза Карловна намекает на некий проект женитьбы Жуковского на старшей дочери Н. М. Карамзина Софии Николаевне.

⁸ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 270. Л. 5. Рукой Жуковского, просматривавшего дневник своего воспитанника, исправлено: «Вельгурским»

⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰ Мердер.

¹¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 270. Л. 34 об.

¹² В дневнике К. К. Мердера, в частности, отмечено, что 5 апреля 1828 г. прогуливаясь с детьми по городу, он нанес визит графине Вильгорской (см.: Мердер. № 9. С. 429).

нировала, отправилась за границу. В отсутствие жены Михаил Юрьевич иногда видался с Жозефом при дворе, изредка обедал за столом наследника, но вскоре и он покинул Петербург. Вероятно, ему была поручена некая дипломатическая миссия в связи с кончиной императрицы Марии Федоровны, последовавшей 14 октября 1828 г. За границей он задержался надолго. Избалованный любовью и вниманием близких, Иосиф не мог не переживать свою оторванность от семьи чрезвычайно болезненно. Единственным связующим звеном между ним и близкими надолго стала переписка, однако она не способна была заменить впечатлительному мальчику живое общение с семьей. Видимо, тогда в его характере и начала развиваться замкнутость; в душе он жил мечтами и воспоминаниями, тогда как со всех сторон его обступали новые дела и обязанности.

Итак, в жизни Иосифа начался новый период. Теперь у него была своя комната в Зимнем дворце, в апартаментах наследника. Рядом постоянно были воспитатели, учителя и мальчики-товарищи. Ежедневно, кроме воскресенья, дети учились в общей сложности по шесть часов, а время между уроками отводилось для игр, отдыха, чтения, прогулок и пр. Свободных дней было мало, даже многие двенадцатые праздники проходили в учебе; единственная вакация продолжалась с середины июня до 1 августа, но и в это время совоспитанники не должны были надолго покидать великого князя. Дважды в год детям полагалось сдавать экзамены—полугодовые и годовые, в присутствии императора и императриц.

Концепцию учения и воспитания наследника и его товарищей разработал Жуковский. В составленном им «Плане учения», получившем одобрение императорской фамилии, жизнь мальчиков была расписана на десятилетие вперед.

Первый период учения—«отрочество», согласно этому плану, приходился на 1827—1832 годы. Жуковский сравнивал его с подготовкой к путешествию, то есть с приобретением компаса и освоением карты и простейших орудий. Под «компасом» он подразумевал логическое мышление и нравственное чувство, приобретаемое с помощью религии. «Карта»—система первоначальных знаний о мире, поданных в виде целостной картины, «орудия»—иностранные языки. Наставник хорошо знал своего главного воспитанника—великого князя Александра; с учетом его способностей и подготовки и создавался «План уче-

ния». По всей видимости, останавливая выбор на Иосифе Виельгорском, Жуковский рассчитывал, что живой и одаренный мальчик, бывший годом старше наследника, потянет за собой Александра. К этому времени Жозеф, занимаясь дома, приобрел отличную подготовку и в некоторых отношениях даже опережал великого князя (любопытно, что его четкий и уверенный почерк сформировался уже в десятилетнем возрасте). Помимо обязательных французского, английского и немецкого, он изучал латынь, и хотя древние языки были, по указанию Николая, исключены из программы, Виельгорский в соответствии с желанием родителей продолжал свои занятия и оказавшись во дворце.

Но прежде, уже в первые недели новой жизни, Иосифу пришлось с головой окунуться в исполнение непривычных придворных обязанностей. Впереди была Страстная неделя с ежедневными посещениями торжественных богослужений в дворцовой церкви (тогда его впервые исповедовал протоиерей Павский, законоучитель и духовник великих княжон, наследника, а значит, отныне и Виельгорского), затем пышное и многолюдное празднование Пасхи 25 марта и наконец десятый день рождения наследника—17 апреля. Во всех придворных церемониях товарищам великого князя отводилась пока маленькая, но уже вполне ответственная роль. С переселением Иосифа в Зимний дворец изменились не только условия его жизни и окружение, не просто новые задачи встали перед ним—фактически с этих первых дней весны 1828 г. для десятилетнего Виельгорского началась *служба*.

Впрочем, мальчик, скорее всего, не отдавал себе отчета в сущности происходивших с ним событий. Навряд ли его воодушевляло сознание того, какая высокая честь выпала на его долю, хотя взрослые, конечно, не однажды говорили с ним об этом. Ему, ребенку, важнее было найти свое место в новой среде, установить отношения с товарищами, и это, по всей видимости, удалось сделать достаточно быстро. К началу лета, когда детей перевезли из Петербурга в Павловск, Александр Николаевич, Паткуль и Виельгорский уже успели привыкнуть друг ко другу.

Подробные ежедневные записки С. А. Юрьевича, помощника воспитателя, относящиеся к середине—второй половине 1828 г., позволяют внимательно присмотреться к этим отношениям. Неотлучно находясь рядом с детьми, он вел журнал для себя, не только фиксируя события, но и размышляя, анализируя. Богатство деталей и тонкость интерпретации выгодно отличают заметки Юрьевича от аналогичного

дневника Мердера и его ежедневных рапортов, предназначавшихся для августейших родителей и почти исключительно сфокусированных на их сыне. Юрьевич предстает в своем журнале вдумчивым педагогом, одаренным способностью привлекать к себе детей и понимать их и, что особенно важно, искренне любящим всех троих мальчиков. Он начал делать записи еще до появления Виельгорского при великом князе, но интересно, что развернутые психологические характеристики возникают лишь позднее. Дневник Юрьевича свидетельствует о том, что именно с приходом Иосифа воспитательный процесс начался всерьез, и продуманная Жуковским и Мердером концепция заработала в полную силу.

С. А. Юрьевич.

Из записок о занятиях великого князя Александра Николаевича¹³

[11 июня 1828. Павловск. Императрица Мария Федоровна присутствует на уроке русского языка, который проводит Жуковский]

Александр Николаевич отвечал весьма удовлетворительно на все самые трудные логические вопросы. (...) Виельгорский и Паткуль также отвечали хорошо на вопросы, но Виельгорский, будучи старше и сильнее в русском языке, отвечал лучше последнего и даже оказывал нетерпение, когда Александр Николаевич не вдруг собирался отвечать на вопрос. Императрица изволила ласкать Виельгорского и хвалила его порывы.

[17 июня. О штурме потешной крепостицы, устроенном детьми после получения известия о взятии турецкой крепости Браилов]

Паткуль в штурме нашего Браилова не участвовал: Карл Карлович оставил его дома по той причине, что он не хотел одеться в амуницию, как делали другие, подражая Виельгорскому, который просил на то позволения.—Вообще Паткуль при добром его и откровенном нраве весьма легкомыслен и ветрен; с ним товарищи его делают часто что хотят, а особенно умеет пользоваться сим недостатком Виельгорский.

[29 июня]

С тех пор, что Великий Князь воспитывается вместе с своими товарищами, с тех пор особенно, как поступил к нему Виельгорский, произошла в нем большая перемена и, благодаря Бога, самая счастливая. Великий Князь по характеру своему ни в чем и никому не хочет уступить первенство, и это чувство гордости, этот его недостаток с тех пор, как Виельгорский при нем, приносит ему невероятную пользу. Виельгорский получил прекрасные начала под надзором своей матери

¹³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1526. Л. 20—21, 28 об.—29, 43—46, 48 об.—50, 63—63 об., 69 об., 148—148 об.

(весьма умной женщины, чрезвычайно занимающейся образованием своих детей); он с добрым нравом соединяет прекрасные качества ума и редкую память, а к тому же еще и необыкновенное прилежание. Приготовляя свои уроки всегда отлично, он почти всякую неделю (по числу аттестаций гг. учителей в журнале) получает название первого из трех товарищей и этим-то способом заслуживая справедливую похвалу наставников, возбуждает в Великом Князе соревнование и выводит его из того усыпления, в котором он, можно сказать, доселе находился. Старание и усилие, которые показывает теперь Александр Николаевич в приготовлении к экзамену, противоположны совершенно равнодушным его приготовлениям к такому же за шесть месяцев перед сим, служат тому неоспоримым доказательством. Кроме сего, Виельгорский любит заниматься и приятными искусствами: в свободное время, когда другие дети бегают и прыгают на сетке, он или рисует, или чертит свой план¹⁴, или собирает травник¹⁵, чем и Великого Князя захочивает к подобным занятиям; но Великий Князь все еще не приобрел того постоянства в труде, чтобы не соскучить занятием, требующим довольно времени, чего, однакож, можно ожидать со временем при таком соревновании.—Паткуль еще слишком ветрен и мало приуточен, чтобы находить удовольствия в занятиях, однако же он имеет много хорошего в характере и так же одарен щедро от природы талантами, которые, однакож, еще не имели времени развернуться; особенная же его черта, подающая о нем хорошую надежду, это его рвение, с коим он принимается за дело, которое не превышает его сил. В восемь месяцев, что он при Великом Князе, весьма много успел, ибо во многих предметах уже не уступает Александру Николаевичу, успехи же его в развитии физических сил в это время даже невероятны.

Сегодня после ужина, простившись с Великим Князем и Карлом Карловичем, зашел у меня самый откровенный разговор с детьми (Виельгорским и Паткулем). Я завел их в столовую залу, где мы втроем провели более часа. В этом разговоре дети были совершенно откровенны со мною, и невинные их признания в детских шалостях показывали мне еще более добрые, невинные их сердца и хорошие начала нравственного домашнего их воспитания. Но вот разница между Виельгорским и Паткулем. Первый поступает уже по некоторым правилам, кои он составил себе из советов своей матери, и уже различает дурное от хорошего; но второй действует по какому-то еще инстинкту или, так сказать, по внушению первого порыва, он добр по природе.

Приятно было видеть сегодня поутру детей, занимающихся весьма серьезно одних, самих по себе. Виельгорский имел вид учителя. Они занимались повторением географии. Карл Карлович в это время нарочно оставил их одних, сам вышел в другую комнату. Эта роль Виельгорского подала Василию Андреевичу Жуковскому повод к составлению некоторого дежурства между детьми, каждый из них по очереди будет целый день носить звание учителя и должен напоминать обязанности своим товарищам.

¹⁴ План театра военных действий текущей русско-турецкой войны.

¹⁵ Гербарий.

[2 июля. Петербург. Елагин дворец]

В 11^т часов я, оставшись с детьми, прогуливался с ними по Каменному, Крестовскому и Елагину островам, и мы ходили до 2^х часов. Возвратясь к себе к гимнастическим играм, дети еще не чувствовали усталости. Виельгорский пошел к пристани, где стоял катер (на случай прогулки Великого Князя), на коем матрозы отдыхали после обеда. Они, увидав подходящего к ним Виельгорского, приняли его за Великого Князя и все в большой тревоге друг друга будили и спешили надеть свои мундиры; я, заметив это и видя, что Виельгорский не обращает на их беспокойство никакого внимания, подходит к ним еще ближе, отвел его от пристани, и сделав ему замечание, что он обеспокоил отдыхавших людей без всякой нужды, заставив их принять себя за Великого Князя. Виельгорский, хотя и принял замечание мое по-видимому с должным уважением, но, едва я отвернулся, как он пред товарищами своими (с ним был сын Карла Карловича Петр) сделал мину, показывающую неудовольствие и неуважение. Паткуль не мог равнодушно снести такого поступка: подошел ко мне и рассказал об этом при самом Виельгорском¹⁶.

[13 июля]

(...) Виельгорский и Паткуль чертили свои грамматические таблицы. Первый очень обрадовался, когда я показал ему способ проводить параллельные и перпендикулярные линии посредством линейки и треугольника. Он очень любит аккуратность и отделку работы, второй же, кажется, занимается сим только из подражания.

¹⁶ Я похвалил Паткуля за благородный его характер, а Виельгорскому сделал строгий выговор. Он оправдывался (но не извиняясь), хотел с своей стороны обвинить также и Паткуля в подобных поступках, случавшихся с ним прежде, но я не позволил ему говорить о том, показав всю гнусность такого рода мщения, а равно и то, что он непочтительным своим отношением ко мне как легкомысленный ребенок нисколько не мог оскорбить меня; но что только показал скрытую черту своего характера. В доказательство же, что я не сердился на него, я поцеловал его и дал снова детям полную свободу, полагая, что дело этим и кончится. Но Паткуль снова пришел ко мне в большом огорчении с жалобой, что Виельгорский называет его фискалом. Этот поступок Виельгорского обнаруживает дурную сторону его характера, и ему сделан был весьма серьезный за то выговор (примеч. С. А. Юрьевича). Ср. с эпизодом из дневника Мердера: «Вы не знаете,—сказал мне великий князь,—какое доказательство дружбы мне дал Виельгорский: г. Жиль (преподаватель французского языка и географии.—*Авт.*) сказал, что ему никогда не приходится по вторникам и пятницам аттестовать Паткуля *отлично*. Я ему на это ответил, что я знаю причину теперь, это потому, что Паткуль терпеть не может этих уроков потому, что один заниматься не любит. Когда мы остались одни, Виельгорский заметил мне, что я дурно делаю, что передаю то, о чем меня не спрашивают» (Мердер. № 3. С. 535—запись от 31 января 1829 г.).

[17 июля. Посещение мальчиками летнего лагеря воспитанников военно-учебных заведений в Красном Селе]

Великий Князь своим приятным, милым, простым обхождением с кадетами и вежливостью с офицерами привлек к себе всех. Им все в восхищении. Паткуль своею резвостью многим также понравился, а Виельгорский обращает на себя внимание хладнокровным и осторожным обращением.

[8 ноября]

Виельгорский, расставляя с Великим Князем свои оловянные войска, ведет противу его наступательную войну, и в детской тактике его видна уже та сметливость и те соображения, которые показывают в нем теперь уже необыкновенного ребенка. Он с удивительной внимательностью слушает все делаемые ему замечания и, стараясь удержать оные в памяти, при первом случае употребляет их в пользу, к тому же он неутомим в начатом уже деле, хотя к этой игре не так страстен, как Великий Князь.

Дневник Юрьевича носит несомненный отпечаток особенной симпатии, которой автор проникся к Виельгорскому. При других обстоятельствах мальчик имел бы все шансы стать его любимцем, и хотя имя великого князя встречается в тексте гораздо чаще, записи об Иосифе обычно более подробны, дышат неподдельным интересом к этому ребенку и часто искренним теплом.

Целый ряд качеств, которыми обладал Жозеф, не только привлекал к нему симпатии взрослых, но и свидетельствовал об имевшихся у него задатках лидера. Среди его преимуществ был возраст, большие способности и отличная подготовка, благодаря чему учеба давалась ему легко. Не по годам развитое чувство ответственности, выработанное в мальчишке матерью, также выгодно отличало его в глазах педагогов от ребячливых товарищей.

Свои плоды давало и спартанское домашнее воспитание. По-видимому, маленький Виельгорский мог похвастаться отличным здоровьем и физическим развитием. Когда этим же летом товарищи наследника начали учиться плавать, Иосиф скоро так пристрастился к воде, что готов был купаться целыми днями. Ему одинаково хорошо давались танцы, стрельба, верховая езда, борьба и специальные гимнастические игры, требовавшие немалой силы и ловкости, которые Юрьевич, заведовавший физическим воспитанием детей, устраивал по системе известного «отца гимнастики» — немецкого профессора Ф. Л. Яна.

Особенно важно отметить, что Виельгорский отличался в военных играх, любимых наследником и всячески поощряемых Николаем и

Мердером. По-видимому, это и стало основой авторитета, который он так быстро сумел завоевать у новых товарищей. Сами по себе подобные игры, скорее всего, не были новы для него: пока Иосиф жил дома, компанию ему мог составлять и брат, и другие дети, начиная с мальчиков Барятинских. Однако вряд ли ему были знакомы такие великолепные военные игрушки, как настоящая солдатская амуниция—полная копия взрослой, стреляющие ружья и пушечки, военные карты и целые оловянные армии. Штурмы потешных крепостей под руководством опытных офицеров, выстаивание положенного срока в карауле и прочие элементы солдатской службы также были ему в новинку. Впрочем, и в эти игры он втянулся настолько успешно, что скоро уже задавал в них тон.

В системе воспитания великого князя таким забавам отводилась немаловажная роль. Причиной тому было не только личное пристрастие Николая к «военщине», но и его убеждение в том, что воинская закалка является наилучшим средством формирования характера будущего государя—тем более, что маленький Александр от природы не отличался ни отвагой, ни энергией, ни сильной волей. По решению отца наследник, несмотря на свои юные годы, уже числился состоящим в службе, чем чрезвычайно гордился. Его товарищи были зачислены в списки Пажеского корпуса на правах «закорпусных» воспитанников, хотя их связь с этим учебным заведением сводилась, очевидно, только к ношению присвоенного пажам мундира. Всю военную подготовку вплоть до получения первых офицерских чинов им предстояло проходить вместе с великим князем. Само собой разумелось, что оба мальчика посвятят себя военной карьере. А пока они изучали азы солдатского ремесла под руководством унтер-офицера подшефного наследнику лейб-гвардии Павловского полка Лукашова и фельдфебеля Ермилова¹⁷.

Первые месяцы пребывания Виельгорского при наследнике оказались исключительно важными не только для его биографии, но и для дальнейшей жизни обоих его соучеников. В это время между мальчиками сложилась система отношений, в целом оставшаяся неизменной в течение следующих лет. Целью педагогов изначально и было создание устойчивого «тройственного союза», объединившего во многом несходных детей. До появления Виельгорского товарищество наследни-

¹⁷ См.: Воронов П., Бутовский В. История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875. С. 286.

ка с Паткулем, с их точки зрения, было малоэффективным. Веселый и добродушный Паткуль обладал довольно ограниченными способностями и с полным безучастием относился к собственным успехам. Рядом с ним великий князь чувствовал себя весьма комфортно: они дружно играли, причем Паткуль, избегая лишних усилий, частенько позволял руководить собой, в учебе же он почти не составлял наследнику конкуренции. Но воспитатели наследника были обеспокоены. Общение с этим симпатичным, беззаботным лентяем действовало на Александра расслабляюще: слишком легко давалось ему превосходство над товарищем. Пример равнодушия к занятиям был особенно опасен, поскольку грозил выработать то же качество и у великого князя. Николай, напротив, предполагал дать сыну серьезное образование, отвечающее современным потребностям (и лучшее, нежели то, которое в свое время получил сам). Уравновесить, а желательно и преодолеть нежелательное влияние на наследника его единственного товарища—такова была задача, для исполнения которой тщательно подбирался еще один мальчик.

С его появлением в ближайшем окружении великого князя возникла новая ситуация. Наследник занял промежуточное положение между двумя товарищами—более сильным и более слабым. На Виельгорского как явного лидера троицы легла наибольшая ответственность. Ему не составило труда реализовать свое всестороннее превосходство над Паткулем—тот сам, по обыкновению, предпочел занять подчиненное положение. Вскоре это зафиксировал Юрьевич: «Замечательно, что Паткуль во всех случаях играет у Виельгорского вспомогательную роль и охотно берет на себя механическую работу, которую, однако, исполняет с большою даже мелочностью и аккуратностью»¹⁸. Зато отношения с великим князем с самого начала были куда сложнее. Личность нового товарища, очевидно, произвела большое впечатление на наследника. Соперничество, на которое рассчитывали воспитатели, не замедлило проявиться, причем отнюдь не только в учебе. Похвалы, которые Виельгорский часто получал от старших, подхлестнули Александра Николаевича, и он начал во всем подражать Иосифу, повторять его действия. Стоило Виельгорскому увлечься собиранием гербария, как великий князь заявил, что будет делать то же¹⁹. Очень

¹⁸ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1526. Л. 161 об.

¹⁹ Дневник К. К. Мердера—ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1547. Л. 42 об.

выразителен и следующий эпизод, записанный Юрьевичем. 10 июля 1828 г., возвращаясь в Павловск из поездки по окрестностям, дети остановились возле живописной сельской кирхи и домика пастора, чтобы под руководством своего учителя А. И. Зауервейда заняться рисованием. О том, что это была не забава, а серьезная учебная работа, говорит то, что Паткулю не позволили принять участие в рисовании под предлогом, что он еще не начинал учиться этому искусству. Наследник и Иосиф, равные в своих умениях, приступили к работе. Выбор объектов оказался различным: Виельгорский рисовал кирху, наследник — пасторский дом. Оба усердно трудились над своими листочками, но едва взглянув на работу товарища, великий князь немедленно охладел к собственному рисунку и выразил желание также нарисовать кирху²⁰.

Прошло всего несколько месяцев с момента появления Жозефа при наследнике, а воспитатели уже могли с удовлетворением констатировать благотворное действие изобретенной ими системы. Мердер в этом отношении вторит Юрьевичу. Так, 26 июня он записывает в дневнике: «После обеда Виельгорскому пришла мысль начертить Дунай со всеми на нем лежащими крепостями; г. Юрьевич показал ему, каким образом следует за сие приняться. Едва великий князь увидел, взял карту и тоже начал работу. До сих пор я чрезвычайно доволен Виельгорским (...) Великий князь (...) теперь только начинает убеждаться в истине, что веселость и чистое удовольствие сердца имеют источником точное исполнение обязанностей. Вот неоцененная польза, которую приносит великому князю товарищ его Виельгорский. Великий князь любит Паткуля и любим взаимно, но Паткуль не любит заниматься, даже и в играх не имеет ничего постоянного»²¹.

Однако вскоре все заметнее стали проявляться и вовсе неожиданные следствия, вытекавшие из практики соперничества. Заметив как-то вялость наследника при игре с Иосифом в бильярд, Мердер спросил, правда ли, что ему теперь разонравились многие игры, которыми он прежде охотно забавлялся. «Вы правы, я более в них не нахожу удовольствия», — отвечал великий князь. «Видите ли, мой милый, — резюмировал воспитатель, — (...) все, что доставляет вам малейший труд, пугает вас и вам противно»²². К этому следует добавить, что пре-

²⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1526. Л. 59 об.

²¹ Мердер. № 2. С. 358.

²² Там же. № 3. С. 542.

жде любимые игры превратились для Александра в труд, а иногда, возможно, даже в неприятную обязанность — именно в связи с появлением сильного соперника.

В записках Юрьевича запечатлена еще одна сцена, в которой отразилась важнейшая психологическая коллизия, определявшая характер отношений между товарищами. Речь идет об использовании «запрещенного» педагогического приема. Так, 20 ноября 1828 г., во время ежедневного посещения мальчиками августейшего родителя, «Его Величество изволил по обыкновению спросить у детей, кто из них лучше аттестован за уроки. Оказалось Виельгорский, почему Государь удостоил его первого подзвать к себе и, поцеловав, приказал на будущее время подходить к себе первым тому, кто лучше аттестован в журнале. (...) Вечером Великий Князь сказал Карлу Карловичу, что теперь Виельгорский не всегда будет первым»²³.

Быстрый видимый эффект подобных воспитательных мер чрезвычайно вдохновлял педагогов. Юрьевича приводила в восторг строгая объективность отца, заставлявшего десятилетнего сына прилагать сознательные усилия к тому, чтобы заслужить высочайший поцелуй. Тех же взглядов придерживался и Жуковский. Ничто не беспокоило педагогов. Между тем, уравнивая таким образом родного сына с другими мальчиками, отец фактически манипулировал проявлениями родительской любви, ставя их в зависимость от того, насколько успешно ребенок выполняет требования взрослых. В результате ежедневная процедура отчета и получения награды надолго превратилась в тяжелое испытание для ее юных участников, прежде всего для великого князя и Иосифа: Паткулю редко выпадала возможность превзойти в чем-то своих товарищей. Вечер, когда непреклонный Николай для усиления воздействия запрещал проштрафившемуся сыну подходить к себе, а поцелуй и похвала доставались прилежному Виельгорскому, нередко заканчивался слезами великого князя. Ребенок, вероятно, ощущал себя публично отвергнутым отцом, а в товарище видел в этот момент похитителя отцовской любви.

К счастью, превосходство Виельгорского не было абсолютным, и наследнику также нередко случалось занимать место первого ученика. Благодаря этому он все-таки не возненавидел удачливого товарища, чего в противном случае можно было бы ожидать. Но чуткий Иосиф

²³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1526. Л. 158—158 об.

не мог не ощущать двусмысленности своего положения и тяготился этим. На его переживания обратила внимание А. О. Россет, которая в качестве фрейлины, очевидно, не раз бывала свидетельницей таких сцен. Она вспоминала: «Это товарищество было нужно, как шпоры для ленивой лошади. Вечером первый подходил тот, у которого были лучшие баллы, обыкновенно бедный Иосиф, который краснел и бледнел»²⁴.

На первый взгляд, взрослые добились своего—им удалось пробудить честолюбие великого князя. Но все оказалось не так-то просто. Александру было трудно привыкать к непрерывной борьбе. Первенство теперь стало достижимым для каждого и грозило уплыть у него из рук. Провести же границу между понятиями «хочу занимать место первого ученика» и «хочу учиться лучше всех» он пока не умел. Поведение отца еще более дезориентировало его. То, что у него отнимали прежнюю привилегию, которая принадлежала ему по праву рождения и естественно ассоциировалась с отцовской любовью, ранило мальчика. В результате воспитателям пришлось бороться с его внезапными капризами и проявлениями ревности к товарищам.

Дневник Мердера конца 1828—начала 1829 гг. свидетельствует о том, насколько сильно было давление взрослых и как тяжело давалась Александру адаптация к новым условиям. В это время Николай почти ежевечерне посещал детей. По желанию отца сын в его присутствии играл с Виельгорским в солдатики. Император нередко присоединялся к ним на стороне одного из участников, тем самым внося в игру элемент острого соперничества. При этом все усилия прилагались к тому, чтобы сохранить видимость беспристрастия. Вот выразительная сцена 11 января 1829 г.: «Государь император, придя в комнаты великого князя, чтобы присутствовать при сражении, приказал бросить жребий, чтобы решить, при ком из наших господ его величеству быть начальником штаба. Жребий пал на Виельгорского—великий князь заплакал»²⁵. Терзания наследника не заканчивались и после жеребьевки. В игре он часто уступал своему противнику из-за элементарных тактических ошибок, вызывая этим недовольство отца. Наконец это насторожило наблюдавшего за своим воспитанником Мердера. «Я заметил в великом князе что-то необыкновенное, ему несвойственное,—записал он 8 февраля,—от малой уверенности в самом себе дрожь про-

²⁴ Смирнова. С. 198.

²⁵ Мердер. № 3. С. 530.

бегала по его телу: он опасался проиграть сражение. Когда же борьба началась, он успокоился и распоряжения делал прекрасно»²⁶.

Впрочем, непоколебимому Николаю все-таки не удавалось быть до конца последовательным в отношениях с сыном. Так, 18 января при метании жребия «Виельгорскому судьба улыбнулась, великий князь был готов плакать, но однако удержался. Государь император сам не мог удержаться, чтобы отказать ему на сей раз свои услуги, и предложил императрице еще раз бросить жребий; наконец великий князь был счастливее»²⁷. Воспитатель не обратил внимания, как на подобную интерпретацию справедливости реагировал Виельгорский. Однако несомненно, что Иосиф в эту минуту получил наглядный урок, убедившись в том, какой надуманный и в сущности чисто внешний характер носила столь тщательно выстроенная система «равенства» в отношениях мальчиков. Играя роль «товарища», в то же время всегда «знать свое место» — такова была стоявшая перед юным придворным задача²⁸.

Дополнительный свет на этот круг проблем проливают любопытные воспоминания Е. П. Самсонова, в то время воспитанника школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По распоряжению Николая I Самсонов и его соученик Мальцов, лучшие питомцы школы, в течение нескольких месяцев 1828—1829 гг. посещали вели-

²⁶ Там же. С. 539.

²⁷ Там же. С. 532.

²⁸ На практике жесткость этой поведенческой схемы зачастую смягчалась различными обстоятельствами. Александр был добродушен и, по-видимому, искренне привязан к своим товарищам; так, еще в тринадцатилетнем возрасте он был способен прыгать от радости, узнав, что Паткулю и Виельгорскому позволено сопровождать его в поездке в Москву. Однако стоило кому-нибудь из них забыть, увлекшись игрой, как острая реакция наследника немедленно возвращала провинившегося к реальности: «Во время прогулки нашей на воде маленький корабль великого князя шел на буксире за нашу лодкою. Виельгорский приказал грести скорее, отчего корабль наклонило и залило водою. Великий князь крайне огорчился, слезы и негодование показались на лице его; но он то и другое скрыл. Я заметил в нем сильное движение и ожидал последствий (...) Великий князь, полагая, что за ним не наблюдают, схватил Виельгорского за шею, потряс его и дал ему несколько толчков. Поступок сей вынудил меня сделать ему весьма строгий выговор и объявить, что поступком сим он сам себя унизил, ибо выказал гнусное чувство мщениия» (Там же. № 7. С. 28 и № 5. С. 277—278; записи от 20 октября 1831 и 10 июля 1829 г.).

кого князя, чтобы играть вместе с ним, его товарищами и постоянными приятелями. Им велено было держаться с наследником непринужденно и называть его только Александром Николаевичем без всяких «императорских высочеств». «Мердер,—пишет Самсонов,—сразу поставил нас в желаемые им отношения к великому князю, то есть в отношения совершенного равенства и товарищества, на что сам наследник, как ребенок очень доброго сердца и чрезвычайно мягкого характера, поддался без всякого затруднения, тем более, что он имел уже привычку, воспитываясь (...) с двумя товарищами—Паткулем и Вильгорским.—На основании этого принципа товарищества, не стесняемые придворным этикетом, мы постоянно всякое воскресенье и всякий праздник отправлялись в Александрию²⁹ и там все вместе бегали, играли, катались, словом, забавлялись всяким образом. Весьма часто государь и императрица, присутствуя при наших забавах, сами принимали в них участие, а иногда брали нас с собою кататься в шарабане или другом каком поместительном экипаже.—Иногда же, в большие праздники, компания наша усиливалась избранными воспитанниками кадетских корпусов, и тогда игры наши принимали большие размеры: заводились бары, лапта, пятнашки и прочие игры, требующие многочисленных участников»³⁰. О том, какое воспитательное значение придавалось даже этим играм, говорит запомнившийся мемуаристу случай: Николай попросил мальчиков специально для него повторить финал игры в бары, по правилам которой проигравшие должны нести на спине победителей, и с удовлетворением наблюдал, как десятилетний наследник честно тащил великовозрастного Самсонова. К счастью, тот был невысок ростом и тщедушен.

Для юных военных встречи с наследником были чем-то вроде премии за успехи в учебе, принятой с гордостью и благодарностью, что хорошо заметно в воспоминаниях, написанных десятилетия спустя. Ни тогда, в юности, ни позднее Самсонова, по всей видимости, не смущала мысль о том, что он исполнял роль живой игрушки. Между тем намерение взрослых состояло именно в том, чтобы использовать его и Мальцова как орудия для воспитания наследника. Цель их была, несо-

²⁹ Александрия—имение Александры Федоровны в Петергофе, подаренное ей мужем, где в небольшом дворце Коттедж императорская семья предпочитала проводить лето.

³⁰ Самсонов Е. П. Воспоминания // РА. 1884. № 2. С. 430.

мненно, благая — с ранних лет приучить его высочество к естественным товарищеским отношениям. Они надеялись вопреки влиянию придворной атмосферы предотвратить развитие в нем высокомерия, не дать утвердиться привычке смотреть на других людей как на кукол. Однако не замеченная педагогами проблема состояла в том, что единственной *целью*, имевшей значение в данном воспитательном процессе, молчаливо признавался только великий князь, а окружающие выступали исключительно в качестве *средств*, одушевленных инструментов.

Впрочем, сами «инструменты» в свои 15—16 лет уже умели по достоинству оценить выпавшую им честь и были искренне убеждены, что и их интересами не пренебрегают. И все же не приходится сомневаться, что по собственной инициативе подростки вряд ли стали бы резвиться в компании 10—11-летних детей. Что же до мальчика, ради воспитания которого все затевалось, то он исподволь привыкал к тому, что, с одной стороны, старших присылают к нему как гостинцы, а с другой — что в товарищи ему достаются даже не те, кого он сам, возможно, выбрал бы, а те, кому этот шанс выпал по чисто формальной причине — где-то, когда-то заслужившие это отличие. Таким образом, за внешне товарищескими отношениями скрывались ничуть не ослабленные отношения господства-подчинения. Впрочем, обе стороны не только не осознавали этого, но вполне добровольно и радостно играли свои роли. В жизни Самсонова общение с наследником было эпизодом, не оставившим никакого неприятного осадка. Внутренний конфликт не проявил себя, и таково было общее правило, но нельзя забывать и о возможных исключениях.

Виельгорские-старшие были лишены возможности следить за подробностями воспитания Жозефа. Материалы семейной переписки свидетельствуют о том, что в течение ноября-декабря 1828 и в начале следующего года Михаил Юрьевич успел побывать в Брюсселе и Париже. Нашел он время и для того, чтобы навестить Луизу Карловну, которая поселилась с дочерьми в Вюрцбурге, желая быть поближе к младшему сыну, проходившему курс лечения в тамошнем ортопедическом институте³¹. Ненадолго семейство Виельгорских собралось там почти в

³¹ 14/26 декабря 1828 г. Мих. Ю. Виельгорский писал Жуковскому из Веймара, где он находился к тому времени уже неделю: «Обними нежно Оську, через три дня буду на минуту с своими. (...) Пиши ко мне в Брюссель (...) Карлу Карловичу сердечный поклон!» (РА. 1902. № 7. С. 439).

полном составе, включая и Матвея Юрьевича. Он с трудом поправлялся после тяжелой болезни и несколько месяцев провел в Германии со своей невесткой и племянниками. Судя по всему, Виельгорским удалось перенести в Вюрцбург привычную теплую атмосферу своего семейного быта: «Анна Михайловна находится в вожделенном здравии. С твоего отъезда она приметно потолстела и забавляет и утешает нас своим болтанием,—сообщал Матвей Юрьвич брату.—Теперь большая страсть к Мавре, она сожалеет и удивляется, отчего у нее нет совсем детей. Миша ездит к нам в гости; он очень поправился. Аполина здорова. Шотен *garde-malade*³² и мой и Фофы. (...) Ноги еще слабы, однакож я уже два раза с детьми танцевал. К нам ходят Мишины приятельницы по воскресеньям, а дети рады этому случаю, чтобы попрыгать. Оне начинают хорошо вальсировать»³³.

Графиня была поглощена ходом лечения Миши, много огорчений ей доставляло и здоровье Софи. «Луиза (...) признаться (...) меня более встревожила, нежели Фофа с своей болезнью. Ты можешь себе представить, как ее воображение работало во время сего беспокойства, ей казалось все в опасном и увеличительном виде»³⁴,—писал брату Матвей. В отношении старшего сына, как бы усыновленного императорской четой, мать позволила себе несколько успокоиться. Рядом с ним, к счастью, находился человек, которому она вполне доверяла.

Из письма Л. К. Виельгорской к В. А. Жуковскому³⁵

Вюрцбург, 10 декабря [1828]

Давно было мое желание писать к вам, дражайший Василий Андреевич, но удерживала меня от одного мысль, что вы, будучи очень заняты, весьма дорожите вашим временем, почему казалось мне почти грешно отвлекать вас от важных занятий ваших моими письмами, содержание которых всегда было бы одно и то же. Повторение моей вам живейшей признательности за любовь, оказываемую вами Отеньке, и отеческие ваши об нем попечения для души вашей, воспламененной прекрасной целью приготовить счастье для будущих поколений образованием сердца любезного царского сына, питомца вашего, покажется, вероятно, для вас мало важным. Но чем более могу я ценить то счастье, которого нежнейшая лю-

³² сиделка (фр.).

³³ ПД. Ф. 50. № 79. Л. 5 об.—6, 7 (письма от 2/14 и 4/16 марта 1829 г.).

³⁴ Там же. Л. 1 (письмо от 19/31 января 1829 г.).

³⁵ ПД. № 27. 955. Л. 1—2 об. Почтовая бумага с траурной каймой.

бовь к сыну и пылкое воображение не могли бы никогда ни предвидеть, ни желать, а именно того счастья, предоставленного ему судьбою, пользоваться вашими наставлениями и согреваться юному сердцу его благотворными лучами любящей и благороднейшей души вашей, тем менее возможно мне осудить чувствования мои на совершенное молчание.

Что делает Оленька? Здоров ли он? Отвечает ли он совершенно вашему ожиданию? Искренняя любовь ваша к царскому сыну, питомцу вашему, горячая ревность к пользе и счастью его переходят все границы возможного и доказывают, что любовь сильнее умственных сил, быстрее их и оставляет действительность вне пределов желаемой цели. Это быть может; и в таком случае должно иметь неприятное влияние на предмет обманутой надежды. Или яснее сказать, я боюсь, что столь хорошие отзывы ваши об Оленьке не были слишком преувеличены. Истина от меня сокрыта; счастье мое в заблуждении! Я бы узнала правду, если б имела удовольствие говорить с вами лично. В ожидании сего случая по крайней мере желала бы я узнать нынешние расположения ваши к Оленьке, хотя из письма вашего. Могу ли я надеяться, что вы пожертвуете мне на сей предмет несколькими минутами.

Несчастье, постигшее царскую фамилию и всю Россию³⁶, ужасно также поразило и нас. Вероятно, оно очень чувствительно было для высокого воспитанника вашего (...) Приготовления к похоронам, столь трогательные, делают печальное впечатление на детей и иногда могут иметь для них худые последствия. Я уверена, несчастное обстоятельство сие будет также предметом умных ваших наставлений. Посылаю вам французскую газету, из которой усмотрите, что в Париже в воспитании гер(цога) Борд(оского) подражают мудрым наставникам Александра Николаевича. (...) Если удастся мне съездить в Париж, то постараюсь получить подробные сведения о гер(цоге) Бордовском. Он, говорят, также имеет сотоварища и занимается гимнастикой с тех пор, что Мармонт³⁷ был в Москве и имел случай удивиться ловкости и неустрашимости наследника. Мой дорогой стопник³⁸ теперь почти вылечен. Большая нога его совершенно подобна здоровой, и я надеюсь с Божи[е]ю милостию, что я привезу его с прямым станом и что он не будет, подобно Байрону, мизантропом от несчастного влияния хромой ноги. Прощайте, достопочтеннейший Василий Андреевич. Желая вам здоровья соразмерно вашим неусыпным трудам и заботам. Препоручаю вам нежно ласкать ежедневно вашего и моего Оленьку, дабы он не отвык от родительской ласки. Наталье Яковлевне³⁹ не забудьте отдать мой нежнейший поклон, Карамзиной прошу от меня поклониться, равно г(оспо)дам Жилу и Юрьевичу.

³⁶ 14 октября 1828 г. скончалась императрица Мария Федоровна.

³⁷ Маршал О. Ф. Мармон в 1826 г. посетил Россию в качестве экстраординарного посла Франции для принесения поздравлений Николаю I с восшествием на престол и присутствия на его коронации.

³⁸ Сын Михаил.

³⁹ Плюсковой.

В конце января 1829 г. состоялся годовой экзамен. В течение шести дней мальчикам предстояло демонстрировать свои знания в присутствии Николая I. Наследник горел желанием показать себя в соревновании с Виельгорским, и хотя ему не удалось превзойти товарища (в итоге оба набрали равное количество баллов), педагоги были приятно удивлены рвением, которое Александр проявил при подготовке к экзамену, и его блестящими ответами. Николай также объявил о своем полном удовлетворении, и с этого момента воспитательная система, частью которой был Иосиф, окончательно утвердилась, пройдя высочайшую апробацию.

Один из главных ее творцов, Жуковский, окрыленный первыми успехами, обратился к мальчикам с речью, раскрывавшей перед ними дальнейшие перспективы:

С прошедшим годом, можно сказать, кончилось ваше ребячество. Наступило для вас такое время, в которое вы можете начать готовиться быть людьми, то есть стараться заслуживать *уважение*. До сих пор по ребячеству вы еще не могли понимать, что такое уважение. Оно не есть одобрение за один или несколько отдельных хороших поступков, но одобрение за постоянную хорошую жизнь и в то же время уверенность, что эта хорошая жизнь всегда такою останется.

Теперь мы начнем заниматься историею⁴⁰; она будет для нас самым убедительным доказательством, что уважение приобретается одними постоянными добродетелями. Вы, великий князь, по тому месту, на которое назначил вас Бог, будете со временем замечены в истории: от этого ничто избавить вас не может; она скажет об вас свое мнение пред целым светом и на все времена, мнение, которое будет жить в ней и тогда, когда вас и нас не будет. Чтобы заслужить уважение в истории, начните с ребячества заботиться о том, чтобы заслужить его в кругу ваших ближних. Теперь ваш свет заключен для вас в учебной вашей горнице и в жилище вашего отца и государя: здесь все вас любит, все живет для вас, вы для нас прекрасная, чистая надежда. Знаю, что вы верите нашей любви; но, будучи в ней уверены, думайте о том, чтобы ее стоить. Знайте, какова будет ваша жизнь здесь, в маленьком вашем свете, перед вашим семейством, перед вашими друзьями, такова она будет и после перед светом и Россиею; что будем думать об вас мы, то со временем будет об вас думать отечество. Мы начали любовь к вам, но по этой же любви к вам мы обязаны вас судить строго; отечество прежде начнет вас судить строго и потом уже станет любить вас, если вы это заслужите. Чтобы строгой суд отечества мог со временем обратиться в любовь, думайте о том, чтобы наша любовь обратилась в уважение, а на это одно средство: владейте собою, люби-

⁴⁰ Первое занятие по всеобщей истории у Ф. И. Липмана состоялось 4 февраля 1829 г.

те труд, будьте деятельны; тогда будете иметь все, ибо за ваше сердце мы все отвечаем смело.

То же, что я говорил великому князю, могу сказать и Вьельгорскому и Паткулю с тою однако великою разницею, что их будущая обязанность маловажна в сравнении с обязанностью великого князя. Но обязанность быть достойным уважения для всех *одинакова*. До сих пор вы еще не могли совершенно понимать, для чего вы здесь и что значит для вас быть товарищами великого князя. Теперь вы уже это понимать способны. Государь, приблизив вас к своему сыну, благоволил тем изъявить свою надежду, что вы будете ему полезны, будучи сами достойны уважения чувствами, мыслями, поступками. Быть товарищами великого князя не значит жить с ним под одною кровлею, делить с ним и труд, и забавы, нет! будьте товарищами души его, будьте сами прекрасны душою, так, чтобы со временем Государь и отечество, видя, что вы сделались людьми отличными, могли порадоваться, что во младенчестве и в молодости вы были приближены к наследнику России. Скажу одним словом великому князю: *владей собою, будь деятелен*, Вьельгорскому: *будь постоянен и откровенен*, Паткулю: *не будь легкомыслен*; а всем трем: *будьте покорны* вашим наставникам, которые теперь представляют для вас и закон ваш, и ваши обязанности. Сия покорность есть не иное что как уважение правила. Привыкнув теперь повиноваться нам (по доверенности к любви нашей), вы и тогда, когда мы вас покинем, останетесь с привычкою повиноваться закону, а это главное в жизни, как для собственного счастья, так и для пользы другим. Успешной экзамен, на котором все вы отличились, доказывает только то, что вы способны исполнить свою должность, когда на это решитесь, а не то, чтобы вы ее *постоянно* исполняли, ибо годовой расчет не совсем соответствует экзамену. Чтобы подобного не могло случиться с вами в течение настоящего года, берегите в сердце одно: благодарность к Государю, который, пожертвовав нашему экзамену двенадцатью часами своей царской жизни, сделал более, нежели сколько нам отдать было позволено. Вы заслужили одобрение Его Величества, отличившись на экзамене; мы надеемся, что в конце следующего года получим и право на его уважение своим постоянством, а этого мы имеем право от вас ожидать. Какими вы были в течение шести дней экзамена, такими можете и должны быть в течение целого года⁴¹.

Эта речь — квинтэссенция педагогических воззрений наставника — отразила свойственный его мышлению схематизм. Механически проводя жесткую границу между временем беззаботного «ребячества» и наступающим периодом возрастающей ответственности, Жуковский словно не замечал возраста слушателей (Вьельгорскому вскоре должно было исполниться двенадцать лет, Паткулю шел двенадцатый год, наследнику — одиннадцатый). «Ребячество» не могло окончиться для

⁴¹ РА. 1908. № 11. С. 385—387.

них вдруг, одновременно. И хотя величественная картина грядущего совершенствования, развернутая перед ними, не могла не произвести впечатления, наставник ошибался, рассчитывая на полное понимание идей, которыми оперировал. Задача была сформулирована слишком по-взрослому. Наибольшее же воздействие эта речь оказала на педагогическую риторику самих воспитателей. Отныне выдвинутое Жуковским понятие *уважения* стало критерием, по которому официально оценивались все поступки детей. Завоевание уважения со стороны взрослых было провозглашено главной моральной ценностью, к которой следовало стремиться мальчикам. Впоследствии эта идея на разные лады будет звучать в высказываниях педагогов, ее будут повторять вслед за старшими и сами воспитанники.

Другое ключевое понятие — *правило*. Здесь речь Жуковского переключается с «Планом учения»: «Великий князь не должен ничего делать без правил: каждый предмет его учения должен беспрестанно ему напоминать, что во всем главное есть *правило*. (...) Его высочество должен привыкнуть не почитать ничего выше своих обязанностей»⁴². Этика Жуковского повелевала любому человеку ставить на первое место соблюдение «правила», будь то историческая закономерность, правовая норма или норма повседневного общения с окружающими, однако всякое «правило», по Жуковскому, подлежало обязательному испытанию личной совестью человека: здесь и речи не могло идти о конформизме. Поэт надеялся сделать своих учеников самостоятельно мыслящими людьми, которые живут по внутренним моральным законам, принятым ими на себя добровольно, но от того не менее строгим. Лишь строгое исполнение своей «должности» во имя «правила» делает человека достойным уважения. Этот идеал охватывал все, начиная с повседневной самодисциплины частного человека и кончая самоотвержением монарха, направляющего всю мощь своей власти на служение идеям справедливости и законности.

Эту речь, обращенную к детям, дополняет следующий документ, предназначенный для сведения императора и императрицы⁴³. Он написан рукой Жуковского, но содержащиеся в нем характеристики троих товарищей, несомненно, обобщают наблюдения всех педагогов.

⁴² Жуковский. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 139, 144.

⁴³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1548. Л. 15—16. Высший балл в приводимом таблице — единица.

Обозрение поведения и прилежности в учении в последние полгода 1828 ⁴⁴		Число отметок за беспорядок		— ⁴⁴	10	9
		Число недель отличных	за учение	II	V	—
за поведение	IV		—	I	—	
полные недели	I		V	—	—	
Число отметок в настоящей книге	Итого	627	1300	734	1436	366
	за учение	673	—	702	—	620
	за поведение	—	—	—	—	—
Номера, полученные на последнем экзамене	Итого	11	—	11	—	—
	в чистописании	1	—	2	3	—
	в английском языке	2	1 ⁴⁵	—	—	—
	в немецком языке	1	2	3	—	—
	во французском языке	1	1	2	2	—
	в географии	1	1	2	2	—
	в математике	1	1	2	2	—
	в физике	1	1	2	2	—
	в русском языке	2	1	3	—	—
	в законе (Божием)	1	1	—	—	—
		<i>Александр Николаевич</i>				
		<i>Вьельгорский</i>				
		<i>Паткуль</i>				

⁴⁴ В отличие от великого князя и Вьельгорского Паткуль исповедовал лютеранство и поэтому не занимался с православным священником.

⁴⁵ Учебную тетрадь Иосифа «English phrases», датированную маем 1828 г., см.: ОПИ ГИМ. Ф. 342. № 110.

Сообразив числа, означающие *отдельные* хорошие часы поведения и учения, и номера, означающие полные *отличные* недели, находим, что первенство как в учении, так и в поведении за прошедшие полгода принадлежит Вьельгорскому. Но отметки, означающие отдельные часы, не столь, однако, важны, как номера, означающие целые отличные недели. Первые доказывают, что были удачные *опыты* исполнять свою должность, последние свидетельствуют, что было *постоянство* в ее исполнении. Но справедливость велит сказать, что Вьельгорский хотя и заслуживает первенство перед другими по числу отметок, не получает права на одно особенное одобрение; права же на уважение и он еще не может иметь, ибо уважение дается за постоянство. Всех недель было 23. Из них только *пять* отличных *полных* и *пять* отличных по *поведению*. Всего на все $7\frac{1}{2}$ *полных*. Довольно для похвалы, но мало для уважения. Та же справедливость велит заметить, что Великий Князь в конце года был вообще *постояннее* и *деятельнее* против прежнего, чем и доказал, что он наконец решился владеть собою.

По принятому нами правилу, в следствие расчета оказывается, что право начинать вносить деньги в кассу благотворения⁴⁶ еще никому дано быть не может. Его получит только тот, кто в течение полугода будет иметь по крайней мере две трети недель отличных полных.

Александр Николаевич

Хорошие качества Великого Князя суть следующие:

Постоянное благородство характера, достойное его звания, его родителей и России.

Чистота сердца, в котором нет и подозрения дурного.

Отменно здравый ум, понимающий все есть ли не быстро, то верно, и сохраняющий особенно все то, в чем заключается дельная мысль.

Хорошая память, могущая весьма усовершенствоваться, есть ли будет на то добрая воля.

Драгоценная любовь к справедливости.

Уважение к должности, которое может, есть ли будет соединено с деятельностью, обратиться в высокую добродетель.

Великодушное признание чужого достоинства без малейшей зависти.

Главные недостатки Великого Князя суть следующие:

Слабость воли, от чего происходит неспособность управлять собою.

Лень ума, который боится работы, отчего и самая должность, которую Великий Князь уважает, редко бывает исполнена как следует.

Недостаток честолюбия или лучше сказать слишком робкое честолюбие. Великий Князь более боится неудачи, нежели стремится быть в деле своем первым.

Какое-то физическое беспокойство, заставляющее Великого Князя быть в беспорядочном движении, что вредит его вниманию и отвлекает его от работы.

⁴⁶ Об этом см. ниже.

Наконец, иногда слишком поспешное мнение о своем знании, самонадеянность, от чего расположение неохотно принимать совет или наставление. Великий Князь позволяет себе иногда слушать то, что говорят ему его наставники, с какою-то рассеянностью.

Вьельгорский

С хорошими качествами, которые имеет Великий Князь, Вьельгорский соединяет эти: любопытство, живую внимательность, любовь к труду, прилежность, легкость в работе, горячее честолюбие заслужить делом одобрение.

Главный недостаток его состоит в том, что, будучи деятелен по любви к труду, он не всегда бывает постоянен, может начать и не доканчивать начатого. Великий Князь трудится по любви к должности—я желал бы, чтобы он имел более любви к труду. Вьельгорский трудится по любви к труду—я желал бы ему более любви к должности и особенно к порядку.

Его честолюбие также имеет свою дурную сторону. Он легко приходит в смущение от неудачи.

В нем есть расположение делаться спорщиком: надобно держаться своего мнения, но хотеть быть всегда правым есть вернейший способ часто быть неправым и сделаться весьма нелюбезным для других.

Наконец, он не столько искренен, как Великий Князь и Паткуль: надобно быть открытым для тех, кто нас любит и с кем мы живем; от этого все доброе становится милее, а все дурное может быть легче исправлено.

Вообще же можно сказать о Вьельгорском, что он достоин любви и скорее может сделаться достойным уважения, если захочет исправить легкие свои недостатки.

Паткуль

Паткуль отлично добр, совершенно чист сердцем, имеет редкое прямушие, искренен, никогда не скроет с намерением правды.

Имеет ум, но вообще невнимателен и ленив, не хочет думать сам, отчего кажется тупым.

Имеет очень хорошую память, но помнит более слова, нежели мысли в связи, чему причиною невнимательность.

Мог бы хорошо работать, но не имеет на то доброй воли и мало показывает старание отличиться.

Принимает с чувством добрый совет, но слишком скоро его забывает.

Пылок, смел, решителен, но пылкость часто бывает вспыльчивостию, а решительность неосторожностью.

Имеет, как и Вьельгорский, расположение делаться спорщиком, но еще более упрям в споре, поддерживая с запальчивостию и даже с грубостию то, чего не понимает.

Одним словом, Паткуль по добрым качествам сердца очень любезен, но слишком мало старается заслужить одобрение и уважение делом.

Из этих характеристик явствует, что по своим способностям и темпераменту наследник был куда ближе к Иосифу, нежели к Паткулю, однако это не стало основой дружбы. «Тройственный союз» оказался непрочным и дал трещину по линии наибольшего напряжения—непрерывное явное и подспудное соперничество между Виельгорским и наследником привело к отчуждению между ними. По свидетельству А. О. Смирновой-Россет, «наследник не любил Виельгорского, хотя не чувствовал никакой зависти (...) Просто между ними не было симпатии»⁴⁷. Отношения Александра Николаевича с Виельгорским, по всей видимости, навсегда сохранили отпечаток детского, бессознательного чувства неприязни. Иосиф наверняка ощущал, что ни в чем не уступает великому князю. Но каковы бы ни были его достоинства, каких бы успехов он ни достиг, в центре всеобщего внимания неизменно был наследник; его первенство, даже ничем реально не подкрепленное, оставалось непререкаемым. К примеру, 18 мая 1831 г. тринадцатилетний великий князь был произведен в штабс-ротмистры «за успехи в науках на экзамене»⁴⁸, тогда как Виельгорский и Паткуль в это время еще вообще не числились в службе.

Иосиф, несмотря на похвалы, охотно расточаемые ему взрослыми, находился в куда более тяжелой психологической ситуации, чем оба его товарища. Воспитатели не уставали подчеркивать, что он не вправе расслабляться, что его функция, предназначение, его святая обязанность состоит в том, чтобы во всем служить примером идеального исполнения их требований и увлекать за собой великого князя. Капризы, шалости, лень или рассеянность—все обычные детские недостатки и слабости в его случае превращались в нарушения долга, как если бы часовой задремал на посту. В итоге товарищество с наследником превратилось в непрерывную мучительную гонку: быстрее, еще быстрее, только вперед! Иосиф с трудом мирился с неудачами. Один из таких эпизодов отражен в записях Мердера: «играя в военную игру, Виельгорский послал свою артиллерию через дефиле без прикрытия, неприятельская кавалерия бросилась на нее, изрубила артиллеристов и взяла два орудия. Это поражение заставило Виельгорского

⁴⁷ Смирнова. С. 198.

⁴⁸ Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1911. С. 45.

заплакать. Я замечаю, что у него много тщеславия. Он не любит быть неправым⁴⁹ и думает, что все то, что делает и говорит, превосходно⁵⁰. Однако самолюбие было свойственно обоим мальчикам. Недаром тот же воспитатель замечал: «великий князь и Виельгорский стараются скрывать свои проступки и сваливать ошибки свои на ближних вместо того, чтобы добродушно признаться в своей вине»⁵¹.

Впрочем, эти психологические коллизии не слишком тревожили преподавателей и их воспитанников, в равной степени довольных успешной сдачей экзамена.

Иосиф—матери⁵²

[Зима 1829 г.]

Милая Мама,

простите, милая Мама, что я так давно вам не писал. Впрочем я совершенно здоров.

С г-ном Липманом мы начали древнюю историю, а с г-ном Триниусом—естественную историю, что меня очень занимает. Теперь часы занятий изменились. Меня весьма огорчило, что Фофа была нездорова, зато я очень обрадовался тому, что Мише гораздо лучше. В латинском я начал делать переводы из Овидия, спор Улисса и Аякса за доспехи Ахилла—превосходный отрывок⁵³. После экзамена, милая Мама, который уже завершился и прошел очень хорошо, г-н Жуковский говорил нам, как мы должны вести себя в наступающем полугодии и как должны учиться. Он также говорил нам о наших недостатках и достоинствах. Он меня очень растрогал, а под конец он произнес речь, которую он вам посылает в своем письме. Мы проводим время очень весело. Все кланяются вам, Императрица, все фрейлины и м-ль Вильдермет.

Прощайте, милая Мама, целую ваши ручки от всего сердца. Прошу вас также поцеловать сестер и брата. Обнимите еще Дядю, поклонитесь Шотену, Барнет и г-же Рейнгардт.

⁴⁹ Т. е. не любит признавать себя неправым.

⁵⁰ Мердер. № 3. С. 546 (запись от 18 марта 1829 г.). Ср. случай, произошедший на уроке немецкого языка: не справившись с заданием переложить прозаический отрывок в стихи, Иосиф зарыдал (ПД. Ф. 50. № 46. Л. 3—3 об.—пересказано в письме Л. К. Виельгорской к мужу от 3 февраля 1829 г.).

⁵¹ Мердер. № 6. С. 488 (запись от 31 августа 1829 г.).

⁵² ПД. Ф. 50. № 71. Л. 3—3 об. Оригинал по-французски. На л. 4 приписка К. К. Мердера: «Мердер целует графине ручку и просит не забывать его».

⁵³ Овидий. Метаморфозы. XIII. 1—398.

К. К. Мердер—Л. К. Внелгорской⁵⁴

20 февраля 1829. Санкт-Петербург

Склоняю мою повинную голову пред вами, почтеннейшая графиня, целую ручки и сто раз прошу извинения в замедлении ответом на письмо ваше ко мне: Различное стечение обстоятельств, как то: наши приготовления к экзамену, потом самый экзамен, бывший, как вам уже известно, в присутствии Их Величеств, а наконец беспрестанное мое прихварывание—могли только лишать меня столь долго приятного удовольствия беседовать с вами о милом нашем Отиньке. До сих пор я им чрезвычайно доволен: благородное во всяком случае поведение, милая детская веселость, истинно дружеская привязанность к Александру Николаевичу и Паткюлю, чистота сердца, отменно здравый ум с живым любопытством и внимательностью, любовь к труду, пылкое честолюбие в приобретении похвалы делают его совершенно достойным товарищем наследника. Он приносит честь вашим нежным материнским о нем попечениям и в полной мере достоин нежной родительской к нему любви Их Величеств и братской сердечной привязанности Великого Князя. Нужно ли после этого говорить вам о моих к нему чувствах.—Будучи сыном человеческим, он не без недостатков, но сии ничто в сравнении с хорошиими его качествами. Будем, почтеннейшая графиня, надеяться на Бога, Он сохранит его в чистоте сердца, исполнит оное высокими чувствами и готовностью на все похвальное и высокое; в нем, в чем я уверен, пошлет он вам радость и то чистое райское удовольствие, которого достойна мать, нежными попечениями и беспредельною любовью к детям, сердцем и умом, вам, графиня, подобная.—Ося много вырос, вы увидите это из прилагаемой нитки⁵⁵. Верховая езда, прогулки пешком и гимнастические игры приносят ему много пользы; он крепок телом, силен не по летам, переносит холод весьма хорошо, щеки от морозу не белеют и ноги не зябнут... Спит крепко, ест умеренно и, что всего лучше, всегда весел. Мы встаем в ½ 6-го часа, полчаса на туалет, молитву и завтрак (Ося молится с Великим Князем поутру, вечером же у себя в комнате). 7-й час употребляется на приготовление к урокам, 8-й—9-й—10-й—11-й—12-й—5-й и 6-й часы назначены для уроков, 10-й час на посещение Их Величеств и завтрак, состоящий из куса хлеба, покрытого кусочком говядины.—1-й и 2-й часы на прогулку, иногда часть на верховую езду и фехтование; полчаса на обед, половина 3-го и 4-й час для музыки, 7-й для увеселительного чтения, 8-й обыкновенно употребляется на производство военных действий в присутствии Государя Императора, который по очереди то у Великого Князя, то у Оси бывает начальником штаба. Я приказал сделать для игры сей все роды укреплений полевой фортификации и таким образом познакомил их со всею номенклатурою названий сей науки.—Отя своею живостию, похвальным любопытством и необыкновенными соображениями в действиях обращает на себя внимание Государя и воспаляет Великого Князя. 9-й час ужин, после коего остальное время до 9-и часов проводится у Ее Величества Госу-

⁵⁴ ПД. Ф. 50. № 150. Л. 1—3 об.⁵⁵ Упомянутая мерка в архивном деле отсутствует.

дарыни Императрицы.—В 9-ть часов молитва и журнал; от ½ 10-го до ½ 6-го время для сладкого сна.—8 часов кажется довольно.—Все эти подробности нашей жизни для вас не покажутся незанимательными. Государь Император в конце апреля отправляет нас, то есть Великого Князя, Осю, Паткуля, Жуковского, меня, Жилля и Юрьевича в Варшаву, куды Их Величества отправятся вслед за нами; эта поездка нас приблизит к Вюрцбургу, но вы, как кажется, будете на это время в Париже.

Жена моя свидетельствует вам свое почтение, я же прошу вас сказать графу, что я его мысленно обнимаю, всех ваших малюток целую и прошу принять уверение в душевной моей преданности и уважении.

К. Мердер

Наступивший 1829 год ознаменовался для Иосифа первым большим путешествием. 12 мая в Варшаве должна была состояться коронация Николая I в качестве конституционного короля Польши, по случаю чего вся императорская фамилия и двор покинули Петербург. Наследник с Мердером и Жуковским пустился в путь 24 апреля, Паткуль и Виельгорский в сопровождении Жилля и Юрьевича последовали за ним 26-го. В пути их развлекали разнообразные дорожные впечатления, впрочем, не всегда отрадные. Так, известно, что великого князя поразила нищета населения западных губерний, через которые пролегал его путь, по дороге он «удивлялся бедности и невежеству крестьян»⁵⁶. Но пребывание в Варшаве сгладило эти неприятные воспоминания. Череда праздников, красочных парадов и гуляний оставляла мальчикам немного времени для учебы, однако занятия не прекращались даже в это время. Жуковский и Мердер были вполне согласны друг с другом относительно первостепенной значимости учения и по возможности старались ограждать своих воспитанников от излишнего рассеяния.

Однако до возвращения в привычную обстановку было еще далеко. Фактически летняя вакация в этом году началась значительно раньше, чем предполагалось. Из Варшавы маленькая компания учащихся и учащихся перебралась в Берлин, где наследнику предстояло встретиться с дедом — королем Фридрихом Вильгельмом III и многочисленной прусской родней, а 30 мая присутствовать на церемонии бракосочетания своего дяди принца Вильгельма с принцессой Августой Саксен-Веймарской — племянницей императора Николая (дочерью великой

⁵⁶ Мердер. № 4. С. 88.

княгини Марии Павловны). Мальчиков вновь окружил поток развлечений, но Иосифу Виельгорскому Берлин принес и особенное удовольствие, которого он был лишен уже около года. Ему удалось некоторое время провести с родителями: Михаил Юрьевич в качестве шталмейстера сопровождал двор, а Луиза Карловна (возможно, с дочерьми) специально приехала из Вюрцбурга, чтобы повидать старшего сына⁵⁷. Но счастье Иосифа продлилось не более недели. Уже через три дня после королевской свадьбы наследник покинул столицу Пруссии, а следом за ним повезли в обратный путь и его товарищей.

По приезде в Петергоф их ждал знакомый кадетский лагерь—бывшая жизнь и военные игры, к которым прибавилась новая, придуманная лично Николаем,—штурм петергофского Большого каскада. Юные воспитанники военно-учебных заведений и среди них наследник с товарищами с криком «ура» наперегонки спешили подняться по ступеням каскада, борясь с бьющими им навстречу струями фонтанов; первым, преодолевшим препятствие, наверху доставалась награда из рук императрицы. Эта эффектная игра, впоследствии ежегодно повторявшаяся до совершеннолетия великого князя, впервые состоялась 28 июля 1829 г.

А вскоре, с началом учебных занятий, жизнь мальчиков вновь покатила по привычной колее. Воспитательные усилия по-прежнему были сосредоточены на наследнике, однако обильная нравоучительная риторика все еще не достигала цели. Он послушно старался соответствовать требованиям взрослых, но протест невольно прорывался в словах, что он, Александр, «желал бы не родиться великим князем»⁵⁸. Неслучайно Мердер отмечал в личности воспитанника противоречие между развитым чувством долга и недостатком настойчивости, необходимой, «чтобы победить лень у ума»⁵⁹. Великий князь хорошо знал свои обязанности и умел говорить о них словами наставника, но до систематического исполнения их было еще далеко. Впрочем, воспитатели полагали, что проблема состоит лишь в недостатке силы воли, и не думали снижать планку требований. Обращение Жуковского к своим ученикам после очередного годового экзамена в начале 1830 г. было насыщено уже знакомыми идеями. Но на этот раз наставник уже мог

⁵⁷ Дневники Жуковского. С. 212.

⁵⁸ Мердер. № 3. С. 528.

⁵⁹ Там же. С. 530.

ссылаться на пример старшего ученика—Иосиф, благодаря всему прежнему воспитанию проникнутой идеями долга и ответственности, способный и достаточно волевой, казалось, блистательно подтверждал правильность его педагогической теории.

По числу недель *отличных* и великий князь, и Вьельгорский заслуживают похвалу вполне: они получают право на благотворение и с будущего года начнут пользоваться сим правом, то есть за каждую полную отличную неделю будут вкладывать в кассу благотворения положенную на то сумму. В конце года окажется, кто собрал более, и следовательно кто приобрел более способа оказать истинное благодеяние. Но справедливость требует изъяснить, что Вьельгорский своим беспрестанно постоянным прилежанием заслуживает более *личного уважения*, нежели великий князь. Почти никогда не нужно было требовать от него внимания и деятельности. Он точно был помощником своих учителей, которые, занимаясь им, имели удовольствие видеть, что он уважает их благодетельную об нем попечительность. О великом князе этого сказать нельзя. На экзамене оказалось, что все то, чему учили его, он знает хорошо; благодарность за это более заслуживают его учителя, нежели он сам: методою было облегчено учение, и этою же методою все преподаваемое было утверждено в памяти. Не его собственному труду, а труду учителей обязан он тем, что отличился на экзамене перед Государем Императором. Если бы во время *самого учения* имел он постоянно ту живость, какую оказал он на экзамене, то приобрел бы вдвое против того, что оказалось в конце истекшего года. Если он *мог* иметь постоянно и живость, и внимание, в *течение нескольких дней экзамена* из сильного желания угодить Государю, то это доказывает только то, что он *мог* иметь ту же самую живость и ту же внимательность и *во все время учения*, просто из любви к своей обязанности. Но этой постоянной деятельности недостает великому князю: слишком часто было нужно понуждать его к вниманию во время лекций и к работе в те часы, кои он должен был употреблять на собственное занятие. Сверх того он имеет некоторые вредные привычки, кои мешают ему быть внимательным, не может сидеть покойно на месте, занимается посторонним и пр. От этих привычек он нисколько не отстал в продолжение целого года, и теперь оне в нем столько же сильны, как и в начале года. Но теперь уже ребячество миновалось. Пора решительно думать о *строгом исполнении должности*, о приобретении *уважения*, о личном *достоинстве*, которое не может быть без *твердой воли*, без *постоянного владения* самим собою.

Прошу великого князя и Вьельгорского и Паткуля перечитать то, что было мною им написано после экзамена прошлогоднего. Прибавлю следующее:

Вы должны видеть в ваших наставниках товарищей начинающейся вашей жизни. Они теперь живут с вами вместе и для вас. С своей стороны они дают вам свои знания и свою опытность, которых вы еще не имеете, и которые будут для вас необходимы, когда начнете жить без них. Вы, с своей стороны, давайте им полную *доверенность* и *внимательность*. Тогда и для вас и для них учение обратится в истинное наслаждение. Между вами и ими будет дружеское товарищество,

будет взаимная деятельность для одной цели, которая не иное что как ваше будущее счастье, основанное на просвещении, ведущем к добродетели и к славе заслуженной. Скажу великому князю особенно. На том месте, которое вы со временем займете, вы должны будете представить в себе образец всего, что может быть *великого в человеке*; будете предписывать законы другим, будете *требовать от других уважения к закону*. Пользуйтесь счастливым временем, в которое можете слышать наставления от тех, кои вас любят и могут свободно говорить вам о ваших обязанностях; но, веря нам, приучайтесь *действовать сами*, без принуждения, произвольно, просто из любви к должности; иначе не сделаетесь образцом для других, не будете способны предписывать законы и не научите никого исполнять закон, ибо *сами не будете исполнять его*. За Вьельгорского можно поручиться: уже теперь он начинает понимать свое прекрасное назначение. Теперь он вам товарищ, как ребенок; но он знает, что ему должно быть со временем верным товарищем вашей жизни во всем, что должно составить ее истинную славу. Он будет к этому готовиться постоянно и помнить, что это не иначе возможно, как приобретением собственного достоинства, которое заключается в просвещении, чистоте сердца и твердой воле. Я уверен, что такое одобрение не заставит Вьельгорского слишком высоко о себе думать: напротив, он должен себе повторять беспрестанно, что он еще не приобрел ничего, что он только на хорошей дороге; потеряв скромность и возмечтав о себе высоко, он сойдет с этой хорошей дороги и потеряет возможность сделаться тем, чем он быть может: без смирения нет достоинства. Желал бы тоже сказать о Паткуле, что сказал о Вьельгорском; но Паткуль не имел и пятой части недель отличных, почему и не получил права на участие в благотворении. Не смотря на то, что он одних лет с Вьельгорским, он еще слишком легкомыслен, вообще не прилежен и не заботится нисколько об исполнении своей должности. Если это продолжится, то он далеко отстанет от своих товарищей и наконец потеряет самую возможность заслужить уважение.

Мы взглянули теперь на историю; в будущем курсе короче познакомимся с великими людьми древности. Из жизни их узнаем, что земное счастье, земная слава принадлежат одной добродетели и приобретаются только деятельностью и твердою волею, и что нельзя быть без просвещения полезным для других. Естественная История знакомит нас с величием Бога в творении, а религия освятит высшими понятиями наставления Истории и Науки Естественной; она скажет нам, что наша земная жизнь есть цвет для неба. Все наши познания вместе утверждают в нас одну только главную мысль, что *жизнь человеческая есть училище, в коем учитель Бог, и что мы здесь только для того, чтобы каждый на своем месте был достоин своего Учителя*⁶⁰.

После экзамена педагоги решили, что настало время ввести в действие новый стимул, который побуждал бы воспитанников к труду. Чисто механическое соревнование в числе полученных баллов они

⁶⁰ РА. 1908. № 11. С. 387—389.

считали уже недостаточным. Требовался стимул моральный, который и был найден Мердером. Еще в 1828 г. ему пришла в голову мысль учредить для каждого мальчика особую копилку для сбора средств на благотворительные цели. Право сделать очередной взнос понималось как награда тому, кто целую неделю имел только отличные оценки в учебе и поведении. Жуковский подхватил эту идею. «Если положить, что каждый (...) в течение полугода не потерял ни одной недели, то к концу полугода составятся три значительные суммы, из которых каждая может будет спасти целое семейство,— писал он императрице Марии Федоровне.— Что за радостные мысли: я был благотворителем целого семейства, и был им потому, что исполнил волю Божию, утвердился в добре и сам сделался достойнее любви»⁶¹. Впрочем, дети учились еще настолько неровно, что количества полных отличных недель было недостаточно для эффективного действия копилок. Только через год педагоги признали подросших мальчиков достойными приступить к столь ответственному делу.

Однако расчет сентиментальных взрослых оказался неверным: учреждение «кассы благотворительности» нисколько не добавило их воспитанникам рвения; прошел еще почти целый год, прежде чем стала ясна причина неудачи. Осенью 1831 г. Мердер повез мальчиков в деревню близ Царского Села, где познакомил с бедной крестьянской семьей, желая испытать, кто из них проявит больше сострадания. «Паткуль, потом великий князь показали более сострадания и желания помочь им, нежели Виельгорский,—записал он.— По возвращении домой ни тот, ни другой не сказал мне ни слова, чтобы я содействовал к счастью бедного поселянина»⁶². Стимул, такой прекрасный в теории, на практике оказался неработающим: мальчики не имели понятия о нужде и нищете, потому и благотворительность не привлекала их. Эксперимент сам собой сошел на нет.

Согласно плану Жуковского, ведущую роль в образовании наследника и его товарищей должны были играть гуманитарные дисциплины. «Сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его

⁶¹ Жуковский. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 145.

⁶² Мердер. № 6. С. 507.

века. Она должна быть главной наукой наследника престола»⁶³, — писал наставник. Первоначально преподавание отечественной истории Жуковский взял на себя, затем его сменил профессиональный историк К. И. Арсеньев. Историю зарубежных стран с февраля 1829 г. читал Ф. И. Липман. Знания, которые преподаватели стремились вложить в своих учеников, соответствовали уровню лучших достижений тогдашней науки. С самых ранних пор мальчикам внушалось целостное представление об историческом процессе, включающее в себя не только деяния монархов и военные победы, но и развитие государственности, права, народного благосостояния и просвещения.

Для Иосифа Виельгорского история, в особенности отечественная, сразу же сделалась любимым предметом. Возможно, одним из проявлений этого увлечения стало то, что в день рождения К. К. Мердера 8 января 1829 г. он подарил воспитателю листок со старательно переписанным дидактическим стихотворением Жуковского «Петр Великий». Написанное специально для великого князя, оно в кружке наследника приобрело знаковый характер⁶⁴:

В почтеньи к должности ему подобных нет:

Его назвал великим свет

За то, что с высоты властительного трона,

Неподсудимый, он был верный раб закона⁶⁵.

Фигура Петра I как идеального государя, который «любил Россию, гордился именем русского, желал блага русским предпочтительно перед другими народами, действовал для того, чтобы поставить русских на ту ступень, на которой стоят народы, более их образованные»⁶⁶, занимала видное место в беседах Жуковского с его учениками. В образе Петра акцентировалась идея служения отечеству, героической самоот-

⁶³ Жуковский. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 146.

⁶⁴ Это стихотворение служило надписью к бюсту Петра, подаренному Жуковским наследнику к Новому 1829 году. В ответ великий князь, желая сделать приятное наставнику и показать, что усвоил его урок, поднес ему накануне дня рождения собственноручный список этого стихотворения с надписью: «Моему бесценному Василию Андреевичу Жуковскому, 28-го генваря 1829. Александр» (ПД. № 27.849). Виельгорский, готовя подарок Мердеру, очевидно, последовал примеру наследника.

⁶⁵ Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С. 83.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 5.

дачи, исключаяющей всякие эгоистические мотивы. Без понимания ответственности, налагаемой неограниченной властью, полагал наставник, Александр будет не готов принять на себя тяжесть царского сана. Небрежность, лень, поверхностность— все отрицательные черты, которые воспитатели замечали в великом князе, подвергались беспощадному осуждению именно с этих позиций. Но не только маленькому наследнику указывали на Петра как на образец. Сам Николай I любил соотносить себя с великим предком. В идеологическом оформлении его царствования важную роль играла оппозиция Иван Грозный—Петр Великий, на одном полюсе которой находится тиран, абсолютное олицетворение произвола, а на другом—могучий и просвещенный государь, направляющий свою деятельность на благо подданных.

Находясь рядом с царствующим монархом и наблюдая воспитание будущего, Иосиф порой должен был ощущать и себя непосредственно причастным к ходу истории. В этом чувстве он черпал вдохновение для образцового исполнения своих обязанностей товарища наследника престола; оно же, безусловно, оказало значительное влияние на формирование его патриотического одушевления и тяги к историческим штудиям. Неслучайно несколько лет спустя, во время путешествия с великим князем по тем местам России, где все пробуждало в нем многообразные исторические ассоциации, Жозеф особенное настойчиво рекомендовал сестрам не пренебрегать изучением родного языка.

А тем временем военная подготовка шла своим чередом. 10 июня 1830 г. Николай I писал Мердеру: «Кадеты вступят в лагерь, в Петергоф 28 числа; Саша и товарищи его будут во фронте, как прошлого года. После праздников⁶⁷ поедут в Красное Село. Саша на это время будет со мной жить; если погода хороша, то я вас помещу в лагере, подле себя; и я хочу, чтобы все трое несли в это время службу наравне с кадетами, обедая особо; но, впрочем, соблюдая все, что с других требоваться будет; ты будешь командовать баталионом, Юрьевич станет в дивизион, в котором они помещены будут, чтобы за ними ближе смотреть. Пробыв там 10 дней и отведав и приятного и тяжелого, мы по-

⁶⁷ Дней рождения императора и великой княжны Александры (25 июня) и императрицы (1 июля).

едем в Ревель к жене; а потом воротимся домой. (...) признаться, с нетерпением жду минуту обнять милых ребят»⁶⁸.

Николай I иначе, нежели Жуковский, определял приоритеты в образовании наследника. Он неусыпно следил за тем, чтобы сын и его совоспитанники не забывали, что их первый долг состоит в том, чтобы стать грамотными офицерами. В 1832 г., когда великому князю было 14 лет, он выговаривал воспитателю: «Я заметил, что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам; я хочу, чтобы он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке; мне казалось, что он любит одни мелочные подробности военного дела»⁶⁹. В 1834 г. для расширения преподавания военных наук велено было прекратить уроки естественной истории. Юноши серьезно изучали артиллерию, военно-инженерное искусство, научные основы тактики и стратегии, военную историю. Одним из самых заметных лиц в окружении великого князя стал инструктор по военной части В. И. Назимов. Детские потешные сражения, неуклонно усложняясь, в начале 1830-х гг. имитировали уже целые кампании. Их юные участники не ограничивались простыми тактическими задачами—теперь им приходилось брать на себя роли командующих целыми армиями. Когда-то Иосиф отличался в подобных играх, заставляя Юрьевича предполагать в нем задатки военачальника, однако с возрастом он все больше охладевал к военному делу.

Весенний экзамен 1832 г. подвел черту под первым периодом учения. Следующий этап Жуковский определял как юношество, уподобляя его собственно путешествию, участников которого ждет подробное изучение всех тех наук, начатки которых уже были им известны. Все оставалось по-прежнему—Виельгорский первенствовал в занятиях, наследник был вторым, Паткуль третьим.

В это время Л. К. Виельгорская, оставив Мишу в Вюрцбурге на попечении Шотена, ненадолго приехала с дочерьми в Россию⁷⁰. То, ка-

⁶⁸ Воспоминания о Карле Карловиче Мердере, воспитателе государя императора Александра II. СПб., 1867. С. 20.

⁶⁹ Мердер. № 12. С. 514.

⁷⁰ Возможно, что это был не первый ее приезд: по известному в копии М. С. Волковой недатированному письму Мих. Ю. Виельгорского к старшим дочерям в

ким она нашла сына после долгой разлуки, не могло ее не порадовать. Жозеф оправдывал лучшие ожидания семьи: был, очевидно, совершенно здоров, по-прежнему великолепно учился, подавая пример nasledнику. От педагогов и, несомненно, от самого Николая ей довелось услышать немало похвал в адрес Иосифа, но им удалось провести вместе совсем мало времени: Луиза Карловна торопилась вернуться к младшему сыну и уже в начале июня 1832 г. вновь отправилась за границу. Пятнадцатилетний Иосиф опять на неопределенное время оставался фактически без семьи. Он переносил разлуку тяжелее, чем могли предполагать родные—в первую очередь потому, что не был таким гармоничным и самодостаточным человеком, как его отец. Превосходно характеризует личность Михаила Юрьевича дневник, веденный им во время пребывания в Ницце в 1830 году⁷¹. Это не хроника внешних событий, а фиксация свободного потока размышлений, вызванного восхищенным созерцанием красоты мироздания. Мышление Виельгорского-старшего поражает универсализмом. Отвлеченнейшие материи в его записях неразрывно переплетаются с наблюдениями над самыми простыми явлениями повседневной жизни, и в дневнике уживаются замечания о свободе воли, о взаимосвязи духовного и телесного в человеке, о соотношении труда и его оплаты, о водяных мельницах, о театре, музыке, «о круговращении земли», о «шаровидном» положении младенца в материнской утробе, которое сохраняется и впоследствии в «согнутии рук и ног». Все это перемежается набросками нот, астрологическими выкладками, «размышлениями при чтении». Образ Михаила Юрьевича, возникающий из этих заметок, подтверждает полную справедливость характеристик, рассеянных по мемуарам знавших его людей и, в частности, его зятя В. А. Соллогуба: «Он не искал известности, уклонялся от борьбы и, несмотря на то, или, может быть, именно потому, был личностью необыкновенной: философ, критик, лингвист, медик, теолог, герметик, почетный член

Петергоф можно предположить, что летом 1830 или 1831 г. они находились в России вместе с матерью: «Нежно поцелуйте Жозефа и Нози. Дорогой Жозеф, он будет для меня совсем новым—ученым, почти совершенно сложившимся человеком. Как у него идет латинский язык? Я ему на днях напишу по-латыни и надеюсь, что он сумеет отвечать мне» (ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 5. Л. 7 об.).

⁷¹ РО РНБ. Ф. 142. № 21 (подобный дневник, относящийся к более позднему времени, см. там же, № 24.)

всех масонских лож, душа всех обществ, семьянин, эпикуреец, царедворец, сановник, артист, музыкант, товарищ, судья, он был живой энциклопедией самых глубоких познаний»⁷².

Впрочем, домашнее, объединяющее начало в семействе Виельгорских олицетворяла Луиза Карловна. Несомненно, главой семьи была она. Муж для нее всегда оставался объектом заботы, самым старшим ребенком, талантливым и привлекательным, но во многих отношениях беспомощным и нуждающимся в защите и руководстве. Если графиня Виельгорская еще в молодости нашла себя в амплу образцовой матери семейства и именно в этом качестве пользовалась известностью и всеобщим уважением, то к графу при всех его достоинствах менее всего приложимо было понятие «*pater familias*», и надо заметить, что такое безответственное и избавляющее от многих хлопот положение его вполне устраивало. Незаменимая организующая роль графини, несмотря на длительную разлуку удерживавшей в руках нити управления семьей, хорошо видна в ее письме к мужу, написанном с дороги.

Из письма Л. К. Виельгорской к Мих. Ю. Виельгорскому⁷³

4 июня 1832. На борту «Николая»⁷⁴.

Пишу к тебе во время плавания: на моем почерке немного сбывается ход пироскафа. В общей зале сейчас собралось некоторое количество дам (...) Самое противное на море, помимо приступов тошноты, это смешанное общество, в котором оказываешься на 4—5 дней, да еще бываешь принуждена вступать в разговоры. Здесь купцы, актеры, и среди прочих комических созданий—некая г-жа Корсакова⁷⁵ (самая смешная и заурядная женщина, какую только можно вообразить). (...) Наше плавание до сих пор протекало довольно счастливо, меня пока не рвало, хотя однажды и тошнило, Нози вырвало, Лина пробыла в постели целое утро,

⁷² Соллогуб. С. 510—511.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 2349. Оп. 1. № 10. Л. 2—3 об. Оригинал по-французски. Документ находится в архивном деле, озаглавленном «Письма великого князя Александра Николаевича к Иосифу Виельгорскому», и до сих пор считался одним из писем наследника.

⁷⁴ Русский пароход «Николай I», принадлежавший, наряду с «Александрой» и «Наследником», Санктпетербургскому и Любекскому обществу пароходства, курсировал между Петербургом и прусским портом Травемюнде близ Любека; сгорел в море в ночь с 18 на 19 мая 1838 г.

⁷⁵ О ком идет речь, неясно.

Фофи все переносит превосходно. Погода почти все время холодная, сырая и промозглая, зато можно не бояться грозы и бури. Если не встретится неожиданных затруднений, мы надеемся завтра к обеду быть в Любеке, и если мы прибудем достаточно рано, я намереваюсь немедленно отправиться дальше, так как у нас было довольно времени, чтобы отдохнуть и полежать. Скажи г. Баранову⁷⁶, что я желаю ему такого же благополучного плавания; впрочем, нечего делить шкуру неубитого медведя: мы еще не достигли Любека. А за оставшееся время может произойти все, что угодно, хоть я и надеюсь, что шторма не будет. Капитан пиротскафа задержится в Любеке два или три дня, и лишь потом отправится назад, то есть ты получишь это письмо не так скоро, как мне бы хотелось, но с «Александрой» ты сможешь узнать, что у нас все хорошо, если Богу будет угодно. Я напишу тебе с любекской почтой; надеюсь с Божьей помощью к 11 числу быть в Вюрцбурге, если не помешает что-либо непредвиденное. Вообрази себе радость бедного Миши, это дает мне необходимые силы для того, чтобы перенести наше уединение, ибо как ты понимаешь, я совершенно одна. Слуга, которого я взяла с собою, не слишком-то расторопен, но так как он у меня ненадолго, постараюсь перетерпеть. Обними Жозефа и сходи к нему. Последи за его зубами: мне кажется, он ими несколько пренебрегает; боюсь, как бы ему не приключилась какая-нибудь болезнь. Если бы ты знал, какой шум стоит в этой зале, ты бы удивился, как я могу писать: дамы говорят о слугах и горничных, какой-то ребенок плачет, играя с моими детьми, я слышу болтовню со всех сторон, и от этого у меня такой кавардак в голове и такой звон в ушах, что я ничего не могу сообразить.

Любек, 5 июля, воскресенье.

Мы прибыли в Любек в 5 часов, а в Травемюнде в 1½ пополудни после 3½ суток плавания, одного из благополучнейших, какое только можно представить. В течение нескольких часов детей беспокоила качка: пришлось улечься на верхней палубе, Нози вырвало. Меня несколько не тошнило; в последнюю ночь волнение было весьма сильным, что доставило мне некоторые неудобства: вода просочилась через маленькие нижние окошки и замочила мою постель; все спали, и мне пришлось бродить по палубе и закрывать окна, которые открылись от ветра. Я даже опасалась, что подхвачу простуду. Но после этого я заснула—и вот я уже чудесным образом перенесена по морю, я совсем близко к Мише после 3½ дней путешествия. Я встретила Фредерикса-отца⁷⁷, который был с нами очень мил, а также одного офицера русской службы—швейцарца, он служил в гвардии и своими смешными манерами очень похож на Якова, слугу Матвея. С нами ехал еще пестербургский купец, оказавшийся очень любезным, то есть я со всех сторон была окружена. Нашей соседкой по каюте оказалась жена одного торговца из Москвы: она ехала с маленькой племянницей трех лет, очень развлекавшей детей. (...)

⁷⁶ Неустановленное лицо.

⁷⁷ Речь идет о П. А. Фредериксе, дети которого были постоянными товарищами игр великих князей и княжон.

Понедельник.

Я решила немного отдохнуть, поскольку у меня здесь есть некоторые дела, к тому же у меня небольшой жар. Думаю уехать сегодня вечером (...) поеду через Гамбург, Ганновер, Фульду и т. д. и непременно заеду в Галле (...) Нежно поцелуй Матвея и Жози, передай тысячу приветов всем, мое почтение императорскому семейству. Дети тебя обнимают. У Фофи выскочил прыщик на носу; это путешествие принесет ей пользу; если смогу, то заставлю ее пользоваться водами в Киссингене. Получила записку от Шоттена, Миша чувствует себя хорошо и ожидает меня, как евреи Мессию. Что скажешь о парижских событиях? говорят, в этом деле было замешано более 20,000 человек⁷⁸. Этому проклятому лукавству никогда не будет конца. Надобно просто-напросто разделить Францию на части, чтобы и помину о ней не было. [Фамилия нрзб.] отправил тебе большой ящик с книгами. Прощай, мой милый ангел, предписываю тебе послушание, осмотрительность в расходах, умеренность; старайся выбирать такие занятия, которые были бы достойны и тебя, и меня. С нетерпением ожидаю от тебя новостей. Пиши по-прежнему в Вюрцбург, а я попрошу тамошнюю почту пересылать мне письма туда, где я буду находиться. Обнимаю тебя. *Христос с тобой.* Посылаю Матвею книги (...) С Божьей помощью надеюсь в воскресенье быть в Вюрцбурге.

Не успел Иосиф проститься с матерью и сестрами, как из его тесного круга выбыл еще один человек: Жуковский вынужден был покинуть своих воспитанников и отправиться за границу для неотложного лечения. Возвращение его ожидалось не ранее как через год. Уезжая, он оставил подробные письменные распоряжения для основных учителей на 1832—1833 учебный год. Изучению истории он, как всегда, уделил особое внимание. По мысли Жуковского, изучение русской и зарубежной средневековой истории предполагало широкое использование его излюбленных дидактических материалов—всевозможных таблиц и географических карт. «Составление таблиц и карт,—указывал наставник,—в особенности поручается *Виельгорскому*, который имеет уже для сего некоторый навык. Если бы Великий Князь также занялся про себя сим делом, то это принесло бы ему величайшую пользу. Это отдается на произвол его собственной доброй воли»⁷⁹. Красно речиво отсутствие упоминания о Паткуле. Терпеливый и доброжелательный Жуковский все-таки отчаялся добиться отдачи и окончательно поставил крест на этом своем воспитаннике. Впоследствии он прак-

⁷⁸ По всей видимости, имеются в виду вооруженные столкновения республиканцев и сторонников монархии в Париже, последовавшие за похоронами генерала М. Ламарка.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 4. № 1674. Л. 7.

тически не интересовался Паткулем, тогда как его симпатия к Иосифу с годами, напротив, росла. Тем не менее, уезжая из России, Жуковский, по-видимому, предложил Паткулю и Виельгорскому переосмыслить привычное товарищество, связывавшее их с детства, а также их отношение лично к нему, чтобы дать всему этому серьезное, «взрослое» название дружбы. Исключительное положение наследника, естественно, ставило его вне предполагаемого дружеского триумвирата.

Верный своему принципу подвигать воспитанников к самосовершенствованию, ставя перед ними высокие нравственные задачи, Жуковский на этот раз прибег к одному из самых сильных средств. Он считал священное чувство дружбы, побуждающее молодых людей неустанно стремиться к высокому, едва ли не главным атрибутом юности и необходимым условием для достижения душевной зрелости. В этом поэта убеждал жизненный опыт, именно такими были его собственные юношеские дружбы, прежде всего с Андреем Тургеневым. Были в его жизни и примеры «коллективной» дружбы — Дружеское литературное общество и затем «Арзамас».

Однако и в этом случае схоластическая постановка вопроса свела полезный результат к минимуму. Попытка перенести культуру сентиментальной дружбы начала века в среду подростков 1830-х годов не могла иметь успеха. К тому же Жуковский упустил из виду, что свои собственные дружеские союзы он заключал в более зрелом возрасте и все-таки с ровесниками, а не с педагогами, от которых в той или иной степени зависел. Следствия этой инициативы оказались довольно скромными. Священного чувства дружбы между Паткулем и Виельгорским не возникло и не могло возникнуть, настолько сильно к этому времени проявились расхождения между ними в уровне развития и направлении интересов. Что касается дружбы мальчиков со старшим товарищем, то и здесь успех был достигнут лишь частично. Жуковский в письмах к великому князю исправно именовал Паткуля и Виельгорского «мои милые друзья», однако его поддержал в этой игре только Иосиф.

Как и подобает друзьям, Жуковский и Виельгорский договорились переписываться. В первом же письме к наследнику из Любека от 24 июня/6 июля 1832 г. старший напоминал: «Виельгорского особенно прошу писать ко мне; я обещался отвечать ему»⁸⁰. Впрочем, уже ме-

⁸⁰ РА. 1883. № 1. С. V.

сяц спустя Жуковский почувствовал, что вряд ли сможет выполнить обещание. Писание писем всегда давалось ему с трудом, и особенно теперь, когда он был изнурен болезнью. «Мои письма для *всех вас вообще*, ибо не нужно писать об одном и том же несколько писем», — оправдывался он перед наследником. Переписку с ним Жуковский, разумеется, рассматривал как непреложный педагогический долг, и она не могла быть прервана ни при каких обстоятельствах. В том же письме промелькнул и след несостоявшейся дружеской корреспонденции: «Обнимаю Вьельгорского и Паткуля. Скажите первому, что я здесь познакомился с его любезными двоюродными сестрами: одна графиня Гогенталь, урожденная Бирон, а другая принцесса Антуанетта Бирон⁸¹; они отправились в Вюрцбург нарочно для того, чтобы увидеться и познакомиться с графиней Вьельгорскою»⁸².

Впрочем, Иосиф, со своей стороны, остался верным слову и добросовестно исполнял обязанности друга — подробно рассказывал о своей жизни (не забывая отчитываться об учебе), сообщал светские новости, делился чувствами, впечатлениями и размышлениями.

Иосиф — В. А. Жуковскому⁸³

26 сентября 1832 года.

Извините меня, любезный Василий Андреевич, что я вам так долго не писал; надеюсь, что постоянною перепискою с вами я заглажу вину свою. Я очень понимаю, сколько, с одной стороны, вам грустно находиться в разлуке с милыми и близкими сердцу вашему. Но с другой стороны, вы должны радоваться при мысли, что едете в Италию, невольно воспаляющую душу всякого своими воспоминаниями, в землю, столь прелестную по своему климату и столь занимательную по своим памятникам.

Мы проводили время очень весело; и может быть, нам еще было бы веселее, если б погода более благоприятствовала: мы целое лето ходили в шубах и таскались в грязи. Со вступлением кадет в Петергоф начались учения, парады, маневры и смотры, на которых мы почти всегда находились. Я должен признаться, что много времени потерял в эти каникулы: поездки в Петербург и в Красное Село, таскание с одного места на другое, праздники, театры и т. д. отняли у меня столько времени, что я и десятой доли не мог выполнить того, что предполагал сделать. Но несмотря на это, мне оставалось иногда время, которое я употреблял на

⁸¹ Племянницы Л. К. Вьельгорской, дочери ее брата Густава Каликста Бирона.

⁸² РА. 1883. № 1. С. VIII (письмо от 25 июля/6 августа 1832 г.).

⁸³ РА. 1902. № 6. С. 354—356. Уточнено по автографу — ПД. № 27. 956. Л. 1—3.

чтение Геродота и составление таблиц. Признаться, никогда с таким любопытством я не читал какой-либо истории, как сего автора. Жизнь Кира, описание обычаев азиатских народов и поход Дария на скифов⁸⁴ — все прекрасно. Но всего лучше приятность и простота его слога, если по переводу можно судить о подлиннике. Потом я сочинял таблицы и сделал почти все для натуральной истории. Г. Эртель и Триниус их рассмотрели и были ими весьма довольны.

Переехав в Царское Село, мы начали учиться 2 августа.

В продолжение сего времени мы сперва повторяли у г. Липмана все то из Средней истории, что нами было пройдено. Кроме того, мы переводили и учили таблицы Кольрауша, служащие к повторению Средней истории. Недавно говорил он нам о Петрарке, его венчании в Риме, о Бокаччо, о черной смерти, о просвещении Италии, перешедшем в нее из Греции, о Николае Риенци, захватившем власть светскую в Риме, и о турках.

С Петром Александровичем⁸⁵ мы очень многим занимаемся. Раз в неделю мы учим отрывки из разных поэтов. Дмитриева «Размышление по случаю грома»⁸⁶ было нами выучено на прошедшей неделе. Для переводов я беру обыкновенно отрывки из английских писателей; а для чтения и рассказа (пока еще не было г. Арсеньева) «Путешествие» Муравьева к Св. местам⁸⁷. Оно меня очень занимало и по живости выражений, и по картинным описаниям. Сверх того Петр Александрович нам рассказывает о составе литературы как науки, а мы после из этого составляем извлечения.

У г. Павского повторяем мы историю первобытной церкви, и прежде нежели начнем катехизис, он нам сообщает предварительные понятия о религии и о Священном Писании.

Теперь мы оканчиваем повторение пройденных нами частей математики, а для пояснения физики мы проходим маленький курс химии. К каждому уроку мы обязаны готовить таблицы по напечатанному руководству г. Коллинса.

Г. Жиль по-прежнему повторяет с нами уроки Липмана и задает нам сочинения на замечательнейшие происшествия. Возмущение Николая Риенци, Черная смерть⁸⁸, жизнь Гусса и Иеронима Прагского и управление Фоскари в Венеции были попеременно предметами наших сочинений.

Но всего больше занимают меня теперь уроки г. Арсеньева. Мы проходим княжение Иоанна III-го, одно из самых любопытных событий в нашей истории. Его можно назвать эпохою перелома, в которую все старое и варварское исчезает и в которую начинаются новая политика, новые обычаи, новый образ мыслей, не

⁸⁴ Имеется в виду скифский поход Дария I, состоявшийся около 514 г. до н. э.

⁸⁵ Плетневым, преподававшим русскую словесность.

⁸⁶ Стихотворение И. И. Дмитриева (1805).

⁸⁷ Речь идет о книге А. Н. Муравьева «Путешествие ко святым местам в 1830 году» (СПб., 1832), описывающей поездку автора в Константинополь, Каир, Иерусалим и другие знаменитые города Передней Азии, Ближнего Востока и Египта.

⁸⁸ Эпидемия чумы, охватившая Европу в 1347—1350 гг.

только в России, но и в целой Европе. Всего занимательнее и удивительнее характер Иоанна. Этот великий государь одним умом и политикою, не употребляя почти никогда вооруженной силы, уничтожил власть ханов казанских и капчакских⁸⁹, усмирил буйных новгородцев, унизил Литву и ливонских рыцарей и соединил Россию под одну державу. К каждому уроку мы излагаем на бумаге пройденное Арсеньевым, и всякий раз он нам поправляет сии сочинения и делает оным критический разбор и свои замечания.

Как г. Триниус поехал за границу, то г. Жиль занял его часы и рассказывает нам о главных сражениях Древней и Средней истории. Мы уже у него проходили сражения при Левктрах, Мантинее, Трессии, Тразимене, Каннах и Гастингсе⁹⁰.

Боюсь наскучить вам моим длинным письмом, милый, бесценный мой Василий Андреевич. Дай Бог, чтоб воды Эмса и путешествие по Италии совершенно восстановили ваше здоровье, и чтоб вы к нам возвратились крепким и веселым.

У нас здесь, слава Богу, все здоровы⁹¹. Возвращайтесь к нам скорее, любезный Василий Андреевич; я надеюсь, что вы, приехав сюда, будете нами довольны.

У нас скоро совершится свадьба княжны Урусовой с князем Радзивилем, флигель-адъютантом.

Папа, Дядя и Семен Алексеевич⁹² вам свидетельствуют свое почтение.

Прощайте, дражайший Василий Андреевич, обнимаю вас от всей души и прошу сохранить меня в вашей памяти и сердце.

И. Вильгельмский

Жуковский, надолго обосновавшийся для лечения в Швейцарии, и сам душою оставался в Петербурге. Его воспитанники уже вступали в тот возраст, когда он мог надеяться на то, что осуществится его мечта и в мальчиках проснется сознательное стремление к самосовершенствованию и деятельному сотрудничеству с педагогами. Сам он приближался к пятидесятилетию, расстроенное здоровье побуждало его к подведению итогов, а созерцание величественной швейцарской природы настраивало на философский лад. «Помните только одно, что

⁸⁹ Так в тексте.

⁹⁰ Ряд прославленных сражений: 5 августа 371 г. до н. э. между спартанцами и фиванцами при Левктрах; в ходе 1-ой Пелопоннесской войны между войсками Спарты и Афин (при Мантинее, август 418 г. до н. э.); эпизоды 2-й Пунической войны — сражения между карфагенской армией Ганнибала и войсками римлян (декабрь 218 г. до н. э. при Трессии, в 217 г. при Тразимене и 3 августа 216 г. при Каннах); 14 октября 1066 г. при Гастингсе между армией норманнов под командованием Вильгельма Завоевателя и войсками саксов.

⁹¹ В августе 1832 г. в Петербурге началась эпидемия холеры, продлившаяся до декабря.

⁹² Юрьевич.

время летит и что потеря его невозвратна,—наставлял он великого князя, а с ним и его товарищей в письме из Веве от 5/17 ноября 1832 г.—Теперешнее ваше учение есть только собрание материалов; надобно с ними хорошо познакомиться; но важная минута будет та, когда, собрав эти материалы и составив из них одно целое, вы спросите у себя: что я должен делать с приобретенным мною богатством на том месте, на которое поставил меня Бог? Вся ваша жизнь будет зависеть от того ответа, который вы сделаете самому себе в свое время на этот вопрос⁹³. В душе юного Виельгорского подобные мысли находили живой отклик—это легко заметить в следующем письме:

Иосиф—В. А. Жуковскому⁹⁴

12 декабря 1832 г.

Ваше письмо, милый Василий Андреевич, произвело между нами необыкновенную радость. Мы уже от вас давно известий не получали и думали, что вы, развлекомые вашим путешествием по Италии, не имели времени нам писать. Теперь вижу, что тому была другая причина⁹⁵. Прочитав письмо ваше, признаюсь, я сожалел, что вы не едете в Италию⁹⁶. Я даже не мог понять, как вы на то могли решиться. Но должность, как вы сами говорите, везде идет вперед. Мне хочется это правило сохранить ненарушимо.

В то время, когда я с другими разделял общую радость о рождении Михаила Николаевича⁹⁷, у нас дома была своя особенная радость: Мама приехала из Германии с сестрами и с братом, которого пять лет я не видал. Он меня не узнал, и я также долго не мог вспомнить его прежние черты. Вся наша семья после такой долгой разлуки теперь соединена, и вы представить не можете, как радостно, когда мы все соберемся в четверг после обеда (один вечер, в который я постоянно езжу домой). Я читаю сестрам разные новости на русском (благодаря Анне Петровне Зонтаг⁹⁸), английском, немецком и французском языках; потом мы играем,

⁹³ РА. 1883. № 1. С. XIV—XV.

⁹⁴ РА. 1902. № 6. С. 356—358. Уточнено по автографу—ПД. № 27. 956. Л. 5—7 об.

⁹⁵ Сам Жуковский в цитированном выше письме к наследнику от 5/17 ноября сообщал, что долго не писал в Петербург, с волнением ожидая известия о родах императрицы.

⁹⁶ Поездка Жуковского все же состоялась несколько месяцев спустя: в начале апреля 1833 г. он морем отправился из Марселя в Италию, где провел около месяца.

⁹⁷ Великий князь Михаил Николаевич родился 13 октября 1832 г.

⁹⁸ Речь идет о вышедшей незадолго перед тем 1-й части сборника А. П. Зонтаг «Повести и сказки для детей».

и время у нас проходит быстро и весело. При сем случае я не могу не сказать вам, что иногда чувствую какую-то печаль и сожаление. Меня пугает мысль, когда я вижу, как время неприметно скоро проходит. И это меня побуждает более и более заниматься; не успеешь оглянуться, и четыре, пять, шесть лет пройдут как сон.

Исполняя ваше желание, дражайший Василий Андреевич, я опять, как и в прошедшем письме, опишу все то, что мы прошли и что сделали: г. Липман, дошедши до открытия Америки, делает обозрение истории каждой земли в особености, от начала Средней истории до конца ее. Мы начали с Испании, где видели постепенное усиление христиан и ослабление мавров, наконец их совершенное уничтожение и основание грозной монархии испанской при Фердинанде и Изабелле. В истории Португалии проходили мы о славном начале сего королевства, о плавании португальцев по Атлантическому и Индейскому океану, открытии нового пути и завоеваниях в Индии. При этом случае г. Жиль дал нам некоторое понятие о «Лузиаде» Камоэнса и прочел лучшие из нее отрывки: описание бурей, эпизод Иньесы Кастро⁹⁹ и др. Историю Франции мы проходили от самого Клодовича¹⁰⁰ до Карла VIII-го и занимались особенно правлением Лудовика XI, коего мы в некоторых случаях могли сравнивать с Иоанном III. Теперь повторяем историю Англии и недавно говорили о великой Хартии и о ее сущности. Господин Жиль частью занимается географиею, частью повторением истории, частью правописанием. Мы пишем теперь историческую географию, то есть в кратких словах описываем, чем примечателен город, упоминаемый в истории. Время, остающееся от географического часа, употребляет г. Жиль на прохождение краткой географии Азии, о которой мы очень мало и почти ничего не знаем. Что же касается до повторения истории, то г. Жиль составил для нас синхронистические таблицы 12, 13, 14 и 15 столетий. А я, с своей стороны, составляю такие же таблицы, только для первых веков Средней истории. Ваша синхронистическая таблица Древней истории, любезный Василий Андреевич, теперь приносит нам особенно большую пользу. Мы повторяем по ней с Эртелем. Но так как для ней нет непосредственного объяснения на французском языке, то я превращаю ваши знаки в слова¹⁰¹.

У Петра Александровича мы продолжаем все то же самое. Только что теперь прошли замечания о повествовательной прозе. По этому случаю я взял предметом для сочинения Куликовскую битву. По пятницам вечером у нас завелось русское чтение. По очереди каждый из нас готовится читать в слух. Вчера Алек-

⁹⁹ «Лузиады» — эпическая поэма Л. ди Камоэнса о плавании Васко да Гамы в Индию (1572); упомянутые фрагменты — аллегорическое описание мыса Бурь (песнь V, 39—59) и рассказ о злоключениях Инеш де Каштру (песнь III, 118—135). Жиль знакомил своих учеников с одним из французских переводов эпопеи.

¹⁰⁰ Скорее всего, имеется в виду полупоупендарный франкский король Меровер (основатель династии Меровингов), наследовавший власть от Хлодиона.

¹⁰¹ В обучении наследника активно применялись «немые» таблицы, состоящие из условных знаков и дат.

сандр Николаевич нам прочел вашу прелестную пьесу «Певец во стане русских воинов». Слушая сии стихи, я невольно переносился к вам, милый Василий Андреевич. Когда придет то счастливое и мною искренно желанное время, когда вы будете между нами читать свое путешествие.

У Коллинса мы проходим стереометрию. Эта наука меня очень занимает. Из физики мы прошли первое отделение: тела вообще и повторяем теперь все пройденное по таблицам, составленным нами.

Г. Варранд, желая дать нам некоторое понятие о трагедиях Шекспира, разбирает с нами «Лира» и дает учить наизусть лучшие из него места. Что же касается до Константина Ивановича¹⁰², то чем более мы идем вперед, тем более у меня возгорает любопытство и любовь к русской истории. Мы окончили в начале прошедшего месяца княжение Иоанна III, прошли царствование Василия и начали Иоанна Грозного. О последнем я еще не могу судить, потому что мы прошли только бурное и ужасное управление боярской думы, Елены, Шуйских, Бельских и Глинских.

Вот в кратких словах все то, что нами было пройдено в течение сих двух месяцев.

Скоро настанет Новый год. Надеюсь, что я начну его с большим рвением к хорошему, с большею любовью к полезному, с большим желанием учиться и исполнять должность свою. Я без радости не могу подумать о том времени, когда вы возвратитесь, когда я вас обниму и снова с вашей помощью буду заниматься. Молю ежедневно Бога, чтобы Он только вас к нам возвратил здоровым и веселым.

Наш Карл Карлович медленно подвигается в своем выздоровлении, но мы надеемся, что с помощью Божиею он поправится; теперь он часто чувствует слабость; он не может взойти на лестницу без того, чтобы не задыхаться.

В прочем все у нас здесь здоровы. Императрица совершенно поправилась.

Время прекрасно¹⁰³, хотя и очень холодно, но что всего досаднее, что почти нет снегу.

Павел Петрович Ушаков, Папа, Мама, Дядя, Плюскова и все ваши знакомые вам кланяются.

Прощайте, дражайший, бесценный Василий Андреевич, обнимаю вас от всего сердца. Остаюсь навсегда [от] всей души вам преданный

И. Виельгорский.

Описанную здесь сцену встречи Жозефа с родными наблюдал еще один человек — К. К. Мердер. Как ни странно, на него она произвела скорее неприятное впечатление и стала поводом к тому, чтобы обобщить свое мнение о личности Виельгорского. В ближайшем письме к Жуковскому он сравнивает наследника и Жозефа. Великий князь менее внимателен на уроках, его сочинения — сухой пересказ без «кра-

¹⁰² Арсеньева.

¹⁰³ Погода. Галлицизм — калька выражения «il fait beau temps».

сок» и «отделки», свойственных Виельгорскому, который иногда напоминает и воспроизводит целые фразы учителей. «Но я решительно могу сказать,—пишет Мердер,—что здравого ума и, так сказать, толку в голове первого несравненно больше; от него мне не случилось слышать кривого суждения.—О сердце и говорить нечего: сколько Великий Князь чувствителен, мягок, откровенен и признателен к ласкам, ему оказываемым, столько Виельгорский нечувствителен, жёсток, скрытен и вовсе не признателен к ласкам. В нем, к сожалению, я замечаю даже неизъяснимую холодность к родителям, ласки достойной матери своей он принимает как будто из благосклонности, в нем нет искры сердечности, столь милой, естественной в ласках сына, нежно любящего родителей. Способностей в нем будет много; но сердечных достоинств теперь еще не нахожу. Я вижу в нем хитрого, холодного, расчетливого себялюбца.—Дай Бог, чтобы я в сем заключении ошибся»¹⁰⁴. Такая на редкость неприязненная характеристика звучит в его устах тем более странно, что несколько лет назад воспитатель отзывался о своем подопечном как о ребенке, чьи недостатки «ничто в сравнении с хорошими его качествами». По свидетельству современников, Мердер был человеком ровного и твердого характера, имел немалый опыт в обращении с детьми¹⁰⁵. Изменения в его чувствах к Виельгорскому, по-видимому, впрямую были связаны с тем, как складывались отношения между великим князем и его товарищем.

С 1824 г. Мердер был самым близким Александру человеком, проводил с ним все время, даже ночевал в его комнате. Исключительная преданность великому князю сделала его своим в царской семье, а наследник питал к нему поистине сыновнюю привязанность. Характер его отношений с Паткулем и Виельгорским был принципиально иным. Как воспитатель он пользовался с их стороны безусловным уважением. При этом, полностью сконцентрировав свое внимание на Александре, Мердер всем поведением невольно демонстрировал, что рассматривает его товарищей лишь как вспомогательный материал, используемый в воспитательном процессе. К Паткулю он был, видимо, совершенно равнодушен, давно убедившись в его малой пригодности к миссии товарища наследника. С Виельгорским все было сложнее.

¹⁰⁴ ПД. № 28.146. Л. 26 (письмо от 19 декабря 1832).

¹⁰⁵ См., в частности, некролог Мердера, написанный Жуковским,—РИ. 1834. 9 мая. С. 450—451.

Можно осторожно предположить, что соперничество, с первых же дней возникшее между великим князем и Иосифом, повлияло и на восприятие последнего Мердером. Не только наследник чувствовал себя уязвленным, в чем-то уступая товарищу; то же ощущение передавалось и воспитателю, выливаясь в ревнивое и не всегда доброжелательное внимание к Виельгорскому. Строгость и требовательность Мердера к великому князю уравнивались любовью и не вредили доверительным отношениям воспитателя с воспитанником, взыскательность же к Иосифу временами выходила за рамки объективности, приобретая явный оттенок неприязни.

В психологическом портрете Иосифа из письма к Жуковскому, на который Мердер не пожалел черной краски, естественно нашла свое место «неизъяснимая холодность» мальчика к родным. Сдержанность в проявлении родственных чувств не вписывалась в свойственный эпохе стереотип семейных отношений, требовавший и от детей, и от взрослых подчеркнутой эмоциональности. Образцом для всех педагогов в этом отношении была императорская семья и культивируемые в ней сердечность и чадолубие. Отсутствие сколько-нибудь заметных проявлений растроганности при встрече Виельгорского с матерью покорило Мердера и заставило его говорить о душевной черствости. Однако поведение Жозефа объяснялось, скорее всего, не недостатком, а избытком чувства, которое ему трудно было излить в присутствии постороннего.

Педагогика того времени понимала ребенка прежде всего как существо, наделенное таким ценным качеством, как «детскость», подразумевающая наивность, доверчивость, покорность. Дитя должно быть эмоциональным и откровенным, легко признавать свои ошибки и раскаиваться, давать волю слезам в трогательные моменты, охотно позволять руководить собой. Если педагог обнаруживал в характере воспитанника скрытность, это был крайне неблагоприятный отзыв, заставлявший подозревать в ребенке нераскаянные, закоренелые пороки. Задача воспитателя состояла в том, чтобы преодолеть эту скрытность. Если же дитя, сопротивляясь оказываемому на него психологическому давлению, замыкалось в себе, оно тем самым не просто оскорбляло педагога в лучших чувствах, но по сути совершало тяжкий грех—уклонялось от священной обязанности соответствия идеалу (ребенок, согласно древнейшей христианской традиции, олицетворял собой идеал, вершину духовного развития человеческого существа, тем самым уподобляясь ангелу).

В этих схоластических выкладках не находилось места для подростка как существа, отличающегося как от ребенка, так и от взрослого. Термин «отрок» был лишен конкретного психологического содержания, и потому особенности личности, присущие подростковому возрасту, воспринимались как нежелательное отклонение от нормы.

Иосиф вырослел и размышлял над своим характером. Малейшее несоответствие собственных поступков и даже помышлений требованиям старших заставляло его страдать. Ему в большей степени, чем об остальным его товарищам, была свойственна психологическая зависимость от мнения взрослых. Глубоко переживая свое несовершенство, он был склонен к самоосуждению. Отсюда и вытекало его прилежание вкупе с замечательной, недетской серьезностью, столь высоко ценимое педагогами. Но эта взыскательность к себе, сталкиваясь с стремлением во всем соответствовать требованиям старших, рождала в Жозефе другое «недетское» качество — скрытность, застенчивость, чего педагоги заведомо не одобряли.

Напомним: мысль о том, что дети должны прилагать старания к тому, чтобы заслужить любовь и уважение взрослых, принадлежала Жуковскому. Реализация этой идеи тем не менее давалась непросто: Паткуль определенно не мог оправдать ожиданий, а великий князь, очевидно, обладал известной долей здорового пренебрежения к советам старших, которое обычно спасает детей от разрушительного воздействия отвлеченных педагогических идеалов. Лишь Иосиф убеждал поэта в том, что его усилия не напрасны. Еще одним доказательством тому были регулярно приходившие от него письма. Растроганный этим наставник, несмотря на недомогание, нашел в себе силы, чтобы все-таки ответить своему преданному корреспонденту. Текст этого письма нам не известен; сохранился только пространный по обыкновению ответ Жозефа и последовавшая за ним короткая записка.

Иосиф — В. А. Жуковскому¹⁰⁶

19 февраля [1833]. Санкт-Петербург

Письмо ваше, дражайший Василий Андреевич, доставило мне необыкновенное удовольствие; я несколько раз его перечитывал. Я вижу, что вы не позабыли вашего истинного друга (если только я могу себя украсить этим именем), который

¹⁰⁶ РА. 1902. № 6. С. 358—360. Уточнено по автографу — ПД. № 27. 956. Л. 8—10 об.

любит вас от всего сердца. Я вполне виноват, что вам так мало пишу. Две болезни и масляница помешали мне исполнить мой долг. Но к чему извинения? Я виноват. Вы знаете, как я ленив писать письма. Надеюсь, что переписка с вами, любезный Василий Андреевич, совершенно вылечит меня и от этой болезни. В самом деле, как вы говорите, если беспрестанно переписываться, то выйдет почти разговор. Тогда я еще более могу воспользоваться вашими советами.

Масляницу провел я довольно благоразумно. До пятницы уроки шли своим чередом. И даже в пятницу мы пропустили только два часа, которые употребили на катанье с гор. Потом я ездил в Пажеский и Первый корпус, где сами кадеты представляли комедии и водевили. Они у себя устроили маленькие театры. Некоторые так хорошо играли, что это было загляденье; лучше, нежели многие наши русские актеры, без всякого принуждения и с такою ловкостью, что я был удивлен. В Первом корпусе играл роль одного барона немецкого кадет Корнеев. Он так всех смешил своими ухватками, своим выговором, коверканием языка, что едва он покажется, все расхохочутся. Он и самим молчанием занимал всю публику; или нюхал табак, или выпучал глаза, или делал такую глупую рожу, что нельзя было удержаться от смеха. Одним словом, спектакль был прекрасен.

Но всего занимательнее на маслянице был маскарад у кн. Петра Михайловича Волхонского, а потом во дворце. Вся Белая зала была освещена, и от бесчисленных свечей, коих свет отражался на беломраморных стенах, было даже больно глазам. Уже все были собраны в зале, как вдруг грянула музыка; двери отворились и явились торжественно кадрили, заимствованные из «Чудной лампы»¹⁰⁷. Впереди всех шел князь Григорий Волхонский, одетый в чародея и неся на голове лампаду. За ним шел так называемый белый кадриль, составленный из восьми фрейлин, в числе коих находились Александра Фридрикс (она была сделана фрейлиною в день крещения Михаила Николаевича 8 ноября, когда Бенкендорф и Кутузов получили титулы графов), обе Бороздины, Шереметева¹⁰⁸ и другие. На них были белые платья, украшенные голубым атласом и брильянтами, а сзади у каждой висел воаль из белого крепа. Далее шел кадриль Императрицы. В нем находилась сама Императрица, Урусова, которая теперь княгиня Радзивиль, Юсупова, Щербатова, невеста Александрова¹⁰⁹, Воронцов-Дашков, мой Дядя, Шувалов и другие. Все были одеты в индейских платьях. У мужчин были длинные бархатные камзолы и тюрбаны, украшенные брильянтами и белыми перьями. У Воронцова одного было на 1 500 000 алмазов. Но всех превосходила Императрица богатством своего наряда. Ее один башмак стоил 75 000 рублей. Все платье было усыпано драгоценными камнями; необыкновенной величины алмазы, яхонты, изумруды украшали ее тюрбан, с которого шел до низу длинный воаль. Одним словом, было какое-то волшебное зрелище. Музыка соответствовала костюмам. Она была

¹⁰⁷ Очевидно, из «Волшебной лампы Алладина».

¹⁰⁸ Неустановленное лицо.

¹⁰⁹ Речь идет об А. Щербатовой, в конце октября 1833 г. вышедшей замуж за П. К. Александрова.

торжественна и величественна. Начались танцы. Все составлявшие кадрили то смешивались, то расходились, то сливались в одну толпу, то составляли отдельные группы; казалось, что танцующие спутаются, но ни в чем не бывало: все приходило в порядок. Народу было тьма, все хоры были полны. В воскресенье весь день плясали у Кочубея (но я провел время дома), веселились.....¹¹⁰, а в понедельник пошли, хоть очень немногие, в церковь; странная противоположность. После радостей, увеселений, шума—покой, тишина, каждый ходит с опущенными очами, постится, а другой от рассеянной жизни лежит в постеле. Странно, что теперь очень многие умирают. Доктора уверяют, что смертность теперь больше, нежели во время холеры. Грипп отправил очень многих на тот свет, особливо чахоточных и слабых грудью¹¹¹.

Я сам был болен, но, слава Богу, не от излишества увеселений. Я простудился [в] воскресенье и с вторника лежал в постеле. Я был еще болен, когда Александр Николаевич принес мне ваше письмо. Мама тут же была. Я просил ее сказать Папа о вашем поручении. И Папа вам непременно вскоре напишет, равно как и Мама.

Что же касается до уроков, я вам скажу новость. У нас скоро будет экзамен при Государе; так было угодно Его Величеству.

И экзамен пришел кстати; мы кончили Среднюю историю. Г. Липман повторяет с нами теперь разным образом: по синхронистическим таблицам г. Жюлья, потом заставляет делать обзор истории каждого государства отдельно или обзор истории просвещения каждого столетия. Я сам делал таблицы для истории Италии и Франции, и оттого эти происшествия мне очень врезались в память. Кончивши Среднюю историю, мы будем дополнять ее чтением. Жюлья дает мне некоторые отрывки из лучших писателей. Я читал описание сицилийской ночи¹¹² и некоторые места из Шатобриана, относящиеся к истории Франции. При этом я не могу не сказать вам, как мне понравился слог Шатобриана; всего замечательнее сжатость и красота оного. Я ни одной книжки французской не читал, где бы так много было прекрасных мыслей, выраженных малым числом слов; жаль, что он не продолжал свои «Essais historiques sur l'histoire de la France»¹¹³. Из этого сочинения я прочел описание сражения при Пуатье, взятие Кале и проч.

Лекции Липмана становятся более и более занимательными. Мы делаем во время класса записки и по ним составляем сочинения. Начнется Новая история; я воображаю, как это будет занимательно; тогда-то можно будет вам о многом писать.

¹¹⁰ Отточие в тексте.

¹¹¹ В январе 1833 г. Петербург после длительного перерыва поразила эпидемия гриппа (более известного в тогдашней медицине под названием «инфлюэнца» или «эпидемический катар»).

¹¹² Имеется в виду восстание сицилийцев против французского господства (1282)—так называемая «сицилийская вечерня».

¹¹³ «Исторические этюды» (1831). Речь идет об эпизодах Столетней войны: взятия англичанами французского города Кале в 1347 г. после почти годичной осады и сражение при Пуатье в 1356 г., закончившееся разгромом французов.

И у Арсеньева мы порядочно работаем. Мы прошли царствование Иоанна Грозного и Феодора Иоанновича, что весьма интересно. Сердце мое содрогалось при рассказе ужасов и злодейств, совершенных первым. И когда мы Государю иногда говорили о его поступках, он сказал нам: «Вот видите, что бывает, когда Бога, долг и отечество забудешь, а станешь только думать о себе»¹¹⁴. Эти слова беспрестанно отдаются в моих ушах. Мы еще не прошли с Арсеньевым оценки дел Грозного, что важнее, нежели сами происшествия. Он хочет по окончании экзамена, прежде нежели идти вперед, сделать общее обозрение состояния России от 1462 до 1598 года. Надлежит еще многое дополнить чтением. Я почти все читал, что было пройдено в классе. Взятие Казани, открытие Сибири так хорошо написано, что оно больше похоже на поэму, нежели на историю. Но таблиц я еще не составлял, оттого что редакции отнимали у меня много времени. Но я скоро начну их составлять, в то время как Арсеньев будет с нами повторять, читать и объяснять места не совсем ясные. Надеюсь, что после всех этих упражнений русская история останется у меня в памяти.

Прощайте, любезный Василий Андреевич, надеюсь, что ваше здоровье более и более поправляется. Мне очень прискорбно, что вы никак эту весну приехать не сможете. Но здоровье прежде нужно; может быть, это лето вы поедете в Италию, а там уж к нам на родину¹¹⁵.

Карл Карлович все еще чрезвычайно слаб. Ему надобно скоро ехать; дай Бог, чтоб он выдержал путешествие. Однакож не надобно терять надежды; молю ежедневно Спасителя о вас и о нем.

Вся моя семья вам кланяется, равно как и все ваши добрые знакомые. Еще раз прощайте. Обнимаю вас от всей души.

Иосиф Вильгоровский.

Иосиф—В. А. Жуковскому¹¹⁶

[Конец февраля—начало марта 1833 г. Петербург]

Любезный Василий Андреевич.

Употребляю оставшееся мне время от наших занятий, чтоб написать вам несколько слов. У нас начался экзамен. Вчера экзаменовал Коллинс в тригонометрии, стереометрии и алгебре. Завтра экзамен Варранда, Павского и Семена Алексеевича¹¹⁷. В четверг экзамен Липмана, потом Арсеньева, а что дальше будет, то

¹¹⁴ Ср. пассаж из «Плана учения»: «(...) верь, что власть царя происходит от Бога, но верь сему, как верили Марк Аврелий и Генрих Великий; сию веру имел и Иоанн Грозный, но в душе его она была губительною насмешкою над божеством и человечеством» (Жуковский. Полн. собр. соч. Т 9. С. 146).

¹¹⁵ Жуковский вернулся в Петербург в сентябре 1833 г.

¹¹⁶ ПД. № 27. 956. Л. 19—19 об. Датируем по упоминаниям об экзамене по стереометрии.

¹¹⁷ Юрьевич преподавал наследнику польский язык.

еще не решено. Но подробный отчет о нашем экзамене я пришлю вам по окончании оною.

Благодарю вас об уведомлении того, где находится изъяснение исторической большой таблицы. Однакож г. Жиль уверяет, что оно у него не находится.

Папа, Мама и сестры здоровы. Первый поручил мне обнять вас мысленно.

Мама вам скоро напишет. Прощайте, дражайший Василий Андреевич. Целую вас от всей души. Вас искренно любящий

И. Виельгорский.

С того момента, как была отправлена эта записка, прошло совсем немного времени, и кружок наследника уменьшился еще на одного человека. 14 марта 1833 г. Мердер с женой и дочерью Марией выехал из Петербурга на лечение. Здоровье его давно было расстроено, серьезное заболевание сердца внушало врачам серьезные опасения. В его отсутствие обязанности воспитателя были возложены на директора Пажеского корпуса генерал-лейтенанта А. А. Кавелина, любимца Николая I.

Для товарищей великого князя, на многие годы практически оторванных от родного дома, их дворцовое окружение превратилось в своего рода суррогат семьи. Крайняя скудость сведений об А. Паткуле не позволяет судить о том, как он чувствовал себя в этой ситуации, что же касается Виельгорского, то на формирование его личности окружающая атмосфера повлияла, несомненно, решающим образом.

Главными особенностями этой «семьи» было отсутствие женщин и безусловное преобладание военного элемента. Воспитательный и учебный процесс строился по модели закрытого военно-учебного заведения (недаром многие педагоги, в том числе Мердер и Юрьевич, имели опыт службы в кадетских корпусах). Впрочем, жесткость дисциплины и однообразие впечатлений, свойственные воспитанию в подобных заведениях, были заметно сглажены близостью двора и ежедневным общением с царской семьей.

Повседневная жизнь мальчиков подчинялась ритму жизни императорской фамилии. Вместе с двором они проводили зиму в столице, наступление теплого времени означало переезд за город: в Царское, Павловск, Петергоф или на невские острова; летние забавы состояли в прогулках, купании, зимой катались с гор. Рождественская елка обыкновенно устраивалась в Ротонде Зимнего дворца. Сначала императрица осматривала, все ли в порядке, а затем, часов в семь вечера, разда-

вался звон колокольчика, двери открывались, и дети гурьбой устремлялись в зал к елке, освещенной сотнями огней¹¹⁸.

Однако напрасно было бы ожидать, что императрица—любящая и любимая мать наследника—сыграет роль матери и для его товарищей. В этом случае повторилась характерная для многих аристократических семейств (но, заметим, не для Виельгорских) ситуация, когда мать—блистательная светская дама—препоручала детей воспитателям и ограничивала собственное общение с ними более или менее трогательными ритуалами. Сан императрицы лишь усугублял это положение. Александра Федоровна являлась перед мальчиками в присутствии ей ореоле некоего особого существа, ангела прелести и доброты, милостиво снисходящего к людям. В глазах Виельгорского и Паткуля она была предметом обожания и преклонения, но не матерью. Именно эта психологическая отстраненность от императрицы позволила Иосифу позднее питать к ней эротически окрашенные чувства. Несмотря на многочисленность молодого поколения Романовых, отношения товарищей великого князя с его сестрами, в свою очередь замкнутыми в собственном воспитательном мире, также едва ли имели характер родственных. Но если ни матери, ни сестер в этой «семье» не было, то отцы, напротив, имелись в изобилии. Функции отца для мальчиков в той или иной мере выполняли Мердер, Юрьевич, Жуковский и сам император. Подолгу живший за границей Мих. Ю. Виельгорский, даже находясь в Петербурге, виделся с сыном не столь уж часто, полагаясь на заботы воспитателей. В результате у Жозефа оказалось как бы много отцов и в то же время ни одного.

Весной 1833 г. Луиза Карловна с детьми и неразлучной мисс Барнетт снова уехала за границу. В августе А. И. Тургенев встретился с ними в Женеве. В течение следующих двух месяцев в письмах к П. А. Вяземскому он подробно информировал своего петербургского корреспондента об их жизни, очевидно, в расчете на пересказ Михаилу Юрьевичу. «Графиня Велеурская устроилась на своей даче: сад прекрасный на горе; я рвал спелые сливы с деревьев; из окна видна вся Женева; вправо расстилается озеро (...). Помещение удобное и здоровое. Любо смотреть, как она ухаживает за своими цыплятами! И какие милые цыплята! Мне кажется, что нога Миши гораздо лучше»¹¹⁹,— пи-

¹¹⁸ См.: Фредерикс. С. 69.

¹¹⁹ Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Пг., 1921. С. 294.

сал Тургенев. Мишина хромота продолжала занимать графиню. «Кухарочка», как ее ласково звали в семье, собственноручно приготавлила мази для сына, что дало повод Тургеневу, восхищенному такой материнской заботливостью, шутливо называть ее «аптекарьшей». Л. К. Вильгорская не забывала и о воспитании своих детей. Во всех переездах она не расставалась с небольшим собранием русских книг, куда входили, в частности, «Евгений Онегин», альманах «Новоселье», сочинения И. И. Козлова. Известно также, что в Женеве Луиза Карловна закупила книги для библиотеки мужа.

1833 год для Жозефа протек в привычных делах и обязанностях (в декабре закончилось его номинальное пребывание в Пажеском корпусе: 24 числа он получил звание камер-пажа). Зато следующий, 1834-й, был полон важнейших событий. 22 апреля, в день Пасхи, состоялась двойная присяга великого князя: сначала в качестве наследника (в церкви Зимнего дворца), затем в звании военнослужащего (в Георгиевском зале). В этот день Александр Николаевич был назначен флигель-адъютантом, а Иосиф произведен в чин прапорщика и зачислен в Павловский полк с назначением состоять при наследнике¹²⁰. Вскоре он получил свою первую служебную награду: приказом от 4 мая ему в числе прочих офицеров было объявлено высочайшее благоволение.

Накануне торжества присяги в Петербург пришла неожиданная весть о кончине Мердера. Он умер в Риме 24 марта. Окружение наследника почло за благо не сообщать ему об этом, чтобы не испортить праздник, и Александр Николаевич узнал о смерти своего любимого наставника на следующий день после присяги. Его горе было неутешно, но место воспитателя не могло пустовать, и в начале мая 1834 г. Кавелин был официально утвержден в должности, которую он исполнял в течение последнего года¹²¹.

Перестановки в окружении наследника этим не ограничились. Шестнадцатилетний Александр в глазах отца больше не был ребенком—отныне ему предстояло готовиться к непосредственному участию в управлении государством, и император решил, что его руководителями в этом деле должны стать люди, далекие от поэтического идеализма Жуковского. Василий Андреевич сохранил свой пост наставника,

¹²⁰ РИ. 1834. 30 апреля. № 104.

¹²¹ Там же. 11 мая. С. 458.

но был подчинен новому лицу—попечителю. Эту должность занял опытный дипломат князь Х. А. Ливен, в течение многих лет бывший послом России в Англии. Ему предстояло теперь контролировать политическое образование Александра. Тем самым весь прежний ход воспитания великого князя был нарушен. Жуковский полагал, что его влияние на юношу будет расти по мере взросления последнего, надеялся стать для него советчиком и наставником не только в учебе, на деле же оказался оттесненным на второй план. Этому способствовало и то, что он уже не принимал непосредственного участия в преподавании. Практически его роль при наследнике стала чисто номинальной, и вскоре поэт ясно ощутил, что воспитанник отдаляется от него. «Наша жизнь раздроблена совершенно. Мое влияние на него ничтожно. (...) Я для него только представитель скуки (...) Посреди каких идей обыкновенно кружится бедная голова его и дремлет его сердце!»—записал он в дневнике летом 1834 г.¹²² Эти изменения в меньшей степени коснулись отношений Жуковского с двумя другими молодыми людьми, в особенности с Иосифом. Для Виельгорского наставник все более превращался в близкого человека—не просто давнего друга семьи, но и старшего товарища.

Начало 1835 г. ознаменовалось еще одной важной переменной среди наставников. Вняв личной слезной просьбе престарелого митрополита Петербургского Серафима, Николай отпустил протоиерея Г. П. Павского от должности духовника и законоучителя наследника и его сестер. Причиной стали разногласия Павского с митрополитом Московским Филаретом, наиболее влиятельным членом Синода. В 1834 г., основываясь на попавшем ему в руки конспекте бесед Павского с учениками, Филарет выдвинул против его автора ряд серьезных обвинений, начиная с богословского рационализма и кончая политической неблагонадежностью. Все попытки законоучителя оправдаться ни к чему не привели, не помогло и заступничество Жуковского. Николай, не желая ссориться с высшими иерархами, счел возможным пойти им навстречу¹²³. Официальной версией отстранения Павского стала его бо-

¹²² Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» Жуковского 1834 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 230—231 (запись от 4 июня).

¹²³ Кроме того, 24 января 1835 г. Павский, состоявший штатным протоиереем Большого собора Зимнего дворца, был перемещен на должность настоятеля церкви Таврического дворца.

лезнь. Великому князю было объявлено, что отец Герасим сам просил уволить его от исполнения своих обязанностей, и 2 февраля 1835 г. наследнику и великим княжнам был представлен новый законоучитель и духовник— протоиерей Бажанов. Автоматически он сделался и духовником Иосифа, однако связь семейства Виельгорских с Г. П. Павским не прервалась. Достоверно известно, что его духовной дочерью была Анна, младшая из сестер Иосифа¹²⁴, скорее всего, то же относится к Аполлинару и Софье. Сестры Виельгорские вслед за братом были приближены к царской семье и стали подругами великих княжон. Вполне естественно предположить, что у них был и общий духовник, с которым они в отличие от царских дочерей не были обязаны расстаться после его отстранения от двора.

Отец Герасим был рекомендован на должность законоучителя наследника в 1826 г. Жуковским. Поэт придавал колоссальное значение религиозному воспитанию наследника; сотрудничество и полное идейное единство с законоучителем были необходимыми условиями успеха его собственного наставничества. Выбор Павского в качестве соратника стал одним из важнейших принципиальных решений поэта, в свое время вполне одобренных и императорской фамилией.

Доктор богословия, широко известный своей ученостью и филологическими трудами, бывший активный деятель Библейского общества, Павский пользовался немалой популярностью в среде столичного образованного общества— явление редкое для православного священника. Краткую формулу, объясняющую это, нашел тот же Жуковский. «Религия ваша— друг просвещения»,— писал он Павскому¹²⁵. Поэт подразумевал не холодную, формальную обрядность, не безрассудный фанатизм, а религию как живое нравственное чувство— неотъемлемую часть подлинного просвещения. В полном соответствии с этим Павский отделял «положительную религию», строящуюся на понятиях рассудка (догматы, законы, обряды), от религиозного чувства, относящегося к ней как душа к телу. Эта идея была близка и Жуковскому; позднее, размышляя над религиозными проблемами современности, он назовет главным духовным пороком России «мертвую веру»— бездушную, тлетворную, более опасную, чем даже откровенное безве-

¹²⁴ См. ее письмо к Гоголю от 18—21 марта 1846 г. // Переписка Н. В. Гоголя. Т. 2. М. 1988. С. 219.

¹²⁵ РС. 1880. № 2. С. 283.

рие¹²⁶. По его мнению, Павский нёс своим воспитанникам веру живую, согласную с «духом времени»; она не поработчала, а освобождала человека, наполняла его силой и мужеством. Именно такая вера, как считал наставник, и была необходима будущему государю. Однако критики указывали на рационалистический пафос и морализм, несомненно сближавшие исповедание Павского с протестантизмом. Влияние протестантизма отчетливо сказывалось и в неприязни Павского к монашеству и культуре мощей, в равно терпимом отношении ко всем ветвям христианства, признающим его основные догматы, и в подчеркнутом, в духе Феофана Прокоповича, превознесении светского государства.

Сомнительные с канонической точки зрения, но глубоко продуманные и искренние убеждения Павского были частью широкого спектра религиозных исканий первой половины XIX столетия, противостоявших «мертвой вере». В одном ряду с ним оказываются масоны, мистики, даже многие русские католики. Они, собственно, и составляли ту среду образованных людей (А. Ф. Лабзин, В. С. Печерин, А. Н. Муравьев, А. П. Елагина, Гоголь и др.), чей интерес к духовной стороне бытия способствовал начинавшемуся в это время пробуждению той самой «живой веры», которое вскоре вывело на сцену такие фигуры, как А. С. Хомяков и братья Киреевские. На формирование религиозных взглядов Иосифа Виельгорского, чутко, как и подобало истинному ученику Жуковского, настроенного на духовно-нравственную проблематику, общение с Павским оказало решающее влияние. В отце Герасиме он потерял не только преподавателя и духовника. К моменту расставания с Павским душевный склад Иосифа уже определился: внутреннее беспокойство, неудовлетворенность обыденной религиозностью, стремление познать истину путем самостоятельного изучения Священного Писания и чтения духовной литературы, стремление постоянно выверять собственную жизнь по евангельским нормам.

О том, как был прожит Жозефом 1835 год, нет более никаких сведений. Мы располагаем лишь одним фактом—21 апреля он был произведен в подпоручики. Возможно, к этому времени относится первое

¹²⁶ См.: Известия Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 2. СПб., 1853. Стлб. 141 (из письма к протоиерею И. И. Базарову конца 1840-х гг.).

известное изображение Иосифа работы неизвестного художника. Местонахождение оригинала не установлено; мы располагаем лишь репродукцией¹²⁷. В том же издании помещен портрет А. Паткуля — по видимому, парный к изображению Виельгорского. Оба запечатлены в парадных мундирах Павловского полка, что позволяет отнести создание портретов ко времени не ранее декабря 1835 г. (6-го числа Паткуль из закорпусных камер-пажей был произведен в прапорщики Павловского полка, а 12-го вышел приказ, предписывавший ему официально состоять при наследнике). Иосиф изображен в эполетах подпоручика. Следующий чин он получит только весной 1839 г., но судя по возрасту его и Паткуля, портреты не могли быть созданы позднее 1836 г. Если в облике Паткуля в это время еще видны детские черты, то Виельгорский выглядит куда взрослее (тут свою роль играют усы, которые юноша поспешил отпустить, пользуясь привилегией офицера). Несмотря на подростковую угловатость и несколько неуверенное выражение лица, в восемнадцатилетнем Жозефе заметна и интеллектуальность, и несомненный аристократизм.

Зиму 1835/36 гг. Луиза Карловна с дочерьми провела в Петербурге, таким образом, вся семья была в сборе. Весной графиня как обычно повезла девочек на воды за границу. К лету этого года относится ряд писем Жозефа к сестрам в Мариенбад. Лечение Миши было окончено, оставшаяся легкая хромота уже не мешала ему. Пора было всерьез заняться его образованием и приготовлением к дальнейшей карьере. Видимо, с этим связано упоминание в письме Иосифа к Анне от 29 августа о том, что брат принимает участие в занятиях вместе с наследником и его товарищами. А пока Иосиф проводил летнюю вакацию с отцом, дядей и Мишей на Каменном острове. Виельгорские не имели там собственной дачи; возможно, они занимали дом, принадлежавший С. С. Ланскому, близкому другу Михаила Юрьевича. А по соседству, на даче Ф. И. Доливо-Добровольского, расположились Пушкины. Глава семейства был в отъезде (29 апреля он отправился в Москву), на Каменном острове жили Наталья Николаевна с детьми, ее тетка Е. И. Загряжская (дочь Н. К. Загряжской) и сестры Гончаровы. 23 мая там родился последний ребенок Пушкиных — дочь Наталья. Поэт вернулся в столицу несколько часов спустя после ее появления на свет.

¹²⁷ Столетие военного министерства. Т. 2. Кн. 4. СПб., 1914. С. 53.

Иосиф—сестре Софье¹²⁸

6 июня 1836—Каменной острфов.

Не хочу начинать это письмо словами, которые часто писал раньше: «Твое письмо, милая сестра, доставило мне величайшее удовольствие» и проч.—Нет, это было бы донельзя плоско и банально.—Все твои письма (и мне нет надобности тебе об этом говорить): длинные, короткие, хорошо ли, плохо ли написанные—все будут для меня наслаждением и принесут радость. Не желая тебе льстить, замечу, что был восхищен стилем и изящно выстроенными фразами твоего письма. И тогда я подумал: как знать? может, Бишинька¹²⁹ станет другой мадам Севинье?—Я преисполнился гордости: шутка ли! быть братом второй Севинье; затем другие мечтания меня посетили—и тут слуга подал мне цыпленка. Несчастный! он разрушил мои воздушные замки—но не воспоминание о твоём письме, которое я дважды перечел за ужином. Ты спрашиваешь, как мы проводим время. Мы с Дядей превосходно ладим. Мы любим друг друга—или, скорее, я уважаю его, ибо сам я пока не могу внушать такое чувство. Он часто приходит ко мне в комнату, время от времени читает мне газеты, потом мы говорим о политике, о том, что произошло за день. Но спорим мало, ибо почти всегда наши мнения совпадают. За вечерним чаем разговор очень оживлен и длится порой до половины десятого. Вообще могу только похвалить себя за то, что Дядя так заботится обо мне, что он постоянно мил и внимателен. Зато Roastbeef¹³⁰ ведет себя иначе. Он щекочет Дядю и меня. Целыми днями он меня или изводит, или морит со смеху преглупостями, которые болтает, или же терзает мой слух своим басом. Иногда я сержусь на него, мы с полчаса дуемся, а потом вновь становимся друзьями, будто ничего не произошло. Когда у него хорошее расположение духа (а в этом случае он весел целый день кряду), его шуточки вызывают улыбку даже у Дункана¹³¹. А уж если Дядя смеется над тем, что он скажет,—это для него триумф. Тогда он сияет. Я себе устроил вот какое развлечение. Когда Миша вечером ложится спать, наступает месть за все его дневные надоедания, я хватаю его за горло под подбородком и начинаю щекотать. Это у нас называется «шах и мат»; изловчившийся и схвативший другого—победитель. Вчера я его так защекотал, он так вопил, хохотал и извивался, что дважды п...нул весьма крепко. Слуга, который при этом был, едва мог скрыть улыбку, я же от смеха катался по полу и осыпал его упреками. Увы, здесь неостанется места, чтобы описать тебе все глупости, которые мы творим. Твое поручение я исполнил: поцеловал толстяка¹³² и

¹²⁸ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 7. Л. 1—2 об. Оригинал по-французски. В углу л. 1 помета: «Pour Bisinca».

¹²⁹ В семье Виельгорских дочерей помимо их частных прозвищ называли «biches» (лани—фр.); отсюда «бишь», «бишка», «бишинька». Перечень семейных прозвищ Виельгорских см. на с. 517.

¹³⁰ Прозвище брата.

¹³¹ Скорее всего, губернёр или дядька Миши.

¹³² Вероятно, имеется в виду Миша.

Дункана, который очень смеялся. Нежно обнимаю Беттиньку¹³³, а также Старика и Бузики¹³⁴. Пусть обещают ко мне писать, я им отвечу на все письма.

Иосиф — сестре Анне¹³⁵

20 июня 1836. Каменной остров.

Я был очень недоволен тем, что ты пишешь: «Хотя мое письмо ничем не замечательно, надеюсь, оно доставит тебе удовольствие». Что же ты думаешь, я не люблю мою Бузики и все письма ее не доставляют мне удовольствия? Пиши мне сколько захочешь. Мне будет радостно тебе отвечать. Папа сказал, что ты очень страдала от боли в горле. Жаль, что с тобою не было Барнетт. Она бы тебя поила *Königskerzen*¹³⁶, которым всегда потчует меня. Миша чувствует себя отменно. Он становится все сильнее и смелее.—Ростом он уже почти с Дядю, думаю, через год-другой догонит и меня. Он часто ездит верхом. Но любимое его занятие—рыбалка. Часто он проводит с дочкой в руках по два часа и более.

Я давно не видал Мари¹³⁷. Когда я был в городе, она приезжала ко мне с графиней Воронцовой, но с тех пор, как мы переехали в деревню, я ее не видел. Вчера графиня была у нас и рассказала нам забавную штуку. Девяностолетняя г-жа Загряжская начинает уже забывать имена своих знакомых и их возраст. Как-то она сказала графине: «Милая, хорошо ли вы видите? Вам ведь должно быть столько же лет, сколько моему покойному брату¹³⁸, а он был на два года моложе меня».—Графиня не сумела сдержать смех при этих удивительных словах и отвечала, что не видит ничего. «Что ж,—сказала на это г-жа Загряжская,—следует терпеливо переносить эти недомогания. В нашем возрасте надобно позабыть о хорошем зрении».—Теперь старушка убеждена, что графине Воронцовой 88 лет и что она ничего не видит.

Однако ты совсем мало рассказываешь о себе, милая Бузики.—Пиши мне о том, что ты делаешь, что видишь.

Нежно тебя обнимаю и прошу заботиться о ножках. Не позволяй им расти.

NB. Надеюсь, что в Мариенбаде туалеты мадемуазель Бузики не останутся в пренебрежении.

Пока я писал это письмо, Миша терзал мой слух. Не удивляйся, что здесь много зачеркнутых слов.

Верзила.

¹³³ Мисс Барнетт.

¹³⁴ Прозвание сестры Анны.

¹³⁵ ИРЛИ. Ф. 50. № 73. Л. 1—2 об. Оригинал по-французски. В углу л. 1 пометка: «Pour Nosi».

¹³⁶ Настоящее лекарственного растения *Verbascum thapsiforme* (коровяк скипетровидный), применяющимся как средство от кашля и боли в горле.

¹³⁷ Неустановленное лицо.

¹³⁸ Имеется в виду А. К. Разумовский.

27 июня в храме св. Иоанна Предтечи на Каменном острове (бывшей православной церкви Мальтийского ордена) состоялись крестины Натальи Александровны Пушкиной. Ее крестной стала Н. К. Загрязская, а крестным — Мих. Ю. Виельгорский. Отец Жозефа познакомился с Пушкиным, вероятнее всего, вскоре по выходе поэта из Лицея. Потом были встречи в Москве, но особенно окрепла их дружба во второй половине 1820-х гг., после переезда Виельгорских в Петербург. Чем старше становился поэт, тем теснее делался круг людей, которые могли называться его друзьями, но неизменным членом этого круга оставался Михаил Юрьевич. А что же Иосиф? Еще ребенком, несомненно, ему случалось видеть Пушкина, а с 1834 г., когда поэт был пожалован в камер-юнкеры, нередко сталкиваться с ним при дворе — в церкви, на многолюдных праздниках, на интимных балах и вечерах в Аничковом. Они встречались и на концертах, в театре, в гостях у общих знакомых. Прямых свидетельств о том, что они были знакомы, нет, но более чем вероятно, что бывая в доме Михаила Юрьевича, поэт мог общаться с его старшим сыном. Еще одним связующим звеном между ними были педагоги — Жуковский и Плетнев, служившие для своих воспитанников главным источником информации о Пушкине. Впрочем, соседству с великим поэтом Жозеф не придавал особенного значения. Литература располагалась на периферии его интересов; его мир складывался из совсем других компонентов. Свидетельство тому — письма юноши к сестрам.

Иосиф — сестре Анне¹³⁹

Суббота. 18 июля 1836. Каменной остров.

Я только что получил твое письмо, милая Бузики, и не знаю, почему ты мне выговариваешь за то, что я к тебе не пишу. Я уж давно отвечал на твое последнее письмо, а полученное вчера — лишь второе по счету. Впрочем, довольно этих объяснений; я чувствую, что неправ: мне бы следовало писать тебе почаще. Сообщенный тобой анекдот о знаменитом Петрусе заставил много смеяться меня и Roast-beef. Я полагал, что его больше нет и у вас нет повода смеяться над его расходами. Воображаю себе, какие у вас были бы лица, когда вместо г-жи Дурново¹⁴⁰ вы уви-

¹³⁹ ПД. Ф. 50. № 73. Л. 3—3 об. Оригинал по-французски. В углу л. 3 пометка: «Pour Nosi».

¹⁴⁰ Вероятно, имеется в виду А. П. Дурново. Судя по дневнику ее мужа, они провели в Германии и Австрии время с лета 1835 до июля 1836 г. (Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978).

дели бы короля Отона. Миша совершенно здоров и шлет тебе тысячу приветов. Он по-прежнему обожает рыбалку; каждый день заставляет нас ходить на *тонию*¹⁴¹ — чаще всего для того, чтобы ничего там не поймать и выбросить в воду десять рублей. Вчера проходил мимо нас *jongleur*¹⁴², показывавший отличные номера, собака у него была замечательно выучена. Бедное животное угадывало карты, называло месяц и цифры из первого десятка, складывало и делило. Очень было приятно на это смотреть. Передай мои извинения сестрам. Скажи им, что я негодяй и лентяй. Я должен был написать им много писем. И Бузики права, говоря, что мне грех не писать, ибо у меня много времени.

Много раз целую глазки Бузики, ее ручки, прошу обнять сестер и сказать, что я напишу им со следующей почтой.

Надеюсь, туалеты не обойдены вниманием.

Жозеф.

Иосиф — сестре Софье¹⁴³

25 июля 1836. Суббота. Каменной остров.

Усердно прошу у тебя прощения, дражайшая Софи, что так давно к тебе не писал. — Но ты ведь знаешь, как я ленив на письма, даже если надобно их писать к милым сердцу. Я все откладывал писание к тебе до субботы — приходила суббота, и времени у меня не оставалось. Мы живем весьма тихо и покойно. Я почти все время провожу с Мишею — кроме двух дней на неделе, когда он ездит на уроки в город. Он сделался превеликим любителем табличек. Как только он заканчивает свои занятия, тотчас принимается за составление таблицы по истории. Это его немало забавляет, но подчас он и сердится, ибо сажает кляксы и портит свои прекраснейшие произведения. Вечером, ежели позволяет погода, мы ездим верхом или катаемся в лодке. Четыре дня назад мы с ним совершили прогулку, которая оставила неизгладимое впечатление в наших юных сердцах. Погода была превосходна. Небесная лазурь напомнила Мише небеса итальянские. Было уже довольно поздно, однакож вовсе не темно. Нас окружала одна из тех ночей, когда можно читать при свете луны. Мы сели в лодку и поплыли вниз по течению Невы. Ни единое дыхание ветра не возмущало поверхности воды. Не слышно было ни шума экипажей, ни веселых голосов крестьян. Совершеннейшее спокойствие царствовало в природе. Деревья, казалось, спали — настолько они были непод-

¹⁴¹ Тоня — специальное место для рыбалки. Вероятно, имеется в виду хорошо известная горожанам «тоня под елями» на Крестовском острове, где желающие могли заплатить рыбакам, чтобы те наудачу закинули невод, и затем забрать улов (см.: Бурьянов В. [Бурнашов В. П.] Прогулка с детьми по Санкт-Петербургу и его окрестностям. Ч. 1. СПб., 1838. С. 147).

¹⁴² бродячий артист, фокусник (фр.).

¹⁴³ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 7. Л. 3—4 об. Оригинал по-французски. В углу л. 3 — помета: «Pour Sophie».

вижны. Слышался только равномерный шум весел и время от времени раздававшиеся возгласы: «Как прекрасно! Какой чудный вечер!»— Полная луна, огромная и великолепная, изливала на воду свой белый свет, напоминавший расплавленный металл. Я прилег на дно лодки, созерцал небо, усеянное мириадами звезд, и, казалось, видел Предвечного во всей полноте Его величия. Ничто так живо и ясно не говорит нам о Боге, как дивное зрелище природы.—Такими вечерами дорожишь тем паче, что они очень редки, особенно в нашем плачевном климате.— Впрочем, вас погода также нечасто балует, а нам и вовсе нечего жаловаться, коль скоро мы живем на 60-м градусе широты. Миша по-прежнему спит рядом со мною, ему боязно ночевать одному в темной комнате, и в некотором отношении он прав: его окно выходит на балкон, обращенный к саду, и вор преспокойно может влезть в комнату. Когда мы ложимся спать, проходит некоторое время, пока мы закроем глаза. Миша заставляет меня болтать и сам болтает. Сигналом для отхода ко сну служит какое-нибудь французское слово, которое оканчивается на «*oïre*». Каждый из нас должен сказать такое слово другому, например: «*Adieu, groutontoïre*» — «*Adieu, machoïre*»¹⁴⁴. Каждый вечер надобно придумывать новое слово. Вот так мы упражняемся во французских рифмах. По утрам я обыкновенно в дурном расположении духа, а Миша ко мне пристает. Осыпаю поцелуями твою ручку, твои пальчики-сосисочки и обнимаю тебя.

Иосиф—сестре Аполлинари¹⁴⁵

25 июля 1836. Суббота. Каменной остров.

Я должен принести свои извинения и тебе, дорогой [нрзб], как уже просил прощения у Софи. Но когда ведешь растительный образ жизни, как я здесь, пересташь что-либо стоять.—Как поживает голос? как поживает нос? Сделался он толще? или, напротив, изящнее?—сие меня весьма занимает, ведь если твой нос исхудает, ты станешь премиленькой особой, а я буду очень горд. Напротив, надеюсь, что руки и окорочка твои на мариеубадских водах пополнеют, дал бы только Бог, чтобы твой глаз был в совершенном порядке. Прошу тебя, пиши мне об этом, входи в мельчайшие подробности о себе и о своем здоровье. Мне не слишком часто выпадает случай читать письма Мама, и я не знаю, что вы подделываете и как живете.

Как идет музыка? надеюсь, по возвращении вы споете мне кучу арий и дуэтов. Как бы я хотел снова пережить те счастливые зимние вечера, когда мы пели втроем, или утра, когда играли в 4, 5, 6 рук. На днях я был в театре, что меня приятно развлекло. Давали «Монтекки и Капулетти»; хотя музыка в целом и прерустая, все же встречаются очаровательные отрывки, в том числе очень эффектный финал первого действия. Потом слушал Моцартову «Свадьбу Фигаро», превосход-

¹⁴⁴ «Прощай, утес» — «Прощай, тупица» (фр.).

¹⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 60. № 12. Л. 1—2 об. Оригинал по-французски. В углу л. 1 помета: «Pour le Vieux».

нейший шедевр, здесь мы много чего отыщем для пения. Наконец, вчера был на представлении чудной итальянской оперы Меркаданте «Элиза и Клод»¹⁴⁶. Сюжет, правда, на редкость глуп, а будучи переведенным на русский, становится еще смешнее.

Надобно тебе рассказать о поразительном событии, в котором вполне проявился характер нашего прекрасного Государя. Я расскажу тебе об этом, ибо ты русская сердцем, и значит, все, что имеет отношение к славе России и ее Императора, тебе безразлично.

На одних кавалерийских учениях Император посылает приказание к генералу Пенкержевскому с князем Радзивилом, который, дурно зная по-русски, передает не так, и Пенкер(жевский) делает совершенно не то, что ему велено. Взбешенный Император во весь опор подлетает к Пенкер(жевскому), ругает его на чем свет стоит, не стесняясь в выражениях, и едко его попрекает. В тот же вечер Радзивил, чувствуя, что он был причиной всему, является к Государю и объявляет ему, что он один виноват в случившемся, ибо неверно передал приказание. Император с прежнею горячностью его высылает, говоря, что даже если он и привез Пенкержевскому неверный приказ, тот все равно не должен был бы совершить такой грубой ошибки. На следующее утро Государь приглашает к себе всех генералов и, выйдя к ним, говорит с присущим ему благородством: «Господа, вчера я совершенно забылся перед генералом П(енкержевским).— Когда я команду войсками, то никак не могу сдерживаться и не выходить из себя. Мне уже сорок лет, а я до сих пор не преуспел в обуздании собственной вспыльчивости. Итак, господа, прошу вас впредь не принимать близко к сердцу мои слова, сказанные в гневе или раздражении. Ты же, Пенкержевский, прошу, прости меня; я не желал тебя оскорбить, будем друзьями». И он сердечно обнял генерала. Пенкержевский рыдал как ребенок и не мог ему отвечать¹⁴⁷. Поздравим же, Старик, друг друга с тем, что имеем такого государя. Хотелось бы мне, чтобы недостойные крикуны в Германии и Франции узнали об этом возвышенном поступке. Обнимаю тебя. Прощай.

В августе по окончании каникул Иосиф снова занял свое место при наследнике. Вместе с двором он перемещался из одной пригородной резиденции в другую.

¹⁴⁶ Речь идет об оперных спектаклях, которые Иосиф смотрел на сцене Александринского театра, где немецкая и русская труппы выступали по очереди из-за того, что Большой театр был закрыт на ремонт. Опера В. Беллини «Капулетти и Монтеки» (1830) шла в исполнении немецких артистов 6 и 27 июня и 9 июля. Та же труппа давала 23 июля моцартовскую «Женитьбу Фигаро», а оперу С. Меркаданте «Элиза и Клаудио» (1821) Иосиф слушал на следующий день, 24 июля, в исполнении артистов русской оперы.

¹⁴⁷ Описанная история произошла во время маневров в Красном Селе 16 июля.

Иосиф—сестре Софье¹⁴⁸

21 августа. Пятница. 1836. Петергоф.

Ты не можешь вообразить, как я был счастлив, узнавши из твоего письма, что вы начинаете подумывать о возвращении. С каким нетерпением я ожидаю минуты, когда смогу обнять вас всех и осыпать поцелуями и ласками. Вообще я не люблю осени; но сейчас я ее обожаю, потому что вы возвратитесь осенью. Полагаю увидеть Бишку выросшей, похорошевшей, изменившейся наружно—но все ту же сердцем, такую же добрую, дружески расположенную к своему брату. Одним из живейших моих удовольствий было слышать ваши звонкие голоса, когда я к вам приходил, и видеть, как вы бежите ко мне навстречу. Счастлив тот, у кого такие сестры.—Всякая мысль о зиме вызывает во мне бурю нетерпения; я тороплю ее приход, чтобы поскорее петь с вами и читать вам, что было для меня подлинным удовольствием. Вы так внимательны, вы с таким любопытством вникаете в сюжет. Как ты счастлива, что видишь Лулу¹⁴⁹ каждый день, и она становится все обходительнее. Она, конечно, была очаровательна, когда разговаривала с букетом.

Дядя в прошедшую пятницу уехал в Пензу¹⁵⁰. Посему я не могу исполнить твоего поручения и поцеловать его в лобик¹⁵¹. Он также весьма мил. Миша зовет его *граф фон Герцев*¹⁵²: так наименовал его один торговец фруктами. Он особенно хорош и мил, когда играет виолончельную партию в квартете; тогда он обыкновенно сжимает губы, а мы с Мишей киваем в знак понимания.

Я пишу тебе это письмо и внимаю воплям полудюжины кучеров, во все горло орущих песни. Вот уже два часа они издают эти гармонические звуки у меня под окном—здоровы же у них легкие. Особенно один тенор приводит меня в отчаяние: он нестерпимо фальшивит.—В эти три недели я много занимался музыкой. Приобрел все сонаты Бетховена и понемножку их играю. Каков гений этот Бетховен! я в восторге и всецело им поглощен. Однако слишком молодым людям не стоит его слушать и играть. Сонаты, которые три года назад казались мне невыносимыми, сейчас меня пленяют. Бетховен—композитор для молодости, как Моцарт и Гайдн—для детства и старости.

¹⁴⁸ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 7. Л. 5—6 об. Оригинал по-французски. В правом верхнем углу л. 5 помета: «Pour Sophie».

¹⁴⁹ Луизу Карловну.

¹⁵⁰ Во время пребывания Матвея Юрьевича в своих имениях через Пензенскую губернию проезжал Николай I. Несчастный случай (26 августа 1836 г. при падении из экипажа император получил перелом ключицы) вынудил его на время задержаться в г. Чембаре, где и произошла его встреча с Матв. Ю. Виельгорским.

¹⁵¹ В оригинале: «baicoter sa moelle». Видимо, обыгрывается домашнее прозвище дяди—Moelle (душка, умница—фр.).

¹⁵² Видимо, от немецкого das Herz (сердце).

Благодарю тебя за два письма—увы, на них я могу ответить тебе только одним. Я и впрямь жалкое, презренное существо, недостойное получать от тебя такие письма. Но даже если бы ты от меня и вовсе ничего не получала, ты не должна сомневаться в том, что твой брат души в тебе не чаёт и всегда о тебе помнит. Целую тебя несчетное число раз: глаза, нос и сосисочки. Обними Бузики и Старика, но с осторожностью, дабы не оцарапаться об его усы. Скажи Бузики, что я ей напишу в следующий раз. Прощай.—Прощай.

NB. Из-за этих несчастных кучеров я сделал много ошибок на сей странице.

Иосиф—сестре Анне¹⁵³

29 августа 1836. Суббота. Елагин.

Так давно не получал я известий от милой моей Бузинетты, что мне кажется, она совершенно меня забыла. Правда, я и сам ленюсь к тебе писать; и потому скорее я виноват, ибо до сей поры не отвечал тебе на письмо, написанное месяц назад. Надеюсь, ты здорова и так же мила, как в Петербурге. Вертел¹⁵⁴ недавно занимался вместе с нами. Он велел мне передать вам поклон и спросил, может ли он надеяться получить от вас письмо. «Ihre Schwestern haben mir voreges Jahr ganz allerliebste Briefe geshriben»¹⁵⁵.—На днях видел я скачки в Стрельне, неподалеку от Петергофа.—Эти забавные скачки устроил английский посланник лорд Дургам. Соревновались одни англичане. Победителю вручили золотой кубок. Эти англичане весьма меня забавляли; они такие оригиналы, так бесцеремонны, что смех разбирает, когда на них смотришь.—Были вы на железной дороге? Понравилось ли тебе? Тебе стоило бы прислать мне прекрасное описание этой дороги из Нюрнберга¹⁵⁶. Скажи, пожалуйста, Мама, чтобы она не забыла приобрести «Путешествие в Англию» Раумера¹⁵⁷, которое, как говорят, весьма интересно, но его невозможно отыскать здесь, ибо оно запрещено, а почему—Бог знает.

Прощай, милая Бузики, обними Старика и Бишь; покрываю поцелуями твои глазки, кои так люблю, так надеюсь вскоре увидеть вновь. Поклонись Шотену и госпоже Рейнхардт.

Ж.

¹⁵³ ПД. Ф. 50. № 73. Л. 4—5 об. Оригинал по-французски. Помета на л. 5 об.: «Pour Maman et Bouziki».

¹⁵⁴ Миша.

¹⁵⁵ В прошлом году ваши сестры писали мне очаровательные письма (нем.).

¹⁵⁶ Первая в Германии железная дорога в 1835 г. связала города Нюрнберг и Фюрст. Интерес Иосифа к этой технической новинке связан, очевидно, со строительством первой русской железной дороги между Петербургом и Павловском, движение по которой открылось год спустя.

¹⁵⁷ Имеется в виду популярное сочинение немецкого историка Ф. фон Раумера «England im Jahre 1835» (Leipzig, 1836).

Иосиф—сестре Софье¹⁵⁸*18 сентября 1836. Царское Село.*

От всего сердца поздравляю тебя, дражайшая Софи, с днем твоего ангела. Позавчера вечером Государыня поздравила Софию Моден, и я тотчас вспомнил, что у меня тоже есть София (и она куда милее, чем София Моден), которую я люблю больше всех Софий на свете. Счастлив листок бумаги, на коем я к тебе пишу: он увидит тебя, коснется тебя, он скажет тебе, что твой брат тебя любит и думает о тебе, что он был бы счастлив оказаться сейчас рядом с тобой.—Ай да листочек! Завидую его судьбе. Тебе известно, что София—это мудрость; ее считают матерью веры, надежды и любви. Посмотри, сколько прекрасного заключено в твоём имени. Не поразительно ли, что мудрость есть источник трех возвышеннейших христианских добродетелей. Надеюсь, ты всегда будешь помнить о том, что твоё имя означает мудрость; надеюсь также, что Мудрость и София сделаются со временем синонимами. Да, ты всегда пребудешь добра и невинна, как сейчас; Господь тебя да сохранит и даст тебе счастье. Тогда и твой брат будет счастлив.

Мне весьма приятно, что вы занимаетесь историей и не пренебрегаете табличками. Это превосходная вещь для запоминания. Следует рассматривать их не как цель образования, но лишь как простое средство для изучения истории. Не стоит также чересчур ими увлекаться: ум становится слишком систематическим, теряя свободу и живость. Однако в твоём возрасте нет ничего полезнее учения по таблицам. В твоём возрасте надо приобретать, приобретать, приобретать знания. Размышление и осознание придут позже, когда их будет накоплено довольно. А чтобы их копить, я не знаю лучшего средства, нежели таблицы. Те, которые вы составляете, очень хороши для хронологии. Надобно бы делать также систематические таблицы—как те, что вы видели по российской истории, где хронология играет второстепенную роль, ибо важнейшее не это. Попроси Мама снабдить вас книгами по истории. Советую тебе изучать частные истории; возьми сначала историю одной страны или даже одного царствования. Хорошенько ее выучи, составь таблички и затем двигайся далее. Мне думается, лучше читать подробные исторические сочинения: только зная все детали, можно судить о событиях. Я решительно против общих историй, в которых вы прочтете только о том, на что автор счел нужным указать, и найдете его собственные—и может быть, неверные—суждения. Чем больше подробностей и сведений ты приобретешь сейчас, тем легче тебе будет рассуждать об истории, когда ты повзрослеешь. Тот, кто всего этого лишен, никогда не сдвинется с точки зрения своего учителя, ведь он не может иметь других воззрений, ибо ничего не знает толком. Предлинная, однако, получилась у меня диссертация. Все, что ты мне рассказываешь о доброте и обворожительности Мама, лишь увеличивает мое желание ее видеть. Она и вправду должна быть со-

¹⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 7. Л. 7—8 об. Оригинал по-французски. В углу л. 7 помета: «Pour Biche-Louise».

вершенно очаровательна и ижицеобразна¹⁵⁹, когда выпрыгивает из постели в кофточке или накрывает на стол, как настоящая *Кухарочка*. Миша был бы в полном восторге. О, чего бы я только ни отдал за возможность быть с нею и с вами, обнимать и тысячекратно целовать вас — одним словом, наслаждаться счастьем.

Жозеф.

Осенью 1836 г., как и предполагалось, графиня Виельгорская с дочерьми возвратилась в Петербург.

6 декабря, в день именин императора, наследник получил чин генерал-майора свиты. Тогда же впервые был образован его собственный придворный штат, в который помимо двоих павловцев — подпоручика графа Виельгорского и прапорщика Паткуля были включены также прапорщик Преображенского полка Адлерберг и кирасир поручик князь Бярятинский. Эти молодые люди отныне уже официально вошли в самый тесный дружеский кружок великого князя, а значит, и Иосифа. Александр Адлерберг — сын одного из немногих личных друзей Николая I — в свою очередь стал ближайшим другом Александра Николаевича, обойдя в этом отношении обоих его официальных товарищей. Второй, Александр Бярятинский, был знакомцем Иосифа со времен раннего детства, проведенного в курском имении. Теперь он был хозяином того самого Марьиного, где они когда-то встречались. В поле зрения наследника он попал относительно недавно, но сразу же стал украшением и гордостью кружка. Богач и аристократ, известный дерзкими шалостями и гордым, независимым характером, будущий фельдмаршал, едва достигнув совершеннолетия, уже успел испытать себя в настоящем бою и заслужить золотое оружие с надписью «за храбрость». Получив тяжелое ранение на Кавказе, Бярятинский в конце 1835 г. приехал долечиваться в столицу и вскоре получил назначение состоять при наследнике. Сам великий князь привез ему это известие.

Для юношей, воспитанных в Петербурге и отроду не видавших ничего серьезнее кадетских летних лагерей и больших маневров, новый товарищ, несомненно, предстал в романтическом ореоле героя, стал живым воплощением образца, к которому каждый из них вольно или невольно стремился. О том, какое впечатление он мог производить на окружающих, свидетельствуют воспоминания В. А. Инсарского, впер-

¹⁵⁹ В оригинале: «iżicienne». Ср. аналогичное прозвание матери в шутовском адресе на письме Иосифа к сестре Аполлинарии от 27 мая 1837 г.: «в доме Кутузова у графини Ижицы».

вые увидавшего Барятинского в конце 1830-х— начале 1840-х гг.: «Когда мне случалось видеть государя наследника, (...) я постоянно видел подле него великолепную личность. Молодой человек, несколькими годами только постарше наследника, беспримерно стройный, красавец собой, с голубыми глазами, роскошными белокурыми выщипанными волосами, он резко отличался от всех других, составлявших свиту наследника, и обращал на себя всеобщее внимание. Манеры его отличались простотою и изяществом. Грудь его положительно была усыпана крестами. Не знаю почему, но с первого взгляда на него я получил полнейшее убеждение, что это непременно какой-нибудь иностранный принц, убеждение, смешанное с некоторою досадою, что у немцев мог уродиться такой красавец»¹⁶⁰.

Блистательный Барятинский был к тому же умен, отлично образован и, несмотря на репутацию повесы, заслуженную еще в ранней юности, имел немало интеллектуальных интересов. Замкнутый и застенчивый Жозеф держался особняком в компании товарищей, однако между ним и Барятинским было много общего. Их матери были подругами, и принципы воспитания детей у них, судя по всему, совпадали. Интересно также, что хорошо знавший Барятинского Инсарский отмечал в его характере черты, которые могли сближать князя с Жозефом: «Я находил его более похожим на красную девушку, чем на адъютанта наследника: до такой степени он был застенчив и конфузлив. Для него было истинным мучением принимать какое-либо новое и незнакомое ему лицо и говорить с ним. (...) Если князь и соглашался, то с неперменным условием, чтоб я находился при предстоящей аудиенции. (...) Едва только войдет ожидаемое лицо— князь тотчас покраснеет, и если скажет что-нибудь подготовленное мною, то в высшей степени несвязно и конфузливо. (...) Он сознавал сам этот недостаток и говорил, что он происходит «от большого его самолюбия». (...) Кроме того, у него было какое-то странное, но вместе с тем чрезвычайно сильное убеждение, что он не умеет говорить по-русски. (...) по всей видимости, эти две причины преимущественно делали его странным, молчаливым и вообще чрезвычайно слабым по части разговоров, что и составило ему в молодости, сколько мне известно, репутацию столь же гордого, сколько и ограниченного человека»¹⁶¹. В отличие от

¹⁶⁰ Инсарский. С. 81.

¹⁶¹ Там же. С. 156—157.

Виельгорского, Бярятинского спасало от застенчивости его знаменитое высокомерие, непоколебимая убежденность в абсолютной ценности своего древнего княжеского достоинства. Интерес к собственной родословной естественно привел Бярятинского к увлечению историей — это, несомненно, способствовало его сближению с Виельгорским. Их отношения, по-видимому, так и не переросли в настоящую дружбу, но у молодых людей была общая страсть — библиофильство. Оба переняли любовь к коллекционированию книг от отцов, однако направление собирательских интересов обличало в них людей нового поколения. Собираание литературы о России и славянстве было одним из самых ярких направлений в библиофильстве второй четверти XIX в. Обширными книжными коллекциями такого рода владели С. Д. Полторацкий и А. Д. Чертков, несколько позднее в Публичной библиотеке начал свою деятельность по формированию «Россики» М. А. Корф. «Россику» начали собирать и Жозеф с Александром Бярятинским.

Между тем последние дни января 1837 г. оказались отмечены трагическими событиями. Михаил Юрьевич был среди немногих друзей Пушкина, посвященных в историю его конфликта с Дантесом и пытавшихся предотвратить кровавую развязку, но финал оказался неожиданным и для него. На 29 января у Виельгорских был намечен праздничный обед по случаю дня рождения холостяка Жуковского. Граф Михаил как великий знаток кулинарного искусства взялся все устроить. Среди приглашенных был и Пушкин, но дуэль опрокинула все планы. «Велгурскому сказал, что любит его»¹⁶², — последние слова умирающего Пушкина, обращенные к старому приятелю, которые записал А. И. Тургенев. Обед все-таки состоялся — поминки вместо дружеской пирушки. Именинник, хозяин и гости приехали от Пушкина. А еще утром во дворце на обычном занятии по российской словесности у П. А. Плетнева молодой Виельгорский со своими товарищами слушал чтение пушкинской «Истории Пугачевского бунта»¹⁶³. Печальную новость донесла до них записка Жуковского, адресованная на-

¹⁶² Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. М., 1987. С. 248.

¹⁶³ «До ½ 12 ч. у Плетнева слушали «Историю пугачевского бунта» бедного Пушкина, который уже без всякой надежды был. (...) Во время обеда узнали, что бедный Пушкин от раны скончался в ¾ 3 часа» (Дневник великого князя Александра Николаевича за 1837 г. // ГАРФ. Ф. 678. Оп. I. № 286. Л. 180).

следнику: «Пушкина нет на свете. В два часа и три четверти пополудни он кончил жизнь тихо, без страдания, точно угаснул»¹⁶⁴.

Известие о гибели Пушкина поразило Иосифа, недаром год спустя в своем дневнике он будет вспоминать об этом дне. Но конец 1836 и начало 1837 г. и без того были тяжелы для него. Резко ухудшилось здоровье. Мучили боли в суставах, подобно младшему брату Иосиф стал хромать. Остается только гадать о происхождении этих недомоганий. Луиза Карловна полагала, что виной всему промозглая атмосфера Каменного острова, где сын провел предыдущее лето. Позднейшее семейное предание, зафиксированное внучатым племянником Иосифа М. А. Веневитиновым, гласит, что причиной болезни стало случайное ранение в ногу, полученное летом 1836 г. во время испытаний артиллерийских орудий¹⁶⁵. Нельзя отрицать возможность травмы, но документальных подтверждений этой версии нет. С 19 июня по 28 июля на Волковом поле под Петербургом действительно производились сравнительные испытания орудий, отлитых по различным технологиям, которые в плановом порядке завершились разрывом трех пушек¹⁶⁶. Пострадавших, по-видимому, не было; к тому же, по свидетельству самого Иосифа, сильные боли и хромота появились у него позднее—в последние месяцы 1836 г. Весной 1837-го к этому присоединилось продолжительное «раздражение в горле». О характере этой болезни также трудно судить сколько-нибудь определенно, однако нельзя исключить предположение, что это был первый, еще неопределенный симптом уже зарождавшегося в верхних дыхательных путях туберкулезного процесса.

13 февраля 1837 г. молодому Виельгорскому исполнилось двадцать лет. Никто из знавших его не мог усомниться в том, что он стоял уже на самом пороге блестящей будущности. Но, по-видимому, именно в это время еще незаметно для окружающих и для самого юноши в его жизни произошел зловеший перелом. Недомогания казались сперва не слишком существенными, но это было начало конца. С той поры Иосиф уже никогда не чувствовал себя совершенно здоровым. Жить ему оставалось чуть более двух лет.

¹⁶⁴ РА. 1883. № 1. С. XXVIII.

¹⁶⁵ РС. 1898. № 1. С. 97; В. И. Шенрок в публикации «Гоголь и Виельгорские...» упоминает о полученном Иосифом ранении осколком в правое бедро (ВЕ. 1889. № 10. С. 448).

¹⁶⁶ См.: Военный журнал. 1837. № 2.

Между тем внешние обстоятельства весны 1837 г. располагали к оптимизму. Великий князь и его товарищи завершили основной курс наук. В следующие два-два с половиной года, согласно «Плану учения», им предстояло пройти последний этап воспитания— период, когда «воспитанник более действует сам, нежели приобретает от наставника». Важнейшие задачи, стоявшие перед ними в это время, по мысли Жуковского, заключались в том, чтобы приобрести «взгляд на место, занимаемое в обществе, и на особенности, с ним соединенные», проанализировать свой характер, ясно представить себе «идеал человека вообще и своего звания в особенности»¹⁶⁷. Главную роль в этом процессе систематизации приобретенных знаний и осмысления своего места в мире предстояло сыграть чтению «немногих истинно классических книг» и длительным образовательным путешествиям внутри России и за границей, по окончании которых для молодых людей наступала наконец долгожданная независимость, начиналась взрослая жизнь.

По традиции, в аристократических семействах первому продолжительному (как правило, заграничному) путешествию молодого человека придавалось особенное значение как завершающему акту воспитания. В такой вояж юноша отправлялся без родителей, в сопровождении наставника. Не будучи стеснен во времени, он вдумчиво осматривал все, достойное внимания, мог встречаться с учеными знаменитостями. Дневник и письма родным с дороги были непременно атрибутом таких странствий. В своем отечестве молодые дворяне путешествовали с образовательной целью гораздо реже. Впрочем, дипломат И. И. Барятинский, известный англоман, избрав для своего старшего сына Александра не традиционное военное поприще, а статскую службу, составил весьма оригинальный план воспитания, предусматривавший многолетнее тщательнейшее знакомство юноши с внутренним состоянием России¹⁶⁸.

Начало вояжа великого князя по просторам его державы намечалось на позднюю весну, когда дороги, извечный бич России, придут в проезжее состояние. Позднее Плетнев назовет это путешествие «обручением» наследника с Россией¹⁶⁹. И в самом деле, страна успела при-

¹⁶⁷ Жуковский. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 136—137.

¹⁶⁸ «Мои мысли о воспитании сына» — см.: Инсарский. С. 92—97.

¹⁶⁹ Современник. Т. 9. 1838. С. 7.

выкнуть к разъездам царей: Александр I и Николай I много путешествовали, но никогда еще царский дом не оказывал России такой чести и не посылал юного наследника престола в многомесячную поездку для ознакомления с самыми отдаленными уголками империи, включая даже Западную Сибирь. Если для Александра Николаевича путешествие имело помимо учебного и некое мистическое значение, то для его товарищей оно составляло в первую очередь наглядное продолжение уроков географии, истории и статистики России. Неслучайно преподаватель этих предметов К. И. Арсеньев должен был ехать с ними, давая по пути необходимые пояснения. Надо полагать, что самым заинтересованным его слушателем был Иосиф Виельгорский. Для молодого человека, увлеченного отечественной историей, возможность совершить подобный вояж была исключительной удачей.

А пока шла подготовка. Лично Николаем были предусмотрены малейшие детали организации будущего путешествия, в том числе и немаловажный вопрос размещения путешественников в экипажах. Собственноручно составленное им «расписание экипажей» отводило Иосифу место в четвертом «нумере» — коляске Юрьевича, следовавшей непосредственно за фельдъегерским экипажем, кухней и коляской камердинера наследника. «Нумером» пятым значилась коляска Назимова, в спутники которому был назначен Паткуль, и только за ней — коляска Ливена, с которым предстояло ехать наследнику. Завершали кортеж коляска, где должны были разместиться Кавелин, осуществлявший общее руководство движением кортежа, и лейб-хирург Енохин, а за ними несколько экипажей с людьми и поклажей, предназначенных к обслуживанию различных нужд вояжеров.

Четкое распределение мест в великокняжеском поезде невольно отразило не только установленную иерархию учащихся и учащих, но и реальные отношения, существовавшие между членами этой иерархии. Пары: наследник — Ливен, Виельгорский — Юрьевич, Паткуль — Назимов образовывались с учетом ранга путешественников. Впрочем, первый набросок сразу же был подвергнут исправлению. Оказалось, что составляя свое «расписание», царь забыл еще о двоих участниках путешествия — Жуковском и Арсеньеве. Пришлось добавить в хвосте кортежа коляску для них¹⁷⁰. Эта характерная ошибка свидетельствовала о том, что значение Жуковского в глазах императора было весьма

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1804.

невелико. Несмотря на то, что формально он как наставник наследника по рангу уступал только попечителю Ливену и воспитателю Кавелину, в действительности положение Жуковского относительно прочих членов свиты было скорее маргинальным. Николай видел в нем, как и в рядовом учителе, только необязательное дополнение к свите, функционально менее необходимое, чем фельдъегерь или камердинер.

Однако формирование состава великокняжеского кортежа еще не закончилось. По желанию великого князя в состав свиты был включен его приятель Адлерберг, место для которого нашлось в дормезе, предназначенном для отдыха пожилого князя Ливена. В дороге ему предстояло скучать в одиночестве. А за несколько дней до отъезда неожиданная тяжелая болезнь сделала невозможным участие в путешествии для самого Ливена. Оставалась еще надежда, что поправившись, он сможет присоединиться к наследнику хотя бы на середине пути, но выезд из Петербурга должен был состояться без него. Тщательно выверенная система размещения путешественников окончательно рухнула, но в результате выстроилась другая, несколько менее формализованная структура. Место Ливена в экипаже наследника занял Кавелин, а спутником Жуковского, второго лица среди взрослых, стал Иосиф Виельгорский — второй по рангу человек среди молодежи. Согласно логике, следующую пару должны были составить Юрьевич и Паткуль, однако Юрьевич разместился с Арсеньевым¹⁷¹, а Паткуль, очевидно, по-прежнему с Назимовым. На долю Адлерберга осталось соседство с доктором Енохиным.

Сроки и даже маршрут путешествия также корректировались едва ли не до последней минуты. Выезд, первоначально предполагавшийся 25 апреля, сначала перенесли на два дня, а в итоге он был назначен на 2 мая¹⁷². Одновременно из опасения продолжавшейся весенней распутицы было решено отказаться от посещения Вологодской губернии, и начало грандиозного путешествия пролегло по более надежному маршруту через Новгород, Тверь и далее на Ярославль.

Иосиф не принимал активного участия в подготовке к отъезду; в это время он, судя по дневниковым записям наследника, даже не бывал во дворце. Он хворал дома. Так, согласно дневнику преподавателя

¹⁷¹ Сведения приводятся по записям С. А. Юрьевича (ГАРФ. Ф. 1132. Оп. 1. № 32. Л. 6 об).

¹⁷² Там же. Л. 6.

математики Э. Д. Коллинса, 24 апреля он не присутствовал при прощании отбывающих членов свиты с остающимися. Начало путешествия тогда было перенесено, но и 29 апреля Виельгорский не был на прощальном завтраке у великого князя. Однако он не мог пропустить возможность совершить уникальное путешествие. Врачи, очевидно, также находили, что юноша сможет его выдержать, ободряло и присутствие среди путешественников доктора Енохина. 1 мая Коллинс пометил в дневнике: «Окончательное прощание с Наследником и графом Иосифом Вьельгорским»¹⁷³, а перед самым отъездом, утром 2 мая, Жозеф вместе со своими спутниками предстал перед Николаем I. Присутствовавший на аудиенции Юрьевич записал: «В 10 часов мы позваны были в кабинет Государя (В. А. Жуковский опоздал и потому не был вместе с нами). Его Величество изволил милостиво проститься с нами, удостоив каждого из нас поцелуем и ласковым словом, благословил нас, пожелав благополучно совершить предполагаемое путешествие. (...) Обращаясь же к нашим молодым спутникам графу Виельгорскому, Паткулю и Адлербергу, Его Величество изволил сказать: «От вас я также ожидаю, что вы с пользою для себя и для будущего воспользуетесь сим путешествием: каждый из вас должен вести свой особый журнал, тогда только полезно будет ваше путешествие. Вам пора приняться за дело. В обращении своем с Великим Князем вы также должны уметь себя вести; в комнате вы Его товарищи, но в публичке вы должны знать степень различия между Им и вами, чтобы никакой не было фамильярности. Я уверен, что не услышу о вас ничего дурного».—„Вам (обращаясь к полковнику Назимову) поручено особое за ними и неослабное смотрение; это ваше дело“»¹⁷⁴.

Небывалый вояж начался. «Я хочу,—напутствовал Николай членов свиты сына,—(...) чтобы великий князь совершил путешествие свое с наибольшею пользою; чтобы обозревал все, достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность; великий князь должен знать Россию так, как она есть»¹⁷⁵. Однако практически осуществить эти пожелания было непросто. С первой же

¹⁷³ Дневник Э. Д. Коллинса цитируется по изд.: Шляпкин И. А. Из бумаг одного из преподавателей императора Александра II. Пг., 1917. С. 14.

¹⁷⁴ Наше наследие. 1997. № 39—40. С. 54—55.

¹⁷⁵ Там же.

минуты путешествие превратилось в изнурительную гонку. Великокняжеский поезд мчался с максимально возможной быстротой, остановки были краткими, осмотр достопримечательностей— поневоле беглым, но особенно утомляли многочисленные официальные мероприятия: приемы, обеды, балы, неизбежное обозрение казенных и богоугодных заведений, торжественные церковные службы. Скачка продолжалась день за днем. Редко случалось дважды ночевать на одном месте. К тому же в пути на старших членах свиты, особенно на Кавелине и Юрьевиче, лежало множество организационных обязанностей, а молодежь поочередно дежурила, занимаясь ведением общего журнала поездки.

Пытаясь как-то запечатлеть увиденное, большинство путешественников вели собственные дневники, а Жуковский и Виельгорский еще и рисовали, но очень скоро стало очевидно, что подобный вояж не может обладать существенной познавательной ценностью. Об этом Жуковский писал императрице из Твери уже 6 мая: «Я не жду (...) большой жатвы положительных практических сведений о состоянии России: для этого мы слишком скоро едем, имеем слишком много предметов для обозрения и путь наш слишком определен; не будет ни свободы, ни досуга, а от этого часто и желания заняться как следует тем, что представится нашему любопытству. Мы соберем, конечно, много фактов отдельных, и это будет иметь свою пользу; но главная польза вся нравственная, та именно, которую только теперь можно приобрести великому князю: польза глубокого, неизгладимого впечатления»¹⁷⁶. Более всего столичных гостей поражал невиданный энтузиазм населения. Особенный размах проявления восторга приобрели на Волге. Тысячи людей всех сословий стекались в города, чтобы хоть издали увидеть наследника, сопровождали его повсюду, днем и ночью толпились на улицах, создавая опасную давку, крики «ура» за полночь не давали путешественникам заснуть.

Физические и нервные перегрузки во время этого вояжа подвергли здоровье его участников суровому испытанию. Спустя две недели после выезда из столицы они уже чувствовали себя совершенно выбившимися из сил. Писать домой удавалось лишь урывками, отнимая драгоценное время от отдыха. Именно так— поздно ночью 14 мая пе-

¹⁷⁶ Сочинения В. А. Жуковского под ред. П. А. Ефремова. Изд. 7-е. Т. 6. СПб., 1878. С. 310.

ред отъездом из Костромы писал Юрьевич своей жене: «Обозрения, прогулки, балы, представления одолели совсем нас. Мы все в городах под вечер без ног и без памяти. Так много предметов, так много лиц новых, что в уме нельзя уладить всего, нельзя привести в порядок идей. (...) Мы все не знаем, что с нами будет дальше, если так продолжится. Мы все радуемся, что завтра въезжаем в леса, где людей меньше. Вот положение наше. Я уж не говорю об А. А. Кавелине, который устал больше всех, и так устал, что часто себя не помнит. Ты можешь себе представить его в этом положении, а он у нас первый старшина. Жуковский собраться не может с духом, Арсеньев с мыслями, молодежь наша с делом. Один Великий Князь неутомим и всех нас ободряет»¹⁷⁷. Главная воспитательная цель путешествия, сформулированная Жуковским, несомненно, была достигнута. Александр Николаевич, тронутый патриотическим порывом народа, был полон восхищения Россией и с гордостью проникался мыслью о своем высоком предназначении. Это подкрепляло его, но свита держалась из последних сил. Виельгорский, отправившийся в путешествие нездоровым, очевидно, страдал больше других, из тряской коляски ему пришлось пересест в более покойный экипаж. Утром 15 мая кортеж переправился через Волгу и углубился в малонаселенные лесистые места, направляясь к Вятке. Наступило временное затишье, но передышка уже не могла помочь Иосифу. Его старшие спутники были обеспокоены. Наконец 17 мая на пути из деревни Гомзихи в уездный город Орлов между молодым человеком и Жуковским состоялся решающий разговор.

В. А. Жуковский — Л. К. Виельгорской¹⁷⁸

Вятка, мая 18. 1837.

Вот откуда пишу к вам, милая моя душа, ваше сиятельство графиня; это большое самолюбие называть вас своею душою. Не правда ли, что у меня душа прекрасная, если вы моя душа; и не следует ли из того, что я могу без всякого зазрения совести любить самого себя. Итак, душа моя, слушайте. Вчера, сидя в дормезе с одним экземпляром сочинения вашего, его сиятельством графом Иосифом Михайловичем, разговаривая с ним о том и о другом, мы коснулись и нашего путе-

¹⁷⁷ РА. 1887. № 4. С. 448.

¹⁷⁸ РА. 1876. Кн. 1. № 4. С. 356—358 (уточнено по автографу—ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 61. № 30. Л. 1—2 об.). На полях приписка: «Мое нежное объятие Карамзиным и Вяземским».

шествия, которое идет довольно быстро. (Надобно вам знать, что оно вообще сделало ему до сих пор пользу; он на вид здоровее, весел и очень усердно занимается тем, что видит. И я открыл в нем особенное качество, которое, за неумением назвать его как следует по-русски, назову по-французски *persévérance*¹⁷⁹. Подлинно, *persévérance*. От заставы петербургской принялся он на тетрадах (мною для того нарочно приготовленных) отмечать все, что видит справа и слева дороги. А NB виды довольно однообразны. Несмотря на это однообразие (с которым я грешный сладить не мог), он по сию пору продолжал постоянно свои отметки, и у него теперь имеется полный живописный маршрут того, что промелькнуло мимо наших глаз, во все продолжение нашей скачки¹⁸⁰.)— Возвращаюсь к моему рассказу. Итак, разговаривая с ним, мы коснулись до трудности нашего путешествия. Я сообщил ему свои опасения на счет его здоровья. От Вятки до Казани через Пермь, Тобольск и Оренбург, в продолжение месяца на расстоянии 4500 мы должны делать большие переезды и часто ехать день и ночь. Признаюсь, это меня пугало на счет его болезни в горле, которая могла распространиться и от пыли, и от недостатка в сне (ибо он дорогою не спит, а только дремлет и дремлет с открытым ртом). Вместо того, чтобы отвечать мне, он достал карту, развернул ее и начал делать какие-то кабалистические выкладки; и наконец вот что сказал мне. Я с вами не поеду в Тобольск и Оренбург; оставляю вас [в] Вятке и поеду оттуда в Казань, где вас и дождусь; таким образом увижу с вами одну только лучшую часть России; и то время, которое проведете вы в трудных переездах и в которое делаете 4500 верст только для того, чтобы увидеть несколько заводов, да Оренбургские степи, проведу на покое, укреплю свое горло и долечу свою ногу. Эта благословенная мысль пришла ему в голову от взгляду на карту, на которой увидел он, что от Вятки до Казани не более 400 верст. Такое намерение, им самим принятое, меня чрезвычайно обрадовало: лучше ничего придумать было не можно. Болезнь его не увеличилась; напротив, ему вообще гораздо лучше; он поправился. Но раздражение в горле продолжается, оно могло бы усилиться и что если бы ему надобно было остановиться где-нибудь между Пермью и Тобольском или между Тобольском, Оренбургом и Казанью. Было бы плохо. Я с ним тут же согласился; а нынче при нашем прибытии в Вятку, и все единодушно одобрили его намерение. Таким образом он остается в Вятке и в один день с нашим отсюда отъездом отправится в Казань. И отправится не один, а с хорошим попутчиком. Некто Карпов¹⁸¹, присланный сюда депутатом из Симбирска приглашать великого князя на бал Симбирского дворянства, поедет с ним до Казани, из которой только что приехал. Он имеет покойный экипаж. А в Казани он будет на руках у генерал-губернатора Стрекалова, к которому пишет об нем сам Великий Князь. Казань есть

¹⁷⁹ терпение, упорство (фр.)

¹⁸⁰ Эта изобразительная летопись путешествия и дорожный дневник Иосифа не найдены. Скорее всего, они погибли вместе с другим его имуществом при пожаре Зимнего дворца.

¹⁸¹ Речь идет, вероятнее всего, о П. А. Карпове.

самый лучший пункт для его отдохновения; там Университет, следовательно и медицинский факультет; город прекрасный, ресурсов множество; он отдохнет самым лучшим образом, но главное дело не в отдохновении, а в том, что он избавится от самой затруднительной части путешествия (которое вероятно бы ему повредило), довершит то, чего не мог довершить в Петербурге. Вот вам самая полная и верная его биография. Надеюсь, моя милая душа, что вы мне поверите, что вы нисколько не будете о нем беспокоиться. Прошу вас поверить мне *à la lettre*¹⁸². Если когда-нибудь имели ко мне доверенность, то имейте ее теперь. Уверю вас всем, что есть для вас и для меня святого, что его состояние лучше, нежели в Петербурге, и что теперешняя мера есть самая благоразумная мера одной предосторожности, мера им самим принятая и нами признанная за благоразумную, а не за необходимую, ибо он мог продолжать путешествие с нами, но сам от него отказался, видя его трудность, которая могла бы быть ему и вредною. За эту меру вы можете его поблагодарить и должны теперь совершенно на его счет успокоиться. Он ужасно боится вашего страха. Но вас должно успокоить теперь и все то, что я пишу к вам; поверьте, что я бы остался с ним, если б хотя мало мог за него бояться. Если, напротив, я еду, если я первый согласился на то, что он сам предложил, то это должно считать для вас доказательством совершенной истине мною вам сказанного и должно совершенно вас успокоить. Поверьте моему честному слову, поверьте мне, как вашему истинному другу. Я уверю вас, что теперь все мои беспокойства на счет его кончились; теперь я уверен, что путешествие не повредит ему; он сделает одну приятную часть его и будет отдыхать в то время, когда мы будем скакать по горам и пустыням.—Обнимаю вас от всего сердца, и друга Михаила, и кума Матвея, и всю вашу милую сволочь¹⁸³.

Жуковский.

Легко представить себе, каким ударом для Виельгорских стало получение этого письма. Несмотря на все старания Жуковского, из него явствовало главное—вдалеке от дома, в чужих, глухих местах упорная болезнь одержала верх. Настойчивые заклинания добрейшего Василия Андреевича не успокаивали, а, напротив, тревожили. В отношении будущей карьеры Иосифа необходимость даже на время выбыть из свиты великого князя также была крайне неблагоприятным симптомом. Так некстати обнаружившаяся слабость здоровья лишала молодого Виельгорского возможности сохранить свое исключительное

¹⁸² буквально (фр.).

¹⁸³ Жуковский употребляет слово «сволочь» в его устаревшем ныне значении—пестрое сборище самых разных людей. Из-за многочисленности населявших его чад и домочадцев дом Виельгорских позднее был прозван «Ноевым ковчегом» (см.: Фредерикс. С. 83) или «*la maison du bon Dieu*» (странноприимный дом—фр.; Записки графа Н. Е. Комаровского. М., 1912. С. 42).

положение неразлучного товарища наследника—положение, с которым родители связывали столько надежд. Реакция матери особенно беспокоила не только самого Иосифа, но и всех, знавших Луизу Карловну, ее экзальтированную любовь к сыну и материнское честолюбие. Неслучайно и Юрьевич в письме от 19 мая просил жену еще раз успокоить графиню: «В Вятке мы нашли Симбирского депутата, это Карпов—〈...〉 умный и приятный молодой человек. С этим Карповым как с благонадежным человеком отправили мы в Казань одного нашего товарища путешествия Виельгорского, чтобы тот на месте в ожидании нашего туда прибытия полечился от своего недуга, от коего во время пути он не получил облегчения. Если увидишься с графиней, матерью Виельгорского, то скажи ей, что эта мера не от крайности, но из предосторожности: доктор наш Енохин полагает, что больному нашему пребывание в Казани (почти месяц, пока мы туда прибудем) будет гораздо полезнее путешествия по степям и пустыням, куда мы теперь направляем путь свой, и что тогда он снова может присоединиться к нашему каравану и, вероятно, с большими силами. Туда же мы ждем также приезда и князя Ливена. Путешествие наше, благодаря Бога, идет благополучно; начиная с Великого Князя нашего, до последнего из свиты, мы все здоровы (Виельгорский в дороге не поправился, но и не сделался хуже)»¹⁸⁴.

Спутники Иосифа не зря беспокоились, предугадывая реакцию Луизы Карловны. Ее ответ Жуковскому продиктован крайне тревожным и мрачным настроением.

Л. К. Виельгорская—В. А. Жуковскому¹⁸⁵

Петербург 28-го мая 1837 г.

Вы думали льстить душе, называя ее своею, надеялись подобными похвалами отвлечь внимание от печального известия и горестного предмета. Тактика, достойная вашей дружбы, но которая однакож нимало меня не обманывает. Душа собственная ваша, прекрасная, пресветлая, превозвышенная, [прелюбящая] выказывается—как бы сказать—сквозь искусно обдуманное письмо ваше, несмотря на старания ваши одеть его как можно проще. Хотя вы не достигли цели своей успокоить меня на счет Отеньки, не менее чувствую с благодарностию дружеские старания друга осторожного и чувствительного. Что Оти сам захотел остановить-

¹⁸⁴ РА. 1887. № 4. С. 452.

¹⁸⁵ ПД. № 27. 955. Л. 4—5 об.

ся в Казани, нимало не утешительно. Намерение это, напротив того, доказывает, что болезнь сильна, ибо превозмогла даже над желанием продолжать путешествие с вами и принудила его пробывать целый месяц между татарами в Казани. Безрассудно верить фатализму, но трудно иногда не предаваться подобным нелепым размышлениям, когда видим много чего в жизни, по-видимому без всякой пользы и цели случившегося. Путешествие по России, столь полезное, счастливое событие, теряет совершенно для Оти благодетельный характер свой, по необыкновенному стечению обстоятельств, коих пользу никакой ум человеческий верно не изыщет. Надобно думать, что все к лучшему; эта поговорка весьма утешительна, когда служит выражением истинного убеждения, но, к несчастию, не дано человеку видеть ясно следствия¹⁸⁶ случившегося с ним, и следовательно дойти до истинного убеждения. Может быть, Отенке полезнее страдать, нежели наслаждаться, выходить с трудом из кареты, как престарелый франт, сидеть дома, между тем как другие осматривают все достойное внимания, ходят, действуют, живут. Признаюсь, не могу видеть в этом что-либо хорошее. Он очень умно сделал, что остался в Казани, я ему за то весьма благодарна, но несчастье именно в том, что мера эта была нужна. Если путешествие, перемена климата, движение не будут иметь благодетельного влияния на его здоровье, чего же ожидать зимою? Будущее еще более беспокоит меня настоящего; что за жизнь в этих летах быть уж страдальцем, быть лишенным не только самых невинных удовольствий, но даже этой прозаической и столь обыкновенной способности всех животных свободно владеть членами. С нетерпением жду первого письма из Казани, дабы на что-либо решиться. Сама хотела я поскать в Казань, но у всех в доме свинья, а Фофи еще лежит в постели; притом я рассудила, что с целым семейством и скакать в пустынях и степях невозможно, а если кое-как и дотащиться, то в таком изнеможении, которое потребует по крайней мере месяца отдыха. Не то что ездить по шоссе в Германии. Я решилась ожидать известий здесь, если Отенке лучше и он может продолжать путешествие, то я намерена сделать ему surprise, приехать в Москву и собственными глазами судить, видеть и решить его судьбу. Если же горло его сделается хуже, в таком случае лучшее ему возвратиться в Петербург, и тут уже увидим, что нам делать останется. Погода невероятно холодна, сыра, дурна. Небо по-обыкновенному свинцовое, обтянуто еще серыми снежными облаками, кои, кажется, так низко висят над головой, что душу давят. Как быть здоровым под влиянием подобного климата, который истребляет, вымораживает все физические и моральные силы, настоящий ледяной ад Данта. До сих пор мы еще в городе, невозможно было переехать в Царское, стужа сжимает и члены и душу. Я уверена, Отенкина болезнь есть следствие прошлого лета. Сырость была ужасная, а он жил на Каменном острове, царство лягушек. И Лейцман¹⁸⁷ там получил рефматизм. Не знаю, как благодарить вас, любезный и истинный друг, за оказанную мне дружбу и попечения об Отенке. Давно уже я в ней уверена, но теперь особливо радуюсь

¹⁸⁶ Над строкой: «причину».

¹⁸⁷ Неустановленное лицо.

ей в отношении к сыну. Он найдет всегда в вас нежность отца, мудрость наставника, а что всего дороже — чувствительную душу, и в ней искать может утешений и сил, если некогда в далекой будущности посетит его и душевное страдание, а меня уже не будет. Пишите и не ленитесь. Срам¹⁸⁸

Посланию графини Виельгорской пришлось отыскивать адресата уже вне географических пределов Европы, за Уралом. 20 мая великокняжеский кортеж покинул Вятку, держа путь на восток. «Прощание с Виельгорским»¹⁸⁹, — отметил в своем дневнике Жуковский. Впереди лежала Пермь, Уральский хребет, Западная Сибирь и Оренбургские степи — самая сложная и экзотическая часть путешествия. Иосифу не суждено было все это увидеть. Проводив товарищей, он со своим новым спутником выехал из города по другой дороге, направляясь в Казань.

Решение прервать путешествие, очевидно, далось Жозефу нелегко; не обошлось без настояний Жуковского, но мысли о том, чтобы вообще отказаться от продолжения вояжа, он не допускал. Он готов был бороться с болезнью. Большой, богатый город, развитый университетский центр с авторитетным медицинским факультетом, Казань была тем самым местом, где молодой человек мог найти все условия для отдыха и квалифицированную медицинскую помощь. Независимо от того, располагало ли семейство Виельгорских собственными связями в этом городе, рекомендательное письмо наследника к тамошнему губернатору должно было открыть перед ним все двери.

Иосиф — В. А. Жуковскому¹⁹⁰

Казань. 24 мая [1837].

Фельдъегерь, ехавший из Петербурга, остановился здесь на четверть часа. Пользуюсь сим временем, чтоб написать вам несколько строк, дражайший Василий Андреевич. — 22-ого утром в три часа приехал я благополучно сюда, явился к Стрекалову, который предложил мне квартиру в своем доме; но я отказался, чтоб его не беспокоить, и поместился в доме купца Протопопова¹⁹¹, где я занимаю три больших комнаты. — Ноге гораздо лучше, но горлу хуже, дорогой я его просту-

¹⁸⁸ Утрачено окончание письма.

¹⁸⁹ Дневники Жуковского. С. 316.

¹⁹⁰ ПД. № 27. 956. Л. 21—22.

¹⁹¹ Имеется в виду гостиница Протопопова на Проломной улице.

дил. Но надеюсь здесь совершенно поправиться. Изю всех здешних докторов я выбрал двух, Эверсмана, лучшего по общему мнению, и Берви, который был доктором у графа Захара Чернышева и знал меня ребенком.—Вчера я познакомился с маиором Германом, служащем при Стрекалове, весьма умным и острым человеком. Он принес мне книгу своего сочинения о Казани¹⁹². Сегодня ко мне должен быть Фукс, бывший доктором моего отца. Он пишет историю Казани¹⁹³, которую хочет представить Наследнику. С ним я намереваюсь покороче познакомиться. Вообще здесь много людей занимательных, и мне будет весьма приятно провести время в кругу их. Я ни в чем не нуждаюсь и живу себе спокойно и скромно. Визитов не намереваюсь никому делать и знакомиться только с здешними учеными.

Мое нижайшее почтение Великому Князю и всем нашим.

Дружески вас обнимаю.

И. В.

В гостинице Протопопова Иосиф задержался ненадолго. Все изменил визит доктора. К. Ф. Фукс, в прошлом профессор естественной истории и ботаники, а также терапии, патологии и клиники Казанского университета, ныне историк, востоковед, этнограф, литератор и частнопрактикующий врач, был своего рода ученой достопримечательностью города. Знакомства с ним искали, приезжая в Казань, Сперанский, Гумбольдт, А. Гакстгаузен, а встречи с Виельгорским-отцом, относились, скорее всего, к значительно более раннему времени, когда Михаил Юрьевич был еще подростком. Прибыв в Россию в 1800 г., Фукс, прежде чем перебраться в Казань, пять лет прожил в Петербурге, занимаясь медицинской практикой. Кроме того, между старшим Виельгорским и доктором Фуком существовала еще одна связь: оба они заочно были членами масонской ложи Ключа к добродетели, основанной в 1817 г. в Симбирске М. П. Баратаевым¹⁹⁴.

Теперь, проведав о приезде сына своего давнего пациента, он поспешил навестить его. Можно предполагать, что именно доктор Фукс стал главным покровителем Иосифа на время пребывания в Казани. Общие научные интересы скоро сблизили их. Фукс был крупным биб-

¹⁹² Ф. И. Герман «состоял для особых поручений» при казанском военном губернаторе. Упомянутое сочинение неизвестно.

¹⁹³ Очевидно, речь идет о книге К. Ф. Фука «Краткая история города Казани», написанной еще в 1817 г. и опубликованной несколько лет спустя очень ограниченным тиражом.

¹⁹⁴ Соколовская Т. К масонской деятельности князя Баратаева // РС. 1909. № 3. С. 639.

лиофилом и коллекционером; в его доме на углу Сенной площади и Тихвинской улицы хранились всевозможные редкости и древности, в том числе русские, татарские и восточные рукописи, старопечатные книги, ценная библиотека с богатейшим отделом *Rossica*, этнографические материалы о татарах и других народах Поволжья, естественно-научные коллекции (бабочки, минералы, гербарий), коллекция восточных монет. К этому собранию он охотно открывал доступ всем интересующимся. По свидетельству современников, Фукс был любимцем учащейся молодежи. Он владел искусством наставлять не поучая, охотно делился своими знаниями, увлекая учеников истинно юношеским энтузиазмом исследователя¹⁹⁵.

Встреча с таким человеком сама по себе была для Виельгорского удачей, но симпатичный ученый стал, скорее всего, еще и одним из его лечащих врачей. Позднее, вспоминая Фукса, Иосиф назовет его «добрым». По своему обыкновению, Карл Федорович был очень внимателен и сострадателен к больному, и, как всегда, этого оказалось достаточно, чтобы вызвать в ответ неподдельную благодарность. Фукс представлял собой тип немецкого доктора-филантропа, нашедший классическое воплощение в фигуре «святого доктора» Гааза. Он не позволял себе делать разницы между дворянами и простонародьем, русскими и татарами, бедных же лечил бесплатно, за собственный счет приобретая для них лекарства. Пациенты очень любили его и всецело ему доверяли.

Однако Фукс оставил след в истории Казани не только и даже не столько как врач и ученый. Многообразие его гуманитарных интересов обеспечило ему совершенно уникальное место в местном обществе. Немалая заслуга в этом принадлежала и его жене Александре Андреевне, писательнице и поэтессе. Разделяя увлечение мужа историей и этнографией Поволжья, она в то же время была душой литературного салона, на многие годы превратившего их дом в центр культурной жизни города. Просвещенное семейство Фуксов было хорошо известно Баратынскому, а также Языкову и Пушкину, который познакомился с ними в 1833 г., захватив в Казань во время сбора материалов для «Истории пугачевского бунта». Карл Федорович свел его с человеком, в юности видевшим Пугачева,—купцом-миллионером Л. Ф. Крупени-

¹⁹⁵ См., например, мемуарный очерк С. Т. Аксакова «Собирание бабочек» (1858).

ковым. Из рассказов старика Пушкин почерпнул некоторые сведения для своей работы.

Очевидно, именно Фукс познакомил с Крупениковым и молодого Виельгорского, узнав, что тот питает интерес к отечественной истории. Между ними существовала довольно близкая родственная связь — А. А. Фукс доводилась двоюродной теткой супруге младшего сына Крупеникова. Теперь купец и доктор вместе опекали заезжего юного аристократа. Болезненное состояние Иосифа требовало покоя и комфорта частного дома, и вскоре из гостиничного номера он перебрался к Крупениковым.

Судьба и тут свела Жозефа с замечательными людьми. Глава семьи, 83-летний патриарх Леонтий Филиппович, пользовался авторитетом далеко за пределами Казани. Ему удалось наладить активные торговые сношения с Китаем через Кяхту, сбывая черные козловые кожи, выделанные на принадлежавшем ему казанском заводе, и закупая в больших количествах различные сорта чая. Как один из выдающихся представителей тогдашнего российского купечества, Л. Ф. Крупеников был обладателем всех возможных для человека его сословия знаков отличия: имел звание потомственного почетного гражданина, большую золотую медаль на александровской ленте для ношения на шее, был членом мануфактурного комитета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли министерства финансов. В старинных традициях семья Крупениковых отличалась сплоченностью. Четверо сыновей — Петр, Александр, Иван и Константин — помогали отцу вести дела, владея общим с ним капиталом. Только старший, Алексей, еще юношей прогневавший отца самовольной женитьбой на крепостной, был отделен от семьи. Леонтий Филиппович по купеческому обыкновению щедро жертвовал на храмы и многие годы был попечителем памятника русским воинам, павшим при взятии Казани в 1552 г.

Едва прибыв на новое место, Иосиф сразу же стал получать письма из дома. Обеспокоенные родные, скорее всего, адресовали их в Казань, рассчитывая застать его там. В семье Виельгорских не было принято писать общие письма. С каждой из сестер Иосиф вел свою эпистолярную игру. Так писал он Аполине, шутливо величая ее в мужском роде. Ни слова не говоря о своем нынешнем положении и самочувствии, он делился с сестрой самыми яркими переживаниями за время пути.

Иосиф — сестре Аполлинария¹⁹⁶

Вознесение. Казань. 27 мая. 1837.

Очень, очень благодарен за твое письмо; оно меня чрезвычайно обрадовало; во-первых, потому что ты постоянно в предприятии, раз начатом; во-вторых, потому что когда я возвращусь, российский язык будет господствовать между вами. Надеюсь, или лучше сказать вполне уверен, что это не пустая фраза, а твердое намерение исполнить то, что раз предпринял. И если даже предприятие сие тебе неприятно, затруднительно, тем более старайся исполнить его; человек рожден, чтоб побороть препятствия и затруднения; он рожден быть победителем. Только победами над собой получаем нравственную силу духа, твердость характера. Благодарю тебя за известия о «Цыганах»¹⁹⁷, пиши мне еще более; рассказывай в подробности, что Папа сочиняет, какие перемены намеревается делать. Бывает ли у вас музыка? что делают клавикорды и симфонии. Долго еще придется лишать ушей величественных, чудесных аккордов Бетговена, сего гиганта музыкального, потрясающего душу и приводящего её в восторг. Дорогой часто мысленно вспоминал о приятных впечатлениях музыкальных нынешней зимы; о 5ой симфонии, о симфонии Моцарта¹⁹⁸. Но музыка завлекла меня; поговорю тебе о России сердцу близкой, о Руси святой, о милом отечестве, о коей без слез не могу говорить. Такого энтузиазма я никогда не видал; и он все более и более увеличивался по мере того, как мы приближались к Волге, к Ярославлю, к Костроме; особенно в сем последнем городе, где, как ты знаешь, избран был в цари Михаил Феодорович. Опишу две картины, из коих одну представил себе мысленно, другую видел наяву. «Россия в начале XVII столетия», раздираемая внутренними междоусобиями, самозванцами, опустошенная, ограбленная шведами и поляками, униженная и едва не поработанная народом ненавистному, в 1612ом году освободилась нако-

¹⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 60. № 14. Л. 1—4. На обертке письма надпись: «Его Благородию Ивану Ивановичу Шерцкому, дряхлому старику 120 лет, живущему в доме Кутузова у графини Ижицы». Под столь затейливым прозвищем скрывается Аполлинария, которую в семье звали Vecchio (старик—ит.) Вымышленная фамилия «Шерцкий», возможно, образована одновременно от нем. *der Schertz* (шутка, забава) и фр. *cher* (милый, дорогой).

¹⁹⁷ «Цыгане» — опера на сюжет, связанный с Отечественной войной 1812 г., над сочинением которой Мих. Ю. Виельгорский трудился в течение двадцати лет (до самой смерти), однако она была закончена лишь вчерне. В создании либретто принимал участие ряд литераторов, в том числе Жуковский и Пушкин, написавший «Песню цыганочки» («Колокольчики звенят...»; 1833).

¹⁹⁸ Музыкальная зима 1836/37 г., особенно период Великого поста, были исключительно богаты музыкальными впечатлениями. В Петербурге гастролировали известные музыканты — виолончелист М. Борер, пианист Л. Мейер. Филармоническое общество дало два концерта, в программу которых входили произведения Бетховена; творчество этого композитора широкая публика только начала ценить. Сочинения Бетховена, несомненно, исполнялись и в салоне Виельгорских.

нец от ига чужеземного, ободрилась и, чувствуя необходимость власти верховной, избрала пятнадцатилетнего Михаила. Послы отправились из Москвы с иконою Божией Матери и пришли в Ипатьевский монастырь, в Кострому, умоляя Михаила принять царство. Мать его, видя его молодость, слабость, неопытность, неотступно просила послов оставить их предложение и выбрать более достойного; но послы несколько раз приходили с тою же просьбою; несли икону Божией Матери; народ следовал толпою за ней и со слезами молил Бога о даровании ему царя. Представь себе эту минуту: церковь Ипатьевского монастыря, престарелую Марфу, возле нее юный Михаил, цветущий молодостию, и у ног его послов русских, представителей несчастной России; вокруг многочисленную толпу народа на коленах, и все это со слезами просит об одном—о спасении Отечества. После многих убеждений и просьб она наконец, обратившись к иконе, сказала, рыдая и обнимая сына: Мать Божия, даю тебе моего сына.—Слова простые, но удивительно трогательные, возвышенные, полные чувства религиозного.—Михаил пошел на царство трудное, опасное; все было в хаосе, Россия представляла тогда море, колышющееся после бури жестокой. Прошли 224 года. На том самом месте, где стоял Михаил Феодорович, был теперь наш юноша, надежда России, но России совершенно другой, нежели России 1612го года, России могущественной, славной победами, благоустроенной, единодушно любящей Царя своего и с радостью принимающей будущего государя своего. Александр Николаевич на другой день по приезде в Кострому отправился в Ипатьевский монастырь. Погода была прелестна. Великий Князь у самого монастыря встречен был архи[е]реем Михаилом¹⁹⁹ со крестами и духовенством. Он сказал Великому Князю речь; представь себе молодого нашего Наследника, окруженного со всех сторон толпою; перед ним архи[е]рей прекрасной наружности (вроде Бажанова), а за ним Ипатьевский монастырь со всеми его воспоминаниями. Речь была прекрасна. Он заключил её сими трогательными словами: «Гряди, наше солнце, наша надежда, наш ангел».—Все вокруг стоявшие плакали; и у меня капались слезиньки. Когда подумаешь о назначении Великого Князя, о том, что его ожидает, и взглянешь на него, молодого, цветущего красотой, счастливого, не знающего горя, то невольно заплачешь.—Вот что я чувствовал в Костроме; вот те две картины, которые я себе представлял: там молодой юноша, не знающий света; здесь такой же неопытный юноша, но образованный, понимающий всю важность своего будущего сана; там—народ в страхе и печали умоляющий со слезами о принятии царства; здесь—народ веселый, восторженный, с радостью принимающий будущего Государя своего; там—послы, избирающие произвольно царя, здесь—архи[е]рей, встречающий Наследника, избранного уже законом и им утвержденного. Великий Князь должен помнить слова архи[е]рея. Он должен быть солнцем, надеждой, ангелом России.

¹⁹⁹ Иосиф ошибается: епископом Костромским в это время был Владимир (в миру В. Ф. Алявдин), который и обращался к речью к наследнику в Ипатьевском монастыре, состоявшем под его непосредственным управлением в качестве архиерейского дома.

Побрани хорошенько Фофу и Борща²⁰⁰ за то, что они мне не пишут, и сделай нежнейший выговор дражайшей супруге²⁰¹, которая мне не написала даже после подарка, ей присланного.—Ты был болен, старик. Надеюсь, что ты теперь поправился и по-прежнему мил и смешон. Пиши мне более, не забывай русского языка и обещания. Поклонись Ваньке²⁰², Ленцу, Шотену, [Барнет] и всем знакомым. Поцелуй Фофу и Нанину²⁰³, а с Борщом сделай то же; но схвати прежде за нос и хорошенько сожми.—Тебя же целую многократно.

В Казани молодой Виельгорский нашел и радушный прием, и интересных собеседников. В городе было немало образованных и культурных людей, знакомство с которыми могло заинтересовать приезжего из столицы. К одному из них обращена следующая его записка:

Иосиф — И. М. Симонову²⁰⁴

Милостивый государь Иван Михайлович.

Позвольте мне сегодня к Вам явиться на обсерваторию в восьмом часу; если только это Вас не затрудняет. Сделайте одолжение, со мною не церемоньтесь. Если Вам сегодня нельзя будет, то откажите; мне было бы очень жаль, если я помешаю Вашим занятиям.

*Вам преданный
гр. И. Виельгорский*

Адресат этой записки — один из самых знаменитых казанцев, астроном, профессор и впоследствии ректор Казанского университета И. М. Симонов. В 1819—1821 гг. он был участником кругосветного путешествия под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева и вернулся в Казань, привезя с собой уникальные этнографические коллекции. Его именем были названы один из открытых тогда островов Южной Полинезии (ныне остров Тувана-Итоло) и мыс на острове Петра I у берегов Антарктиды. Как ученый Симонов пользовался европейской известностью, а незадолго до приезда Иосифа в Казани открылась современная обсерватория, стараниями его снабженная луч-

²⁰⁰ Одно из домашних прозвищ брата Миши.

²⁰¹ Сестре Анне.

²⁰² Возможно, имеется в виду И. И. Рейнгард, обучавший молодых Виельгорских игре на фортепьяно.

²⁰³ Анну.

²⁰⁴ РО РНБ. Ф. 37. Оп. 1. № 845. Л. 1. Надпись на обороте: «Его Высокоблагородию Ивану Михайловичу Симонову от гр. Виельгорского».

шими заграничными инструментами. Симонов и его новенькая обсерватория в это время считались главной гордостью Казанского университета, далеко превосходя по своей популярности, например, тогдашнего ректора — великого математика Н. И. Лобачевского. Обсерватория такого класса представляла собой уникальное явление для России²⁰⁵, и возможность осмотреть ее не могла не заинтересовать любознательного Вильгорского. С Симоновым он познакомился, скорее всего, в литературном салоне Фуксов, где бывал астроном, сам не чуждый словесности.

Около месяца провел Иосиф в Казани. К сожалению, место его постоянной квартиры установить с точностью не удастся. Крупениковым принадлежало несколько домов на Воскресенской улице, откуда рукой подать было до комплекса университета, включавшего библиотеку, богатую редкими книгами и рукописями, кабинет редкостей с известными этнографическими и нумизматическими коллекциями и обсерваторию. Однако молодой человек занимался отнюдь не только наукой. Круг его общения в течение этого месяца был необычайно широк. Кроме Фуксов, Крупениковых и Симонова Иосиф успел перезнакомиться со множеством людей, чему немало способствовал характер казанцев, известных любовью к балам, визитам и всевозможным развлечениям. К тому же в ожидании приезда великого князя Казань была особенно оживлена. В город съехалась масса дворян, и очень многие, несомненно, искали знакомства с юным товарищем наследника.

Обстановка, окружавшая Иосифа в Казани, по всей видимости, была такова, что время, проведенное там, можно считать одним из самых благоприятных в его жизни. Это предположение выглядит парадоксальным, если вспомнить о том, что он был болен, остро переживал разочарование от крушения своих ближайших планов и не мог не испытывать беспокойства за будущее. Однако впервые он был тогда по-настоящему самостоятелен. Рядом не было ни великого князя, ни наставников, ни родителей. Он сам формировал свое окружение, выстраивал отношения с людьми, жил собственными интересами. Впервые после почти десятилетнего пребывания на вторых ролях он на время избавился от соперничества с наследником и чувствовал себя находящимся в центре внимания.

Между тем Александр Николаевич совершил свой сибирский вояж и теперь направлялся к Казани. В воскресенье 19 июня он въехал в го-

²⁰⁵ Пулковской обсерватории близ Петербурга еще не существовало.

род. Настал конец отдыху Иосифа, он снова приступил к исполнению хлопотливых обязанностей члена свиты. Вновь завертелся калейдоскоп событий. «В тот же день мы были на выставке, катались по городу, по прекрасной торцевой мостовой, по богатым широким улицам, с большими, как бы столичными каменными домами, огромными казенными зданиями,—писал Юрьевич.—〈...〉 В понедельник по обыкновению представления, проезд примечательных мест и богоугодных заведений, обед с гостями и, наконец, бал взяли все минуты дня. Сегодня продолжение объезда того, чего не успели видеть вчера поутру; а после обеда гулянье на Арском поле, в так называемой Русской Швейцарии²⁰⁶ (где танцевали в галерее и ходили в полонезе по лугу между многочисленным народом, среди хороводов и хоров песенников) и в заключение спектакль также все время забрали»²⁰⁷.

Среди этой круговерти Жуковский выкроил время для разговора с Иосифом. 21 июня, покинув на время великого князя, они совершают прогулку в Немецкую Швейцарию— живописную загородную местность, где по традиции располагались дачи казанских немцев²⁰⁸. Предметом их беседы, вероятно, были дальнейшие планы молодого человека. Иосифу не удалось поправиться. Как ни горько было это сознавать, но даже после месячного отдыха он был неспособен продолжать путешествие в том же темпе. Задуманный в Вятке план провалился. Наследник не мог ждать—через день он покидал Казань.

На прощание великий князь обратил милостивое внимание на семейство Фуксов: Александре Андреевне в благодарность за присланные ею наследнику ученые сочинения были подарены бриллиантовые серьги, а два месяца спустя ее муж был пожалован в действительные статские советники²⁰⁹, что также, возможно, было связано с пребыванием цесаревича в Казани. Другой знакомец Иосифа майор Герман получил от великого князя 2000 рублей на лечение²¹⁰.

²⁰⁶ Арское поле (обширный пустырь при въезде в город со стороны Арска), и сад под названием Русская Швейцария— традиционные места гуляния казанцев.

²⁰⁷ РА. 1887. № 5. С. 52.

²⁰⁸ См.: Дневники Жуковского. С. 329.

²⁰⁹ Бобров Е. А. А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов // РС. 1904. № 7. С. 28; РГАЛИ. Ф. 14. Оп. 1. № 36.

²¹⁰ Список майорам по старшинству. СПб., 1838. С. 157.

23 июня Александр Николаевич отправился в дорогу, так и не дождавшись приезда князя Ливена, которого болезнь не выпустила из Петербурга, и по-прежнему без своего молодого товарища. Его ожидали Симбирск, Воронеж, Калуга и Смоленск, предстояло осмотреть поля знаменитых сражений Отечественной войны, а затем сделать продолжительную остановку в Москве. Туда же — в Москву — лежал теперь и путь Иосифа. 24 июня он в свою очередь простился с гостеприимной Казанью и спустя несколько дней уже въезжал в первопрестольную.

Москва для молодого графа оказалась немногим более знакомой, чем Казань. Когда-то дом его родителей был известен всему образованному обществу, но Виельгорские уехали в Петербург, когда Иосифу еще не было десяти лет. После этого он побывал в Москве лишь однажды — осенью 1831 г., сопровождая наследника в специальной поездке для осмотра промышленной выставки. Он не знал ни города, ни его жителей — кроме нескольких своих родственников и небольшого числа знакомых. Впрочем, отношения с ними не были особенно близкими — судя по письмам к сестрам, он жил в Москве отдельно.

Иосиф — сестре Софье²¹¹

P(our) Viche

Москва. 1837. 3 июля.

Становлюсь перед тобой на колени и прошу прощение за то, что тебе не отвечал на твои письма, милая *Viche*. Я надеюсь, что ты мне простишь, если узнаешь, что у меня со дня приезда Великого Князя до прибытия моего сюда не было ни минуты свободной. В два дни, которые Великий Князь был в Казани, я или находился с ним, или разъезжал по балам, праздникам, катаниям. Письмо к Мама я писал ночью; но 23 накануне моего отъезда я вспомнил, что это день твоего рождения и написал тебе два слова; все что мог. Ибо в этот день, то есть 23 июня, я сделал 11^{ть} прощальных визитов; да ко мне еще приходили прощаться человек 12 и более. Меня в Казани очень полюбили все те, с которыми я познакомился; и каждый хотел повидаться со мной перед отъездом. Мой хозяин Крупеников и сыновья его плакали, когда я с ними прощался, и я сам едва удержал слезы, когда пришлось расставаться с добрым Фуксом и всеми знакомыми казанскими. Человек и в короткое время привязывается к тому месту, где он находится. Так и мне; было грустно расставаться с Казанью; — а еще больнее было то, что я не поехал с Великим Князем; когда я с ним прощался, я плакал как ребенок; это со мной редко случается; но тут я не мог удержать слез своих; быть принужденным отказаться от путешествия единственного, которого в другой раз не придется совершить в этом

²¹¹ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 65. № 7. Л. 9—10 об.

виде — весьма грустно. Я бы не выдержал сего горя, если б был менее равнодушен и холоден к тому, что со мной случается. — Напиши мне о представлении Лины²¹² подробно. Скажи ей, что я буду отвечать ей завтра или послезавтра на письмо, а тебе еще напишу в непродолжительном времени. Здесь у меня мало знакомых. Вчера я был только у дяди Николая Аполлоновича, который сделался совершенно фабрикантом и мануфактуристом²¹³. Завтра собираюсь ехать к Перфильевой (Nastinca Ланская), которую годов шесть или семь не видел. Будь здорова и весела. Обними Коричку²¹⁴, Гренадера²¹⁵, Супругу, Папа, Дядю и Вурща²¹⁶ — Шотену и Барнет дружеский поклон. — Супруге я напишу завтра.

Иосиф — сестре Анне²¹⁷

9 июля. Москва. 1837.

Дражайшая супруга. Я перед тобой так виноват, что не осмеливаюсь просить прощения; до сих пор не отвечал на два твои милых письма. Но я надеюсь, что ты не сомневаешься в любви твоего супруга, который тебя обожает. — Мне было очень приятно видеть, что ты принялась писать по-русски. Начало всегда трудно; но потом все идет легко, когда на что твердо решишься. Когда я возвращусь, надеюсь, что вы уже хорошо будете говорить по-русски и не будете сбиваться на немецкий язык. — Сестры мне писали, что ты выросла; я надеюсь, что твои ножки этому не последовали, ибо в противном случае я буду на тебя сердиться. *Надеюсь, обувью ты не пренебрегаешь, и к моему приезду у тебя будут хорошенькие ботиночки.* Я об тебе думал на каждой выставке²¹⁸ и хотел покупать башмаки, но боялся, что не будут по твоей ноге, не имея мерки (которую ты мне обещала дать).

²¹² О пожаловании Аполлинаруи во фрейлины вместе с княжной О. В. Трубецкой см.: Северная пчела. 1837, 8 июля. № 150.

²¹³ Н. А. Волков был одним из крупнейших московских предпринимателей. В 1839 г. на выставке отечественных промышленных изделий в Петербурге он вместе со своим компаньоном получил малую золотую медаль за плис, бархат и кордовую ткань, выработанные на их фабрике в Горенках.

²¹⁴ Домашнее прозвище матери.

²¹⁵ Одно из характерных прозваний долговязого Миши.

²¹⁶ Вероятно, прозвище Аполлинаруи — от нем. die Wurst (колбаса).

²¹⁷ ПД. Ф. 50. № 73. Л. 6—7 об. Оригинал по-французски. На обороте л. 7: «Ее благородию Анне Михайловне Мазетто». Мазетто — персонаж оперы Моцарта «Дон Жуан», супруг Церлины. По-видимому, брат и сестра Виельгорские исполняли эти партии в домашних концертах — отсюда прозвище «супруга», «жена», с которым Иосиф обращается к Анне.

²¹⁸ Речь идет о выставках, организованных во всех губернских городах, которые посещал наследник; Иосиф успел побывать на новгородской, тверской, ярославской, костромской, вятской и казанской выставках.

Ты, верно, продолжаешь быть *dans les grandeurs*²¹⁹ и часто едешь к великим княжнам. Каково идет музыка и пение? Ты, верно, очень обрадовалась, когда Лину сделали фрейлиной. Хорошо ли она была одета в день бала и в день представления? Меня это очень интересует. Я, как ты знаешь, пью воды, весьма вонючие, зато фриштыкаю²²⁰ с большим аппетитом и обедаю так же охотно, как и ты. Вчера я обедал у Николая Аполлоновича Волкова, у которого одна дочка также называется Анною. Мать ее хочет переменить название и называет *Apolite*²²¹.

Еще раз извиняюсь в том, что до сих пор тебе не писал и очень, очень благодарю за твои два письма, которые принесли мне большое удовольствие и вдвойне: во-первых, потому, что ты меня не забывала, а во-вторых, потому, что письмо было по-русски.

Обнимаю тебя от всей души, бесценная жена моя. Поцелуй Фрейлину, Коричку и всех моих.

В Москве Иосиф продолжал бороться с болезнью. К его услугам были консультации известных медиков и самые современные методы лечения. О раздражении в горле больше не упоминается; из всех одолевавших его недомоганий наибольшее беспокойство причиняла боль в ноге и хромота. Ревматизм, ишиас— в таких терминах он сам говорил о своем заболевании. Весьма эффективным при лечении болезней такого рода считался курс минеральных вод, причем особенной славой пользовались серные источники швейцарского курорта Шинцах²²². Но Иосиф не торопился за границу. Вероятно, он еще надеялся подлечиться в Москве и все-таки совершить вместе с наследником хотя бы последнюю часть его путешествия. Москва располагала заведением искусственных минеральных вод, где страждущим предлагались, в частности, и серные воды²²³. Директором его в то время был штаб-лекарь Ф. А. Янихен. Заведение размещалось в маленьком домике на живописном берегу Москва-реки в районе Остоженки. По всем канонам врачебной науки пациенты,

²¹⁹ в большой чести (фр.).

²²⁰ завтракаю (от нем. *frühstücken*).

²²¹ *Apolite* (Анолита)— прозвище Анны Виельгорской, которым пользовались ее подруги; дома ее звали Нози.

²²² Позднее там лечилась Ап. М. Виельгорская, также, по-видимому, страдавшая заболеванием суставов.

²²³ Из ассортимента вод, приготовлявшихся в московском заведении, больным ревматизмом рекомендовались следующие: эмсская, елизаветинская (воспроизведенная воду соответствующего кавказского минерального ключа) и, наконец, ахенская, считавшаяся наиболее действенной из всех серных вод.

принимавшие воды, в ясную погоду с раннего утра прогуливались под звуки музыки по дорожкам английского парка, избегая неблагоприятных испарений минеральных вод, а во время дождя переходили в крытые галереи²²⁴. Такой легкий и довольно приятный способ лечения пользовался большой популярностью в московском обществе, и заведение процветало. Далеко не все из более чем 350 человек, регулярно посещавших его, действительно нуждались в приеме минеральных вод, но Иосиф Виельгорский стал, несомненно, одним из самых прилежных пациентов.

Впрочем, лечение отнимало не так много времени, и Жозеф с удовольствием погрузился в изучение многочисленных исторических памятников и коллекций «русских древностей», которыми была так богата древняя столица. Несмотря на то, что запланированный учебный вояж был практически сорван, ему в итоге все-таки удалось совершить некое ученое путешествие, интеллектуальную доминанту которого составлял интерес к отечественной истории. Его апогеем стало посещение Москвы. Возможно, именно в это время общие библиофильские и нумизматические увлечения свели Иосифа с крупнейшим московским собирателем А. Д. Чертковым; с его супругой Елизаветой Григорьевной, урожденной графиней Чернышевой, он был знаком с детства, еще по луизинской жизни.

Вскоре в Москве должна была почти в полном составе собраться императорская фамилия. Николай и Александра Федоровна со старшей дочерью планировали приехать во вторую столицу, чтобы увидеться с Александром после многомесячной разлуки. Мих. Ю. Виельгорский в качестве шталмейстера и незаменимого при дворе человека тоже воспользовался возможностью повидать Иосифа и отправился в Москву, взяв с собою дочерей. Утомленный болезнью, разочарованиями и одиночеством юноша с нетерпением ждал родных.

Иосиф — сестре Софье²²⁵

Москва. 15 июля. 1837.

Благодарю тебя, милая Viche, за твое письмо, которое получил через Скарятина²²⁶. Я очень много смеялся, когда ты говорила про старика, что не надобно

²²⁴ Подробнее об этом заведении см.: Белявский Фр. Описание естественных и искусственных минеральных вод. Т. 1. М., 1834. С. LXXXIX—XCV.

²²⁵ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 65. № 7. Л. 11—12 об.

²²⁶ Неустановленное лицо.

удивляться тому, *qu'il est bien dans le monde*²²⁷, потому что он уже 80 лет в свете. Я был уверен, что старик понравится своею скромностию, несмотря на то, что он любит сивуху и горелку. Как я рад, что вы едете сюда и что увидите матушку Москву во всем блеске, во всем великолепии, полную народа, с энтузиазмом приветствующего своего Наследника. Ты увидишь, что значит русской народ, что такое Русь. Её только постигаешь здесь, в Москве. Московские жители называют Петербург чужими краями; и тот, кто по Петербургу захочет судить о России, тот весьма ошибется. Мы, может быть, вместе съездим в Сенницы. Как будет приятно, трогательно вспоминать о нашем младенчестве, о счастливых, веселых днях, проведенных в Сенницах, где мы жили всегда вместе, весело, без шума светского, посреди прекрасной природы и добрых крестьян. Приезжайте только скорее. Жду Папа с нетерпением, не понимаю, отчего он не едет. Каждый экипаж, который едет мимо моих окон, меня пугает. Я все думаю, что это Папа, и непременно посмотрю в окно. Вчера ночью проехал дорожный экипаж; я вообразил, что это Папа, и тотчас послал узнать; но не тут-то было. Я теперь погружен в древностиа русских; покупаю старые книги, роюсь в магазинах и библиотеках; осматриваю древние церкви и памятники. Ты не поверишь, как это меня интересует. Я также изучаю древние русские монеты под руководством немногих сочинений о сем предмете²²⁸. Если ты теперь приедешь ко мне, то найдешь мою комнату заваленную старинными вещами и особенно книгами.

Погода опять испортилась; из теплой сделалась холодной и дождливой, так что я сегодня принужден был пить воды в закрытых вонючих комнатах.

Прощай, бесценная *Biche*; надеюсь тебя скоро обнять. Поцелуй Коричку, Денка²²⁹, Старика, Фрейлину²³⁰, Голиафа²³¹ и жену; сей последней даю я поручение поцеловать *le Chevalier et ses deux fils*²³² (хотя рыцарь мой большой враг и соперник).

Обнимаю тебя. Прощай.

²²⁷ что он так легко освоился в свете (фр.).

²²⁸ Иосиф мог пользоваться фундаментальным руководством по русской нумизматике барона С. И. де Шодуара «*Aperçu sur les monnaies russes et les monnaies étrangères, qui ont eu cours en Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à a nos jours*» (СПб., 1836; перевод В. Анастасевича под заглавием «Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен» вышел в 1837—1838 гг.), а также вышедшими к тому времени частями труда А. Д. Черткова «Описание древних русских монет» (М., 1834; два «Прибавления» появились в 1837 и 1842 гг.).

²²⁹ Дёнок (возможно, сокращенное от *Дядёнок*) — домашнее прозвище Матв. Ю. Вильгорского.

²³⁰ Прозвания «Старик» и «Фрейлина» относятся к сестре Аполлинарии.

²³¹ Очевидно, домашнее прозвище брата Михаила.

²³² Рыцаря и двух его сыновей (фр.). По всей видимости, за прозвищем «Рыцарь» скрывается А. П. Шувалов. Вильгорские были очень дружны с этим семей-

В ночь с 23 на 24 июля, опоздав на несколько часов, в Москву въехал наследник. Его уже перестали ждать, и город встретил путешественников темнотой, тишиной и покоем, от которых они давно успели отвыкнуть. Но с утра все встало на свои места; снова Иосифу пришлось на время подчиниться напряженному ритму жизни великого князя. Наконец, 3 августа прибыла императрица, а с ней и Виельгорские. Стремление оживить воспоминания о прежней московской жизни заставило Михаила Юрьевича в тот же день собрать своих друзей за городом, в Сокольниках. Вечер был устроен в лучших «виельгорских» традициях с обязательным артистическим элементом, на сей раз представленным знаменитыми московскими цыганами. Редкое стечение обстоятельств позволило Виельгорскому-старшему свести вместе и путешествующего Жуковского, и многих москвичей, в том числе Баратынского, Черткова, Д. В. Давыдова, М. П. Погодина²³³. Что касается молодого графа, то воспоминания детства звали его к покою прежней деревенской жизни, но состоялась ли поездка в Сенницы, на которую он уповал,—неизвестно.

Уже 9 августа начался последний этап вояжа наследника. Теперь главной целью августейшего путешественника был захоластный Вознесенск на берегах Южного Буга, где несколько недель спустя должны были состояться грандиозные кавалерийские маневры. Но прежде великому князю и его свите предстояло познакомиться с древним Владимиром, Нижним Новгородом с его знаменитой ярмаркой, увидеть Орел, Курск, Харьков и Полтаву, а потом их ждали еще Одесса и Крым, Киев, Таганрог и Новочеркасск и даже блиц-визит на кавказский театр военных действий. Вряд ли Иосифу когда-нибудь удалось бы повторить подобный вояж. Потеря была невозполнимой, но состояние здоровья по-прежнему не позволяло и думать о путешествии. Последние надежды рухнули, и Виельгорскому оставалось только вернуться в Петербург к семье, а при первой возможности отправиться для лечения за границу.

ством; его члены обменивались с Жозефом всевозможными прозвищами, свидетельствующими о целых сюжетных играх, в которых на равных правах принимали участие дети и взрослые. Так, младший сын Шувалова Павел (явно в подражание своему отцу) называл Иосифа «*mon enfant*» (дитя мое), а тот исполнял роль его послушного сына— см., например, письма к сестрам от 15 июля 1837, 15 декабря 1838, 4 января 1839 г.

²³³ См.: Дневники Жуковского. С. 346.

Иосиф—В. А. Жуковскому²³⁴

27 августа 1837 года. Санкт-Петербург.

21 августа приехал я благополучно в Царское Село, к горести Мама. Она так была поражена и опечалена моим приездом, что даже не поцеловала. В семейном совете решили, что я остаюсь здесь, потому что за границей везде холера. Здесь же я предпринял лечение у доктора Франчески, который употребляет парные ванны²³⁵. Они многим помогали и вероятно мне помогут, ибо болезнь не в самой большой силе. Если же лечение не удастся, можно будет ехать за границу; к тому же времени холера ослабнет или пройдет. Письмо это вас вероятно не застанет в Вознесенске, любезный Василий Андреевич. От души желаю вам совершить путь ваш счастливо и благополучно.

И. Виельгорский.

После этого переписка надолго прервалась. Наконец великокняжеский поезд повернул домой. 30 октября Жуковский, обеспокоенный отсутствием вестей от своего воспитанника, пишет из Москвы Вяземскому в Петербург: «Обними Вельгорского, а его заставь обнять за меня графиню; да скажи Иосифу, чтобы ко мне написал о себе подробный отчет»²³⁶. Пристыженный юноша откликнулся через несколько дней:

Иосиф—В. А. Жуковскому²³⁷

8 ноября 1837. Санкт-Петербург.

Виноват, что так долго вам не писал, любезный Василий Андреевич; но право не о чем было писать. Боль в ноге оставалась в одном и том же положении в продолжение двух месяцев, так что сначала я отчаивался быть здоровым. Меня лечит италиянец Франчески, тот самый, у которого пользовался князь Ливен. Я уже взял 58 паровых ванн от 30 до 37 градусов теплоты²³⁸. Теперь только почувствовал облегчение, особенно в теле. Желудок, расстроенный серными водами, которые я пил в Москве, пришел в прежний свой порядок, благодаря этим паровым

²³⁴ РА. 1902. № 6. С. 360. Уточнено по автографу—ПД. № 27. 956. Л. 11—11 об.

²³⁵ П. Л. Франчески (Франчески) в то время еще не имел звания доктора медицины, в «Российском медицинском списке» он значится как лекарь. Несмотря на это он, судя по всему, пользовался известностью среди столичной аристократии. Применяемая им процедура состояла в погружении пациента по шею в закрытую деревянную ванну, в которую подавался пар.

²³⁶ Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 1. СПб., 1907. С. 45.

²³⁷ РА. 1902. № 6. С. 360—361. Уточнено по автографу—ПД. № 27. 956. Л. 13—15 об.

²³⁸ Температура 30—37 градусов по шкале Реомюра соответствует 37, 5—46, 25°С.

ваннам. Уж это большой шаг. Но прежде нового года я не надеюсь быть совершенно здоровым, потому что болезнь упорна и усилилась от продолжительности своей. Скоро год будет, что я хромаю. Вообще однакож я могу свободнее ходить теперь. Но я в этом отношении рад, что не сделал путешествия; потому что от пренебрежения болезнь могла еще более усилиться, и тогда было бы её еще труднее вылечить. Я вас теперь искренно благодарю за то, что вы советовали уехать. Без вас, бесценный Василий Андреевич, я может быть поехал бы далее, и Бог знает, что со мною могло бы случиться. Очень рад, что вы совершили это путешествие благополучно. Дай Бог вам всем скорее воротиться. Я же провел все это время довольно приятно, хотя иногда с грустью вспоминал о потерянном для меня путешествии. Но я старался развлечь себя. Вечера обыкновенно проводил в театре; утром занимался, читал. Беру уроки музыки и генерал-басса²³⁹; изучаю историю XVIII столетия (в чем мне помогает Липман), прочел «Esprit des lois»²⁴⁰, многое прочел из Байрона, а теперь пересматриваю Вольтера, который, признаюсь, мне очень нравится (кроме религиозных идей) своею любовью к истине, добру и справедливости. Я познакомился с его «Siècle de Louis XIV» и теперь читаю «L'Essai sur les moeurs»²⁴¹, что меня очень интересует. Нельзя не удивляться человеку, который посреди предрассудков XVIII^{го} столетия мог иметь столько здравых мыслей. Теперь понимаю, почему так против него кричали. Но из того, что я теперь читал, нельзя сказать, чтоб Вольтер был антирелигиозен. Он только нападает на злоупотребления, происшедшие от религии, но самой веры он не касается. Бывал иногда у Липмана, который много любопытного мне рассказывал про Германию и который очень доволен своим путешествием. Но не смею более вам надоедать моею болтовнею. Вы верно очень заняты теперь и, может быть, разбираете бумаги Димитриева²⁴², как мне об этом говорил князь Вяземский. Все наши здоровы и вам кланяются. Отец собирается к вам писать. Не знаю, исполнит ли сие намерение.

Дружески вас обнимаю в ожидании скорого возвращения.

И. Виельгорский.

С тех пор, как Иосиф снова очутился в Петербурге, ему удавалось, вопреки нездоровью, вести именно тот образ жизни, который больше всего привлекал его. Он с удовольствием предавался кабинетным занятиям историческими дисциплинами. Научные интересы захватывали молодого Виельгорского все сильнее, однако человек с его именем и положением не мог и помышлять о том, чтобы стать профессиональным историком. По-видимому, он и не стремился к этому. Он мечтал о

²³⁹ Раздел гармонии, учение о построении и соединении аккордов.

²⁴⁰ Классическое произведение Ш. Монтескье «Дух законов» (1748).

²⁴¹ «Век Людовика XIV» (1751) и «Исследование о нравах» (1765—1769).

²⁴² И. И. Дмитриева, скончавшегося в октябре 1837 г.

более обширном поприще служения России, и с этой точки зрения все ученые занятия представлялись, вероятно, довольно маловажными. Но перед глазами у него находился пример отца, который, всю жизнь сочетая службу (пусть даже почти номинальную) с любительскими занятиями музыкой, тем не менее благополучно достиг и чина III класса, и репутации авторитетнейшего знатока музыки. Дядя, которого без преувеличения можно было назвать профессиональным музыкантом, тем не менее на своем веку успел побывать и в военной, и в гражданской службе, а теперь состоял при дворе. Таким же просвещенным дилетантом, но в области науки, намеревался, видимо, сделаться и Жозеф, тем более, что подобных примеров он знал немало. Коллекционирование было одним из немногих ученых занятий, считавшихся допустимыми и даже уважаемыми в светской среде. Однако молодой Виельгорский пошел дальше традиционного библиофильства; он задумал составить всеобщую библиографию сочинений, так или иначе касающихся России. Помимо очевидной научной ценности, эта идея обладала еще одним немаловажным достоинством—для ее реализации требовались, безусловно, время и значительные усилия, но не материальные затраты.

Увлечение собирательством несло с собой немалые проблемы: Жозеф впервые почувствовал тяжесть материальной зависимости от родителей. Виельгорские были богаты, в разных губерниях им принадлежало более 5 тысяч душ²⁴³, однако широкий образ жизни, свойственный петербургской аристократии, поглощал львиную долю доходов. Патриархальная семейственность не допускала имущественного отделения сына, даже достигшего совершеннолетия, до тех пор, пока он не женится, собственные же средства Иосифа были мизерны. Подпоручичьего жалованья—около 200 руб. серебром в год²⁴⁴—далеко не доставало для удовлетворения его потребностей. Живя в родительском доме, он, разумеется, не испытывал ни в чем нужды, но библиофильство и коллекционирование—дорогие увлечения, не одного собирателя приведшие к разорению. Едва ступив на этот путь, молодой Виельгорский уже задолжал такие суммы, которые был не в состоянии выплатить. Истинные масштабы своих затруднений он скрывал от

²⁴³ РГИА. Ф. 938. Оп. 1. № 42. Матвей Юрьевич владел также примерно пятью тысячами душ (см.: Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. СПб., 1906. С. 264).

²⁴⁴ Столетие военного министерства. Т. 3. Ч. 1. С. 100.

старших. Эта неприятная тайна тяжким грузом лежала у него на сердце, а между тем судьба как нарочно предоставила ему великолепный случай существенно пополнить свое книжное собрание.

По-видимому, во второй половине 1837 г. состоялось его знакомство с некоей госпожой фон Гоч—владелицей крайне заинтересовавшей юношу библиотеки. Старинные книги и манускрипты эта дама получила в наследство от своего первого мужа А. И. Сулакадзева, в свое время известного коллекционера древнерусских рукописей и редкостей. Однако в неменьшей степени Сулакадзев пользовался и репутацией шарлатана. Наряду с подлинниками его «музей» включал множество фальсификатов. Некоторые («Боянова песнь Славену» или «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим») были полностью изготовлены самим Сулакадзевым; другие, например, молитвенник, якобы принадлежавший великому князю киевскому Владимиру Святославичу, создавались путем искусственного «удревнения» и придания предметам мемориального значения²⁴⁵. Сулакадзев умер еще в 1830 г., и с тех пор вдова неутомимо, но безрезультатно пыталась обратить его собрание в деньги. Юный, неопытный и азартный коллекционер из богатой семьи был для нее находкой. Впрочем, по-видимому, госпожа фон Гоч, наученная горьким опытом, уже не пыталась предлагать ему слишком одиозные «редкости»; «для затравки» она ознакомила возможного покупателя с каталогом части имеющихся у нее книг и рукописей, который содержал немало ценных изданий.

В короткий срок сделавшись страстным библиофилом, Жозеф при этом не охладел к музыке—фамильному увлечению Виельгорских. Он не только посещал концерты и музицировал сам, но и, в соответствии с традициями нескольких поколений семьи, не пренебрегал изучением теории. Возможно, что его наставником в этом стал И. Л. Фукс, в свое время занимавшийся контрапунктом с Михаилом Юрьевичем²⁴⁶ и воспитавший немало высокообразованных музыкантов (среди его уче-

²⁴⁵ Подробнее о Сулакадзеве и его коллекции см.: Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источникововедения. Т. 5. М., 1956; Козлов В. П. Тайны фальсификации. М., 1996. С. 155—185.

²⁴⁶ Рубец А. И. Биографический лексикон русских композиторов и музыкальных деятелей. СПб., 1886. С. 13.

ников были Ю. К. Арнольд и М. И. Глинка). С тогдашними штудиями Виельгорского связаны, вероятно, следующие две недатированные записки:

Иосиф—В. Ф. Одоевскому²⁴⁷

Вот, князь, вторая тетрадь трактата Соливы о гармонии. С нетерпением ожидаю первой с перечнем русских терминов, который вы так любезно мне пообещали. Благодарю вас за любезную снисходительность и прошу принять уверения в совершенном почтении, с коим имею честь пребывать, князь,

*вашим покорнейшим слугою
гр. И. Виельгорский.*

Иосиф—В. Ф. Одоевскому²⁴⁸

Господин Солива вновь спрашивал у меня две первых тетради «Симультанной гармонии». Будьте так добры, князь, пришлите мне их. Он хочет, чтобы с них была снята копия для школы²⁴⁹.

Примите уверения в совершенном почтении, с коим имею честь пребывать, князь,

*вашим покорнейшим слугою
гр. Иосиф Виельгорский.*

Эти два небольших письма, несмотря на незначительность их содержания, отличаются аристократическим изяществом слога и почерка, выдающих в их авторе человека, который привык к эстетическому осмыслению даже самых тривиальных бытовых жестов и поступков. Неудивительно поэтому, что мимо него не прошло важнейшее событие столичной театральной жизни—начало выступлений на императорской сцене неподражаемой Марии Тальони.

Вряд ли Виельгорские пропустили петербургский дебют всемирно известной танцовщицы 6 сентября 1837 г. в балете «Сильфида». Скорее всего, именно тогда, спустя две недели после грустного возвращения в столицу, Иосиф впервые увидел женщину, которой суждено было завладеть его воображением на следующие полгода.

²⁴⁷ РО РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 332. Л. 3. Оригинал по-французски.

²⁴⁸ Там же. Л. 1. Оригинал по-французски. На об. л. 2: «Его сиятельству князю Владимиру Федоровичу Одоевскому от гр. Виельгорского».

²⁴⁹ Симультанный—одновременный, синхронный (фр.). К. Э. Солива преподавал пение и теорию музыки в петербургском театральном училище, очевидно, пользуясь собственным пособием по гармонии.

Знаменитая балерина находилась в зените славы. Ей было 33 года, она успела уже пережить кратковременный и неудачный брак с аристократом, покорила самые известные сцены Европы и наконец прибыла в Петербург в сопровождении нескольких родных, в том числе отца—балетмейстера Филиппо Тальони, своего гражданского мужа Эжена Демара и маленькой дочери Эжени. В Петербурге она немедленно стала любимицей публики, а Жозеф сделался одним из преданнейших ее поклонников.

Два с небольшим месяца довольно спокойной жизни, отдыха и приятных занятий скоро истекли. 12 декабря в Петербург возвратился наследник. На следующий же день он поспешил увидеть танцовщицу, о которой говорил весь город, и посетил спектакль «Восстание в Серале»²⁵⁰.

А несколько дней спустя разразилась катастрофа. 17 декабря в половине восьмого вечера наследник отправился в Большой театр. Шла «Баядерка»²⁵¹ с Тальони. Среди зрителей были император и императрица; присутствовали и Паткуль с Виельгорским. Во время спектакля Николаю доложили о том, что в Зимнем дворце начался пожар, и царь покинул театр, чтобы на месте оценить серьезность происшествия. Некоторое время спустя за ним последовал наследник и, вероятно, оба его товарища. Пламя, полыхающее над крышей дворца, виделось уже издали. К месту пожара стягивались поднятые по тревоге войска; император и великий князь Михаил Павлович распоряжались тушением огня, наследника же отец вскоре отослал подальше от опасного места, поручив ему заняться тушением другого пожара, возникшего в то же время на окраине города, в Галерной гавани.

Императрица, узнав о пожаре, кинулась во дворец спасать своих детей. По случайности именно в этот день (за неделю до Рождества и

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 286. Л. 224. «Восстание в серале»—балет в трех актах (музыка Т. Лабара, сценарий Ф. Тальони). Впервые поставлен в 1833 г. в Париже с хореографией Ф. Тальони; петербургская постановка была осуществлена в декабре 1835 г. балетмейстером Титюсом на основе парижской. Заглавную партию Зульмы танцевала известная балерина Луиза Круазет. С появлением в Петербурге Марии Тальони партия перешла к ней.

²⁵¹ «Бог и баядерка» («Влюбленная баядерка»; музыка Ф. Обера, либретто восходит к одноименной балладе Гёте)—опера-балет, хореографические номера в котором были поставлены Ф. Тальони.

общей большой елки) для младших отпрысков царской семьи была устроена в Зимнем «маленькая елка» (le petit Noël). На празднике помимо великих князей и княжон присутствовали специально приглашенные дети. Некоторые из них уже успели разъехаться по домам, но четырнадцатилетняя Анолита Виельгорская в момент тревоги все еще находилась во дворце со своей подругой великой княжной Александрой Николаевной²⁵². Вероятно, вместе их и вывезли в сопровождении императрицы в Аничков дворец.

Знал ли Иосиф о том, какая опасность угрожала его младшей сестре? По собственному признанию, он совершенно потерял голову от ужаса. Позднее он казнил себя за это, однако такая реакция была характерна практически для всех очевидцев пожара. Когда великий князь уехал, его товарищи остались предоставленными сами себе. Паткуль позднее рассказывал, что подъехав ко дворцу в начале пожара, он вошел внутрь и прежде всего побежал к фрейлинам—предупредить их, чтобы успели собрать вещи. Наталья Бороздина (девушка, к которой некоторое время был неравнодушен наследник) поручила ему свою собачку; молодой человек запер животное в своей комнате, но в суете позабыл туда вернуться, и собачка Бороздиной сгорела вместе со всем его имуществом. Сам он в это время присоединился к солдатам, выносившим ценности из обреченных залов, и сначала помогал тащить огромную статую императрицы, а затем занялся перевозкой уцелевших вещей Александры Федоровны в Аничков дворец²⁵³. Так же, вероятно, метался по горящему зданию и Жозеф, бессмысленно хватаясь то за одно дело, то за другое. Борьба с пламенем продолжалась целую ночь; все попытки остановить его были тщетны, количество жертв увеличивалось, и наконец было принято решение направить все усилия на спасение Эрмитажа, оставив Зимний дворец на произвол судьбы.

²⁵² Фредерикс. С. 69.

²⁵³ Воспоминания М. А. Паткуль. СПб., 1903. С. 57—58.

Новый год начался для Жозефа безрадостно: словно на всей его жизни лежал отсвет пожара. Поездка на едва остывшее пепелище в поисках случайно уцелевших остатков имущества как бы подводила неутешительный итог десятилетию его жизни при дворе: вместе с Зимним дворцом в огне погибли все его личные вещи, книги, коллекции, дневники. Иосифу приходилось начинать и этот год, и новый этап своей жизни с «чистого листа». К Новому году он получил в подарок от родных «белую книгу» — толстый том большого формата в кожаном переплете с золотым тиснением, с блестящим замочком, гарантировавшим недоступность дневника для нескромных взоров. На первых страницах книги каждый член семьи оставил свое напутствие. Однако оптимизм этих пожеланий плохо вяжется с настроением первой же записи, сделанной Иосифом в журнале: «Новый год застал меня нездоровым, скучным, с ишиасом в ноге, с упавшим духом». Более всего он в этот момент был удручен своим самочувствием. Мнительность, сосредоточенность на мельчайших физиологических подробностях придает дневнику двадцатилетнего юноши характерный вид записей тяжело больного человека. Многие месяцы напрасной борьбы с болезнью изнурили Жозефа; он смирился со своим нездоровьем. Сбылось предчувствие, охватившее мать при получении дурных новостей из Вятки полгода назад: сын вынужден был «сидеть дома, между тем как другие (...) ходят, действуют, живут». Куда подевались веселость и непринужденность, прежде окрашивавшие его отношения с близкими? Жозеф сам сознавал, что стал угрюмым и нервным, подчас тяжелым в общении человеком. Но напрасно родные упрекали его, напрасно он сам терзался, проклиная свой дурной нрав и безуспешно пытаясь исправиться. Подавленность, ослабление воли, раздражительность и беспричинные страхи, желание остаться в одиночестве, вялость — все, за что Иосиф беспощадно казнит себя на страницах дневника, было проявлением болезни. Не ревматизм и не ишиас были причиной его несчастий — чахотка, еще невидимая, нераспознанная, уже около года вершила свою убийственную работу, сокращая его здоровье, искажая характер.

По всей видимости, к этому времени болезненность превратилась в важнейший фактор жизни молодого Виельгорского. Когда здоровье его пошатнулось, он все чаще оказывался вынужденным пропускать занятия и покидать свой «пост» при великом князе. Поначалу это были лишь досадные случайности, нарушавшие заведенный порядок жизни, но со временем Иосиф стал находить в своем положении и выгодные стороны. Болезнь причиняла определенные неудобства, подчас даже страдания, но в то же время она, как ни странно, несла с собой ощущение свободы. Нездоровье было прекрасным предлогом для того, чтобы уклониться от исполнения каких-либо тягостных обязанностей (будь то скучная военная игра или придворное катанье с гор), укрыться в своей комнате и предаться любимым занятиям—чтению и музыке. Сказавшись больным, можно было отправиться в театр, на концерт, наконец, просто прогуляться—самому по себе и без определенной цели. Жозеф, по-видимому невольно, *прятался в болезнь*. Сначала изредка, а затем все чаще она вырывала его из тисков несвободы, угнетавшей его с момента переселения во дворец. Болезнь позволяла ему получать послабления от тех, кто распоряжался его жизнью, и вопреки всему создавать свой собственный, пусть и крайне ограниченный, мирок; защищала, как грубая раковина защищает нежное и легко уязвимое тело моллюска.

Позднее друзья и знакомые вспоминали Иосифа почти исключительно в качестве больного. «Бедный Жозеф»: в рефрене едва ли не всякого упоминания о нем безошибочно зафиксирована именно эта характеристика. Парадокс Виельгорского состоял в том, что болезнь была *жизненно* необходима самому больному. Если бы ее не было, ее стоило бы выдумать. Поэтому все усердные и вполне искренние попытки излечиться, предпринимаемые сознательно,—ничто перед бессознательным саморазрушительным стремлением быть больным и слабым: чтобы оставили в покое, чтобы перестали давить и требовать, чтобы любили. Последнее особенно важно. Болезнь, несомненно, подпитывала юношу проявлениями внимания и сочувствия со стороны окружающих. Тем тяжелее ему было сталкиваться с непонятым равнодушием матери, замечая, что малейшее недомогание дочерей тревожит ее сильнее, чем его нешуточные страдания.

Отношения между Луизой Карловной и ее старшим сыном—такие, какими они предстают на страницах дневника Иосифа,—трагичны. Непонимание и отчужденность, неожиданно возникшие между ними,

были, видимо, мучительны для обоих, но в особенности для Жозефа. Личность матери и взаимоотношения с ней имели для него исключительное значение. Молодой человек, за годы придворной жизни привыкший скрывать свои чувства и самостоятельно справляться с затруднениями, здесь был совершенно беззащитен. Разлученный с матерью в одиннадцатилетнем возрасте, он сохранил о ней практически только детские воспоминания: слишком редки и недолги были свидания в последующие годы. Мать почти ежегодно проводила в Петербурге по нескольку месяцев, однако за это время ее отношения с сыном, по-видимому, не успевали приобрести характер повседневности, сохраняя оттенок аффектации, свойственный встречам давно не видавшимся родных.

Культ Луизы Карловны как воплощенного идеала материнства, свойственный семейству Виельгорских, в ее детях приобрел поистине болезненный характер. Приведенные выше воспоминания С. М. Соллогуб рисуют этот культ с исчерпывающей полнотой. Поразительное самоуничижение мемуаристки, уже немолодой женщины, выростившей пятерых детей, перед памятью матери, неизбежное чувство собственной неполноценности, ущербности, недостойности, которое Софья Михайловна пронесла через всю жизнь,—не что иное, как оборотная сторона пленительных и светлых картин ее детства, освященного присутствием единственного, боготворимого существа—Мама. Луиза Карловна стремилась заполнить собой всю жизнь детей, приучила их к тому, что она необходима им как воздух. Неслучайно, описывая тоску младшего сына, оставшегося в Вюрцбурге, она прибегает к выражению «он ожидает меня, как евреи Мессию»¹. Дети привыкли восхищаться Мама и преклоняться перед ней. Этими чувствами долгие годы жил и Жозеф. Надежды, с которыми юноша заново вступал в семью, определялись воспоминаниями, впечатлениями и переживаниями детства, как бы законсервированными разлукой.

Но теперь выросший сын не узнавал матери, впервые увидев ее как бы со стороны. Известно, что многие светские знакомые не любили графиню Виельгорскую за надменность и холодность обращения, безапелляционность суждений, неуместный подчас дидактизм и склонность к поучениям, порой граничившую с ханжеством². Жозеф искал

¹ См. главу II (письмо к Мих. Ю. Виельгорскому от 4—6 июня 1832 г.).

² В. А. Соллогуб, зять Л. К. Виельгорской, например, так вспоминал о том, какие приготовления делались перед его свадьбой: «Теща моя была до болезни

сочувствия — и сталкивался с недовольством и беспрестанными наставлениями, его жажда любви и семейного тепла разбивалась о неожиданный холод. Луиза Карловна недаром пользовалась репутацией глубокого знатока педагогики. Со свойственной ее натуре решительностью она выстроила четкую «теорию возрастов», которой и руководствовалась в воспитании детей. Контраст между ее обращением со старшим сыном, достигшим совершеннолетия, и младшими заставляет вспомнить о сходном механическом разделении возрастных периодов у Жуковского³. Взросление Иосифа заставило Луизу Карловну изменить стратегию своего материнского поведения. Перестав быть ребенком, молодой человек, по педагогическому расчету графини, больше не нуждался во внешних проявлениях любви. Поменьше нежности и тепла, побольше строгости и требовательности — такими, по ее мнению, подобало быть отношениям со взрослым сыном. Мать считала, что для юноши пришло время из члена *семьи* сделаться членом *общества*. Однако это неизбежно вело к взаимному отчуждению прежде близких людей. Из самых лучших побуждений Луиза Карловна теперь обращалась с сыном как со взрослым, т. е. переносила акцент с эмоционального аспекта отношений на интеллектуальный. Присущий ей всеобъемлющий рационализм сказывается и в том, как она ведет с Жозефом политические беседы, поражая его своим резким умом и бесстрашием, и в том, как настаивает на умении «властвовать собой». «Скажи себе твердо, что ты более не краснеешь, и ты перестанешь краснеть», — характерный образчик ее советов. «Вот что я вижу простыми глазами рассудка», — таким выражением Луиза Карловна воспользуется позднее, в один из самых драматических моментов размышляя о судьбе сына⁴. Не

строптивна насчет нравственности и, предвидя, что ее двум дочерям девушкам (...) придется, может быть, меня видеть иногда не совершенно одетым, вот что придумала: (...) для меня были заказаны две дюжины тончайших батистовых рубашек и великолепный атласный халат; халат этот в день нашей свадьбы был, по обычаю, выставлен в брачной комнате, и, когда гости стали разъезжаться, моя теща туда отправилась, надела на себя этот халат и стала прогуливаться по комнатам, чтобы глаза ее дочерей привыкли к этому убийственному, по ее мнению, зрелищу» (Соллогуб. С. 295). См. также: Фредерикс. С. 82. Знавший графиню В. А. Инсарский отзывался о ней как о «свирепой барыне (...) перед которой положительно трепетал весь дом, начиная с самого [Мих. Ю.] Виельгорского» (Инсарский. С. 300).

³ См. его речь к воспитанникам (начало 1829 г.) в главе II.

⁴ См. ниже ее письмо к Жуковскому от 9 июня 1838 г.

сходя с точки зрения «рассудка», она всю жизнь отказывалась смиряться с событиями, случавшимися «без всякой пользы и цели». К несчастью, сын оказался далек от подобной ясности мировосприятия. Характерная для «человека тридцатых годов» неуверенность, рожденная ощущением зыбкости и бесконечной изменчивости бытия, не позволяла ему найти успокоение в готовых рецептах; он впадал в смятение и отчаяние там, где его матери все казалось простым и понятным.

Обосновавшись в Петербурге, графиня превратила свою гостиную в один из самых блистательных великосветских салонов не столько из личного честолюбия, сколько ради подраставших дочерей и реноме дома; в то же время Михаил Юрьевич продолжал вести привычный полуартистический образ жизни. Разделение семейной жизни на две по видимости независимые, но естественно взаимодействующие половины, начавшееся еще в 1820-х гг., продолжилось теперь в новой форме. В. А. Соллогуб вспоминал: «В их доме приемы разделялись на две совершенно по себе различные стороны. Приемы графини Луизы Карловны отличались самой изысканной светскостью и соединяли в ее роскошных покоях цвет придворного и большого света; у графа же Михаила Юрьевича раза два, три в неделю собирались не только известные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры, и начинающие карьеру газетчики (...) и даже просто всякого рода неизвестные людишки, которыми Виельгорский как истый барин никогда не брезгал. Все эти господа приходили на собственный Виельгорского подъезд (...) и графиня Виельгорская не только не знала об их присутствии в ее доме, но даже не ведала о существовании многих из них»⁵.

Когда семейство Виельгорских воссоединилось в доме на Михайловской площади и графиня наконец близко познакомилась с сыном, выросшим практически без нее, она увидела в нем отражение характера его отца и не нашла собственного отражения. Это не могло ее не уязвить. С бесхарактерностью мужа она смирилась; ждать твердости от дочерей ей и в голову не приходило (в этом смысле характер самой Луизы Карловны для женщины был избыточен); младший сын был еще подростком; только старший мог быть ей равен — но здесь ее ждало разочарование. Пытаясь компенсировать годы, потерянные для воспитания и влияния, графиня давила на сына, стараясь переделать, переломить «виельгорские» задатки. Ее страстная любовь к детям бы-

⁵ Соллогуб. С. 403—404.

ла авторитарна; теперь, когда сын вырос, она безуспешно пыталась уподобить его себе, но Жозеф по характеру становился все более похож на своего покойного дядю Иосифа — неуверенного в себе, застенчивого нелюдима.

В отличие от Иосифа Юрьевича, у которого застенчивость, судя по тому немногому, что о нем известно, приобретала болезненные формы⁶, Жозеф внешне давал посторонним не так уж много поводов полагать, что и для него это представляло существенную проблему. Положение при дворе не позволяло ему сделаться анахоретом: он волей-неволей бывал в обществе, танцевал, старался быть любезным. Однако каждое подобное усилие дорого ему стоило. Дневник переполнен горькими сетованиями на неодолимую застенчивость, буквально отравлявшую Иосифу жизнь. Особенно его терзало частое и совершенно немотивированное «краснение». Заливаясь краской на людях, Иосиф чувствовал себя несчастным и беззащитным; он полагал, что румянец выдает его мысли и тайные чувства, заставляя окружающих презирать его и смеяться над ним. Способность конфузиться и краснеть, оказавшись в центре внимания, отличала его с детства, но теперь она усугублялась болезненным состоянием. Впрочем, в тогдашней культуре краснение вовсе не считалось пороком. Одно из доказательств тому — рассказ П. А. Вяземского о знакомстве Пушкина с Зинаидой Волконской в 1826 г.: поэт «был живо тронут (...) обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала в лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения»⁷. Эта черта считалась свидетельством способности сильно чувствовать, богатства эмоциональной жизни; ее оценивали как знак естественности, откровенности натуры. Предполагалось, что стыдиться такой натуре нечего, поэтому даже взрослого мужчину подобное проявление душевной чистоты не только не компрометировало, но, напротив, поднимало в глазах окружающих. В соответствии с этими представлениями судила о краснении и Луиза Карловна, когда пыталась успокоить сына, говоря, «что этому следует придавать куда меньше значения и первому над этим смеять-

⁶ См. выше письмо М. А. Волковой к В. И. Ланской от 5 июля 1812 г.

⁷ Вяземский П. А. Мицкевич о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 140.

ся; краснеть—одна из привилегий юности»⁸. Однако прямолинейность такой трактовки застенчивости, не учитывающая подлинной сложности человеческой натуры, оборачивалась в случае Иосифа тяжелейшим внутренним конфликтом. Слушая мать, он не мог с ней не соглашаться, но вся гамма эмоций, вызываемых застенчивостью—от бешенства до отчаяния—убеждала его в обратном. Для него краснелие было не невинной и симпатичной особенностью, а настоящим проклятием. Возникая вследствие малейшего смущения, оно то и дело ставило юношу в неловкое положение, провоцируя новый приступ застенчивости. Иосиф изнемогал в этом порочном кругу; порой у него даже мелькала мысль о самоубийстве.

В жизни Жозефа мучительная борьба с застенчивостью оказалась одной из составных частей остро переживаемого кризиса возмужания—психологического освобождения от власти семьи, трудного, конфликтного вхождения во взрослый мир. Вхождение в петербургский большой свет было необходимым условием социализации юного аристократа. В свое время этот путь благополучно прошли его родители. Супруги Виельгорские прекрасно владели искусством светского общения во всех оттенках. Граф представлял собой классический тип вельможи-мецената, графиня, несмотря на многие годы, проведенные в камерном домашнем кругу, великолепно вписалась в ампула грандамы. Однако нормальный ход процесса социализации их сына натолкнулся на неожиданное препятствие—явное неприятие юношей светской жизни. Дневник Жозефа полон сетованиями на скуку, пустоту и бессмысленность подобного времяпрепровождения, до деталей совпадающими с замечаниями такого тонкого наблюдателя света, как В. А. Соллогуб: «Все то же, да то же: ноги устали, сердце пусто, мыслей мало, чувства нет...»⁹ М. П. Фредерикс, чьи старшие сестры были подругами сестер Виельгорских, начав выезжать в 1850 г., первое время переживала чувства, весьма близкие к тем, которые испытывал Иосиф. «Я первый год не веселилась, меня выезды утомляли и, как всякой девушке 17-ти лет, мне хотелось поступить в монастырь и тому подобные глупости,—вспоминала она.—Но на следующую зиму монастырь

⁸ См. далее: Дневник И. М. Виельгорского, 20 января.

⁹ Сережа. Лоскуток из вседневной жизни // Соллогуб В. А. Избранная проза. М., 1983. С. 42 (впервые опубл.: Литературные прибавления к РИ. 1838. № 15).

был позабыт, я веселилась от души, танцевала до упаду, начиная и кончая все балы»¹⁰. Парадоксальное желание девушки удалиться от мира в тот самый момент, когда жизнь улыбается ей, отражало бессознательный порыв к детской ясности и чистоте, протест против нравственной сложности среды, в которой она очутилась. Но если М. П. Фредерикс благополучно преодолела кризис социализации и впоследствии была вполне счастлива в своей светской жизни, то для Иосифа все складывалось значительно сложнее. Не успев сжиться с законами света, он уже выработал в себе явное стремление бежать от него.

В принципе подобные явления были нередки. Немало молодых людей испытывали шок при вступлении в свет. Покидая детскую, юноша или девушка сталкивались с вопиющим противоречием между той системой ценностей, которую многие годы прививали им добросовестные воспитатели, и реалиями нового, взрослого окружения. Благовоспитанное юное существо оказывалось, увы, лучше того мира, в котором ему предстояло обитать. Свидетельством того, насколько устойчивым был этот антагонизм, служит следующий отрывок из мемуаров А. Д. Блудовой (1871). Ее двенадцатилетняя племянница, пораженная бессодержательностью беседы взрослых, говорит няне, вернувшись в детскую: «Я б хотела знать, неужели у меня будут такие глупые разговоры, когда я буду большая? Все эти гости только и говорят, что о платьях и о нарядах, и даже мужчины тоже». Записав эти слова, Блудова со вздохом замечает: придет время, и дитя изменит свои взгляды, поймет, что не все в свете так просто, как может показаться на первый взгляд¹¹.

В самом деле, салонные разговоры представляли собой часть условной игровой культуры большого света, определенный жанр со своими законами: «Главный характер этого легкого разговора состоял в том, чтобы не зацепиться ни за одну глубокую или оригинальную мысль, не высказать ни в чем своего собственного убеждения; чтобы все было гладко, не касалось ни жизни, ни правительства, ни науки; одним словом, чтобы разговор не был никому особенно интересен и был всем понятен, всем по плечу»¹². *Causerie*, светская болтовня—отточенный ритуал, рудимент виртуозного и нередко тонко интеллектуального

¹⁰ Фредерикс. С. 464.

¹¹ Блудова. Стлб. 1309.

¹² Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 218.

остроумия Европы XVII—XVIII вв. «Пустота» присуща подобным беседам по определению. Напротив, попытки «умствования» в салоне неуместны и неизбежно ставят «умствующего» в глупое положение. Несомненно, что напрямую отождествлять форму салонного общения с его смыслом можно, лишь вовсе не понимая самой сути *causerie*. Морализировать по этому поводу могли или выходцы из других социальных слоев, или дети, еще не искушенные в чтении культурных кодов, или же люди, которым игра по какой-то причине не удавалась.

Молодой Виельгорский, несомненно, принадлежал к последним. Ум, образованность и душевная тонкость—те качества, которые он привык считать своими сильными сторонами, в свете оставались невостребованными, вернее, он сам (прежде всего в силу застенчивости) не умел сообщить им достаточную привлекательность. Ничто не могло восполнить недостатка светскости, любезности, остроумия, а главное—юношеской веселости и здорового легкомыслия, которых Жозеф был лишен. Все его усилия как-то *изобразить* требуемые качества оставались тщетными. Так, сознавая свое неумение к стати рассказать забавную или любопытную историю, он записывает в дневнике услышанные анекдоты—в надежде, видимо, когда-нибудь при случае их припомнить. Но вряд ли это могло помочь ему сделаться мастером салонной беседы. Исключительная ориентация на высокие духовные и интеллектуальные ценности, столь успешно воспитанная в молодом человеке Жуковским при полной поддержке семейства Виельгорских, вне учебной комнаты и кабинета сыграла с ним дурную шутку.

Представить себе глубину противоречия между способностями и склонностями юноши и теми требованиями, которые ежедневно предъявляла к нему жизнь в обществе, помогает свидетельство того же Соллогуба. Так, в повести «Большой свет» (1839) писатель устами опытного светского человека поучает недавно прибывшего в Петербург провинциала: «Во-первых, вальсируй мастерски: в свете (...) это единственное средство выйти в люди; волочись всегда за самыми первыми и важными красавицами (...) Не говори почти ничего или говори вещи самые обыкновенные. Пускай думают, что ты немного глуп: этот тебе не повредит, напротив...»¹³. Приведенный здесь «джентльменский набор» светских условностей с точки зрения Иоси-

¹³ Большой свет. Повесть в двух танцах // Соллогуб В. А. Избранная проза. М., 1983. С. 109.

фа был сплошной фальшью, соблюдать эти требования он был не в состоянии.

Между тем он имел все, чтобы легко достичь успеха в свете—знатность и богатство, отличное воспитание, близость к наследнику, гарантированную блестящую карьеру, наконец, просто приятную внешность. Он был высок ростом¹⁴ и, судя по портретам, привлекателен, хотя в припадках самобичевания и называл себя некрасивым (а также неостроумным, невеселым, нелюбезным и тому подобное). С точки зрения девиц и их матушек молодой граф Виельгорский мог считаться завидным женихом. Однако застенчивость заставляла его держаться по возможности незаметно и часто избегать танцев (здесь кстати было сослаться на боль в ноге). Волокитство также было не для него—отчасти мешала робость, но главным препятствием в этом случае оказывалась высота требований, предъявляемых Жозефом к любым человеческим отношениям.

Портрет светской женщины, с немалой долей желчи нарисованный Соллогубом, дает представление о том, с чем приходилось сталкиваться юноше, ищущему возвышенного чувства: «Знаешь ли ты, что такое светская женщина?—существо равнодушное, полуплатье и получепчик. Она живет только поддельным светом, украшается поддельными цветами, говорит поддельным языком и любит поддельною любовью. (...) Влюбиться в Петербурге, в обществе бесстрастном—непростительно... (...) Здешние женщины взволнованы все какой-то беспокойной заботливостью. Подойди к любой, скажи несколько слов и наблюдай за ней—она отвечает тебе и улыбается тебе, а глаза ее разбегаются по пестрой толпе и ищут новых взоров, новых впечатлений. (...) Улыбка тебе, и то мгновенно, а желание или болезнь нравиться не для тебя, бедного франта, с твоею любовью, с твоим постоянством, а для всех—слышишь ли? для всех желтых перчаток, для всех аксельбантов, для всех эполет...»¹⁵ Такая обезличенность—необходимое условие светских романов—была невыносима для Иосифа, болезненно сосредоточенного на собственной личности. В концентрированном виде это качество светского поведения (особенно женского) выражено в маскарade, где веселость достигается именно благодаря предельной обезличенности человека, играющего и резвящегося вполне безответ-

¹⁴ См. его письмо к сестре Анне от 20 июня 1836 г. (гл. II).

¹⁵ Соллогуб В. А. Избранная проза. М., 1983. С. 123—124.

ственно. Возможно, Жозеф избегал этих «не вовсе благопристойных», по общему мнению, развлечений; во всяком случае, среди тех общественных увеселений, которые он волей-неволей посетил на святках 1838 г., маскарада не было.

Свойственная Иосифу оценка светской жизни, сочетавшая бескомпромиссную нравственную требовательность с явно упрощенными представлениями о добродетели, несомненно, была перенята им от Луизы Карловны. Характерно, что мать и сын, судя по дневнику Жозефа, отзывались о свете и его обитателях буквально в одних и тех же выражениях. Мать противопоставляла салонным «бесстыдницам» собственных дочерей— плод своего воспитания, сын ставил себя в оппозицию к большинству сверстников-мужчин. Оба исходили при этом из одного идеала человека, не знающего слабости и греха, духовным совершенством подобного ангелу. Этот идеал культивировался в семействе Виельгорских, скорее всего, усилиями графини. Именно им определялись поступки и суждения младших членов семьи, он накладывал на их личность специфический общий отпечаток, который отмечали все современники. Жозеф в этом отношении был, пожалуй, истинным сыном своей матери.

Идеал, выработанный Луизой Карловной в процессе воспитания ее детей, имел характерную особенность— наиболее полно он воплощался в женщине. Мать творила характеры дочерей, как художник создает свои произведения. Все в юных графинях Виельгорских, даже их внешний облик, должно было свидетельствовать об ангельской возвышенности и чистоте. Соллогуб вспоминал: «Дочерей своих она, несмотря на роскошь, их окружающую, одевала чрезвычайно просто, так просто, что императрица Александра Федоровна, славившаяся своим изящным щегольством и вкусом, не однажды упрекала графиню Виельгорскую в излишней простоте одежды ее дочерей; графиня почтительно приседала, но не изменяла своих правил»¹⁶. Подчеркнутая скромность нарядов в данном случае несомненно призвана была рождать ассоциации с образами ангелов, которые сияют духовным светом и потому не нуждаются в пышных одеяниях.

Из всех дочерей в наибольшей степени воплотила в себе семейный идеал Софья Михайловна, или, как ласково звала ее мать, Фофи. Бо-

¹⁶ Соллогуб. С. 295—296.

лезненная, тихая, застенчивая, она обладала тем не менее исключительной нравственной цельностью. Заняв достойное графини Виельгорской место в свете и при дворе, сдружившись с великими княжнами, она, однако, выделялась среди ровесниц. Влияние модных нравов не коснулось ее: вокруг нее словно витал ореол чистоты и кротости и в то же время поистине ангельской неуязвимости для порока¹⁷. Софья Михайловна была живым олицетворением одного из тех «идеальных» образов, которыми изобиловала тогдашняя словесность. Характерно ее восприятие Лермонтовым. Э. Г. Герштейн, впервые обратившая на это внимание, полагает, что поэт не был влюблен в С. М. Виельгорскую, но издали поклонялся ей как чудному, нездешнему существу, встреча с которым трогает и умиляет душу, не тревожа земные страсти. Таково настроение стихотворений «Есть речи—значенье...», «Как небеса твой взор блистает...», «Слышу ли голос твой...», «Она поет, и звуки тают...», которые исследовательница связывает с личностью Софьи Михайловны¹⁸.

«Литературность» образа С. М. Виельгорской сыграла решающую роль в ее судьбе. В 1839 г. В. А. Соллогуб написал повесть «Большой свет», одному из центральных персонажей которой, князю Щетинину, придал автобиографический характер; в Наденьке, возлюбленной князя, читатели узнали фрейлину Софи Виельгорскую¹⁹. По предположению Э. Г. Герштейн, императрица, прочитав «Большой свет», выразила желание устроить счастье автора в соответствии с развязкой повести. В результате в 1840 г. С. М. Виельгорская стала женой графа Соллогуба.

Это произошло уже после смерти Иосифа, но едва ли он одобрил бы замужество сестры. Единственное упоминание о Соллогубе в его

¹⁷ См.: Блудова. Стлб. 1235; Герштейн. С. 231—232.

¹⁸ Герштейн. С. 223—232, 236—240. С. М. Виельгорская обладала превосходным певческим голосом (отец звал ее «малиновочкой»).

¹⁹ Герштейн. С. 215—218. И еще в одном персонаже повести угадываются черты реального человека: прототипом Леонина, согласно наблюдениям Э. Г. Герштейн, был М. Ю. Лермонтов. Надо отметить, что поэт принадлежал к тому тесному кружку молодых людей, частью которого был и юноша Виельгорский. Лермонтов приятельствовал с А. И. Бярятинским, И. О. Россетом, Андреем и Александром Карамзинными; вполне возможно, что он был знаком и с Жозефом. В доме Виельгорских он, безусловно, бывал, но, скорее всего, уже после смерти Иосифа (незавершенная повесть «Штосс», где описана атмосфера их музыкального салона, датируется 1841 г.—об этом см.: Герштейн. С. 244—246).

журнале²⁰ свидетельствует о том, что этого молодого человека Жозеф считал пошляком, достойным скорее оплеухи, нежели руки его сестры. Юноша судил строго; в людях он не желал видеть полутонов (в особенности, естественно, когда дело касалось его сестер). Между тем Соллогуб в своем поведении руководствовался более гибкими нравственными критериями и вполне успешно обыгрывал образ светского льва, таящего под внешним лоском ум и чистые чувства. В Софи он был очарован сочетанием взаимоисключающих свойств: ум, красота и многочисленные таланты делали ее украшением общества, и тем не менее, купаясь в светской стихии, она оставалась ей чужда. Однако эта органическая чуждость свету принесла неожиданные плоды: выйдя замуж, Софья Михайловна, к искреннему недоумению мужа, немедленно замкнулась в семье — с легкостью отбросив именно те качества, которые в свое время его пленили²¹. Поступая так, внутренне она была в высшей степени последовательна, ибо реализовала тем самым свой идеал добродетельной жизни. Но исключительное может существовать лишь на фоне заурядного, стремление освободиться от контекста губительно для него. Присущий Софье Михайловне уникальный образ был разрушен; на смену земному ангелу пришла иная личность.

Жозеф в полном соответствии с традициями семьи также видел норму именно в исключительном, а заурядное зачастую представлялось ему досадным или даже уродливым отклонением. Неудивительно, что на фоне сестер («святых, ангелов», как он их называл²²) большинство окружающих безнадежно проигрывало. На свое несчастье, он и сам не мог вполне соответствовать слишком абстрактному, книжному идеалу, которому был предан всей душой. Жозеф метался между надменным пренебрежением ко всему и вся и полным самоуничтожением. Его буквально разрывали противоположные чувства: он готов был презирать дам и девиц за глупость, мелочность, безнравствен-

²⁰ См.: Дневник, 21 марта.

²¹ «Жена моя, хотя сызмала жила в свете, не любила его; все ее время поглощала ее беззаветная, болезненная любовь к детям (...). Я всячески старался развлекать ее воображение, для которого мир замыкался там, где речь не шла о пеленках и касторовом масле, тем более, что она и понимала, и ценила искусства и сама была одарена редкими музыкальными способностями и прекрасно также рисовала» (Соллогуб. С. 407).

²² См.: Дневник, 8 января.

ность и дурное воспитание, но их невнимание все равно оскорбляло его; неразвитость мужчин, их расчетливость, «свинские разговоры» также ничуть не ослабляли его стремления найти свое место в мужском обществе. Оставалось лишь бессильно досадовать на то, что дамам с ним скучно, что у товарищей есть от него секреты, и прятать обиду под маской высокомерия. При этом он был одинок как никогда и мог откровенничать даже с малознакомым человеком, едва почувствовав, что между ними есть что-то общее. Стоило появиться лишь тени надежды на взаимопонимание, чтобы он начинал строить планы настоящей дружбы²³.

«Странно,—вспоминала Смирнова,—что брат мой Иосиф очень подружился с покойным Иосифом; тот ему сообщал все свои беды и читал ему выписки из книг, все серьезное»²⁴. Последнее выражение явно иронично. Смирнова точно подметила в Жозефе отсутствие *savoir-vivre*—того умения пользоваться жизнью и ее удовольствиями, которым в совершенстве владел его отец. Тот же упрек звучал и в словах Николая I, выговаривавшего Виельгорскому и Паткулю за непосещение великосветского бала²⁵. В свободное время молодому человеку должно веселиться—само собой, в благоразумных рамках, созданных для этого светом. Служба и развлечения—эта простая схема не оставляла места для досуга и иных занятий. Николай не скрывал, что специально нагружает юношей мелкими канцелярскими делами: «В таком возрасте нужно, чтобы молодые люди были непрестанно чем-то заняты; несмотря на все наши старания, они все равно могут сбиться с правильного пути»²⁶. Император имел в виду прежде всего соблазн от безделья предаться разгульной жизни. Но не исключено также, что в эту минуту он вспоминал атмосферу конца 1810-х—первой половины 1820-х гг.: тогда молодые дворяне, демонстративно чуждавшиеся светской жизни, отказавшиеся от танцев, карт и волокитства в пользу политики и литературы, образовали костяк тайных обществ²⁷. Серьезные интересы юношей 30-х годов, однако, существенно отличались от

²³ См.: Дневник, 10 февраля.

²⁴ Смирнова. С. 198.

²⁵ См.: Дневник, 6 февраля.

²⁶ Там же. 1 февраля.

²⁷ См. хрестоматийные наблюдения Ю. М. Лотмана («Декабрист в повседневной жизни» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 326—327).

устремлений их старших братьев. Политические спекуляции уступили место философским, эстетическим или, как в случае Иосифа, учебным занятиям.

И все же, хотя молодому Виельгорскому нечего опасаться, всякое замечание со стороны Николая поражает его как гром среди ясного неба. Он тяготится навязчивой опекой, но в то же время начинает ощущать характерную для придворного постоянного гнетущую тревогу: взглянет на меня государь или не обратит внимания, скажет ли хотя бы слово или проигнорирует у всех на глазах? Эту тревогу подогрели упреки матери, требовавшей, чтобы сын во что бы то ни стало сохранил свои позиции в окружении наследника. Но Иосифа уже мало что связывало с великим князем. Симпатии и дружбы между ними не было, а по поводу и без повода демонстрировать преданность он так и не научился.

Жозеф, выросший во дворце, знал царскую семью едва ли не лучше, чем свою собственную; во всяком случае, со многими довольно близкими родственниками (дядей М. А. Волковым, тетушкой Е. А. Рахмановой, ее сыном и др.) он получил возможность познакомиться лишь тогда, когда его воспитание уже завершилось. Он мог посплетничать о семейной жизни государя, его отношениях с женой, романах, мог даже позволить себе на мгновение занять менторскую позицию и с важностью, довольно комичной в юноше двадцати одного года, выражать опасения по поводу нравственного здоровья монарха²⁸. Однако все это — за глаза. При личной же встрече с государем основным ощущением Иосифа был страх. Он боялся Николая не столько как человека, наделенного колоссальной властью и подверженного ошибкам, страстям, колебаниям настроения и т. п., а скорее как некоего громовержца, один взгляд которого — гневный или милостивый — повергает в трепет.

Подобное впечатление Николай I производил на многих современников. Он знал это и нередко щеголял магической способностью подчинять себе чужую волю. Поэтому желающие ему угодить порой прибегали к наигранному испугу, полагая, что состоянием столбняка и онемения при виде самодержца они наиболее красноречиво свидетельствуют о собственной безграничной верноподданности. Страх Иосифа имел, по всей видимости, другую природу. Это было инфантиль-

²⁸ См., например, запись от 11 февраля.

ное чувство, возникшее еще в те годы, когда непосредственная близость всемогущего государя держала маленьких товарищей его сына в постоянном напряжении²⁹.

Отношение Жозефа к императору внутренне противоречиво: с одной стороны, он готов восторгаться государем, его словами и деяниями, с другой—способен с жаром обличать его личные недостатки и политические просчеты. Такая двойственность была присуща не только молодому Виельгорскому, но и его наставнику Жуковскому, а с ним и многим русским просвещенным консерваторам. Однако ими был выработан своеобразный идеологический концепт, позволявший примирять в своем сознании это противоречие,—в Николае I они видели *парадоксального самодержца*³⁰. Именно парадоксальность поразила Иосифа в обращении императора с генералом Пенкержевским в июле 1836 года³¹. С его точки зрения, нет ничего удивительного в том, что самодержец позволяет себе публично оскорблять провинившегося; Виельгорский в глубине души убежден, что самодержавие как таковое есть зло. Зато следующий шаг царя вызывает восторг—он, всевластный, неподсудный, счел необходимым извиниться перед несправедливо обиженным, то есть совершил душевное движение, противоречащее самой сущности самодержавия. То, что на российском престоле находится не деспот à la Иван Грозный, а человек, не чуждый обыкновенных понятий о добре и зле, воспринималось даже теми, кого нельзя было упрекнуть в сервилизме, как огромная удача, счастье, едва ли не чудо. Тем не менее люди, восхищавшиеся благородством, рыцарством и тому подобными качествами Николая I, в сущности были далеки от идейного оправдания самодержавия; напротив, как ни странно, их оценки определяла либеральная по сути система ценностей—наследие общественной мысли XVIII столетия. Только ясное сознание

²⁹ То же чувство было свойственно и Паткулю. Однажды он рассказывал своей невесте, что в детстве «боялся строгого взгляда государя, а если государь делал выговор за неудовлетворительные баллы и обещал в следующий раз наказать, тогда (...) такой страх разбирал, что дрожь пробирала по всему телу» (Воспоминания М. А. Паткуль. СПб., 1903. С. 57).

³⁰ Ср. со статьей Жуковского «Самоотвержение власти» (вторая половина 1840-х гг.), в которой выдвигается своеобразная нравственная трактовка *самодержавия* как *само-держания*, сознательного самоограничения монарха во имя справедливости и блага подданных и, в конечном счете, во имя высшей ценности—Божией правды.

³¹ См. письмо к сестре Аполлинарии от 25 июля 1836 г.

порочности принципа самодержавия/самовластия могло заставлять самых просвещенных современников с таким подчас неумеренным энтузиазмом приветствовать все, что хотя бы в минимальной степени свидетельствовало о способности самого монарха и членов его семьи подчинять свою деятельность принципам морали и права. Чувство постоянной угрозы, исходящей от неограниченной власти, поневоле заставляло дорожить человечностью государя как единственной, хрупкой гарантией, защищающей от полного произвола. Что же касается безусловной лояльности к самодержавию со стороны людей, теоретически признающих достоинства конституции и правового общества, то она базировалась на рациональном убеждении в том, что в настоящий момент это необходимо для России как политический компромисс³².

Впрочем, в журнале молодого Виельгорского политике отведено довольно скромное место. Всю силу рефлексии Жозеф направляет на собственную душевную жизнь и наиболее подробно пишет именно о ней. При этом в дневнике равноправно развивается множество сюжетно-эмоциональных линий: отношения с наследником, императорской фамилией и товарищами, занятия по военному министерству, светская жизнь, лекции преподавателей, чтение, новые знакомства, театр, музыка, детали домашнего быта, самочувствия, ход лечения. Все они теснейшим образом переплетены друг с другом и сращены с основным стержнем текста. В результате «ткань» журнала приобретает исключительную плотность и насыщенность.

Судя по аккуратному почерку и почти полному отсутствию помарок, юноша переписывал набело предварительные беглые заметки. В январе отставание записей от событий составляет около двух недель, но уже в начале февраля Иосиф нагоняет «утраченное время» и в оставшейся части текста, как правило, рассказывает о прожитом дне вечером или на следующее утро. Юноша не только фиксирует факты и впечатления — в полном соответствии с жанровой природой дневника, но и сопоставляет, загадывает наперед, оглядывается на прошлое. Его журнал пронизан переключками, игрой ассоциаций и неожидан-

³² Ср. классическое высказывание Н. М. Карамзина: «(...) по чувствам останусь республиканцем, и при том верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 249).

ных сближений. Исполняя свою первичную—информационную и описательную—функцию, он вместе с тем приобретает черты художественного текста: изящно и лаконично очерченные бытовые и светские сценки неизменно уместны; сухость чисто фактографических записей искусно оттенена то язвительным резонерством, то взрывами восторженного красноречия; реплики разговоров и мелкие подробности повседневной жизни встроены в контекст размышлений над глобальными проблемами собственного бытия и жизни страны.

Специфика журнала Иосифа выступает особенно явственно при сопоставлении с юношескими дневниками наследника³³. Великий князь ежедневно записывает, где он был, в котором часу, что делал, с кем говорил или танцевал, даже в какой мундир был одет. В 1837—1838 гг., в разгар романа с Ольгой Калиновской, он часто заносит в дневник те несколько фраз, с виду банальных, но полных многозначительных намеков, которыми ему удастся обменяться с предметом своей привязанности во время мазурки, за столом во время ужина и т. п. Но во всем, что касается эмоциональной и духовной жизни, его дневник далеко уступает журналу Виельгорского. Когда-то маленький Александр начинал вести подневные записи по настоянию взрослых, видевших в этом эффективное средство приучения ребенка к самоанализу и стремлению к самосовершенствованию. Но с тех пор дидактическое начало полностью выветрилось, и дневник наследника превратился в почти протокольную фиксацию событий, совершаемую более по привычке, нежели в целях рефлексии.

Каждый день в дневнике великого князя завершается краткой ссылкой на тот или иной фрагмент Священного писания, очевидно, прочитанный перед сном, но там не найти евангельских цитат, которые Виельгорский иногда выносит в начало записи наподобие некоего эпиграфа к ежедневным житейским трудам³⁴. Нет следа и того беспощадного, пристрастного самоанализа, которым поражает журнал Ио-

³³ См. ГАРФ. Ф. 678 (Александра II).

³⁴ Несмотря на то, что Иосиф сам вменил себе в обязанность ежедневно вносить в дневник цитату из Евангелия, он исполнял это правило лишь в январе—первой декаде февраля, перемешивая изречения из Писания с выдержками из сочинений моралистов, а в дальнейшем прибегал к подобному цитированию лишь эпизодически. В записях от 24, 25, 29 и 30 января он оставил место для эпиграфа, который надеялся подобрать позже, однако так и не сделал этого.

сифа. Для великого князя чтение Писания было всего лишь одним из ритуалов. В свои двадцать-двадцать один год он не был особенно религиозен, да и самая жизнь его, богатая удовольствиями и красочными впечатлениями, не располагала к размышлениям о вечном. Иное дело Иосиф. Для него, как и для остальных домашних, чтение душеполезных книг стало потребностью. В соответствии с тогдашней духовной традицией его внимание было обращено не только и даже не столько собственно к Писанию, сколько к сочинениям знаменитых моралистов. О приучении своих воспитанников к чтению такого рода особенно старался Жуковский. Фома Кемпийский, Фенелон, Руссо, Ларошфуко были классиками еще в годы его собственной юности; их труды он рекомендовал и молодым людям, как обычно встречая наибольшее понимание со стороны Виельгорского. В современной литературе было немного образцов подобного жанра, за исключением произведений итальянца Сильвио Пеллико— писателя, карбонария, вынесшего свою нравственную философию из опыта многих лет, проведенных в австрийских тюрьмах. Вслед за автобиографической книгой «Мои темницы» (1832)³⁵ он издал небольшой сборник советов, обращенных к молодым людям, под заглавием «Об обязанностях человека» (1834). В 1836 г. Пушкин приветствовал появление нового перевода этой книжки одобрительной рецензией в третьем томе «Современника». Его оценка трактата Пеллико очень высока: «Мало было избранных (...), которые бы в своих творениях приблизились кротостью духа, сладостью красноречия и младенческой простотой сердца к проповеди небесного учителя (т. е. к Евангелию.—*Авт.*). В позднейшие времена творец книги «О подражании Христу»³⁶, Фенелон и С. Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел Господний приветствовал именем человеков благоволения».

В этой книге Иосиф искал и находил ответы практически на все волновавшие его в то время вопросы. Пеллико наставляет юношество в сыновней и братской любви, в почтении к старости вообще и особенно к старым наставникам, в дружбе, в любви и уважении к женщине; особенное внимание он уделяет гражданским добродетелям и патрио-

³⁵ Спустя два года Жуковский читал эту книгу своим воспитанникам (См.: Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» Жуковского 1834 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978. С. 231).

³⁶ Т. е. Фома Кемпийский.

тизму. Жозеф строго экзаменовал себя, последовательно применяя к себе указания итальянского моралиста. Ему было в высшей степени свойственно желание организовать свою жизнь в соответствии с заранее продуманной идеальной программой. И это также было в традициях семейства Виельгорских. Отцовское напутствие, подобно развернутому эпиграфу предваряющее журнал 1838 года, также содержало программу, поощрявшую тягу юноши к духовной работе. Однако в практике сына стремление к совершенствованию подменялось бесплодной рефлексией по поводу собственной греховности.

Источником нравственного беспокойства, снедавшего Жозефа, во многом было именно подобное чтение. Так, Пеллико в главе «Раскаяние и исправление» советует: «Мы должны непрестанно предписывать себе правила на каждый день настоящий и будущий, непрестанно упреждать нашу добродетель новыми хорошими действиями, обращать неослабное внимание на проступки наши и раскаиваться в них»³⁷. Человека, склонного, подобно Иосифу, к радикализму в оценках, подобная самоубийственная требовательность к себе способна довести до того, что вместо надежды и деятельного совершенствования, к которым призывает писатель, он приходит к отчаянию и апатии. На страницах дневника юноши отчетливо рисуется духовная драма, характерная для многих его современников³⁸. Во всей силе в ней проявляется жажда неподвижного идеала, лежащего вне времени и человеческого бытия. Такая исключительная, напряженная устремленность к трансцендентным ценностям несет угрозу возникновения вражды к реальной жизни как несовершенной и ненависти к самому себе как к скопищу несовершенств. Безоглядному порыву «туда» неизбежно противостоит переживание «здесь» как тюрьмы или даже пытки.

³⁷ [Пеллико С.] Об обязанностях человека, наставление юноше / Пер. Е. Серчевского. СПб., 1836. С. 79.

³⁸ В основе этой драмы лежит неверное толкование смирения, от которого еще в 1833 г. Жуковский предостерегал своих подрастающих учеников, напоминая им о том, в чем должно состоять «истинное смирение перед Богом»: «Это (...) не есть суеверное богомольничество монаха, ни мечтательность мистика, но высокое, постоянное, светлое чувство души, беспрестанно видящей себя в присутствии Бога, следственно, беспрестанно чувствующей и свою перед ним ничтожность, и свою подсудимость, но в то же время и свое высокое назначение, и свою силу, заключенную в его неизменном содействии» (РА. 1883. № 1. С. XVII—письмо к великому князю Александру Николаевичу от 1 января 1833 г.).

Наедине с дневником молодой человек поразительно откровенен. Он не стремится приукрасить свои поступки и побуждения и иной раз доходит до истерического самобичевания. Предельного накала его рефлексия достигает в предпасхальной исповеди, к которой Иосиф готовился со всей серьезностью, ожидая от великого праздника душевного очищения и подъема. Но душевные взлеты фатально оборачиваются приступами мизантропии, когда он не щадит ни себя, ни других. От страстных духовных поисков к отчаянию и озлоблению—в этих мучительных метаниях заключен основной нерв дневника.

Журнал 1838 года³⁹

Кто хочет писать журнал свой, то есть оставить верный отпечаток ежедневных своих мыслей, чувствований, забав, занятий и впечатлений, в том невольно обнаруживается тайное влечение ко всему высокому и прекрасному. Низкие и презренные страсти страшатся света и воспоминания. Лицо выражения благородного может ли представиться отвратительным в верном и чистом зеркале? Свойственно ли уму отличному и душе высокой желать пресохранить от забвения болтовню и забавы света, сплетни салонов и дела недостойные? Невольно ум и характер наш отсвечаются на каждой строке, почти в каждом слове, даже в улыбке как предметы на тихой поверхности воды. Мало читаем страниц, коих содержание освящает и возвышает душу, потому что никто передать не может того, чего сам не имеет. От этого почти все произведения так мертвы, хотя и кажутся оживленными какою-то умственной блестящею жизнью. Ты же, мой том, можешь излить чистую и прекрасную душу твою, не страшась ни укоров совести, ни взоров и суждений сторонних. Пагубное влияние дурных обществ и страстей, изнуряющие цвет молодости, иссушающие навсегда источник всех свежих и высоких внушений, не успели еще истребить в тебе любовь к добродетели. Ты дышишь ею, как дышат воздухом, без усилия, без намерения. Счастье семейное, нежные ласки прелестных сестер-ангелов, детская и теплая дружба брата сберегли в душе твоей светило жизни: верование в истине добродетели и вечной ее награды. Святое пламя любви к своим, благородное стремление ко всему прекрасному согрели и украсили донныне юную и чистую жизнь твою. *«Молодой чело-

³⁹ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 52. № 1.

век, остающийся послушным и в возрасте 20 лет,—это ангел во плоти»*,—сказал какой-то французский писатель. Мало подобных ангелов, а тех еще менее, кто умел бы ценить и понимать их. Человек отличный нравственностью и дарованиями ума не может искать истинного счастья вне себя: в похвалах и удовольствиях мира, в пустых одобрениях и притворных улыбках общества. Участь и счастье наше должны мы, сколь возможно, сделать независимыми от переворотов человеческих страстей. Одно средство к тому состоит: *в чистоте сердца и в непрерывном направлении его к высшему совершенству—к Богу*. Несмотря на все усилия наши, неоднократно в бурях жизни твердость наша поколеблется и не предохранит сердце от глубоких уязвлений. Но никогда не решимся жертвовать временем и убеждением, сильно укоренившимся в душе нашей высоким совершенством. Достигай до него с неустранимым постоянством, наблюдай строго за всеми мыслями и желаниями своими, дабы ты мог всегда с совершенною откровенностью излить прекрасную душу твою на сии страницы. По мере того, как душа твоя будет более и более возвышаться и твердая воля облагородит побуждения дел твоих и поступков, журнал этот делается светлым зеркалом беспорочной прекрасной жизни твоей. Ты некогда, может быть, представишь его друзьям и детям своим с утешительною мыслию, что они будут иметь счастье озариться добродетелями твоими и славою полезного для отечества гражданина, великого правителя, воина, а завиднее всего—благодетеля любезной тебе России как преданного слуги и бескорыстного друга *царского сына*⁴⁰.

* Не требуется много времени для того, чтобы любить Бога, обновляться духовно, предстоя Ему, возносить свое сердце к Нему или благословлять Его в глубине души, открывать Ему все дела и скорби,— вот истинное царствие Божие, которого ничто не может поколебать.— Нет ничего выше умаления, самоотречения, милосердия, забвения своей воли. Соломон поверил наукой все истины, и последняя, которую он узнал, гласила, что нет ничего нового под солнцем⁴¹, кроме

⁴⁰ Эта часть дарственной надписи сделана рукой Мих. Ю. Виельгорского. Последующие фрагменты написаны тремя разными почерками, принадлежащими другим членам семьи Виельгорских, в том числе младшей сестре Иосифа Анне («супруге»).

⁴¹ Неточность: приводимое изречение содержится в книге Екклесиаста, I, 9.

презрения к суете и верности Богу: иметь страх Божий и исполнять заповеди Господни — это и значит быть человеком*.

*Когда тебе нужно пройти по грязной улице в новых башмаках,
Ты осторожно, на цыпочках семенишь к блестящей мостовой;
Одно лишь пятно посадив, ты смело зашлепаешь по грязи.
Береги, дитя, свою душу от малейших пятен.⁴²

*Все радовались, когда ты появился на свет, а ты плакал;
Живи так, чтобы в час твоей смерти
Ты мог вкушать блаженство и видеть, как рыдают другие.

Твоя милая супруга начертала сии строки, думая, что тебе не было до сих пор надобности в этом изречении, но вероятно, оно будет тебе полезно само по себе. 5 января. Петербург. 1838.*

Журнал 1838го года

Генварь

1 генваря. Суббота.

С. Петербург. Дом Кутузова на Михайловской площади

«Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в меня веруйте».

Иоанна. XIV. 1.

*«Ходяй по мне не имать ходити во тьме, глаголет Господь. Сими словами зовет нас Христос подражать жизни и нравам Его, если хотим во истину просветиться и избавиться от всей слепоты сердечной».

Подражание⁴³. Гл. I. 1.*

Новый год застал меня нездоровым, скучным, с ишиасом в ноге, с упавшим духом читающего и разбирающего каталог русских книг госпожи Гоч с сильнейшим желанием получить эту библиотеку во что бы то ни стало. Ударило 12 часов, и наступил новый 1838ой год. Прошедший показался мне мертвецом. *Потерян безвозвратно, и с ним все

⁴² В тексте — немецкие стихи неизвестного автора.

⁴³ Иосиф вносил в дневник выписки из французского перевода латинского духовного трактата «Imitatio Christi». Эти отрывки даются нами в русском переводе по изданию: Фома Кемпийский. О подражании Христу / Пер. К. П. Победоносцева. Брюссель, 1993 (здесь — с. 1; далее: О подражании).

ошибки, грехи, попусту растраченное время, огорчения всякого рода.* Ничто не возвратит его. Мысль ужасная. Но здесь слова: *«Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в меня веруйте»*. Лег в постель с планами о покупке библиотеки, которую хотел совершить без ведома родителей, заняв деньги в ломбарде. После утренних поздравлений пошел к Папа, у которого просидел почти весь день. Был очень скучен; библиотека засела в голове. К тому ж чувствовал себя очень дурно, что всегда имеет пагубное влияние *на мое расположение духа.*
 Разговор с Рахмановым рассеял меня. Он рассказывал про вновь введенное им хозяйство, таким образом, что он часть земли отдал крестьянам, которые за это ему платят по 8 рублей за десятину, а собственную землю он возделывает вольнонаемными и получает от этого втрое более дохода. За обедом пили за здоровье нового года, а я с супругой за продолжение нашей любви. Скучал после обеда, оттого что ничего не делал. Ленц рассказывал свою лионскую историю.

2 января. Воскресение

«Блажени плачущие, яко тии утешатся».

Матфея. V. 4.

*«Никто не безопасен в радости, если свидетельства доброй совести в себе ни имеет».

Подражание. I. Гл. 20. 344*

Ужасная грусть овладела мною с самого утра. Мысль, что я не могу купить библиотеку, за которую просят 15,000 рублей; собственные долги Шухову, Бекетову⁴⁵, Кеммереру⁴⁶, Штемпелю⁴⁷, Шернвалю, Зеленкову, Волкову⁴⁸ и Дато, которые простираются до 3,000 рублей, и

⁴⁴ О подражании. С. 42. Виельгорский допускает ошибку в ссылке; правильно: Кн. I. Гл. 20. 2.

⁴⁵ Возможно, речь идет о ком-то из наследников известного московского библиофила П. П. Бекетова, книжное собрание которого постепенно распродалось после его смерти в 1836 г.

⁴⁶ Кеммерер — владелец известного магазина «золотых, серебряных и бриллиантовых вещей и камней» (Невский проспект, 49; располагался в одном доме с литографской мастерской К. П. Бегрова, которому Иосиф часто заказывал печатание афишек для устраиваемых Виельгорскими концертов). Значительно менее вероятно, что речь идет об аптекаре А. Б. Кеммерере.

⁴⁷ Возможно, имеется в виду К. Р. Штемпель.

⁴⁸ Подразумевается С. С. Волков, двоюродный брат Иосифа.

которые не могу выплатить, раздирали мне сердце. *Впредь поставил себе правилом: никогда не покупать вещей, не заплативши за них тотчас; и особенно не брать на хранение чужих вещей.*—У меня был ящик Волкова, за который он может требовать 20000 рублей. Что тут тогда делать? Все это меня ужасно тревожило и огорчало, и я весь день ходил как угорелый. *Ужасное наказание за все мои проступки.* Виделся с Александром Скарятиным, который сочиняет уже романсы, но поет плохо. Шернваль и Саша⁴⁹ меня посетили. Толковали об онанизме. Саша уверял, что до 18^{ти} лет он не знал его. Шернваль, напротив, говорил, *что это естественно для всех, и предотвратить сего нельзя.* Судя по себе, я согласен с Шернвалем. Меня никто не учил, а в 14 лет я сам дошел и чуть не убил себя. *Вот почему я не хочу знать женщин до женитьбы, если я вообще когда-нибудь женюсь; я хочу исправить примерным воздержанием проступки юности, которых не могу себе простить, они останутся лежать камнем у меня на душе.—Вы говорите, что каждый мужчина познает женщину. Но это всегда грех. Ибо Иисус Христос сказал:* «в законе сказано: не прелюбодействуй; а я вам говорю, кто взглянет на женщину с похотствованием, тот уже прелюбодействовал в душе своей»⁵⁰. *Совратить девицу—большой грех; обесчестить замужнюю женщину—чудовищное преступление.* Потом толковали о путешествии Великого Князя за границу. «Я боюсь, что возьмут Юрьевича, Назимова, Енохина и Арсеньева, *все они милейшие люди, и я их очень люблю, но несколько приглуповаты, не знают ни французского, ни немецкого, не умеют ни с кем разговаривать, к тому же очень дурны собою, Кавелин ворчит и всегда недоволен, Ливен набитый дурак; уверяю вас, такая свита будет посмешищем для Европы; что скажут о русских, увидав приближенных Великого Князя»⁵¹, в чис-

⁴⁹ А. В. Адлерберг.

⁵⁰ Неточное цитирование. См.: Мф. V. 27—28.

⁵¹ Предугадывая реакцию наблюдательных европейцев, Иосиф не ошибался; ср. впечатления А. де Кюстина, встретившегося с наследником и его свитой в Эмсе 5 июня 1838 г.: «Увидев русских царедворцев при исполнении обязанностей, я тотчас поразился необычайной покорности, с какой они исполняют свою роль; они—своего рода сановные рабы. Но стоит монарху удалиться, как к ним возвращаются непринужденность жестов, уверенность манер, развязность тона, неприятно контрастирующие с полным самоотречением, какое они выказывали мгновение назад; одним словом, в поведении всей свиты цесаревича, как господ, так и слуг, видны привычки челяди. (...) Эта смесь надменности с низостью не понра-

ло которых должны входить люди наидостойнейшие.* Один Жуковский должен был бы ехать с Сергеем Строгоновым или Д. М. Голицыным⁵². Нас, молодых, также не следовало бы взять; мы слишком молоды, а притом нам придется краснеть за своих начальников, которые будут молчать, не зная никакого языка. Мне хочется и не хочется ехать.

Лина⁵³ и Мама отправились на бал в Аничкин⁵⁴, а я с Мишей⁵⁵ проиграл септюр⁵⁶, который начинаю забывать. Остальной вечер провел у билиярда. Булгаков представлял очень смешно Брейтинга в «Жидовке»⁵⁷ и играл на виолончели. Талант необыкновенный к музыке. Но он ничему не хочет учиться. *Он совершает непростительный грех, оставляя в небрежении свой ум, доброе сердце и незаурядные музыкальные способности.*

3 января. Понедельник

*Мама очень расстроена вчерашним балом. «Государь, Императрица, Великие Княжны и Великий Князь были очень холодны с Линой;

вилась мне и не внушила особенного расположения к стране, которую я собрался посетить. (...) Поразила меня убогость его экипажа, беспорядок в его багаже и неряшливость сопровождавших его слуг» (Кюстин А. де. Россия в 1839 г. Т. 1. М., 1996. С. 21, 23).

⁵² Видимо, описка автора. Скорее всего, имеется в виду кн. С. М. Голицын, исполнявший обязанности восприемника при крещении наследника.

⁵³ Сестра Аполлинария.

⁵⁴ После пожара Зимнего главной резиденцией императорской фамилии и двора стал Аничков дворец на Невском проспекте, бывший личным дворцом Николая со времени его женитьбы в 1817 г. По сведениям камер-фурьерского журнала (№ 139. Л. 12), Иосиф в тот вечер также принимал участие в ужине во время танцевального собрания в Аничковом. Отсутствие упоминания об этом объясняется, скорее всего, тем, что в течение января текст дневника создавался с недельным отрывом от происходивших событий.

⁵⁵ Братом.

⁵⁶ Фортепьянное переложение септета Бетховена для смычковых и духовых инструментов было особенно любимо в семье Виельгорских.

⁵⁷ «Жидовка» («La juive») — опера французского композитора Ф. Галеви (либретто Э. Скриба). Впервые поставленная в Париже в 1835 г., она быстро завоевала широкую популярность. Одним из лучших исполнителей роли Элезара в этой опере был Г. Брейтинг.

последний даже не танцевал с нею, и она осталась без кавалера для мазурки. Как они низки, все эти придворные. Я это сказала в лицо Адлербергу⁵⁸, который больше ко мне не ездит». — «Ваша резкость их пугает, — отвечал я. — Надо не обращать на это внимания».*

Утром отправился к гос(поже) Гоч, которую едва мог отыскать в 1ой роте Измайловского полка⁵⁹. Рукописи у нее необыкновенно важные и весьма древние. Книг много хороших и более 100 рукописей. Она предлагает 25,000 рублей. Я ужаснулся. Счастливая мысль пришла. Сделать ей пенсион из 1500 рублей в год, что для нас ничего, и платить 16 лет, что составит 24,000 рублей. Я сообщил это Папа, который согласился со мной, но не дал положительного ответа. Сегодня Жуковский окончил либретто Папа «Цыганы».

Написал письма к Боду, о присылке кирпича⁶⁰, Зеленкову с 150 р., Шухову с 200 р.

«Ядый мою плоть и пияй мою кровь во мне пребывает, и аз в нем».

Иоанна. VI. 46.

*«Прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его, и если б не было на пути врачующего пособия от Бога, легко человеку падать дальше и дальше на худшее. Но святое приобщение отводит от зла и укрепляет на доброе».

Подражание. IV. 3. 361*

Я решился сегодня каждый день в своем журнале писать изречение из Библии и из знаменитых мыслителей и философов.

Был вообще веселее. Толковали вечером о выборе музыкальной пьесы для сюрприза Мама. Сперва хотели спеть финал «Don Juan»⁶². Но сцена неблагопристойна и требует больших хоров. Решились сыграть финал из «Фигаро»⁶³, в коем будет также участвовать Marie Variatinski, и *квинтет* из «Cenerentola».

⁵⁸ Имеется в виду В. Ф. Адлерберг.

⁵⁹ О расположении 1-й роты Измайловского полка см.: Пушкирев И. И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. Ч. 1. СПб., 1839. Приложение. С. 13.

⁶⁰ ОР РГБ. Б-к. III/5.

⁶¹ О подражании. С. 292.

⁶² Имеется в виду финал первого действия оперы Моцарта «Дон Жуан» (1787).

⁶³ Речь идет об опере Моцарта «Свадьба Фигаро».

Le Comte — Папа	Cenerentola — Nosi
La Comtesse — M. Variatinski	D. Ramiro — я
Figaro — Дядя	D. Magnifico — Папа
Antonio — Soliva	Dandini — Дядя
Suzanne — Sophie ⁶⁴	Alidor — Micha
Bartholo — Micha	
Marcelline — Lina	
Basilio — я	

4 января. Вторник

«Тако бо возлюби Бог мир яко и Сына своего едиnorodного дал есть, да всяк веруяй в онь не погибнет, но имать живот вечный».

Иоанна. III. 16.

*«Свобода — это возможность действовать».

«Желать и действовать и значит быть свободным».

«Есть нечто, что существует; значит, некое существо принадлежит вечности, то есть воплощает в себе абсолютную необходимость; следовательно, оно бесконечно, и все прочие существа происходят от него, хотя и неизвестно, как именно; значит, оно смогло даровать им свободу так же, как даровало им движение и жизнь; таким образом, нам дана свобода, которую мы в себе чувствуем, нам дана жизнь, которую мы в себе ощущаем».

«Свобода — здоровье души; лишь у немногих это здоровье крепко и нерушимо».

«Наша свобода слаба и ограничена, как и прочие наши способности». *⁶⁵

Поздно встаю и ничего не делаю; от этого я скучен, *в дурном расположении духа*. Виделся с Солива, которому был очень рад; утешал в потере вещей моих.

Явился во дворец. Великий Князь разговаривал с Мартыновым, который рассказывал о случившемся пожаре в Эрмитаже⁶⁶. Загорелась печь. Но все потушили.— Принят холодно. Ездили в Эрмитаж. Ходил

⁶⁴ Сестра Софья.

⁶⁵ Источник цитат не установлен.

⁶⁶ Речь идет о случайном возгорании в уцелевшей от большого пожара части Зимнего дворца.

с Долгоруким по Зимнему дворцу⁶⁷. Из всего блеска и богатства остались огромные груды пепла. Кроме пушек ничего не нашли.

Ходили слушать новые инструменты *Kaufman*. Гармоникорд чудесен — составлен просто. — Трубач производит два звука в одно время⁶⁸. Видел там Греча, у которого выражение лисицы.

Рейнгардт. *Этюды Тальберга. — Концерт Мендельсона*.

Вечер провел в восхищении от Марии Филиповны⁶⁹. «Дева Дуная»⁷⁰. Аплодировал до упаду.

Лина и Мама отправились на бал к Разумовской⁷¹.

Рассуждали о женитьбе. *Нередко умные женщины остаются без мужей. — Примеры — Lise и Marie Волковы.*⁷²

5 января. Среда

«Идеже бо еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посреде их».

Матфея. XVIII. 20.

⁶⁷ Спутником Иосифа мог быть и Н. В. Долгоруков, член образованной 19 декабря 1837 г. комиссии для разбора спасенных из Зимнего дворца вещей, и его брат, обер-шталмейстер В. В. Долгоруков — председатель этой комиссии.

⁶⁸ Фридрих Кауфман, мастер из династии немецких механиков, привез в Петербург новые музыкальные инструменты собственного изобретения: гармоникорд, симфонион, сальпинион, автомат-трубач. На гармоникорде (вероятно, напминавшем орган) он играл сам, прочие инструменты представляли собой популярные в эпоху романтизма музыкальные автоматы. Один из них — симфонион, усовершенствованный сыном Кауфмана Фридрихом Теодором и переименованный в оркестрион, впоследствии широко использовался в ресторанах, гостиницах и т. п. Первый публичный концерт Кауфмана состоялся 16 января 1838 г.

⁶⁹ Т. е. Марии Тальони.

⁷⁰ «Дева Дуная» — балет в двух действиях, четырех картинах на музыку А. Адана, поставленный Ф. Тальони по собственному либретто, написанному на основе баллады Э. Демара «Днепровская русалка». В этом балете Тальони блистала в роли Флёрдешан. Премьера «Девы Дуная» на сцене петербургского Большого театра состоялась 20 декабря 1837 г.

⁷¹ В доме кн. М. Г. Разумовской (Большая Морская, 30) происходили самые блестящие из светских балов, часто посещавшиеся членами императорской фамилии.

⁷² Имеются в виду родственницы Виельгорских: двоюродная сестра Иосифа Е. С. Волкова (впоследствии, впрочем, вышедшего замуж) и его тетка М. А. Волкова.

*«Нет истинной свободы, ни доброй радости, разве в страхе Божи-ем с доброй совестью».

Подражание. I. 21. 2^{73*}

Отправился во дворец и присутствовал при уроке *Веймарна*. Кампания 1813 года. Сражение при Люцине⁷⁴.

Был у обедни⁷⁵. *Их Величества даже не заметили, что я там был. Да и чем я могу быть им интересен? — Во время службы ни разу не покраснел и ужасно боялся, чтоб нас не заставили подходить к кресту. Целый день ощущал неприятную дрожь по всему телу. Вечером познакомился с Екатериной Аполлоновной Рахмановой⁷⁶ — *она красит губы⁷⁷ — должна быть в роде Сергея Аполлоновича, но не так умна. Брюлов (Карл) поразил меня своею гениальною головою, похожею на Юпитера Аммонского⁷⁸. Познакомился с гравером Уткиным. Неприятно было увидеть Адамса⁷⁹, который напомнил мне начало ишияса и проч.

1) *Квартет Мендельсона — прелестно.*

2) *Квинтет Онслова — очень хорошо — с виолончельным соло.*

3) Brod⁸⁰ — solo.

4) Sainton — solo.

5) *Герке — 22-е сочинение Тальберга — отрывок мне показался очень дурен, но превосходно исполнен на великолепном бродвудском инструменте.*⁸¹

⁷³ О подражании. С. 47.

⁷⁴ Люцинское (точнее — Лютценское) сражение между 100-тысячной армией Наполеона и 72 000 русских и пруссаков состоялось 2 мая 1813 г.

⁷⁵ Служба происходила в церкви св. Александра Невского — домовом храме Аничкова дворца.

⁷⁶ Е. А. Рахманова, московская родственница Виельгорских, талантливая пианистка-любительница (ученица Дж. Фильда), в молодости известная красавица, прибыла в Петербург и 1 января 1838 г. представлялась императрице.

⁷⁷ Манера красить губы была в то время распространена только среди дам полусвета. Светская женщина с накрашенными губами выглядела вульгарно и бросалась в глаза.

⁷⁸ К. П. Брюлов подчеркивал «римские» черты своей внешности прической «в античном духе».

⁷⁹ Не удалось выяснить, имеется в виду ученый-ботаник Михаил Фридрих Адамс или же московский штаб-лекарь Любим Адамс.

⁸⁰ Неясно, о каком из двух известных в том время гобоистов с такой фамилией идет речь.

⁸¹ Т. е. на фортепьяно известной лондонской фирмы «Broadwood and Sons», существующей поныне. Герке, недавно вернувшийся из заграничного вояжа, при-

Глинка рассказывал о несчастном положении русского театра; все внимание обращено на костюмы и декорации; но пение и музыка считаются второстепенными. Оперы дают, только чтоб сбить с рук и получить деньги. А как идет, дирекции все равно. *Такое количество посредственностей вредит истинным талантам.* Уж не говорю про воровство. От директора до капельдинера все достает деньги. *Из Театральной школы ничего хорошего не выходит, потому что туда принимают детей, у которых нет никаких способностей ни к пению, ни к танцу.—Если Петров умрет, русский театр придет в полный упадок. Уже сейчас туда никто не ходит. Все ходят смотреть Тальони, и на ее спектаклях всегда аншлаг.*

6 января. Четверг. Крещение

«Аще не обратитесь и не будете яко дети, не увидите в царство небесное».

Матфея. XVIII. 3.

*«Пусть огонь обратится лучше на мой дом, чем на хижину бедного труженика».

Фенелон⁸².*

Наконец мы решились на финал «Фигаро» и пробовали утром. Получил приказание явиться к Брискорну, чтоб познакомиться с высшим военным управлением, по желанию Государя.

Во весь день чувствовал себя дурно; за то был скучен, уныл, раздражен.

Ездил во дворец и застал Великого Князя читающего «Хронику гвардейских полков»⁸³. *Чтение, достойное наследника престола.* Он начинает заниматься мелочами военными. *Вот первородный грех этого семейства.*

Взял ванну⁸⁴. Вечером был в театр(е). «Жизнь за Царя»⁸⁵ шла очень дурно. Видел Рахманову и Волковых. Толковал о музыке с Александром Скарятиним.

вез с собой два инструмента—бродвудский и французский, фирмы «Эрар, Гишар и К°». В концертах он попеременно играл на обоих, устраивая своего рода соревнование.

⁸² Источник цитаты не установлен.

⁸³ Вероятно, иллюстрированное издание «Хроника российской армии» (выходило с 1834 г.), первые тома которого посвящены гвардии.

⁸⁴ О лечении паровыми ваннами см. выше.

⁸⁵ Опера Глинки, впервые поставленная в конце 1836 г., шла в петербургском Большом театре.

7 января. Пятница. День рождения Анны Павловны

«Видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, иже есть во оце твоём, не чуеши».

Матфея. VI. 3.

*«Наружный обычай и пострижение немного значит; но изменение нравов и внутреннее умерщвление страстей— вот что делает истинно верующим».

Подражание. I. 17. 286*

Целый день била меня ужасная дрожь. Поехал представляться Брискорну, Позену (канальская фигура) и гр. Чернышеву, который был очень милостив и дал мне руку.

Кавелин решил 4 дня в неделю ездить в министерство⁸⁷.

Приехал домой синий и бледный. Мама мне выговаривала за то, что я тотчас теряю бодрость и становлюсь унылым. Это недостаток характера.

Принял слабительное и лег в постель. Ничего не мог делать.

8 января. Суббота

Все утро до обеда чувствовал себя дурно; но после действия лекарства мне стало лучше. Дрожь нервическая, происходившая от завала в желудке, исчезла.

Писал свой журнал. Мама застала меня читающего Вольтера и советовала его оставить *как чтение, опасное для молодого человека*. В самом деле его мысли, особенно о Боге, ужасно свободны. Хотя много справедливых идей. Его «Sermon des Cinquante»⁸⁸ пакость адская.

⁸⁶ О подражании. С. 33.

⁸⁷ 17 декабря 1837 г. Виельгорский и Паткуль были «прикомандированы к канцелярии Военного министерства для ознакомления с порядком военного дело-производства» (Затворницкий Н. М. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 по 1902 включительно. СПб., 1909. С. 180). Министерство располагалось в бывшем доме Лобановых-Ростовских, купленном в казну,—огромном здании, выстроенном по проекту О. Монферрана в 1817—1820 гг. и занимающем целый квартал между Исаакиевской площадью и Адмиралтейским бульваром.

⁸⁸ «Проповедь пятидесяти» (1749)—антирелигиозный памфлет Вольтера.

В деснах сделалась опух[о]ль от пилюль Франчески, в коих было немало каломелю. Каково же должно быть в венерических болезнях, когда ртуть принимаешь склянками⁸⁹.

Вечером разгулялся, играл на клавикордах. Разговор с Мама и Серрежей⁹⁰ о сестрах. *Софи более привязчива, более откровенна, весела и сердечна. Аполина умнее и чувствительнее, ее характер тверже.— Но обе они изумительны— святые, ангелы.*

«Аз свет в мир придох, да всяк веруяй в мя во тме не пребудет».

Иоанна. XII. 46.

*«Бессмертие души так для нас важно, так глубоко нас задевает, что надо вовсе лишиться разума, чтобы не пытаться разузнать о нем получше. Все наши поступки, все наши мысли примут столь различный оборот в зависимости от того, есть у нас надежда на вечное блаженство или нет, что всякий шаг можно предпринять здраво и рассудительно только проверивши его с этой точки зрения,— что и должно стать главной нашей заботой».

Паскаль. Мысли⁹¹.*

9 января. Воскресение

«И слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом славу его, славу яко едиnorodного от Отца, исполнь благодати и истины».

Иоанна. I. 14.

*«Все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданным».

Ларошфуко⁹².*

Здоровье поправляется немного. Утром повторял с сестрами «Figo». Начал снова заниматься и почувствовал особенное удовольствие.

⁸⁹ Каломель—хлорид ртути, сладковатый белый порошок, употреблявшийся как слабительное и антисептическое средство для кишечника, Наряду с другими ртутными препаратами использовался для лечения венерических заболеваний и в качестве противоревматического средства; одним из его побочных действий является раздражение десен и слюнотечение.

⁹⁰ С. С. Волковым.

⁹¹ Фрагмент цитируется в переводе Ю. Гинзбург по изд.: Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 191 (далее—Паскаль).

⁹² Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 203 (перевод Э. Л. Линецкой). Далее—Ларошфуко.

Я уже так отвык работать, что ничего не могу делать. Читал Нуме историю Елисаветы⁹³ и делал большие извлечения, а также составил таблицу генеалогии Тюдоров. Паткуль был у меня—пустяшный разг(овор).

После обеда разговорился с бострусом⁹⁴ о всеведении Бога и свободе человека.

Человек свободен; без свободы он не человек, а зверь. Но Бог знает все, что он делает и будет делать; иногда заметно непосредственное влияние благодати Божией, но оно не всегда. Богу верно приписать нельзя убийства разбойника.

10 января. Понедельник

«Все назначение человека возвратить свободу, утраченную грехом, то есть свободу нравственную, господство над страстями, волю повиноваться или противустоять наклонностям. Все люди более или менее рабы. Один Христос был свободен». *Руссо сказал: «Человек рожден свободным, но повсюду он страждет в оковах»⁹⁵,—а я скажу: *«человек рождается в цепях, и его призвание состоит в том, чтобы освободиться от них, то есть быть свободным»*.

«Кто не рождается свыше, не может видети царствия Божия».

Иоанна. III. 3.

Утром читал и изучал сколько возможно состав Военного министерства) в страхе, что со мною там будет. Брискорн обошелся с нами очень ласково и дал прочесть огромную кипу бумаг по устройству форта на восточном берегу Каспийского моря. Мы читали это в комнате, где собирается Совет⁹⁶. Под конец он дал мне дело о появлении чумы в Кременчуге, из которого я должен был составить извлечение. Вечером навестил Великого Князя в Аничковском и хотя очень хотел ехать в театр⁹⁷, не поехал, что мне было приятно потом. Кончил день Гюмом.

⁹³ Иосиф штудировал фундаментальную работу Д. Юма «История Англии» (1754—1778).

⁹⁴ Вероятно, имеется в виду брат Миша.

⁹⁵ Начальная фраза трактата Ж. Ж. Руссо «Об общественном договоре» (1762). Источник первой цитаты не установлен.

⁹⁶ Зал в бельэтаже дома Военного министерства, предназначенный для заседаний Военного совета.

⁹⁷ В тот вечер в Большом театре шла «Дева Дуная» с Тальони.

11 января. Вторник

«Аще кто не родится водою и духом, не может внити в Царствие Божие».

Иоанна. III. 5.

*«Самое причудливое безрассудство бывает обычно порождением самого утонченного разума».

Ларошфуко⁹⁸.*

Вот теперешнее расположение времени, которому я предполагаю следовать:

Встаю в ½ 8

Чай—8

8—10—Журнал, переписка, домашние дела.

10—2—В понедельник, вторник, четверг и пятницу в министерстве.

в среду

10—12—Веймарн. Разбор кампаний Наполеона.

12—2—Арсеньев или Липман.

в субботу

10—12—Гесс.

12—2—Веймарн.

2—5—Прогулка пешком, визиты.

5—½ 7—Обед и отдых.

½ 7—½ 9—Чтение.

½ 9—Чай.

10 ½—12—Чтение.

10—2—В министерстве. Составлял извлечение и написал бумаги Будбергу и Виллие от имени министра. Брискорн их порядочно перечеркнул.

2—4—Гулял и повторял Concert.

4—5—*Рейнгардт*. Mendelsohn.

Видел сегодня Надин Чернышеву и мужа ее князя Долгорукова⁹⁹.

12 января. Среда

«Сия заповедую вам, да любите друг друга».

Иоанна. XV. 17.

⁹⁸ Ларошфуко. С. 200.

⁹⁹ Г. А. Долгорукова.

*«Писание есть наука не ума, а сердца. Оно понятно только для чистых сердцем».

Паскаль¹⁰⁰.*

10—12 — *Веймарн*. Читал вслух Jomini о кампании 1813 года¹⁰¹.

Веймарн рассказывал, что доктора бросились в крайности. Один лечит парами, другой водой, один жаром, другой холодом, и привел пример: жена генер(ал)-м(айора) Железнова вылечилась от горячки тем, что её вынесли в сад в самую великую стужу¹⁰². Прошу после этого лечиться. Гулял.— Хотелось очень ехать в «Деву Дуная». Мама была нездорова и легла в постель. Надобно было остаться. Мы разговорились об Императрице. *«Я не понимаю этого необычайного пристрастия Императрицы к танцам; она ведет себя на балу как молоденькая девица, хихикает и шепчется; не говорю уже о Великой Княжне Марии, которая кокетничает с нахальными мальчишками, отирающимися во дворце; все это совершенно неприлично; как правило, увидев Императора и Императрицу на балу, можно было бы сказать, что они оба себя компрометируют, и их излишне свободные манеры заставляют домысливать то, чего в действительности нет, и все это служит источником тех сплетен, которые распространяются на их счет».— Прискорбно, что такая вольность поведения едва ли вскоре кончится, потому что Великий Князь и Великие Княжны не думают, что поступают дурно, подражая матери».* Потом говорили о Государе, и Мама совершенно справедливо заметила, что пристрастие Государя к военному происходит от состояния политического России, в коей только две власти: Государь— гвардейские штыки. Гвардия как янычары и преторианцы сменяли и возводили на трон кого хотели. Вся наша история новейшая состоит в переворотах, произведенных гвардейскими солдатами: 1) возведение Екатерины I, 2) Анны Иоанновны, 3) низложение Бирона, 4) вступление Елисаветы на престол, 5) убиение Петра III, 6) восшествие Екатерины II, 7) убиение Павла Юго, 8) 14 число,

¹⁰⁰ Паскаль Блез. Мысли. М., 1994. Стр. 265 (пер. О. Хомы).

¹⁰¹ По-видимому, речь идет о курсе А. Г. Жомини «*Considérations sur la politique militaire de la Russie et ses rapports stratégiques avec les états voisins*», прочитанном в начале 1838 г. (текст см.: Сборник Имп. русского исторического общества. Т. 30. Ч. 1. СПб., 1880. С. 323—491).

¹⁰² Методы лечения по принципу «от противного» в тогдашней медицине уже рассматривались как шарлатанские.

которое без твердой воли Государя могло бы произвести ужасное зло, междоусобную войну,— и все это делалось несколькими сотнями гвардейцев. У нас нет гарантии; вся власть в ружьях. Следственно, надобно их лелеять и ласкать. Невольно вспомнишь об образовании английского правления, где все *уравновешено*; власть Короля, власть парламента и коммун, представителей народа. Англия держится борьбою этих властей, которые друг другу ничего не уступают и наблюдают за собой. В Англии Королева не смела бы задушить мужа и сесть на престол. В Англии, где господствует закон, Королева ему столь же подчинена, как и нищий. У нас все произвол. Закона и ограждения нет. Дворянство и купечество, Сенат— все нули, которые добровольно повинуются тому, что делают прапорщики и солдаты гвардейские.

Вечером приехала Marie Variatinski и Солива. Мы повторяли финал «Фигаро», шло довольно дурно.

13 генваря. Четверг

«Сия есть заповедь моя, да любите друг друга якоже возлюбих вы. Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя».

Иоанна. XV. 12.

*«Религия столь великая вещь, что становится вполне справедливым, когда ее лишают те, которые не дают себе труда искать ее, если она не ясна. На что же жалуются, когда она может быть найдена, если поискать ее?»

Паскаль¹⁰³.*

10—2½. В министерстве. Кончил свое извлечение по делу о ложном появлении чумы в Кременчуге.

Гуляя по Невскому, встретился с Долгоруким¹⁰⁴, бывшим некогда пажом. *Юноша, подающий надежды;* говорили о литературе русской. Между прочим он сказал мне, что Хомяков, молодой поэт наш, написавший «Ермака» и прелестное стихотворение на Англию Остров¹⁰⁵,— *принес

¹⁰³ Паскаль Блез. Мысли. М., 1994. Стр. 235 (пер. О. Хомя).

¹⁰⁴ Очевидно, с князем П. В. Долгоруковым.

¹⁰⁵ Драма «Ермак» (1826) была впервые поставлена на петербургской сцене в 1829 г. и с успехом шла в течение нескольких лет. Стихи «Остров» (Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 106—107) были впервые опубликованы в 1836 г. в журнале «Московский наблюдатель».

обет целомудрия*¹⁰⁶. Это меня очень обрадовало. *Есть еще люди, которые хотят оставаться чистыми.*

Читал Нуме. Ужас берет, когда читаешь процесс Марии Стюарт. До чего может довести зависть и ревность сердце человеческое. Несмотря на похвалы Гюма, Елизавета должна была иметь сердце окаменелое, скрытное и решительно злое.

После обеда разговорились с Жуковским и Вилламовым о Екатерине II. Государь узнал, что в Париже хотят опубликовать ее записки. Жуковский: «Мне Государь сказал: «Это свинья Куракин причина тому, что сии записки известны. Павел Петрович дал ему их (а может быть, с намерением, чтобы они бы разошлись, из ненависти к Екатерине)». Я предложил Государю поручить Тургеневу воспрепятствование напечатания»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ По преданию, известному в изложении В. Н. Ляковского, первого биографа философа, М. А. Хомякова взяла с сыновей клятву хранить целомудрие до женитьбы (РА. 1896. № 11. С. 360). Долгорукову этот факт стал известен, скорее всего, после того, как в 1834 г. А. С. Хомяков, сватаясь к его родственнице З. Н. Полтавцевой, сам рассказал ей об этом. Предложение Хомякова тогда было отвергнуто, и в 1836 г. он женился на Е. М. Языковой (за указание на эти обстоятельства благодарим Е. Е. Давыдову).

¹⁰⁷ В конце 1796 г. Александр Б. Куракин без ведома Павла I снял копию с написанных по-французски мемуаров Екатерины II, данных ему императором на прочтение. При жизни Куракина этот список циркулировал в его ближайшем окружении, и с него, несомненно, делались новые копии. Одна из них имела у А. И. Тургенева. По утверждению Н. Я. Эйдельмана, в 1820-х гг. «Тургенев (вообще сыгравший заметную роль в потаенной судьбе мемуаров) познакомил с текстом ряд крупных деятелей русской культуры» (Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии. Справочный том. М., 1992. С. 177), в том числе и Жуковского. Тургенев с 1825 г. жил преимущественно за границей и с 1832 г. по официальному поручению российского правительства занимался сбором исторических документов в иностранных архивах и библиотеках. Располагая массой знакомств в ученых и политических кругах Европы, он лучше кого-либо другого мог воспрепятствовать выходу мемуаров в свет, однако слух о готовящемся издании возник, видимо, в Петербурге и реальных оснований под собой не имел. О предполагаемой публикации «Записок» и недовольстве императора Тургенев узнал от П. А. Вяземского, писавшего ему 14/26 января 1838 г.: «Употреби все средства, чтобы остановить издание, если оно в самом деле на мази» (ПД. Ф. 309. № 4715. Л. 94). Немедленно по получении этих неприятных новостей Тургенев стал действовать: уведомив русского посла Ф. П. Палена о том, что принадлежавшего ему списка, взятого в Париж для работы в архиве внешнеполитического ведомства, ни-

Говорили о 14^м числе. Государь спросил Пушкина: «На чьей стороне был бы ты?» — «На их», — отвечал Пушкин. Государь принял это *за чистую монету*.

14 января. Пятница. С. Петербург

10—3. В министерстве. Читали дело о предполагаемой экспедиции в 1835 году для занятия Дарданелл в случае, если англичане захотят запереть нам вход в Черное море¹⁰⁸.

Случайным образом нашел свой шлем посреди груд железных вещей всякого рода. До сих пор еще заняты очисткою комнат¹⁰⁹. Огромные горы пепла и золы окружают дворец.

Гулял и был в Аничковском дворце, где видел Великого Князя.

Вечером у нас была музыка.

1) *Квартет Гайдна*

2) *Квартет Бетховена ми-минор*

3) *Ottetto de Mendelsohn*¹¹⁰, доставил мне большое удовольствие.

4) Гросс — игр(ал) на виолончели.

кто не видел и копии с него снять не мог, он доставил в посольство сам список; отправил письма к А. Н. Голицыну и Вяземскому с опровержением слухов о публикации мемуаров. После продолжительной переписки между Паленом и А. Х. Бенкендорфом дело кончилось тем, что тургеневский экземпляр был отослан из Парижа в Петербург (благодарим В. А. Мильчину, любезно ознакомившую нас с подробностями этой истории). Первое издание «Записок» Екатерины II вышло лишь в 1858 г. в Лондоне.

¹⁰⁸ Стечение благоприятных внешнеполитических обстоятельств позволило России в 1833 г. заключить с Турцией Ункяр-Искелесийский договор, по которому она получала исключительное право проводить свои военные суда через проливы. Это положение было аннулировано только в 1840 г. на Лондонской конференции; предшествующие же годы были отмечены упорной борьбой западноевропейских держав (главным образом Великобритании) за отмену договора.

¹⁰⁹ Разбор развалин Зимнего дворца начался, когда здание еще догорало. Мусор из остывших частей громадного пепелища вывозился на Монетный двор для выжигания из него драгоценных металлов. Спасенные при пожаре вещи, принадлежавшие многочисленным обитателям дворца и временно оставшиеся неопознанными, складировались в помещении дворцового экзерциргауза. Доступ туда был открыт только бывшим жителям Зимнего, искавшим остатки своего имущества.

¹¹⁰ Октет для четырех скрипок, двух альтов и двух виолончелей (ор. 20; 1825).

Во время ужина пели *tapellieder*¹¹¹, а я с Рахмановой *(которая красит губы)* и с Lise W(olkow) слушали это в маленьком кабинете.

«Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас».

Лука. VI. 27.

«Хороший вкус говорит не столько об уме, сколько о ясности суждений».

Ларошфуко¹¹².

15 января. Суббота

10—12. Гесс. Говорили о путешествии, о трудности избирать что смотреть и о малом времени, назначенном для осмотра. Я сказал себе: надобно себе составить какую-нибудь цель и преследовать её во время всего путешествия; без этого многообразие и количество предметов совершенно вас спутают; и потому я думаю целию себе поставить *историю и управление* и в особенности стараться отыскивать документы, относящиеся до русской истории, и если возможно приобрести их; осматривать архивы и отыскивать там рукописи и документы; входить в подробное рассмотрение управления военного и гражданского. Последнее особенно может принести большую пользу. Говорили о вновь открытом способе Якоби¹¹³ приспособления электромагнетизма яко движителя и источника силы.

12—2. Веймарн. Кампания 1813 года.

После урока Великий Князь читал статью из журнала «La France» о Персии и об отношениях ее к России¹¹⁴. Веймарн: «Французы и особенно англичане боятся, что мы бы не покорили Индию, но они забывают, что для этого надобно или иметь в руках всю Персию, или проходить степью несколько тысяч верст».—Великий Князь отвечал, что Павел Петрович имел намерение сделать экспедицию в Индию с одними донскими казаками под начальством Орлова-Денисова. Если б

¹¹¹ Скорее всего, застольные песни— от нем. *Tafellieder*.

¹¹² Ларошфуко. С. 170.

¹¹³ Первая демонстрация изобретенного Б. С. Якоби в 1834 г. электродвигателя состоялась 2 декабря 1837 г., еще до возвращения наследника из путешествия по России.

¹¹⁴ Речь идет о двух передовых статьях в газете «La France» (от 9 и 11 января 1838 г.) под общим названием «De la position de la Perse».

Великий Князь не показал собственноручные письма Павла к Орлову, то нельзя бы поверить такой глупости. Надобно быть сумасшедшим, чтоб послать несколько донских казаков для покорения Индии. Всего лучше то, что Павел обещает Орлову все богатства сего края¹¹⁵.— Я едва не лопнул, увидев полусмеющиеся лица Кавелина и Веймарна. Когда Великий Князь ушел, Кавелин сказал: «Я себе воображаю речь Орлова к казакам: Ну, ребята, сколько мы там золота найдем, хороших индеек». Тут я лопнул.

Фукс казанский посетил меня сегодня; я был очень рад снова его видеть, но он мне показался очень странным своею смиренностью или почтением, если не низостью передо мною. «Я лил три слезинки, когда приехал, одну в первом доме, где я остановился, прибыв [в] Россию, вторую у Александринской колонны, третью у Зимнего дворца»¹¹⁶.

Ходил смотреть шкапы во Владимирской для библиотеки Папа. Наперед радуюсь книги его, подверженные пыли и прихоти каждого, спасти в хороших шкапах от разрушения и расстройства.

Посетил бедного Ленца, который очень болен. Говорили про Лондон и последний пожар Биржи¹¹⁷.

В 8 часов отправился в Большой театр и восхищался неподражаемой Taglioni¹¹⁸. Ее нога верх совершенства. *Вся ее нога красоты восхитительной, изящества и легкости необыкновенной.*

¹¹⁵ Рескрипты Павла I атаману Войска Донского В. П. Орлову-Денисову от января-февраля 1801 г. в то время еще не были опубликованы. В одном из них, в частности, говорится: «От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. (...) все богатство Индии будет нам за сию экспедицию наградою» (Сын Отечества. 1849. № 10. Отд. I. С. 2).

¹¹⁶ К. Ф. Фукс, уроженец Нассау, прибыл в Россию в 1800 г.—первоначально в Петербург, где занимался медицинской практикой, в 1805 перебрался в Казань. Иосиф называет его «казанским» в отличие от петербургского—известного преподавателя теории музыки И. И. Фукса.

¹¹⁷ Огромное здание лондонской Биржи сгорело в ночь на 11 января 1838 г. Четыре дня спустя аналогичное бедствие постигло Итальянскую оперу в Париже. Тогдашние разговоры об этих событиях не могли не касаться пожара Зимнего дворца и нередко сводились к сопоставлению трех национальных характеров: легкомысленные французы лишились театра, практичные англичане—биржи, а русские, известные приверженностью престолу,—старинного жилища царей.

¹¹⁸ В «Деве Дуная».

«Благословите клянущая вы и молитесь за творящих вам обиду».

Лука. VI. 28.

*«Возлагать всю надежду на исполнение обрядов—суев依рие, но отказываться их исполнять—гордыня».

Паскаль¹¹⁹.*

16 января. Воскресение

«Обаче любите враги ваша, и благотворите, и взаим дайте, ничесо же чающе: и будет мзда ваша многа, и будете сынове Вышняго: яко той благ есть и на неблагодарныя и злыя. Будите убо милосерди, яко же и Отец ваш милосерд есть».

Лука. VI. 35.

*К счастью для человека, правила Евангельские и вообще христианские облечены в тайну, они не ясны, не осязательны; ведь люди были бы куда виновнее, если бы закон был понятен как день; но если его можно толковать по-разному, у людей есть оправдание; это еще одна Божественная милость—облегчить человеку путь следования Евангелию: на разные лады, сообразно качествам, уму и нравственным принципам каждого.

Это возвышенная мысль принадлежит моему отцу.*

Обедня была очень поздно, потому что Государь не был совсем здоров. Ночью его встревожили дымом, который показался в библиотеке Эрмитажа. Государь ужасно рассердился на Щербинина, который тут ни телом, ни душою не виноват, и послал его под арест, сказав: «Ты мне сжег дворец и сожжешь мне Эрмитаж»¹²⁰; *странно слышать такие

¹¹⁹ Паскаль. С. 174.

¹²⁰ Согласно сведениям камер-фурьерского журнала (№ 139. Л. 60—61), вечером 15 января, находясь в Михайловском театре, Николай получил сообщение о том, что в Эрмитаже замечен дым. Повторялась ситуация 17 декабря прошлого года. Император кинулся в Эрмитаж и вернулся в театр, лишь убедившись, что опасности нет. Однако по возвращении в Аничков дворец его снова обеспокоили сообщением о запахе дыма. На этот раз он ограничился устными распоряжениями, но отойти ко сну ему удалось только во втором часу ночи. Неудивительно, что на следующее утро Николай чувствовал себя нездоровым и был раздражен. Гнев его пал на А. А. Щербинина: тот как вице-президент гофинтендантской конторы по должности отвечал за пожарную безопасность Зимнего дворца. Хотя расследование причин пожара 17 декабря не обнаружило доказательств его вины, Щербинин вскоре был уволен в отставку. Ср. запись в дневнике П. Г. Дивова от 15 янва-

слова из уст самодержца, в особенности если тот, к кому они обращены, ни в чем не виноват.^{121*}

Императрица с Великими Княжнами была у обедни. *Я весьма охладел к ней и к Великим Княжнам. С их стороны то же самое.*—

Воротившись домой, разговаривал с сестрами о пьесе, которую надобно выбрать. Нанина отказалась петь финал «Фигаро». Мне было очень досадно. Малейшая неприятность меня мутит и совершенно расстраивает. Тому причиною ужасное мое самолюбие и щекотливость, которые не терпят ни малейшего несогласия и противоречия.

Ходил пешком в 20° мороза¹²² к графу Шувалову, который очень болен; видел графиню и детей¹²³; Paul все меня называет *mon enfant, mon militaire*¹²⁴.

Вечером был на балу в Аничковском с отцом, Дядею, Мама и Линою. Мало конфузился и краснел. Танцевал с Бярятинской, А. Фридрикс, Бартеневой 2ой¹²⁵, Гауке, Marie Толстой, которая походит немного на Tagliioni. Ни вальса, ни мазурки не танцевал, а разговаривал с Григорием Волхонским о средствах предохранить свои вещи от пожара. Он советовал мне книги и вообще все вещи держать в ящиках, имеющих вид шкапов, которые ставить один на другой вдоль стены; ко всем один ключ. В случае пожара эти ящики выносятся одним или двумя человеками без утраты и порчи книг.

Видел жену Волхонского Marie Benkendorf, которая очень похожа на княгиню Ливен¹²⁶, *к которой я всегда питал слабость; мне нравят-

ря: «Его величество так боится пожара, что, говорят, услыжав малейший запах дыма, встает с постели, чтобы удостовериться в чем дело» (РС. 1902. № 6. С. 633).

¹²¹ Эта сцена была, видимо, типична для тогдашнего психологического состояния царя. По воспоминаниям М. П. Фредерикс, на рождественской елке в Аничковом дворце «государь был ужасно нервный после пожара и все приказывал тушить свечи; ему очень был неприятен вид огня» (Фредерикс. С. 69).

¹²² По данным метеорологических наблюдений, во второй половине дня было около -20° по шкале Реомюра (-25° С).

¹²³ Речь идет о семействе А. П. Шувалова: его жене Текле Игнатьевне, известной красавице (современница называет ее «польской волшебницей»—Смирнова. С. 200) и детях Петре, Павле и Софье.

¹²⁴ дитя мое, мой военный (фр.).

¹²⁵ Видимо, с младшей из сестер Бартеневых—Марией.

¹²⁶ Д. Х. Ливен приходилась М. А. Волконской родной теткой по отцу.

ся эти удлиненные лица с выразительными глазами, как у княгини Ливен и Тальони.*

Императрица была столь добра, что грациозно приветствовала меня, когда я не танцевал. Государь и Мария Николаевна не удостоили меня таким отличием.

17 января. Понедельник

«Аще бо отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам отец ваш небесный».

Матфея. VI. 14.

*«Христианская религия не является единственной, но это не повод не считать ее истинной. Напротив, именно это и доказывает ее истинность».

Паскаль¹²⁷.*

10—½ 4. В министерстве. Мало было дела, мы сидели в Совете и припоминали мотивы из «Девы Дуная».

Заходил к Эггерсу¹²⁸, с которым познакомился и с коим имел интересный разговор о книжной продаже. Он будет издавать каталоги всех книг, печатающихся в России, и хочет ввести улучшения в продаже книг: 1^е. Назначение равной цены книгам; 2^е. Устройство книжных лавок в городах России; 3^е. Издание ученого журнала, которого у нас вовсе еще нет. Он говорил про совершенство книжной продажи в Германии. Вечером был в Большом театре¹²⁹. Все время провел чрезвычайно весело. Никса¹³⁰ смешил круглый вечер. (Андрюшкина¹³¹. Та-та — тата. Позвольте и нить.—Гольц (Holz)¹³² древо познания добра и

¹²⁷ Паскаль Блез. Мысли. М., 1994. Стр. 264 (пер. О. Хомы).

¹²⁸ Владелец книжного магазина фирмы Eggers & Comp., известного широким выбором иностранных (преимущественно немецких) книг. В 1838 г. Эггерс начал осуществлять собственную книгоиздательскую программу—переводы немецкой учебной литературы.

¹²⁹ Шла «Дева Дуная».

¹³⁰ Н. В. Адлерберг.

¹³¹ Возможно, Иосиф неточно запомнил фамилию молодой балерины Е. И. Анdreяновой. В 1837 г. она закончила петербургское Театральное училище и 17 сентября дебютировала под покровительством Тальони в балете «Влюбленная баядерка»; выступала вместе с ней и в «Деве Дуная».

¹³² Н. О. Гольц—ведущий романтический танцовщик петербургского Большого театра, любимый ученик Ш. Дидло. Сценическая деятельность Гольца продол-

зла.— Лашук¹³³, *ягодицы*.— Эбергард. Калоши в буфете.)— *М. Тальони была восхитительна; я опьянел от счастья. Она более нежели хороша в этом балете, самом прекрасном и занимательном, какой я когда-либо видел.* Мы аплодировали и кричали bravo более всех. Её вызвали восемь раз. Восхищенный воротился домой.

18 января. Вторник

«Слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши. Аз же глаголю вам; яко всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем».

Матфея. V. 27.

*«Природа человеческой мысли восхитительна. Ей нужны были бы странные недостатки, чтобы быть презираемой. Но есть у нее такие недостатки, смешнее которых не найти. Как велика она по своей природе! Как низменна по искажениям!»

Паскаль¹³⁴.*

10—4. В министерстве.

4—5. Повторял концерт Мендельсона. Бартенева¹³⁵ у нас обедала и рассказывала про пожар. Солдаты, желая спасти образ из спальни Императрицы, поднялись на плечах до потолка и сняли образ. Государь

жалась 72 года: за это время он был партнером многих знаменитых балерин (в том числе Тальони, А. И. Истоминой, Е. И. Колосовой, Ф. Эльслер, Е. И. Андреевой, К. Гризи). В балете «Дева Дуная» исполнял партию Рудольфа, в «Восстании в Серале» — Измаила.

¹³³ Танцовщик Ш. Лашук, далеко не грациозный и толстый, вызывавший иронию рецензентов и публики, нашел себя в качестве педагога: в 1836 г. маленькие воспитанники петербургского Театрального училища под его руководством давали серьезные балеты.

¹³⁴ Паскаль. С. 210.

¹³⁵ По всей видимости, певица-любительница П. А. Бартенева, хорошая знакомая Виельгорских. Михаил Юрьевич высоко ценил ее вокальный талант (ср.: «Говорят, на этой неделе будет дочь Бартеневой перемещена на жительство во дворец. Третьего дня мать с нею представлялась, дочь там же пела, вечером опять и, говорят, восхитила своим прелестным голосом. Пан Михаил Велеурский говорит, что никогда подобного голоса не слышал». — РА. 1904. Кн. IV. С. 562; письмо К. Я. Булгакова к брату от 26 февраля 1835 г.). 12 апреля 1853 г. Мих. Ю. Виельгорский преподнес ей издание своих романсов с теплой дарственной надписью («Recueil de douze romances» — РО РНБ. Арх П. А. Бартеневой. № 6).

подарил его роте. Другой солдат, не успевший выйти из залы, в коей провалился пол, вскочил на окно и, когда огонь туда дошел, то он спустился на капитель и повис на руках, прося помощи. Внизу его не видали. Ему закричали: что такой, он вообразил, что ему кричат: кто такой; вися на руках, он отвечал: зей роты гренадер Илья Кузмин. Ему подставили лестницу и спасли.

«Осенью говорили, что Волхонского сделают фельдмаршалом¹³⁶. *Теперь его можно сделать и маршалом¹³⁷. Он видел огонь вблизи».* —

Во Французском театре провел вечер. *«Записки отца»*. Глупая, свинская пьеса.

«*Les indépendants*»¹³⁸. Много правды и экзажераций.— Довольно скучна.

«*La savonette impériale*»¹³⁹. Первый акт очень хорош; второй глуп и неблагопристойен. Madame Allan (бенефицианка) играла превосходно.

Но я все внимание обращал на Marie Taglioni, которая вместе с отцом и Демаром¹⁴⁰ сидела прямо против меня. *Кажется, я все-таки в нее влюблен.* Не мог спустить глаз с неё и пошел на лестницу, чтоб увидеть сблизы, но не удалось.

19 января. Среда

«Просите, и дастся вам: ищите и обрящете: толцуйте и отверзется вам».

Матфея. VII. 7.

*«Не бойтесь, не стыдитесь, бегите только от жизни, которая должна больше огорчать вас, чем любая потеря».

Подражание¹⁴¹.*

¹³⁶ Звание фельдмаршала П. М. Волконский получил лишь в 1850 г.

¹³⁷ Каламбур: французское слово «maréchal» обозначает как маршала, так и кузнеца (maréchal-ferrant), т. е. человека, имеющего дело с огнем.

¹³⁸ «Независимые» — трехактная комедия модного французского драматурга Э. Скриба (преьера прошла в Париже 20 ноября 1837 г.).

¹³⁹ Водевиль О. Анисе и Дюмануара (1836) с музыкой Л. Маурера. Выражение «la savonette impériale» («императорская мыльница») было в ходу при характеристике действий Наполеона, устраивавшего браки своих сподвижников с дочерьми аристократов: в пьесе Л. Аллан исполняла роль Анаис де Крюзак, выходящей замуж за наполеоновского полковника Ферье — доблестного воина, но человека незнатного происхождения.

¹⁴⁰ Э. Демар на правах гражданского супруга Тальони сопровождал ее в гастрольных поездках.

¹⁴¹ В тексте Фомы Кемпийского данного фрагмента обнаружить не удалось.

10—12. *Липман*. Говорил много интересного о Швеции.

12—2. *Веймарн*. Кампания 1813 года.

Заходил к генералу отставному Демьянову¹⁴², у которого, говорили мне, много замечательных вещей. Кроме глупостей, свинских картин, старых книг не нашел у него ничего. Одно, что меня прельщало, это «Уложение» Алексея Михайловича первого издания и регламент военный¹⁴³. Он просит за всю коллекцию глупостей своих 20000—я бы не дал 20 р. Очень удивило меня то, что он знает, что у меня все сгорело, и между прочим журнал мой. Это меня немного испугало; я боялся, не спасли [ли] мой журнал и не достался ли он кому-нибудь в руки. Я отчасти рад, что у меня все сгорело. Плоха была бы шутка, если б кому-нибудь попался мой журнал.

Заходил [к] Эггерсу и дал ему список книг, которые я желаю выписать из-за границы.

Вечером был в театре в «Деве Дуная», которая по-обыкновенному сделала мне большое удовольствие. Видел Сережу Трубецкого¹⁴⁴. Первое его слово было: «Ты знаешь, что граф Лихтенштейн давал Талиони 60,000, чтоб она бы танцевала перед ним голая». Я взбесился.

20 января. Четверток

«Не всяк глаголай ми, Господи, Господи, внидет в царствие небесное; но творяй волю Отца моего, иже есть на небесех».

Матфея. VII. 21.

*«Именно в том должно бы состоять все помышление наше, чтобы сражаться с собой, всякий день прилагая больше к тому усилий, и подвигаться далее и далее в добродетели».

Подражание¹⁴⁵.*

¹⁴² Н. И. Демьянов, хозяин кабинета редкостей (размещался в его доме на Фонтанке, 24), в это время служил в Пятом департаменте Сената.

¹⁴³ Иосиф имеет в виду книжные редкости: «Уложение государя царя Алексея Михайловича» (М., in fol., 1649) и «Артикул военный» (видимо, одно из двух изданий 1715 г.).

¹⁴⁴ Ср.: Трубецкой «был из тех остроумных, веселых и добрых малых, которые весь свой век остаются Мишей, или Сашей, или Колей. Он и остался *Сержей* до конца» (Блудова. Стлб. 1235).

¹⁴⁵ В тексте Фомы Кемпийского данного фрагмента обнаружить не удалось.

10—4. В министерстве. Нечего было делать, и я очень скучал. Наконец дали писать бумагу. Когда я приношу Брискорну бумагу, мною составленную, он скажет: *c'est très bien*¹⁴⁶ и все замазает, и продиктовавши, пошлет переписать, сказав: очень хорошо, *c'est très bien*.

К⟨нязь⟩ Долгорукий с женой (Nadine Cz.) обедали у нас; он очень восхвалял Александра Барятинского. *Я немного завидовал этому; я очень завистлив.*

Читал Hume и Culloch: «Statistical account of British Empire», который достал у Диксона¹⁴⁷.

В 8 ½ часов за чаем сказал Мама, что я дал поручение Эггерсу написать мне книги из-за границы. Она отвечала, что я дурно сделал, что Эггерс меня обманет, что у нас средств нет покупать столько книг, что у нас места нет поместить их, что я могу пользоваться библиотеками публичными, и что нет никакой надобности иметь их у себя, что все эти увражи ложь и выдумка, и что в них нет ничего хорошего, что если я хочу писать историю, мне надобно иметь бумаги из архивов. Я рассердился; самолюбие было сильно уколото. Я отвечал с желчью на возражения Мама; разговор становился более и более колок и горяч. Я вспыхнул, хотел все бросить, и книги, и занятия, и при прощании с Мама сказал ей: *«Вы меня совершенно этим убили».* Тогда она мне долго говорила о слабости моего характера. *«Ты позволяешь себе немедленно падать духом из-за любой мелочи; как же ты выдержишь куда более серьезные испытания. В тебе столько самолюбия, что тебе нельзя ничего сказать».— У меня именно такой характер: крайняя раздражительность уживается во мне с необычайной робостью и самолюбием; вот три основных недостатка, с которыми я должен бороться.* Потом я ей намекнул, что я не всегда себя хорошо вел, и объяснял ей, как мне неприятно, больно, стыдно краснеть; я один только краснею без всякой причины, а потому я не могу веселиться в обществе, ибо я только думаю о том, чтобы не краснеть; но это постоянно и при всяком случае; Мама мне на это отвечала, *что этому следует придавать куда меньше значения и первому над этим смеяться; краснеть— одна

¹⁴⁶ очень хорошо (фр.).

¹⁴⁷ Имеется в виду труд английского экономиста Дж. Мак-Каллока «A statistical account of the British empire...» (London, 1837; 2 vols), впоследствии выдержавший четыре переиздания. Л. Диксон—владелец магазина иностранных книг (Большая Морская ул., 29).

из привилегий юности. Самые пустяки тебя задевают и сердят. Необходимо быть тверже, спокойнее, иначе вся твоя жизнь будет одно мучение.* Я почувствовал справедливость этих слов, как-то успокоился и почти с веселым духом пришел к себе в комнату. Мысль о моей нерешительности и слабости меня пугает; я ни к чему не буду годиться. На пожаре я совершенно потерял голову. Что ж со мной будет на войне? Твердость и решительность—два важнейших качества для человека, особенно для военного.

Молясь Богу, просил Его дать мне твердость, постоянство, чистоту сердца и избавить от дурных мыслей.

21 января. Пятница

«Не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля тлят, и идеже татие подкопывают и крадут: скрывайте же себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают и не крадут».

Матфея. V. 19.

*«Кто твердо стоит в мире, тот никого не подозревает. А кто живет недоволен и в волнении, тот смущается всяческими подозрениями, и сам беспокоен, и других не оставляет в покое».

Подражание¹⁴⁸.*

10—4. Коптел в министерстве.

Вечером в ½ 7ого отправился на бал к княгине Кочубей¹⁴⁹, но с намерением ехать в театр. После вальса отправился смотреть «Деву Дуная»; приехал ко 2^{ому} действию.—Озеров¹⁵⁰ пришел ко мне в ложу и просидел почти все время.

¹⁴⁸ О подражании. С. 77.

¹⁴⁹ Княгиня М. В. Кочубей, вдова председателя Комитета министров В. П. Кочубея, давала блестящие великосветские балы, привлекавшие цвет петербургского высшего общества и охотно посещавшиеся членами императорской фамилии. Для Иосифа появление на этом балу было практически неизбежной протокольной обязанностью.

¹⁵⁰ Трудно сказать, о каком именно Озерове идет речь: о Сергее Петровиче, штабс-капитане Литовского полка и адъютанте великого князя Михаила Павловича, Иване Андреевиче (подпоручике Гренадерского полка), или же об Александре Петровиче, который был только что пожалован в камер-юнкеры и именно в этот день представлялся императору.

22 января. Суббота

«Не пецытеса душею вашею, что ясте, или что пиете: ни телом вашим, во что облечетеса. Не душа ли больши есть пищи, и тело одежди; воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их; не вы ли паче лучше их есте...»

Матфея. V. 25.

*«Когда хочешь, чтобы твои тяготы носили, носи чужие».

Подражание¹⁵¹.*

Утром писал журнал, который с Нового года не могу догнать; все 7^ю днями позже пишу.

10—12. *Веймарн*. Лейпцигское сражение. Смеялись над Шварценбергом, который как сапожник действовал в 1813 году¹⁵².

12—2. *Гесс*. Швеция в отношении положения, климата, пространства, наружности, то есть природы.

Заходил к Фуксу, Эггерсу, Диксону. Обедали у нас Долгорукие. После обеда заспорил с сестрами о том, что матерьяльнее, музыка или поэзия; по моему мнению, первая, ибо она не выражает никакой мысли и даже не говорит сердцу, а какому-то особенному чувству приятна.

Вечером читал Гюма.

23 января. Воскресение

«Не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам».

Матфея. VI. 1.

*«Нет истинной свободы, ни доброй радости, разве в страхе Божием с доброй совестью».

Подражание¹⁵³.*

Утром писал журнал.

За обеднею имел хорошие мысли, что чрезвычайно редко: мысль о нравственности христианской, о ее превосходстве чрезвычайном над нравственностью языческою; мысль о доступности христианства только к тем, у кого есть вера и сердце, а не к уму. Составлял в уме книгу

¹⁵¹ О подражании. С. 77.

¹⁵² Имеется в виду битва при Лейпциге 16—19 октября 1813 г., в которой союзными австро-русскими войсками командовал князь Шварценберг.

¹⁵³ О подражании. С. 47.

обязанностей, в которой изложить главные догматы христианства и мысли о поведении и обязанностях. Не мог удержать слез во время Херувимской песни и чувствовал какую-то высокую возвышенную радость, чувство духовное.

За завтраком Великого Князя Ушаков принес отчет расходов по конюшенной части.—Играл все утро «Цампу»¹⁵⁴, качучу и думал о Taglioni, желая её скорее видеть. Заходил к Юрьевичу, который лежит и очень страдает зубной болью и простудой в голове. Мы вспоминали с ним былое время, наше пребывание в Павловском в 1828, когда он с нами возился как ребенок. Добрый человек, я его очень люблю.

Вечер провел на балу у графини Разумовской. Танцевал с Marie Трубецкою, Рибопьер, Marie Ланскою, Опочининой и Новосильцевой. Во время мазурки сидел с Россетом¹⁵⁵. Он мне сказал, что я должен быть слабого характера и что из меня никогда ничего путного не будет. Он сам очень честолюбив и любит начальствовать. Я с ним довольно согласен насчет моего характера; военным человеком я быть не могу. Я думаю, что могу быть хорошим администратором, и потому все свои занятия направить на эту часть. Мне как бы сама открылась цель моей жизни: *быть хорошим, образованным, полезным администратором*. Для сего заниматься вообще историею, управлением, политической экономиею, статистикою всех государств и в особенности России. Все прочее оставить. Потому что при теперешних знаниях всем заниматься нельзя.

Между прочим мы заговорили о правительстве и Государях наших в том отношении, что они делают что хотят. «Зато когда они нехороши,—сказал Россет,—мы тоже делаем что хотим; отправляем на тот свет». Слова ужасные, но выражающие дух нашего дворянства высшего. Наша новейшая история служит тому доказательством. Из этого можно вывести то заключение, *чем безограниченнее власть правителя, тем более подвержен он произволу своих подданных*. В Турции (и даже в России) режут и душат султанов как мух; и вся Турция повинуется удару визиря или евнуха; зато и султан такую же монетою платит визирям и евнухам. Но там, где власть монархическая ограничена, то есть там, где кроме нее есть две или три других властей, и особенно

¹⁵⁴ «Цампа, или Мраморная невеста» (1831)—популярная опера Ф. Герольда.

¹⁵⁵ И. Россет, по свидетельству его сестры, был коротким приятелем Виельгорского (Смирнова. С. 198).

там, где есть закон (что только может быть в конституционном правлении), лицо Государя свято и неприкосновенно, как всякий подданный, ибо все защищены законом; и никогда народ не позволит малейшего оскорбления правителю.

24 января. Понедельник

10—4. В министерстве было очень скучно. Мне досадно столько времени терять и не иметь возможности заняться приготовлением к путешествию.

Заходил к графу Шувалову, которому лучше. Разговорился с Клотом о маленьком Paul. У этого ребенка необыкновенные способности и ум, но надобно его строго держать, а то будет неукротимая повеса.

БЕНЕФИС TAGLIONI¹⁵⁶

Началось со 2ого и 3его действия «Цампы». Брейтинг пел хорошо. Никса передразнивал его и вместе с ним взял фальцетом верхний А¹⁵⁷, но так громко, что многие обернулись к нашей ложе. Я взбесился, рассердился на Никсу и уж готов был *прийти в дурное расположение духа*, как вдруг явилась Taglioni; *в испанском костюме; ее ноги блистали белизной, которая резко контрастировала с темным платьем, восхитительно обрисовывавшим ее стан. Качуча, испанский танец, который она первая стала исполнять на театральной сцене, удалив из него все нескромное и придав ему благородство, невинность, величественность, произвел на меня больше впечатления, чем все, что она танцевала до сих пор¹⁵⁸. Ее позы, грациозные и исполненные живости, дви-

¹⁵⁶ В программе бенефиса были два действия из оперы «Цампа» (в хореографическом дивертисменте во 2-м действии Тальони исполняла свою знаменитую качучу) и премьеры балета в трех картинах «Миранда, или Кораблекрушение», поставленного Ф. Тальони в 1838 г. на музыку Дж. Россини и Ф. Обера.

¹⁵⁷ Верхнее ля, т. е. ля первой октавы—одна из предельных нот тенорового диапазона.

¹⁵⁸ Качуча—испанский характерный танец. Впервые на балетную сцену он был перенесен Фанни Эльслер, сохранившей присущий ему темперамент. Тальони, напротив, «спиритуализировала» качучу; рецензент «Северной Пчелы» П. М. (вероятно, П. П. Мундт) писал о ее танце: «Это не пламенная, вулканическая испанка, но сама грация, которая для шутки оделась в платье андалузской красавицы и при звуке кастаньет танцует ее живописную пляску» (1838. № 34. С. 1).

жения ног, упругие и нежные одновременно, прыжки, во время которых ее платье, развеваясь, открывало взору прекраснейшую ногу, обутую с таким сладострастием¹⁵⁹, движения ее тела, столь мягкие и исполненные величия, ее костюм, простая музыка—все было чудесно. Сверкание сцены, крики «браво» и «фора», доносившиеся из партера,—все это так меня тронуло, что я дрожал всем телом, на глаза мне навернулись слезы. Я словно сошел с ума, забыл, где я—это было не испытанное никогда упоение, чувство, которое трудно описать и которое редко нас посещает. Гром аплодисментов и несмолкавшие крики «фора» заставили ее протанцевать качучу еще раз. Тот же восторг, то же упоение, то же счастье. После того, как танец закончился, я остался в том же забытии, ничего более не видел и не слышал, и только к концу оперы немного пришел в себя. Восторг от качучи помешал мне смотреть балет «Миранда», в котором она танцевала превосходно, но не произвела на меня такого же впечатления. Мама и сестры были очарованы балетом, и я был этому рад; вернулся домой в восхищении.*

Молодой Дупельт пришел сказать мне, что он плакал во время качучи.

25 января. Вторник

Целый день думал о Taglioni, cachucha, pas de shawl¹⁶⁰, вспоминал вчерашнее наслаждение и узнав, что она более не будет танцевать качучу, написал Демару письмо следующего содержания: *«Восхищенный, до глубины души взволнованный чудесной качучей, я обращаюсь к вам, сударь (ибо вы имеете счастье принадлежать к окружению мадемуазель Тальони), с просьбой: умолите ее, чтобы она и впредь исполняла этот прекрасный танец, которому она сообщает столько грации, столько очарования, перед которым невозможно устоять; этот та-

¹⁵⁹ Тальони была не первой балериной, вставшей на пуанты, однако именно ей удалось раскрыть всю художественную выразительность этого приема. Особой воздушной плавности движений она достигала благодаря тому, что танцевала в обычной мягкой обуви (современная ортопедическая балетная обувь была создана позднее).

¹⁶⁰ В па де шаль из третьей картины балета «Миранда», по словам театрального обозревателя «Северной Пчелы», были «шутя побеждены непостижимые трудности; глаз не успевает следовать за быстрыми движениями ее [Тальони] крылатых ножек» (1838. № 34. С. 1).

нец так много говорит вашему сердцу, трогает вас до слез, увлекает, производит впечатление, которое можно сравнить лишь с самой прекрасной музыкой, и никакие слова не в состоянии его описать. Надеюсь, что пленительная, неподражаемая Терпсихора не лишит своих многочисленных поклонников (я один из самых горячих и наиболее увлеченных) этого удовольствия, которое стоит ей немногих усилий, а для них является неисчерпаемым источником счастья и упоения». * Я хотел письмо послать; но Саша отсоветовал.

Гуляя по Невскому, увидел портрет Taglioni *в «Баядерке»*. Бросился в магазин и купил, это был последний экземпляр¹⁶¹. Вечер провел дома. Читал Ните. Ленц предназначтал мне план посещения Лондона *(перед университетом — полчаса)*. Познакомился с Михаилом Волковым, который много смешных анекдотов рассказывал, шутил, буфонил и потому мне не очень понравился. Вечер кончился разговором и воспоминаниями о Taglioni.

26 января. Среда

10—12. *Веймарн*. Кампания 1813 года.

12—2. *Липман*. Историческое обозрение Дании. Равнодушие Великого Князя меня изумляет; никакого внимания, никакого интереса; он столько же думает о путешествии, о трудности и важности его, сколько об китайском языке. Вообще он заниматься не может; а все кое-как, поскорей; и ни об чем не рассуждает.

Кажется, мы все едем, но мне стыдно будет показываться с Юрьевичем и Назимовым. Непременно хочу порядочно заняться Англией в историческом, политическом и административном отношениях.

Сходя с лестницы, встретил Михаила Павловича, который спросил меня о здравии, и потом Государя, который сделал мне тот же вопрос, прибавив то замечание, не от удара ли камнем во время опытов Шильдера в Красном Селе¹⁶² произошла боль? *Такое внимание со

¹⁶¹ Имеется в виду изображение балерины в роли баядерки Золое в опере-балете Ф. Обера «Бог и баядерка». Портрет или статуэтка Тальони в это время стали модным атрибутом жилища молодого человека, этим объясняется большой спрос на них в магазинах.

¹⁶² Император говорит о памятном ему опыте по разрушению понтонного моста с помощью скрытно подведенных фугасов с гальваническим воспламенением (состоялся 12 июня 1837 г. на Фабрикантской речке в Красном Селе под Пе-

стороны Государя было мне очень приятно; казалось, он больше меня не замечает.*

Ездил в Таврический отыскивать клавикорды Великого Князя. Но их не нашел. Вся мебель и вещи Зимнего дворца расставлены по комнатам в большом порядке¹⁶³. Видел приготовленное для Исакиевской церкви Царское место в виде храма на малахитовых колоннах; все оно стоит 3,000,000 руб.

Ходил в галерею физионотипа¹⁶⁴, где подписался на сооружение мраморного бюста Taglioni, который будет поставлен в Большом театре. Видел там вновь отливаемую статушку Taglioni в cachucha.

Вечером поехал на бал к Левашеву¹⁶⁵. Когда начали первую французскую, я уехал домой, взял лорнет и поехал в Большой театр. «Миранда» только что началась. Taglioni была обворожительна; часто смотрел на нее из лорнета, но не хорошо видел. Газовую палатку не успели или не умели привязать. Она хладнокровно подошла сама, все привязала и вошла под газ. *Несравненный *pas de l'arc* в первой картине, сцена с газовой палаткой, *pas de fleur* во второй, *pas de shawl* в третьей изумительны и великолепны. Просто невероятно, что она делает с газовым шарфом в этом последнем па.* Её не довольно аплодировали. Еще видел Мама и сестер в постели. Брейтинг уморительно играл в бильярд у Папа. Познакомился с молодым Щербининым¹⁶⁶.

тербургом). Руководил опытом генерал-адъютант К. А. Шильдер, пионер использования электричества в русской военной технике. Демонстрация закончилась неудачно: вместо последовательного подрыва трех зарядов произошел один мощный взрыв, и град обломков обрушился прямо на то место, где находился наблюдавший за опытом император со свитой. Погиб солдат, один из офицеров был ранен. Однако предполагая, что Иосиф также мог тогда пострадать, Николай I ошибается — тот уже более месяца отсутствовал в Петербурге, сопровождая наследника в путешествии по России.

¹⁶³ В расстановке в комнатах Таврического дворца мебели и бронзы, спасенных из Зимнего, сохранялся прежний порядок.

¹⁶⁴ Физионотип — аппарат для изготовления точных слепков человеческих лиц на основе отпечатка на тонкой металлической сетке. Так называемая «Галерея современников» (бюстов, выполненных с натуры при помощи физионотипа) помещалась на углу Большой Морской и Кирпичного переулка.

¹⁶⁵ Скорее всего, имеется в виду генерал-адъютант В. В. Левашев, дом которого находился на Фонтанке, 17.

¹⁶⁶ Неустановленное лицо.

27 января. Четверг

Повторял квинтет Чимароза с сестрами и Соливою и только в 11 часов отправился в министерство.

Был у графа Шувалова, говорил с ним про равнодушие высшего круга дворян к религии. Грубый, необразованный народ постится 2 раза в неделю, поклоняется мощам, образам как Богам, между тем как образованный класс, который не верит всему этому или не считает важным, и не исполняя всех обязанностей церковных, чего исполнить невозможно, делается равнодушным и к самой молитве, которая проносится неблагопристойным образом дьяконами и дьячками или бормочется певчими. Можно ли равнодушно слушать обыкновенное пение «Верую», которое так шибко поется, что ничего не слышать; или крик дьякона, который орет как бык во время того, что поют,—большая часть людей слушают обедню с тем же равнодушием как обедают. Реформа религиозная у нас необходима и со временем будет. Монашество и священство в несчастном положении. Монастыри женские большею частию бордели, мужские место сбора всякого рода негодяев. Священники необразованы и в удалении каком-то от прочих мирян; не пользуются уважением. Монахи презренны. Это должно перемениться.

Дядя заболел. Он лежит уже два дня в постели.

Вечер провел дома; читал Нуме.

28 января. Пятница.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

Очень рад, что избавился от министерства.

Поехал в Аничкин, где ждал Великого Князя до двух часов. Все время составлял каталог писателей о России на всех языках.

Ездил поздравлять Елену Павловну и вместе с прочими подходил к ее руке. Выходя из дворца, услышал, что Толстой¹⁶⁷ сердился на Паткуля за то, что он ей куры строит. «Императрица сказала мне,—отвечал Паткуль,—*„Я прикрою твое волокитство“».—Об этом я не могу умолчать!!!!*

Рейнгардт был очень доволен *этюдом Тальберга*, но недоволен концертом. Я уже не могу столько повторять, как прежде. Мало времени.

¹⁶⁷ Неустановленное лицо.

Вечером в Эрмитаже¹⁶⁸. *Прелестные великие княжны. Был счастлив видеть, что они стесняются. Ольга была изумительна.

«Независимые» наскучили мне. И тем в большем восхищении был я от Тальони; долго разглядывал ее в стеклышко, хотя видно было довольно плохо. Нельзя быть очаровательнее. Несмотря на то, что мне было неудобно и тяжело стоять три с половиной часа, я не чувствовал никакой усталости, пока не кончился спектакль. Перед окончанием второй картины она танцевала *pas de bain* из «Восстания в Серале»*.

Погода, слава Богу, переменилась. Было очень тепло, как я выехал; пел в карете «Деву Дуная» и вспоминал прелестную Taglioni.

29 января

Утром ездил с Мишей и супругой поздравлять Жуковского с днем его рождения¹⁶⁹. Сегодня год, что умер Пушкин. Никогда не забуду этого дня.

Веймарн. 1814 год. Но Taglioni все была в голове.

Гесс. О каналах в Швеции. Весьма любопытно.

Великий Князь ушел к Императрице, к которой явились гвардейские генералы благодарить за рескрипт, данный ею гвардии по случаю сбережения вещей во время пожара Зимнего дворца¹⁷⁰. Во время отсутствия Великого Князя разговорился с Гессом: о правлении России *(нет никакого равенства, никаких гарантий)*, о том, что у нас ни об чем не рассуждают, что воспитание механическое, и от этого ничего не идет вперед,—о путешествии по России Великого Князя, коим во

¹⁶⁸ По случаю сорокалетия великого князя Михаила Павловича в Эрмитажном театре был дан французский спектакль, а затем балет «Дева Дуная» с участием Тальони.

¹⁶⁹ Жуковский жил на третьем этаже так называемого Шепелевского дома (ныне перестроен и включен в состав здания Нового Эрмитажа), входившего в комплекс Зимнего дворца, но уцелевшего во время пожара. В. А. Соллогуб рассказывает о том, как Жуковский, потрясенный гибелью Зимнего, «возвратясь в свою комнату, обратился к ней с досадой: «Свинья, как же ты-то смела не сгореть!»» (Соллогуб. С. 518).

¹⁷⁰ Речь идет о рескрипте на имя командующего гвардией великого князя Михаила Павловича, данным императрицей 24 января 1838 г. после совместного с императором посещения Таврического дворца, где было сложено спасенное из Зимнего имущество. Императрица благодарила великого князя за его распоряжения во время бедствия и просила от ее имени изъявить признательность всем генералам, штаб- и обер-офицерам и нижним чинам гвардии.

многих местах остались весьма недовольны.—*Многие были сильно задеты тем, что этому путешествию придавалось так мало значения, неприятно поразила и та быстрота, с которой оно совершалось*.—Говорили о воспитании Великого Князя. *У него слишком много разных предметов, и ни в один он не углубляется, ни над чем не размышляет как следует. По сути дела, он ничем не занят.* Говор(или) о будущем путешествии и о составе свиты: *Кавелин, раздражительный и бестактный, говорит всем грубости.—Юрьевич ограниченный; они с Назимовым слова не умеют сказать по-французски и говорить ни о чем не могут—их наружность до смешного заурядна, иностранцы, настроенные против России, и так мало уважают русских; все это подает мне мысль как-нибудь уклониться от этого путешествия, которое будет совершаться в спешке; мне придется краснеть за Юрьевича с Назимовым и Енохиным—мне, который и так краснеет довольно за себя самого.*

Славная штучка Сережи Трубецкого; открылось сегодня, что он уже 8 месяцев тайно женат на Пушкиной, которую в Вознесенске взяли ко двору¹⁷¹; она, дура, замужем и беременная приехала сюда, чтоб жить с прочими фрейлинами. *Это беспрецедентный позор. Это значит уже чересчур насмеяться над светом.* Трубецкая¹⁷² узнала это через

¹⁷¹ Е. П. Мусина-Пушкина была пожалована во фрейлины еще в 1835 г., а после маневров в Вознесенске (август 1837 г.) ей была отведена казенная квартира во фрейлинском коридоре Зимнего дворца. Жозеф излагает официальную версию происшедшего скандала; примерно то же сообщает Тургеневу П. А. Вяземский 26 февраля 1838 г.: «(...) ты, верно, влюблялся в молодую Пушкину (...) Эта фрейлина была в Вознесенске и оттуда взята во дворец. Что же оказалось по приезде ее в Петербург? Что она семимесячно брюхата—*mais en tout bien, tout honneur* [но все честь по чести—фр.]—то есть, *тайно* замужем за меньшим Трубецким, который за шалость сослан был из гвардии в армию. Для большей, однако же, достоверности, сказывают, что еще раз их здесь перевенчали» (ОА. Т. 4. С. 25—26). Истинный ход событий восстанавливает Э. Г. Герштейн на основании дневника императрицы: 28 января 1838 г. Александра Федоровна записывает, что узнала о Трубецком и Мусиной-Пушкиной (не о тайном браке, а о беременности и ее виновнике). На следующий день «преступники» были негласно и спешно обвенчаны (Герштейн. С. 63, 335); версия о предшествующем тайном браке предназначалась для всеобщего сведения, но правда все-таки стала известна—см. письмо А. Я. Булгакова к Ф. П. Макеаровскому (РА. 1908. № 3. С. 376).

¹⁷² Мать С. В. Трубецкого. Ср. в цитированном письме Вяземского: «Легко понять, какой это был удар для Трубецкой-матери! Она дни три после того не плясала» (Там же. С. 26).

Государя—она в отчаянии. Брак будет признан. *Для двора это скандал.—Сверчков сказал мне на днях, что Сережа бегал по публичным домам как свинья. Он еще и сифилис подарит жене; она, должно быть, на редкость глупа, коли за него вышла.* Весь вечер переносил шкаф Папа в маленькой комнатке. Завтра ожидаю новые шкапы.

30 января.

ИМЕНИНЫ ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВИЧА ЖУКОВСКОГО¹⁷³

С самого утра превратился в шкаф и книги; с нетерпением ожидал прибытия новых шкапов, стараясь скрыть это от Папа, который занятый своею оперою не обращал на наши работы никакого внимания. В 10 часов шкапы принесли, и в 6 ½ часов все было готово, то есть: 1^е шкапы поставлены, 2^е книги вытащены и перенесены в новые шкапы, 3^е старые вынесены на чердак, 4^е один из старых поставлен в маленькую комнату, 5^е а билиiardная совершенно очищена!!! Я работал с большим усердием, не выходил из комнаты и сам ставил книги; зато не чувствовал ног своих. Но приятно было думать, что кончил в столь короткое время раз начатое дело; несколько раз меня уговаривали кончить. Но я положил себе кончить и кончил. Папа это было совершенный сюрприз; он вовсе этого не ожидал и остался доволен переменою.

Едва стоя на ногах, поехал на бал в Аничковский. Танцевал с Апраксиной¹⁷⁴, О. Трубецкой, Шереметевой и Барятинской. *Трубецкие¹⁷⁵ совершенно бесстыдны. Они вели себя так, словно ничего не произошло. Мать поразила меня: она держится как комедиантка, субретка. Говорят, дома у них творится что-то ужасное. Отец и мать не перестают упрекать друг друга, кричать, враждовать; от этого они переходят к оскорблениям и подчас к рукоприкладству. Слуги рассказывали, что однажды за столом (это было в одном из китайских домиков в Царском Селе¹⁷⁶) мать с отцом поссорились и подрались, и дети тоже

¹⁷³ Иосиф, отмечавший особыми заголовками некоторые царские дни и церковные праздники, сделал из этого правила лишь два исключения—для именин Жуковского и собственного совершеннолетия.

¹⁷⁴ Трудно сказать точно, с какой из фрейлин Апраксиных танцевал Виельгорский—с Еленой Степановной или Натальей Владимировной.

¹⁷⁵ Родители С. В. Трубецкого.

¹⁷⁶ В комплекс Китайской деревни в Царском Селе (строился в 1782—1796 гг. по проектам архитекторов В. И. Неелова и Ч. Камерона) входили небольшие дач-

в этом участвовали: каждый принял сторону одного из родителей. Императрица сказала мне, проходя мимо: «Дядя и отец, которые нездоровы...» Великая Княжна Мария спросила, как чувствует себя Дядя¹⁷⁷, и когда я сказал, что он повергает себя к ее стопам, ответила: «Это неправда». Чудесная Ольга дружески поздоровалась со мною, подозвала меня и расспрашивала обо всем семействе с очаровательной добротой и непринужденностью. Какое восхитительное создание. Ее красота столь же незаурядна, как мастерство Тальони.*

31 января. Понедельник

Утром писал журнал, и хотя я десятию днями отстал, но решился непременно кончить журнал до 1ого февраля.

В министерстве написал письмо Паскевичу о позволении продать старый чугун в Царстве Польском и разбираю дело одного комиссариатского чиновника, которого 10 лет держали в тюрьме, судили и потом объявили, что он невинен!!!! *В Англии такого не бывает.*

Я заметил в Мама какую-то холодность ко мне; это мне больно, и ласки, которыми она осыпает сестер, меня снедают завистью. Это правда, что я, с своей стороны, также стал холоднее; всегда ей противоречу, никогда её не ласкаю; *у меня слишком невеселый и подозрительный характер.* Целый день был не в духе. Это имело влияние на вечер¹⁷⁸. Sachucha не сделала на меня того впечатления, как в первый раз, хотя она очень мне понравилась. Её заставили плясать два раза; а в третий раз она танцевала для Государя. «Миранда» зато мне более понравилась, нежели в первый раз, благодаря трубке¹⁷⁹ Дяди, которая дала мне возможность различать малейшие черты лица Taglioni. *Она более чем хороша собой; я смотрел на нее в трубку сколько мог, а в паузах аплодировал так, что отбил ладони; не мог налюбоваться выражением ее лица, обворожительного на сцене; ее мимика восхитительна. Превосходен эпи-

ные павильоны, стилизованные под пагоды и чайные домики; летом здесь жили близкие ко двору лица. Подробное описание Китайской деревни и убранства дач см.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 250—251.

¹⁷⁷ Мать. Ю. Виельгорский состоял при великой княжне в должности шталмейстера.

¹⁷⁸ Вечером 31 января в Большом театре состоялся бенефис Филиппа Тальони, полностью повторивший программу бенефиса его дочери 24 января.

¹⁷⁹ Театральный зрительный прибор — так называемая «трубка-одноглядка».

зод, когда она показывает, что любовь завладела ее сердцем; все ясно, когда видишь ее лицо и глаза, блестящие нежностью и чувством. Сострадание, радость, любовь выражены с замечательной естественностью и простотой. Как она очаровательна, когда сердится, или раздосадована, или защищается от того, кто к ней приближается, как во второй картине, где она одна освещена чрезвычайно эффектно, а весь театр погружен во тьму. До сего дня я был без ума от ее движений, поз, легкости; теперь я увидел, что и ее мимика в не меньшей степени достойна восхищения. Какое необыкновенное существо—это целая эпоха в искусстве—это событие.*

Февраль

1 февраля. С. Петербург. Дом графа Кутузова на Михайловской площади

«Тако возлюби бог мир, яко и сына своего едиnorodного дал есть, да всяк веруай в онь не погибнет, но имать живот вечный».

Иоанна. III. 16.

*«Нет для человека ничего важнее его участи; нет для него ничего страшнее вечности. И если находятся люди, равнодушные к собственной гибели и угрозе вечных мучений,—это противно природе. Они ведут себя совсем иначе по отношению к другим опасностям: они боятся даже малейших из них, предвидят их, обдумывают; и тот самый человек, который провел столько дней и ночей в гневе и отчаянии из-за потери должности или какого-нибудь воображаемого ущерба для своей чести,—тот самый человек, зная, что со смертью потеряет все, остается спокоен и беспечен. Чудовищно видеть в одном и том же сердце, в одно и то же время, такую чувствительность к пустякам и такую странную бесчувственность к самому важному. Тут какая-то непостижимая замороженность и сверхъестественная расслабленность, которые выдают, что причиной тому некая всемогущая сила».

Паскаль. Мысли¹⁸⁰.*

Утром писал журнал.

Не имея много дела в министерстве, читал «Pensées» de Pascal, в коих есть необыкновенные мысли. Познакомился с Суковкиным и разговаривал с Мунтом¹⁸¹ о музыке. Дал себе слово кончить журнал за ген-

¹⁸⁰ Паскаль. С. 193.

¹⁸¹ Имеется в виду Н. П. Мундт.

варь месяц; и кончил — особенное удовольствие чувствуешь после оконченного дела.

Вечер провел на балу у графини Нессельрод¹⁸²; танцевал с Хрептовиче[во]й, которая меня сама пригласила танцевать, уверив, что я её пригласил. *От такой беззастенчивости я покраснел.* — Я должен был остаться, и протанцевав с ней французскую, уехал домой с Мама, которая имела разговор с Государем обо мне. *Слава Богу, нашему Жозефу гораздо лучше. — Вы знаете, я занимаю его делами в министерстве, и знаете почему. — В таком возрасте нужно, чтобы молодые люди были непрестанно чем-то заняты; несмотря на все наши старания, они все равно могут сбиться с правильного пути; однако я надеюсь, что он и впредь будет вести себя так же хорошо, как до сих пор.*

Это мне было очень приятно слышать. Я думал уже, что Государь меня совершенно забыл.

Вечер остальной провел у Дяди с Ленцом и Рейнгардтом. Говорили о нашем процессе, несправедливо начатом Лубяновским. *«Лубяновский) не имеет никакого права возобновлять этот процесс, ибо все сроки давно прошли. Только в России можно при помощи жандармов вновь начать дело, которое было единогласно решено Сенатом»..Ленц.*

2 февраля. Середа

«Не посла Бог сына своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир».
Иоанн. III. 17.

Утро я назначаю на писание журнала, писем и всех дел хозяйственных. Искал ложу на сегодняшний спектакль «Девы Дуная» и застал Демара у Гедеонова¹⁸³.

11 — 12. *Веймарн*. Кампания 1814 года.

12 — 2. *Липман*. Состояние Голландии.

Сделал визит Михаилу Волкову. В 5 час. был в зале Дворянского собрания. Крылова принимали как Государя¹⁸⁴. Все перед ним рассту-

¹⁸² Особняк Нессельроде находился на набережной Мойки, 34.

¹⁸³ Скорее всего, Иосиф ездил в Дирекцию императорских театров (Новая Театральная, 60).

¹⁸⁴ Речь идет о праздновании «двойного юбилея» И. А. Крылова — 70-летия со дня рождения и 50-летия литературной деятельности. За приветствиями юбиляру последовал торжественный обед со специальным меню, куда входили, в частности, крыловская кулебяка и демьянова уха.

палось. Каждый подходил к нему с приветствием, многие ему представлялись, и каждый был рад быть в эту минуту с ним знакомым. Уваров приехал с Станиславом 2^й ст(епени) и надел ему на шею. За обедом он сидел между Уваровым и Олениным. Петров пел куплеты Вяземского¹⁸⁵, положенные на музыку отцом, с большим успехом. Когда приходило: «Здравствуй, дедушка Крылов», громкие восклицания, ура, шум ножей, рукоплескания приветствовали знаменитого баснописца. Куплеты заставили повторить четыре раза. Я был тронут до слез; праздник чудесный и весьма примечательный. *Первый публичный обед в Петербурге*. Во всех заметно было удовольствие, радость, восторг. Жуковский произнес очень хорошую речь, но не очень хорошо¹⁸⁶. Я сидел между Долгоруким и Ленцом, который визжал немилосердно и рассказывал про public dinners in London¹⁸⁷. В одном углу посреди лавровых венков стоял бюст Крылова и все его сочинения. Сегодня 50 лет, что он написал первое произведение литературное.

Прямо оттуда отправился в театр, видеть неподражаемую Taglioni; стоял в бенефисе, где были Мама и сестры и восхищался как всегда «Девойо Дуная», но сегодня более обыкновенного, ибо было с кем разделять восторг.

3 февраля. Четверг.

День именин Анны Павловны и Анны Михайловны

«Грядет час, и ныне есть егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною; ибо Отец таковых ищет, поклоняющихся ему».

Иоанна. IV. 23.

¹⁸⁵ Речь идет о стихотворении «Песнь в день юбилея И. А. Крылова» («На радость полувековую...») — Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 4. СПб., 1880. С. 211—213.

¹⁸⁶ Согласно отчету о празднике (Северная пчела. 1838. № 32. С. 1), Жуковский провозгласил тост «за славу и благоденствие России и успехи русской словесности», а затем произнес несколько слов в адрес юбиляра, закончив так: «Да исполнит Провидение, чтобы Вы, патриарх наших писателей, продолжали многие годы наслаждаться цветущею старостью и радовать нас произведениями творческого ума своего, для которого еще не было и никогда не будет старости. Оглядываясь спокойным оком на прошедшее, продолжайте извлекать из него те поэтические уроки мудрости, которыми так давно и так пленительно поучаете вы современников, уроки, которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нем своей силы и свежести: ибо они обратились в народные пословицы, а народные пословицы живут с народами и их переживают».

¹⁸⁷ публичные обеды в Лондоне (англ.).

*«Те, коих сердце неискренно, всегда видят притворство в других».
Сильвио Пеллико¹⁸⁸.*

Утром написал письмо Крупеникову¹⁸⁹, благодаря его за ящик с чаем, и Петру Петровичу Полозову, благодаря его за подушку, которую мне прислала жена его.

Довольно горячий разговор с Мама, Линой и Мишей о театре; они все осуждали и оуждали театр, актеров и проч. Мне было это ужасно неприятно.

10 ½—3. В министерстве. Рассуждал с Брискорном о жаловании офицеров. Он уверяет, что они получают очень много и все, что им нужно. После этого неудивительно, что ничего не подвигается, когда главы управления имеют такие идеи¹⁹⁰.

Заезжал к Шамбо просить позволения для госпожи Фукс представить Императрице ее комедию¹⁹¹. *Писатели необыкновенно самолюбивы*. Был у Великого Князя, который влюблен в пажей «Девы Дуная»¹⁹².

Заезжал к графу Шувалову, у которого застал Мама, Юсупова, Скарятину. Толковали о железных дорогах и о дворовых людях. Юсупов сказал, что он обратил на пашню 800 дворовых, которые не хотели ему сперва повиноваться и взбунтовались, но он их присмирил.

Саша Адлерберг был у меня после обеда и спросил, отчего я не езжу к Великому Князю. Он сказал, что он и Никса ездят каждый день. Холодный пот зависти появился на мне; [от] досады и злобы на себя. Неудивительно после этого, что Великий Князь ко мне холоден, я ему не оказываю ни малейшего участия и привязанности. Завтра непре-

¹⁸⁸ Цитата приведена по изданию: [Пеллико С.] Об обязанностях человека, наставление юноше / Пер. Е. Серчевского. СПб., 1836. С. 8 (гл. 2—«Любовь к истине»). Далее— Пеллико.

¹⁸⁹ Видимо, А. Ф. Крупеникову.

¹⁹⁰ Оклады жалования и столовые деньги для множества офицеров (особенно армейских) были единственным твердым доходом, однако не обеспечивали достойного существования. Безденежье нередко толкало офицеров на служебные злоупотребления и рискованную игру. Недостаточность окладов продолжала ощущаться и после их увеличения в 1835 г.; позднее, в декабре 1838 г., они были повышены еще раз.

¹⁹¹ Речь идет о сочиненном А. А. Фукс водевиле «Она похудела» (Казань, 1837).

¹⁹² Эпизодические персонажи балета.

менно еду.—Повторял концерт. Говорили за чаем о 14^м числе. Как князь Димитрий Владимирович Голицын сердился, когда всех молодых людей, у него служащих, взяли к допросу комиссии 14го числа; как он хлопотал о Данзасе и выпросил у Государя в вознаграждение за то, что невинно был обвинен, крест и в формуляре вычерк, что он был под судом¹⁹³. Как Пестель делал ложные доносы, чтоб погубить более людей¹⁹⁴.

До 12 час. сидел у Дяди с Ванькой¹⁹⁵, толкуя о музыке.

4 февраля. Пятница

«Вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им: се бо есть закон и пророцы».

Матфея. VII. 12.

*«Наша первая обязанность—любить истину и веровать в нее. Истина есть Сам Бог. Любить Бога, любить истину—одно и то же».

Сильвио Пеллико¹⁹⁶.*

Теперь положил себе за правило *каждое утро писать журнал прошедшего дня*.

Повторял урок Рейнгардту.

12—3. В министерстве.

½ 4—5. *Рейнгардт*. Концерт Mendelsohn. *Этюд Тальберга*.

Рассказывали в министерстве, что вчера во время представления «Жидовки»¹⁹⁷ лошадь, сбивши седока, вскочила в оркестр, но к счастью никого не зашибла кроме двух скрипок; Суковкин говорил, как Государь во время пребывания своего в Тифлисе приказал коменданту снять эксельбанты с князя Дадьяна, флигель-адъютанта, за ужасные злоупотребления, в его полку производившиеся, и как он надел их на молодого Розена, сказав: «Я надеюсь, что вы будете их достойнее»¹⁹⁸.

¹⁹³ Б. К. Данзас был замешан в деле декабристов, однако отделался месячным содержанием на гауптвахте.

¹⁹⁴ Слухи о странном поведении П. И. Пестеля на следствии проникли в общество (в том числе и в семью Виельгорских) через членов Следственного комитета.

¹⁹⁵ Вероятнее всего, с И. И. Рейнгардтом.

¹⁹⁶ Пеллико. С. 4 (гл. 2—«Любовь к истине»).

¹⁹⁷ Опера в постановке немецкой труппы шла в Большом театре.

¹⁹⁸ В 1837 г. во время посещения Кавказа Николай I получил сведения о допущенных кн. А. Л. Дадьяном служебных злоупотреблениях. После проведенного

В 7 часов ездил к Великому Князю, которому хотелось очень в театр вместо бала Воронцова¹⁹⁹.

Вечер провел в восхищении, в восторге, сидя в шестом ряду кресл вместе с Килем²⁰⁰ и не сводя прекрасной трубки Дяди с Tagliani. *Сегодня она была красива, обворожительна, прекрасна, восхитительна; какой лоб, какие выразительные глаза, какой чудесный профиль; весь ее облик исполнен благородства, чистоты, скромности, нежности. Сколько страстного целомудрия в длинной юбке, всегда скрывающей ее красивые ноги, которые от этого становятся еще прекраснее²⁰¹. Как необыкновенно выразительно ее лицо, когда она хочет передать удивление, досаду, гнев, радость. Никогда не забуду ее в третьей картине, когда конюший падает к ее ногам; ее поза изумляет своей простотой,

на скорую руку расследования царь произвел показательную расправу над виновным. 24 сентября во время развода на Мадатовской площади в Тифлисе в присутствии войск, массы зевак и тестя Дадиана, барона Г. В. Розена (командующего Кавказским корпусом), Николай велел тифлисскому военному губернатору снять с виновного флигель-адъютантские аксельбанты и отправить его в Бобруйскую крепость. Вслед за этим он подозвал находившегося здесь же сына Розена Александра (штабс-капитана Преображенского полка) и бросил ему аксельбанты со словами: «На! Но смотри, умей их оправдать!» (подробнее об этой истории и последующей судьбе Дадиана см.: Мартьянов П. Князь Дадиан, флигель-адъютант императора Николая I // Древняя и новая Россия. 1876. № 3). Это была чрезвычайно эффектная сцена из числа тех, которые любил и умел разыгрывать Николай. Так создавался образ сурового, но прямого и справедливого самодержца; рассказы об этом передавались из уст в уста, и в итоге история Дадиана обросла различными легендами.

¹⁹⁹ Балы у И. И. Воронцова-Дашкова были одними из самых блестящих. Однако в тот вечер в Большом театре шла «Дева Дуная», и спектакль для наследника был куда привлекательнее светского бала.

²⁰⁰ Л. Киль был автором рисунка, изображающего ногу Тальони, по которому Т. Райт выполнил гравюру.

²⁰¹ Сценические костюмы Тальони, представлявшие собой театрализованный вариант тогдашнего модного платья, производили большое впечатление на зрителей подчеркнутой скромностью и акцентированными мотивами чистоты и воздушности, отличавшими их от балетного костюма предшествующей эпохи. Легкая многослойная газовая юбка в форме перевернутого венчика цветка подчеркивала тонкую, гибкую талию, давала простор движению ног и в то же время скрывала их, формировала летящий силуэт. Созданные Тальони театральные образы хрупких, нежных, светлых и целомудренных существ в свою очередь оказали значительное влияние на дамские моды того времени.

чистосердечием, которые она выражает слегка склоненной головой.* Вполне наслаждался и вместе с Килем припоминал музыку. Видел *Lise et sa tante Michel*²⁰², *которая довольно хороша собой*, молодого Рахманова.

Сегодня XXXIV^{ый} раз, что я вижу Taglioni.

5 февраля. Суббота

«Дух есть Бог: и иже кланяется ему духом и истиною достоин кланяться».

Иоанна. IV. 24.

*«Горе нам, если мы позволяем себе осуждать какие-либо недостатки в своих родителях. Когда же и к кому начнем мы быть снисходительными, если мы неумолимы к отцу и матери?»

Сильвио Пеллико²⁰³.*

Утром журнал.

Все свое серебро старое и новое отдал Макару, дабы заложить его в ломбарт. Мне надобно расплатиться с долгами большими, которые тяготят меня как камни.

11—12. *Веймарн*. 1814 и начало 1815ого года. Говорил про Данилевского, который ругает французов и говорит: «Нечего писать про этот поганый народ». *Об этом я должен сказать*; мне смешны и глупы эти ругающие патриоты.

12—2. *Гесс*. О естественных произведениях Англии. Говорили об аносовских печах и аносовской плавке²⁰⁴.

Заезжал в министерство, но не застал *Brise-cu*²⁰⁵, как его Саша называет.

Чувствовал перед обедом лихорадочную дрожь, ужасно испугался, боясь быть больным, и оттого не обедал, а сидел у *Vecchio*, который в постеле. Говорили об *тонкостях деления высшего общества на пар-

²⁰² и ее тетку Мишель (фр.)— жену М. А. Волкова Уранию Иосифовну.

²⁰³ Пеллико. С. 45 (гл. 10—«Сыновняя любовь»).

²⁰⁴ Речь идет о разработанной П. П. Аносовым технологии получения булатной стали.

²⁰⁵ Комический эффект прозвища основан на переосмыслении фамилии Брискорн как сочетания французских слов «*brise-corne*» (буквально: «разбей рог»). Второй корень ёрничающие молодые люди заменили на «*cul*» (зад), и в результате возникло словосочетание, намекающее на канцелярскую усидчивость начальника.

тии. 1° Партия придворная, или Аничковское общество²⁰⁶, 2° Партия иностранцев, главным образом французская, которую представляют Нессельроде, Волков²⁰⁷; 3° Русская партия: Блудов, Вяземский, Аленин.* От 7—11 в театре. «L'Avis aux coquettes» — *ужасная глупость.* «Les deux manières» — *не плохая и не хорошая пьеса об одураченных мужьях.* — Больно было видеть трех Великих Княжон. Наконец «Sag-magnole»²⁰⁸, в коей Paul Minet уморил нас со смеху. У него разорвались штаны над иком²⁰⁹, и он прикрыл это передником.

6 февраля. Воскресение

«Слушая словесе моего и веруяй пославшему мя имать живот вечный: и на суд не придет, но прейдет от смерти в живот»,

Иоанна V. 24.

*«Патриотом может назваться только добродетельный человек, который чувствует, любит и исполняет свои обязанности».

Сильвио Пеллико²¹⁰.*

За чаем Мама жаловалась на равнодушие света и Царской Фамилии к Лине.

«Ты не можешь себе вообразить, какое волнение мне причиняет, когда я вижу, как бесстыдниц ласкают и осыпают милостями. Особенно равнодушие Государя, которого я не могу объяснить, терзает мне сердце. И кроме того, когда я думаю о том, что их ожидает — брак с растленными, или подлыми, или же глупыми людьми, когда я не вижу ни единого человека, который был бы их достоин. Меня это до такой степени печалит, что я молю Бога о том, чтобы не сойти с ума». Я старался её успокоить сколько мог.

²⁰⁶ «La société d'Anitchkow» — узкий кружок лиц, особо приближенных к императорской фамилии и посещавших интимные вечера в Аничковом дворце. В это общество был вхож Мих. Ю. Виельгорский.

²⁰⁷ М. А. Волков.

²⁰⁸ В Михайловском театре шли спектакли французской труппы: водевили «Урок кокеткам, или Редкий любовник», «Две манеры» и фарс «Карманьола, или Все французы — шутники».

²⁰⁹ Ик — одно из названий славянской буквы ѣ, в переносном смысле — мужские гениталии.

²¹⁰ Пеллико. С. 40 (гл. 9 — «Истинный патриот»).

Был у обедни и ни разу не покраснел; очень рад был, что М^{ме} Ваг-пов²¹¹ бранила вчерашние пьесы.

Воротившись домой, повторяли *квintет из «Ченерентолы» и Чимарозу. Я был не в голосе*, а Миша очень хорошо пел; мне было ужасно завидно. Я даже не мог скрыть досады на лице.

Изучал «Fidelio»²¹², которое надеюсь завтра услышать.

Читал «Débats» об делах канадийцев²¹³, которых сторону я беру, потому что они немилосердно угнетены.

В 7 ½ на балу у Кочубеев. Танцевал с Marie и Olga Трубецкими и с Бартеньевой. Государь подошел к Паткулю и сказал: «Я хотел вас побранить, тебя и В(иельгорского). Ты и Виельгорский себя дурно ведете; зачем вы не были у Воронцова; когда вас приглашают в порядочное общество, то вы должны туда ездить; не умеете вести себя; вы меня страмите. *Вы не умеете жить в свете*».—Мне это было очень при-скорбно; особенно потому, что от этих проклятых балов не увижу Tagliani.—Весь вечер был ни жив, ни мертв и очень боялся, чтоб Государь ко мне не подошел. Ноги так разболелись от долгого стояния (7½—2—семь часов), что судруги делались в пальцах. Остался ужинать и воротился только в ½ 3-го *в ярости от этого вечера* и в бешенстве на Государя и на балы.

7 февраля. Понедельник

«Прозящему у тебя дай, и хотящаго от тебя зяйти не отврати».

Матфея. V. 32.

«Не удивительно ли, что все звания от самых знатных до самого скромного промысла имеют каждое свою прелесть и истинное достоинство».

Сильвио Пеллико²¹⁴.*

Поздно встал оттого, что лег в ½ 3. Написав журнал и рассказав вчерашнее приключение, отправился в министерство. *Я с лихорадоч-

²¹¹ Ю. Ф. фон Баранова пользовалась большим авторитетом в столичном свете, в том числе и среди членов императорской фамилии.

²¹² «Фиделио» (1805—1814)—опера Л. ван Бетховена.

²¹³ Речь идет о серии статей, посвященных проблемам общественной жизни Канады, в номерах парижской газеты «Journal des Débats» от 1, 2—3 (сдвоенный выпуск), 5—8, 14—16, 19—20, 22, 25—30 января.

²¹⁴ Пеллико. С. 73 (гл. 15—«Избрание поприща»).

ным нетерпением ожидал момента, когда смогу наконец отправиться в театр.* Несколько раз ходил к Брискорну, чтоб скорее кончить, и когда все было готово, я уже собирался ехать, уже было более часа, как вдруг он дал мне еще работу и начал сумбур говорить про падение тел. Я был в лихорадке, в бешенстве, кончил скорее бумагу и убежал. Приехал к *pas de l'arc* *в «Миранде». В первой картине Тальони представляет Диану-охотницу²¹⁵ — чудесно по простоте и дивному подражанию античности. Она была обворожительна; ей аплодировали так, что театр, казалось, сейчас рухнет. Публика пришла в такое восхищение от *pas de shawl*, что Тальони вызывали четырежды—это неслыханно.

Я все время смотрел на нее в зрительную трубку и наслаждался ее красотой, ее тонким профилем, ее очаровательными движениями во второй картине, когда она собирает цветы, перепархивает с места на место за магическим кругом и прячется под газовую палатку.* Очень веселый и довольный приехал в Аничкин, где час ожидал Великого Князя. К неописанной радости своей узнал, что завтра утром Taglioni не танцует; а то бы надобно было бы ехать на *déjeuner dansant*²¹⁶. После вчерашнего выговора было бы рискованно ехать в театр.

После обеда завязался сильный спор с Мама об опере Папа; она не хочет, чтоб она была представлена, по той причине, что Государь не любит авторов, это неприлично сану Папа, и опера может упасть к стыду всего семейства.* Никто не понимает, сколько страданий причиняет мне эта опера.* Я защищал Папа, не находя в этом ничего предвещательного. Папа одарен музыкальным гением; его надобно употреблять в пользу. У нас без того мало умов и талантов. Хотя я признаюсь, Папа не должен бы [по-]настоящему писать оперу, а заниматься службой. Но когда он не любит службы, слава Богу, что он по крайней мере занимается музыкой.

В Михайловском театре «Fidelio». Ферзинг—Россо, очень хорошо. М^{ме} Hoffman—Fidelio, Гофман—Florestan. Но остальные все дурны; у Голланда, Pizzarro совсем голоса нет²¹⁷. Вообще опера мне чрезвычай-

²¹⁵ Имеется в виду сцена охоты (музыка Ф. Обера), ранее поставленная Ф. Тальони и использованная им в новой постановке.

²¹⁶ танцевальный утренник (фр.)

²¹⁷ В Петербурге опера «Фиделио» была поставлена силами немецкой оперной труппы. Роли исполняли ведущие солисты: бас В. Ферзинг, меццо-сопрано Ката-

но понравилась; особенно: квартет и хор преступников в 1^м де(йствии); квартет, трио и финал во 2^м де(йствии). Хоры были выполнены превосходно, особенно финал 2 действия. Интерес музыкальный и драматический увеличивается по мере хода оперы. Сюжет превосходный, трогательный и возвышающий душу. Наибольшее впечатление произвели на меня оба квартета; часто я с трудом удерживал слезы. Сидел возле Штёкерта и его жены; ходил к Волковым в ложу; Сергей Аполлонович сердился на «Fidelio»; эта оперетка меня убьет; *если надобно околеть от этой музыки, а я точно от нее околею, все-таки лучше было бы, чтобы это произошло дома* и проч.

Вечером у Дяди рассказывал об впечатлениях, произведенных над мною музыкаю «Fidelio».

8 февраля. Вторник

«Молящиеся же лишше глаголите, якоже язычницы: мнят бо, яко во многоглаголании своем услышани будут; не подобитеся убо им; весть бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитеся вы: „Отче наш...“»

Матфея. VI. 7.

*«В жизни важнее обладать достоинством человека, нежели наградою за достоинство. Оценят его— тем лучше; не оценят— так сохрани его в себе без награды, оно тем еще более возвысится».

Сильвио Пеллико²¹⁸.*

Раньше отправился в министер(ство), чтоб кончить вчера данное мне дело; но Брискорн и Храпачев отослали меня.

Déjeuner dansant у Разумовской. Приехал первый— в час; холод был страшный в комнатах; весь вечер зяб как несчастный. Танцевал с Marie Нессельрод, Фридрикс, Рибопьер, Madame Толстой, которая напоминает мне Taglioni, Всеславиной²¹⁹; в начале мне было довольно весело; я был в духе, не краснел, но остальной вечер скука была смертельная. Я один не танцевал. Разговаривал с Ладюрнером и Ланским²²⁰ о

рина Гофман, тенор Иоганн Гофман; бас Л. Лангенгаун пел партию дона Писсарро, тенор К. Голланд— партию тюремного привратника Жакино.

²¹⁸ Пеллико. С. 75 (гл. 16— «О спокойствии духа»).

²¹⁹ Имеется в виду М. Н. Сеславина.

²²⁰ Возможно, с одним из братьев упомянутой выше М. С. Ланской— Степаном или Александром.

распутстве; *надобно было бы ввести проверку домов терпимости, как это делается за границей; поскольку этих девиц никто не освидетельствует и не держит в строгости, они заражают изрядное число молодых людей и солдат; из десяти восемь точно больны; нужны такие бордели, в которых можно было бы не бояться подхватить болезнь.* Я нахожу это верх распутства. Теперь по крайней мере страх болезни удерживает многих.

С Ладюрнером разговаривал о Франции и Англии; он все тамошнее оуждал; *разные суды и суд присяжных*, которые я защищал сколько мог.

Михаил Павлович во время мазурки придавил меня к стене; спрашивал, люблю ли я танцевать?— *Нет, Ваше Высочество.— Почему?— Мне скучно.— Ага, за этим что-нибудь да кроется, какая-то шалость, проделка!— Нет, уверяю вас.— Был ли ты влюблен?— Да.— А сейчас влюблен в кого-нибудь?— Нет.— В кого же ты был влюблен?— Во многих.— А-а, в прекрасный пол вообще.* Посмотрев на эполеты, сказал: *это очень опасный чин; отойди от меня; тебе не надобно слышать, что я говорю.*

Очень рад был, когда приехал домой. Вечер провел у Дяди с граф(иней) Шуваловой и Волковыми.

9 февраля. Среда

«Аще бо отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный. Аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших».

Матфея. VI. 14.

*«В обращении с людьми будь любезен. Кто берет на себя вид строптивый, недовольный, надменный, тот в самом деле невольно получает расположение к недоброжелательности».

Сильвио Пеллико²²¹.*

Мы забыли праздновать именины Vecchio 5 генваря и сегодня ее поздравляли.

Говорили об расходах, простирающихся до 100000 рублей.— Я пересмотрел свои статьи. Мой долг простирается до 3000 рублей. 830 рублей получил из Воспитательного дома, заложив все свое серебро.

²²¹ Пеллико. С. 140 (гл. 28— «Любезность»).

10—12. *Веймарн*. Ватерлоское сражение²²².

Под предлогом съездить в министерство отделался от урока Липмана, чтоб быть к началу «Девы Дуная»²²³. Первый акт просидел в креслах Жуковского, но второй в нашем бенуаре. Второе действие сделало на меня особенное впечатление; сцена третьей картины, Сапова, *le ras aégien* приводили меня в восторг; я кричал, аплодировал.

После часа ждал у крыльца, чтоб Taglionі вышла; *но напрасно*; видел только, как усаживался кордебалет; и как офицеры и покровители проезжали мимо и сопровождали кареты театральные.

Папа предложил сестрам ехать в «Роберта»²²⁴; я их старался познакомиться с музыкой; но Миша и Шувалова нашли, что им нельзя ехать; и все было отложено.

*En famille*²²⁵ поехали на бал к Бутурлину; давка; танцевал с Ланскими²²⁶, Нессельрод и Хрептович и вместе с Мама удрал домой, хотя следовало бы долее остаться.

10 февраля. Четверг

«Тебе же творящу милостыню, да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя».

Матфея. VI. 3.

*«Не показывай вида, будто обладаешь познаниями, которых вовсе не имеешь. Обманы всех родов бесчестны, а следственно и тщеславие, не приобретенное никакими знаниями. Сверх того и нет такого обманщика, который бы в течение некоторого времени не уронил своей личины, и тогда он погибший человек».

Сильвио Пеллико²²⁷. *

²²² Произошло 18 июня 1815 г. между войсками 6-й антинаполеоновской коалиции и французской армией, закончилось разгромом последней.

²²³ Т. е. к полудню.

²²⁴ «Роберт Дьявол» (1830)— популярная опера Д. Мейербергера. Спектакль должен был состояться на следующий день, 10 февраля.

²²⁵ Всем семейством (фр.).

²²⁶ В этот момент при дворе было три фрейлины Ланских: сестры Софья Васильевна и Варвара Васильевна, а также Варвара Сергеевна. С последней (или же с ее сестрой Марией), вероятнее всего, и танцевал Виельгорский.

²²⁷ Пеллико. С. 137 (гл. 27— «Об уважении знания»).

Утром журнал.

Ездил к Брискорну просить его извинить меня сегодня от работы.

В 12 с Lise Wolkow в Большом театре. Давали «Роберта». Брейтинг пел превосходно с начала до конца; остальное шло хорошо. Но Круазет был гадка²²⁸. *Противная, уродливая, ужасная, толстая, некрасивая, тяжелая, отвратительная.* Я шикал что есть мочи; но однакож её вызвали клакеры, которым она раздала билеты. Я ужасно сердился.—С удовольствием узнал потом, что Государь, Адлерберг также наши Круазет гадкою.—Трио Роберта сделало на меня впечатление, все остальное я слишком хорошо знаю.

Вечером на балу²²⁹; перед тем был у Великого Князя, который влюблен, но в кого не знаю; *я заметил его перешептывания с Назимовым и Паткулем*. Россети прав; *я не посвящен в его тайны; впрочем, мне и нет до этого никакого дела*. У Трубецких мне было скучно. Танцевал с Marie Нессельрод, Рибопьер, Бороздиной²³⁰. Познакомился с княгиней Мещерской²³¹, которая непременно хотела это. *Бедная женщина; она рассчитывает на многое, но ничего во мне не найдет.*

Что меня очень обрадовало, это знакомство с Александром Скарятиным. Он говорил мне о путешествии, которое он намеревается сделать по России en société²³², в ученом отношении; я очень этому обрадовался; мы разговаривали об наших характерах, которые имеют много сходного; подружились. Я рад, что нашел человека, который меня понимает и разделяет мои мысли и чувства. Я надеюсь *найти здесь друга*. Дай Бог.

²²⁸ Брейтинг пел партию Роберта—одну из коронных в своем репертуаре; Л. Круазет исполняла роль аббатисы Елены в хореографическом дивертисменте из третьего действия оперы (сцена мертвых монахинь в постановке Ф. Тальони, которая послужила прототипом эстетики «Сильфиды» и «Жизели»). Негативная оценка ее выступления связана, по-видимому, с крайне невыгодным для нее сравнением с Тальони, партии которой Круазет с успехом танцевала до появления соперницы в Петербурге.

²²⁹ Скорее всего, речь идет о бале, устроенном оскандалившимся семейством Трубецких, на котором была и императорская фамилия.

²³⁰ Вероятно, имеется в виду Н. Н. Бороздина.

²³¹ Неустановленное лицо.

²³² в компании с кем-нибудь (фр.)

11 февраля. Пятница

«Вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им: се бо есть закон и пророцы».

Матфея. VII. 12.

*«Только то знание вредно, которое ведет к гордости. Будучи соединено со смирением, оно побуждает сильнее любить Бога, сильнее любить весь род человеческий».

Сильвио Пеллико²³³. *

Утром, вставая, уже думал о радости видеть Taglion²³⁴.

И потому в министерстве был как бы в лихорадке от нетерпения уехать. Vrise-si, кажется, заметил это нетерпение и выпустил меня. Приехал к самой увертюре. Сидел в креслах возле Саши и Липмана и по-обыкновенному восхищался, аплодировал, лорнировал, кричал bravo. Кадеты были в театре; мне досадно было, что для ничего не смыслящих мальчишек танцевала первая танцовщица в мире. Воротившись домой, разговорился с Сергеем Волковым об маскарадах, Государю; он сказал мне, что тому три года Государь обесчестил княгиню Долгорукую, урожд(енную) Апраксину²³⁵ в маскараде в доме Энгельгардта²³⁶; и что все происходило в одной из комнат наверху; что с тех пор она никуда не показывается; что отца ее сделали сенатором²³⁷; Императрица требовала для отклонения подозрений, чтобы Государь окрестил вскоре потом родившегося ребенка²³⁸. Я полагаю, что это неправда, замечательно, однакож, что Долгорукая уже года два как никуда не показывается. *Мне страшно за Государя. Императрица стареет, а ему каждый день необходима женщина; я опасуюсь неверности с

²³³ Пеллико. С. 65 (гл. 14 — «Ученье»).

²³⁴ В Большом театре шла «Дева Дуная».

²³⁵ По свидетельству М. А. Корфа, кн. М. А. Долгорукова была одной из тех дам, с кем императору особенно нравилось танцевать на балах (РС. 1908. № 12. С. 737).

²³⁶ Поводом для разговора послужило то, что император и императрица в тот день из театра отправились в дом О. М. Энгельгардт (Невский проспект, 30, на углу Екатерининского канала) на маскарад, данный столичным дворянством (см.: Камер-фурьерский журнал. № 140. 11 февраля). Об истории этого дома см.: Гоценпуд А. А. Дом Энгельгардта: из истории концертной жизни Петербурга первой половины XIX в. СПб., 1992.

²³⁷ Граф А. И. Апраксин был назначен сенатором 21 апреля 1834 г.

²³⁸ Первый ребенок М. А. Долгоруковой родился в 1836 г.

его стороны. Г-жа Пашкова, Крюднер, Бутурлина, Юсупова²³⁹ — все тут как тут, в первых рядах, и они вовсе не неприступны, исключая разве что Бутурлину.* Потом он мне рассказывал про свои шалости: как он был влюблен, как имел женщин; но до 17 лет он ничего не знал.* Завидую его счастью: я в 13 лет распутничал ужасно.* Надобно приписать онанизму все мои болезни и теперешнее хорошее поведение; я ужасно ослаб, и тело меня теперь, слава Богу, не понуждает к женщинам.* Нет никакой моей заслуги в том, что я себя хорошо веду.— Однако я не до конца истощил свои силы, и надеюсь, что если буду вести себя безупречно в течение десяти лет, вновь обрету ту телесную крепость, которой отличался в детстве.*

Весь вечер провел дома. Читал *Hume*, которого почти бросил от балов и театров. Ванька за чаем рассказывал, что Капцевич сказал: «*Je ne fume pas de fimiам dans les antichambres des ministres parce que je suis trop bon domestique de l'Empereur*»²⁴⁰.— Папа: «Уваров *le général*, lorsqu'il désirait avoir une lunette d'approche, il disait: «Donnez-moi une pipe».— C'est vous qui avez commandé la cavalerie à une telle affaire?—lui demande Napoléon.— Je, Sire, je,—отвечал Уваров»²⁴¹.

Уваров был очень глуп; но Депрерадович его превосходил; в одном сражении они оба стояли вместе и дела шли дурно. «Если б мне дали Егерский полк и Кавалергардский, то я бы дал знать глупцу и дураку Наполеону, отчесал бы его порядочно.—*Это было слишком глупо даже для Уварова. Он сделал вид, что не слышал этих слов.* Какой это

²³⁹ Иосиф перечисляет известных придворных красавиц.

²⁴⁰ «Я не воскурю фимиам в передних министров, потому что я слишком хороший слуга Государя» (фр.). Игра слов: Капцевич плохо владеет французским языком и вместо слова «*serviteur*», употребляемого в формулах вежливости наподобие «ваш покорный слуга», использует слово «*domestique*», означающее собственно «слуга», «прислужник». Таким образом, он сравнивает себя именно с лакеем, в чьи обязанности входило окуривание комнат благовониями.

²⁴¹ «Когда генералу Уварову нужна была подзорная труба, он говорил: «Подайте мне трубку».—«Это вы командовали кавалерией в таком-то деле?»—спросил его Наполеон. «Я, государь, я» (фр.). В оригинале—невольный каламбур (Уваров плохо знал французский): вместо «*une lunette d'approche*» (подзорная труба) он говорит «*une pipe*» (курительная трубка); прямой падеж местоимения (*je*) ошибочно употреблен вместо косвенного (*moi*), в результате чего получилась фраза типа «Моя, государь, моя». Благодаря этому курьезному высказыванию за Уваровым закрепилось прозвище «генерал Je».

полк там приходит?» Карамзин пришел к Платову перед тем, что надобно было оставить Москву; он был в отчаянии и спрашивал Платова, какие бы меры принять для спасения столицы; Платов пьяный и качаясь на стуле, сказал ему: «Я двух родов людей не люблю: сочинителей и пьяниц—такие каналы!!!»²⁴²

12 февраля. Суббота

В будущую субботу Дядя хочет сделать оркестровую музыку; будут играть 3^ю симфонию, я очень рад этому.

Отыскивал музыку «Девы Дуная»; был у Пеца, Бернара и в «Одеоне» и ничего не достал; наконец Рихтер дал мне шесть тетрадей музыки «Девы Дуная»²⁴³. Я был в восхищении.

10—12. *Веймарн*. Сражение при Бриене и Краоне²⁴⁴.

Владимир Иванович²⁴⁵ сделан флигель-адъютантом. Я не хотел этому верить.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ TAGLIONI В «ВОССТАНИИ В СЕРАЛЕ»

В 12 ½ часов на дрянном извозчике кое-как добрался до Большого театра, куда стремились все желания. Назимов и Василий Андреевич²⁴⁶ сидели со мной в бенуаре № 16.—Какая-то грусть овладела

²⁴² Н. М. Карамзин покинул обреченную Москву 1 сентября 1812 г., одновременно с выходом из нее последних частей русской армии; казачьи полки под командованием М. И. Платова находились в русском арьергарде.

²⁴³ Имеются в виду музыкальные магазины: И. К. Пеца и Гольца (Невский проспект, 28, на углу Большой Конюшенной ул., в доме Петропавловской церкви), М. И. Бернара «*Troubadour du Nord*» с нотной библиотекой (Невский проспект, в доме Чаплина), «Одеон» на Гороховой. Иосиф напрасно пытался разыскать ноты «Девы Дуная» в магазинах—клавир балета был издан только осенью 1838 г.; в итоге ему удалось достать ноты, переписанные от руки.

²⁴⁴ Имеются в виду эпизоды наполеоновских войн: битвы между французскими и соединенными русско-прусскими войсками 29 января при Бриене и 7 марта 1814 г. при Краоне.

²⁴⁵ Высочайшим приказом от 12 февраля 1838 г. флигель-адъютантами были назначены сразу два Назимова—помощник воспитателя наследника Владимир Иванович Назимов и капитан Семеновского полка Владимир Николаевич Назимов.

²⁴⁶ Жуковский.

мною, когда я вспомнил, что я в последний раз её вижу; я боялся, чтоб она не оставила на мне впечатления хорошего.—Но все было иначе. *Она явилась, блистая красотой; никогда еще ее лицо не было так прекрасно; она показалась мне немного грустной. Я не сводил с нее лорнета; она танцевала только пленительные отрывки из первого па с негритянкой, и пробежала даже быстрее, чем в темпе аллегро; буря аплодисментов не прекращалась с той минуты, как она появилась на сцене. На ней был фермуар в 8000 рублей, который ей подарил Государь, множество бриллиантов украшало ее голову. Две косы, черные как эбеновое дерево, выделялись на ее грациозно склоненной шее. Ее вызвали после первого акта. Я был так взволнован, что у меня были слезы на глазах. Но что сказать о втором акте, как описать этот возвышенный танец, эти чарующие движения; их надобно видеть, чтобы понять всю их цену и всю высоту. Я купался в море наслаждения эстетического; ни одна нечистая мысль не приходила мне на ум; я весь был захвачен чудесной танцовщицей и забыл о том, что нахожусь на этой земле; аплодисменты не прекращались и стали вдвое громче, когда она приветствовала публику с очаровательной скромностью, как будто бы говорила: то, что я танцую,—пустяки, не стоящие таких аплодисментов. Никогда ей еще так не рукоплескали, и несмотря на холодность третьего акта, восторг публики не исчез; после балета ее вызывали шесть раз, а в общей сложности одиннадцать. Я кричал как бешеный; наконец она появилась в последний раз, и я попрощался с нею, благодаря ее за те упоительные мгновения, которые мне довелось пережить. Я был пьян от радости, от счастья, смешанного все же с некоторой печалью; погода была великолепная: солнце ослепительно сверкало на домах, на набережных, на крышах, покрытых снегом.

Подытожим все, что в ней есть достойного восхищения: чудный лоб, глаза, в которых отражаются мягкость, скромность, сердечная доброта; она довольно высокого роста, немного сутулится и никогда не выпячивает грудь; может быть, такая манера держаться лишь прибавляет ей очарования; более прекрасной ноги, и особенно ступни, совершенно развитой и в то же время маленькой и изящной, я никогда не видел; трудно представить, насколько ее ступни красивы, когда Тальони встает на пуанты—что должно быть невероятно трудно: со стороны можно подумать, что она держится на одном ноготке большого пальца. Почему же она так прелестна? в чем состоит это пленяющее

вас волшебство? Дело в том, что у нее сильно развито чувство прекрасного и возвышенного; она сама—высокая поэзия. С неизъяснимым изяществом, перед которым невозможно устоять, она соединяет 1° *восхитительную скромность* всего поведения, как если бы она делала что-то обыкновенное и нисколько не трудное. Когда ее вызывали, она всегда выходила раскланиваться или вместе с отцом, или с другими танцовщицами. 2° *Совершенное спокойствие*; она никогда не приходит в возбуждение, никогда не делает резких движений, никогда не придерживает пауз, как другие. Она не кажется взволнованной даже после труднейшего па. 3° *Благородство* во всем, что она делает, в ее манере держаться, в походке.—4° *Целомудрие* в костюме и танце; она никогда не делает поворотов для того только, чтобы показать ноги, никогда не надевает короткого платья; когда она делает пируэты, ее многочисленные юбки все скрывают и делают ее еще очаровательнее.—5° *Серьезность*, в коей нет ничего неприятного, потому что она сама излучает только мягкость; однако улыбается она редко, и ее улыбка чарует. Не сходящая с уст улыбка других танцовщиц противна: они думают, что от этого становятся красивее. Не стану долее говорить о благородстве, о точности движений, о силе, о несравненном изяществе, отличающих ее танец; самые трудные па она исполняет как простейшие, и всегда с одинаковой непринужденностью. Я особенно люблю последние; мне нравится, когда она наклоняется или делает это восхитительное движение рукой, означающее безумие, когда она изображает удивление или внезапную радость; одним словом, глядя на нее, можно понять прекрасные слова Жуковского: совершенство убило бы человека; она приближается к нему вплотную: вот отгадка, вот секрет того впечатления, которое она производит, не будучи красавицей. Счастье, что она не обладает совершенной красотой; тогда бы мы все погибли²⁴⁷.*

²⁴⁷ Ср. с тем, как сама М. Тальони писала о себе: «Я (...) не была красивой; верхняя половина моего тела оставляла желать лучшего; я была худощавой, хотя не была тощей, мои ноги были чуть слишком удлинены; ступни—на редкость малы и изящны. Я умела, как никто, ходить по сцене. Наконец, рискуя рассмешить, скажу, что обладала одухотворенными руками и ногами. Я избегала гримас или жеманства. Мое лицо выражало радость. Когда я танцевала, я улыбалась, но не смеялась. Я была счастлива» (цит. по: Красовская В. М. Западноевропейский балетный театр. Очерки истории. Т. 4. Романтизм. М., 1996. С. 137—138).

Целый день только об ней думал, играл весь вечер *«Деву Дуная»* и был в восхищении от музыки, потому что она напоминала мне о Taglioni.

13 февраля. Воскресение.

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ. XXI ГОД. СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ.

Папа и Мама дали мне 1000 рублей, что мне было очень приятно для расплаты долгов. 700 рублей назначил Шухову, а 300 Бекетову.

Утром пели хором «Ныне силы небесныя»²⁴⁸.

Был у обедни. Вслед за тем *déjeuner dansant*. Вообще было скучно; одно, что меня занимало, это Taglioni; говорил об ней с Пашей²⁴⁹, который сказал мне, что Государь вчера после балета позвал Taglioni в свою ложу, долго с ней разговаривал и поцеловал у нее ручку при прощании.

Танцевал с Апраксиной, Бартеневой, Аретин, Гауке и Долгорукой. Императрица во время *tempête*²⁵⁰ спрашивала меня о моем здоровье, во время завтрака посылала меня к Елене Павловне и вечером за оршатом²⁵¹.

С неописанным нетерпением ожидал *sachucha*. Государь и Императрица ходили к Taglioni в ротонду²⁵², где она одевалась. Мне ужасно хотелось также к ней идти; Папа и Паткуль у нее просидели. Моя нерешительность меня удержала; и потом мне было чрезвычайно досадно; она два раза танцевала *sachucha* и два раза чуть не посклизнулась, *что заставило ее дважды мило улыбнуться. Однако она не произвела на меня ни малейшего впечатления: то ли потому, что я ее плохо видел, то ли оттого, что она была плохо освещена. После танца Императрица подошла к ней и говорила с нею довольно долго; я пробился че-

²⁴⁸ Известна версия трио для двух сопрано и меццо-сопрано «Ныне силы небесныя» (сочинение Мих. Ю. Виельгорского), записанная в 1842 г. (см.: Щербакова. С. 113).

²⁴⁹ Речь идет о П. Т. фон Баранове, друге детства наследника и, следовательно, хорошем знакомом Иосифа.

²⁵⁰ Тампет (от фр. *tempête* — буря) — подвижный бальный танец, во время которого императрица отдыхала.

²⁵¹ Оршат (оршад) — прохладительный напиток.

²⁵² Ротонда — один из залов Аничкова дворца. Выступление Тальони в тот день было встроено в обычный придворный бал.

рез толпу, чтобы приблизиться к ней, насколько возможно, и услышал ее голос, увидел ее приятную улыбку; у нее яркий цвет лица; она гораздо красивее, чем я думал. Наконец она трижды раскланялась, грациозно и скромно, и удалилась к себе в комнату; я ее более не видал.— Но мне было очень горько оттого, что я с ней не познакомился, а это было так легко сделать. Впрочем, я утешился мыслью о том, что покраснел бы и показался бы ей смешным.

В 12½ я вернулся и [1 нрзб.] дома. Там начинали танцевать grossvater²⁵³. *

14 февраля. Понедельник

Ужасно рад, что отделался от балов²⁵⁴.

Утром написал письма Шухову и Бекетову и расплачивался с долгами. 12—2. В министерстве.

Брискорн дал мне дело о разграничении земель киргиз-кайсаков Сибирского и Оренбургского ведомств, которое довольно сбивчиво, но интересно.

Придворный певчий Козловский взялся меня лечить спиртом своим, о котором он чудеса рассказывает. (Рассказывал, что когда Елисавету хотели возвести на престол, она пришла к Трепольскому, придворному певчему, и говорила ему: «Вот, меня хотят сделать государыней». — «Тебе и следует по праву», — отвеч(ал) Трепольский).

Вечером ездил к Великому Князю, у которого были Адлерберги; говорили про вчерашний бал, дам, про влюбленных, кто в кого влюблен, и меня спросили; я отвечал, что равнодушен ко всем. «В тихом озере черти водятся», — сказал Никса. Вздорная болтовня только была прервана рассказом о смерти Мартынова, который вчера был на балу, а сегодня ночью умер от окостенения сердца²⁵⁵.

²⁵³ Гросфатер (от нем Grossvater — дедушка) — шуточный немецкий танец (один из видов контрданса); был популярен, в частности, на детских балах и праздниках.

²⁵⁴ Балы и театральные спектакли прекратились с началом Великого поста, в течение которого единственным допустимым общественным увеселением оставались концерты.

²⁵⁵ Окостенение сердца — инфаркт миокарда. Смерть П. П. Мартынова, несомненно, была ускорена переживаниями в связи с расследованием обстоятельств пожара во дворце.

15 февраля. Вторник

Утром читал Ните; на этой неделе надеюсь начать Карла I.

12—2. В министерстве.

От спирта Козловского, который воняет канфорою²⁵⁶, все от меня бегают.

Целый день вспоминал о Taglioni и играл *«Восстание в серале»* по партитуре, которую мне принесли из театра. *Музыка чудесна, и для меня было истинным наслаждением ее играть.*

Taglioni получила жалования _____	60,000 рублей
Отец ее _____	10,000
За два бенефиса отца по 15,000 _____	30,000
Три бенефиса: 1 ^{ый} 15,000, 2 ^й 25,000, а третий 30,000 _____	70,000
Подарков от Государя и Императрицы на _____	30,000
Итого _____	200,000 рублей

Она подписала контракт с дирекцией на четыре года, обязуясь быть здесь от сентября до поста и в случае, если она не придет, заплатить 100,000 рублей.

Она чрезвычайно довольна своим пребыванием здесь и унесет о России совершенно другое мнение, нежели то, с коим сюда приехала.

16 февраля. Среда

Государь назначил меня начальником штаба французской армии у Веймарна для военной игры, которая начнется с будущей недели.

Веймарн. 10—12. Я читал Данилевского—поход 1814 года, взятие Парижа; плохое сочинение²⁵⁷ во всех отношениях.

Липман. Статистика Австрии.

Барон Боде показывал планы дворца, который будет строиться вместо Коломенского. Мысль Государя великая. Все будет отделано в русском вкусе, и новое строение соединено с теремами. Оружейная палата будет перенесена в строение, которое будет отделано у Боровицких

²⁵⁶ Растирания камфарным спиртом применялись для ослабления ревматических болей.

²⁵⁷ Имеется в виду мемуарно-публицистическое произведение А. И. Михайловского-Данилевского «Записки 1814 и 1815 годов» (СПб., 1832; 2-е изд.—1836).

ворот; большая зала будет иметь 29 сажений длины; и все на сводах; работы начнутся нынешний год, и на них ассигновано 6,000,000 руб.²⁵⁸

Вечером читал Гюма, который меня очень занимает.

От 11 до полночи играл *«Восстание в Серале»*.

17 февраля. Четверг

«Аз же глаголю вам не клятися всяко... Бude же слово ваше: ей, ей, ни, ни: лишше же сего от неприязни есть».

Матфея. V. 38.

Утром читал Нуме—Якова I.

12—3. В министерстве. Составил записку в Кабинет министров о разграничении земель киргизов.

Познакомился с Полторацким, любителем древностей.

Сегодня похоронили Мартынова.

Очень рад был вечер провести дома. Читал сестрам Lacretelle «Histoire de la Révolution»²⁵⁹. Остальное время сидел над Гюмом.

18 февраля. Пятница

Не поехал в министрство оттого, что утром была репетиция завтрашнего концерта.

1) *Фантастический концерт Мошелеса.* Рейнгард. Adagio и финал очень хороши.

²⁵⁸ В 1836 г. архитектором А. И. Штакеншнейдером был разработан план нового большого дворца в подмосковном Коломенском— вместо летнего дворца, созданного в 1825 г. по проекту Е. Д. Тюриня (ныне от него сохранился только один деревянный хозяйственный павильон в стиле ампира). Предполагалось выстроить копию шатровой церкви Вознесения, а между этой копией и подлинной церковью, как между двумя башнями, расположить основной корпус дворца, оформленный в псевдорусском стиле. Этот нетривиальный проект, ярко отразивший специфику романтического историзма в России, реализован не был. Под «соединением нового строения с теремами» следует понимать синтез технических, композиционных и стилистических приемов современного зодчества с декоративными элементами древнерусской архитектуры (подобно тому, как это сделано в известных постройках К. А. Тона— Большом Кремлевском дворце, возведение которого началось в 1839 г., и Храме Христа Спасителя). Здание Оружейной палаты в Кремле было построено также по проекту Тона в 1844—1851 гг.

²⁵⁹ Имеется в виду книга французского историка Ш. Лакретеля «Histoire de la Révolution française...» (Paris, 1821—1826; 8 vols).

2) *Увертюра к «Волшебной флейте»²⁶⁰* — привела меня в восторг.

3) *Симфония Гейдена in D.* Весьма посредственна и стара.

4) *Варьяции на «Боже, Царя храни»*. Играл Арто²⁶¹ и пел²⁶² хорошо.
Красивое адажио.

После этого отдых и расстегаи.

5) *IV^{ая} симфония Бетховена; адажио, быть может, красивейшее из всех, сочиненных Бетховеном, есть для меня образ рая; полет ангелов превосходно передан тем отрывком, в котором три скрипки играют пиццикато в сопровождении кларнета.*

6) *«Гебриды»²⁶³ Мендельсона произвели на меня самое сильное впечатление даже после симфонии; они напомнили мне «Сильфиду»²⁶⁴, которая стоит любой симфонии.*

7) *Трио из «Вильгельма Телля»²⁶⁵. Брейтинг, Ферзинг и Пашков—превосходный отрывок, который доставил мне наибольшее удовольствие.*

Когда я слушаю прекрасную музыку—это совершенно иное существование.

Только успел сходить к Бегрову и заказать афишки на завтрашний день, как уже было 5 часов. Время пролетело как молния.

19 февраля. Суббота

Великий Князь все еще в Петергофе²⁶⁶. Все утро занимался, брал ванну. Ревматизм в плече так силен, что я не могу спать ночью. Коз-

²⁶⁰ Опера Моцарта (1791).

²⁶¹ Скрипач А. Ж. Арто исполнял свою фантазию на тему русского национального гимна.

²⁶² В данном случае «пение» означает напевное исполнение (ср. ит. cantabile).

²⁶³ «Гебриды» («Фингалова пещера»; 1830, 2-я редакция—1832)—популярная увертюра Мендельсона.

²⁶⁴ «Сильфида»—балет в двух действиях (музыка Ж. М. Шнейцхоффера, либретто А. Нурри по мотивам новеллы Ш. Нодье «Трильби»). Петербургская постановка была осуществлена балетмейстером А. Титюсом в 1835 г. на основе хореографии Ф. Тальони. Заглавную партию исполняли Л. Круазет и Л. М. Пейсар. Тальони дебютировала в этой роли 6 сентября 1837 г.

²⁶⁵ «Вильгельм Телль» (1829)—опера Россини.

²⁶⁶ Наследник уехал в Петергоф 15 февраля, а 17-го вместе с отцом присутствовал в столице на отпевании Мартынова. Окончательное возвращение в Петербург относится к 19 февраля: на следующий день было запланировано начало военной игры.

ловский только провонял комнату и меня канфорой, а пользы никакой не сделал.

Заходил к Madame Fuchs, которая в страшной претензии на петербургскую публику, что её не так приняли как Taglioni, и что за её водевиль ей не дали фермуара в 7000 рублей²⁶⁷. Самолюбие всех мелких авторов удивительно; к тому ж она так неприятна, скучна и воображает, что она гений. *Мне была чрезвычайно противна и она, и другая девица, которая с ней была; насколько я люблю мужа, настолько терпеть не могу жену.*

Вечером *большой концерт и толпа народу*; познакомился с Дегаем; *я поминутно краснел, не отважился подойти к дамам и т. д.*; не менее того я восхищался музыкой как нельзя больше. Особенно 40й симфонию, *«Флейтой» и «Гебридами»*. Симфонию Гайдена переменили и играли *in Es*, которая несравненно выше вчерашней.

Ключу показывал портрет мой Taglioni; он едва её не застал в Стрельне, возвращаясь из Петергофа. Она сегодня в 7 часов отправилась в путь²⁶⁸.

Еще до ½ 2ого сидел у Папа с прочими музыкантами, которые толковали о музыке.

20 февраля. Воскресение

«Всякому же, ему же дано будет много, много взыщется от него; и ему же предаша множайше, множайше истяжут от него».

Луки. XII. 38.

*«Во всех поступках, в обхождении с ними²⁶⁹ будь любезен, предупредителен так, чтобы одно присутствие твое их оживляло и радовало».

С. Пеллико²⁷⁰.*

²⁶⁷ Водевиль А. А. Фукс «Она похудела» был без успеха представлен в Александрийском театре 6 и 9 февраля (язвительный отзыв о пьесе см.: Литературные прибавления к РИ. 1838. № 9), однако честолюбивая сочинительница рассчитывала на высочайшее поощрение. Фермуар—драгоценная застежка для ожерелья, нередко выступавшая в качестве самостоятельного декоративного элемента, который по ценности мог превосходить все ожерелье. Если мужчина-писатель мог рассчитывать на пожалование ценного перстня или табакерки, то женщина—на серьги или фермуар.

²⁶⁸ В связи с наступлением Великого поста и прекращением театральных представлений Тальони направлялась на гастроли в Лондон.

²⁶⁹ твоими родителями (примечание И. Виельгорского).

²⁷⁰ Пеллико. С. 46—47 (гл. 10—«Сыновняя любовь»).

Встал позже обыкновенного; толковали о вчерашней музыке. Ноты привел снова в порядок.

Получил записку от Паткуля приготовить войска к военной игре²⁷¹.

Перед и после обедни только этим и занимался.

От 6 до 12. В Аничкином. Государь командует союзными войсками; у него Великий Князь, Философов, Назимов, Саша и Долгорукий²⁷². Веймарн=Наполеон, я Berthier, и он меня называет mon cousin; у нас Блом и Фролов. Войска стоят так, как они были расположены 13го года в конце апреля. Ужинали вместе с Императрицей в ротонде.

21 февраля. Понедельник

Я опять должен приняться за ванны. В плече сильный рюматизм, который мне даже препятствует ночи проводить спокойно.

12—2. В министерстве.

6—12. Военная игра. Мы стеснили Государя, который не знает куда броситься.

Были на ужине у Императрицы.

22 февраля. Вторник

*С некоторого времени я испытываю странное чувство противоречия по отношению к Мама. Ее присутствие мне неприятно; между нами установилась какая-то холодность, и такое отношение, особенно с ее стороны, терзает мне сердце. В то же время я начинаю завидовать Софи и особенно Лине— их она ласкает, о них заботится; у Лины спрашивает по сто раз на дню, прошел ее прыщик или нет, приходит в ужас, стоит той кашлянуть. А я не могу как следует спать из-за ревматических болей, но меня она даже не спросит, как я себя чувствую. Это ранит и огорчает меня, и такая холодность возрастает день ото дня. Не знаю, чем все кончится, я в отчаянии от этого, но дела обстоят именно так. Из всего нашего семейства я больше всего люблю Нози и Софи, потому что они ласковы со мной. Что со мной будет, если отношения семейственные более не привязывают меня к жизни, если единственное место, где можно быть счастливым, не доставляет радо-

²⁷¹ Сам Паткуль, по сведениям камер-фурьерского журнала, в военной игре не участвовал.

²⁷² Неизвестно, о ком из знакомых Иосифу князей Долгоруковых идет речь.

сти. Однако причина во многом кроется в моем гадком характере, в моем чудовищном самолюбии и презренной зависти; я грустен, озлоблен, обидчив, вечно несогласен с Мама; сто раз решался не спорить с нею и каждый раз спорю; я опасуюсь объяснения, которое еще более отдалит нас друг от друга. Подлинное утешение можно найти только в религии.

Приехав к Великому Князю, нашел его в доверительной беседе с Сашей Адлербергом—они болтали о всяких пустяках и о любви; мое присутствие их видимо стесняло; я не настолько близок к Великому Князю.

Я краснею ужасно; не знаю, что со мной будет в свете. Для меня мучение там бывать, и потому я не выношу этого. Я бы отдал 5 лет жизни за то, чтобы не краснеть.

Я чувствую себя очень несчастным.*

23 февраля. Среда

Утром ванна.

Веймарн. 10—12. Стратегия Jomini.

Канкрин²⁷³ начал сегодня свои занятия с Великим Князем. Никто не присутствует при этом.

Дома читал Гюма и гулял перед обедом.

После обеда зий акт из *«Гугенотов»^{*274} доставил мне великое наслаждение; музыка еще осталась для меня источником радостей и наслаждений.

8—12. Военная игра. Опочинин отвратителен низостью своею; он делает [вид], как будто чрезвычайно интересуется военной игрою и при каждом слове Государя смеется, да так смешно, что я помирал со смеху.

*Четыре женщины²⁷⁵, одна очаровательнее другой, пересекли залу; эта группа живо поразила меня, хотя влияние, которое они оказывали на меня, заметно ослабело. Ольга Николаевна спросила меня, веду ли я днев-

²⁷³ Министр финансов Е. Ф. Канкрин с глазу на глаз знакомил наследника с современным состоянием вверенной ему части государственного хозяйства. Текст составленного им для этих занятий «Краткого обозрения российских финансов» см.: Сборник имп. Русского Исторического общества. Т. 31. Ч. 2. СПб., 1880. С. 3—162 (с пометой автора: «Читано его императорским высочеством Государем Наследником. С.-П. 23 февраля, 1838»).

²⁷⁴ «Гугеноты» (1836)—опера Д. Мейербера. В петербургских театрах эта опера тогда не шла; вероятно, Иосиф, имея клавир, музицировал самостоятельно.

²⁷⁵ Скорее всего, речь идет об императрице и трех ее дочерях—великих княжнах Марии, Ольге и Александре.

ник, как Адлерберг; она одна проявляет ко мне какой-то интерес. Императрица также обратилась ко мне с какими-то словами: так, чтобы что-нибудь сказать. Я всех их очень люблю; наружность их обворожительна.*

24 февраля. Четверг

Утро прошло в кофе, ванне и нотах; делал Klavierauszug²⁷⁶, как говорит Soliva, из *«Восстания»*; пел с сестрами Quintetto Cimarosa.

Целый день остался дома и сказался нездоровым, чтобы избежать экзамен Екатерининского института²⁷⁷.

От 1—4. Читал Hume.

Oly Bull²⁷⁸ и Miss Ledlow у нас обедали.

Первая очень хорошо играет, но поет дурно;—*она преувеличивает, колотит во клавишам, не спускает ноги с педали—(Шопен sine tutties²⁷⁹)*.

Oly Bull талант необыкновенный, если не гений; точность и верность, с коею он делает самые трудные пассажи, необыкновенны; но он сам престранный человек; делает фарсы, уверяет, что ненавидит людей, рассказывал о несчастиях, им претерпенных в жизни; весь вечер он играл, шутил, рассказывал; на меня он сделал грустное впечатление. Мне кажется, что он сумасшедший или скоро сойдет с ума²⁸⁰.

25 февраля. Пятница

Познакомился сегодня с Vieutant и Lipinski²⁸¹, двумя знаменитыми скрипачами.

²⁷⁶ Точнее — Klavierauszug (нем.), т. е. переложение музыкально-сценического произведения для пения с фортепьяно.

²⁷⁷ Выпускницы Екатерининского института в присутствии императорской фамилии и публики экзаменовались в пении, танцах и игре на фортепьяно.

²⁷⁸ Скрипач Оле Буль посетил Россию во время европейского гастрольного турне; 20 февраля он дал первый публичный концерт в Петербурге.

²⁷⁹ Без тутти (ит.). Тутти — помета в нотах, означающая исполнение музыки всем составом оркестра или всеми группами хора.

²⁸⁰ О. Буль, которого называли «норвежским Паганини», пользовался скандальной репутацией разрушителя музыкальных канонов, противника классической скрипичной школы. В сочетании со странностями внешнего облика и поведения это формировало эпатажный образ романтического музыкального гения, образчиком которого был знаменитый итальянский виртуоз.

²⁸¹ Старшие Виельгорские знали К. Липиньского еще с 1825 г., когда тот впервые приехал в Москву и выступал в их салоне; позднее он посвятил Михаилу Юрь-

26 февраля. Суббота

Долго прогуливался с сестрами и разговаривал с ними по-английски; говорили об религии, о церковных обрядах и предрассудках; я говорил, что не имею веры в святых, то есть в мощи; о монашестве, которое в жалком положении, потому что нет порядочного человека, который бы сделался монахом. Обряды и предрассудки церкви причиною того, что люди образованные, не полагая в них важными, делаются равнодушными к самой религии. Как у нас слушают обедню? машинально; и как служат обедню?

27 февраля

Взял ванну и, воротившись домой, пел с сестрами «Возле речки» хором.

Молодой Лагода²⁸² пришел ко мне с просьбой, нельзя ли его взять секретарем к Великому Князю для путешествия. Его предложение меня поразило; но я отвечал, что буду о нем хлопотать сколько мне возможно.

С горем поехал на Елагин; катался с гор, но дам не возил и очень хорошо сделал, что не сел в саласки, оттого что многих перешибло.

За обедом и во время игр краснел напропалую и ни одной даме слова не сказал; до тех пор, пока я буду краснеть, мне нельзя быть в обществе; вот причина почему я скучен, неприятен, неласков, неразговорчив, неоткровенен. Барятинская завтра едет; я не решился к ней подойти, оттого что знал, что покраснею как рак.

28 февраля

Чудеснейшая погода заставила меня сегодня гулять два часа; не застал Брискорна в министрстве, но встретил Адлерберга²⁸³, который меня спросил, отчего я так поздно прихожу в должность (уж был час); я извинился под тем предлогом, что брал ванны. Сегодня день рождения Миши.

евичу два дивертисмента под общим названием «Воспоминания о Балтийском море» (ор. 19).

²⁸² А. И. Лагода — однокашник Иосифа по Пажескому корпусу. Его просьба удовлетворена не была: секретарем наследника в это время был Е. Ф. Розен.

²⁸³ Владимира Федоровича.

Вечером pour varier²⁸⁴ военная игра, которая мне начинает надоедать; я ничего не делаю, ничем не командую и каждый день шесть битых часов убиваю на то, чтоб сидеть и нагибаться над картою.

Март

1 марта. Вторник

«Не всяк глаголай ми, Господи, Господи, внидет в царствие небесное: но творяй волю отца моего, иже есть на небесех».

Матфея. VII. 21.

*«Следует судить, что хорошо и что дурно, по воле Божьей, которая не может быть ни несправедлива, ни слепа, а не по нашей собственной, всегда полной хитрости и ослепления».

Паскаль.*

Henselt играл утром и поразил меня чистотою, силою и нежностью, с которыми он играет. Он мне сыграл увертюру «Оберона»²⁸⁵, концерт Вебера и *этюд Шопена*.

Погода была чудесна²⁸⁶; сделал большую прогулку с сестрами.

Вечером военная игра.

2 марта. Среда

10—12. Веймарн. Начала стратегии.

До 3^х часов приводил в порядок войска для военной игры. Случайно зашел в большие залы, где мы играем. В эту минуту вошла Императрица. *«Что ты тут делаешь?»— Пришел привести в порядок войска.— «Подойди-ка. Узнаешь этот портрет?»* Я сконфузился и в первую минуту не узнал портрет Leonille Витгенштейн²⁸⁷; *«нехорошо забывать первую любовь, старых друзей»*.—Я молчал как громом пораженный, потому что никогда не был влюблен в Леониль. *Я так смутился потому, что это было сказано в присутствии трех Великих Княжен.*

²⁸⁴ для разнообразия (фр.).

²⁸⁵ Речь идет о фортепианной транскрипции увертюры к опере К. М. Вебера «Оберон, или Клятва короля эльфов» (1826).

²⁸⁶ Температура была около -2°R ($-2, 5^{\circ}\text{C}$).

²⁸⁷ Л. И. Витгенштейн, любимица Александры Федоровны, после замужества жила преимущественно за границей.

Два часа приводил в порядок войска.

Канкрин вошел с портфелем; ему сказали, что Великий Князь читает комитетские записки. «Это сущий вздор, а советские записки еще хуже»²⁸⁸.

Ездили к Якоби, который показывал машину, которая приводится в действие посредством магнетической силы. Её можно будет приспособить к паровым каретам.

Обедал с Ол Булем у Волковых, который нас очень смешил; он говорил, что Пашков, чтоб понравиться здешним музыкантам, освистал его в концерте. Потом пришел Michel Волков с женою.

Вечером военная игра; скука и потеря времени ужасная.

3 марта. Четверг

Сегодня надобно было бы ехать на Елагин²⁸⁹; я сказался больным, а между тем два раза неосторожно выехал; утром слышал Stabat Mater²⁹⁰, который пели придворные певчие, Бартеньева, Клебек и Лисянская. А вечером был в Большом Театре на концерте Брейтинга, который на меня сделал очень мало впечатления. Сидел в ложе с *мадемуазель Хаммер²⁹¹ и тетушкой Уранией.*

4 марта. Пятница

Чтоб не показать, что я вчера избегал Елагина, я остался дома, продолжая быть больным.

Утром каждый день езжу к Франчески брать ванны; потом занимаюсь вплоть до обеда. После обеда прогулка около Михайловского

²⁸⁸ Имеются в виду журналы заседаний Комитета министров и Государственного совета.

²⁸⁹ В этот день на Елагином острове происходило катанье с ледяных гор «в дилижансах и маленьких санях»; за этим последовал ужин в Елагином дворце, на котором присутствовали, в частности, Мих. и Матв. Ю. Виельгорские (Камерфурьерский журнал. № 141. Л. 7 об.).

²⁹⁰ Stabat Mater (лат.; от первых слов текста «Stabat Mater dolorosa» — «Стояла мать скорбящая») — гимн католического церковного обихода, в XIX в. ставший нелитургическим концертным жанром. Музыка к нему писали Моцарт, Гайдн, Перголези.

²⁹¹ Неустановленное лицо.

дворца и опять занятия до чая.—Чай и отдых.—Наконец, от 10—12 последние занятия, которые заключаются тарелкой капусты²⁹².

Разговор с Мама. Жиль ей сказал, что ему очень жаль, что я удаляюсь от Великого Князя и оставляю его на произвол Паткуля.—*«Великий Князь чересчур ребячлив; он ни о чем не может говорить серьезно; ему нужны разговоры о предметах обыкновенных. Он влюблен в девицу Бороздину и только об ней и думает. Я не могу сделаться влюбленным, чтобы ему понравиться, как делают Адлерберг) и Паткуль. Такая разница мнений и поведения не может создать прочной дружеской связи. Кроме того, я положил за правило не делать ничего, чтобы ему понравиться, ничего низкого; как могу я давать ему советы, это значило бы брать на себя роль его наставника. Попробуй я—он пошлет меня подальше».*

5 марта. Суббота

Занятия продолжают хорошо; читаю Нуме, историю несчастного Карла I^{го}.

Вечером был сильный спор об Оль Буле, которого сестры защищали и который поссорился сегодня с музыкантами на репетиции²⁹³. Артисты иностранные, которые сюда приезжают, обращаются с здешними как с школьниками и потому вооружают их против себя. Я не могу хладнокровно спорить; у меня вся внутренность кипела; но я старался сохранять наружное спокойствие.

6 марта. Воскресение

Henselt утром играл и привел меня в восторг; он играл увертюру «Оберона» и *exercices*²⁹⁴; *первая — изображение бури; левой рукой он сыграл арпеджио по двум октавам с изумительной быстротою.*

Жуковский обедал. После обеда говорили о предестинации²⁹⁵. *В некоторых мыслях надо остановиться и смириться перед Богом; чело-

²⁹² Капуста, очевидно, была рекомендована Иосифу врачом для улучшения пищеварения.

²⁹³ Вечером того же дня состоялся концерт Оле Буля.

²⁹⁴ этюды (фр.).

²⁹⁵ предопределение (от фр. *prédestination*).

век свободен—Господь всеведущ; вот две истины, которые нельзя сблизить; это выше человеческого разума.*

Мама мне говорила, что Бенкендорф, Канкрин, Нессельрод ужасно притесняют прусскую торговлю; что большие неудовольствия между Королем и Государем; эти черти для собственных выгод вытесняют прусскую торговлю²⁹⁶.

Как Государя обманывают, это ужасно. *Уж и не знаю, кто у нас не ворует.

Мы говорили о распущенности двора, об Императрице, в особенности о легкомысленном поведении Великой Княжны Марии, которая ведет себя как безумная.*

7 марта. Понедельник

Целый день читал и делал извлечения; 8 битых часов работал; мне это доставляет истинное удовольствие.

8, 9 марта. Вторник, среда

Кроме занятий, эти два дня были особенно примечательны хлопотами для приготовления концерта, на который должна была приехать Императрица. Два раза отказывали и приказывали по причине Елагина и наконец в 5^й раз решительно отказали.

10, 11 марта. Четверг, пятница

Дома сидел и занимался прилежно.

²⁹⁶ Экономические отношения между Россией и Пруссией (в отличие от политических) были весьма сложны. В 1834 г. истек срок действия торговой конвенции, заключенной двумя государствами в 1825 г. Переговоры о ее возобновлении зашли в тупик и в июле 1836 были прекращены вследствие непримиримых противоречий между интересами обеих держав. Россия твердо держалась протекционистской политики, существенно ущемлявшей торговые интересы Пруссии; та, со своей стороны, принимала меры, дискриминирующие русских коммерсантов и русские товары, и сквозь пальцы смотрела на действия контрабандистов, которые настолько осмелели, что вступали в настоящие бои с русской пограничной стражей. В феврале 1838 г. правительства обеих стран обменялись нотами, касавшимися вопроса о контрабанде. Подробнее об этом эпизоде см.: Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 8. СПб., 1888. С. 242—254.

12 марта. Суббота

Решился выйти тайком, чтоб услышать Requiem Моцарта²⁹⁷, и, узнав, что Великий Князь уехал в Петергоф, вовсе не прятался. Requiem меня восхитил. Со Скарятиным пошел гулять и, к несчастью, встретил Паткуля. Надобно было сказатья здоровым. Скарятин мне показывал свой гербарий, а потом мы разговорились о бессмертии души, бессмертии животных, о нравственности христианской. *Я был таким же, как вы, находился в состоянии сомнения, неуверенности, из которого смог выйти, только читая Евангелие, где я почерпал утешение и правила жизни. Вы даете чересчур много пищи уму и слишком мало—сердцу, поэтому ваш ум развивается, оставляя сердце холодным; рассудок без души жалок, он ведет к отчаянию и гордыне; необходимо, чтобы сердце предводительствовало.* Он совершенно справедлив; я как-то охолодел чувством любви к Богу, к родным, к ближним; *я не поддерживаю в душе священного пламени любви и веры, без коего в этом мире счастье невозможно.*

После обеда ездил в Аничкин, где виделся с Великим Князем. Военную игру отказали. Великий Князь поехал в концерт, и я воспользовался этим случаем, чтобы также быть в концерте. И во второй раз слышал Requiem, который доставил мне большое наслаждение; requiem, dies irae, confutatis, agnus dei, quam olim habrahae²⁹⁸ сделали на меня всего более впечатления.

13 марта. Воскресение

Был у обедни; Назимов уехал в отпуск; я очень удивился, увидев вместо него Граббе, которого хотят назначить воспитателем к Михаилу Николаевичу²⁹⁹.

²⁹⁷ Иосиф побывал на репетиции благотворительного концерта Филармонического общества, состоявшегося вечером того же дня. В программу помимо «Реквиема» (1791) входила большая инструментальная fuga Моцарта (1783; К 443), недавно обнаруженная и исполнявшаяся впервые.

²⁹⁸ Названия (по первым словам текста) музыкальных частей «Реквиема»: интроит «Покой», секвенция «День гнева», «Отвергнув», офферторий «Агнец Божий», «Как некогда Аврааму...»

²⁹⁹ Возможно, речь идет о К. Х. Граббе. В итоге это место получил А. И. Философов.

Говорил с сестрами и Сережей о крестьянах наших; сестры полага-ли, что главное внимание должно быть обращено на религиозное вос-питание. Волков говорил, что этого вовсе им не нужно. Завязался спор о нравственности христианской. Волков утверждал, что нравст-венность может обойтись без христианства; *мораль состоит в том, чтобы возвыситься душой над жизненными невзгодами*—но это нравствен(ность) философов³⁰⁰, основанная на гордости, на уверенно-сти высокого ума; вот почему столько философов было деистов. Ода-ренные большим умом, они им возгордились и все пожертвовали уму; их нрав(ственность) основана на гордости; но христианск(ая) нрав(ст-венность) основана на смирении, и потому она несравненно выше вся-ких понятий и нравственности философов, стойков и проч.

Был у Жиля, который воротился из-за границы. Он мне рассказы-вал про свое путешествие по Швейцарии, показывал рисунки. Говори-ли о Великом Князе, сожалели, что он так мало склонен к занятию. *Великий Князь мне сказал, что он не думает о путешествии.* Вече-ром военная игра. Императрица пришла проститься. *Она остано-вилась в соседней комнате; когда она обернулась, стали видны две ма-ленькие черные ступни; это чрезвычайно взволновало меня.*

14, 15 марта. Понедельник, вторник

Втор(ник). Обедал у Шувалова, который рассказывал о беспорядках придворной части. Оказалось теперь, что Нарышкин брал ежегодно на 120,000 руб. вин, ликеров, провизии для своего стола, что каждый год теряются от 7—12,000 салфеток и до 800 скатертей!—*и все это под носом у Государя*.

Присутствовал при конце экзамена Константина Николаевича, кото-рый чрезвычайно хорошо отвечает и удивляет всех своим умом и знанием.

Паскевич был при военной игре. Государь говорил ему, что самые тяжкие минуты своей жизни он провел в ожидании известия о взятии Варшавы. Он выехал навстречу Суворова³⁰¹, который привез эту весть, и встретил его в 40 верстах от Царского Села, тотчас слез с экипажа и

³⁰⁰ Подразумеваются французские философы-просветители.

³⁰¹ Известие о взятии Варшавы 8 сентября 1831 г. и подавлении восстания в Польше привез в Петербург флигель-адъютант А. А. Суворов (внук прославленно-го полководца, под командованием которого русские войска штурмом взяли вар-шавское предместье Прагу 24 октября 1794 г.).

стал на колени благодарить Бога; мужики, столпившиеся около него, также стали на колени.

16 марта. Среда

Веймарн. Стратегия. Сегодня была первая репетиция патриотического концерта³⁰². Повторяли хор *из «Гугенотов»*. Шло дурно. Имел большой разгов(ор) с Мама о краснении. Она меня утешала и говорила, как мне не стыдно этим беспокоиться. Но это меня мучит беспрестанно, отравляет жизнь.

17 марта. Четверг

Особенного ничего.

18 марта. Пятница

Поехал наконец в министерство, боясь, чтоб меня не вспудрили за то, что я не дал знать, что я болен³⁰³, но дело обошлось хорошо.

Оттуда на репетицию. Хоры шли гораздо лучше. *Не осмеливался подойти ни к одной даме из боязни покраснеться; я должен казаться им надутым и гордым.*

Вечером была *soirée*³⁰⁴ у Трубецких, играли в *petits-jeux*³⁰⁵. *Мария Николаевна ведет себя как сумасшедшая.* Под конец мне стало ужасно скучно. *Меня невыносимо огорчает сознание того, что я недостаточно любезен.*

19 марта. Суббота

Зубная боль явилась, чтоб *еще ухушить мое расположение духа.*

³⁰² Имеется в виду ежегодный благотворительный концерт с участием музыкантов-любителей (в 1838 г. был назначен на 23 марта), организованный Петербургским Женским патриотическим обществом в пользу подведомственных этой организации школ. Музыкальным руководителем концерта, проходившего в зале Дворянского собрания, был Мих. Ю. Вильергский.

³⁰³ Опасения Иосифа объяснялись строгостью дисциплины, установленной М. М. Брискорном для подчиненных: время прихода и ухода рядовых чиновников строго фиксировалось, в случае невозможности явиться в присутствие они обязаны были предупредить начальника.

³⁰⁴ вечеринка (фр.)

³⁰⁵ салонные игры (фр.)

За уроком *Веймарна* должен был держать во рту полоскание Козловского.

3^я репетиция. Теноров заставили петь одних. *Приложил все силы к тому, чтоб не сделаться красным, как вишня.* — Сухарева уверяла, *я видела, как наследник приблизился к Императрице.*

Вечером музыка.

1.) *Квартет Бетховена. Превосходно.* Lipinski играл хорошо, с большим огнем.

2.) *Квартет Бетховена.*

3.) *Квинтет Гебеля. Арто.*

4.) *Чудесный двойной квартет Шпора³⁰⁶. Арто, Маурер, Ромберг³⁰⁷, Мейнгард, Дядя, Воинов, Бёр, Киприан Ромберг*.

20 марта. Воскресение

После утренней молитвы Мама меня спросила, отчего я не еду сегодня во дворец. *Ты слишком явно удаляешься от Великого Князя и предоставляешь его пагубному влиянию Паткуля. Жиль и г-жа Баранова говорили мне о том же; ты никак не проявляешь своего внимания к нему; после всего, что для тебя было сделано, ты мог бы по крайней мере выказать какую-то признательность. Ты избегаешь борьбы со злом и заранее сдаешься; нет никакой заслуги в том, чтобы запереться в своей комнате или укрыться в семействе. Тебе необходимо закалить душу.* Я чувствовал всю справедливость этих слов; ужасно опечалился и упал духом; все уже мне представлялось в черном виде; холодность ко мне Великого Князя, холодность Государя и Императрицы, моя неловкость в обществе, краснение, стыдливость, холодность в семействе. Мысль об убийстве представилась; я её отбросил с ужасом; но между тем мысль, что покуда я не перестану краснеть, мне ничего нельзя сделать, меня приводила в отчаяние. Как я буду путешествовать и краснеть на каждом шагу, как служить, как быть в обществе. В таком расположении духа я уже несколько месяцев.

Сереза Волков приходил перед обедом и рассеял меня, рассказывая анекдоты о приходском священнике их деревни, который часто напивается пьяным.

³⁰⁶ Речь идет об одном из оригинальных двойных квартетов Л. Шпора, написанном для удвоенного состава обычного струнного квартета.

³⁰⁷ Имеется в виду скрипач Г. Ромберг.

Скарятин меня навестил и говорил как в Москве аматеры³⁰⁸ обставили *«Севильского цирюльника»³⁰⁹.*

Мне очень досадно было, что я не поехал во дворец, оттого что сегодня вечером картины у Великой Княгини³¹⁰; особенно боялся, что Паткуль и Саша будут приглашены, а я нет; но я узнал потом, что их также не пригласили. *О самолюбие и зависть!*

Вечер провел очень весело с Фофой и Мишей; мы играли квартет вчерашний Липинского, пели арию Глинки из «Руслана»³¹¹. Потом говорили о России, о несчастном положении духовенства, об огромности армии и проч.

21 марта. Понедельник

Все утро приводил в порядок партитуру *«Гугенотов»* для сегодняшней репетиции. Мама мне сказала, что путешествие наконец решено. С Великим Князем едет барон Ливен и кн. Долгорукий³¹², а мы все с Юрьевичем, Назимовым и Липманом едем особенно и будем только сходить с Великим Князем в больших городах. *Недурно натянули нос Юрьевичу и Назимову.* Государь, однакож, догадался, что стыдно будет их показать при Великом Князе.

В 12 был у Великого Князя и видел там Германа, который приехал из Казани.

В министерстве убил два часа, ничего не делал и оттуда поехал на репетицию Концерта. Разговорился с Олениной, *которая очень умна. Это меня ободрило; я болтал, смеялся и вообразил, что был необыкновенно любезен.* Голос Андреева поразил меня силой, чистотой и верностью. Соллогуб удивительный mauvais genre³¹³ и с ужасными мане-

³⁰⁸ любители (от фр. amateur).

³⁰⁹ Речь идет о благотворительном представлении оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник», организованном московским Обществом любителей музыки 5 апреля 1836 г. Сам А. Я. Скарятин тогда с успехом исполнил партию дона Бартоло (См.: Северная пчела. 1836. № 118. 27 мая. С. 468—469).

³¹⁰ Елены Павловны.

³¹¹ К этому времени опера М. И. Глинки «Руслан и Людмила» еще не была закончена (преьера состоялась в Петербурге в 1842 г.). Каватину Людмилы из первого действия впервые исполнила П. А. Бартенева на концерте Патриотического общества 23 марта 1838 г.

³¹² Обер-шталмейстер князь В. В. Долгоруков.

³¹³ субъект дурного тона (фр.). Соллогуб, обладавший басовым голосом, участвовал в репетиции в качестве хориста. По его собственным воспоминаниям, в то

рами. «Что это за дамы, ни одной хорошенькой; если бы еще хоть можно было их вы...»* — К счастью, что сестры не было, а то бы пришлось попотчевать оплеухой.

Вечером военная игра. *Любовь к кантам и выпушкам обращает в ничто все достоинства Государя. Непостижимое свойство человека, который далеко не глуп.*

22 марта. Вторник.

Все утро писал журнал, который был запущен с 10 марта, и довел его до сегодняшнего дни.

Отпросившись у Брискорна, поехал на репетицию, но остался только до ½ 3 и вместе с Карамзиным³¹⁴ отправился на Елагин; погода ужасная, снег валил, и сильный холодный ветер продувал насквозь³¹⁵. — Я не ездил в саласках и оставался в комнатах. Говорил с Крюднером и Долгоруким об австрийском Императоре³¹⁶. *Несмотря на то, что он идиот, австрийские дворяне очень ему привержены и свидетельствуют ему свое глубочайшее почтение. Никогда ни один из них не позволит себе даже самой легкой насмешки на его счет.* После обеда начались *petits jeux; la corde*³¹⁷, перебегать с стула на стул, *à la guette*³¹⁸ и потом лотерея. *На Императрице было красивое платье, довольно короткое, что доставило мне удовольствие видеть ее маленькие ножки и над лодыжкой краешек красивых панталон³¹⁹.* Я глаз не спускал с ее ног; и кажется, она это заметила, оттого что Мария Николаевна на меня посмотрела и сказала что-то на ухо Императрице. Я испугался. — Кроме этого было ужасно скучно. В 2 ч. только был дома.

время он одновременно был влюблен в Софью Виельгорскую и М. И. Бятынскую (Соллогуб. С. 402).

³¹⁴ В репетиции принимал участие один из сыновей историографа — Андрей или Александр. О ком из них идет речь, неясно.

³¹⁵ Температура была около -3°R ($-3,75^{\circ}\text{C}$).

³¹⁶ О Фердинанде I. Вялый, безбидный и обладавший мягким характером, этот монарх открыто пренебрегал государственными делами, полностью препоручив управление империей канцлеру Меттерниху.

³¹⁷ веревочка (фр.)

³¹⁸ в войну (фр.)

³¹⁹ Выглянувший из-под платья краешек панталон — пикантная случайность: правила приличия строго требовали, чтобы панталоны взрослой женщины (в отличие от детского костюма) были полностью скрыты юбкой.

23 Марта. Среда

Все утро дождался Великого Князя с Веймарном и Кавелиным; нашел на столе у Великого Князя тетрадь Канкринна о доходах России. Они простираются в 1838 году в

513,133,500 р.

За исключением недоимок и недоборов

8,017,380 р.

Назначено к действительному поступлению

505,116,120 р.

В 12 часов был на репетиции и пел «Huguenots». Ходил смотреть les pucés travailleuses³²⁰, в которых вовсе ничего нет; они меня вовсе не поразили.

Вплоть до обеда повторял *tenore secondo*³²¹; ужасно трудно выучить этот хор.

Вечером в 8 час. концерт. Тьма народа, как обыкновенно.—Всего более эффекта сделали Лисянская³²², Львов³²³, дуэт Толстого и Волкова³²⁴, финал «*Somnambula*»³²⁵.

До 1 часа сидел с Александром Скарятиним. Говорили о необходимости быть в обществе и о времени, которое это отнимает для занятий, о Государе, *о его принципах, о его солдатомании, о духовенстве, о жалком положении крестьян, о легкомыслии Императрицы, о нравах, о дурном поведении молодых людей. «До сих пор я не знал женщин,—сказал он,—и надеюсь, что так будет и впредь».—Я знаю, что Государь сказал Великому Князю после того, как Арндт побеседовал с ним как врач о прискорбных следствиях развратного поведения: «Сейчас я намерен поговорить с тобой как отец с сыном: я не знал иной женщины, кроме твоей матери; надеюсь, что ты поведешь себя так же».* Но между тем как объ-

³²⁰ трудолюбивые блошки (фр.)—дрессированные насекомые.

³²¹ Партию второго тенора в хоре, которую Иосиф должен был петь на предстоящем концерте.

³²² Исполняла арию из оперы Дж. Россини «Сигизмондо» (1814).

³²³ А. Ф. Львов играл скрипичные вариации композитора Ш. О. Берио.

³²⁴ И. М. Толстой и М. А. Волков пропели дуэт из оперы Г. Доницетти «Сумасшедший на острове Сан-Доминго» (1833).

³²⁵ «Сомнамбула» (1831)—популярная опера В. Беллини.

яснить *его постоянное волокитство; ведь это ведет к тому, что общество в целом усваивает до неприличия откровенные формы обхождения; Грубецкие, Раух³²⁶, г-жа Смирнова, Всеволодская—отвратительные субретки. А между тем это задушевные подруги Великой Княжны Марии.*

24 марта. Четверг

Утром заходил к Полторацкому, который мне показывал старые газеты Петра Великого 1703ого года³²⁷.

Потом 3 часа времени потерял в министерстве и написал одну вздорную бумагу. Разговаривал с Позеном, который умен, но должен быть большой плут; он выхвалял коллегияльное управление и оуждал министерское. Издержки по военному министерству в прошлом году простирались до 173,000,000. Отпросился у Брискорна не ходить во время Страстной недели.

Вечером военная игра. Философов и Граббе взяты к маленьким князьям Николаю и Михаилу.

25 марта. Пятница.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Был у обедни.

Потом поехал в Университет, где происходил акт открытия. Бывшие двенадцать Коллегий вновь теперь отделаны для Университета и Педагогического училища³²⁸. Шульгин говорил очень дурно речь³²⁹, которую почти нельзя было слышать от шума в зале. Сами студенты всего более шумели и возились; и мы с Мишей тотчас после речи Шульгина и уехали.

³²⁶ Прусский полковник фон Раух в конце 1830-х гг. был близок к Николаю I. Записями о том, что фон Раух и его жена (в комментируемом фрагменте речь идет, видимо, о его жене или дочери) обедали с императором или императрицей, изобилует камер-фурьерский журнал за февраль-апрель 1838 г.; см. также: Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 г. // РС. 1886. № 7. С. 28.

³²⁷ С. Д. Полторацкому принадлежала коллекция старых русских газет; комплект «Санктпетербургских ведомостей» за 1769—1773 гг. был подарен ему А. С. Пушкиным.

³²⁸ Здание Двенадцати коллегий, сооруженное в 1722—1742 гг., было частично перестроено под руководством архитектора А. Ф. Щедрина для Петербургского университета.

³²⁹ «О начале и постепенном возрастании Императорского Санкт-Петербургского университета» (СПб., 1838)—речь ректора И. П. Шульгина.

Слава Богу, сегодня последний вечер военной игры; Государь всех благодарил, и мы все пошли в ротонду. Там играли *Vieutemps* и Львов, *Cissneg* отлично хорошо на валторне и Гензельт, который меня восхитил своей игрой. Он играл «*Роème d'amour*», *прелестный отрывок пения и чувства*, «à toi, si oiseau j'étais, à toi je volerais»³³⁰. Любовался Ольгою Николаевною.

26 Марта. Суббота

Веймарн. Я читал описание шведской кампании Сухтелена³³¹.

Потом приводил в порядок войска военной игры и карты.

Иван Толстой, которого назначили в свиту Великого Князя; представлялся ему; он кажется добрый, ласковый, любезный, *но не более того.*

Великий Князь смотрел в Манеже казаков, одетых на новый манер по его предположению; шашки вместо сабель, патронташи вместо сумм³³².

Вечером у нас была музыка.

1.) *10^й квартет Бетховена.* *Vieutemps* играл хорошо, но без огня и выражения.

2.) *Двойной квартет Шнора*. *Artôt* и те же, которые играли в прошедшую субботу.

3.) **Ottetto* Мендельсона. Арто и те же.*

4.) *Вариации на тему «Соловья» Мейер³³³, исполнял он же.* Нет никакого сравнения с Гензельтом; *играл блестяще, но колотил по клавишам и выбрал скучные отрывки.*

27 Марта. Воскресение

Зубы опять начали у меня болеть. Кончил таблицу английской истории и генеалогическую английских Государей. После обеда с Мама

³³⁰ «Поэма любви» — известная фортепьянная пьеса А. Гензельта (ор. 3). «Если бы я был птицей, я полетел бы к тебе...» — пьеса из цикла «Двенадцать концертных этюдов» (ор. 2).

³³¹ Имеется в виду сочинение П. П. Сухтелена «Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России с Швециею в 1808 и 1809 годах» (СПб., 1832).

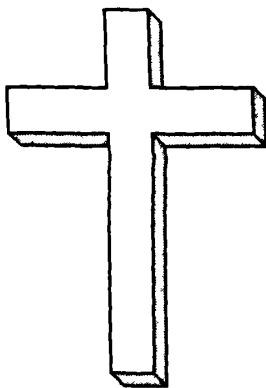
³³² Наследник в качестве шефа казачьего Атаманского полка выступил с предложениями об изменении формы, которые были официально утверждены 29 апреля. Помимо замены сабель на шашки и сум (лядунок) на патронташи перемены коснулись формы шапок и пистолетных кобур и способа укладки вьюков.

³³³ Вариации Л. Мейера были написаны, вероятно, на тему популярного романса А. А. Алябьева.

и Плюсковой разговорился о Фотии, который недавно умер, и о графине Орловой; я с Мама смеялись над ней и над ним³³⁴.

Был у Великого Князя, который вовсе не думает о путешествии, но о возвращении. Он надевал фрак; Семен Алексеевич также³³⁵; похож на трактирного лакея; страм будет с ним ехать.

Воротившись домой, разговаривал с Мама и Василием Андреевичем о путешествии. Назимов, Патк(уль), Адлерб(ерг), Липман и я едем совершенно особенно; мне это было неприятно, что мы не с Великим Князем едем; но Василий Андреевич сказал, что я должен быть благодарен, потому что Государь мог очень хорошо нас оставить, но он так милостив, что позволяет на свой счет ехать и дает Липмана для того, чтоб путешествие это принесло бы пользу, притом мы ничего важного не теряем; избавляемся от представлений, обедов и всех неприятностей, которым будет подвержен Великий Князь. Потом говорили о Великом Князе; что он мало оказывает любопытства, что он ребячески влюблен в Калиновскую, что весь город это замечает, что трудно ему откровенно говорить, что Государь сам ему подает пример в этом. Василий Андреевич жаловался мне на свое отрицательное положение; он ничего не может сделать Великому Князю и между тем не может удалиться. Почти то же со мной происходит.

³³⁴ А. А. Орлова-Чесменская была духовной дочерью новгородского митрополита Фотия. Иронические замечания и домыслы на счет их отношений— характерная черта светского остроумия первой половины столетия (ср., например, приписываемые Пушкину эпиграммы «Разговор Фотия с графиней Орловой» и «Благочестивая жена...»).

³³⁵ В России офицеры не имели права одеваться в гражданское. Наследник и Юрьевич примеряли фраки, которые собирались носить за границей.

Страстная неделя

28 марта. Понедельник

Встал поздно и отправился тотчас в Аничкин, но службы не было еще; не имея духовной книги, я взял «Revue Britannique» и читал Histoire du Canada.

За заутреней стоял против Государя и почти все время думал только о том, чтоб не краснеть. Таково я молюсь. *Так не может продолжаться, это грех.* Я не могу хорошо, искренно молиться. Это должно перемениться. Потом разбирал свой характер для исповеди.

За обедней были минуты, когда я молился, но мало. Мысли Бог знает где бродят, и какие мысли, стыдно сказать; малейшее движение Государя меня тревожит.

Вместе с Василием Андреевичем ездил к Герману, но не застал его дома и потом был у Зауервейда³³⁶ и Брюлова, который рисует Христа на кресте³³⁷. Картина удивительная. Мысль величия Спасителя мира выражена удивительным образом на картине.

Вечером служба; также не молился; мысли не думали о молитве.

Вечер провел в русской бане³³⁸; в день этот немного приготовился к исповеди и причастию.

29 Марта. Вторник

Чтение дьячка меня смущает и сердит; как люди умные стоят и слушают бормотание и не переменяют этого; доказательство, что у нас религия наружная; не заботятся о том, что читают и как читают, а стара-

³³⁶ А. И. Зауервейд жил на Ново-Театральной улице.

³³⁷ В это время К. П. Брюллов в своей мастерской (располагалась в здании Академии Художеств) работал над алтарным образом для строившейся по проекту А. П. Брюлова лютеранской церкви св. Петра на Невском проспекте. Эта картина, ныне утраченная, производила необычайно сильное впечатление на современников. В частности, Жуковский находил, что она «выше всего, что написала кисть в новейшее время» (Сочинения В. А. Жуковского под ред. П. А. Ефремова. Изд. 8-е. Т. 6. СПб., 1885. С. 608—письмо к великой княжне Марии Николаевне от 24 июня 1838 г.).

³³⁸ Возможно, имеются в виду бани на углу Мойки и Гороховой ул., принадлежавшие купцу Талю—меломану, певцу-любителю, посетителю музыкальных собраний у Виельгорских.

ются только о том, как кончить. Чтение дьячка сделало на меня неприятное впечатление. Горестно видеть общее равнодушие к религии.

Чтение Евангелия во время обедни меня тронуло и поразило. Дьякон³³⁹ читал сильным, пронзительным голосом; особенно поразили эти слова Спасителя: «Аминь, аминь глаголю вам, понеже не сотворите единому сих меньших, ни мне сотворите. И идут сии в муку вечную: праведницы же в живот вечный»³⁴⁰.— Мысль о муке вечной паразит каждого, кто только об этом подумает. Меланхолическое пение трех мальчиков: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою» тронуло меня до глубины сердца; душа была в каком-то высоком состоянии, когда хор начал: «Ныне силы небесные невидимо служат».

Перед обедней подошел к фрейлинам Бартеневым и разговаривал с ними некоторое время; и очень рад был, что не краснея был довольно любезен.

Читал «Imitation»³⁴¹, которая привела меня в смущение. Там сказано не заниматься науками, а заниматься спасением души; какая прибыль в том, что много знаешь, человек умрет и об нем забудут; *всё суета*. Так надобно, следственно, покинуть занятия светские и только изучать то, что может послужить к моему спасению. Мне кажется, что это несправедливо, надобно будет пояснить его на исповеди.

Александр Александрович³⁴² заметил нам, что мы слишком фамильярны с Великим Князем, но, впрочем, он сказал Назимову, что это до

³³⁹ Обедня происходила, скорее всего, в церкви Аничкова дворца. В этом случае речь идет о протодиаконе И. С. Верещагине.

³⁴⁰ Мф. XXV. 45—46.

³⁴¹ Слово «l'imitation» (подражание) по-французски женского рода, отсюда согласование. Видимо, в этот день Виельгорский читал вторую и третью главы 1-й книги трактата («О смиренном чувстве» и «Об учении истины»): «Успокой в себе излишнее желание знаний; от него тебе прибудет великое рассеяние и обольщение. (...) Много есть такого знания, от которого мало пользы душе или никакой пользы не бывает, и весьма безумен, кто наиболее печется о том, что не служит к его спасению»; «Верно, когда придет день суда, не спросится у нас, что читали мы, а спросится, что мы делали; не спросится, хорошо ли мы говорили, а спросится, по вере ли жили мы. Скажи мне только, где те наставники и учителя, кого хорошо знал ты, куда они были еще в живых и процветали в науке? (...) Покуда жили они, казались еще чем-то, а теперь и не говорят о них» (О подражании. С. 4, 8—9).

³⁴² Кавелин.

меня не относится, что я себя хорошо веду, и что я могу служить примером моим товарищам. Это было приятно слушать. Весь вечер писал журнал и исповедь свою или описание самого себя. Видел Павского, с которым разговаривал о русском языке и внутренне был ужасно рад, что мог с ним говорить ученым образом об образовании языка³⁴³.
О самолюбие.

30 Марта. Середа

«Якоже возлюбил мя Отец, и аз возлюбих вас; будете в любви моей. Аще заповеди моя соблюдете, пребудете в любви моей: якоже аз заповеди отца моего соблюдох и пребываю в его любви. Сия глаголах вам, да радость моя в вас будет и радость ваша исполнится. Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы. Больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя».

Иоанна. XV. 9.

Все утро писал свою исповедь, то есть разбирал свой характер, рассуждал о своих поступках, о побуждениях моих и проч.

За службою не был столь внимателен, сколько надобно было; хотя старался направлять свои мысли на предметы духовные.

Прося прощения у Мама, расплакался и сказал ей: *«Я виноват перед вами в том, что часто вам противоречил и спорил с вами».*

Ездил с Василием Андреевичем и говорил с ним о путешествии, о котором ни Государь, ни Великий Князь ни слова не говорят. Я этого не понимаю.

Вечером служба. Государь спросил у нас всех прощения.

Бажанов, не имея времени меня сегодня исповедовать, отложил это на завтрашнее утро.

Вечером у Папа некто Григоровский рассказывал о им приобретенной картине Рубенса.

³⁴³ Бывший законоучитель и духовник наследника и его товарищей протоиерей Г. П. Павский, в 1835 г. отстраненный от двора, пользовался репутацией крупного ученого-лингвиста. В 1838 г. он занимал место настоятеля церкви Таврического дворца и работал над трехтомным исследованием «Филологические наблюдения над составом русского языка». По выходе в свет в 1841—1842 гг. этот труд был удостоен Демидовской премии.

30 Марта

С благословением Божиим

Исповедь

I. Физическое состояние

В продолжение всего года я был болен; то есть страдал ишиятикой, рюматизмом в руке, не считая простудных лихорадок, довольно часто случавшихся. Болезненное состояние на меня не имело большого влияния нравственного; я уже привык страдать; но однакож оно было часто причиною того, что я упал духом и предавался печали слабого человека, не имеющего довольно твердости, чтобы пренебречь болью или покориться ей со смирением. Холод в ногах всего более меня беспокоит и мучит. Каждый день, в каждую минуту я об этом думаю и беспокоюсь. Кровь в голову бросается по-прежнему; но я краснею, кажется, немного менее прошлого года, но это от других причин. Почти весь год прошел в леченнях и лекарствах, что имело некоторое влияние на мрачное расположение духа.

Мои главные пороки и недостатки:

1. Мысленное сластолюбие.
2. Скрытность.
3. Застенчивость.
4. Зависть.
5. Ожесточение.
6. Вспыльчивость.
7. Трусость.
8. Самолюбие.
9. Слабость характера.
10. Мизантропия.

I. Мысленное сластолюбие

Говорю мысленное, потому что не приводил его в действие кроме одного раза, который как камень лежит на сердце и давит как ужасный груз (несколько вечеров я надевал чулки шелковые и дамские башмаки и, смотря на ноги, представлял себе, что я женщина, и смотря в зеркало, воображением дополнял того, чего недоставало). Вообще источник нечистоты в мыслях находится в ногах женщин; ничто меня так не волнует и не производит похотских желаний, как поднятое пла-

тье или нога женская; особенно ног И.... и В... К...³⁴⁴ не могу видеть без похотского сотрясения. Все, что воображение пламенное может изобразить привлекательного в ногах, для меня приятно; почти не проходит дня, чтоб об этом я не подумал, и когда я увижу И.... или В... К..., то первая мысль: увижу ли что-нибудь из ног. Непостижимая ли это глупость? или оно в натуре вещей? Но это не было бы столь важным пороком, если б оно не имело влияния вообще на состояние души. 1^е. *Холодность к Богу*; нет этой теплой, чистой молитвы, единственного средства сношения нашего с Создателем и Христом; нет откровенного изъявления чувств к Богу. 2^е. *Нечистота молитвы*; во время каждодневной молитвы являются самые гадкие, свинские мысли; и страх их появления еще более их возбуждает; я раб своего воображения; и мало старался побеждать его. 3^е. *Почти отсутствие молитвы*. Я не помню, чтоб когда-либо хорошо, чистосердечно, откровенно молился. Никому столько как мне относятся удивительно трогательные слова: «Да исправится молитва моя».

4^е. *Ожесточение духовное сердца и гордость* — неизбежные последствия такого состояния души; и потому мне надобно прежде всего перемениться в этом отношении.

5^е. *Рассеянность*. Мысли, направленные на один предмет, не могут заняться другим; и кроме того я довольно забывчив и рассеян.

6^е. *Нечистота мыслей в отношении к родным* ужасна иногда; такие себе представляешь картины, которые не должны бы были приходиться в голову.

7^е. *Нечистота мыслей в отношении к Богу*, грех ужасный — приписывание низких человеческих качеств и картин Христу.

Я каждый день прошу Бога избавить меня от нечистоты мыслей, но прошу холодно и ничего не делаю, что[бы] истребить её.

2. Скрытность

Давнишний порок, за который мне доставалось очень от Жиля, Мердера и Жуковского. Я не имею человека, которому бы мог сказать все, что у меня на сердце. Даже мать, которой я всего более открываю сердце, меня не знает совершенно; да я притом не могу ей все сказать; или лучше сказать мне совестно; я очень рад, что недавно познакомил-

³⁴⁴ Императрицы и великих княжон.

ся с Александром Скарятиним, который мог бы быть моим другом, и которому я во многом открылся. Но вообще я более скрываю свои чувства и мысли и мало их высказываю. Причина тому:

3. Застенчивость

До чрезвычайной степени; она имеет большое влияние на мой характер. При каждом случае, при каждом слове, часто от одной мысли — я краснею; это мне неприятно; больно самолюбию, я сержусь и ожесточаюсь. И потому каждый день и каждый раз, что я с другими людьми, хоть с одним, я только и думаю о том, как бы не краснеть. В церкви я боюсь краснеть и потому вовсе не думаю о молитве; в собраниях я стараюсь не краснеть, не заботясь о том, чтоб быть ласковым и обходительным; вместо того, чтобы на краснение не обращать никакого внимания, я этим огорчаюсь до такой степени, что хочу совершенно удалиться от общества, а иногда приходит ужасная мысль избавиться от жизни. Но я надеюсь, что имею еще довольно чувства религиозного, чтоб не следовать сему безумному влечению. От застенчивости у меня родились: 1^е. *Мрачность*; я обыкновенно бываю суриозен, мрачен, смотрю на вещи с дурной стороны; в жизни более вижу дурного, нежели хорошего. 2^е. *Подозрительность*; мне все кажется, что надо мной смеются, и если я один на улице, а за мной кто-нибудь идет, тотчас подозреваю злое намерение. 3^е. *Скрытность*; боясь краснеть, открывая свои мысли и чувства, я большею частию оставляю их в себе. 4^е. *Гордость*, кажущаяся, так как я необходим, то я кажусь гордым. 5. *Неловкость в обществе и недостаток учтивости*; я ни с одной женщиной не говорю, боясь краснеть; не смею сказать, что я влюблен, а то буду всегда краснеть при ее имени; и только могу любить про себя. Один вопрос: влюблен ли я, уже заставляет меня краснеть. С кем бы я ни говорил, если кто на меня пристально посмотрит, если кто сделает вопрос при других, если мне надобно делать что-нибудь на виду и при других, я краснею как рак. 6^е. *Горькость обращения с домашними*; *нет этого забвения всех горестей в кругу семьи, нет нежной дружбы; я постоянно раздражен, скрытен, обидчив, мрачен, неприветлив, неласков* и все это делает меня скучным, недовольным собою, мизантропом.

4. Зависть

Мысль, что я один краснею, меня тревожит и сердце наполняет завистию; отчего я один только краснею беспрестанно? если б это было

преизбытком здоровья, но я болен почти всегда. Я завидую другим в их любезности, блистательности ума, ловкости в обществе, красоте; мне все кажется, что я глуп; от того, что я ничего не умею сказать смешного или рассказать смешной анекдот. Но я не только завидую наружным качествам; ум, искусство, заслуги, всякое достоинство, особенно ловкость, приятность в обществе во мне производят зависть. Мне завидно, досадно, когда брат или сестры знают то, чего я не знаю, а когда я знаю то, что они или другие не знают, гордость заставляет меня думать, что я удивительный человек. Мне завидно, что Великий Князь более любит Адлерб(ерга), чем меня, но между тем я ничего не делаю, чтобы приобрести его любовь.

5. Ожесточение

От всех этих неприятностей: зависти, застенчивости, скрытности, сделалось во мне какое-то чувство ожесточения, противуречия, несогласия; я часто бываю противного мнения из одной любви противуречия; но оно всего сильнее, к моему прискорбию, с Мама и с братом; с первую потому, что она всегда оуждает Россию и восхваляет чужие земли, с братом потому, что он очень самолюбив и я также; то малейшее противуречие рождает во мне ожесточение; не могу хладнокровно спорить; тотчас ожесточаюсь, огорчаюсь, особенно если я побежден в споре. Всего страннее то, что всего более ожесточения я чувствую в семействе.

6. Вспыльчивость

Я до такой степени вспыльчив и *обидчив*, что если б не был до чрезвычайности застенчив, то я имел бы уже много неприятностей и ссор. Малейшее замечание меня волнует. Как огонь вспыхивает иногда чувство мести, ненависти, злобы, особенно против Паткуля, [к] которому я всегда питал неприязненное чувство, хотя теперь стараюсь истребить его.

7. Трусость

Я очень мало имею храбрости или лучше сказать вовсе не храбр. На пожаре Зимнего дворца я совершенно потерял голову, бегал как угорелый и дал стореть всем вещам своим. Боюсь как ребенок мертвых тел; иногда боюсь быть один в комнате; мне все кажется, что кто-

то меня хочет убить. Ночью часто какое-нибудь движение на улице или шум меня пугает; и я был бы весьма плохой военный, если б пришлось идти на войну. Я уже совершенно теряюсь, когда Государь или Императрица, или даже посторонний пристально на меня посмотрит; так что со мной будет в сражении. Причиною тому отчасти застенчивость, но все-таки в моем характере есть боязливость, нерешительность. Часто не знаю, на что решиться. Хладнокровия у меня нет никакого. Всегда волнение в сердце. Я спокоен только тогда, когда у себя в комнате. Только что выду — забота о краснении.

8. Самолюбие

Вот один из главнейших моих пороков; все колет мое самолюбие; и краснение, и моя неловкость, успехи других, замечания, которые обо мне делают. Я часто воображаю, что я гораздо лучше других, оттого что я занимаюсь и знаю такие вещи, которые другие молодые люди не знают. Даже когда Мама мне делает замечание, самолюбие мое волнуется и восстает. Считаю ничтожными таких людей, которые не так поступают, как я. Замечания от такого человека, к которому я не расположен, я не могу вытерпеть. Всего более боюсь я, чтоб меня бы не считали дураком и глупым, и я чрезвычайно рад, когда чем-нибудь могу показать, что не глуп и не невежа. Но вопрос о моей глупости еще не решен; я часто думаю, что я глуп; часто — что я умнее других. Теперь мне кажется, что я, хотя и не имею что называют *de l'esprit*³⁴⁵, но зато и не нуждаюсь в способностях. Всего неприятнее мне, что брат и старшая сестра³⁴⁶ умнее меня.

9. Слабость характера

В этом недостатке убедила меня Мама и совершенно справедливо. Я часто упадаю духом до такой степени, что почти предаюсь отчаянию; от пожара Зимнего дворца я сделался болен не на шутку. Болезненное мое состояние, воспоминание о прежних шалостях, об онанизме, застенчивость, неудача в обществе, холодность Мама и семейства, все это меня как бы уничтожает, а между тем нет убежища в молитве, и не знаешь куда деваться. Бывали дни, что я не знал, что делать;

³⁴⁵ остроумием (фр.).

³⁴⁶ Аполлинария.

желчь скоплялась; ожесточение, зависть, злоба на всех отравляли мою жизнь. Не могу сказать, чтоб я был счастлив; хотя я мог быть таковым. Я сам причиною тому, что скучен и несчастлив, а между тем нет довольно твердости духа, чтоб бороться со всеми врагами и препятствиями. Пожар Зимнего дворца мне доставил горестное убеждение, что я в важных случаях, когда надобно показать себя, теряюсь и ничего решительного предпринять не умею.

10. Мизантропия

От сего склонность моя бежать от света, куда обязанности гражданские и христианские меня призывают. Я люблю быть в своей комнате, и не только убегать людей, но даже свое семейство, в котором не вижу большого ко мне расположения. Эта мысль иногда меня приводит в отчаяние.

Отношения к Великому Князю

Самые ничтожные, заключающиеся в каких-нибудь банальных фразах, в каких-нибудь шутках; серьезного разговора никогда между нами не было. Мне хотелось бы ему сделать добро; то есть быть полезным советами, но вижу, что не могу; не хочу быть его цензором или неприятным; я и без того должен быть ему неприятен, не делая то, что он делает. Он более расположен к Адлербергам, *у которых характер легче и привязчивее; они делают все, что может быть приятно Великому Князю.*—Я начинаю удаляться от Великого Князя, за что мне Мама часто упрекала. Моя обязанность быть при нем, быть ему полезным и бороться с теми, которые могут иметь на него дурное влияние.

Отношения в семействе

Мне кажется, и оно справедливо, что Мама стала ко мне гораздо холоднее и равнодушнее; это мне раздирает сердце, мучит и возбуждает зависть к сестрам и брату, которых она более ласкает. Но это надобно приписать также и моей холодности к ней, постоянному противуречию и собственным ее скорбям; я всегда ей противуречу и всегда с горечию, ожесточением. Причиною споров Россия, которую Мама оуждает, а я защищаю; одно время Мама сделалась для меня неприятною; все что прежде нравилось, теперь было противно; я начал в ней нахо-

доть недостатки. Нет даже чистого семейного счастья; но я сам тому виноват; надобно перемениться; перестать противуречить, быть ласковее, обходительнее; я знаю, что это надобно; хочу так поступать—застенчивость, краснение мне препятствуют; притом же, чтоб быть веселым, надобно быть счастливым.

Отношения к обществу

В обществе я довольно холоден, неразговорчив, особенно с дамами, с которыми я вовсе почти не общаюсь. Я люблю быть между мужчинами, которые ко мне расположены. Из дам меня интересуют только Императрица и Великие Княжны, но более воспоминанием, нежели настоящею любовью. Любовь к Ольге Николаевне прошла; ее холодность, появление Taglionі были причиною сего изменения. Я был влюблен в Taglionі, *но скорее платонически*; теперь еще есть, может быть, слабый след этой любви. Вообще общества дамского я не люблю; однообразность и банальность разговоров мне противна; притом же я некрасив, нелюбезен, *неостроумен*, скучен, застенчив; без меня много франтов.—Танцевать также не охотник, а краснение причина тому, что я имею отвращение ко всякому обществу. Но я так скрытен и самолюбив, что недавно только решился об этом говорить с Мама.

Религиозные понятия

Я вообще не имею большой веры в обрядах церковных, хотя некоторые считаю необходимыми. Мне кажется, что наша церковь имеет много варварского. Я никак не постигаю святости мощей, которые меня опротивили в последнее путешествие по России; поклонение народа сим мощам для меня непостижимо; вообще жизнь монастырская меня опротивила; я потерял всякое уважение [к] монашеству.

Результат всего 1837ого года

Вообще сделал мало успехов по нравственной части; довольно много по умственной. Безначалие воображения осталось почти то же, с малыми изменениями; большой шаг сделан назад; потеря беспредельной любви Матери и некоторое охлаждение в сестрах. Отношения с Великим Князем те же: одни формы, никакой дружбы, одно знакомство приятельское. Сильными уроками моему характеру послужили болезнь во время путешествия и пожар Зимнего дворца; оба они, осо-

бенно последний, потрясли мою душу и сделали меня более равнодушным к делам мира. Пожар Зимнего дворца вывел меня из заблуждения полагать все счастье в книгах, учености, древности. Счастье состоит в добродетели и чистой совести; при ней знание и ученость хороши; без нее ни к чему, а даже и пагубны.

Мне остается, следственно, главное внимание обратить на:

Очищение сердца, на очищение ума, на укрепление воли, на уничтожение сластолюбивых мечтаний, на изменение мрачного, застенчивого, ожесточенного характера в доброту, снисхождение, ласковость, веселость, радушие; а всего важнее смирение перед Богом, сознание своих грехов, искреннее раскаяние и откровенная чистая молитва с Творцом.

31 марта. Четверг

«Приимите, ядите, сие есть тело мое, еже за вы ломимое во оставление грехов; пейте от нея вси, сия есть кровь моя Нового Завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов»³⁴⁷.

В 7 часов утра исповедовался у Бажанова в церкви³⁴⁸ на левом крылосе. Когда он меня спросил, хорошо ли я приготовился к причастию, я не знал, что отвечать.

Под конец исповеди, когда читалась молитва, я почувствовал высокую радость и облегчение; просил искренно прощения у Бога, обещая перемениться.

Чтобы не развлечься дурными мыслями до причаствия, разговаривал с Енохиным и Юрьевичем о путешествии.

В 9 часов Государь вышел; молился довольно прилежно, *хотя мне в голову и приходили дурные мысли, когда я смотрел на Великих Княжон и особенно на Великую Княжну Ольгу, платье которой на мгновение сильно приподнялось.

С большим волнением подошел прикладываться к иконам, боясь показаться смешным и слишком сильно покраснеть. Не испытывал никакого умиления, одно только крайнее замешательство. Я был также в большом смятении, подходя к причастию.*

Поздравлял потом Великого Князя и всех сопричастников. Было во мне какое-то странное чувство дьявольского наущения опять делать

³⁴⁷ Возгласы священника на литургии (Мф. XIV. 22—24).

³⁴⁸ Аничкова дворца.

по-старому; но хорошая сторона взяла верх. Государь ничего мне не сказал. Он стал, кажется, ко мне совершенно равнодушным.

Приехав домой, принялся за таблицу английской истории, которую занимался до обеда.

Сестры также причащались.

Во весь день чувствовал большое облегчение, какую-то легкость, расположение ко всем и старался удерживаться от споров; молился гораздо лучше.

Вечером были XII Ев(ангелий)³⁴⁹, которые следовал с Сашей по книге.

Апрель

1 апреля. Пятница

Все утро посвятил на окончание английской истории и в 12 ч. отправился с нею к Василию Андреевичу, но не застал его дома и просидел у него часа полтора. Перед обедом играл с сестрами и пел «Requiem» Mozart, который меня восхищает.—

Заезжал в Аничкин, но не застал Великого Князя и весь вечер провел у Липмана, то есть четыре битых часа. Он мне составил список всех примечательных ученых в Германии, говорил об университетах, библиотеках, музеях.

2 апреля. Суббота

Был у обедни. Царская фамилия подходила к плащанице; я очень был рад, что мы от этого были избавлены.

Начал сегодня Menzel's «Geschichte der Deutschen»³⁵⁰, которая чрезвычайно любопытна.

Весь вечер провел у Липмана, который мне объяснил теперешнее состояние Германии. Пушка, возвещавшая собрание во дворце³⁵¹, нас разлучила.

³⁴⁹ Чтение двенадцати фрагментов Евангелий—составная часть службы Великого Пятка.

³⁵⁰ Видимо, пользовавшееся широкой известностью сочинение немецкого историка В. Менцеля «История немцев» (Zürich, 1824—1825; 3 Bd.).

³⁵¹ Т. е. в уцелевших после пожара помещениях Зимнего дворца, где совершалась пасхальная заутреня, на которой присутствовали придворные и офицеры гвардейских полков. Сигналом к съезду служили три пушечных выстрела—в 11 часов ночи, в половине двенадцатого и ровно в полночь.

3 Апреля. СВЕТОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ

Полночь. Все уже были собраны во дворце, когда я приехал. Все офицерство находилось в Рафаиловой галерее³⁵². Оно мне показалось противным; разговоры свинские, свинские рожи, шумный разговор не могли располагать к молитве. Великий Князь сказал нам подходить вместе с полками³⁵³. Паткуля и Адлерберга сделали подпоручиками. С трепетом ожидал своей очереди, чтоб подойти к Государю; наконец вошел в церковь. Два раза поцеловал Государя, который улыбнулся, увидев меня, хотел поцеловать его в третий раз, но он мне дунул в лицо. Императрица едва стояла на ногах, или лучше сказать на маленьких ножках, и не хотела мне дать руки своей. Я покраснел и выбежал из церкви; кровь ужасно бросилась в голову.

Оттуда поехал в Аничкин ожидать Великого Князя и ждал его два часа, то есть до 4^х.

В его отсутствие читал отчет обер-прокурора Синода Протасова, которого пожаловали в генералы сегодня. Я сделал некоторые выписки:

Число соборов _____	500
церквей _____	27,366
	<hr/>
	27,866
Монастырей	
му(жских) _____	410
женск(их) _____	102
	<hr/>
	512
Протоиереев _____	470
Священников _____	30,474
Дияконов _____	15,090
Причетников _____	56,422
	<hr/>
Итого бел(ого) дух(овенства)	102,456

³⁵² Походная церковь была развернута в большом зале Шепелевского дома, примыкавшего к Эрмитажу; офицеры ожидали начала службы в лоджиях Рафаэля.

³⁵³ Иосиф состоял в чине подпоручика лейб-гвардии Павловского полка, шемом которого был наследник.

Монашествующих мужского пола _____	4432
Послушников _____	1546
Монашествующих женского пола _____	1767
блиц _____	3895
<hr/>	
Итого черного духовенства _____	11,640
Построено в 1837 г. церковей _____	234
Упразднено и уничтожено —" — _____	59
Перешло в православие _____	46,554
Родилось	
мужского пола _____	1,047,030
женского пола _____	999,578
<hr/>	
	2,046,608
Умерло	
мужского пола _____	687,464
женского пола _____	677,336
<hr/>	
	1,364,800
Браком сочеталось пар _____	858,946
расторгнуто браков _____	609

Долголетие

110-летн(его) возраста достигли _____	100 челов(ек)
115 _____	73
120 _____	30
125 _____	31
130 _____	5
135 _____	5
140 _____	1
145 _____	3
155 _____	1
165 _____	1

Учеников в духовных училищах _____ 61 947

Число академий _____	3
Семинарий _____	43
Уездных училищ _____	169
Прих(одов) _____	188
Учеб(ных) завед(ений) _____	403
	<hr/>
	806
Духовным, потерпевшим от пожаров, и бедным выдано _____	48,903 р.
Расход Комиссии духов(ных) учил(ищ) _____	156,602 р.
Свечной доход _____	2,043,575 р.

Капиталы

Училищный _____	47,600,536
Церковный _____	5,654,829
Пенсионный _____	1,462,117
	<hr/>
	54,717,483
Расход Синода _____	4,289,546
Пожертвований в пользу церкви _____	8,466,702
<i>Исходящ(их) бумаг _____</i>	20,996
в Епархиальных и Синодальной контор(ах) _____	315,368
в Духов(ном) правлен(ии) _____	226,717
	<hr/>
	563,081

Наконец приехал Великий Князь, мы с ним дружески похристосовались; потом разговливались. В ¼ 5ого приехал к себе. Было почти светло.

Опоздал к Михаилу Павловичу³⁵⁴. Мама мне подарила 100 рублей, Vecchio также 100 рублей, что меня очень тронуло. Ездил к принцу

³⁵⁴ Великий князь Михаил Павлович был командиром Отдельного гвардейского корпуса; Иосиф в качестве офицера гвардии должен был явиться к нему в Михайловский дворец с поздравлениями.

Ольденбургскому)³⁵⁵, Жилю, с которым разговорился о моей службе. *Я не готовлю себя для военной карьеры; чувствую, что не смогу быть хорошим военным, мой характер слишком нетверд для этого; однако надеюсь посвятить себя службе по министерству внутренних дел, по управлению губерниями, народному просвещению или же по ведомству духовных дел.* Я был доволен, что составил себе план жизни; до того времени, когда я буду занимать важный пост, посвящаю свое время на приобретение познаний, чтоб быть полезным отечеству. Я вспомнил слова Христа «больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя», и потом: «*Любите друг друга яко я возлюбил вас*»³⁵⁶.— Трудиться для ближних, для правды христианской— вот мое назначение. Эти хорошие мысли были рассеяны поздравлением в Аничкином. *В особенности некий башмачок и шелковый чулок, которых я не видал уже целую вечность, сильно взволновали меня. Императрица, наклоняясь за пасхальными яйцами, открыла несколько раз свою хорошенькую ножку в шелке и атласе. Она спросила меня, отчего я не подхожу ближе, и подарила мне яйцо.* Поздравлял также Марию и Ольгу Николаевну.

Вернувшись домой, взял рисунок, изображающий Тальони, и стал пририсовывать ей синие башмачки. Но укор совести заставил меня отшвырнуть этот рисунок, несмотря на все неудовольствие, которое это доставило моей похоти. Я был очень горд своей победой.

Устраивал свои бумаги и книги и послал Бекетову 500 рублей за письма, которые у него купил и которые сгорели в Зимнем. С грустью и ожесточением отложил 500 рублей. Впрочем, теперь я ему более ничего не должен.

Был у Волковых.

Читал W. Menzel.

Обедали поздно, оттого что Лина была на выходе³⁵⁷.

4 апреля. Понедельник

Читал Menzel и утром был у Великого Князя; если его спрашивать о путешествии, ему неприятно; более ничего не буду спрашивать.

³⁵⁵ Дворец принца Ольденбургского располагался на углу Дворцовой набережной и Лебяжьей канавки.

³⁵⁶ Ин. XIII. 34; XV. 13.

³⁵⁷ Т. е. присутствовала при торжественной церемонии поздравления императрицы придворными дамами, которая началась в 5 часов пополудни, по окончании вечерней службы.

Рахмановы, Волковы Сергей и Михаил обедали у нас сегодня; молодой Сергей и Michel смешили забавными анекдотами. Я краснел напропалую и все время обеда стыдился; это меня ужасно огорчало и тревожило; я подумал о путешествии, как я буду являться в обществе с вишневым цветом на лице. Весь вечер был скучен и задумчив. Рахманова играла на клавикордах; рука очень хороша; *однако это игра любительская.*

5 Апреля. Вторник

Александр Скарятин навел меня сегодня, Назимов и Паткуль. Последний с презрением говорил о путешествии; *мои идеалы здесь, в Петербурге.* Приятно ехать с таким человеком!! Назимову грустно ехать, не знаю почему. Адлербергу не хочется. *Прелестное общество и очаровательные спутники.*

Перед обедом гулял с сестрами; толковали о будущей жизни; вопросы, которые нельзя разрешить: зачем создал Бог мир?— Неужели за дурную жизнь на сей земле мы будем вечно страдать, то есть за мгновенный проступок вечное наказание? Как это согласить? Надобно предполагать чистилище или временное наказание.

Жиль обедал у нас. Говорили о Швейцарии, ее политическом положении, о Лагарпе, о пользе, которую могла бы извлечь Императрица из путешествия по Швейцарии. Но Государь, кажется, не хочет, чтоб кто-нибудь из царской фамилии посетил Швейцарию. *Она чересчур республиканская.* Странный предрассудок. Потом говорили об Англии, о политике и проч.

Играл с сестрами 7 симфон(ию) Бетговена и Г-мольную симф(онию) Моцарта³⁵⁸.

Вплоть до полуночи разговаривал с Мама о трудности достать сестрам женихов, о краснении моем. *«Скажи себе твердо, что ты более не краснеешь, и ты перестанешь краснеть».*— Но меня это беспокоит очень касательно путешествия; краснение удерживает меня от разговоров, от веселости, от учтивости и любезности с дамами. Мама утешала меня; уговаривала, также говорила о моей женитьбе; что мне еще нечего думать, что невеста моя еще не в свете, но что для меня она все не беспокоится. Говорил ей, что я был влюблен в Марию Николаевну, и она в меня. Пот(ом) в Ольгу Николаевну.

³⁵⁸ Неясно, о какой из двух сольминорных симфоний Моцарта идет речь.

6 Апреля. Среда

Начал сегодня гимнастические упражнения с Роном, шведом (calisteniste)³⁵⁹. Нога все еще побаливает; вот уже 15^{тый} месяц; рукою еще не могу совершенно владеть; надеюсь, что он мне сделает пользу. Бедный больной механик Штольц приходил ко мне с просьбою на имя Великого Князя.—Я более сохраняю хладнокровие в таких случаях, чем прежде.

Последняя (надеюсь) поездка на Елагин. Дождь и слякоть³⁶⁰ — вот что мы нашли *на этом волшебном острове. Приятно было, когда приехала Императрица и, выходя из саней, показала свой башмачок цвета массака³⁶¹, над ним — тонкий шелк чулка и кружевную оборку слегка приподнявшихся панталон.* Спускался с гор. Petits jeux по обыкновенному; досадно было, что у Императрицы платье было очень длинно; *впрочем я мог один раз насладиться зрелищем ее ножек, вытянутых вперед и скрещенных одна на другой. Однако мое внимание было поглощено Ольгой Николаевной; это невероятная, неслыханная, неземная красота.* — За лотерею продал билет Всеволожскому³⁶² за 10 рублей и был очень рад. Нас забавляли комедией обезьян³⁶³; *было гадко.*

7 апреля. Четверток

Часть времени провел в чтении Менцеля, часть в министерстве, часть в прогулке.

Вечером был у Львова³⁶⁴, у которого делали:

³⁵⁹ calisteniste (фр.) — тренер по эстетической и лечебной гимнастике.

³⁶⁰ Температура около +4°R (+5°C).

³⁶¹ Модный в 1830-х гг. цвет — темно-красный с синим отливом.

³⁶² Неясно, идет ли речь о Никите Всеволодовиче Всеволожском или о его брате Александре.

³⁶³ Дрессированные обезьяны исполнили ряд комических номеров: «Ужин», «Арлекин пляшет с веревочкой», «Улан, защищающий знамя, в сопровождении оруженосца», «Прогулка мадам де Помпадур и ее приближенных» и др. Представление продолжалось 45 минут (Камер-фурьерский журнал. № 142. Л. 27).

³⁶⁴ А. Ф. Львов жил на Караванной улице в собственном доме, где имелся специальный концертный зал для симфонической музыки; камерные произведения исполнялись в кабинете хозяина.

- 1.) *Септюор Бетховена.*
- 2.) *Квартет Моцарта.*
- 3.) *Квintет „—“ для кларнета. Бендер³⁶⁵.*

За ужином толковали с Устиновым³⁶⁶ о брате, о литературе, политике.

8 апреля. Пятница

Утром была репетиция концерта. Бартенева пела превосходно.— Вечером был на балу у Кочубеевых; но не танцевал. Разговаривал о музыке с Römteг и перед ужином удрал с бала вместе с Дядей.

Императрица и Мария Николаевна ведут себя совершенно как безумные, танцуют безостановочно. Мало краснел.

9 апреля. Суббота

Еще ничего не решено о путешествии; прискорбно, что Государь так мало внимания обращает на дело столь важное; от этого путешествия Великий Князь: 1^е, сделает себе репутацию, 2^е, изберет жену, 3 может многому научиться и о многом переменить идеи.

Вечером концерт в пользу Детской Больницы³⁶⁷.

Лисянская плохо пела, но Бартенева как нельзя лучше³⁶⁸.

Когда начали хор «Гугенотов», я так раскраснелся, что в щеках почувствовал пульсацию крови; было стыдно, досадно; меня краснение мучает, давит, приводит в отчаяние.

10 апреля. Воскресение

Был у обедни; мне кажется, что Ольга Николаевна в некотором пренебрежении; я очень рад этому. *Дай ей Бог сохранить чистоту.*

³⁶⁵ Ф. И. Бендер исполнял ведущую партию в квартете Моцарта для кларнета и смычковых.

³⁶⁶ Неизвестно, идет ли речь о Михаиле Михайловиче или Михаиле Александровиче Устинове: оба они участвовали в концерте.

³⁶⁷ Благотворительный концерт светских музыкантов-любителей в пользу Петербургской детской больницы (Мих. Ю. Виельгорский был членом ее комитета) прошел в доме госпожи Энгельгардт.

³⁶⁸ Е. Ю. Лисянская исполняла арию из оперы Мейербера «Роберт-Дьявол»; П. А. Бартенева была занята в сцене из оперы Беллини «Пуритане» (1835).

Вечером катался с Мишей около качелей³⁶⁹, а потом на балу в Аничковском танцевал с обеими Бартеневыми, Гауке. Жара ужасная; красен как рак; нечего было краснеть.

11 апреля. Понедельник

Ходили смотреть *гуаши* Bleuler³⁷⁰, живописца из Швейцарии. Хороши, похожи на декорации; нет правды.

Гулял пешком с сестрами и графиней Шуваловой. Говорил с Мама о намерении моем остаться за границей; она сильно воспротивилась, сказав, что это невозможно; Государь рассердится³⁷¹.

Вечер провел у Липмана³⁷².

12 апреля. Вторник

Сегодня назначена была поездка в Царское Село, но по случаю загоревшегося вагона, в коем сидели придворные лакеи, отъезд отложен; уже рассказывали, что 8 человек убито; что нельзя будет ездить. Государь в тот же день сам отправился в Царское Село; и назначил поездку на завтрашнее число³⁷³.

Утвердили маршрут Великого Князя вроде прошлогоднешнего.

³⁶⁹ На масленице и на Святой неделе качели и балаганы устраивались на Адмиралтейском бульваре и прилегающей площади. Катание в экипажах по бульвару и наблюдение за народными развлечениями было одним из светских ритуалов.

³⁷⁰ Речь идет о работах одного из представителей семьи художников Блейлер—Иоганна или Иоганна Генриха.

³⁷¹ Указом Николая I от 17 апреля 1834 г. максимальный срок пребывания за границей для дворян был ограничен пятью годами, задерживаться дольше было запрещено под угрозой лишения имущества. Дозволять исключения из этого правила (например, в случае Жуковского, жившего в Германии с 1841 по 1852 гг.) мог только император, но решившийся просить об этом неизбежно навлекал на себя его неудовольствие.

³⁷² Ф. И. Липман жил по адресу: Мойка, 19.

³⁷³ 11 апреля во время перевозки в Царское Село из Петербурга придворного имущества груз загорелся от искры из трубы паровоза. Возникла паника, поезд был остановлен, однако жертв, к счастью, не было. На следующий же день, желая сгладить неприятное впечатление от этого инцидента, способного подорвать репутацию первой железной дороги, едва начавшей действовать в России, Николай I лично совершил поездку в Царское Село и обратно.

13 апреля. Среда

Вот маршрут Великого Князя:

1 mai	Petersbourg	4 aout—21	Kreut
6 —"	Berlin	27 —"	Milan
25 —"	Stettin	3 septemb	Venise
26 —"	Stockholm	13—23 —"	Vienne
13 juin	Copenhagen	25 —"	Prague
22 —"	Hanovre	26 —"	Dresde
3 juillet	La Haye	1 octobre	Berlin
15 —"	Biberich		
26 —"	Stutgardt		
31 —"	Munich		

Об нас ничего не решено; неприятно.

В 3 часа 104 человек(ека) отправились в Царское Село по железной дороге. Погода была чудесна³⁷⁴. В 33 минуты прибыли. Государь обнял Бобринского, которого вчерашнее приключение глупое чуть больным не сделало. Обедали в Большом дворце и потом petits jeux. 2 часа играли à la guerre. Государь все время с Нелидовой³⁷⁵.

Устал до крайности.

14 апреля. Четверток

Погода была чудесна³⁷⁶; и в восемь часов утра уже мы пошли гулять с Великим Князем по саду. В 11 часов собрались в зале. *Императрица в платье желтого муслина, черных башмаках массака³⁷⁷ и кружевных панталонах. Эта последняя деталь одежды привела меня в отчаяние.* Ходили пешком en grande société³⁷⁸. Потом отправились в Павловск

³⁷⁴ Температура была около +5°R (+6,25°C) при небольшой облачности и слабом ветре.

³⁷⁵ Многолетний роман императора и В. А. Нелидовой в это время только начинался.

³⁷⁶ Утром температура составляла около +10°R (+12,5°C); было пасмурно, дул слабый ветер.

³⁷⁷ Скорее всего, черных с лиловым оттенком или же изготовленных из переливчатой шелковой ткани типа «сан-жен», в которой уток и основа были разных цветов.

³⁷⁸ большой компанией (фр.).

по железной дороге и там танцевали (я с Бороздиной 2³⁷⁹). Оттуда приехали во дворец, чтоб завтракать, спускаться с гор; опять поехали в линейках и заезжали на ферму³⁸⁰. Обед в Арсенале³⁸¹; Баранов³⁸² и Агарев спаржами представляли х...— В 8 ча(сов) *petits jeux*. Во время перебегания *платье Императрицы и панталоны приподнялись настолько, что позволяли видеть икры ног.* Теперь я понимаю, почему так любят à la guerre. Государь ходит с Нелидовой, Наследник с Калиновской, около Императрицы и Марии Николаевны вертятся Толстой, Трубецкой³⁸³, Агарев, *и неотлучно. Это плохо кончится.* Ужасно устал.— Спустился с Императрицей раза два; но она мне ни слова еще не сказала.

15 апреля. Пятница.

Д(ень) рождения Дяди

Насилу встал; от вчерашней усталости.

Позавтракав и покатавшись еще с гор, отправились по железной дороге в город.

Дома застал репетицию концерта Рейнгардта. Мама более обрадовалась, увидев Дядю, нежели меня; это мне было ужасно больно. Путного во весь день ничего не делал; устал от вчерашнего дня; только писал журнал; гораздо ранее лег спать.

16 апреля. Суббота

Мы вовсе не едем с Великим Князем и даже мало будем с ним встречаться. Это очень неприятно будет для представлений при дворах и в обществе; Назимов не знает ни слова по-немецки и почти не говорит по-французски; Липман, который ужасно стыдлив, Патк(уль) и Адлерб(ерг) *полные ничтожества.* Эта поездка будет в этом отно-

³⁷⁹ Вероятно, имеется в виду фрейлина Н. Н. Бороздина.

³⁸⁰ Ферма— комплекс построек в царскосельском парке, предназначенный для содержания чистопородного скота, но включавший также и специальный павильон на случай высочайших посещений; сооружен в 1820 г. по проекту А. А. Менеласа.

³⁸¹ Арсенал— павильон в Царском Селе, сооруженный в 1830—1834 гг. по проекту А. А. Менеласа и считавшийся собственностью наследника.

³⁸² Возможно, Э. Т. фон Баранов.

³⁸³ Императрица питала слабость к А. В. Трубецкому.

шении чрезвычайно неприятна. Нечего делать. *Надобно принимать жизнь такой, как она есть.* В 2 часа был концерт Рейнгардта, довольно плохой. Императрица, Мария Николаевна, Великая Княгиня³⁸⁴, Великий Князь были в маленькой гостиной. Потом был прескучный обед с Раухами. *Я настолько теряюсь в таких случаях, что вместо того, чтобы сесть подле мадам Раух, уселся рядом с Дядей.*

Вечером поздравлял Великого Князя, который меня очень дружески обнял; я этому удивился и обрадовался. *После этого мы направились в переднюю возле лестницы, по которой спускалась Императрица. Две обутых в шелк ножки напомнили мне о многом, безвозвратно прошедшем.* Целовал ей ручку.

Музыка до 1 часа.

1. *Квартет Бетховена— из последних, непонятный и очень дурно исполнен.*
2. *Квартет Бетховена. От первого аллегро я подскочил на стуле.*
3. *Qui la voce*³⁸⁵, *исполнено чудесно и чудеснейшим в мире голосом.*
4. *Квартет Мендельсона— превосходно играл Герке.*
5. *Септюр Бетховена. Весьма хорошо играл Липинский, который уезжает сегодня в ночь.*

17 апреля. Воскресение.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. XX лет.

Утром во дворце. Великий Князь и сегодня, к моему удивлению, дружески меня обнял. Его сделали шефом Павлоградского и Курляндского полков.

У обедни.

Потом целый день оставался дома, читал Менцеля.

Вечером бал в Аничковском.

Я не очень краснел и как-то веселился. Танцевал с двумя Фредриками, Мердер, Браницкой, Толстой, Бартеневой. Императрица представила меня *сестрам Сент-Альдегонд. Обе они очаровательны, с чудными черными волосами, с глазами, полными огня и чувства. Они произвели на меня сильное впечатление; во время мазурки я не сводил с них глаз и любовался ими. Вечером, ложась спать, только о них и думал.*

³⁸⁴ Елена Павловна.

³⁸⁵ Ария Эльвиры из второго действия оперы «Пуритане».

18 апреля. Понедельник

Встал очень поздно.

Целый день сидел дома, читал Менцеля.

Вечер провел у Липмана; вместе составляли маршрут для путешествия и хотели представить это Государю.

19 апреля. Вторник

Утром был у Жуковского, толковали о маршруте; потом у Германа, которому не удастся найти здесь место. Перед обедом составлял маршрут с Липманом.

Вечером поздно разговор с Мама о краснении. Я ей сказал, как я страдаю, как я от этого несчастлив. *Я не могу бывать в свете; я краснею, я стеснителен, скучен, неостроумен, не умею говорить любезности; что мне, по-вашему, делать?*

— Я так разгорячился, что сказал: *я бы хотел сойти с ума*; потом почувствовал мое безумие. Мысль о краснении меня преследует теперь более, чем когда-либо и наводит на меня такую грусть, такое отчаяние, что я готов броситься в воду. Все мои старания утешиться или удерживаться от краснения тщетны; и в эту пору, когда ужасно жарко³⁸⁶, я беспрестанно краснею.

20 апреля. Среда

Первая мысль, вставая с постели — ...краснение. Как камень лежит на сердце.

Был после долгого промежутка в министерстве, где читаю весьма интересный отчет 1837го года. Вечером в театре. *«Вильгельм Телль»*, а у нас «Карл Смелый»³⁸⁷; *в двух первых действиях есть великолепные места; всего более меня восхитил дуэт из первого действия, а также дуэт и трио из второго. Речитативы длинны и скучны, и опера в целом представляет весьма мало интереса; Кавос задал такой ужасно медленный темп, что все заснули; театр был неполон, и половина публики ушла еще до окончания спектакля.* Был почти все время в ложе

³⁸⁶ К 19 апреля сильно похолодало, т. е. Иосиф имеет в виду погоду предшествующих дней.

³⁸⁷ Премьера оперы Дж. Россини «Вильгельм Телль» состоялась в Большом театре. По цензурным соображениям в России она шла под названием «Карл Смелый» и с измененным либретто, основанным на одноименном романе В. Скотта.

у Рахмановой. *Свинья Титюс изменил музыку танцев, самую приятную во всей опере, и сочинил какую-то в своем духе.*

21 апреля. Четверг.

ДЕНЬ ИМЕНИН ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
И АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ

Утром поздравление Государя, который прошел мимо нас.

Потом ожидали на лестнице Императрицу. *Она спустилась, приподнимая платье таким образом, что можно было видеть две шелковистых ножки, обутых в ботиночки цвета небеленого холста³⁸⁸. Давно я не видел этих милых ножек.* Целовал ручку Императрице и Александре Николаевне.

Выход; восхищался картиною Рафаэля³⁸⁹ с Сперанским и долго разговаривал с Маг. Bartenieff, которую сделали фрейлиной.

Потом парад; только в 3 часа воротились во дворец.

Великий Князь, лежа на канапе, говорил, что в эту зиму он имел много тяжких минут; я не знал, как с ним завязать разговор; он вспоминал с Паткулем разные обстоятельства, о которых я ничего не знаю. Мне было досадно, что он *так близок к Великому Князю*, а я ничего не знаю, и он мне ничего не говорит.

В 8 часов большой бал в Испанской зале³⁹⁰. Танцевал с Ланской, Опочининой, Волхонской, Фридрикс, Рибопьер, Бороздиной³⁹¹, мазурку с Бартеньевой. *Сестры Сент-Альдегонд прелестны; любовался ими, сколько мог.* Вообще было скучно, хотя я не очень краснел.—В 2 часа кончился бал. У Императрицы на груди был букет из бриллиантов в 40,000 руб.

22 апреля. Пятница

Письмо Шухову и Menzel.

³⁸⁸ Модный в то время «суровый» цвет—оттенок серого.

³⁸⁹ В описываемое время Эрмитаж располагал двумя достоверными работами Рафаэля—«Святым семейством» (другое название—«Мадонна с безбородым Иосифом») и «Мадонной Альба» (ныне хранится в вашингтонской Национальной галерее). «Мадонна с младенцем» Ло Спаньи (Джованни ди Пьетро) тогда также считалась произведением Рафаэля, как и приобретенная в 1836 г. «Мадонна св. Мартина» («Поклонение св. Мартина и св. Варвары Христу-младенцу»).

³⁹⁰ Один из залов Эрмитажа.

³⁹¹ Видимо, с Ольгой Николаевной.

Завтракал с Великим Князем и потом долго говорил с Жилем об во-яже; *который совершенно не таков, каким должен быть*, об Великом Князе, Марии Николаевне и при этом вспомнил вчерашнее событие, которое меня поразило. *Я танцевал в паре с м-ль Рибопьер рядом с Мари Труб(ецкой) и Катениным³⁹². Он, увидев, что у кавалера в паре напротив стоит, обратил на это внимание Мари Труб(ецкой), которая принялась смеяться и указывать на это Пашковой и другим девицам.* — Я не хотел верить глазам. *Это бесстыдство в последней степени; Катенин — грязная свинья, а она — шлюха³⁹³; но при этом она близка к Великой Княжне Марии. С такой подругой та, пожалуй, далеко пойдет.*

Был в министер(стве), а потом дома.

Вечером ездил с брат(ом), супругой и Sophie Fred(erickz)³⁹⁴ на Биржу³⁹⁵; много смеялись и дурачились; *был счастлив, что мог смеяться и быть веселым; я очень редко бываю в таком настроении.*

Вечер остальной провел с Ленцом, который мне советовал более путешествовать в Италии, нежели в Германии, *где только и есть, что табак да пиво, пиво да табак. Лаго Маджоре — рай; я бы его выпил целиком; полнота существования и проч.*

³⁹² Речь идет об одном из племянников поэта П. А. Катенина — Александре или Михаиле.

³⁹³ М. В. Трубецкая и в дальнейшем имела дурную репутацию. См. колоритный рассказ П. В. Долгорукова о ее стремлении вступить в брак с А. И. Барятинским (Долгоруков. С. 229—230). Позднее В. А. Соллогуб так отзывался о ней: «(...) по своей дружбе с великой княгиней Марией Николаевной (...) играла видную роль в петербургском большом свете и была олицетворением того, что в те времена называлось львицей. Ее несколько мужественная красота была, тем не менее, очень эффектна. (...) Во всей ее особе проглядывало что-то топорное и резкое, до того резкое, что невольно, слушая ее, приходилось удивляться, как женщина, прожившая весь свой век в большом свете и принадлежавшая к нему и по рождению, и по воспитанию, так бесцеремонно относилась ко всем обычаям и приемам этого большого света» (Соллогуб. С. 438, 441).

³⁹⁴ Баронесса С. П. Фредерикс (дочь Ц. В. Фредерикс, подруги детства Александры Федоровны), воспитывалась вместе с великой княжной Александрой и входила в самый тесный семейный круг императорской фамилии; дружила с сестрой Иосифа Анной.

³⁹⁵ Речь идет о прогулке в излюбленном петербуржцами «сквере» (аллее около здания Биржи), где с наступлением весны по традиции выставлялись на продажу экзотические животные и растения, привезенные на судах, которые разгружались поблизости.

23 апреля. Суббота

День совершенно потерянный в жизни. Большой парад на Царицыном лугу³⁹⁶. С Рахмановой и Michel Волков был у Павловского³⁹⁷; оттуда смотрели на парад.

Обедал у Рахмановой. Разговорился с сыном, который мне признался, что он также чрезвычайно застенчив и неловок в обществе. Час целый гулял с Рахм(ановой) пешком. Вечер был чудесен. *Женщина добрая, но простая, с претензиями на молодость и красоту.*

24 апреля. Воскресение

У обедни. Старался узнать что-нибудь о путешествии, но Кавелин не говорит ни полслова.

Перед обедом читал Менцеля. Вечером бал; надеюсь последний; мне было ужасно скучно; заметил, что дамам скучно со мной танцевать; это меня оскорбило. Только с принц(ем) Ольд(енбургским) разговаривал долго и приятно о музыке, его заведениях и проч.

25 апреля. Понедельник

Закупал сегодня itinéraires³⁹⁸ для свиты Великого Князя.— Во мне родилось странное сомнение. К чему заниматься науками? Бог на Страшном суде не будет спрашивать нас, многому ли мы учились или многое ли знаем, а были ли мы добродетельны. К чему ж мне учиться истории, астрономии, математике; я не буду лучше от этих наук. Гораздо бы лучше вместо времени, употребляемого на эти занятия, отыскивать и помогать бедным, утешать страждущих, мыслить о Боге, читать священные книги или такие, которые относятся до религии. Во мне рождаются такие минуты, что хочется все бросить. Притом же через несколько лет нас не будет; то к чему так хлопотать. Слава пустое имя; на земле славят только блистательное; да и что земная слава в сравнении с

³⁹⁶ Имеется в виду большой ежегодный парад на Марсовом поле (Царицыном лугу).

³⁹⁷ Т. е. в казармах Павловского полка, выходящих на Царицын луг. Здание казарм, одно из лучших произведений архитектора В. П. Стасова, было построено в 1817—1818 гг.

³⁹⁸ дорожник, аннотированный перечень населенных пунктов и станций на основных дорогах Европы (фр.)

вечностью. Христос нашел апостолов не посреди ученых, а посреди нищих и рыбаков; он никогда не говорил «блажени знающие много»; но «блажени чистии сердцем».—Скарятин был у меня вечером; мы про это толковали; и он не знал мне как отвечать.—Он собирается ехать в Китай.

26 апреля. Вторник

Маленькие князья³⁹⁹ уехали сегодня в Берлин с Философовым, Роджерс и Крюднером с женой.

Копии отчет министерства военного за 1837 год. Во многих отношениях он неудовлетворителен, сбивчив, много лишнего; много необходимого недостает; личные действия нигде не объяснены, и нет ни одного факта.

27 апреля. Среда

Погода совершенно переменилась с вечера воскресения. Сделалось ужасно холодно⁴⁰⁰. Эта перемена имела на меня дурное влияние; боль в ноге усилилась.

Липман у нас обедал и много интересного рассказывал о Германии, прусских делах; он очень застенчив; как мы совершим это путешествие, я не знаю; Липм(ан) да я застенчивы, Назимов умеет только маршировать, Паткуль и Адлерберг танцевать.

28 апреля. Четверг

В 7 часов утра мы были во дворце. Императрица и Александра Николаевна уезжали в Берлин. *Я боялся быть некстати и поместился позади. Императрица прошла перед Паткулем и Адлербергом, подала им руку и спросила: «а третий?»* Мне было ужасно досадно, что я не с ними стал; я себя проклинал.

Погода так переменилась, что можно в шубе ходить.

Рахманов провел у меня весь вечер. Он в моем роде: застенчив, мизантроп, не любит большой свет, а любит занятия.—Говорили о го-меопатии, путешествиях, о Греции (о которой Рахманов много интересного рассказывал), о религии нашей, о России, бедствиях и варварстве народа; о таинствах веры.

³⁹⁹ Николай и Михаил.

⁴⁰⁰ Температура опустилась ниже нуля.

29 апреля. Пятница

Утром представлялись военачальникам: Брискорну, графу Чернышеву, Клейнмихелю, Захаржевскому, принцу Ольденбургскому и Эссену, который вздор нес ужасный.—Ну, я надеюсь, что вы там⁴⁰¹ более будете веселиться; королеву⁴⁰² увидите славную; она, кажется, уже замужем; за кого она вышла (обращаясь к Кокошкину). *Эссен очень глуп, но я не думал, что до такой степени.*

Сделал прощальный визит Рейнгардту,—он бедный очень болен. *Кашеварка⁴⁰³ еще больше растолстела.*

За чаем говорили о путешествии; потом спрашивал Мама, воротиться ли мне, если я не совсем поправлюсь, или нет? Она всеми средствами доказывала, что я остаться там не могу.

Среди нескольких сюжетных линий, образующих рамку существования Жозефа в первые месяцы 1838 г., выделяются две, вместе составляющие несомненную эмоциональную доминанту. Это музыка и балет—выступления Марии Тальони.

На фоне однообразной повседневности, скуки, раздражения, мелких неприятностей и неотвязных недомоганий эстетические переживания, связанные с музыкой и театром, кажутся еще более яркими. Иосиф находил в них нечто большее, чем приятный досуг,—подлинную жизнь, для которой он всеми силами старался отвоевать у опустыленной рутины хотя бы несколько лишних минут. Он едва показывается на самых блестящих балах, чтобы немедленно уехать туда, где ему гораздо приятнее находиться. Он решает даже на ложь, в очередной раз сказавшись больным, лишь бы улизнуть на концерт.

Член семьи Виельгорских не мог не быть любителем музыки. Серьезная музыка окружала его с младенчества; пение, игра на клавинодах и фундаментальное изучение музыкальной теории составляли неотъемлемую часть домашнего воспитания. Обучение музыке не входи-

⁴⁰¹ За границей.

⁴⁰² Викторию I (взошла на английский престол в 1837 г.; с 1840 г. замужем за принцем Альбертом Саксен-Кобург-Готским).

⁴⁰³ Возможно, жена И. И. Рейнгардта.

ло в круг занятий наследника, а значит, на время прерывалось и для Иосифа, но оказываясь дома, юноша вновь погружался в привычную атмосферу и быстро наверстывал упущенное. В результате Виельгорский, не наделенный от природы музыкальным талантом, приобрел такое глубокое музыкальное образование, каким могли похвалиться считанные молодые люди его возраста. Профессионализм суждений Жозефа об исполнительской технике и интерпретации достоин музыкального критика, эрудиция его широка, вкус безупречен. Тем более странно звучит в его устах утверждение, что музыка «материальнее» поэзии, потому что «не выражает никакой мысли и даже не говорит сердцу, а какому-то особенному чувству приятно»⁴⁰⁴. Музыка не будит его мысль, не затрагивает сердце—это позволяет думать, что в отличие от отца и дяди Иосиф не был по натуре музыкантом, а лишь меломаном—ценителем музыки.

Если серьезная музыка представляла собой семейное увлечение, то балетомания, точнее, «тальяномания» всецело принадлежала Жозефу. Тальони танцевала почти каждый день, неизменно привлекая в Большой театр сотни «тальянистов»; Иосиф, пользуясь тем, что к его услугам всегда была ложа, абонированная семейством Виельгорских, старался не пропускать ни одного выступления своего кумира. На первый взгляд это восторженное до самозабвения поклонение балерине в толпе таких же фанатичных приверженцев кажется странным в молодом человеке, превыше всего ценившем собственную индивидуальность. Небывалая волна обожания приезжей танцовщицы в то время захватила весь Петербург от двора и аристократии до мелких чиновников и приказчиков⁴⁰⁵. Но в данном случае принадлежность к толпе не казалась Жозефу унижительной: толпа восхищенных театралов существенно отличалась от скопища заискивающих придворных или суетных светских людей. Центром притяжения этой массы людей

⁴⁰⁴ См.: Дневник, 22 января.

⁴⁰⁵ Известна литография 1840-х гг., изображающая театралов, в том числе из простонародья, осаждающих билетную кассу со словами: «Сегодня Тальйонова. Знатная пьеса. Стоит поглядеть» (Соловьев Н. В. Мария Тальони. СПб, 1912. С. 34). Популярность Тальони была настолько велика, что даже известный ученый-китаист о. Иакинф Бичурин решился, несмотря на свой монашеский сан, переодевшись, побывать на представлении «Девы Дуная» (см. об этом: РС. 1888. № 9. С. 534).

были не сильные мира сего, а артистка, «первая танцовщица в мире»; окружавшее ее преклонение было бескорыстно.

В театре Жозеф был по-настоящему счастлив, здесь он забывал даже о ненавистном краснении. Чувство восторженного, но почтительного обожания, которым он проникся к Марии Тальони, стало оборотной стороной его мизантропии. Здесь со всей силой раскрылось его стремление к идеалу — чистому и возвышенному, которого он напрасно искал в окружавшей его повседневности.

Очарованный Иосиф любовался балериной как чудесным видением, но характерно, что ему, по-видимому, даже в голову не приходила мысль о том, чтобы попытаться вступить с ней в личное общение — как с Вьетаном или Оле Булем. В дневнике он дает ей ласковое, почти домашнее прозвище на русский манер — Мария Филипповна, и в то же время даже возможность увидеть ее вблизи он смиренно ловит в толпе прочих поклонников. Единственный шанс познакомиться с Тальони в собственный день рождения, когда она выступала во дворце⁴⁰⁶, Жозеф упустил, и не только из-за робости. Следует заметить, что Тальони не была принята в доме графов Виельгорских. Если музыкантов в подобные аристократические салоны уже допускали, то танцовщица еще не могла мечтать о такой чести, и потому мисс Ледло запросто обедала с Виельгорскими, а представить Тальони на ее месте было невозможно. В глазах петербургского высшего общества ее, видимо, также сильно компрометировала открытая связь с Демаром, но главное было в другом. Несмотря на то, что ей выражали восторг все вплоть до царя, в общественном сознании балерина по-прежнему рассматривалась как существо низшего ранга по сравнению, например, с пианисткой. Тальони была своей лишь в окололитературной и околотеатральной среде: так, в конце 1838 г. А. В. Никитенко встретил ее в гостях у Греча⁴⁰⁷.

К этому времени Мария Тальони и ее отец уже реформировали балетную эстетику, решительно удалив из нее эротизм, доселе бывший необходимым компонентом хореографического искусства, но стереотип восприятия балета и балерины как чего-то грязноватого, чувственного, как части «мужской» культуры еще сохранялся в полной си-

⁴⁰⁶ См.: Дневник, 13 февраля.

⁴⁰⁷ Никитенко А. В. Дневник. Т. I. М., 1955. С. 204.

ле. Петербургские бонтонные дамы впервые отважились проявить свои эмоции на сенсационных балетных спектаклях и аплодировать балерине. Это было настолько необычно, что вызвало удивленно-одобрительное замечание рецензента «Северной Пчелы» В. М. Строева: «С приездом Тальони в нашем театре завелась еще новость. До сих пор аплодировали только мужчины; теперь и дамы хлопают очаровательной танцовщице с неутомимым усердием. Талант берет верх над условным приличием»⁴⁰⁸. И все же представления о театре (особенно балетном) как недостаточно духовном способе времяпрепровождения были еще настолько сильны, что вызывали жаркие споры даже в просвещенной семье Виельгорских. Так, 3 февраля, на следующий день после того, как Луиза Карловна с дочерьми посетила представление «Девы Дуная» и осталась, судя по всему, вполне довольна увиденным, в разговоре с сыном она при поддержке младших членов семьи «все осуждала и оуждала театр, актеров и прочее».

Иосиф, надеявшийся, что уж в этом-то случае родные несомненно разделят его чувства, был чрезвычайно огорчен. Он никак не ожидал, что в собственном семействе столкнется с вопиющим непониманием эстетической природы искусства Марии Тальони. Для него самого эта танцовщица была «необыкновенным существом, целой эпохой в искусстве»⁴⁰⁹, он и помыслить не мог о том, чтобы подходить к ней с устаревшими ханжескими мерками.

Неслучайно Жозеф «взбесился», услышав, что граф Лихтенштейн выражал желание, чтобы Тальони танцевала перед ним голая⁴¹⁰. Его оскорбило именно то, что некто посмел приложить к артистке, совершившей переворот в эстетике танца, отживший стереотип восприятия балета в качестве эротического зрелища. В данном случае характерно, что графа ничуть не смутил тот факт, что танцовщица даже чисто физически не соответствовала этому стереотипу. По собственному опре-

⁴⁰⁸ Северная пчела. 1837. № 215. 25 сентября. С. 3.

⁴⁰⁹ Ср.: «С появлением на нашей балетной сцене Тальйони открылся для нас какой-то новый мир ощущений, существование которого мы и не подозревали. Прежде Тальйони танцы могли привлечь только наши взоры; теперь они очаровывают душу. (...) Марию Тальйони нельзя называть танцовщицей: это художница, это поэт в самом обширном значении слова» (Литературные прибавления к РИ. 1838. № 29. 16 июля. С. 576).

⁴¹⁰ См.: Дневник, 19 января.

делению, она была «худощавой, но не тощей»⁴¹¹, и все же ее наружность далеко отстояла от тогдашних канонических представлений о *belle femme*; вид голой Тальони вряд ли мог прийтись по вкусу любителю «клубнички»⁴¹². «Она была некрасива, худа, со слишком длинными руками, но в тот момент, когда она начинала танцевать, её захватывающая прелесть заставляла все это забыть,—писала позднее великая княжна Ольга Николаевна, свидетельница триумфов Тальони.—Надо было её видеть, чтобы понять, что совершенства грации способны вызывать слезы умиления»⁴¹³. Однако граф Лихтенштейн вообще не видел перед собой ни живой женщины, ни великой артистки. *Известная плясунья* автоматически рассматривалась им как самый привлекательный эротический объект.

Между тем не только созданные Марией Тальони образы, но сама ее личность несла в себе совершенно особое, новое содержание. В начале второго сезона ее выступлений в Петербурге критик следующим образом обобщил свои впечатления и размышления: «Теперь я убежден вполне, что балетное искусство может быть так же возвышенно, как и другие искусства, может быть возведено на степень художнического творчества, может найти в душе отзыв наравне с другими изящными искусствами»⁴¹⁴. Тальони первой построила свой сценический облик и репертуар на чисто спиритуальных мотивах (немногие ее попытки отклониться от строго заданной стилистики не имели успеха).

⁴¹¹ Цит. по: Красовская В. М. Западноевропейский балетный театр. Очерки истории. Т. 4. Романтизм. М., 1996. С. 138. Увидев балерину вне сцены, А. Я. Панаева, в то время воспитанница Театрального училища, была поражена: «Тальони днем была очень некрасива, худенькая-прехуденькая, с маленьким желтым лицом в мелких морщинках. Я краснела за воспитанниц, которые после танцев окружали Тальони и, придавая своему голосу умиленное выражение, говорили ей: «Какая ты рожа! какая ты сморщенная!» Тальони, воображая, что они говорят ей комплименты, кивала им с улыбкой головой и отвечала: „Merci, mes enfants!“» (Спасибо, дети! — фр. Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1986. С. 56—57).

⁴¹² Ср. с тем, как даже в начале XX в. публика была шокирована серовским портретом обнаженной балерины Иды Рубинштейн.

⁴¹³ Ольга Николаевна, великая княжна, в замужестве королева Вюртембергская. Сон юности. Париж, 1963. С. 67.

⁴¹⁴ Л. Л. [В. С. Межевич] Первый дебют Тальони по возвращении ее из отпуска, 31 августа // Литературные прибавления к РИ. 1838. № 37. 10 сентября. С. 734.

Лично знавший ее А. Гуссе вспоминал: «Я никогда почти не видал этой танцовщицы иначе, как на сцене или, вернее, над сценою, потому что она танцевала в стиле самых целомудренных богинь. Эта идеальная особа, как бы принадлежавшая к хору нимф Дианы, никогда не участвовала в таинственных праздниках Венеры. Она всегда жила всецело для своего искусства, как будто земные страсти никогда не мяли ее платья; вот почему к поклонникам ее никогда не принадлежали ни старички, сидящие в партере, ни мальчишки, убежавшие без спроса из школы. Даже на своих портретах Тальони совсем не напоминает собою женщины. Выражение глаз у нее кроткое, а не огненное; во взгляде, улыбке и позе ровно ничего нет вызывающего. Она как бы преднамеренно отвергает всякое поклонение, потому что ее окружает атмосфера целомудрия. Это какая-то улыбающаяся воздушная прелесть, действующая на сердца, а не на глаза»⁴¹⁵.

Иосиф Виельгорский не раздумывая мог бы подписаться под каждым словом этой характеристики. Его восприятие искусства Тальони, сформировавшееся, по-видимому, вполне самостоятельно, тем не менее полностью совпадало с тем, которое утвердилось в тогдашней русской балетной критике. К примеру, В. С. Межевич, наблюдавший Тальони в балете «Миранда», писал: «*Pas de deux*, которое она танцует с господином Герино (испанец Гусман), выражая всю любовь ее к Гусману, дышит в то же время какою-то девственною стыдливостью и тем целомудрием, которого выражение на сцене остается до сих пор собственностью одной г-жи Тальйони»⁴¹⁶. Ему вторил анонимный рецензент «Художественной газеты»⁴¹⁷, утверждавший, что Тальони по характеру своего дарования предназначена для «высшей грации», для ролей нежных, воздушных существ— Миранды, Сильфиды, Девы Дуная. За этим следовало тонкое замечание, что патетика и вообще любые сильные чувства даются ей хуже, чем лирика, потому и качучу, столь восхищавшую Жозефа, критик находил в исполнении Тальони довольно бледной, лишенной того огня, той земной страсти, которую вкладывала в нее другая знаменитая балерина— Фанни Эльслер.

⁴¹⁵ Цит. по: Плещеев А. А. Наш балет (1673—1899). СПб., 1899. С. 111—112.

⁴¹⁶ Литературные прибавления к РИ. 1838. № 7. С. 135. Ср. с восприятием того же эпизода И. Виельгорским— Дневник, 31 января.

⁴¹⁷ 1838. № 2. С. 83.

Рецензенты, писавшие о Тальони, в один голос отмечали ее невиданную доселе в балете безыскусность. Однако именно здесь таился парадокс, многое объясняющий в феномене небывалой популярности этой балерины. Говорить о естественности Сильфиды (сверхъестественного существа!) можно, лишь опираясь на специфическую систему координат, в которой естественным является именно сверхъестественное, а земная реальность понимается как бледная тень настоящей, духовной реальности. В искусстве Тальони торжество духовности стало почти осязаемым. Ее танец, исполненный легкости, грации и простоты, очищенный от элементов акробатики и эротики, поднялся до уровня поэзии. В высшей степени характерно, что все балеты Тальони — чисто женские; немногочисленные мужские образы в них стерты и невыразительны. Появление этой танцовщицы обозначило радикальные перемены в концепции балетного искусства. Препрежний партнерский танец, эпоха расцвета которого отмечена именами великих танцовщиков, уступил место безраздельному господству балерины. Женщина отныне находилась на первом плане, она блистала и творила, а функции мужчины фактически свелись к механической поддержке танцовщицы. Балетный театр эпохи романтизма неожиданно наглядно продемонстрировал фундаментальный дуализм, присущий тогдашней культуре: духовность расценивалась как прерогатива женщины, вся телесность отошла к мужчине.

Лучшими творениями Тальони были именно образы сверхъестественных существ: классикой стала Сильфида из одноименного балета, поставленного еще в 1832 г. в Париже, а в конце 1837 г. состоялась петербургская премьера другого спектакля с подобным сюжетом — балета «Дева Дуная». Флёрдешан, его главная героиня, — найденыш, воспитанница людей, на самом деле оказывается дочерью Дуная, то есть ундиной. Сильфиды и ундины, наводнившие литературу и искусство позднего романтизма, пришли из германской мифологии, где сильфы (обоюго пола) — духи воздуха, ундины — духи воды. Эти существа отличаются красотой, они игривы, беззаботны, не ведают добра и зла и похожи на ангелов, но лишь в той степени, в какой тень может походить на вещь, ибо они не имеют души. Подобно ангелам, эти духи самодостаточны и гармоничны, но они не в силах разрешить противоречия, с которыми сталкиваются в мире людей. Они хрупки, и внутренние конфликты убивают их.

В культуре того времени неслучайно получили распространение преимущественно женские ипостаси духов стихий. Поздний романтизм стремился уподобить женщину бесплотному существу из иного мира, представить ее овеществленной идеей красоты, добра, чистоты. При этом чересчур абстрактный образ ангела с легкостью замещался образом сильфиды/ундины. Закономерно, что балет, давший в лице Тальони одно из самых законченных выражений женского идеала романтизма, сделал трогательных и причудливых духов своими любимыми героями.

Любовные драмы, разыгрывающиеся с участием сверхъестественных женских персонажей, практически однотипны. Решающую роль в них играет онтологическая несовместимость духа и человека, являющаяся причиной того, что чувство, возникающее между земным мужчиной и сильфидой/ундиной, приводит одного из них или обоих к гибели. Иллюзорная надежда на соединение двух миров рушится, обнажая зияющее противоречие. Совершенно очевидно, что подобные истории не могут иметь счастливого финала, поэтому такой натянутой выглядит развязка «Девы Дуная»⁴¹⁸. Либреттисту пришлось использовать прием *deus ex machina*, потому что лишь непостижимое волшебство Дуная, отца Флёрдешан, способно вывести героев из тупика, в котором они оказались.

Тогдашняя русская литература также знала подобные женские образы; самым выразительным из них была Ундина Жуковского, но механизмы взаимодействия духов с людьми, лежащие в основе их отношений, нагляднее выступают в философской повести В. Ф. Одоевского «Сильфида» (1837). Герой, утомленный столичной суетой, уезжает к себе в имение; поначалу его забавляет животность деревенской жизни, невежественной и лишенной всяких духовных и интеллектуальных интересов, но вскоре его охватывает тоска: соседи, прежде казавшиеся безобидными, теперь вызывают отвращение. Случайно обнаружив в собственном доме мистическую библиотеку покойного дядюшки, он от скуки принимается за чтение и от скуки же совершает обряд магического обручения с сильфидой. Контакт со сверхъестественным существом открывает ему великие тайны природы, гармонию мироздания, счастье духовной

⁴¹⁸ Разлученный с Флёрдешан, ее жених в отчаянии пытается покончить с собой и бросается в реку. Там на дне он неожиданно находит свою возлюбленную. В финале балета оба по велению Дуная возвращаются на землю.

любви. Со стороны это выглядело безумием—он полностью переселился в видимый ему одному мир, наконец перестал даже принимать пищу. Встревоженные окружающие приложили все усилия к тому, чтобы вывести его из этого состояния. Были применены сильные медицинские средства; герой жестоко страдал, а его сильфида умерла, не вынеся разлуки, однако его все-таки насильно вернули в мир людей. После этого он быстро опустился подобно своим соседям. Дилемма неразрешима: соединение с сильфидой означает для человека смерть, но лишившись сильфиды, он столь же неизбежно утрачивает человеческий облик, то есть умирает как нравственное существо. Виной всему роковое несовершенство человеческой природы, которое в «Сильфиде» олицетворено именно мужчиной.

На примере повести Одоевского хорошо заметен тот дуализм позднеромантической культуры, о котором уже говорилось выше,—противопоставление мужчины и женщины как носителей телесного и духовного начал. Все идеальные женские персонажи тогдашней культуры в той или иной мере сверхъестественны (одни по сути, как Ундина или Сильфида, другим же это качество присваивается путем метафорического переноса как, например, красавице великой княжне Марии Николаевне, которая однажды произвела большое впечатление, появившись в наряде сильфиды на костюмированном балу). В противоположность им мужские персонажи, напротив, представляются абсолютно земными, за исключением поэтов, музыкантов, художников и прочих существ «не от мира сего», неприспособленность которых к реальной жизни лишь оттеняет норму во всем ее прозаизме. При всех их достоинствах этим мужчинам не удастся подняться до высоты своих подруг; на их долю остаются только драматические, но обреченные на неудачу усилия к тому, чтобы приобщиться к совершенству. Именно такая коллизия представала, в частности, воображению молодого Гоголя, который в статье «Женщина» (1831) устами великого Платона провозглашал следующее: «Что женщина?—Язык богов! Мы дивимся кроткому, светлому челу мужа; но не подобие богов созерцаем в нем: мы видим в нем женщину, мы дивимся в нем женщине и в ней-то уже дивимся богам. Она поэзия! она мысль, а мы только воплощение ее в действительности. На нас горят ее впечатления, и чем сильнее, и чем в большем объеме они отразились, тем выше и прекраснее мы становимся»⁴¹⁹.

⁴¹⁹ Гоголь. Т. 8. С. 145. Ср. весьма близкие рассуждения С. Пеллико: «Пусть она будет твоим Ангелом-хранителем; пусть будет для тебя живым выражением

Женщина снисходит, мужчина стремится ввысь—обратная ситуация невозможна. Демон может полюбить земную женщину, но ангел—никогда: это вылилось бы в пародию на сакральность, как произошло в «Гавриилиаде».

Иосиф Виельгорский, по-видимому, был особенно чувствителен к этой интенции культуры своего времени, и потому самые добросовестные нравственные поиски неизбежно заводили его в тупик. В его духовной жизни, по всей видимости, господствовало столь мощное стремление к тому, чтобы максимально полно воплотить в собственной личности идеальные представления о человеке, что оно на практике приводило его к тяжелейшему внутреннему конфликту. Стремясь «к сионским высотам», он наталкивался на непреодолимое сопротивление собственной человеческой природы и на личном опыте убеждался, что ангельская чистота, столь естественно присущая его сестрам, оказывалась ему, мужчине, недоступной.

Пристально наблюдая за собой, Иосиф приходит в ужас, обнаруживая проявления сексуальности. Но если окружающие его молодые люди открыто бравировали своим цинизмом и это благополучно сходило им с рук, то несчастному Жозефу приходилось страдать от того, что малейшая нечистота мыслей мгновенно проявляла себя неудержимым краснением, выставлявшим его на посмешище. Он пытается бороться, но и тут, как и в случае с застенчивостью, немедленно оказывается в замкнутом кругу. Чем усерднее он искореняет в себе «грязные» мысли, тем сильнее его внимание концентрируется на запретном, в особенности на дамских ножках. О том, что Жозеф неравнодушен к этому предмету, знала вся семья. Над ним подтрунивали, молодой человек и сам поддерживал эту игру. Перечисляя прелести своей «дражайшей супруги» в письмах к ней, он никогда не упускает случая упомянуть о ее маленьких ножках и изящной обуви. Но шутки лишь маскировали проблему. Невинная фривольность перерастала в *idée fixe*: «Нечистота мыслей в отношении к родным ужасна иногда,—признавался себе Иосиф,—такие себе представляешь картины, которые не должны бы были приходиться в голову». Влечение к женским ножкам в некоторые мо-

воли Божией, отклоняет тебя от всего низкого, побуждает ко всему доброму. Начиная что-либо, спрашивай себя, заслужит ли твой поступок ее одобрения, старайся поступать так, чтобы прекрасная душа ее радовалась, что имеет тебя своим другом» (Пеллико. С. 96; гл. 20—«Достоинство любви»).

менты приобретало едва ли не болезненный характер: «Несколько вечеров я надевал чулки шелковые и дамские башмаки и, смотря на ноги, представлял себе, что я женщина, и смотря в зеркало воображением дополнял того, чего недоставало»⁴²⁰.

В моде 1830-х гг. существовала постоянная тенденция к удлинению юбок. Если в начале десятилетия платья были не длиннее шиколотки и полностью открывали ступню, то к концу тридцатых годов они достигли пола, так что из-под юбки мог виднеться только носок обуви. «Северная пчела», исправно информировавшая читателей о последних изменениях в фасонах дамских туалетов, писала в начале 1838 г.: «При выходе из театра старались мы узнать, не произошло ли перемены в длине платьев, и должны признаться, что все наши разыскания были тщетны. Многие законодательницы моды все еще едва не наступали на широкие фалборки, у других же можно было видеть атласные башмачки с полукруглыми носками»⁴²¹. Целомудренно удлиненные юбки, однако, лишь подогревали воображение юноши, заставляя его жадно ловить редкие моменты, когда в танце или при сильном движении развевающийся подол приоткрывает ногу.

Чувства, которые возникали в нем при виде женщин, пугали Иосифа своей грубой приземленностью. Ему невыносимо стыдно было находить в себе то же «свинство», которое он от души презирал в других мужчинах. Привычно ассоциируя подлинную женственность с образом ангела или сильфиды/ундины, то есть существа по определению асексуального, молодой человек вынужден был отворачиваться от реальных женщин, неспособных дарить такие возвышенные душевные переживания, как несравненная Тальони. И хотя Иосиф не может не замечать, что ножки балерины обуты «со сладострастием», а однажды даже рассеянно пририсовывает ее изображению башмачки по собственному вкусу⁴²², все это остается не более чем досадными эпизодами, никак не замутняющими чистоту его чувства. По собственному определению, он был влюблен в Тальони «скорее платонически», то есть как в мечту, а не как в реальную женщину. Эта поэтическая влюбленность оказалась настолько эфемерной, что выдохлась буквально в не-

⁴²⁰ Дневник, 30 марта.

⁴²¹ Северная пчела. 1838. № 10. 13 января. С. 1. Фалборка, точнее фалбала (от фр. *falbala*) — декоративная оборка, в данном случае по низу юбки.

⁴²² См.: Дневник, 24 января и 3 апреля.

сколько дней, стоило только предмету его мечтаний исчезнуть из виду. Тут прав был великий князь Михаил Павлович, мгновенно распознавший, что Жозеф вздыхает по «прекрасному полу вообще»⁴²³.

Внимание Виельгорского неслучайно обратилось на великую княжну Ольгу Николаевну. Современники дружно уподобляли ее ангелу за кроткую красоту и мягкий характер. Напротив, ее старшую сестру Марию, также бывшую некогда предметом его увлечения, Жозеф скорее склонен осуждать — очевидно, вследствие ее отнюдь не ангельской активности и решительности, распространявшейся и на отношения с мужчинами. И уж тем более отталкивающими представляются ему такие крайние проявления женской «неидеальности», как разговор, ненароком подслушанный во время танцев 22 апреля 1838 г. Сальности коробили Жозефа даже в устах мужчин, тем отвратительнее было ему слышать такое из уст девушки — ровесницы его сестер. В развязной Мари Трубецкой он видел квинтэссенцию светской женщины — смолodu испорченного, развращенного создания, которое самим фактом своего существования профанирует идею женственности.

Все это лишний раз убеждало Жозефа в том, насколько бессмысленно отыскивать свой идеал среди светских красавиц. В сущности, он даже и не пытается этого делать, а напротив, намеренно избегает общества молодых девиц. Сам для себя он объясняет это застенчивостью, но дело не только в краснении. Так, Иосиф уклоняется от присутствия на выпускном экзамене Екатерининского института: ему, очевидно, крайне неприятна была знакомая обстановка этих «светских смотрин», с их атмосферой кокетства и двусмысленными замечаниями, которыми вполголоса обмениваются присутствующие молодые люди.

Учитывая мнение Жозефа о светских женщинах, понятно, отчего он выступает столь ярким ревнителем приличий и почему так нервно реагирует на проявление интереса к нему со стороны фрейлины Елены Хрептович⁴²⁴. Девушка, по всей видимости, рассматривала молодого графа Виельгорского как хорошую партию и, зная о его нерешительности, попыталась взять инициативу в свои руки. Ради этого она даже решилась пойти на некоторое нарушение этикета. Однако она просчиталась: Жозеф шокирован и негодует; он немедленно делает вывод о безнравственности этой особы, и огнине у Хрептович нет шансов.

⁴²³ Там же. 8 февраля.

⁴²⁴ См.: Дневник, 1 февраля.

Впрочем, юноша вовсе не отвергает самой мысли о женитьбе. Недаром он с такой симпатией откликается на рассказ (переданный ему, вероятно всего, в издевательских тонах) о том, что Хомяков дал обет сохранить чистоту до брака⁴²⁵. На протяжении нескольких лет он поддерживает особую игру с сестрой Анной, в которой оба носят маски моцартовских персонажей: простака Мазетто, нежно любящего свою супругу, и вострушки Церлины, умеющей отстоять свою добродетель даже под натиском неотразимого Дон Жуана. В этой игре Жозеф как бы разрабатывает модель своей воображаемой будущей семьи⁴²⁶. Мазетто и Церлина любят друг друга; у них пока нет детей, но супруг балует свою женушку как ребенка и всегда готов услужить ей, предупреждая ее желания; им легко и весело друг с другом, они непринужденно болтают, не касаясь серьезных тем и избегая всего, что могло бы как-то омрачить их радость от общения друг с другом. Церлина, пожалуй, несколько ветрена, что порой заставляет мужа делать ей выговоры за легкомыслие, однако добродушный Мазетто вполне убежден в том, что его супруга чиста и невинна душой, а значит, их семейному счастью ничто не угрожает. До некоторой степени эта картина напоминает известные по описанию М. А. Волковой отношения Мих. Ю. Виельгорского с его первой женой Катишей, с которой он был, по-видимому, некоторое время безмятежно счастлив. Здесь кстати вспомнить толстовский образ «маленькой княгини» Болконской, который, как уже говорилось выше, во многом выстроен на наблюдениях Волковой над личностью Е. К. Бирон-Виельгорской. Толстой настойчиво уподобляет свою героиню белочке—симпатичному, пушистому животному. Однако резвый и веселый зверек лишен души, как и другое, столь же резвое и веселое создание—сильфида/ундина. Именно сходством с последней окрашен образ воображаемой супруги Жозефа.

5 апреля молодой человек заносит в дневник изложение весьма выразительного разговора с матерью: Луиза Карловна сетовала на трудность отыскать в свете партию, достойную ее дочерей, Жозеф в ответ признавался в том, что и он, помышляя о женитьбе, сталкивается с тем, что не находит достойной избранницы. В его глазах все женщи-

⁴²⁵ См.: Там же, 13 января.

⁴²⁶ Игра с маленьким Шуваловым, в которой Иосиф исполнял роль сына, а восьмилетний мальчик—отца, не связана с этим. Поль Шувалов называл Иосифа своим сыном, очевидно, подражая отцу—крестному молодого Виельгорского.

ны, очевидно, делились на немногих истинно идеальных существ и всех остальных, в той или иной степени недостойных. Первых он готов обожать на расстоянии, не смея приближаться из-за сознания собственного несовершенства; вторых он отвергает сам и в этом случае позволяет себе судить свысока. Подкрепление этой позиции Иосиф мог найти в трактате столь ценимого им Пеллико: «Чем более сердце твое расположено к любви, чем более оно способно почитать женщину достойную, тем менее, избирая подругу, ты можешь довольствоваться посредственным достоинством в женщине»⁴²⁷. Молодой Виельгорский не мог и помыслить о женитьбе на девушке, подобной его светским знакомым. Никто не выдерживал сравнения с сестрами. Невольным отражением этой коллизии стала его игра в «супружество» с Нози. Идеальной супругой для Жозефа могла бы стать девушка, воспитанная его матерью—полное подобие его сестры, но где найти такую? Его болезненность и ранняя смерть оставила открытым вопрос о том, сумел бы он когда-нибудь создать собственную семью или нет, но пример его младшего брата позволяет предполагать, что Иосифу вряд ли удалось бы это сделать. Михаил Михайлович Виельгорский, умерший не столь молодым, как его брат, отличался, по отзывам знавших его людей, исключительным обаянием и привлекательностью⁴²⁸, однако и он умер холостяком, так и не сумев, по-видимому, освободиться от того же наваждения. Ослепительное сияние семейного «виельгорского» идеала лишило причастных к нему людей способности видеть вокруг себя что-либо иное.

Печальными оказались и судьбы самих сестер Виельгорских. Софи не нашла в муже родственной души. Затяжной конфликт между супругами усугублялся вмешательством Луизы Карловны, пытавшейся перевоспитывать зятя на свой манер⁴²⁹. Анна, та самая «супруга» Жозефа, младшая сестра, к которой он относился с нежностью и шутливо величал «образцом всех добродетелей»⁴³⁰, тоже не видела вокруг себя

⁴²⁷ Пеллико. С. 99 (глава 21—«Порочная любовь»).

⁴²⁸ «Михаил Михайлович (...) был замечательно даровит и учен, прелестно импровизировал на фортепьяно, обладал большим обаянием и, несмотря на свой физический недостаток, внушил не одну несчастную любовь к себе» (Фредерикс. С. 81—82).

⁴²⁹ См.: Соллогуб. С. 402.

⁴³⁰ См. в главе V письмо от 15 декабря 1838 г.

никого, кто был бы ее достоин. М. П. Фредерикс вспоминала: «Анолит, как ее звали, была совершенно особенное существо. Она была замечательного ума, в высшей степени учена; играла на рояле, пела и рисовала прелестно. Собою она была не хороша, но имела то обаяние, которое лучше всякой красоты и которое делает женщину идеальной. Она внушала очень многим несчастную любовь; они сгорали страстью к ней, но она долго не хотела слышать о замужестве. Один из ее поклонников в отчаянном разочаровании от ее отказов переделал на нее известное гордое слово герцога де Рогана «Roi ne reux, prince ne veux, Rohan je suis» (королем быть—не могу, князем—не хочу, Роганом пребываю), а он говорил про нее: «Reine ne reux, femme ne veux, Anolite je suis» (королевой—не могу, женой—не хочу, Анолитой пребываю). (...) Вышла она замуж уже немолодой, по просьбе отца на его смертном одре, за князя Александра Ивановича Шаховского; но этот человек хотя ее и любил, но далеко отстоял от ее нравственной высоты. Она недолго была замужем и скончалась, оставив после себя дочку нескольких месяцев»⁴³¹. Единственное исключение из всех молодых Виельгорских составила только старшая сестра—Аполина, обладавшая самым сильным характером и потому стоявшая в семье несколько особняком; ее брак с А. В. Веневитиновым оказался, по-видимому, настолько гармоничным, что им была довольна даже придирчивая Луиза Карловна, называвшая Веневитиновых «счастливейшей четой в Петербурге и Москве (а про губернии и говорить нечего)»⁴³².

Возвратимся, однако, к событиям весны 1838 г. Мысль о долгожданном заграничном вояже отодвигала для Иосифа на второй план и его восторги по поводу Тальони, и брюзжание в адрес светских знакомых. Но прежде всего необходимо было укрепить здоровье, чтобы не пришлось вновь, как в прошлом году, прерывать путешествие. К его услугам были опытные врачи, служившие в богоугодных заведениях, управление которыми было вверено Михаилу Юрьевичу⁴³³, придворные доктора и частнопрактикующие медики. Вероятно, Виельгорские перепробовали всех, но болезнь не сдавалась. Наконец, отчаявшись

⁴³¹ Фредерикс. С. 82.

⁴³² Вестник Европы. 1889. № 11. С. 150 (письмо к Гоголю от 3 января 1850 г.).

⁴³³ Он занимал должности управляющего Петербургским и Гатчинским воспитательными домами, а также Мариинской больницей для бедных.

добиться улучшения с помощью именитых врачей, они прибегли к помощи непрофессионального целителя— придворного певчего Федора Козловского. О личности этого человека почти ничего не известно. В Придворной певческой капелле он прослужил, очевидно, более двадцати лет. В описи фонда Капеллы, хранящегося в РГИА, его имя встречается довольно часто в связи с различными мелкими скандалами и происшествиями (что, впрочем, не помешало ему удостоиться знака отличия беспорочной службы). По-видимому, он был достаточно своеобразным и беспокойным субъектом, которому вполне пристала репутация знахаря. К счастью для больного, Козловский оказался не абсолютным шарлатаном. Его простая рекомендация использовать растирания камфарным спиртом для облегчения боли в суставах была вполне разумной. То же мог посоветовать и настоящий доктор⁴³⁴— если бы считал, что имеет дело с обыкновенным ревматизмом. Но это средство не помогло, боли в плече не уменьшались, и Жозеф бросил бесполезное лечение. А в эти самые дни в Москве готовилась к выходу книга известного клинициста Г. И. Сокольского «Учение о грудных болезнях» (М., 1838, цензурное разрешение от 28 февраля), где в разделе о легочной чахотке содержалось указание на распространенную ошибку врачей, принимающих боли в руке со стороны пораженного легкого за проявления ревматизма. Весьма вероятно, что все, кто брался пользоваться Иосифа, допускали именно эту ошибку, введенные в заблуждение действительно имевшимися у него ревматическими явлениями.

Жозеф возился с докторами без особенного энтузиазма. Приготовление к путешествию интересовали его куда больше. Он занимался чтением литературы по истории и статистике европейских стран и с нетерпением ожидал объявления окончательного маршрута поездки. В особенности волновало его, очевидно, будет ли позволено наследнику и его свите побывать в Англии. Эту страну он, подобно большинству образованных современников, считал образцом разумного политического и правового устройства⁴³⁵. Если бы поездка в Великобританию

⁴³⁴ В частности, известный московский врач Е. О. Мухин рекомендовал для согревания рук и ног растирания камфарным спиртом с небольшим количеством скипидарного масла, горчицы или стручкового перца (см.: Мухин Е. О. Краткое обозрение способа лечения наносной холеры, о паровых ванне и самоваре, о постной и рыбной пище. М., 1830. С. 4).

⁴³⁵ См.: Дневник, 12, 26 и 31 января, 8 февраля.

состоялась, то зачатки англomanии, заметные в дневнике Иосифа, могли бы развиться в более глубокие убеждения, предопределив тем самым оформление его политических взглядов. Впрочем, он отнюдь не был склонен бездумно одобрять все английское; политику Британии он судит именно с позиции интересов России. Признание того, что многие факты произвола, нормальные для России, были бы невозможны в Англии, ничуть не мешает ему горячо спорить с матерью, когда та «охуждает Россию и восхваляет чужие земли»⁴³⁶. Русский патриот-англоман — подобное сочетание, скорее характерное для поколения Виельгорского-отца и, в частности, ярко представленное примером его соседа и приятеля И. И. Бярятинского, в России конца 1830-х гг. уже утрачивало актуальность. Характерно, что в это же самое время особое внимание подготовке к посещению Англии уделял и Жуковский. Так, 26 февраля 1838 г. П. А. Вяземский замечал: «Жуковский погрузился в Англию телом и духом: доучивается английскому языку, изучает исторические, статистические книги о ней и едва ли не сел на портвейн. Англия будет главною целью их путешествия»⁴³⁷. Последнее замечание, впрочем, более свидетельствовало о намерениях самого поэта, нежели Николая I, которому принадлежало в этом решающее слово. Император долгое время колебался, включать ли вообще Великобританию в программу путешествия сына. В своем внешнеполитическом курсе Россия не раз то сближалась, то вновь расходилась с Англией, однако, несмотря ни на что, эта держава оставалась для нее принципиальным идеологическим антиподом. По мнению Николая, при знакомстве с ней наследнику и состоявшим при нем молодым людям следовало проявлять сугубую осторожность, опасаясь слепого увлечения чужим устройством, принципиально непригодным для России⁴³⁸.

Император не раз высказывал мысль, что отдает себе отчет в необходимости крупных преобразований в своей стране и в этом отношении возлагает большие надежды на сына. Очевидно, что на товарищей наследника также должна была лечь высокая честь быть соотрудниками Александра в его грядущих делах. Об этом Жозеф никогда не

⁴³⁶ Там же. 30 марта.

⁴³⁷ ОА. Т. 4. С. 26 (письмо к А. И. Тургеневу).

⁴³⁸ Об этом см.: Самовер Н. В. Инструкции Николая I для путешествий наследника по России и Европе (1837—1838) // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 124.

забывал. Интересно, что на страницах дневника запечатлелся переломный момент в развитии его самосознания: если доселе молодой человек покорно двигался в русле предначертанной ему карьеры, даже не задаваясь вопросом о том, почему, собственно, он должен быть военным, то тут он внезапно осознает, что на самом деле создан для гражданской службы⁴³⁹. Очевидно, этим и вызван его повышенный интерес к статистическому отчету Синода, попавшему ему на глаза ранним пасхальным утром. Осмысление собственного призвания пришло к Иосифу в то время, когда его десятилетняя «служба» в качестве товарища великого князя подходила к концу. Жозеф ясно представлял себе дальнейшее: скоро он сделается адъютантом Александра Николаевича, а затем служебный поток неизбежно вынесет его к генеральским эполетам и какой-нибудь значительной, но малоинтересной должности. Между тем он хотел другого. Отдав многие годы идее долга и пользы великому князю, он теперь жаждал приносить пользу России — и не на случайном поприще свитского офицера, а в качестве крупного администратора, не столько блестящего, сколько дельного. Он несомненно сознавал, что столь резкий излом карьеры неизбежно отдалит его от наследника и разрушит все упования родителей, но это, по всей видимости, уже его не смущало.

Еще в 1834 г. Жуковский стал свидетелем эпизода, глубоко возмущившего его; тогда он записал в дневнике: «Во время чтения⁴⁴⁰, при котором присутствовал Паткуль, великий князь забылся: он, лежа, протянул ноги и положил их на колени Паткуля. Я взглянул на эти ноги; великий князь почувствовал неприличие и переменял положение»⁴⁴¹. С Иосифом наследник, очевидно, не позволил бы себе такого — их отношения, и так далекие от панибратства, с течением времени охладели настолько, что «товарищество» стало исключительно номинальным. Причиной тому была не только неприятная психологическая коллизия, еще в детстве противопоставившая мальчиков друг другу, но и то, что Виельгорский, с самых ранних лет проникнутый

⁴³⁹ См.: Дневник, 23 января.

⁴⁴⁰ Жуковский и Плетнев, преподававший российскую словесность, практиковали чтение вслух. В тот день поэт знакомил своих воспитанников с книгой С. Пеллико «Мои темницы».

⁴⁴¹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978. С. 231 (дневниковая запись Жуковского от 5 июня 1834 г.).

сознанием возложенной на него ответственности, фактически занимал по отношению к Александру позицию не товарища, а педагога. «Моя обязанность быть при нем, быть ему полезным и бороться с теми, которые могут иметь на него дурное влияние»⁴⁴²,— так он сам позднее формулировал свою миссию. Однако чем старше становился наследник, тем явственнее он сопротивлялся попыткам «воспитывать» его. В итоге судьба двоих человек, наиболее настойчиво пытавшихся оказывать на него моральное давление, оказалась удивительно схожей: «Василий Андреевич жаловался мне на свое отрицательное положение; он ничего не может сделать Великому Князю и между тем не может удалиться. Почти то же со мной происходит»⁴⁴³,— признается Иосиф. Десять лет назад Жуковский не ошибся, выбрав в товарищи к наследнику Иосифа Виельгорского. В этом мальчике он нашел как бы свою вторую ипостась, самого убежденного своего сторонника и сотрудника в деле воспитания. Но теперь оба, пожилой наставник и юный воспитанник, в равной степени оказались отвергнутыми: Жуковскому наследник нередко оказывал явное неуважение, а от Виельгорского он практически отвернулся, предпочитая ему других своих товарищей, менее требовательных и более покладистых.

Впрочем, и сам Иосиф не испытывал, по всей видимости, сколько-нибудь теплых чувств к Александру Николаевичу. Он смотрел на своего августейшего товарища как бы со стороны, скорее глазами историка, прозревающего грядущую судьбу своего персонажа, чем просто приятеля-ровесника. Отсюда такой странный тон его высказывания о наследнике в письме к сестре Лине из Казани от 27 мая 1837 года: «Когда подумаешь о назначении Великого Князя, о том, что его ожидает, и взглянешь на него, молодого, цветущего красотой, счастливого, не знающего горя, то невольно заплачешь». Подобные слова звучали бы естественно в устах человека немолодого, некрасивого, несчастливого и пережившего много горя. Так мог бы сказать о своем воспитаннике Жуковский, но это пишет двадцатилетний юноша, которому великий князь представляется в первую очередь существом, обремененным тяжестью сана самодержца, а значит, и исключительной исторической ответственностью. Подобное отношение, лишенное всякой не-

⁴⁴² См.: Дневник. 30 марта.

⁴⁴³ Там же. 27 марта.

посредственности, исключает возможность возникновения обыкновенной человеческой дружбы. К тому же, всегда склонный к ригоризму и максимализму требований, Иосиф не признавал за великим князем права на ошибки и слабости, на желание жить такой же беззаботной жизнью, как другие его ровесники. Убедившись в ординарности натуры и приземленности стремлений своего товарища, он тяжело переживал разочарование в нем, и это чувство также было полным подобием того, что испытывал в те годы Жуковский.

Дневник 1838 г. свидетельствует о том, что товарищество с наследником к этому времени утратило для Жозефа всякую привлекательность, превратившись в тяжкую и неприятную обязанность. В связи с этим юноша испытывал двойственные чувства: с одной стороны, он с нетерпением ожидал заграничного вояжа, которым был всецело обязан своему положению при великом князе, с другой—мысль о том, что он будет привязан к наследнику, к его пустому времяпрепровождению и поверхностным интересам, отравляла его радость. Еще менее вдохновляла перспектива иметь своим товарищем по путешествию Александра Паткуля. И хотя Иосиф добросовестно старался искоренить в себе неприязнь к нему, все его усилия были тщетны. В этой фигуре все самые неприятные для него качества как нарочно соединились с теми достоинствами, которых он сам был лишен. Паткуль по-прежнему не блистал умственным развитием и не приобрел никаких серьезных интересов. Зато он был полон здоровья и непринужденной веселости, прекрасно танцевал, обладал легким характером, не испытывал ни малейших затруднений в общении и запросто переходил с новыми знакомыми на «ты». Будучи, по наблюдениям Юрьевича, еще в детстве дамским угодником⁴⁴⁴, он годы спустя сохранил это качество и в женском обществе пользовался куда большим успехом, чем угрюмый и застенчивый Виельгорский.

Что касается своих старших спутников, то и ими Жозеф также был весьма недоволен. Лишь к Жуковскому он питал уважение, остальные же удостоились уничтожающих характеристик: «Кавелин, раздражительный и бестактный, говорит всем грубости.—Юрьевич ограниченный; они с Назимовым слова не умеют сказать по-французски и говорить ни о чем не могут—их наружность до смешного заурядна (...)

⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1526. Л. 31 об.

мне придется краснеть за Юрьевича с Назимовым и Енохиным»⁴⁴⁵. В своей негативной оценке Кавелина юноша был не одинок: неприязнь к нему испытывал и Жуковский. Хотя внешне их отношения были товарищескими, лишь изредка взрываясь явными ссорами, подспудно поэт вел с воспитателем настоящую войну за влияние на наследника и чувствовал, что проигрывает. В окружении великого князя Кавелин олицетворял собой практическое начало, именно к нему в первую очередь апеллировал Николай, когда на прощальной аудиенции, данной членам свиты сына перед отъездом в путешествие 1837 г., говорил: «Я хочу (...) чтобы великий князь (...) обозревал все, достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность». Кавелин и в самом деле был, по-видимому, далек от всякой «поэзии». Позднее, в Риме, Жуковский не удержался, чтобы не занести в дневник «классическое слово», произнесенное генералом во время посещения Ватиканского музеума «в присутствии Лаокоона» и обращенное, очевидно, к великому князю: «Не заглядывайтесь!»⁴⁴⁶

Впрочем, желчные оценки Иосифа не вполне объективны. Капризная требовательность юноши, очевидно, была следствием болезненной раздражительности. В случае с Юрьевичем он явно преувеличивал невежество своего бывшего воспитателя: тот знал французский язык, но, вероятно, говорил не так бегло и правильно, как хотелось бы юному аристократу, для которого французский был вторым (если не первым) родным языком. В припадке мизантропии Жозеф не щадит даже внешности Юрьевича, забывая, что несколько месяцев назад сам же с умилением вспоминал, как этот человек возился с ним в детстве⁴⁴⁷. Юноша настолько сердит на всех и вся, что у него даже проскальзывает мысль «как-нибудь уклониться от этого путешествия»⁴⁴⁸. Впрочем, это лишь минутное проявление досады: в следующие несколько месяцев Иосиф с неменьшим пылом будет негодовать на то, как медленно и бестолково ведется подготовка к столь ответственному вояжу.

⁴⁴⁵ Дневник, 29 января.

⁴⁴⁶ Дневники Жуковского. С. 458 (запись от 27 декабря 1838/8 января 1839 г.).

⁴⁴⁷ Ср.: Дневник, 27 марта и 23 января.

⁴⁴⁸ Там же. 29 января.

Начало путешествия наследника совпало с общим выездом императорской фамилии за границу. Александра Федоровна, здоровье которой заметно пошатнулось в последние месяцы, нуждалась в лечении на водах, и Николай решил воспользоваться ее поездкой, чтобы посетить Пруссию. Императрица с младшими детьми первой покинула Петербург, в последних числах апреля за ней отправились император с наследником. Поскольку визит в Берлин носил неофициальный характер, они выехали инкогнито—под именем генерала Аничкова и его адъютанта. Свита следовала за ними отдельными «партиями»: Жуковский пустился в путь 3 мая, прямо с обеда, данного Мих. Ю. Виельгорским спутникам наследника, а молодые товарищи великого князя отправились 5-го.

Иосиф уезжал из России, по-видимому, со смешанным чувством. Сбывалась его мечта увидеть Европу. Даже неизбежный скепсис в отношении спутников и программы путешествия не мог отравить удовольствия. Впрочем, он планировал, начав путешествие с великим князем, через некоторое время отделиться и всерьез заняться лечением. Никто, и в том числе он сам, еще не догадывался о серьезности заболевания—об этом красноречиво свидетельствует поведение его матери. Нездоровье сына не столько пугало, сколько огорчало, возникнув так некстати—в финале воспитания, при самом начале карьеры. Именно поэтому Луиза Карловна была так настойчива, требуя, чтобы Жозеф непременно возвращался в Россию в свите наследника, даже если ради этого придется прервать начатый курс лечения¹.

Графине Виельгорской не суждено было еще раз увидеть сына, однако они поддерживали оживленную переписку, обмениваясь письмами не реже раза в неделю. Из этой корреспонденции до нас дошли только два письма. Не сохранился и дневник Иосифа, веденный во время пребывания за границей. Громоздкий том журнала за 1838 г., заполненный едва ли на треть, юноша оставил дома и теперь делал

¹ См. выше: Дневник, 11 и 29 апреля.

беглые заметки в записных книжках (чаще всего по-французски, но иногда на немецком или итальянском)². Самое важное он переносил затем в особую тетрадь. Вряд ли эта тетрадь погибла случайно. Не так давно сам Жозеф писал, что предпочитает, чтобы его дневники сгорели, нежели попались на глаза кому-либо из посторонних³. Вполне возможно, что в преддверии смерти он собственными руками истребил свой последний журнал. Дневник за первые четыре месяца 1838 г. избежал этой участи лишь потому, что находился вне досягаемости.

Впрочем, до этих трагических дней было еще далеко. А пока 7/19 мая 1838 г. состоялся въезд императорской фамилии в Берлин. В последующие дни за августейшими особами подтягивались и члены их свиты. Так, Жуковский прибыл 21-го (н. ст.), Иосиф, вероятно, вскоре вслед за ним.

По прибытии в столицу Пруссии молодой Виельгорский со своим денщиком Ильей Яковлевым (очевидно, солдатом Павловского полка) остановился в респектабельном отеле «Бранденбург» в районе Фридрихсштадт на Жандармской площади, где уже расположился Жуковский. Дальнейшие события разворачивались на глазах у наставника. Иосиф приехал совершенно разбитым. Не успел он начать осмотр города, как 28 мая в его записной книжке появляется запись: «Утром бегал. Кровохарканье. Испугался»⁴. Несколько дней пути между Петербургом и Берлином оказалось достаточно, чтобы сломать хрупкое равновесие его здоровья и сорвать неудержимую лавину последней болезни.

Впрочем, Жозеф, привычный ко всевозможным хворям, еще надеялся списать свое недомогание на дорожную усталость. Немного отдохнув, он вновь добросовестно принялся исполнять обязанности туриста, благо ему не было необходимости повсюду сопровождать великого князя. В Берлине для него было немало интересного— лекции знаменитых ученых в одном из лучших европейских университетов, великолепный музей, антикварные и книжные лавки, обещавшие богатый улов для его библиотеки.

² См.: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 37. № 17—19.

³ См.: Дневник, 19 января.

⁴ Цит. по: Веневитинов М. А. Несколько слов о графе И. М. Виельгорском // РС. 1898. № 1. С. 97.

Но за эту попытку вести себя как здоровый человек Иосиф немедленно поплатился резким ухудшением состояния. Стало абсолютно очевидно, что он не сможет продолжать путь вместе со свитой наследника. Ситуация годичной давности повторялась в куда более грозном виде. Но теперь болезнь застала юношу в одной из европейских столиц, рядом было много именитых врачей, в том числе два русских медика — Арендт и Енохин, знавшие его с детства. 2 июня Жуковский отмечает в дневнике: «Консультация о Вьельгорском»⁵. Как явствует из записной книжки самого Жозефа, врачебный осмотр состоялся на следующий день: «Консультация. Необходимость прекратить путешествие. Разговор с Назимовым. Беседа с Паткулем о разлуке с великим князем»⁶.

Кровохарканье стало первым проявлением открытой формы туберкулеза. Практически с этого момента юноша был обречен — вероятность выздоровления туберкулезного больного в то время составляла один к восьмидесяти⁷. Жозеф умрет ровно через год — 2 июня 1839 г. Однако страшный диагноз «чахотка» врачи ставили с большой осторожностью и чаще всего уже на последних стадиях заболевания. Отсутствие надежных методов диагностики осложняло их задачу. Медицинская наука была еще далека от ясного представления о туберкулезе; до открытия его возбудителя оставалось еще почти полвека, и различные проявления этого заболевания трактовались как отдельные болезни. В случае Жозефа медицинский вердикт гласил, что недуг молодого графа — кровохарканье — имел «геморроидальное» происхождение. Тогдашняя медицина широко использовала понятие «заменительного» кровотечения, возникавшего якобы тогда, когда по какой-то причине не проявлялось кровотечение «нормальное»⁸. В частности, кровохарканье (рассматриваемое в качестве заболевания, которое мо-

⁵ Дневники Жуковского. С. 378. Иосиф в этот день записал: «Приступ кашля с 5 часов утра и кровохарканье. Я принужден сидеть дома. Я должен отказаться от путешествия. Сильное огорчение» (цит. по: Веневитинов М. А. Указ. соч. С. 97—98; эта и цитируемая ниже запись датированы автором уже по новому стилю, поэтому предлагаемые публикатором двойные датировки неверны).

⁶ Цит. по: Веневитинов М. А. Указ. соч. С. 98.

⁷ Сокольский Г. Учение о грудных болезнях. М., 1838. С. 156.

⁸ См.: Грум (Грум-Гржимайло) К. И. Полное систематическое и практическое описание минеральных вод, лечебных грязей и купален в Российской империи с присовокуплением краткого описания известных заграничных минеральных вод и патологии хронических болезней. Ч. 2. СПб., 1855. С. 271.

жет вести к чахотке, но не тождественно ей) привычно связывалось с «геморроидальными припадками» и на первых порах не особенно пугало ни самих больных, ни врачей. О том, как могли рассуждать осматривавшие Иосифа медики, дает представление характеристика геморроя (почечуя), принадлежащая доктору Фр. Белявскому: «Болезнь сия столь многообразна и многосложна в своих явлениях и припадках, что едва ли можно отыскать другую, ей подобную. (...) *Неправильный*, или необыкновенными путями открывшийся геморрой (...), принадлежит к редким видам сей болезни и называется таковым, когда обнаруживается истечением крови из десен, носу, гортани, легких, желудка (...) и др. частей тела. (...) Причиною почечуя полагать должно неправильное кругообращение крови в крововозвратных жилах внутренностей, а наипаче в воротной вене»⁹.

Характер назначений, сделанных видными докторами в Берлине, указывает на то, что внимание медиков в основном было направлено не столько на лечение легких, сколько на ликвидацию предполагаемой причины болезни — нарушений кровообращения и деятельности органов брюшной полости, следствием чего и стал «геморроидальный припадок». Испытанным средством в подобных случаях считались ботемские минеральные воды. Врачи, однако, колебались в выборе курорта. Первоначально назначенные эгерские воды в конце концов были заменены близкими по действию мариенбадскими.

Известие о том, что его товарищ серьезно болен, не могло изменить планов наследника. Он продолжал свой вояж, из Берлина его путь лежал в Стокгольм. Но для Жозефа долгожданное путешествие закончилось, едва успев начаться. Все последующие его перемещения будут связаны только с лечением. Что он при этом переживал, неизвестно; его письмо к Софи, как всегда, уравновешенно и даже сдобрено долей шуток. По-видимому, в средней сестре Иосиф находил наиболее внимательного собеседника, охотно разделявшего его интеллектуальные интересы, сочувствовавшего его патриотическому энтузиазму¹⁰. Ей он охотно писал о том, что волновало их обоих.

⁹ Белявский Фр. Описание естественных и искусственных минеральных вод. Т. 1. М., 1834. С. 445—448.

¹⁰ Софья Михайловна и позднее сохранила стремление к усвоению отечественной культуры, подобное тому, которое отличало ее брата. Практически выросшая за границей, она постоянно ощущала в себе недостаток «русскости», который

Иосиф—сестре Софье¹¹

5 июня. Берлин. 1838.

Ты это письмо, милая бишка, получишь от Арнда¹², которому предоставляю труд рассказать, почему я не делаю путешествия и почему я отправляюсь теперь в Эгра. Ты мне пишешь, что я время, вероятно, провожу с книгопродавцами; но я до сих пор ни у одного из них не был и купил немного книг; между прочим, отличное издание Байрона, с подробным описанием его жизни—за 3 червонца. Вообще здесь вещи чрезвычайно дешевы в сравнении с Петербургом. Паткуль проводит все время, свободное от обедов и балов, в магазинах; и он накопил на 1500 рублей дамских вещей, которые он отправил в Петербург; он намеревается открыть магазин галантерейных вещей по возвращении из чужих краев. Он сделал себе список всего того, что ему купить надобно по городам¹³.—Я, с своей стороны, всего только три дня осматривал примечательности Берлина; остальное время и теперь еще сижу в своей комнате по причине открывшейся у меня геморагии¹⁴. Я осматривал тому четыре дня Королевский музей, превосходное здание, впереди которого находится огромная гранитная чаша такой же величины, как Бабыловская, но вдвое мельче¹⁵. Внутреннее устройство музея отлично; картины расположены в комнатах в систематическом порядке, то есть по школам. Нет картин знаменитых живописцев, но зато и нет посредственных произведений. Рафаилы первой манеры¹⁶ и еще школы Перуджино. Особенно поразила меня картина

стремилась восполнить всеми средствами; муж по ее просьбе руководил ее занятиями в области русского языка и словесности.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 65. № 8. Л. 1—3 об.

¹² Лейб-медик Н. Ф. Арндт сопровождал Николая I в Берлин и теперь в свите императора направлялся в Стокгольм, а оттуда в Петербург.

¹³ Высокие ввозные пошлины, характерные для тогдашней тарифной политики России, вызывали дороговизну импортных товаров, особенно предметов роскоши. Поэтому производимые практичными русскими путешественниками массовые закупки одежды, тканей, аксессуаров, различных предметов интерьера и т. п., над которыми посмеивается Иосиф, были совершенно обыкновенным явлением.

¹⁴ Здесь: кровохарканье (от греч. *haimorragia*—кровотечение).

¹⁵ Знаменитый королевский Музеум в Берлине открылся в 1830 г. Здание, самое современное, максимально приспособленное для экспонирования художественных коллекций, было построено по проекту архитектора К. Ф. Шинкеля. В саду Лустгартен перед этим зданием установлена гранитная ваза диаметром немногим менее 7 метров и весом в 1500 центнеров, высеченная в 1827 г. из единого куска камня. Иосиф сравнивает ее с гранитным бассейном для купания, сооруженным в 1824 г. в Бабыловском дворце близ Царского Села.

¹⁶ Тогдашнее искусствоведение выделяло в творчестве Рафаэля три «манеры» (периода), таким образом, выражение «Рафаилы первой манеры» означает ранние картины художника.

Кореджио, представляющая Ио и Юпитера; я не видел восхитительнейшего женского лица. Я намереваюсь еще раза два быть в музее и дам тебе подробнейший отчет. Всего более мне понравилось то, что туда всех пускают безденежно; ты там увидишь мужика, солдата, артиста, принца, лакея, министра, людей всех сословий и всех состояний. Вот истинное просвещение; доставлять каждому человеку способ научиться, заниматься науками или искусствами. Такой доступности всем классам людей, как мне говорили, нет нигде, кроме Берлина¹⁷; и это делает честь прусскому правительству. На другой день я отправился в университет с Липманом и двумя молодыми русскими студентами, которые здесь оканчивают курс наук с тем, чтобы потом быть профессорами в Петербургском университете¹⁸. Я слушал в этот день шесть профессоров, к которым надобно прибавить *höchst merkwürdiger und ausgezeichnete Mann*¹⁹: знаменитого *Ганса* (право европейское), знаменитого *Савиньи* (древности римского права), *Böckh* (объяснение «Антигоны»²⁰), *Марэнике* (практическая теология), знаменитого географа *Риттера* и, наконец, знаменитого писателя, натуралиста и философа *Стеффенса*. В другой раз напишу об них подробнее; при этом случае скажу только одно: я писал свой журнал по-французски; Стеффенс во время урока сильно оуждал и восставал против тех немцев, которые, пренебрегая своим языком, увлекаются блеском французского языка и стараются во всем подражать французам. «Стыдно,—говорил он, вспыхнув от негодования и обращаясь к студентам,—стыдно тому, кто незнаком с своим языком; каждый человек должен знать лучше всего и прежде всего свой родной язык; язык своего отечества, своего народа; от подражания французам наша литература стояла неподвижно в ничтожности»—и проч.

На другой же день я писал свой журнал по-русски.

Целую твои глазки.

Жуковский покинул Берлин ранним утром того дня, когда было написано это письмо. Уезжая, он поручил Иосифа заботам своего старинного приятеля А. Клейста, «добрейшего существа»²¹. Юноше оста-

¹⁷ Берлинский Музеум впервые воплотил на практике принцип общедоступности.

¹⁸ Спутниками Иосифа могли быть П. Я. Петров, кандидат Дерптского университета, направленный в 1838 г. на два года за границу для усовершенствования в восточных языках, и И. С. Тургенев, в то время вынашивавший мечту стать профессором философии (авторы благодарят Д. П. Бака за эти указания). Воспоминания Тургенева об учебе в Берлинском университете и, в частности, о профессоре К. Риттере см. в его письме к Н. В. Ханыкову от 17/29 декабря 1871 г. (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 28 тт.: Письма в 13 тт. Т. 9. М.; Л., 1965. С. 193—194).

¹⁹ наиудивительнейшего и превосходнейшего человека (нем.).

²⁰ «Антигона» (ок. 442 г. до н. э.)—трагедия Софокла.

²¹ Дневники Жуковского. С. 373. В собрании материалов, связанных с заграничным периодом жизни И. Виельгорского, сохранилась визитная карточка Клей-

валось провести в городе несколько дней, необходимых для того, чтобы подготовиться к переезду в Богемию. Все было устроено как нельзя лучше, Николай I позаботился о товарище своего сына, снабдив его на первое время деньгами в русской, прусской и общегерманской валюте.

Расписка²²

Получено от флигель-адъютанта полковника Назимова в Берлине 8го июня 1838 года

200 фридрихсдоров	1133 Thaler. 10 s. g.
300 червонцев	960 —"
Талеров бумажками	450 —"
—" — серебром	16 —" — 20 —"

Всего 2560 талера

Это составляет по курсу 800 червонцев.

*Подпоручик граф
Виельгорский*

В тот самый день, когда Жозеф расписывался в получении этих денег, Жуковский на борту военного парохода «Геркулес» сочинял письмо к Луизе Карловне, весьма похожее на то, которое он отправил ей год назад из Вятки.

В. А. Жуковский — Л. К. Виельгорской²³

27 мая (8 июня) [1838]²⁴. Пароход «Геркулес».

Пишу к вам с парохода в Свинемунде, где мы ожидаем прибытия Великого Князя и ... Государя, едущего с нами в Стокгольм. Не хочу описывать вам нашей берлинской жизни, вы это описание получите от Иосифа; но хочу поговорить с

ста с надписью «von Kleist — Geheimer-Ober-Justiz-Rath und Kammer-Gerichts-Vice-Praesident» (ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 66. № 1).

²² Там же. Л. 7.

²³ РА. 1876. Кн. 1. № 4. С. 358—359. Уточнено по автографу: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 61. № 31. Л. 1—2 об. и № 32. Л. 1—1 об.

²⁴ Обозначенная Жуковским дата относится ко второй части письма (со слов «Вот что решено...»), написанной уже в море, после отплытия «Геркулеса» из Свинемюнде в Стокгольм. Император с наследником и младшими сыновьями Михаилом и Николаем взшел на борт парохода в ночь на 27 мая/8 июня.

вами о нашем милом Иосифе. Что делать? Судьба его преследует. Путешествие из Петербурга в Берлин взволновало его кровь. Он приехал с красными прыщами на лбу, которые исчезли дни через два. Но зато он несколько раз харкал кровью. Чтобы это унять, осудили его на несколько дней заточения в горнице. Отдохнув, он вышел и принялся, как следует путешественнику, осматривать город; между прочим в один день побывал на шести лекциях университета: у Стефенса, Риттера, Савиньи, Ганса, Бёка и, кажется, Раумера. Это произвело опять волнение в крови и вместе с ним кровохарканье. Беды в этом никакой нет, но нужна предосторожность. По совету наших и здешних докторов определено его оставить на несколько дней в Берлине, дабы отдохнуть, потом ехать ему в Эгру, и наконец провести зиму в Италии. Что с этим делать? Надобно покориться необходимости. Беды еще нет никакой. И самому ему путешествие это не слишком повредит, ибо если он не увидит всей Германии, как его товарищи, то увидит Италию, к которой наилучшим образом приготовится на покое. Я желал, чтоб с ним остался Липман, который сам с начала на это вызвался и писал об этом к Кавелину в Потсдам²⁵. Но не знаю, чем это кончилось, ибо мне самому нельзя было съездить в Потсдам; мы вдруг получили повеление ехать в Штетин и ждать на пароходе прибытия Государя. Что узнаю от Кавелина, о том напишу в этом же письме. Впрочем, перед отъездом из Берлина мне показалось, что Липман раздумал ехать: он ужасно нерешителен; да и самому Иосифу не очень хочется, чтобы он с ним оставался. Он полагает, что ему нет никакой нужды в товарище, ибо он не болен; теперь дело в одной предосторожности, а не в лечении: надобно предупредить то, что может случиться в будущем. На него можно без страха положиться. Он человек с характером и с твердою нравственностью. В двадцать лет можно уже и самому себе верить. Прошу вас, милая Графиня, не тревожить себя никакими призраками: я написал здесь все как оно есть и конечно посовестился бы скрывать от вас истину.— Я передал Иосифа в Берлине с рук на руки короткому моему приятелю Клейсту, который будет ему полезен во всех отношениях.

— Вот что решено насчет лечения Иосифа. Он останется на несколько дней для отдыха в Берлине; Липману Государь не позволил с ним остаться; но вместо Липмана будет с ним доктор Шперер, который останется с ним сколько будет нужно. Он будет иметь для путешествия своего дормез. По окончании курса на водах поедет в Веве на виноградное лечение; а по окончании онаго отправится в Италию.—Арендт говорит в Ниццу, а я советую в Рим. Таким образом сделалось то, что давно бы должно было сделаться; он вылечится радикально, и это время, которое употребится на лечение, будет не без пользы (а я говорю с большею пользою) и для морального оживления. Только прошу вас, милая, дорогая, не тревожьтесь о нем; он не болен, а только может быть болен со временем: предупредив теперь болезнь, уьем ее в корне.—Простите. Мы плывем благополучно; но пароход наш покачивается, и меня с утра позывает на некоторое непристойное действие, о котором лучше не думать.

²⁵ Т. е. в Сан-Суси близ Потсдама (летнюю резиденцию прусской королевской семьи), где Кавелин находился вместе с Николаем и наследником.

Р. С. Надобно мне объяснить вам пункт письма моего: Кавелин говорит, что доктор Шперер может остаться с Иосифом не более пяти недель, по истечении коих для дальнейшего путешествия Иосифа надобно будет вам сделать те распоряжения, кои найдете нужными. Насчет расходов своих Иосиф обеспечен на первый случай; он получил 800 червонцев; сверх того получит кредитив²⁶.— Вы между тем сделайте и с своей стороны распоряжения.

Доктор Арендт, судя по его рекомендации отправиться для климатического лечения в Ниццу, лучше других медиков распознал болезнь Иосифа. Пройдет несколько десятилетий, и Ницца превратится в классический курорт для легочных больных. Однако в 1838 г. этот совет опередил свое время—никто не прислушался к нему. Увы, суждение Жуковского о лечении Жозефа совпало с мнением старших Виельгорских. Мать, наученная горьким опытом во время многолетней борьбы за здоровье младших детей, попросту не доверяла врачам, а отец при своей энциклопедической образованности считал, что и сам неплохо разбирается в медицине²⁷.

Между тем Иосиф готовился к отъезду. 12 июня он в сопровождении денщика покидал Берлин. Их путь лежал в Богемию. Чтобы облегчить багаж, часть своего имущества он оставил на хранение в отеле. При этом и был составлен следующий реестр.

Список белья и платья графа Иосифа Виельгорского²⁸

Берлин. 10 июня. 1838.

Военное платье.

Мундиров ²⁹	3
Воротник для мундира ³⁰	1

²⁶ Правильнее «аккредитив»—именная ценная бумага, удостоверяющая право лица, на имя которого она выписана, получить в банке означенную в аккредитиве сумму.

²⁷ См. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 19/7 сентября 1833 г., где речь идет о болезни К. К. Мердера: «Магнетизер-доктор Велеурский уверяет, что болезнь не та, от коей его лечили» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Пг., 1921. С. 335).

²⁸ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 66. № 1. Л. 4—5 об.

²⁹ Мундиры Иосифа в соответствии с формой лейб-гвардии Павловского полка были двубортные, фрачного покроя, суконные, темно-зеленые с красными выпушками. В торжественных случаях на груди открывался красный лацкан (именно такой мундир можно видеть на портрете Виельгорского 1835—1836 гг.).

³⁰ Воротник соответствовал цвету мундира, т. е. был темно-зеленым с красными выпушками и имел золотые петлицы.

Обшлаг ³¹	2
Брюк ³²	4
Штанов бальных ³³	2
Галстуков ³⁴	2
Портупей ³⁵ черных	2
Портупей белых	1
Подтяжки ³⁶	2
Перчаток белых 1½ дюжины	18
Шляпа ³⁷	1
Шпага ³⁸	1
Темляк ³⁹	1
Султан ⁴⁰	1
Сапог	2 пары
Башмаков ⁴¹	1 пар.
Фуражка ⁴²	1

³¹ Темно-зеленые обшлага с красными клапанами и золотыми петлицами.

³² Форменные суконные брюки прямого покроя—темно-зеленые с красными выпушками; носились поверх сапог.

³³ В особенно торжественных случаях военные надевали на бал короткие белые штаны-кюлоты, застегивавшиеся под коленом.

³⁴ Форменные военные галстуки черного цвета.

³⁵ Портупеля черного цвета надевалась с зелеными брюками, белая же—с летними белыми.

³⁶ Подтяжки (помочи), которые военные обычно носили с брюками, не регламентировались формой и ничем не отличались от тех, которыми пользовались штатские.

³⁷ Обычная офицерская черная двугольная шляпа с черно-оранжевой кокардой и серебряными кистями в углах. Полагающуюся обер-офицеру Павловского полка высокую шапку-гренадерку Иосиф, очевидно, оставил в Петербурге.

³⁸ Пехотная офицерская шпага имела золоченый эфес и черные кожаные ножны с золоченым прибором. В то время шпаги носились уже только вне строя; с 1826 г. в качестве боевого оружия их сменила полусабля.

³⁹ Офицерский темляк из плотной шелковой тесьмы черного цвета с серебряной каймой, украшенный серебряной кистью.

⁴⁰ Султан для шляпы офицера тяжелой пехоты, изготовленный из черных пестушиных перьев.

⁴¹ По-видимому, бальная обувь—глубоко вырезанные черные «лодочки» на невысоком каблукке.

⁴² Офицеры Павловского полка в качестве повседневного головного убора носили темно-зеленую суконную фуражку с красными выпушками и белым околышем; в отличие от солдатской она имела козырек.

Эполеты ⁴³	4
Шарфов ⁴⁴	2
Шинелей ⁴⁵	2

Белье военное

Дюжина рубашек	12
Подштанников ⁴⁶	12
2 дюж. носовых платков без 1-го	23
Чулоч 1½ дюжины	18
Шелков(ых) чулок ⁴⁷	2
Простыней	4
Одеял пике ⁴⁸	2
Полотенец 1½ дюжины	18
Брюк военных ⁴⁹	5
Шелковая рубашка	1

Платье штатское

Фрак черный	1
Фрак синий	1
Брюк черных	2
Брюк полосатых суконных	1
Брюк — — летних	2
Жилетов ⁵⁰ черных	2

⁴³ Иосиф был подпоручиком. По чину ему полагались золотые эполеты без бахромы с двумя коваными звездочками.

⁴⁴ Парадный офицерский пояс из серебряной тесьмы с полосками георгиевских цветов (двумя светло-оранжевыми и черной), застегивавшийся на левом боку; его свисающие концы были украшены крупными серебряными кистями.

⁴⁵ Офицерская шинель (так называемая «николаевская») шилась из сукна сероголубого цвета, была длиной почти до земли, имела воротник-пелерину до локтя и стоячий воротник, по цвету соответствующий форме полка (в данном случае темно-зеленый) с красными петлицами.

⁴⁶ Форменное белье с завязками на талии и у щиколоток, изготовленное, как и рубашки, из простой хлопчатобумажной ткани.

⁴⁷ Шелковые чулки белого цвета надевались в торжественных случаях с короткими штанами и бальными туфлями. Повседневные чулки, также светлые, были хлопчатобумажными.

⁴⁸ От фр. *ricqué* — стеганый.

⁴⁹ Очевидно, имеются в виду летние форменные брюки — белые, полотняные, прямого покроя.

⁵⁰ Учитывая правило, согласно которому фрак или сюртук, жилет и панталоны должны были быть разного цвета, можно предполагать, что черные жилеты Жо-

Жилетов светлых	3
Жилет дорожный	1
Жи(летов) белых	2
Шляпа ⁵¹	1
Фуражка ⁵²	1
Палка	1
Парасоль ⁵³	1
Галстуков ⁵⁴ черных	3
— " — белых	3
Платок шелковый ⁵⁵	1
2 платка шелковых носовых ⁵⁶	2
Перчаток шведских	4
— " — желтых светлых	3
— " — темных	3
Пуговиц к рубашкам с бирюзой	3
— " — золотых	6
— " — перламутровых	8
Рубашек ⁵⁷	13
Сертук ⁵⁸ ратиновой	1

зеф носил с синим фраком, а светлые — в любой комбинации. Белые жилеты из плотной хлопчатобумажной ткани пике с рельефной выработкой надевались в торжественных случаях.

⁵¹ В конце 1830-х гг. мужские шляпы обычно были черными и имели вид невысоких цилиндров с небольшим развалом (т. е. расширялись кверху).

⁵² Практичный головной убор, заменявший собой цилиндр, например, в дороге. Штатские фуражки, в отличие от военных, имели козырек.

⁵³ От фр. *parasol* — зонт. Мужские зонты изготавливались из тонкого, но плотного хлопчатобумажного сатинета черного цвета.

⁵⁴ Черный атласный галстук был деталью повседневного костюма. Обычно его надевали с фраком или наглухо застегнутым сюртуком. Белые же галстуки (батиновые и кисейные) составляли принадлежность вечерней и бальной одежды.

⁵⁵ По-видимому, имеется в виду шейный платок.

⁵⁶ Большие носовые платки из нарядной шелковой материи представляли собой элегантный аксессуар мужского костюма, поэтому их носили так, чтобы они высывались из кармана фрака или сюртука.

⁵⁷ Мужские сорочки конца 1830-х гг. были традиционно белого цвета, имели крахмальный стоячий воротник, а на груди украшались мелкими вертикальными складками или небольшим жабо и дорогими пуговицами.

⁵⁸ Сюртук (сертук) в отличие от фрака представлял собой повседневную и домашнюю одежду. В этом сезоне прогулочные сюртуки были однобортными, обычно черного цвета. Ратин — ворсистая шерстяная ткань для верхней одежды.

— " — черный	1
Шароваров ⁵⁹	2
Подтяжки гамильстиковые ⁶⁰	1
Сапог ⁶¹	2 пар.
башмаков	1 пар.

Подпоручик граф И. Виельгорский

Оставлено в Берлине у Краузе в hôtel de Brandenbourg

Фуражек	1
Мундиров	2
Брюк	3
Сертуков	2
Эполетов	3
Шарф	1
Бальных штанов	1
Портупей	2

Ильи Яковлева

Мундира ⁶²	2
Рейтузов ⁶³	1
Простыня	1

Подпор(учик) граф И. Виельгорский

Знакомство с этим любопытным документом позволяет сделать некоторые наблюдения над гардеробом молодого человека. Мы видим в этом списке детали военной формы, принадлежности повседневного, вечернего, домашнего и дорожного костюма. Будучи офицером, Ви-

⁵⁹ Шаровары — удобная домашняя одежда в восточном стиле. Обычно сочетались с халатом или шлафроком, туфлями, шапочкой или феской.

⁶⁰ Т. е. изготовленные из эластичного материала (от нем. *Gummi* — резина).

⁶¹ Сапоги были повседневной обувью как военных, так и статских в отличие от башмаков, составлявших принадлежность вечернего и бального костюма, а также костюма для особо торжественных случаев. Единственным цветом, допустимым для мужской обуви, в то время был черный.

⁶² По-видимому, речь идет о мундире нестроевого чина, в данном случае денщика — однобортном, сером с красными выпушками.

⁶³ В отличие от строевых нижних чинов Павловского полка, которые носили прямые темно-зеленые брюки с красными выпушками, нестроевым по форме полагались рейтузы (облегающие штаны) серого цвета также с красными выпушками.

ельгорский обязан был появляться в обществе исключительно в мундире, и в годы придворной жизни он не знал иной одежды, кроме военного платья. Отправляясь за границу, он, вероятно, формировал свой штатский гардероб практически с нуля. Иосиф не был щеголем, однако положение обязывало его одеваться изысканно, поэтому среди его вещей есть и модные брюки в черно-серую полоску, и считавшийся особенно нарядным синий фрак, и дорогие пуговицы для сорочек, и целый набор жилетов, и желтые замшевые перчатки, известные под названием датских или шведских. Последний аксессуар был непременно атрибутом костюма петербургского денди (в произведениях Соллогуба такие персонажи иногда именуются просто «желтые перчатки»). Судя по сдержанности цветовой гаммы его вещей, Жозеф избегал экстравагантности в одежде. Что касается «палки», то из-за боли в ноге он, по-видимому, пользовался так называемой «бальзаковской» тростью, более толстой и прочной, чем обычная камышовая.

По всей видимости, к концу пребывания в Берлине Жозефу стало немного лучше. Перед тем, как отправиться в путь, он написал об этом матери, желая ее успокоить (письмо не сохранилось, но о его существовании мы можем судить по словам Мих. Ю. Виельгорского в письме к Жуковскому от 7/19 июня: здесь сказано, что последние полученные им от сына известия относились к 11 июня н. ст.). По-видимому, послание Жозефа достигло Петербурга не ранее 3/15 июня, когда из Стокгольма возвратился Николай. В свите императора прибыл и Арендт, поспешивший передать Виельгорским письмо Иосифа от 5 июня и сообщить им свое мнение о его болезни. Мысль о том, что Жозеф находится в Германии совершенно один, встревожила семью: в последнем его письме за напускным равнодушием проглядывал несомненный упадок духа. И хотя молодой человек бодрился, утверждая, что «ему нет никакой нужды в товарище, ибо он не болен», старшие продолжали настаивать на том, чтобы направить к нему компаньона. На эту роль, по мнению семьи, идеально подходил секретарь великого князя Е. Ф. Розен, в ближайшие планы которого и так входила заграничная поездка. Он предполагал совершить неспешное ученое путешествие, однако его намерениям не суждено было осуществиться. Император, не позволивший Липману остаться с Жозефом, на этот раз пошел навстречу просьбе Виельгорских, и Розену было дано понять, что ему следует как можно скорее отправляться в путь. Не дождав-

шись оформления всех бумаг, Розен сел на ближайший пароход, отправлявшийся в Любек 8/20 июня. Он знал только, что Иосиф должен находиться в Богемии, где его еще предстояло найти. В Лейпциге он сделал краткую остановку для осмотра полей исторических сражений, а 26 июня/8 июля выехал в Карлсбад. «Не найдя в Карлсбаде искомого больного сослуживца,— писал он позднее,—я отправился искать его в Эгере и Франценсбаде. Его не было и там»⁶⁴.

А родители тем временем обсуждали, кто из них отправится к сыну в Германию. Михаил Юрьевич был поражен и растерян. К такому развитию событий он был явно не готов. Дурные новости из Берлина застали его в хлопотах по опеке над детьми и имуществом Пушкина, в разгаре музыкального вдохновения.

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к В. А. Жуковскому⁶⁵

Царское Село. 7/19 июня [1838]

Не знаю, где ты получишь мое письмо и сердечную благодарность за деятельное попечение о нашем Жозефе. С 5-го до 11-го июня припадок у него не было, и он по крайней мере пишет, что совершенно здоров. Получив его письма из Берлина и отзывы Аренда, первая наша мысль с женой была о тебе—как ты нам не писал! Мы уже на другой день получили твоё неоцененное письмо, которое было первым утешением для скорбящих родителей. Луиза, кажется, поедет вслед за ним. Как мы ни уверяем её, что опасности нет, но для неё спокойствие душевное исчезло, и все минуты в разлуке съедают её тайно. Она в три дня переменялась до крайности.—Что делать? Повиноваться судьбе.—Бывают минуты, где трудно весьма преклонить *выю* и не роптать, а сколь роптание и бесполезно, чувствуем, конечно, а все рассуждаем. Ты, впрочем, знаешь Луизу и вообразить можешь предмет наших *состязаний* в тиши царскосельского уединения (...)

На сих днях получил я письмо от Натальи Николаевны. Она все требует и просит, чтобы купили мы Михайловское, псковскую деревню⁶⁶. (...) Дело печатания идет своим чередом. Портреты готовы, биография пишется Одоевским⁶⁷, ко-

⁶⁴ Лейпциг. Из путевых записок барона Розена // Северная пчела. 1839. № 65. 22 марта. С. 260.

⁶⁵ РА. 1902. Кн. 2. № 7. С. 439—441. Уточнено по автографу—ПД. № 27.958. Л. 3—4.

⁶⁶ Письмо Н. Н. Пушкиной к Мих. Ю. Виельгорскому от 22 мая 1838 г. см.: Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 64—65.

⁶⁷ Речь идет о деятельности Мих. Ю. Виельгорского в качестве члена опеки над детьми и имуществом Пушкина: о выкупе Михайловского у совладельцев (А. С. Пушкина и О. С. Павлицевой), о печатании посмертного собрания сочине-

тогого вследствие нашего горя я не мог видеть, ибо почти все свободное время провожу в Царском Селе. Возможность сообщения так велика, что иногда случится два и три раза съездить. (...) Опера, которая шла успешно вперед, теперь на некоторое время будет паузировать, а жаль *отпречь* вдохновение.— Оно не смотрит на наружные моменты жизни. Странное дело! в величайшем горе моем во мне беспрестанно шумела песнь заздравная, которой я был занят до известия, и я от ней никак не мог отделаться, покуда не сел и не написал. Вот тебе *фактец* к физиологии *сочинения* или сочинителей. Прости, милый друг, вспомни о сиротствующем по тебе и, стряхнув лень, напиши мне иногда словца два или три. Господь с тобой! Дети тебя целуют, а Анна Михайловна велела руку поцеловать. Луиза нежно, нежно тебя благодарит.

Графиня Виельгорская была в отчаянии. Ее давно уже мучило неясное ощущение того, что в судьбе сына происходит нечто странное, что события без всякой видимой причины развиваются не так, как она была вправе ожидать. До сих пор она частенько упрекала в этом самого Жозефа, будто бы запустившего завидную придворную карьеру по собственной вялости и безволию. Но вот грянул гром, и Луиза Карловна вновь превратилась в нежнейшую мать, готовую позабыть абсолютно все ради любви к сыну. Первым ее желанием было тотчас же отправиться к Иосифу. Ни его письмо, ни письма Жуковского и доктора Енохина не могли рассеять ее страхов.

Л. К. Виельгорская—В. А. Жуковскому⁶⁸

Царское Село, 9 июня 1838 г.

Неумолимая судьба, какой-то неумолимый фатализм преследует бедного сына моего. Что здесь к добру? Какая тут польза, как обыкновенно говорят? Ни пользы, ни добра, ни счастья я тут никак видеть не могу, а совершенно противное. Обманутые надежды, печаль, неоконченное воспитание, которое только может усовершиться путешествиями, расстроенное здоровье без всякой причины, неизбежная недоверчивость к судьбе, беспрестанно как будто наказывающая всякое к ней доверие— вот что я вижу простыми глазами рассудка. Несмотря на его слова и желание успокоить нас, я вижу, он пал духом и лишился всех прекрасных мечтаний, сей святой детской веры в свою будущность, кои-то единственно составляют молодость. Он пишет: *je suis calme et indifférent à tout ce qui m'arrive*⁶⁹.

ний с портретом поэта, о работе В. Ф. Одоевского над биографией Пушкина, оставшейся незаконченной.

⁶⁸ РА. 1902. Кн. 2. № 7. С. 437—438. Уточнено по автографу—ПД. № 27. 955. Л. 6—7 об.

⁶⁹ Я спокоен и равнодушен ко всему, что со мною происходит (фр.).

Этому я очень верю: когда судьба так безжалостно нас *колотит*, чувства наконец так крепнут, так притупляются, что ничто уже на них действовать не может. Благодарить вас, любезнейший друг, не буду за нежную дружбу вашу к Отеньке и заботливость об нем. Вы почти также ему отец и более других знаете, достоин ли он любви. Этот новый удар сильно меня поразил, я без гиперболы что-то одурела. Первое время всякой большой радости или какого-нибудь несчастья кажется нам сном, до тех пор пока мы еще к нему не привыкли, и когда он мучителен, мы с нетерпением ждем пробуждения. То же со мною—я бы Бог знает что дала, если бы это несчастье был только ужасный сон. Мне часто приходила мысль, что Жозефу определены судьбою страдания, несчастья, всякого рода испытания, а теперь выходит, я не ошибалась. Имею намерение ехать к нему и удостовериться собственными глазами, в каком он состоянии. Докторам я не очень верю, как вам известно, он же сам мало имеет опытности. Эгерские и Мариенбадские воды—последние в Европе для его болезни. Они ужасно волнуют кровь, причиняют кружение головы, одним словом, весьма вредны для всякого молодого человека, а особенно для Жозефа. Едва ими Лину не уморил мариенбадский доктор Heidler, первый *bourgeau*⁷⁰ в Богемии. Я уже предупредила сына, чтоб он его берегся. Дай Бог вам и Кавелину сил выдержать все хлопоты и труды вашего путешествия. Надеюсь иметь счастье встретиться с вами где-нибудь в Германии. Жаль, у меня вашего *macheroute*⁷¹ нет; впрочем, я совершенно буду зависеть от здоровья Жозефа и его намерений. Решительно вы поедете в Англию, Мария Николаевна⁷² сказывала мне; в этом нет сомнения. Бедный Отенька! Как его жаль, как больно! Он так радовался, так трудился, и все понапрасно. Будьте здоровы, наслаждайтесь всеми приятностями вашего положения и не забывайте друзей своих и особенно бедного Жозефа, о коем без слез я думать не могу. Я Великому Князю написала письмо, благодарю за приемлемое им участие. Прощайте, все вам посылают нежнейший дружеский поклон. Наталья Яковлевна живет в нашем соседстве, она также кланяется вам. Прощайте, Бог да сохранит вас!

Розен радуется провести зиму с Жозефом в Италии, впрочем, он не получил еще никакого приказа; может быть, найдет какое-нибудь предписание в Любеке. Благодарите Енохина за письмо, С. А. Юрьевичу скажите: мы приняли большое участие в случившемся с женою его несчастьи⁷³.

И все-таки Михаилу Юрьевичу удалось немного успокоить жену. Он сам решил съездить в Германию и, рассчитывая уложиться с поезд-

⁷⁰ палач (фр.).

⁷¹ маршрута (фр.)

⁷² Великая княжна.

⁷³ С апреля 1836 г. Юрьевич был женат на Е. А. Ниротморцевой. В мае 1838 г. она с годовалым сыном ехала к мужу в Берлин и находилась на борту парохода «Николай», следовавшего из Петербурга в Травемюнде, и пережила ужасную трагедию пожара и гибели судна в ночь с 18 на 19 мая.

кой в шесть недель, тотчас же испросил по службе соответствующий отпуск начиная с 16/28 июня. Через две недели он был в пути.

Из письма Мих. Ю. Вьельгорского к П. А. Вяземскому⁷⁴

На борте «Наследника»⁷⁵. 29 июня / 11 июля [1838]

Ты увидишь, любезный воскресший утопленник, из письма моего, что ужасное происшествие на «Николае» не испугало меня; хоть мы еще не имеем в виду пристани, но, вероятно, благополучно оную достигнем⁷⁶. «Наследник» лучший ходок, и машины его так устроены, что в случае пожара удобнее можно подать помощь, и все устройство паровое обнажено—чего не было на «Николае»⁷⁷.—Я еду увидеться с сыном, которого доктора послали в Мариенбад: он захаркал кровью—неожиданно, и, благодаря Бога, это продолжалось только неделю и не возобновлялось. Берлинские доктора полагают, что это был припадок почечуный, но пока должно самому увериться. Сначала жена хотела ехать; но успокоилась [нрзб.] и осталась, а меня послала вместо себя.—К 15 августа возвращусь в Петербург и желал бы встретиться с тобою⁷⁸, но невероятно, хотя намерен я заглянуть в Баден-Баден для совещания о сыне с *Гугартом*.

(...) Из Любека, минуя Гамбург, прямо еду чрез Лейпциг в Мариенбад (...)

Приехав в Травемюнд(е) (в 82 ч.), увидел я фельдъегеря знакомого, от которого узнал, что Великий Князь наследник занемог в Стокгольме⁷⁹ (промеж(ающей-ся) лихор(адкой)), и что ожидают уже 2 недели его приезда в Травемюнд(е). Ты вообразить можешь, как поражен я был этим известием тем паче, что в Любеке разные преувеличенные слухи распространяемы были, как бывает всегда, когда занеможет близкопрестольная особа.

Пятница 1 / 13 июля

Я решился дожидаться приезда его и сегодня встретил наследника в Травемюнде. Великий Князь очень похудел и ослаб, но лихорадки нет. Разумеется, что

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1585. Л. 6—6 об. П. А. Вяземский находился в это время на водах в Киссингене.

⁷⁵ «Наследник Александр», один из русских пароходов, осуществлявших пассажирские перевозки между Петербургом и Травемюнде, отправился из Кронштадта 26 июня (ст. ст.).

⁷⁶ Вяземский находился на борту парохода «Николай» и уцелел во время катастрофы. Большинство пассажиров были обязаны жизнью тому обстоятельству, что пожар произошел не в открытом море, а недалеко от берега, куда команда сумела их переправить.

⁷⁷ Пожар произошел из-за несовершенства конструкции парохода, где деревянные элементы примыкали к раскаленным частям паровой машины.

⁷⁸ В Киссингене, на возвратном пути в Россию.

⁷⁹ На самом деле—несколько позже, во время пребывания в Копенгагене.

мы с Жуковским-ментором вспоминали о тебе и проч., и проч.—Они отдохнут день в Любеке и, минуя Гамбург и Гельголанд, едут в Ганновер и потом на Рейн. Жуковский помолодел и ездит спустя рукава. Ils voyageront à petites journées⁸⁰. Будут в Биберихе, но числа не повешены. (...) Прощай, милый мой. Дай бог тебе здоровья. (...)

В ходе заграничного путешествия великого князя возникли непредвиденные осложнения. Прошлогодний марафон тяжело дался ему, за несколько месяцев в Петербурге он не успел восстановить свои силы, и теперь обычная простуда грозила перейти в более серьезное заболевание. Сходство с недугом Иосифа не на шутку обеспокоило всех приближенных цесаревича. Слова Жуковского о болезни наследника, обращенные к императрице, удивительно напоминают его заклипания в письмах к графине Виельгорской: «в нынешнем состоянии великого князя нет ничего опасного, кашель малозначительная болезнь и надо бороться не столько с нынешним недомоганием, сколько с возможным будущим ухудшением при возвращении в Санкт-Петербург»⁸¹. Упорный кашель Александра Николаевича тем не менее заставил внести изменения в его маршрут. Доктора предписали великому князю предпринять курс лечения в Эмсе на водах, полезных при грудных болезнях, а затем провести всю зиму в Италии. Сходный излом судьбы вновь на некоторое время сблизил наследника с Виельгорским.

До Иосифа известия о болезни его августейшего товарища дошли с некоторым опозданием. Между тем, покинув Берлин, он совершил свою первую самостоятельную поездку по Европе. Его самочувствие, по-видимому, было сносным, он мог позволить себе не торопиться и, делая остановки в некоторых городах, давать волю своим библиофильским и антикварным интересам. Но по прибытии в Мариенбад его жизнь изменилась. Строгие медицинские правила требовали, чтобы пациент избегал всякого волнения и беспокойства, дабы воды эффективнее действовали на расслабленный организм. Мало того, Жозефу было запрещено даже играть на клавикордах, писать и рисовать: врачи находили, что принимаемые при этом позы неблагоприятны для больных легких. Пришлось прекратить ведение дневника и максимально ограничить даже переписку с семьей. Иосиф провел таким об-

⁸⁰ В день они будут проезжать небольшое расстояние (фр.).

⁸¹ Жуковский В. А. Сочинения: В 2 т. / Под ред. А. Д. Алферова. Т. 1. М., 1902. С. 379.

разом около месяца под присмотром доктора Шперера; к счастью, у него был товарищ— в Мариенбаде находился Бярятинский, которого заставляли путешествовать по курортам последствия кавказского ранения трехлетней давности. Впрочем, никакие хвори не могли помешать приятелям с жаром вести дискуссии на свои излюбленные темы. Нескольких месяцев наблюдения над немецким филистерством оказалось достаточно для того, чтобы Жозефа и его приятеля буквально захлестнул порыв патриотического воодушевления, на время заглушивший всякий критицизм в восприятии российской действительности. Сам Иосиф не без доли иронии называл такое расположение ума «руссоманией». Все русское, вплоть до национального костюма, теперь представлялось безусловно значимым, исполненным смысла и поэзии. Молодые люди преисполнились гордости за Россию и веры в ее великое будущее. Подтверждение этим мыслям они находили в прошлом своего отечества. Именно тогда Бярятинский и Виельгорский, очевидно, решили объединить усилия для создания библиотеки и коллекции старинных предметов, так или иначе связанных с Россией. По утверждению биографа Бярятинского А. Л. Зиссермана, они предполагали дать своему детищу название «Русский Сборник»⁸².

Закончив курс лечения в Мариенбаде, Жозеф по предписанию медиков переехал в Карлсбад для пользования тамошними водами, в основном подобными мариенбадским, но обладающими более сильным действием. В Карлсбаде он оказался, по-видимому, около середины июля. Тогдашнюю атмосферу курортной Богемии, куда следом за членами императорской фамилии переместилась изрядная часть придворного и чиновного Петербурга, живописует в письме к М. П. Погодину славяновед О. М. Бодянский: «Русских в Карловарах теперь яко гаду морского. Жители говорят, что они никогда еще не видели подобного нашествия северных водопийц, особливо баров разного цвета и весу»⁸³. 16 числа к Иосифу наконец-то присоединился Е. Ф. Розен, а через несколько дней— и Михаил Юрьевич. Карлсбадские доктора сочли возможным облегчить больному режим, и Жозеф получил возможность возобновить переписку с сестрами и Жуковским.

⁸² Зиссерман. С. 30.

⁸³ Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). Вып. 1. Письма О. М. Бодянского. М., 1879. С. 66 (письмо от 4 августа).

Иосиф — сестре Софье⁸⁴*Карлсбад. 25 июля. 1838.*

Благодарю тебя, дражайшая Viche, за милые письма твои, на которые я бездельник еще не отвечал. Но в Мариенбаде мне запрещали писать, и я только мог вести переписку с Мама. Теперь, избавившись от мариеубадских вод, могу тебе писать свободно. Я очень рад был, когда узнал, что Великие Княжны вас полюбили и с вами проводили все время. Они так добры и ласковы, qu'on ne peut pas leur résister⁸⁵. Очень рад, что вы занимаетесь рисованием и ботаникою; я до сих пор не мог нарисовать ни одного вида. Впрочем, всем нельзя заниматься. Русская история и русские древности отнимают у меня все время. Я везде роюсь как крот и отыскиваю то, что мне нужно. В Берлине я купил 150 сочинений, касающихся России. Я уже их отправил в Петербург и недавно получил известие к величайшей радости моей, что они прибыли благополучно в Петроград. В Дрездене я отыскивал несколько старых портретов Петра Великого и Екатерины II. В Лейпциге у меня есть корреспондент, который для меня закупает книги⁸⁶, но не под моим именем, чтобы иметь их подешевле. Я сравниваю цены книг от разных корреспондентов и выбираю разумеется самые дешевые. Здесь в Карлсбаде я осматривал дом, в котором Петр Великий жил. Здешние жители до сих пор его помнят⁸⁷; мне показывали место, где он стрелял из ружья и три доски, которые служили целью. Везде этот великий государь оставил памятники своего гения необыкновенного. Во время своего пребывания здесь он посещал кузницы, сам сковал подкову, учился у мастеров и высверлил табакерку, которая хранится в Праге; проложил дорогу по горе, через которую ни один немец не смел переправиться⁸⁸.

⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 65. № 8. Л. 4—7. Надпись на обороте письма (л. 7 об.): «Pour Sophie».

⁸⁵ что устоять перед ними невозможно (фр.).

⁸⁶ В то время Лейпциг уже представлял собой известный центр книжной торговли, существовала и регулярная книжная ярмарка. Свидетельством контактов И. Виельгорского с немецкими антикварами и книготорговцами остались визитные карточки и проспекты, вклеенные в альбом материалов, относящихся к его заграничному путешествию (ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 66. № 1. Л. 9, 10, 11, 16, 18): агенты двора принца Карла Прусского Мур и Арндт (Берлин), Л. Сен-Гоар (Франкфурт), Иозеф Бэр (Франкфурт), живописец Ф. К. Киффер (Майнц), С. Геллигсберг (Байрейт).

⁸⁷ Петр I побывал в Карлсбаде дважды — в 1711 и 1712 гг. По преданию (впоследствии не подтвердившемуся), он останавливался в доме Rother Adler (этот дом Иосиф тогда же зарисовал на память — см.: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 66. № 1. Л. 29). Приводимый ниже рассказ об участии царя в соревновании, устроенном в 1711 г. карлсбадским Обществом стрелков, и по сей день одним из первых сообщается туристам.

⁸⁸ В 1712 г. Петр посетил расположенную неподалеку от Карлсбада деревню Пиркенгаллер, где его особенно заинтересовал мощный механический молот с

Богемские штаты прислали ему 960 бутылок вина рейнского, зная, что он любил попить. Петр сделал из них выигрыш для стрельбы; сам стрелял, выиграл и подарил все вино стрелкам, которые продали его и вырученные деньги положили в банк. До сих пор они получают 29 гульденов и 30 крейцеров, которые раздаются бедным. Петр во всем был велик. Каждый мужик здесь тебе покажет дом где он жил, и расскажет все, что он здесь делал, прибавляя беспрестанно: *der Grosse Monarch!*⁸⁹—В царствование Екатерины сенатор Ильинский, который здесь лечился, пожертвовал 5000 рублей на гошпиталь для бедных; дело великодушное в чужой земле. Это заведение до сих пор существует и находится в прекрасном положении⁹⁰. Все эти подробности я узнал из архива *Rathshaus*⁹¹, где я был сегодня утром и где я скопировал все, что относится до России. Я гораздо более люблю свое отечество с тех пор, как я нахожусь далеко от него; хотя я считаю Германию несравненно выше России в образованности во всех отношениях. Бяратинский также сделался руссоманом с тех пор, как он в чужих краях. Он думает только о том, как быть полезным своему отечеству; любит все русское, русские обычаи, древности, воспоминания. Мы все об этом толковали во время нашего пребывания в Мариенбаде. Как было бы хорошо, если б мы сделались настоящими русскими и перестали быть обезьянами французов; вместо глупых фраков и круглых шляп носили бы древний русский костюм; полукафтания, обшитые мехом, и соболии шапки, вместо бормотания французского говорили бы по-русски. Все народы, немцы, богемцы, венгерцы в особенности стараются сохранить свою национальность. Мы одни стыдимся быть русскими и друг перед другом хвастаемся, кто лучше болтает по-французски или по-немецки. Женщины дают тон обществу и во многом имеют большое влияние на обычаи; почему ты должна стараться все усилия употребить к изучению отечественного языка. Я тебе, любезная *Viche*, ничего не сказал про Папа. Ты сама можешь догадаться, как я был рад его увидеть. Но отъезжая из Петербурга 5го мая, я никогда не думал два месяца потом, что буду

приводом от водяного колеса. Восхищенный царь вскочил на движущийся инструмент и, покатавшись, испытал его в деле, собственноручно изготовив подкову. Не оставляя даже на курорте любимого занятия токарным мастерством, он выточил круглую табакерку из слоновой кости. Что касается строительства дороги, то это, очевидно, ошибка Иосифа, который неправильно понял местную легенду: она гласит, что накануне отъезда из Карлсбада Петр I сумел верхом на простой крестьянской лошади подняться на вершину возвышающейся над городом крутой скалы *Hirschensprung*. В память об этом событии в 1835 г. на скале была установлена мемориальная доска.

⁸⁹ Великий монарх! (нем.).

⁹⁰ Иосиф несколько искажает факты: граф А. И. Ильинский (не Ильинский) был назначен сенатором уже в 1797 г.—в царствование Павла I. На следующий год он пожертвовал 1000 гульденов для постройки в Карлсбаде *Kurspital*—гостиницы для пользующихся водами.

⁹¹ ратуши (нем.).

прогуливаться с отцом в Карлсбаде. Вот какова судьба. Впрочем я довольно весел, особенно с приезда Папа. Разнообразие и новость предметов меня интересует. Графиня Шувалова очень ко мне ласкова; я почти каждый день с нею гулял; и решительно каждый день обедал. Sophie и Paul меня очень полюбили. Я здесь познакомился с братом графа Шувалова, с его женой⁹² и графиней Marie Potocki.— Шуваловы завтра отправляются; и я также; прощай бесценная biche; целую твои глазки и ручки; еще раз благодарю тебя за твои милые письма и надеюсь, что ты не перестанешь мне делать большое удовольствие.— Обними Кухарочку; Бог тебя да сохранит. Целую от всего сердца.

Иосиф—В. А. Жуковскому⁹³

Карлсбад, 26 июля 1838.

К крайнему прискорбию моему узнал я о всем том, что случилось с нашим Великим Князем⁹⁴. В первую минуту я хотел тотчас ехать в Копенгаген; но потом, получив лучшие известия, остановился. Вероятно, первое мое письмо до вас не дошло; я писал также Ивану Васильевичу⁹⁵, но не получил до сих пор ответа. Скажите, пожалуйста, каково Великому Князю; будет ли он продолжать путешествие по прежнему маршруту или нет? Не собирается ли он провести некоторое время в Швейцарии? Виноградное лечение могло бы принести ему большую пользу. Что касается до меня, то я провел уже целый месяц в Мариенбаде, а теперь собираюсь в Эмс. Отец меня удивил и обрадовал своим неожиданным приходом. Он мне сказал, что вы здоровы, чему я был очень рад, потому что не имею никаких известий от вас и Великого Князя. Если б не наследный принц⁹⁶, то я бы, может быть, до сих пор не знал, что Великий Князь был болен. Если вы удостоите меня письмом, то адресуйте его пожалуйста в Эмс. Розен приехал ко мне тому десять дней; надобно признаться, что с ним поступили очень бесцеремонно. Он не получил еще форменной бумаги о том, что ему делать. Попросите, пожалуйста, Александра Александровича⁹⁷, чтоб он написал ему, что делать, то есть быть ли постоянно со мной, сколько времени; считать ли это время отпуском или нет. Он желает, и справедливо, чтобы это не считалось отпуском, оттого что чело-

⁹² Супруги Г. П. и С. А. Шуваловы были католиками, и это удерживало их за границей.

⁹³ РА. 1902. Кн. 2. № 6. С. 362—363. Уточнено по автографу—ПД. № 27. 956. Л. 17—18 об.; адрес на л. 18 об.: «A Son Excellence Monsieur de Joukoffsky.—A la suite de S. A. I. M. le Grand Duc Héritier de la Russie».

⁹⁴ Имеется в виду болезнь наследника.

⁹⁵ Енохину.

⁹⁶ Очевидно, наследный принц прусский Фридрих Вильгельм, сопровождавший свою сестру, императрицу Александру Федоровну.

⁹⁷ Кавелина.

веку в отпуску повелений не дают. Он мог бы отвечать: «Я теперь отпущен и свободен делать что хочу». Это большое снисхождение со стороны барона Розена, который тотчас отправился ко мне по получении бумаги, писанной Рибопиером. А. А. Кавелин прямого повеления от себя не давал, а [поручил] Назимову, а Назимов поручил Рибопиеру. Розен сказал мне, что он из уважения к отцу и матери моей, и только для меня мог решиться на это. Он располагал ехать вместе с Шевыревым, что бы ему немного стоило; теперь же, спешив ко мне приехать, он много издержал и теперь в затруднительном положении, получив на всю дорогу от Великого Князя 200 червонцев. Я же с своей стороны очень рад с ним путешествовать. Он добрый мальчик, изучал недавно римские древности, знает отлично латинский язык, любит искусства, поэзию—одним словом, лучше нельзя человека для Италии. В Эмсе он будет вместе со мной лечиться, и все доктора советуют ему эмские воды. Из всего этого, мне кажется, можно вывести следующие заключения: 1-е, надобно, чтоб Александр Александрович послал ему инструкцию в том, что ему делать, сколько быть со мной и проч. 2-е, так как теперь он несет род службы, то не считать время нахождения его со мной отпуском. 3-е, дать ему денежное вспоможение для дальнейшего путешествия. Розен не хочет сам об этом писать, потому что дело щекотливое и потому что он еще наверно не знает, должен ли он со мной ехать или нет. Чтоб его не затруднять, я решился к вам писать и изложить откровенно дело как оно есть. Попросите пожалуйста Александра Александровича кончить это скорее, тем более что может быть мы не съедемся теперь. Нам сказали, что Великий Князь поедет в Теплиц и потом в Крейт. Во всяком случае я надеюсь вас увидеть в сем последнем месте. Послезавтра я отправляюсь с отцом и Розеном в Эмс, где я надеюсь быть 1-го или 2-го августа. Поклонитесь, пожалуйста, всем товарищам. Великому Князю я сегодня написал письмо. Будьте здоровы и не забывайте вас искренно и от всей души любящего

И. Виельгорского.

С той же почтой Жуковскому писал и Виельгорский-отец. Необычно озабоченный тон этого письма бросается в глаза. Похоже, при виде сына обычная жизнерадостность изменила графу. Состояние Иосифа внушало ему немалую тревогу, и даже замечая некоторые улучшения, Михаил Юрьевич из осторожности не спешил предаваться оптимизму. Положение оказалось куда более серьезным, чем он рассчитывал, и граф уже не думал о скором возвращении в Россию.

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к В. А. Жуковскому⁹⁸

Карлсбад, 26 / 14 июля [1838]

Наконец увидел я своего Жозефа, которого нашел окончившим курс лечения в Мариенбаде. К несчастью, не застал я доктора Шперера, с которым нужно было

⁹⁸ ПД. № 27958. Л. 5—5 об.

мне о будущем плане поговорить. Его Жозеф из деликатности отпустил. В воскресенье проехала здесь графиня Романова с дочерью⁹⁹ (с суб(боты) на воскр(есенье)), с нею был Маркус, которому я показал своего больного и который объявил, что ему не следовало никак пить Мариенбадские воды и что он не понимает, как можно было его послать туда и проч. и проч.¹⁰⁰ Хорошо, что Луизы тут не было, а то досталось бы медицине; оно и впрямь утешительно больному слушать, что он не то лекарство принимал целый месяц.—Этого мало: Жозефу все, и особенно Шперер, который с ним все время пробыл в Мариенбаде, советовали после Мариенбада ехать в Эмс: Маркус же говорит противное и предписывает Оберсалцбрунн¹⁰¹. Что мне было делать?—Обдумав все эти противоречущие мнения, мне казалось безрассудно (я не рассказываю тебе эпизодические консультации) принимать мнение доктора, который вскользь, мел[ь]ком видел больного, и так после немалых колебаний решился я ехать в Эмс, приняв мнение Шперера и берлинских врачей в основание.—Розен с ним, и сын очень доволен им. Хотя он болен, но его состояние не может быть ни под каким видом предосудительно Жозефу, который желает с ним остаться, особливо в Италии, где археологические познания Розена будут ему полезны. Сыну запрещено строго заниматься, поэтому нужно ему иметь товарищем человека образованного, который мог бы заменить недостаток и невозможность чтения и других занятий. Жозеф все еще покашливает, хотя это и не грудной кашель, но доказывает существующую раздражительность в горле, которую вероятно емские воды совершенно вылечат.—Князь Петр Михайлович¹⁰² здесь уже около 6 недель. Он совсем почти оправился; много расспрашивал о вашем путешествии, и я от него узнал, что Александр Николаевич остался на несколько недель в Гановре, где, надеюсь, вы призовете Штиглица. Вероятно, вас оттуда отправят в Крейт к государыне. Не дождавшись писем от Миши из Стокгольма¹⁰³, я (отправляюсь) в Эмс чрез Киссинген, где надеюсь увидеть Вя-

⁹⁹ Т. е. императрица с великой княжной Александрой, путешествовавшие инкогнито.

¹⁰⁰ По всей видимости, для Маркуса было абсолютно очевидно, что Жозеф страдает специфической грудной болезнью, а вовсе не «неправильным геморроем». В этом случае воды Мариенбада, как и подобные им карлсбадские, были совершенно противопоказаны больному. «При расположении к кровохарканью и при бугорках в легких сии воды воспрещаются решительно,—утверждал другой авторитетный доктор.—Но грудные страдания основываются часто на порочном состоянии брюшных органов, сердца и больших сосудов, и легкие страдают в сих случаях не самостоятельно, не существенно, но сочувственно. Распознавание сих болезней трудно и для опытного врача» (Белявский Фр. Описание естественных и искусственных минеральных вод. Т. 1. М., 1834. С. 158—159).

¹⁰¹ Имеется в виду курорт Зальцбрунн в Силезии (Obergruppen—основной та-мошний источник).

¹⁰² Волконский.

¹⁰³ М. М. Виельгорский в это время также совершал заграничное путешествие. Дневник его пребывания в Швеции см.: ОПИ ГИМ. Ф. 342.

земского. Там же Шперер, с которым я намерен поговорить о сыне и о дальнейшем пребывании его за границей. Теплиц и Карлсбад вмещают почти весь Петербург. Сейчас прислал Лобанов за письмом, итак, я принужден кончить. Je me resume¹⁰⁴:

Розен может остаться и оба желают этого. У него чахотки нет, а нервы расстроены. Им обоим Эмс очень поможет. Сообщи это Кавелину, которому я не пишу, зная, как у него мало времени и как он [занят]. Приказание Розену было официально сообщено Рибопиеру, которому писал Назимов по приказанию Кавелина. (...) Бог с вами!

Выслушав мнение лейб-медика императрицы, Михаил Юрьевич смутился недаром. После беглого осмотра доктор Маркус усомнился в правильности прежнего диагноза и, упрекая других врачей за даром потраченное время, предложил совершенно иное объяснение болезни Иосифа. По-видимому, он был прав. Состояние молодого человека неуклонно ухудшалось. Мариенбад действительно оказался вреден для «грудного» больного, да и эмские воды в его положении уже были слабы. Поэтому Маркус и рекомендовал Зальцбрунн—наиболее эффективный курорт для лечения чахоточных (насколько вообще в этом случае могли быть эффективны минеральные воды).

Луиза Карловна, отпустив мужа в Германию, покинула с дочерьми Петербург. В ее внимании нуждалась также болезненная Софи, которой были прописаны морские купания в Ревеле. Туда и адресовано следующее письмо Жозефа, обращенное к сестрице Нози. По обыкновению, послание к «дражайшей, превосходной супруге» представляет собой смесь братских наставлений с насмешливым обыгрыванием милых девических слабостей Анны—щеголихи и мечтательницы. Иосиф хорошо представлял себе колорит средневекового Ревеля, овеянного преданиями рыцарских времен. Не исключено, что ему самому довелось побывать в этом городе летом 1830 г. (тогда наследник навещал отдохавшую у моря императрицу, и с ним могли отправиться оба его товарища). Жозефу было в то время тринадцать лет—немногим меньше, чем теперь Нози.

Иосиф—сестре Анне¹⁰⁵

Карлсбад. 27 июля 1838.

Тысячу раз благодарю тебя, дражайшая, превосходная супруга, за два письма, полученных мною от тебя. Я у тебя прошу извинения, как у Аполины и Софи, и надеюсь, что ты на меня за мое молчание не сердись. Прошу тебя, пиши мне и

¹⁰⁴ Подытоживаю (фр.).

¹⁰⁵ ПД. Ф. 50. № 73. Л. 8—9. П/ф. На л. 9 об.—помета: «pour l'épouse chérie».

впредь, чем всегда принесешь мне большое удовольствие. Я весьма был удивлен, узнав, что ты ездил верхом. Очень горжусь, что в моей супруге столько храбрости. Надеюсь, что ты весело проводишь время в Ревеле. Это очаровательное место, очень романтическое, исполненное преданиями о рыцарях ордена меченосцев¹⁰⁶. Это должно весьма тебе понравиться: я ведь знаю, что моя супруга чрезвычайно склонна к романтизму. Думаю, ты премного довольна тем, что твой супруг более не изводит тебя напоминаниями о туалетах и особенно о башмаках. Что касается до сего последнего предмета, то я был сильно разочарован, когда по приезде в Берлин увидел вокруг одни огромные, толстые ноги— настоящие лапы, да обувь в роде «how innocent she looks»¹⁰⁷. Уже совсем я отчаялся узреть когда-нибудь хорошенькие ножки, такие, как у моей супруги. Но в Мариенбаде я примирился с немками. Австриячки очень изящны и обувь их всегда превосходна; их талии и в особенности ножки прелестны. Ничто не занимает меня в путешествии до такой степени, как эта часть человеческого тела, и я надеюсь по возвращении в Петербург написать об этом исчерпывающее исследование при помощи моей доброй приятельницы Корквелл¹⁰⁸. Тому пять дней я имел удовольствие видеть Императрицу и Великую Княжну Александру, которую нашел необыкновенно выросшей и похорошевшей. Она спрашивала о тебе. Прощай, милая супруга, пиши мне, сколько сможешь. Поклонись Ивану Ивановичу Rheinhardt. Приятно было узнать, что он в Ревеле вместе с вами. Как поживает Тальберг? Обними Барнет и Шотена, твоего большого друга. Прощай, будь здорова, целую тебя тысячу раз.

В первых числах августа Иосиф с отцом, как и планировали, покинули Карлсбад. Предстояло продолжать лечение в Эмсе; туда же направлялся, несколько опережая наследника, и Жуковский. Но по дороге отец и сын успели сделать краткую остановку в Киссингене, повидаться с П. А. Вяземским и воспользоваться консультацией местного врача.

Третьего августа они съехались во Франкфурте-на-Майне с Жуковским. Этим числом помечена запись в дневнике поэта: «Явление Вьельгорских. Консультация с Коппом»¹⁰⁹. На следующий день Виельгорские, Жуковский и А. И. Тургенев обедали у великого князя¹¹⁰.

¹⁰⁶ Орден меченосцев (Ливонский орден) был основан папой Иннокентием III в 1202—1203 гг. в целях военной оккупации Ливонии. В 1237 г. меченосцы были объединены с Тевтонским орденом и стали одним из его отделений («провинций»). Ревель—один из имевших особое военное значение замков ордена, переставшего существовать в 1561 г., в ходе Ливонской войны.

¹⁰⁷ как невинен ее облик (англ.).

¹⁰⁸ Неустановленное лицо.

¹⁰⁹ Дневники Жуковского. С. 400.

¹¹⁰ Письмо А. И. Тургенева к брату: ПД. Ф. 309. № 950. Л. 104 об. (благодарим В. А. Мильчину за указание).

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к П. А. Вяземскому¹¹¹

24 июля / 5 августа [1838]. Франкфурт.

Я писал к тебе вчера¹¹² в такой спешке, любезный друг, и запаматовал важнейшее, что заставило меня взяться за перо— уезжая и полагая, что сие уже сделано Жозефом, я позабыл расплатиться с Вендтом за консультацию; сделай снисхождение, передай ему от меня (положа в конверт и надписав: г-ну Вендту от гр. Виельгорского-отца) пять дукатов или три фридрихсдора¹¹³— смотря по тому, какие деньги у тебя окажутся.— Великий Князь уехал сегодня утром в половине двенадцатого часа в Биберих, где будет ночевать. Я остался тут, чтобы увидеться с Киселевым, который, как говорят, едет в Висбаден, и также завтра с утра отправлюсь в Эмс, откуда напишу тебе о своих окончательных планах. Сообщи Рюлю все о Великом Князе. Верну тебе деньги тотчас, как увидимся. (...) Прощай, князь.

Жуковский остался тут, чтобы пообедать с Радовицем.

Виельгорские, очевидно, специально остановились во Франкфурте на несколько дней, чтобы посоветоваться с авторитетным врачом. Благодаря рекомендациям Жуковского доктор Копп не испытывал недостатка в состоятельных русских пациентах. Услышанное от него повергло Виельгорского-старшего в еще большую тревогу. Прогноз, судя по всему, был неблагоприятным: надежды на скорое выздоровление не оставалось. На следующий день Михаил Юрьевич обсуждал с Жуковским сложившуюся ситуацию. Шестинедельный отпуск истекал 9 августа, и следовало просить о его бессрочном продлении. Николай, находившийся в это время поблизости— в Теплице, вероятно, не замедлил дать необходимое разрешение. Отныне отец мог полностью посвятить себя Жозефу.

6 августа Жуковский и Виельгорские водворились в Эмсе, а 7-го они уже встречали Александра Николаевича, прибывшего со всей свитой, чтобы провести на курорте ближайший месяц. Появление массы знакомых на некоторое время вернуло Виельгорскому-отцу его обыч-

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1585. Л. 5. Оригинал по-французски. Адрес на конверте (л. 5 об.): «Monsieur le Prince de Wiazemsky à Kissingen». Штемпель: «6 Aug. 1838 Francfort».

¹¹² Виельгорские прибыли во Франкфурт, где находился великий князь, 3 августа в восемь часов вечера. Письмо к Вяземскому (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1585. Л. 7), содержащее новости о здоровье наследника и его дальнейшем маршруте, было написано на следующий день.

¹¹³ Дукат— золотая монета, имевшая хождение в ряде германских государств; фридрихсдор— прусская золотая монета.

ную жизнерадостность: 9 августа он, по свидетельству Жуковского, пел на музыкальном вечере¹¹⁴. Жозеф вновь встретился с Барятинским, здесь же находились Алексей Толстой с матерью и супруги Чертковы — Александр Дмитриевич и Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева, старшая Иосифа двенадцатью годами и любившая его как сестра. Наследник, со своей стороны, тоже посещал больного; часто бывал у них и Жуковский. Из дневника поэта мы знаем о нескольких таких встречах: 17, 18, 20 и 22 числа¹¹⁵.

Иосиф — сестре Софье¹¹⁶

№ 3

Эмс. 24 августа. 1838.

Благодарю тебя сто раз за твои письма, бесценная *biche*, и прошу снисхождения с твоей стороны, если я тебе не могу столько же писать. Я уже получил от тебя девять писем, которые были для меня столько же приятных подарков. Я же, несчастный, пишу тебе только третье; не погуби меня за это. Я теперь все ваши письма привел в порядок, и свои я особенно нумерую. Твое последнее письмо, то есть девятое, было от 29 июля. Я очень рад, что ванны морские тебе помогают, несмотря на холодную погоду. Но ты себе не можешь представить, какое у нас время. Холодно как в октябре в Петербурге; сыро, каждый день дождь. Я топлю каждый день и вот уже три дня, что я носу не показывал из своей комнаты. Все мои мечтания насчет климата Германии исчезли. Я вижу теперь, что в климате нет никакой разницы с Петербургом; такой же холод и сырость, такие же быстрые переходы от жара к стуже. Жары у нас бывают такие же как здесь. Теперь остается одно; отвезти климата Италии, надеюсь, что он будет лучше. Вообще *beaucoup d'illusions que j'avais sur l'Allemagne sont tombées dans l'eau*¹¹⁷. Во-первых, немцы не умеют говорить на своем языке, то есть выговаривать. Вчера доктор мой Фоглер говорил, что теперь Б и П совершенно иначе выговаривают. *Das P wird ganz anders ausgesprochen als das P*¹¹⁸. Я ему в рожу рассмеялся и должен был выдти из комнаты. Берлинцы называют Бога *Jott*, здесь Его называют *Kott*, а австрийцы так мерзко говорят, что их понять нельзя. Одни актеры и актрисы

¹¹⁴ Дневники Жуковского. С. 403.

¹¹⁵ Там же. С. 406.

¹¹⁶ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 65. № 8. Л. 8—9. На обертке письма надпись: «Ее сиятельству графине Луизе Карловне Виельгорской в С. Петербурге. При сем посылка под лит(ерой) В. Pour Sophie» (л. 9 об.)

¹¹⁷ многие мои мечтания относительно Германии растворились без следа (фр.).

¹¹⁸ «Сейчас П произносят совершенно так же, как П» (нем.). Ирония Иосифа вызвана тем, что его собеседник, рассуждая о недостатках современного немецкого произношения, сам смешивает звуки Б и П.

имеют хороший выговор, доказательство, что есть положительные и общие правила для выговора. Раздробление Германии дает немцам какой-то мелочный характер; нет у них ничего великого; каждая маленькая нация имеет свои антипатии: баварцы ненавидят австрийцев, австрийцы пруссаков, венгерцы австрийцев и так далее. Нет никакого единства, никакого национально-политического духа. Рейнские провинции под влиянием французов. Жалость смотреть на германский народ, столь раздробленный и столь ничтожный сим раздроблением. Религия теперь вмешалась в политику и служит новым предметом несогласий и споров. Я благодарю Бога, что я русский; в России очень много дурного; но Россия молода, народ свеж, и её ожидают великие судьбы. Я с каждым днем становлюсь более и более русским в душе. Барятинский много обещает. Он пламенно любит Россию и готов всем жертвовать, чтоб быть только ей полезным. Здесь я короче познакомился с молодым графом Ламбертом¹¹⁹, который имеет необыкновенные способности, особенно к финансам и политической экономии; он хочет себя посвятить этим двум важным предметам, важнейшим в государстве. Я могу тебя уверить, что есть много примечательных людей между молодыми русскими, о которых никто не знает. В России мы все молчим; но здесь, где всем позволено говорить что хочешь, узнаешь чрезвычайно много. Если я до сих пор не извлек большой пользы из своего путешествия, это потому, что я вожусь все с докторами и таскаюсь по водам. Но я, по крайней мере, обрусел, почувствовал какую-то национальную гордость, которая во мне дремала; любовь к отечеству сильно пробудилась, и я вижу, что русские могут также гордиться своим отечеством. Но мы так в Петербурге онемечены и офранцузены, что мы теряем совершенно нашу национальность. Умоляю тебя и всех вас учиться родному языку, чтоб он бы сделался вашим домашним, любимым языком. Прощай, бесценная бишь, еще раз благодарю тебя за письма и прошу извинения за мое молчание. Обними Кухарочку, Борща, Старика, супругу и кланяйся всем.

Сравнение немцев и русского народа, насмешки над первыми и восхищение вторым в то время составляли, по-видимому, любимую тему разговоров и размышлений Жозефа. Эту особенность его тогдашнего настроения запечатлели воспоминания Розена. Барон, носитель немецкой фамилии, превративший ура-патриотизм в лейтмотив своего литературного творчества, был ему в этом отношении весьма подходящим компаньоном.

Путевые очерки Розена сохранили два красноречивых эпизода с участием Иосифа Виельгорского, нигде не названного по имени, но безошибочно узнаваемого. Первый из них—застольный разговор с немецким литератором, весьма благожелательно настроенным по от-

¹¹⁹ Речь идет об одном из сыновей гр. К. О. Ламберта—Карле, Петре или Иосифе.

ношению к русским: «Из Ганау приезжал к нам господин Кениг, автор известных „Литературных картин из России“ (...). По приглашению моего больного товарища Кениг остался у нас обедать. Речь была только о книге его и о русской литературе. Мало ли, что наговоришь под скрытыми розами литературного банкета (...)! Ужели г-н Кениг все напечатает? Я обещал было Кенигу присылать ему с дороги в летучих листках замечания мои на книгу его и дальнейшие сведения о нашей литературе, но раздумал: нет, не иностранцу, не на чужой стороне и не на чужом наречии высказывать свои задушевные тайны о нашей словесности и служителях ее»¹²⁰.

Второму эпизоду—описанию сельского праздника, устроенного в честь наследника,—Розен, готовя к печати свои записки, придал символическое значение. Весь его рассказ превращен в развернутую антитезу России и Германии. Напрасно русские гости увенчивали свои шляпы зелеными дубовыми ветвями как атрибутами тевтонского духа—хозяева давно утратили последние остатки прежнего героизма, и в пляшущих и веселящихся немцах Розен видит лишь добродушных идиллических персонажей. Немудрено, что его воображению представляется другая, фантастическая картина. «Я желал бы,—пишет он,—пустить в эту толпу немецкого народа хоть четырех русских *добрых молодцев* с молодецкими их хватками (...) Нынешние немцы смотрели бы на *наших* молодцев как древле римляне (...) смотрели на юные племена германские, как человек лет шестидесяти смотрит на величественного юношу, дышащего гениальностью и богатырством. Я очень сожалел, что не взял с собою Тацитову «Германию» (...). Кое-что знал я наизусть из этой «Германии» и тем смешил моего больного товарища. Наконец, однако, я заметил ему, что не следует насмехаться над ветхостью нынешнего народа германского: она почтенна для нас, как седина и дряхлость бывшего богатыря»¹²¹.

К несчастью, участие даже в роли зрителя в подобных увеселениях требовало от Иосифа непосильного напряжения. В то время, как большинство гостей, образовав великолепную кавалькаду, наслаждались верховой прогулкой, больной, по свидетельству Розена, был вынужден

¹²⁰ Розен Е. Ф. Прогулки по Рейну // Сын Отечества. 1848. № 2. Отд. III. С. 5—6 (далее—Розен. Прогулки).

¹²¹ Там же. С. 8—9.

покинуть гулянье раньше срока и вернуться домой в экипаже. В последних числах августа его состояние резко ухудшилось. Забрешившая была надежда на эффект «водяного» лечения исчезла. Вероятнее всего, Михаилу Юрьевичу много лет (со времени кончины первой жены) не приходилось оказываться в такой тяжелой ситуации. Он не мог позволить себе пасть духом: больной нуждался в ежеминутном попечении, но постоянная сосредоточенность на сыне и необходимое для этого хладнокровие стоили отцу исключительного напряжения сил. Пожалуй, именно здесь тяжесть отцовства легла на его плечи непривычным бременем.

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к П. А. Вяземскому¹²²

Эмс. 1 сентября [1838]

Твое *духовное* письмо весьма меня рассмешило, любезный друг, и я его читал Жозефу, чтоб его несколько разугрюмить. Он, бедный, все меня чрезвычайно беспокоит.— На сих днях сделался прилив сильный в правом боку, так что стеснение крови в легком слышно было, когда ухо к груди приложишь.—Шперер немедленно пустил кровь (3 чашки), после чего, хотя больному сделалось лучше и *колотье* утихло, но это все его ослабило, и он третий день в постеле. Сегодня харкание в *первый* раз было изрядное. Этот случай, столь неожиданный, потому что ему делалось гораздо лучше, еще на неделю после отъезда Великого Князя удержит нас в Эмсе (...). Жуковский тебе кланяется и Зубова¹²³, которая очень мила, и с которой охотно сблизился бы, если бы не болезнь сына, которая меня все эти дни приковала дома.

Его Высочество видимо оправился и отправляется 4 сентября в Веймар.—Ты, верно, пожалеешь обо мне—все, что я выдержал эти 3 или 4 сутки, нельзя пером написать. К нещастию, ты на опыте это познал¹²⁴. Господь нас да сохранит от будущих подобных опытов.—*Si Dieu veut*¹²⁵—отправлюсь Рейном до Келя в Брегенц, Splügen в *Комо*, где и поселюсь на три недели. Мысленно тебя обнимаю.

В тот же день, когда было написано это письмо, 20 августа/1 сентября 1838 г., Матв. Ю. Виельгорский выехал из Петербурга, сопрово-

¹²² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1585. Л. 8—9. Адрес на конверте: «Monsieur Monsieur le Prince Pierre Wiasemski. Paris, à l'ambassade de Russie. Rue St. Augustin. Hôtel Chatame». Штмпель: «Paris 5 Sept».

¹²³ Скорее всего, речь идет о А. А. Зубовой, красавице, которую современники сравнивали с Н. Н. Пушкиной.

¹²⁴ Имеется в виду болезнь и смерть дочери Вяземского Прасковьи, скончавшейся в Италии в 1835 г.

¹²⁵ Если Богу будет угодно (фр.).

ждая великих княжон Марию и Ольгу в их поездке в Берлин. Узнав о намерении брата и племянника отправиться в Комо, он решил специально совершить путешествие на север Италии для того, чтобы увидеться с ними. В это время поддержка была необходима обоим как никогда, но до встречи в Комо было еще далеко, а пока свидетелем тяжелого момента в жизни отца и сына Виельгорских оказался только Розен. «По отъезде нашего дорогого гостя Эмс совершенно опустел,— вспоминал он,— все наши русские уехали! меня же задержала болезнь моего сослуживца. Ему сделалось гораздо хуже. Казалось, смерть подходила к одру его. Я не мог без внутренних слез глядеть на преждевременное угасание юноши, на которого судьба возложила знамение прекрасных надежд; восемь дней провел я в самых грустных над ним размышлениях. Ему стало легче: приехал к нему из Франкфурта один из юных друзей его, и я (...) решил съездить в Кёльн на несколько дней (...)»¹²⁶

Судя по всему, Розен считал свою миссию при молодом графе оконченной. Однако на обратном пути его ожидал сюрприз: «Мы подъезжали к Кобленцу. В народной толпе, стеснявшейся любопытно у пристани, увидел я отца моего больного сослуживца, графа В. Он махал шляпою, приветствовал меня громким возгласом и, ожидая меня с нетерпением, дружески обнял и поцеловал. (...) Я узнал, что наш многострадальный друг чувствовал себя хорошо во все время моего отсутствия; что они переехали в Кобленц, но не хотели продолжать пути без меня»¹²⁷. Михаила Юрьевича, несомненно, страшила перспектива остаться один на один с болезнью сына, и Розен не смог отказать ему. В середине сентября они на пароходе вместе отправились вверх по Рейну. Одна из остановок в пути была сделана в Баден-Бадене.

Мих. Ю. Виельгорский—В. А. Жуковскому¹²⁸

Baden, 10/22 septembre [1838]

Не понимаю, как ты не получил моих писем; я к тебе написал не одно письмо, притом велел тебе распечатывать письма к брату, узнав, что он не будет так скоро в Веймар. И я к тебе писал накануне отъезда нашего из Емса, теперь мы здесь

¹²⁶ Розен. Прогулки. С. 21.

¹²⁷ Там же. С. 39—40.

¹²⁸ ПД. № 27. 958. Л. 7—7 об. Письмо адресовано в Мюнхен. Поэт получил его 25 сентября (Дневники Жуковского. С. 414).

4-ые сутки в Бадене, где должно было Жозефу дать отдых, потому что дорога его из Мангейма сюда раздражила и боль в боку начала возобновляться от притечения крови. Благодаря Бога, сон и покой совершенно это устранили и без всякого лекарства. Очень доволен был я здешним знаменитым Гугертом, с которым Жозеф хотел непременно познакомиться. Он нам дал хорошие наставления для виноградной куры¹²⁹, имея большой в этом опыт, посылая ежегодно в Италию до 70 больных уж десять лет, и это он очень подробно знает.—Завтра мы надеемся отсюда отправиться в Ко(н)станц и чрез 9 или 10 дней с расстановками можем быть на озере Комо, где с нетерпением будем ожидать вашей милости. Жозеф хоть видимо не оправляется, но некоторые симптомы стали лучше. Гугерт подает большую надежду, но условно, то есть если никаких не будет новых криз¹³⁰.—Жозеф наложил на себя свертрапическое молчание¹³¹ и разговаривал обыкновенно с карандашом в руках. Для своего Ильи сделал orbis pictus¹³², где все нужные предметы нарисовал. Мне довольно странно, что потащили Великого Князя в Берлин. Дай Бог, чтоб ничего с ним не случилось и чтоб не помешало ехать в Италию. Не знаю, почему его хотели послать в Нису¹³³. Я там зимовал, и тамошние доктора мне всегда говорили, что грудных¹³⁴ напрасно туда посылают. Ниса хороша для стариков, для ревматизма, для детей скрофулезных¹³⁵, вообще для тех, которые страдают от недостатка или минус жизненной деятельности.—Clarke в известном сочинении о влиянии климата и проч.¹³⁶ пишет, что господствующие болезни в Нисе—воспаление в легких (NB), в простом же народе перемежающая[ся] и гнилые лихорадки.—Тот же Кларк говорит, что нет лучше климата, как Пиза и Рим для грудных, особенно для упорных кашлей, а Рим особенно. Из таблиц его видно, что число больных в госпитале S(an) Spirito¹³⁷, которое в июле и в августе бывает 1300 и 1500, в октябре только 400.—Прости, мой дражайший, будь здоров и помни друга. От Жозефа тебе сердечный поклон.

¹²⁹ лечения (от фр. la cure).

¹³⁰ Сильных припадков или кризиса в ходе болезни (от фр. la crise).

¹³¹ Т. е. дал обет абсолютного молчания, подобный тому, который приносят монахи ордена траппистов.

¹³² «Orbis pictus» («Вселенная в картинках») — название латинской книги чешского педагога Я. А. Коменского. В переносном значении — «рисованный разговорник».

¹³³ В Ниццу (от фр. Nice).

¹³⁴ Т. е. страдающих грудными болезнями (заболеваниями легких и дыхательных путей).

¹³⁵ Золотушных (от фр. scrofuleux).

¹³⁶ Имеется в виду труд английского врача Дж. Кларка «The sanative influence of climate on the chronic diseases» (London, 1829).

¹³⁷ Госпиталь Сан Спирито — одна из крупнейших римских больниц, основанная в 1198 г.

Возможность разделять свои чувства с Жуковским была для Михаила Юрьевича большим утешением. Старый друг, многолетний наставник, так много сделавший для юноши, что даже Луиза Карловна признавала за ним право называться вторым отцом Жозефа¹⁵⁸, Жуковский был именно тем человеком, который лучше других понимал его. Спустя несколько недель друзей ждала встреча в Комо, а пока граф остался с сыном один. В Баден-Бадене Розен окончательно покинул их.

О том, что мог испытывать старший Виельгорский, видя страдания сына, добровольно лишившего себя речи в отчаянной попытке затормозить развитие болезненного процесса, дает представление упомянутый «огbis pictus». Иосиф составил его для общения с докторами и прислугой: денщиком, кельнерами, лакеями в гостиницах и др. Это записная книжечка в шестнадцатую долю листа, порядком истрепавшаяся от частого употребления. Половина ее занята тщательно раскрашенными акварелью карандашными рисунками, изображающими более пятидесяти бытовых предметов, которыми повседневно пользовался больной: колокольчик, кувшин и таз для умывания, полотенце, гребенка и зеркальце, ночной горшок, ножницы, перочинный нож и нож для разрезания книг, бювар, перо, чернильница и метелочка для смахивания песка, свеча; ложки, вилки, тарелки и другая посуда; сапоги, перчатки, трость, фуражка и шляпа-цилиндр, панталоны, сюртук, полосатый шлафрок; открытое и закрытое окно, подушки, застеленная кровать. Картинки, в том числе набросок портрета мужчины с курчавыми бакенбардами (очевидно, Михаила Юрьевича) и изображение слуги с салфеткой в левой руке и тарелкой в правой, предназначались, скорее всего, для неграмотного Ильи. Другая половина книжки отведена под своеобразный разговорник—выписанные в столбик французские фразы:

Прочтите.

Врачи предписали мне полное молчание по причине сильного раздражения дыхательных органов, и потому тем, кто ко мне обращается, я могу отвечать только письменно. Сентябрь. 1838.

Кельнер.

Принесите мне стол.

— " — стул

— " — подушку.

¹⁵⁸ См. выше ее письмо от 28 мая 1837 г.

Принесите мне ночную лампу.
Принесите мне немного молока.
Сахара в кусках.
Журналы и газеты.
Прикажите разобрать постель.
Прикажите вынести горшок.
Позовите моего слугу.
Принесите мне воды.
Велите подать обед.
Принесите мне свечей.
Который час?
Подайте завтрак.
Принесите белого хлеба.
Свежего молока, некипяченого.
Подайте ужин.
Чистую тарелку.
Стакан, нож, тарелку, салфетку.

Папа.

Где граф?
Попросите его зайти ко мне.
Попросите, чтобы он пришел как можно скорее.
Отнесите это графу.
Отошлите это к графу.
Разбудите графа.
Спросите у него, заказывал ли он обед или ужин.

Дорога.

Велите ехать быстрее.
Мне неудобно лежать.
Подложите мне подушку.
Закройте окно с моей стороны.
— " — с вашей стороны.
Я хочу обедать здесь.
Прикажите подать обед в 9, 10, 11, 11½, 12, 12½, 1, 1½, 2, 2½, 3, 3½, 4,
4½, 5 часов.
Я хочу ужинать в [5 часов].
Пусть остановят экипаж.
Я хочу выйти.
Комната холодная и сырая.
Прикажите натопить ее.
Я устал сидеть.
— " — лежать.
— " — стоять.

Я хочу немного пройтись пешком.
Я хочу сесть в экипаже.
Я хочу лечь.
Прикройте мне ноги моим пальто.
Прикажите скорее запрягать лошадей.
Можно проехать еще немного вперед.
Я хочу отдохнуть здесь 1, 2, 3, 4, 5, 6 часов. 7, 8.
Мы сможем отправиться завтра — сегодня в → 139

Голова.

Голова совсем легкая.
Голова тяжелая.
У меня ощущение тяжести в голове вот здесь.
У меня болит голова.
У меня горят глаза.
У меня болят зубы.
У меня стучит в ушах.
Головная боль проходит.
Зубная — "—.
Ощущение тяжести в голове исчезло.

Горло и трахеи.

У меня воспаление во рту, которое мешает мне глотать.
У меня раздражено дыхательное горло вплоть до желудка.
Я много кашлял.
Я кашлял мало.
Я кашлял 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 раз.
Я кашляю более всего поутру, просыпаясь.
Я сплевывал много мокроты.
Мокрота отделялась хорошо.
В ней не было пятен крови.
Было маленькое пятнышко крови.
Я сморкаюсь мало.

Сон.

Отменный.
Не слишком хороший.
Я несколько раз просыпался.
У меня была поллюция.
Я видел много снов.
Я проснулся от счастья.

¹³⁹ Стрелка указывает на выписанный на соседней странице ряд цифр, обозначающих время суток.

Легкие.

Я слышу шум в правом легком.
Я слышу шум в левом легком.
Я ощущаю покалывание в боку.
Чувствую стеснение в груди, боль вот здесь.
Я дышу свободно.
— — глубоко.
— — не кашляя.
— — не чувствуя шума.
Дыхание очень частое.
Я чувствую стеснение внутри, но более в спине.
Когда я поднимаю руку, это причиняет мне боль в легких.
В легких нет никакого шума.
Я слышу шум в обоих легких каждый раз, как я делаю вдох и выдох.

Сиятика¹⁴⁰.

У меня болит ступня.
У меня очень болит ступня.
Ступня болит, но не сильно.

Кровообращение.

У меня теплые ступни ног.
Они пылают.
Они ледяные.
Они не очень холодные.
Они согреваются.
Вся кровь прихлынула к голове и к лицу.
Мне холодно.
Меня бьет нервическая дрожь.
Дрожь прошла.
Я сильно потею.
Я не могу больше выносить холода в ногах; мне нужно пройтись пешком.
Я бы хотел взять ножную ванну.
Ступни ног снова остыли.

Желудок.

У меня ощущение тяжести в желудке.
Желудок свободен.
Стул был 1, 2, 3 раза в 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 часов.
Стул обильный.
— — незначительный.

¹⁴⁰ Ишиатика.

— " — жидкий.
— " — хороший.
— " — очень затрудненный.
Я много мочился.
Моча светлая.
— " — темная.
— " — с осадком.
Мочеиспускание производило боль.
Я чудовищно голоден.
Я голоден.
Я не очень голоден.
Я хочу пить.
Я нисколько не хочу пить.
У меня неприятный вкус во рту.
У меня сильная отрыжка.
Я чихнул 1, 2, 3, 4, 5, 6 [раз].

Виельгорские держали путь в Италию. При других обстоятельствах оба мечтали бы увидеть эту страну, но теперь отцу и сыну было не до туризма. Болезнь Иосифа гнала их, и в поисках спасения они стремились все дальше к югу. Их разъезды давно перестали быть обычным чинным путешествием по модным курортам; это было бегство.

2 октября Михаил Юрьевич и Иосиф прибыли в город Комо, известный своим мягким климатом и великолепными ландшафтами. Четыре дня спустя к ним присоединился Матвей Юрьевич, мелькнул, проездом, Розен; вскоре ожидали великого князя.

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к В. А. Жуковскому¹⁴¹

Сото. 25 [сентября] / 7 октября [1838]

Бесценный мой, милый мой, Жозефу, благодаря Бога, лучше, таково действие италийского неба. Он здесь как бы ожил, хотя почти и не выходит из комнаты своей трактирной. Но эта комната на солнце и на самом привале всех приезжающих к берегу (...). Мы здесь с 2 числа и хоть и имеем приют в доме свиты, где я отыскал две комнаты, которые назначены были людям, но не решился еще переехать, потому что надеюсь [принять] квартиру в Тремеццине¹⁴², против той Ва-

¹⁴¹ ПД. № 27. 958. Л. 9—9 об.

¹⁴² Тремеццина — местность на западном берегу о. Комо в районе городка Тремеццо, наиболее благоприятная по климатическим условиям и застроенная множеством вилл.

рены¹⁴³, где вас хотят поместить не знаю для чего, ибо там теперь осенние беспрестанные ветры. *Matthieu* (который вчера приехал) принужден был, несмотря на прекраснейшую погоду, все окна и двери затворить в трактире, назначенном в(ашему) в(ысокопревосходительству).— Бедный Фрейганг из сил выбился от старания угодить и устроить. Не пугайте его, обласкайте его. Я был свидетелем его [неуемных] стараний, и он, кажется, все хорошо и сходно даже устроил. Вам лучше всего приехать в Комо и потом (ознакомившись, проезжая, с Вареной) решить, где лучше будет. Варена кажется уж чересчур уединенна и отделена от всех *ressources*¹⁴⁴. Ее перемешали кажется с Варезой¹⁴⁵, где есть театр, вся аристократия миланская хворая и проч. С нетерпением тебя ожидаю, нежно мысленно тебя лобызаю. Брат Матвей тебе кланяется, а Жозеф ручку целует.

Поздно вечером 14 октября в Комо прибыл наследник. Больной Иосиф не встречал его, и великий князь сам поспешил навестить товарища. Состояние Жозефа, видимо, поразило его: в тот же день он отметил в дневнике, что ездил повидать «бедного Виельгорского», который «не говорит совсем»¹⁴⁶. Отцу Александр писал: «Здесь, кажется, опять целая колония русских собралась; но кроме моего бедного Виельгорского, которому [зачеркнуто: кажется] немного лучше, я никого из них не видел»¹⁴⁷.

Наследник с князем Ливеном, Кавелиным, Жуковским, Юрьевичем и доктором Енохиным расположился на вилле *Frapc* в окрестностях Комо; остальная свита—на вилле *Battaglia*. В течение трех недель, проведенных на берегах Комского озера, наследник еще не раз посещал Иосифа на вилле Сен Лазар, где поселились Виельгорские. Поправив свое здоровье в Эмсе, наследник теперь принимал курс виноградного лечения, нисколько не обременительного и даже приятного, состоявшего в обязанности ежедневно натошак съедать порцию ягод. Местный виноград в этом году был не слишком хорош, что, впрочем, нисколько не препятствовало Александру с удовольствием проводить время в Комо. Вокруг него образовался кружок веселой молодежи, ко-

¹⁴³ Варенна—городок на восточном берегу озера Комо, известный своим живописным местоположением.

¹⁴⁴ развлечений, светской жизни (фр.).

¹⁴⁵ Вареза (Варесе)—город, расположенный неподалеку от Комо между Комским озером и Лаго Маджоре.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 288. Л. 75 об.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1562. Л. 43.

торый составляли помимо Паткуля и Адлерберга также прибывший из Германии Александр Барятинский и Алексей Толстой, путешествовавший с матерью. Поведение этих молодых людей—с точки зрения наставника, слишком легкомысленное—вызвало однажды ворчливую запись в дневнике Жуковского: «Великий Князь в руках у наших молокососов, которые врут и повесничают»¹⁴⁸.

Много лет спустя Толстой вспоминал о днях, проведенных в Комо, как о времени безмятежного счастья. Прекрасная природа, веселая компания сверстников, прогулки и увеселительные поездки, даже минометное увлечение прелестной девушкой¹⁴⁹—все это слилось в единое ощущение молодости и радости бытия. Эта жизнь протекала совсем рядом с Иосифом; товарищи изредка навещали его, но между ними как бы выросла стеклянная стена. Дело было даже не столько в том, что Жозеф не мог говорить: он был слишком болен, чтобы разделять их интересы.

Алексея Толстого Иосиф знал с детства (они были почти ровесниками). Толстой присутствовал на том самом детском празднике по случаю именин великого князя 30 августа 1826 г., когда Жозеф познакомился с Александром Николаевичем. Позднее, когда Виельгорский уже жил во дворце, им не раз доводилось играть вместе по воскресеньям, когда юный граф Толстой посещал наследника вместе с Барановыми, Карамзиными, Мердерами. Но после 1831 г. они виделись редко, поскольку мать и сын Толстые лишь наездами бывали в Петербурге. Старое знакомство, по-видимому, поддерживалось лишь номинально. Между тем в Толстом, как и в Барятинском, Иосиф мог бы найти себе достойного собеседника, хотя и с несколько иным направлением интересов—скорее литературно-художественным, чем научным.

Однако судьба далеко развела прежних товарищей: один изнемогал в безнадежной борьбе с чахоткой, другой находился в расцвете сил. В. А. Инсарский, познакомившийся с Толстым чуть позднее, в начале 1840-х гг., оставил следующее описание его внешности: «Граф Алексей Толстой был в то время красивый молодой человек с прекрасными белокурыми волосами и с румянцем во всю щеку. Он еще более,

¹⁴⁸ Дневники Жуковского. С. 432.

¹⁴⁹ См. письмо к С. А. Толстой от 2/14 апреля 1872 г. // Толстой А. К. Избранное. М., 1986. С. 354—355.

чем князь Бярятинский, походил на красную девушку; до такой степени нежность и деликатность проникала всю его фигуру. Можно представить мое изумление, когда князь однажды сказал мне: „Вы знаете — это величайший силач!“¹⁵⁰

Об отношениях Иосифа с Алексеем Толстым в те несколько месяцев, когда они периодически встречались сначала в Эмсе, затем в Комо и, наконец, в Риме, где Толстые надолго задержались уже после отъезда оттуда наследника, практически ничего не известно. Пожалуй, лишь одна чуть заметная нить, связывающая их, скрыта в тексте фантастической повести Толстого «Упырь», действие которой частично происходит в Комо. Один из персонажей рассказывает о таинственных приключениях, случившихся с ним три года тому назад, когда он приехал в этот город «для восстановления расстроенного здоровья» с помощью виноградного лечения. Увлеченный местной мистической легендой о некоем доне Пьетро д'Урджина, он решает проникнуть ночью на его давно необитаемую виллу в окрестностях города:

«В этот день мне не сиделось дома. Я рыскал по городу без цели, заходил в готический собор и без удовольствия смотрел на прекрасные картины Bernardino Luini. Я спотыкался на корзины с фигами и виноградом и раз даже опрокинул целый лоток горячих каштанов. Надобно вам знать, что в Комо каштаны жарят на улицах; обычай этот существует и в других итальянских городах, но нигде я не видел столько жаровен и сковород, как здесь. Добрые ломбардцы на меня не сердились, но только смеялись от всего сердца и даже провожали благодарениями, когда за причиненный им убыток я им бросал несколько *цванцингеров*.

Вечером было собрание в villa Sallazar. Большая часть общества состояла из наших соотечественников, прочие почти все были австрийские офицеры или итальянцы, приехавшие из Милана посетить прелестные окрестности Комо.

Когда я рассказал свое намерение провести следующую ночь в villa Urgina, надо мной сначала начали смеяться, потом мысль моя показалась оригинальной, а напоследок вызвалось множество охотников разделить со мной опасности моего предприятия»¹⁵¹.

Таким образом комские впечатления Толстого отразились в его повести. Виллы Урджина, разумеется, в действительности не существовало, равно как и виллы Саллазар, однако в последнем названии явно слышен отзвук названия комской резиденции Виельгорских.

¹⁵⁰ Инсарский. С. 164.

¹⁵¹ Упырь. Сочинение Краснорогского. СПб., 1841. С. 79—80.

Здесь их не раз посещал Жуковский. 19 октября он записывает: «Рисовал у Вьельгорского». К 26 числу относится прогулка на пароходе по озеру, в которой, кроме членов свиты наследника, принимает участие и Михаил Юрьевич, а 28 октября Жуковский привозит на виллу Сен Лазар Ф. И. Тютчева¹⁵². К этому времени население виллы стало меньше на одного человека: Матвей Юрьевич Виельгорский, проведя две недели с братом и племянником, отправился назад в Петербург, где Луиза Карловна с нетерпением ожидала вестей о сыне. Он уехал из Комо утром 20 октября, везя с собой несколько писем: наследника к отцу, Иосифа к сестрам и матери, Жуковского к Луизе Карловне (поэт послал ей рисунок, сделанный накануне на вилле Сен Лазар).

Иосиф—сестре Софье¹⁵³

№ 4

19 октября 1838. *Villa St. Lasarre*

Тебя нечего мне благодарить, моя бесценная бишь, за твои письма.—Я так уже привык получать их от тебя, что когда письма нет, то я грустен и утешаюсь только тем, что ты, верно, занята. Дядя едет завтра; вчера у меня голова жестоко болела, и я отчаивался, что не буду в состоянии вам всем написать. Но Бог мне дал сегодня более сил, так что я решился писать каждому.

Если ты хочешь знать, сколько ты мне писала, я скажу тебе, что письмо из Ревеля от 5 августа ст. ст. было 10ое. На днях я получил письмо от 29 августа; теперь я не знаю, писала ли ты между или нет. Советую тебе ставить номера. Тогда не будет никакого замешательства. Я очень рад, что вы занимаетесь музыкой. Я принужден совсем её покинуть. Доктора запретили играть на клавинодах, потому что это вредит груди. Одно утешение письма ваши и чтение религиозных книг. Когда читаешь описание мучений Христа, то как можно жаловаться на судьбу свою? Я надеюсь, что Старик исполнил мою комиссию насчет Евангелия¹⁵⁴. Мне хочется, когда мне лучше будет, заняться основательно изучением Божественного Слова. Кланяйся доброму Бажанову. Таких людей мало. Здешний фанатизм религиозный мне не нравится. Очень смешно видеть маленьких мальчиков в костюмах аббатов¹⁵⁵. Но страна и климат чудесны; розы еще цветут и многие другие

¹⁵² Дневники Жуковского. С. 425, 429—431.

¹⁵³ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 65. № 8. Л. 11—12, с пометой: «№ 4. Драгоценной бишке».

¹⁵⁴ По-видимому, речь идет о просьбе прислать славянское Евангелие; книгу на другом языке Иосиф, скорее всего, сам смог бы раздобыть за границей.

¹⁵⁵ Скорее всего, имеются в виду воспитанники католических учебных заведений. Ср. римские наблюдения М. П. Погодина: «Беспреданно встречаются ду-

растения. Озеро Комское обворожительно, хотя я его почти не видал. Прощай, моя милая, бесценная бишь; Бог да сохранит тебя, будь здорова и не задохнись от всех поцелуев, которые я тебе посылаю с письмом и с *moelle*.

Иосиф — сестре Анне¹⁵⁶

19 октября 1838. Villa dell'Azarre.

Твое последнее письмо, дражайшая супруга, доставило мне много удовольствия. Невелик комплимент, сделанный тебе Пскоппом¹⁵⁷, коли он утверждает, что ты похожа на меня. Ты очень хороша собой, полна грации, легка, как дуновение ветерка, твой стан строен и гибок, а мне до всего этого весьма далеко. Но как же ты будешь проводить зиму без твоего любезного супруга? Кто озаботится твоими нарядами? Кто побеспокоится о твоей обуви? Все сие приводит меня в отчаяние. Надобно мне нанять кого-то для исполнения этих обязанностей. Если я поеду во Флоренцию, постараюсь увидеться с графиней Воронцовой и Мари¹⁵⁸ и исполнить твои комиссии. Но на словах я этого сделать не смогу, мне придется писать на бумаге, ибо должен тебя уведомить, что я сделался рыбой и больше не говорю. Если увижу Ливорно, твой любимый, обожаемый город¹⁵⁹, также постараюсь передать ему поклон от тебя, но лишь посредством знаков, надеюсь, он достаточно умен, чтобы их понять. Как здоровье рыцаря и его детей? Каково идет романтизм и рыцарство? Я купил для тебя труд о преданиях и традициях Рейна, но не знаю, позволит ли тебе мать рыцаря¹⁶⁰ это читать. Я в этом сильно сомневаюсь и потому не отваживаюсь посылать тебе книгу, но если хочешь, я пришлю тебе много разных сведений о рыцарях и Средних веках.—Прощай, обворожительная, дражайшая супруга, будь здорова и не забывай своего супруга Мазетто, который часто думает о Церлине. Осыпаю поцелуями твои глазки и ножки.

ховные в разных одеяниях (...) Всего смешнее маленькие мальчики, которые расхаживают в таких же костюмах, как и большие—в круглых шляпах, в черных однобортных кафтанах, чулках и башмаках, с книгами подмышкою. Это дети, предназначенные в духовное звание. Они заранее уже надевают монашеское платье, но шалят и резвятся на улицах, разумеется, как и прочие дети» (Погодин. С. 6).

¹⁵⁶ ПД. Ф. 50. № 73. Л. 11—11 об. Оригинал по-французски. На л. 11 об. пометка: «*pour l'épouse chérie*».

¹⁵⁷ Неустановленное лицо.

¹⁵⁸ Неустановленное лицо.

¹⁵⁹ Ливорно запомнился Анне Михайловне, очевидно, во время пребывания с матерью и сестрами в Северной Италии осенью-зимой 1834 г. (об этом см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 287).

¹⁶⁰ Неустановленное лицо.

В. А. Жуковский—Л. К. Внелгорской¹⁶¹

Комо. 8/20 октября. 1838

Милая, милая графиня, наш любезный и добрый Матвей Юрьевич расскажет вам лучше всех писем о том, что у нас происходит. Я с своей стороны скажу вам словечка два. Для меня было величайшим утешением съехаться опять с нашим Иосифом. Я не писал к вам после моей с ним разлуки в Эмсе, ибо нечего было написать хорошего; я покинул его тогда с горем и с весьма слабою надеждою, чтобы он скоро мог выехать из Эмса. Известие, что он покинул Эмс, что он наконец в Италии, оставив за собою Альпы, меня обрадовало. Наконец, увидевшись с ним в Комо, я еще более был утешен: я нашел его гораздо лучше против того, каким покинул в Эмсе. Надежда опять возродилась в душе моей. Болезнь его не сделала шагу вперед; в его теперешнем состоянии нет ничего безнадежного. Оно критическое; нужна большая о нем заботливость. Но главное мы выиграли; он в Италии, дышит целительным воздухом, и этот воздух уже сделал ему видимое добро. Будем надеяться и верить лучшему.—Я его только видел, но не говорил с ним; он наложил на уста свои печать молчания; и составил сам для себя орден Иероглифов; ходит, как командор, с книгою на черной ленте, висящею у него на шею¹⁶². Обыкновенный костюм его сертук, и на сертуке шлафрок. А нынче я видел его сидящего на жарком солнце, перед дверями своими в саду; в огромных креслах, около которых сделан был род кибитки; под этим балдахинном сидел с огромною тетрадью, в которую вкладывал травы с ерлыками¹⁶³ и имел вид восточного волшебника, бежавшего из тысячи одной ночи. Он был весел, спокоен, но очень усердно продолжал играть в молчанку; этот способ лечения хорош не только для больного, но и для здорового.—Посылаю вам рисунок того вида, который из окон Иосифа¹⁶⁴.—Обнимаю вас от всего сердца. Не могу сказать вам: будьте спокойны; такой совет будет сердцу матери непонятен. Скажу только: помните, что и он, и вы в руке Божией. Это одна из тех *lieux communs*¹⁶⁵, которые становятся в некоторых минуты жизни великими истинами, имеющими характер новости и неожиданности.—Простите, милая; про(шу) за меня обнять всех ваших. Скажите мой дружеский поклон Карамзиным¹⁶⁶, Мещерским¹⁶⁷ и княгине Вяземской и Валуевым¹⁶⁸.

¹⁶¹ РА. 1876. Кн. I. № 4. С. 359—360. Уточнено по автографу—ОР РГБ. Ф. 48. Оп. I. Картон 61. № 33. Л. 1—2 об.

¹⁶² Упомянутый выше «orbis pictus».

¹⁶³ Т. е. составлял гербарий

¹⁶⁴ Рисунок не обнаружен.

¹⁶⁵ банальностей (фр.).

¹⁶⁶ Вдове и детям Н. М. Карамзина.

¹⁶⁷ Дочери историка Екатерине Николаевне и ее мужу П. И. Мещерскому.

¹⁶⁸ Подразумеваются дочь Вяземского Мария и ее муж П. А. Валуев.

От князя¹⁶⁹ нет ни слуху ни духу: да и как быть? ни он не знает, где я, ни я не знаю, где он. Поклонитесь дружески любезной Наталье Яковлевне.

Ваш Жуковский

Василий Андреевич снова, в который раз не решился написать графине правду. Впрочем, едва ли Луизу Карловну могло обмануть наивное балагурство этого послания. Со слов самого Иосифа из его позднейшего письма к дяде¹⁷⁰ мы знаем, как плохо ему было в Комо. Жуковский недаром описывал его сидящим: Жозефа мучила лихорадка и боль в правом боку (со стороны легкого, сильнее всего пораженного недугом), он едва мог ходить и предавался единственному доступному ему развлечению—засушивал образчики флоры из сада при вилле Сен Лазар, которые собирался отослать сестрам. На дворе стояла осень, солнце пригревало не столь жарко, как уверял Жуковский (средняя температура октября в Комо составляет 13,5° C¹⁷¹), и больной сидел на воздухе укутанный. Впрочем, в комнатах было холоднее, чем на улице—обычное для Италии осеннее неудобство, неизбежное даже в благословенном Комо.

Эти дни были очень тяжелы для Иосифа. Сестер он, как всегда, старался не пугать, но строки письма к Софи все же пронизаны глубокой грустью. Толкуя как ни в чем не бывало с младшей сестрой о рыцарях, он просит старшую прислать Евангелие. «Когда читаешь описание мучений Христа, то как можно жаловаться на судьбу свою?»—впервые с начала болезни из-под его пера вырвались такие слова.

Однако в начале ноября больной почувствовал некоторое облегчение. В то же время и наследник закончил свою «виноградную куру». 3 ноября, простившись с Иосифом, он покинул Комо. Теперь ему и его спутникам предстояло осмотреть знаменитые города севера Италии, а затем прибыть в Рим, куда уже в ближайшее время кратчайшим путем собирались отправиться Виельгорские. Жуковскому не удалось повидать больного перед отъездом. Накануне он сам неожиданно расхворался и, уезжая, смог только послать ему в подарок записную книжку из своих дорожных запасов—точно такую же, какими пользовался сам. В начале книжки он поместил краткую дарственную над-

¹⁶⁹ П. А. Вяземского.

¹⁷⁰ См. ниже письмо от 26 марта 1839 г.

¹⁷¹ Миллер. С. 221.

пись. Эти несколько фраз немало говорят о душевном состоянии наставника, столь странна и печальна в них смесь деланного оптимизма первых слов с неожиданно щемящей ноткой в финале:

Como. 1838 Oct./Nov.

Дано с тем, чтобы на последней странице было написано: *я совсем здоров*. Этого желаю как для тебя, так и для *себя*, ибо ты принадлежишь к числу немногих драгоценностей моей жизни.

*Жуковский*¹⁷²

Вскоре после отбытия великокняжеского кортежа Виельгорские также решили покинуть Комо. В Милане их путь снова ненадолго пересекся с маршрутом наследника, но отец с сыном спешили дальше. Приближалась зима, которую легочные больные по традиции старались провести в Риме. Позднейшие медицинские исследования, однако, показали, что климат этого города не только не может содействовать улучшению их состояния, но даже прямо вреден. Зимой холодный северный ветер трамонтана дует по несколько дней подряд, выстуживая воздух, а сменяющий его южный сирокко приносит дожди и с ними сырость в домах, плохо оборудованных для холодного времени года. К тому же на санитарное состояние города неблагоприятным образом влияла бедность и скученность его жителей и близость обширных Понтийских болот, грозящих горожанам опасными лихорадками¹⁷³.

Однако Виельгорские связывали с Римом большие надежды. Они продолжали отчаянно бороться, прибегая ко всем средствам, рекомендованным медициной. К несчастью, средств в их распоряжении было не слишком много, и среди этих немногих зимовка в Риме считалась классическим. Их маршрут пролегал из Комо через Милан в Геную, оттуда (возможно, по морю) в Ливорно, и наконец пароходом в Чивитавеккью — морские ворота Рима.

В Генуе Виельгорские, очевидно, сделали остановку, и тут Жозефа ожидало приятное открытие. Русский генеральный консул И. Я. Смирнов (сын Я. И. Смирнова — известного священника, более пятидесяти лет прослужившего настоятелем русской посольской церкви в Лондо-

¹⁷² ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 37. № 18. Л. 1 об. Приписка рукой Иосифа: «Получено 3 ноября 1838 в вилле С. Лазар на Комском озере».

¹⁷³ См.: Миллер. С. 80—81.

не), оказался коллекционером, в его доме молодой граф обнаружил небольшое собрание удивительных редкостей—старинных портретов русских деятелей и в том числе изображение Ивана Грозного. В Ливорно в ожидании парохода путешественники вряд ли упустили возможность помолиться в единственном тогда на всю Италию православном храме, греческой церкви св. Николая. Плавание Ливорно—Чивитавеккья продолжалось около полусуток. Пироскаф шел вдоль берега, оставляя с правого борта остров Эльба, и до захода солнца пассажиры могли любоваться прекрасной панорамой побережья, а рано утром судно было уже в порту Чивитавеккья. Оттуда, пользуясь русскими мерами длины, оставалось всего 62 версты до Рима.

Еще несколько часов пути, и путешествие Жозефа окончилось: 14 ноября 1838 г. Виельгорские въехали в ворота Вечного города.

В Риме Виельгорских встретили знакомые лица. Там было немало русских; двоим из них предстояло сыграть особую роль в жизни отца и сына в ближайшие полгода— последние для Иосифа. Это были княгиня Зинаида Волконская и Гоголь.

Встреча с Волконской была, скорее всего, особенно приятна Михаилу Юрьевичу по воспоминанию о Москве середины 1820-х годов и двух блистательных музыкальных салонах. Позднее, когда семейство Виельгорских перебралось в Петербург, «Северная Коринна» надолго покинула Россию. Еще раз встретились они в 1836-м, когда Волконская провела несколько летних месяцев в Петербурге. Теперь княгиня стала настоящей римлянкой, жила в старинном палаццо Поли у фонтана Треви— знаменитейшего из римских фонтанов; в 1833 г. она перешла в католичество. Волконская постарела, имела маленькую внучку и давно уже не пела на публике, однако по-прежнему поддерживала широкие связи в литературной и артистической среде. Вся римская аристократия, кардиналы, именитые иностранные вояжеры отдавали дань ее авторитету. В ожидании приезда Виельгорских она переписывалась с Луизой Карловной и сразу же приняла отца и сына под свое покровительство.

Наряду с княгиней вновь прибывших поспешил приветствовать и Гоголь— постоянный посетитель ее римского салона. Он тоже давно знал Виельгорского-старшего— вероятнее всего, с начала 1830-х гг., когда Жуковский и Пушкин ввели его в столичные литературно-художественные круги. Искреннее участие, принятое Михаилом Юрьевичем в судьбе «Ревизора», его хлопоты, благодаря которым комедия была поставлена в 1836 г., очевидно, сблизили их, и в Риме они встретились добрыми приятелями. Гоголь жил здесь уже второй год, а незадолго до приезда Виельгорских вернулся из поездки во Францию. За несколько недель, проведенных в Париже, он так истосковался по Италии, что себе-себе бросалась в глаза его радость по поводу возвращения *домой*. В ноябре он писал матери: «Погода так же прекрасна. Никто не ходит в шинелях и плащах. Дни теплые, небо светлое и солнечное. Здесь теперь очень много русских и между ними несколько из моих знакомых. Они все приехали провести здесь зиму, одни для здоровья, другие так»¹.

¹ Гоголь. Т. 11. С. 186.

При всех свойственных ему перепадах настроения Гоголь был тогда жизнерадостен, полон творческих планов. Едва ли он мог в это время найти общий язык с молодым Виельгорским. Иосиф после переезда чувствовал себя плохо и более всего нуждался в отдыхе и покое. Между тем удобно устроиться в Риме оказалось не так-то просто. Отыскать апартаменты, достойные графов Виельгорских, помогли, скорее всего, русские римляне. Михаил Юрьевич и Жозеф заняли два этажа в доме № 49 на виа деи Понтефичи.

Едва расположившись на новой квартире, Михаил Юрьевич развернул бурную деятельность: Жозефа осмотрел доктор Де Матеис, сразу же назначивший обычное для грудных болезней лечение ослиным молоком; тем временем граф, верный себе, принялся за изучение музыкальной жизни города. С первой же почтой он наверняка писал жене, а несколько дней спустя— Жуковскому.

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к В. А. Жуковскому²

Рим. 8 (20) ноября [1838]

Благодаря Бога, мы благополучно и скоро приехали в Рим (14), где с трудом могли отыскать приличную квартиру— но и это уже приведено на лад, и ты увидишь сам, надеюсь, как мы хорошо устроились, хотя и дорого.

(...) Говорят, однакож, что приезд Александра Николаевича вскружил головы здешним спекулянтам: все готовятся к его приему, и всё от этого ожидания втрое дороже, отчего нам, бедным вояжерам, накладно. Например, наша скромная квартира стоит боле 700 фр(анков)³ в месяц, и то должно было нанять на 5 месяцев, и так далее. Жозеф начал пить с вчерашнего дня ослиное молоко; его кашель несколько увеличился, что можно приписать господствующему уже 2 недели *sigosso*. Температура все 17 и 18 градусов⁴. Мы на балконе сидим утром в 9-м часу в рубашках и курим. На улицах душно.

Здесь опера изрядная, то есть *Juditte Grisi* в *Капулетти* удивительно хороша⁵, все прочие посредственно.— Видел я Гоголя, которого можно назвать *Римским Гоголем*. Он помолодел, об тебе много спрашивал и с нетерпением ожидает. (...)

² РА. 1902. Кн. 2. № 7. С. 441—442. Уточнено по автографу— ПД. № 27. 598. Адрес на конверте: «*Son Excellence Monsieur de Joukofsky. Attaché à S. A. I. Monsieur le Grand Duc Hereditaire de Russie. A Venise.*».

³ Около 175 руб. серебром по тогдашнему курсу.

⁴ Температура 17—18°R соответствует 21, 25—22, 5°С.

⁵ Дж. Гризи исполняла партию Ромео в опере Беллини «Капулетти и Монтекки».

В это время Жуковский находился вместе с наследником в Венеции. Оттуда он несколькими днями раньше писал в Петербург Луизе Карловне — не столько ради того, чтобы сообщить ей какие-либо новости, сколько из сочувствия, зная, как она дорожит каждым словом, малейшей подробностью о сыне.

В. А. Жуковский — Л. К. Внесьгорской⁶

4/16 ноября [1838]

Пишу к вам несколько строк из Венеции, милая графиня. Благодарю за ваше письмо, которого не читал. Вот как это случилось. Я получил его в минуту сборов дорожных вместе с письмом графа, который уехал из Милана с Иосифом и написал ко мне с дороги; в хлопотах это письмо куда-то запропастилось, так что мне не удалось прочесть его, вместе с ним и письмо от графа. Но с того времени я получил от наших милых путешественников два письма — одно из Генуи, другое из Ливурны. Благодаря Богу все идет хорошо. Теперь наш больной в сердце Италии, и можно надеяться, что теплый воздух Рима, где он, вероятно, уже теперь совсем устроился, произведет благодетельное действие. Я не видал его в Милане и уехал из Комо, не имея возможности с ним проститься, ибо сам был болен в последние дни пребывания в Комо и в первые дни жизни в Милане. Он между тем отправился в дальнейший путь. Но главное то, что ему хорошо. Будем надеяться на милость Божию; Он поможет нам сохранить милую жизнь его, которая так прекрасно начинается; мы будем, будем радоваться ею. Вместе с письмом на ваше имя послал и оба письма, полученные мною от графа. В них найдете подробности о Генуе и Ливурно. — А мы теперь в Венеции, где по назначению пробудем довольно долго. Чудесный город. Точно какой-то волшебный осуществленный сон. Делать описаний некогда, еще надобно писать другие письма. Со временем, если разберусь, напишу вам длинную реляцию. Пока обнимаю всех вас гуртом. Дружеский поклон Наталье Яковлевне. Прошу вас напомнить другу Матвею Юрьевичу о его обещании прислать мне лучшего французского табаку; это можно будет сделать с первым курьером. Я буду чихать за его здоровье; но увы! он не скажет мне *здравствуй!* а я не буду отвечать *благодарствуй!*⁷

⁶ РА. 1876. Кн. 1. № 4. С. 360. Уточнено по автографу — ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 61. № 32а. Л. 1—2.

⁷ Автоцитата из стихотворения «Любовная карусель. Тульская баллада» (1814):

Едва возлюбленный чихнет —
Катоша тотчас — *здравствуй!*
А он ей головой кивнет
И нежно: *благодарствуй!*

(Жуковский. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 86).

Сам Жозеф смог написать матери только спустя десять дней после приезда в Рим. Он был очень слаб, но не падал духом и как обычно старался смягчить тяжелое впечатление от неутешительных новостей, тщательно подбирая слова и продумывая композицию своего письма.

Иосиф—матери⁸

№ 37

Рим. 23 ноября 1838. Пятница.

Мы прибыли в Рим в пору весьма невыгодную для путешественников. Здесь царствовал сирокко; я был очарован, ибо погода стояла теплая, как в июле. Но сие очарование быстро прошло. Уже в Ливорно я начал есть виноград, потому что он был отменного вкуса, но виноград обрек меня на запоры. Из-за винограда или сирокко—не знаю, но все эти дни я чувствовал себя решительно плохо; дыхание участилось настолько, что я не мог сделать ни шагу; кашель, державшийся обычно между 40 и 60 за день, вчера дошел до 125. Мокрота стала очень обильной; ночью я страшно потел и сегодня почти не спал; несмотря на это, чувствую себя лучше. Вчера сирокко прекратился; думаю, это меня ободрит. Папа остановил свой выбор на докторе Де Матеисе, которого вы знаете; чтобы уменьшить кашель, он предписал мне растирание груди красным винным камнем, от чего появляются гнойнички, производящие отвлечение крови на кожу⁹. Вчера кашель был 107; сие доказывает, что лечение помогает. Голова все эти дни была очень тяжелая, и каждый раз, что я кашлял, это ужасно отдавалось в голове. Ноги у меня постоянно укутаны мехом, и все же они стынут и согреваются лишь вечером; таково мое состояние; я ложусь в 9½ и подымаюсь в 7. Начал также пить ослиное молоко, по большому стакану в 6 утра; Де Матеис возлагает большие надежды на это средство. Мне очень досадно, бесценная Мама, посылать вам эти едва удовлетворительные известия, но я ведь обещал всегда говорить вам правду. Мы нашли превосходную квартиру, очень солнечную, на *Via Pontefici*. Мои комнаты выходят на просторную террасу, где я прогуливаюсь в хорошую погоду. Но это ужасно дорого. Мои две комнаты прекрасно обставлены; кровать так велика, что на ней поместятся пятеро, и занимает полкомнаты. На террасе выставлены апельсиновые и лимонные деревья. Княгиня Зенеида дважды меня навещала и прислала мне растений, чтобы украсить террасу. Я рад был узнать от нее, что вас

⁸ ПД. Ф. 50. № 71. Л. 1—2 об. Оригинал по-французски.

⁹ Винный камень—кислая калиевая соль винной кислоты, твердый осадок, образующийся в процессе производства вина, особенно красного. Искусственно вызывая раздражение кожи, врач пытался таким образом облегчить состояние легких, страдающих, по его мнению, от прилива крови.

успокоило одно из моих писем на 4 страницах—уж не помню, какое именно. Она счастливее меня, ибо вот уж месяц, как мы совершенно не имеем новостей от вас, последнее из ваших писем было от 4/16 октября. Вероятно, собаки *tedeschi*¹⁰ заняты их чтением; мне бы только знать, что мои письма до вас дошли, боюсь, как бы таблицы кашля¹¹ они не приняли за зашифрованные документы. Мы ничего не знаем и о Великом Князе. Он, должно быть, в Венеции, но никто не знает наверное. В Комо он выглядел лучше, чем в Петербурге, несколько не был худ, а напротив, толст и румян, каким я никогда его не видывал, и в превосходном расположении духа. Мне также ничего не известно о г-же Кавелиной¹².—Уезжая из Комо, Папа позабыл оставить на почте письменную просьбу о том, чтобы приходящие на наше имя письма отправлялись прямо в Рим. Неисправность почты весьма огорчительна, а то, что бессознательные чиновники читают письма, просто приводит меня в бешенство; надобно быть свиньей, скотиной, чтобы распечатывать письма, и ослом—чтобы думать, что в них содержатся шифры и прочие секреты. Давно пора отменить этот варварский и подлый обычай. Погода сегодня восхитительна; надеюсь, она вернет меня к прежнему состоянию. Во все эти дни я не мог ничего делать, только пролистал некоторые газеты. Тяжесть в голове и общее недомогание лишают меня всякой возможности заниматься. Но надеюсь, что через месяц я смогу заниматься чем-нибудь серьезно. Политика очень меня интересует; я регулярно читаю «*Allgemeine Zeitung*»¹³. Надеюсь, что все здоровы и флюс у бишки прошел. Отсутствие новостей меня тревожит; итак, с живейшим нетерпением ожидаю писем. Прощайте, милый Ангел, надеюсь в следующий раз сообщить вам лучшие новости. Обнимите Фалеза¹⁴, Бишек, Беттиньку; мои поклоны всем. Прощайте еще раз.

Немного отдохнув после переезда, Иосиф вернулся к своим научным интересам. Он ждал, что вместе с наследником в Рим прибудет Барятинский, а пока ему не терпелось поделиться радостью по поводу редкой коллекционерской удачи.

¹⁰ немцы (ит.)

¹¹ Имеются в виду подневные записи того, сколько раз Иосиф кашлял: в постели; утром, сидя; в полдень на прогулке; перед обедом, сидя; перед обедом на прогулке; вечером, сидя; вечером в постели. См. подобные таблички: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 37. № 18. Л. 76—78.

¹² По всей видимости, имеется в виду М. П. Кавелина. Позднее, во время пребывания наследника со свитой в Риме, Жуковский встречался с ней (Дневники Жуковского. С. 461).

¹³ Ежедневная «Всеобщая газета», одно из самых авторитетных изданий Европы. Основана в 1798 г., с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге.

¹⁴ Возможно, имеется в виду брат Михаил.

Из письма Иосифа к А. И. Бяратинскому¹⁵

28 ноября 1838. Рим.

Я сделал такую находку для нашего кабинета, что едва удержался на ногах от восхищения. Эти три картины русские, подобных которым нет во всей России. Я тебе не пишу, что это именно такое и где они, потому что ежели Жуковский узнает, то тотчас заставит Великого Князя купить. Я дал уже поручение достать их, и, быть может, мы их получим за бесценок; владелец картин не понимает их важности и продает дешево; я обещал до трех тысяч и каждый день ожидаю известий об успехе. Здесь я надеюсь купить много латинских и итальянских книг, относящихся до России и славянских земель. В будущем году наша библиотека будет иметь до 2000 томов одних иностранных сочинений.

Здесь 26 русских художников, ожидающих заказов и сидящих без работы; никто из наших дворян им ничего не заказывает.

Это письмо дышит энергией, увлеченностью, оптимизмом; трудно предположить, что оно вышло из-под пера тяжело больного человека. «Наша библиотека»,—говорит Виельгорский, однако известно, что молодые люди заключили между собой соглашение: если один из них умрет, другой унаследует его собрание¹⁶. И хотя Жозеф упорно боролся за жизнь и не терял надежды, он не мог не отдавать себе отчет в том, насколько велика вероятность, что первым не станет его самого. Тем не менее он продолжал свои занятия. По всей вероятности, Бяратинский и Виельгорский видели в своем коллекционировании нечто большее, чем просто личное увлечение. Создание «Русского Сборника» представлялось им общественно важным делом; они трудились для России, предполагая, возможно, со временем сделать свою коллекцию и библиотеку общедоступными. Десятилетия спустя А. И. Бяратинский действительно позволял ученым работать в его собрании, в полном же объеме подобная идея была реализована при создании Чертковской библиотеки и Румянцевского музея.

Что стало после смерти Жозефа с принадлежавшими ему старинными вещами и картинами—неизвестно, но в том, что касалось его книжной коллекции, родные в точности выполнили его волю. Несмотря на протесты В. А. Соллогуба, не желавшего расставаться с библиотекой своего покойного шурина, несколько ящиков с книгами были

¹⁵ Цит. по: Зиссерман. С. 30—31.

¹⁶ См.: Там же. С. 30.

переданы Барятинскому¹⁷. Так книжное собрание Иосифа Виельгорского вошло в состав знаменитой библиотеки фельдмаршала, насчитывавшей около 42 тысяч томов¹⁸. Она, в свою очередь, была подарена наследниками Барятинского московскому Румянцевскому музею, затем некоторое время находилась в составе библиотеки Исторического музея, а ныне, к сожалению, рассеяна в фонде Государственной публичной исторической библиотеки; не существует даже ее каталога. Отсутствие эклибрисов или владельческих надписей делает невозможным выявление книг, некогда принадлежавших Иосифу.

Отец и сын Виельгорские поддерживали весьма интенсивные контакты с окружением наследника. Пока великий князь знакомился с Венецией и Флоренцией, а Жозеф обменивался письмами с Барятинским, Михаил Юрьевич в одном из писем рекомендовал Жуковскому своего нового римского знакомца—А. Э. Броуна.

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к В. А. Жуковскому¹⁹

Рим. 30 ноября [1838]

Вручитель сего письма некто m-g Brown, секретарь археологического общества римского, учрежденного Бунзеном, человек с огромным запасом знания и притом гомеопат, даст тебе верные известия о здоровье моего Жозефа. Ему с некоторых пор гораздо лучше, хотя по приезде в Рим он меня очень беспокоил. (...) я сижу дома и нигде не был. Меня схватила ужасная зубная боль с началами горячки головной; теперь лучше. Гоголь бывает у меня и читал начало «Мертвых душ». С нетерпением ожидаю вашу милость. Если б знал наперед, то мог бы тебе славу квартиру приготовить; у меня три лишние комнаты, которые нанял Кочубей. Целую тебя, дражайший мой! До свидания. Что за климат! Все как июль у нас.

Не правда ли, что, увидев Броуна, с ним вся Германия представляется олицетворением? C'est un homme, au reste, qui a du coeur²⁰.

¹⁷ Передача состоялась не ранее 1843—1844 гг.—см.: Соллогуб. С. 647. Приводимые А. Л. Зиссерманом сведения о том, что И. Виельгорский собрал 12 тыс. томов, по всей видимости, неточны; эта цифра преувеличена как минимум вдвое. Соллогуб называл библиотеку шурина небольшой.

¹⁸ О библиотеке А. И. Барятинского см.: Розанов И. Н. Как создавалась государственная библиотека при Историческом музее (Исторический очерк) // Машинопись. Отдел редкой книги Исторической библиотеки. 1937.

¹⁹ РА. 1902. Кн. 2. № 7. С. 442. Уточнено по автографу—ПД. № 27. 598.

²⁰ Впрочем, он человек довольно сердечный (фр.)

Иосиф действительно чувствовал улучшение. Он вновь позволил себе говорить и возобновил активную переписку с родными.

Иосиф— дяде²¹

Рим. 8 декабря. 1838. Четверг.

Вы уехали из Комо, бесценный *moelle*, как говорит *biche*, не в совершенно для меня благоприятное время. Шесть дней после вашего отъезда со мною сделалась большая перемена; силы вдруг начали прибавляться, кашель уменьшаться, равно как и тяжесть в голове. Так что в день нашего отъезда из Комо я мог гулять в саду; а в Милане 5 ноября я провел почти все время на ногах. Хотя бы не следовало бы пускаться в столь быстрые переходы. Gogert мне повторял часто: «*Je besser sie werden desto vorsichtiger müssen sie sein, und wenn sie auch ganz gesund werden, sich immer noch als einen Kranken betrachten*»²². Чилищев²³, который умирал в Дрездене и целый год кашлял и харкал кровью, вылечился одним воздухом и ослиным молоком в Крейте. Он мне говорил, что после болезни он себя вообще гораздо лучше и крепче чувствует, чем когда-либо прежде. Грудная болезнь делает какой-то перелом в жизни, после которого силы возвращаются в большей массе. Я надеюсь, что то же со мной будет. Первые дни моего пребывания здесь не были весьма приятны. Но теперь, слава Богу, все прошло, и мне гораздо лучше, нежели в Комо. Мои комнаты здесь совершенно на солнце, которое так их нагревает, что хозяин дома не счел нужным сделать печей. Таким образом, я проведу зиму без печей, и до сих пор я в них никакой нужды не находил. Великого Князя ждут 17-ого. Он будет жить в доме посольства²⁴. Нет ли какой-нибудь перемены в вашей судьбе по случаю предполагаемого брака?²⁵ Надеюсь, что вы мне пришлете некоторые подробности о сей статье. Кроме того, что напечатано в «*Allgemeine Zeitung*», я ничего не знаю. На сих днях получили мы письмо от Мама, по которому видно, что вы уже в Петербурге. Надеюсь, что вы успели приехать к обручению. Мне было бы крайне больно узнать, что путешествие вам не позволило присутствовать при этом. Ваша поездка в Комо была большая жертва, которую я вполне ценю, но на которую я бы никогда не согласился, если б меня не убедила

²¹ ПД. Ф. 50. № 72. Л. 1—1 об.

²² Чем лучше вы себя чувствуете, тем осмотрительнее вы должны быть, и даже когда вы совсем поправитесь, то и тогда лучше вам относиться к себе как к больному (нем.).

²³ Неустановленное лицо.

²⁴ Посольство России при папском дворе располагалось по адресу: виа Бокка ди Леоне, 78.

²⁵ Великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Церемония обручения состоялась в Петербурге 4 декабря (ст. ст.) 1838 г., а бракосочетание— 2 июля следующего года,

мысль, что она могла послужить к успокоению Мама.—Зато я не могу быть довольно благодарным за это посещение. Не смею спросить об успехе моей просьбы²⁶; но с трепетом и надеждою ожидаю ответа. В случае удачи боюсь от радости вскочить до потолка и разбить себе голову. Обнимаю вас миллионы раз и прошу то же учинить с Мама, бишками, Борщом. Обнимите Шотена, Ивана Ивановича.—Кланяйтесь Ленцу. Что делает музыка?—Поклонитесь графине и графу; отца обнимите²⁷.

Иосиф—сестре Софье²⁸

№ 5

8 декабря. Рим. Суббота.

Сегодня день почтовый, и я не хочу его пропустить. Для меня так отрадно быть в состоянии теперь с вами всеми беседовать, что во мне родилась страсть писать. Коричке и Кухарочке единственной я пишу по вторникам.—Все идет хорошо, кроме носокопания, которое сильно в действии, когда нечего делать, то есть когда нельзя ничего не делать. Отец и сын продолжают сие занятие. И часто случается, что когда он у меня сидит, то 22⁴вухлетний и 50^{ти}летний пальцы в одно и то же время отыскивают в носу золото с весьма озабоченной миной, молча, точно как будто бы дело шло о судьбе Европы. Я раз не мог удержаться от смеха и рассмеялся, причем мы вспомнили, что Кухарочка нас за это бы пощелкала по рукам. Это первое письмо, которое я пишу стоя; и теперь писать для меня не отягощение, между тем как прежде каждое письмо мне чего-нибудь стоило. Это большой шаг вперед. Время пасмурно, то есть как у нас в сентябре, и я сижу дома. Ты меня спрашиваешь, не превзошла ли красота Италии твое воображение. До сих пор я в восхищении от климата; от природы не очень; между Civita Vecchia и Римом такая пустыня, что подобную только найдешь в Вологодской губернии; даже нет дерев. Кустарник и бутки часовых для разбойников. Ты совершенно права, что в Италии надобно искать одно прошедшее, воспоминания и искусства. Настоящее жалко и раздирает сердце. Мне, однакож, хочется коротко с нею познакомиться; теперь я дописываю свой журнал, который был у меня запущен с 28 июня. Не шутка написать пять месяцев. После этого намереваюсь прочесть Библию²⁹, а потом примусь за Италию. Очень вам благодарен за itinéraire³⁰, для меня составленный.

²⁶ Возможно, речь идет о переговорах по приобретению библиотеки госпожи Гоч; см. дальнейшие письма к дяде.

²⁷ Шуваловым.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 48. Картон 65. № 8. Л. 10. На обороте письма (л. 10 об.) пометка—№ 5 и адрес: «Russie St. Petersbourg. Ее сиятельству графине Софии Михайловне Виельгорской в С. Петербурге в доме Кутузова на Михайловской площади». Почтовый штемпель получения: «38 дек. 20 Утро».

²⁹ Вероятно, присланную сестрами по его просьбе, которая была высказана ранее и повторена в письме к Софье от 19 октября 1838 г.

³⁰ Здесь—маршрут путешествия с краткими описаниями достопримечательностей (фр.).

Жаль, что обстоятельства его сделали ненужным. Столетний год Старика мне напомнил семейные праздники³¹, пожалуста, пришли список³²; я хоть издалека буду пить за ваше здоровье и припоминать вас. Обнимаю тебя столько раз, сколько камней в Риме, и столько же раз обними Коричку, Moelle, супругу, Столетнего и Борща. Поклонись Волковым и Шуваловым. Наталье Яковлевне, Блудовой³³ и всем знакомым.

Получили ли мой несчастный Herbarium³⁴?

Прямое назначение комической зарисовки «носокопания» в этом письме состояло лишь в том, чтобы повеселить Софи. Но косвенно она свидетельствует о непринужденной теплоте отношений Жозефа с отцом, установившейся в те дни — возможно, впервые со времен луизинской и сенницкой идилии. Характерно, что и тот и другой в письмах говорят о себе «мы», в шутку приписывая себе некие общие действия — даже такие невероятные, как курение, упомянутое в письме Михаила Юрьевича к Жуковскому от 8/20 ноября (едва ли чахоточный мог курить). Уже четыре месяца они были неразлучны. Болезнь сжала мир Иосифа практически до пределов занимаемой им квартиры, но отец, очевидно, умел смягчать его неизбежную в этом случае раздражительность. По всей вероятности, обращение Михаила Юрьевича с детьми было в принципе лишено специфически «воспитательного» элемента. О его органическом неумении читать нотации красноречиво свидетельствует следующий рассказ Соллогуба:

Я, каюсь, не родился домоседом и часто злоупотреблял слабостью, свойственной всем пишущим людям, шататься всюду и везде. Теща моя, графиня Луиза Карловна, как это было известно всему Петербургу, сильно ко мне не благоволила, но так как я не обращал внимания на ее замечания, она поручила своему добрейшему мужу, моему тестю, сделать мне выговор по случаю моих поздних возвращений домой. Это обстоятельство несколько затрудняло Михаила Юрьевича, так как он сам, несмотря на свои почтенные лета, широко пользовался всякого

³¹ Речь идет о дне рождения Аполлинару, которой 15 октября исполнилось двадцать лет. Празднование, очевидно, сопровождалось домашним концертом.

³² Т. е. описание торжества.

³³ Вероятно, имеется в виду А. А. Блудова.

³⁴ Гербарий (нем.). Видимо, речь идет о коллекции засушенных растений, собиранием которой Иосиф занимался в Комо. Интерес к ботанике был свойствен и его сестре Софье — ср. письмо к ней Гоголя (от 30 июля 1849 г.) с упоминанием о ее травнике (Гоголь. Т. 14. М.; Л., 1952. С. 143).

рода приятными развлечениями. Тем не менее, граф Виельгорский вошел ко мне однажды в кабинет и, насупившись, сказал мне недовольным голосом:

— Послушай, однако, Владимир, это ни на что не похоже! Тебя целыми вечерами до поздней ночи не бывает дома. Ну, вчера, например, в котором часу ты вернулся домой?..

— Да за полчаса, я думаю, до вашего возвращения, Михаил Юрьевич,—ответил я ему, невольно усмехнувшись.

Он прикусил губы и ничего мне на это не ответил, но уже с тех пор никогда более не делал мне никакого рода замечаний³⁵.

Виельгорский-старший был наделен исключительным даром светского общения, естественно ориентировавшим его на зрелого собеседника. Сын стал ему по-настоящему интересен, только повзрослев. Однако дневниковые записи Жозефа начала 1838 г. свидетельствуют о том, что его отношения с отцом по-прежнему были достаточно поверхностными: между ними не происходило таких доверительных разговоров, которые юноша вел с Мама, на половине отца он лишь участвовал в общей беседе. Все время Михаила Юрьевича поглощали придворные, светские и его любимые музыкальные занятия, а Жозеф был погружен в свои заботы, и только болезнь, изменив привычный ход вещей, повернула отца и сына лицом друг к другу.

Между тем жизнь, окружавшая Виельгорских в Риме, отнюдь не была бедна событиями, хотя большая их часть проходила мимо Жозефа. Так, 15 декабря праздновала свой день рождения З. А. Волконская. Вряд ли Михаил Юрьевич упустил возможность ее поздравить, однако Иосиф, судя по написанному им в тот же день письму, не покидал дома на виа деи Понтефичи.

Иосиф—сестре Анне³⁶

Рим. 15 декабря. 1838.

Благодарю тебя за два твоих письма, бесценная супруга. Твой муж, однако, все не согласен с твоими словами о том, что ты маленького роста, уродлива, противна, что у тебя слоновьи ноги. Это все враки, которые ты любишь мне рассказывать, как будто я тебя не знаю и выбрал в жены маленькую противную дурнуш-

³⁵ Соллогуб. С. 402—403.

³⁶ ПД. Ф. 50. № 73. Л. 12—12 об. Оригинал по-французски. Адрес: «№ 3. St. Petersburg Russie. Par Berlin. Ее сиятельству графине Анне Михайловне Виельгорской в С. Петербурге. В доме Кутузова на Михайловской площади» (л. 12 об.).

ку с ножищами, как у слона. Известно ли тебе, что я бегал как несчастный по всему Петербургу, отыскивая себе супругу, и не нашел никого достойного; я уже совсем было впал в отчаяние, когда познакомился с семейством Рыцаря; его дочери Алиса и Бланш и особенно его сыновья Бодерик и Артур много рассказывали мне про тебя — называя тебя очаровательной девицей и образцом всех добродетелей. Однако действительность превзошла мои ожидания, я словно окаменел при виде такой красоты, грации, скромности, достоинства, стыдливости, предупредительности, естественности, снисходительности, любезности... одним словом, мне не перечислить всех достоинств моей возлюбленной супруги. И ко всему прочему, она любит своего мужа, что не так часто случается в супружестве. Что же касается Аполи и Софи, мы постараемся устроить их судьбу наилучшим образом. Полагаю, что Артур и Бодерик прекрасно подойдут им. Впрочем, мы займемся всем этим, когда ты приедешь в Рим. Я бы хотел обратиться с весьма деликатным вопросом к моей супруге, прося ее отвечать мне искренне, как и следует отвечать супругу, который любит ее бесконечно. Остались еще следы впечатления, произведенного на мою супругу неким молодым человеком норвежского происхождения³⁷? Не хочет ли она что-нибудь об этом рассказать? С трепетом буду ожидать ответа, ибо интерес, который она ему выказывала, зашел так далеко, что я не мог смотреть на это без ревности.— Ты мне сообщаешь, что некая особа «забрала себе в голову время от времени оказывать мне внимание, что не доставляет мне никакого удовольствия». Вот какова поистине должна быть супруга; когда же она оказывает внимание другим, то ведет себя не так, как должно, и тем огорчает своего супруга. Я не мог исполнить твоей комиссии графине Воронцовой, Мари и Darling³⁸, потому что не проезжал через Флоренцию; мне сказали, что она собирается приехать сюда; в этом случае все будет исполнено. Поцелуй как следует Лулу, Фалеза, твоих невесток и деверя³⁹. Обними Барнет, уверь в моих лучших чувствах *how innocent she looks*⁴⁰. Поцелуй за меня все семейство Рыцаря; осыпай тебя поцелуями со всей нежностью, которую может питать муж к лучшей и совершеннейшей из супругов.

Скажи, пожалуйста, Софи вот что: поскольку она стала нумеровать свои письма, то лучше ей менять нумерацию так, чтобы указывать общий счет своих писем. То есть так называемое письмо №1 от 26 октября будет №14, потому что это четырнадцатое письмо, полученное мною от нее; №2 будет №15, №3—№16, и так далее. Монстру⁴¹ же передай, чтоб не забывал выставлять номера на письмах; он пишет Папа, что письмо от 26 октября—первое, и при этом забывает поставить цифру; скажи ему, что его письмо от 26 октября, то есть №1,—одиннадцатое из полученных мной, то есть его №1 будет 11, №2—12 и проч. Письмо №2 написано

³⁷ Скорее всего, имеется в виду норвежский скрипач Оле Буль.

³⁸ Дорогая (англ.). Неустановленное лицо.

³⁹ Т. е. сестер и брата Михаила (продолжение игры в «супругов» с Анной).

⁴⁰ Неустановленное лицо.

⁴¹ Мише.

11 ноября. Сказавши им все это, поцелуй их от меня как следует, и пусть они тебя расцелуют за меня.

Тем временем Жозеф продолжал хлопотать о приобретении картин из коллекции И. Я. Смирнова. Дела, однако, пошли не так хорошо, как он ожидал: за один только холст владелец запросил сумму, которой юноша явно не располагал. Однако Иосиф был так воодушевлен, что не хотел отступать. Забыв о своем желании сохранить находку в тайне, он с восхищением описывал картины Барятинскому.

Из письма Иосифа к А. И. Барятинскому⁴²

[Декабрь 1838]

1-ая [картина], портрет боярина Микулина, посла нашего в Лондоне в 1600 году, он очень хорошо сохранен и прекрасной работы⁴³; 2-ая, когда татары около 1570 года наводнили Россию, царь Иоанн Грозный собирался бежать в Новгород и просил королеву Елисавету дать ему убежище в Англии и отыскать невесту; тогда был сделан портрет его и отправлен в Лондон. По всем справкам это должен быть тот же самый портрет; он хорошо сделан и хорошо сохранен. Следовательно, это первый русский портрет существующий⁴⁴! 3-я, самая большая драгоценность в отношении костюма, картина, представляющая князя Прозоровского, посла нашего в Лондоне (при Михаиле Феодоровиче), с своими сыновьями⁴⁵. Здесь видна вся пышность и великолепие боярского костюма; один из сыновей подает

⁴² Цит. по: Зиссерман. С. 31.

⁴³ Речь идет об известном портрете думного дьяка Г. И. Микулина, прибывшего в Англию в 1600 г. с сообщением о восшествии на престол Бориса Годунова. В 1843 г. этот портрет был передан Смирновым канцлеру К. В. Нессельроде, который принес его в дар Московскому главному архиву министерства иностранных дел. Картина, написанная на доске, при пересылке в Россию была повреждена, формат ее несколько сократился вследствие обрезки (об этом см.: Чарыков Н. В. Посольство в Англию дворянина Г. Микулина... М., 1878). В настоящее время она находится в коллекции Государственного Исторического музея.

⁴⁴ Этот портрет не удается с уверенностью идентифицировать ни с одним известным изображением Ивана IV. Очевидно, картина, находившаяся в собрании Смирнова, затерялась. Переговоры о возможном браке царя с Мэри Гастингс, родственницей английской королевы Елизаветы I, происходили в 1582 г.

⁴⁵ Несомненно, имеется в виду групповой портрет членов русского посольства в Англию в 1662 г. под руководством П. С. Прозоровского. На картине имеется надпись: «Князь Петр Семенович Прозоровский, стольник и наместник тульский» (о Прозоровском, его посольстве и портрете см.: Лодыженский А. Н. Посольство в Англию князя Прозоровского. СПб., 1880).

ему шапку, другой жезл; видны все подробности кафтана, рубашки, унизированной жемчугом, шапки, покрытой дорогими камнями; работа удивительная. Это неопенимая редкость. Я окаменел, когда увидел⁴⁶. Это одна картина, которую наш консул в Генуе Смирнов продает и хочет за нее 8000 франков⁴⁷ наличными деньгами. С другими он расстаться не хочет. Все три он нашел в Лондоне у антиквара, который хотел их замазать, не понимая букв, которые на них назначены. На картине Прозоровского есть описание оной славянскими буквами. Что скажешь? Я равнодушно об этом не могу думать... Между тем я здесь собрал до 50 сочинений латинских и итальянских. Ты их у меня увидишь. Одно 1557 г., другое 1600 г. с картинами русскими⁴⁸.

До встречи с Барятинским оставались считанные дни, но Иосиф спешил заранее уведомить его о возникших затруднениях—вероятно, в надежде, что тот до прибытия в Рим успеет что-нибудь придумать. Средства, находившиеся в распоряжении князя, значительно превосходили ресурсы молодого Виельгорского, и если бы обнаруженные Жозефом редкости заинтересовали его, он мог бы, вероятно, взять на себя приобретение хотя бы одного портрета. Однако покупка не состоялась. Может быть, продавец и покупатель не сошлись в цене, а может, Смирнов передумал расстаться со своим сокровищем⁴⁹.

⁴⁶ Ср. впечатления профессионального историка, коллекционера М. П. Погодина, которому Смирнов показывал те же самые картины 20 апреля 1839 г.: «С любопытством рассматривал прекрасные портреты, приобретенные (...) на аукционах в Лондоне: Иоанна Грозного, посла Никулина (sic!) и стольника Прозоровского работы современных английских мастеров. Это драгоценности» (Погодин. С. 189).

⁴⁷ Около 2000 руб. серебром.

⁴⁸ Речь, очевидно, идет о сборнике «*Rerum Moscovitarum auctores varii, unum in corpus nunc primum congesti*» (Francofurti, 1600, in fol.) и об антверпенском издании книги С. Герберштейна «*Rerum Moskovitarum commentarii*» (Antverpiae, 1557, in fol.).

⁴⁹ Ныне портрет Прозоровского и его товарищей находится в Государственном Русском музее, куда он поступил после революции в составе коллекции семейства Дурново. М. В. Дурново унаследовала это полотно от своего отца, князя В. В. Кочубея. Каким образом портрет оказался в руках Кочубея, неясно. Считается, что он был приобретен в Лондоне, но возможно, что таким образом в памяти владелицы преломился рассказ о происхождении картины, на самом деле купленной у Смирнова. В 1870 г. полотно экспонировалось на выставке исторических портретов в Петербурге, причем сообщалось, что на нем изображен русский посол при одном из итальянских дворов со своими сыновьями.

Поздно вечером 16 декабря великий князь со свитой въехал в Рим. Состояние Жозефа не позволяло ему выходить из дома, и Михаил Юрьевич один отправился встречать вновь прибывших. В тот же день в письме к отцу, извещающем о благополучном прибытии в Рим, наследник отметил: «Покуда видел только Д. В. Васильчикова и Михаила Виельгорского, Иосифу немного, кажется, лучше»⁵⁰. Наследник судил по словам графа, а тот сообщил его высочеству то же, что ранее писал Жуковскому и во что ему самому отчаянно хотелось верить—Иосифу лучше, он поправится. Но когда на завтра Александр Николаевич сам побывал на виа деи Понтефичи, его впечатления оказались не столь отрадны: «Поутру видел бедного Иосифа Виел(горского), лицом, я нахожу, он поправился, но чрезвычайно слаб и жалуется на грудную боль, боюсь я за него очень»⁵¹. В своем дневнике великий князь сделал в тот же день еще более грустную запись: «Я еще был у бедного Иосифа Виельгорского, он все в том же положении, за него очень боятся»⁵². Во все время пребывания в Риме наследник продолжал оказывать Жозефу подчеркнутое внимание. Михаил Юрьевич несколько раз обедал с ним, а сам великий князь бывал в квартире Виельгорских, навещая больного, и в письмах в Петербург исправно уведомлял об этом. Надо полагать, что получаемые от него сведения были предназначены, в частности, для передачи Луизе Карловне. Впрочем, Александр был всегда очень лаконичен, сообщая обычно только о том, что «бедному Виельгорскому» «немного лучше». Вряд ли он действительно замечал какие-либо перемены в состоянии Иосифа; скорее, им двигало сочувствие к товарищу, непритворное желание, чтобы тот поправился, наконец, просто обычный юношеский оптимизм.

Из всех сопровождавших наследника лиц самым близким к Виельгорским оставался Жуковский. Свой второй вечер в Риме поэт проводит в их обществе; визиты к ним отмечены в его дневнике также 20 и 24 декабря, а 29-го он застал у Виельгорских московского любителя старины А. Д. Черткова⁵³. По-видимому, в квартире на виа деи Понтефичи посетители бывали постоянно, отца и сына навещали Волконская и гостившие у нее супруги Шевыревы (незадолго до этого приехавшие из Германии, где им уже довелось встретиться с Виельгорски-

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1562. Л. 85.

⁵¹ Там же. Л. 87.

⁵² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 288. Л. 104 об. (запись от 5/17 декабря).

⁵³ Дневники Жуковского. С. 454.

ми на эмских водах), графиня А. А. Толстая с сыном Алексеем, первый секретарь русского посольства П. И. Кривцов, женатый на Е. Н. Репниной; нередко к ним присоединялся М. В. Кочубей—другой обитатель того же дома. В компании с ними Михаил Юрьевич подчас выбирался в город—так, вечером 1 января он вместе с Кривцовым возил Жуковского в Колизей⁵⁴. Однако постоянным спутником и чичероне поэта в прогулках по городу был Гоголь.

На время пребывания великого князя в Риме гостиная Виельгорских превратилась в своего рода клуб, где русские римляне могли общаться с приезжими соотечественниками вне официальной обстановки посольства или великокняжеской резиденции и вдали от атмосферы прозелитизма, характерной для салона Волконской.

Упоминание о Гоголе появляется в записной книжке Иосифа Виельгорского 20 декабря: «Ливен. О Пизе. Саша. Le grand duc protecteur des amours⁵⁵. Потемкин. *Гоголь*. Открытие нового Корреджио. Процесс. Мертвые Души»⁵⁶. Имя писателя подчеркнуто; возможно, в тот день он вновь читал у Виельгорских поэму—на этот раз в присутствии членов свиты наследника (и, возможно, его самого), а также русского посланника в Риме И. А. Потемкина. По предположению В. И. Шенрока, опубликовавшего эту запись, под «новым Корреджио» подразумевается А. А. Иванов, о котором Гоголь мог рассказывать своим высокопоставленным слушателям. Впрочем, эта гипотеза ничем не подтверждена; не исключено, что речь шла просто об обнаружении новой, ранее неизвестной работы Корреджио и связанном с этим судебном разбирательстве («процесс»). Так, Жуковский отметил в дневнике, что накануне осматривал вместе с Гоголем «проданные картины», среди которых была «корреджиева Магдалина»⁵⁷.

Навестив Жозефа спустя два дня, Александр Николаевич сообщал отцу: «Я опять был у бедного Виельгорского, его стали гомеопатиче-

⁵⁴ Там же. С. 455.

⁵⁵ Великий князь покровительствует волокитству (фр.). Очевидно, речь идет о нравах молодых людей из окружения наследника, ср. замечание Жуковского об одном из них: «Паткуль ловелас» (Там же. С. 441; запись от 3 декабря 1838 г. в Венеции).

⁵⁶ Цит. по: Шенрок В. И. Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839—1849 // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 449.

⁵⁷ Дневники Жуковского. С. 447.

ски лечить, и доктор имеет еще надежду, дай Бог, чтобы он не ошибся»⁵⁸. Таинственный метод воздействия на человеческий организм при помощи сверхмалых доз лекарства, вероятно, внушал особую надежду Михаилу Юрьевичу; его мирозозерцанию наверняка была близка мысль о таком почти нематериальном лечении—с использованием практически одной «идеи» снадобья. В роли врача выступил гомеопат-любитель Броун, вернувшийся в Рим после недолгого отсутствия. Уже 30 декабря наследник, искренне желавший увидеть быстрые перемены в состоянии здоровья товарища, писал: «Был у Виельгорского, которому, кажется, несколько лучше»⁵⁹.

И все-таки Жозефу пока не хватало сил даже для того, чтобы осмотреть город. Между тем *виа деи Понтефичи*, расположенная между оживленными улицами Корсо и Рипетта в густонаселенной части города, выросшей на месте древнего Марсова поля, представляла собой довольно удобный отправной пункт для экскурсий. Совсем рядом находились развалины огромного мавзолея Августа, чуть дальше—пiazza дель Пополо и холм Монте Пинчио с его парком—излюбленное место гуляния как римлян, так и туристов, привлекаемых великолепным видом на город. Этим видом Иосиф пока и довольствовался. Погода не благоприятствовала прогулкам больного; вопреки надеждам на мягкость римского климата стояли необычайно холодные дни, и Виельгорские в своем доме без печей встретили новый 1839 год далеко не в самых комфортных условиях. Впрочем, Жозеф по обыкновению бодрился. Скуку его вынужденного заточения скрашивали визиты Е. Г. Чертковой, заботы и внимание которой восполняли ему явный недостаток женского участия. Юноша не мог не оценить редкой самоотверженности Lise, которая добровольно лишала себя многих удовольствий и развлечений ради того, чтобы проводить время в обществе больного.

Иосиф—сестре Софье⁶⁰

№ 6

Рим. 4 января. 1839.

Я получил твои письма от 1ого до 5ого № и прошу тебя выставить вместо 10го на прим. № 23, оттого, что твой 1^й №—четырнадцатое письмо, мною полученное.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1562. Л. 90.

⁵⁹ Там же. Л. 95.

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 8. Л. 13—14. На конверте надпись: «*pour Biche la 2nde.*» (2-й бишке—фр.).

Я уже тебе писал об этом, дражайшая бишь, через супругу, но для большей верности повторяю. Все, что ты мне пишешь про Taglioni⁶¹, доказывает, что великие таланты более и более нравятся и тем более доставляют удовольствие, чем более с ними знакомишься, то же с произведениями искусства; в Париже давали для дебюта нового тенора Марио (он дворянин итальянский и весьма богат. De Candia) 178⁰⁰ представление Роберта; l'opéra de Meyerbeer, говорят журналы, а été accueilli avec le même enthousiasme qu'aux premières représentations; on a cru entendre un nouvel opéra⁶². Говорят, что вы будете иметь счастье слышать Тальберга⁶³; вот предмет, о котором, надеюсь, ты мне много напишешь, прибавив мнение Ивана Ивановича⁶⁴. Я все сижу в своей комнате; выезжал только два раза на Monte Pincio и во второй раз заметил, что весь тротуар около piazza di popolo непроходим от неких кучек неблаговоных; такого свинства и нечистоты я не воображал; маймисты чище итальянцев⁶⁵; на улице творят то, чего мы стыдимся делать одни в уголку, взаперти. Жуков(ский), увидев однажды человека в некотором положении, остановил карету и поклонился ему с улыбкою и делая kiss-hand⁶⁶. Человек этот так сконфузился, что не знал, куда деваться, и рассмешил до слез Василия Андреевича своей испуганной рожей. А Италия именно страна, где могла бы существовать величайшая опрятность. Я здесь очень часто вижу Lise Черткову, которая всех вас обнимает; она бывает у меня каждый вечер и холит меня как брата; я в Эмсе видел жену Захара, урожденную Теплову⁶⁷, которую Папа очень знает; она очень дружна с Lise; мы часто говорили об вас; j'aurai voulu élever mes en-

⁶¹ 23 ноября 1838 г. в Петербурге состоялась премьера нового балета «Гитана, Испанская цыганка» (музыка Д. Ф. Обера и И. Ф. Шмидта, сценарий и хореография Ф. Тальони). Театральный сезон 1838/1839 гг. закончился 5 февраля, после чего балерина на время Великого поста отправилась на гастроли в Вену и Париж.

⁶² Граф Марио ди Кандиа, певец-любитель, впервые выступил на профессиональной сцене в роли Роберта. Перевод: Опера Мейербера был принята публикой с таким же энтузиазмом, как при первых представлениях; нам казалось, что мы слушаем новую оперу (фр.).

⁶³ Первый концерт пианиста С. Тальберга в Петербурге состоялся 22 февраля 1839 г.

⁶⁴ Рейнгардта.

⁶⁵ Маймисты (от эстонского «эй мойста» — не знаю, не понимаю) — специфическое петербургское прозвище чухонцев, быт которых ассоциировался с нищетой и грязью.

⁶⁶ воздушный поцелуй (англ.). Повсеместная грязь, неприятно поражавшая путешественников, посещавших в то время Рим, была следствием официального разрешения справлять нужду прямо на улицах, а также привычки горожан попросту выплескивать помой из окон, что делало перемещение по тротуарам весьма небезопасным.

⁶⁷ Речь идет о жене З. Г. Чернышева Екатерине Алексеевне.

fans, сказала она, comme la comtesse Louise a élevé les siens⁶⁸. Ты можешь сказать это Кухарочке, хотя я боюсь, что это только усилит порки купидонов.—Что делает графиня Шувалова и отец мой. Скажи ему, чтоб он говорил по-русски, когда я назад приеду, а то я его знать не хочу.

Прощай, бесценная бишь, целую все твое, кроме пальца, которого не люблю, хотя он в большой faveur⁶⁹ у супруги. Надеюсь, что корь оставила кутузовский дом; и что ты можешь без страха обнимать moelle. Целую тебя от сердца и поручаю то же сделать со всеми. Бог тебя да сохранит.

Находясь за границей и пользуясь в быту новым стилем, русские тем не менее продолжали измерять свою жизнь по привычному юлианскому календарю. Встречая в своем кругу православные праздники, они живее ощущали свою связь с родиной. Характерно, что наследник со свитой никак не отмечал наступление католического Нового года. Зато в сочельник православного Рождества (24 декабря/6 января) вся русская колония встретила на службе в посольской церкви. Жуковский в этот день счел необходимым заехать к Виельгорским—видимо, потому, что Жозеф не мог вместе с ним и с отцом отправиться ко всенощной. Помимо Иосифа в тот праздничный день на службе, по-видимому, не присутствовал еще один больной. Шестидесятипятилетний генерал-адъютант князь Ливен, сопровождавший наследника, занемог за несколько дней до Рождества. 10 января 1839 г. он скончался, а два дня спустя, в канун русского Нового года, его с воинскими почестями хоронили на римском Протестантском кладбище. Однако торжественность церемонии погребения спровоцировала политический скандал. Папское правительство было шокировано некорректностью формулировки в повестках, разосланных представителям дипломатического корпуса. Напряжения добавило бестактное поведение австрийского посланника графа Люцова, первоначально отказавшегося присутствовать на похоронах. О подлинных причинах недовольствия дипломата догадаться несложно—в чрезмерном, с его точки зрения, восторге, с которым итальянцы принимали русского наследника, он не без основания усматривал демонстрацию ненависти к Австрии.

Эти политические дразги, конечно же, были предметом разговоров в доме Виельгорских (Михаил Юрьевич наверняка присутствовал на похоронах Ливена), однако Жозефа значительно больше волновало то,

⁶⁸ Я бы желала воспитать своих детей так же, как графиня Луиза воспитала своих (фр.).

⁶⁹ милости (фр.)

что происходило в это время в Петербурге. По всей видимости, он уже перестал скрывать свои материальные затруднения, и родные, стремясь успокоить его, взяли на себя выплату долгов. Но Иосиф с упрямством и раздражительностью, свойственными больному, продолжал настаивать на том, чтобы для него непременно была куплена библиотека госпожи Гоч. Финансовыми и хозяйственными делами семьи ведал дядя⁷⁰; ему Жозеф и адресовал свои нетерпеливые требования ускорить приобретение вожеленного собрания. По просьбе Матвея Юрьевича роль комиссионера в этом деле принял на себя петербургский приятель Виельгорских, юрист и музыковед В. Ф. Ленц, однако беглый осмотр библиотеки сразу же заставил его усомниться в ее ценности, о чем он не преминул сообщить самому Иосифу. Юноша был взбешен.

Иосиф — дяде⁷¹

Рим. 12 января. 1839. Суббота.

Ленц мне написал такой вздор, что мне стало стыдно за него; когда осматриваешь библиотеку, так осматриваешь толком, то есть по каталогу, а не так, чтоб хватить два тома и сказать, что библиотека не стоит 25-ти рублей. Следственно, я набитый болван, что мог желать купить такую библиотеку).— Вздор писать очень легко. Вот в чем состоит этот вздор. 1. Ленц уверяет, что библиотека) состоит из 700—800 томов. Честь имею доложить, что она состоит из 4555 (томов). 2. Ленц уверяет, что нет ни одной рукописи далее 1700 года.—Честь им(ею) дол(ожить), что большею частию рукописи XVIII-ого стол(етия), а есть и 16ого, и 15ого, и, если не ошибаюсь, 2 или 3 14ого, что величайшая редкость. 3. Ленц уверяет, что биб(лиотека) не стоит 25 рублей.—А я честь имею уведомить, что за «Путешествие» Chappe d'Auteroche en Sibérie, 3 vol. fol. et cartes⁷², которое там находится, с меня требуют в Берлине 50 талеров. 4. Ленц уверяет), что Гоч просит 22,000, а вы

⁷⁰ Матвей Юрьевич выделялся среди всех Виельгорских наиболее практическим складом ума, поэтому по выходе в отставку сделался «экономом» семейства. Он настолько успешно управлял имениями, что вскоре после замужества Софьи ему было вверено и попечение о поместьях В. А. Соллогуба (см. об этом: Инсарский. С. 302). Во владениях Виельгорских в Рязанской, Курской и Пензенской губерниях на широкую ногу было поставлено выращивание гречихи и производство гречневой крупы, один из сортов которой (продел) еще в 1910-х гг. носил название «велгурка» («велигурка»).

⁷¹ ПД. Ф. 50. № 72. Л. 2—3 об.

⁷² Книга аббата Шапп д'Отроша «Voyage en Sibérie» (Paris, 1768), содержавшая резкие оценки увиденного в России, приобрела широкую известность благодаря полемической брошюре «Antidote» (1770), принадлежавшей перу Екатерины II.

мне пишете—10,000. 5. Ленц не имеет понятия о цене, достоинстве и важности русских книг, никакого понятия о славянских рукописях и говорит: «Je ne sais rien en bibliothèques; celle-là ne vaut rien»⁷³. 6. Полторацкий заплатил за два тома (первые газеты в России) 1000 рублей, следственно, Гоч очень знает цену своим книгам. 7. 10,000 рублей дают цену 2 рубля и несколько копеек за том; а если вы у Смирдина купите старых книг 100 или 200 по 2 рубля, я себе даю голову срубить. 8. Библиотеку осматривают с каталогом, а чтоб судить о библиотеке, прочитывают каталог с начала до конца. Ленц («j'ai une grande expérience des bibliothèques»⁷⁴), может быть, это забыл; так вы ему это скажите.—А отвечать ему я даже не буду, потому что от начала до конца письма его—сущий вздор. Я вовсе не того мнения, что надобно бросаться в покупку сломя голову и как ни попало; я очень вас благодарю, бесценный Дёнок, что вы поступаете осторожно и боитесь быть обманутым. Ленцу, видно, было очень холодно, так он и решился вздор написать, чтоб отбить у меня охоту к покупке⁷⁵. Но он вовсе меня не испугал. Пожалуйста, отыщите каталог; Папа говорит, что он его отдал Гоч, впрочем, может быть, что он забыл его у себя. Имея каталог, почти нет надобности ходить в библиотеку, разве только для проверки. Что касается до каталога Сухтелена в 20 томах folio, о котором вы мне пишете, я никогда не помышлял и не думал, что он существует. Я вас просил об каталоге князя Александра Лобанова⁷⁶, он в одном томе и, следственно, не очень велик для переписки. Благодарю вас за книжку Муравьева⁷⁷, интересную, но весьма поверхностную, как все это он пишет. Здоровье подвигается медленно; кашель в том же положении; аппетит коликой⁷⁸ исчез, и потому вам нечего опа-

⁷³ Я разбираюсь в библиотеках; эта ничего не стоит (фр.).

⁷⁴ Я знаток библиотек (фр.).

⁷⁵ М. А. Веневитинов вспоминал о В. Ф. Ленце: «Коньками его были: римское право, немецкая и латинская грамматики, мнемоника, игра на фортепиано, музыкальные познания, удивительные сведения в библиографии сочинений Бетховена, топографии Швейцарии и Индии и рассказы о его знакомстве с французским романистом Бальзаком. Он был не лишен остроумия и как один из приятнейших собеседников был хорошо принят у Виельгорских, где, однако, иногда возбуждал невольную веселость оригинальностью своей фигуры и выходок. Об этой оригинальности, вероятно, не забыли посетители петербургских концертов Музыкального общества, где Ленц всегда возбуждал внимание своим восторгом при исполнении произведений Бетховена. Он подпрыгивал на стуле, вскрикивал от восхищения, аплодировал среди пьесы и т. д.» (РС. 1886. № 11. С. 487).

⁷⁶ Известен печатный каталог собрания географических карт (1823), принадлежавшего А. Я. Лобанову-Ростовскому: *Catalogue des cartes géographiques, topographiques et marines de la bibliothèque du prince Alexandre Labanoff de Rostoff à Saint-Petersbourg. Suivi d'une notice de manuscrits.* Paris, 1823.

⁷⁷ Очевидно, имеется в виду сочинение А. Н. Муравьева «Письма о спасении мира Сыном Божиим» (СПб., 1839).

⁷⁸ Т. е. чрезмерный.

саться; я ем чрезвычайно мало. Недостаток воздуха и движения, вероятно, тому причина. Вы, вероятно, в больших хлопотах; покупка и устройство дворца не безделица⁷⁹, этот год будет для вас хлопотлив, не считая обыкновенных зимних хлопот, концертов и проч. Ожидаем с нетерпением известий об окончании кори, особенно для Мама, для которой это новое мучение. Поклонитесь, пожалуйста, графу и особенно графине Шуваловой и напишите мне, каково она себя чувствует, обнимите отца и дядю и поклонитесь тетушкам⁸⁰. Не забудьте Волковых; что делает скрипка Сережи⁸¹ и что делает музыка? Если можете, обнимите Мама, сестер, бушара⁸², Шотена и поклонитесь всем знакомым, в особенности Ивану Ивановичу. Прощайте. Обнимаю вас от всего сердца. Графиня Толстая и (Lise)Черткова вам очень кланяются.

Неизвестно, состоялась ли в конце концов покупка собрания Гоч. Мгновенная вспышка негодования Иосифа миновала, никак не омрачив его отношений с родными и даже с Ленцем. И что бы ни происходило, «дражайшая супруга» по обыкновению получала от Жозефа в высшей степени галантные послания.

Иосиф — сестре Анне⁸³

Рим. 15 января 1839. Вторник.

Хоть я еще и не получил ответа от дражайшей супруги, пишу ей сам, ибо знаю, что она больна и молчание ее нельзя приписать ничему иному, кроме кори. Надеюсь, что сейчас несравненная Церлина скачет, играет, танцует с обычной

⁷⁹ Скорее всего, Матв. Ю. Виельгорский еще до официального назначения исполнял обязанности управляющего двором великой княжны Марии Николаевны, образуемым по случаю ее предстоящего вступления в брак. В его ведении находилось, очевидно, сооружение Мариинского дворца, где предстояло жить молодым. Для этой цели был приобретен бывший дворец Чернышевых на Исаакиевской площади, в то время занимаемый школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Здание было перестроено в 1839—1844 гг. по проекту А. И. Штакеншнейдера.

⁸⁰ Шутливые прозвища детей Шуваловых. Напомним, что Павел играл по отношению к Жозефу роль «отца», следовательно, его брат Петр доводился Виельгорскому «дядей», а сестры — «тетками».

⁸¹ С. С. Волков был музыкантом-любителем, играл на скрипке и альте (последний, работы А. Страдивари, происходил из коллекции Виельгорских).

⁸² Прозвище брата Миши — по предположению М. С. Волковой, от фр. boucharde (долото скульптора, чекан). См.: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 5. Л. 4 об.

⁸³ ПД. Ф. 50. № 73. Л. 13—13 об. Оригинал по-французски.

своей легкостью и грацией; воображение рисует мне этот красивый профиль, выразительные и полные доброты глаза, стройный и гибкий стан, маленькие обворожительные ножки — и я с грустью говорю себе, что счастье наслаждаться этими чарами выпало другим. Надеюсь, что клавикорды, пение, учение, н... и о...⁸⁴ не забыты. Впрочем, когда супруга воссоединится со своим супругом, сей последний позаботится о некоторых вещах и не позволит, чтобы ими пренебрегали. Декабрь должен быть весьма печален в доме Картузова⁸⁵. Все лежат пластом, все больны, одна Мама ходит от одной постели к другой и не имеет минуты покоя. Я хотел было послать вам подарки к Новому году, но поскольку здесь не нашлось ничего красивого, мне пришлось отказаться от этого намерения. Мари Воронцовой здесь нет, она осталась во Флоренции, и потому я не мог исполнить твоих поручений, но не замедлю это сделать, как только она приедет. Лиза Черткова навещает меня ежедневно и много говорит о тебе. Твои письма ее пленили; каждый раз она спрашивает, нет ли у меня новых. Прошу тебя, пиши мне почаще. Ты знаешь, какое удовольствие ты мне этим доставляешь; надеюсь, что вскоре ты сможешь вновь взяться за перо. Обними Роума и Шотена. Скажи мое почтение Шуваловым, отцу и другим малышам, Ивану Ивановичу. — В каких ты отношениях с Джотто⁸⁶? Продолжает ли он тебе надоедать? Каков аппетит? а милые уроки г-жи Диоло? — Поклонись Волковым. Обними голубчика и Рыцаря⁸⁷ со всем семейством, твоих невесток, деверя, дядю, осыпь их нежными поцелуями за меня. То же предлагаю с тобою, дражайшая, нежнейшая супруга, милая красавица Церлина.

По-видимому, Жозеф к этому времени окончательно поставил крест на своей придворной карьере. Формально он оставался членом свиты наследника, однако давно уже перестал мысленно следовать за ним и терзаться тем, что обстоятельства не позволяют ему исполнять свои обязанности. 18 января великий князь отправился в Неаполь, рассчитывая к масленице вернуться в Рим, чтобы увидеть знаменитый карнавал. «Сегодня отвал русских в Неаполь,—писал Гоголь В. Н. Репниной.— Великий князь едет сегодня и потому все плетется вслед»⁸⁸. Жуковский предпочел остаться в Риме. На две с лишним недели освободившись от необходимости повсюду сопровождать Александра, он неторопливо изучал многочисленные достопримечательности и мог по-

⁸⁴ Т. е. наряды и обувь.

⁸⁵ Шутливое переименование фамилии домовладельца восходит, видимо к эпиграмме П. А. Вяземского на П. И. Голенищева-Кутузова («Картузов—сенатор...»; 1813).

⁸⁶ О ком идет речь, неясно.

⁸⁷ Вероятно, и то, и другое обращение относится к А. П. Шувалову.

⁸⁸ Гоголь. Т. 11. С. 194—195.

зволить себе чаще бывать у Виельгорских. По пятницам он оставался обедать: надо полагать, что Михаил Юрьевич и в Риме сумел обзавестись хорошим поваром. Судя по дневнику поэта, он также встречался со старшим графом в гостях и принимал его у себя⁸⁹. Скорее всего, именно Жуковский 30 января сообщил Виельгорским о том, что умер старый камердинер наследника Агафонов, которого Жозеф знал с первых дней своей жизни во дворце. Сам Иосиф в эти дни чувствовал улучшение и торопился успокоить родных. Он вновь обрел вкус к музыке и с тем большим нетерпением ожидал скорого приезда в Рим Ф. Листа, знаменитейшего из тогдашних пианистов.

Иосиф — дяде⁹⁰

Рим. 29 января 1839. Вторник.

На сих днях получил я письмо ваше от 29 декабря прошлого года. Это ответ на известие о начале гомеопатического лечения. С тех пор мне решительно гораздо лучше; особенно это касается до сил; я теперь хожу как ни в чем не бывало; прибавка сил частью от закрытия фонтанелей⁹¹, частью от водяных трений, о коих я подробно пишу в письме Мама; пожалуста, старайтесь ее успокоить, внушить ей, что эти болезни не скоро проходят и что терпение—лучшее лекарство. Il faut prendre son parti sur toutes choses⁹². Нечего делать. Когда Богу так угодно, надобно терпеть. На счет трамонтаны я так осторожен, что в карете выезжал только два раза, а на балкон не выходил более пяти раз в продолжение месяца и, несмотря на всю предосторожность, простудился тому две недели. Никто мне не сказал, что трамонтана; солнце меня обмануло; ветромхватило, и я поплатился зубной болью и усилением кашля. Исполняя ваше предписание, я более не посылаю Мама счета кашля, хотя не следовало бы ей скрывать ничего; я боюсь, что она от этого подумает, что кашель в самом деле очень усилился. Между тем можно сказать, что он, как прилив и отлив, то увеличивается, то опять уменьшается. Черткова проводит у меня целый день, с 12^{ти} часов, обедает со мной три раза в неделю и вечером сидит до 9^{ти} часов. Редко найдешь женщину с такою доброю, пламенною душою; она вас любит как брата, и не проходит дня, чтоб мы о вас не говорили. Нечего мне говорить, как она вам кланяется. Толстая также бывает у меня, но не так часто; Долгорукая⁹³ едет. Обе вам кланяются. Последняя начинает серьезно стра-

⁸⁹ См.: Дневники Жуковского. С. 461—463.

⁹⁰ ПД. Ф. 50. № 72. Л. 4—5 об.

⁹¹ Фонтанель — искусственно вызванное нагноение, применявшееся для «отвлечения» воспаления от больного органа; разрез для выхода гноя.

⁹² Надобно мириться с ходом вещей (фр.).

⁹³ Имеется в виду О. А. Долгорукова.

дать. Бояться, чтоб не сделался рак в самой матке. Она очень переменялась и похудела. Комиссию [к] Папа о билетах Пушкина⁹⁴ я исполнил. Он завидует вашему счастью слышать Mme Pleyel⁹⁵. Но сам скоро услышит Листца, которого сегодня здесь ожидают. Michel Кочубей сделал большие успехи в пении; он брал здесь регулярно уроки и целый день занимался музыкой. Я, несчастный, даже не могу клавикорды бить и портить. Движение рук мне запрещено; не могу даже fredonner⁹⁶, а иногда очень хочется.—Третьего дня писал Мама и не успел кончить письма, потому что ожидали курьера; между тем курьер отправляется только сегодня вечером. Я воспользовался этим случаем, чтоб вам написать. Черткова просит вас выхлопотать у Канкринна *lassio possiare*⁹⁷ на 6000 рублей ассигнациями. Она воротится в Россию в июне или июле; бумагу пришлите в Рим на наше имя, не теряя времени, потому что она выедет отсюда в марте месяце. Прощайте, родимич, милач, тоелле, кормилец и весь словарь бишек⁹⁸. Обнимаю вас от всего сердца. Поцелуйте вашу невестку и ее детей⁹⁹. Кланяйтесь Шуваловым, Ивану Ивановичу, Ленцу, обнимите влюбленного Шотена.

Болезнь все более четко обозначала водораздел между подлинными интересами юноши и тем, к чему он, повинуясь воле родителей, стремился последние десять лет. По мере того как ослабевали его связи с наследником, все значимее становились знакомства с историками, библиофилами, коллекционерами и деловые контакты с антикварами и книгопродавцами. Плавно и естественно, хотя, скорее всего, незаметно для глаз близких, полностью поглощенных ходом его болезни и лечения, но оттого не менее бесповоротно Жозеф превращался в другого человека: в комфортной психологической атмосфере, которой его окружили немногие истинно приятные ему люди, отступали еще недавно давившие его комплексы. Видимо, застенчивость уже не доставляла Иосифу

⁹⁴ По всей видимости, речь идет о подписных билетах на посмертное собрание сочинений Пушкина с портретом и факсимиле. Михаил Юрьевич в качестве члена опеки занимался подготовкой этого издания еще до отъезда из России; оно вышло из печати в начале декабря 1838 г. (в 8-ми томах вместо предполагавшихся шести; еще три тома были изданы в 1841 г.) и рассылалось подписчикам.

⁹⁵ Пианистка К. Плейель дала первый концерт в Петербурге 21 декабря 1838 г.; помимо публичных выступлений, она играла в домашних концертах, организованных Матв. Ю. Виельгорским.

⁹⁶ напевать, мурлыкать мелодию (фр).

⁹⁷ аккредитив (ит.)

⁹⁸ Иосиф перечисляет ласковые прозвища дяди, которыми обычно пользовались сестры («бишки»). Словарь—здесь «словарный запас» (ср. фр. *lexicon*).

⁹⁹ Намек на Луизу Карловну, брата и сестер.

таких невыносимых страданий, как год назад, когда немислимым казалось, что ему удастся когда-нибудь завязать с кем-либо непринужденные, теплые, дружеские отношения, сравнимые с теми, которые возникли между ним и Чертковой. Ни Lise, ни отец, ни Жуковский, ни Бяратинский, ни библиофил С. Д. Полторацкий¹⁰⁰, состоявший с Жозефом в переписке, не мучили его беспрестанной требовательностью. Тягостная неискренность светских этикетных отношений—с наследником и членами императорской фамилии, с педагогами, начальством, с дамами на балу и проч.—наконец-то сменилась свободным и доверительным общением.

30 января Жозеф с видимым удовольствием пишет вдогонку покинувшему Рим Бяратинскому о последних успехах в деле пополнения их книжной коллекции и «Русского Сборника»: «Работы по русской библиографии сильно подвигаются, и теперь я составляю французскую библиографию о России, труд громадный¹⁰¹. Бер писал мне, что достал для тебя Кромера (Polonia 1589, fol.)¹⁰², о котором ты хлопотал»¹⁰³. Кроме того, их общий московский комиссионер Шухов раздобыл целый ряд старинных вещей и документов от эпохи Куликовской битвы до времен Екатерины II, в том числе часы патриарха Никона, грамоты царя Михаила Федоровича и императрицы Анны Иоанновны, указы Петра I с его собственноручными пометками¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Во второй половине 1839 г. (уже после смерти Иосифа) Полторацкий так вспоминал о нем в письме к матери: «Он был отличный образованнейший молодой человек и вдобавок большой библиоман; собирал все то, что только печатано о России, и составлял огромную библиотеку. Дал мне поручение покупать старинные книги о России. И я в Париже накупил ему на 4 тысячи, которые он собирался отдать мне после. Чухотка положила конец его любознательной и трудолюбивой жизни (...) Не идет мне требовать у них эти 4 тысячи» (цит. по: Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 238—239). Содержащееся в приводимой В. В. Куниным цитате упоминание о знакомстве Полторацкого с И. М. Виельгорским в Риме не соответствует действительности (судя по записи в дневнике Виельгорского, это знакомство состоялось в Петербурге 17 февраля 1838 г.) и является, видимо, следствием ошибочного прочтения автографа.

¹⁰¹ Записную книжку с набросками структуры будущего библиографического труда см.: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 37. № 18.

¹⁰² По-видимому, речь идет о трактате польского историка и публициста М. Кромера «Polonia: sive de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX» (Coloniae, 1589, in fol.), содержащем, в частности, суждения о России и ее истории.

¹⁰³ Цит. по: Зиссерман. С. 32.

¹⁰⁴ См.: Там же. С. 31—32.

В тот же день у Волконской отмечали день рождения Гоголя. Среди гостей был Жуковский. По-видимому, праздник и был устроен ради него: Гоголь родился 20 марта (по новому стилю 1 апреля), но в 1839 г. этот день совпадал с Великим Понедельником—началом Страстной недели, кроме того, к началу апреля Жуковского уже не было бы в Риме. А пока до возвращения наследника из Неаполя оставалось еще несколько дней, и Гоголь торопился отпраздновать свое рождение. Великий князь прибыл 2 февраля. «В Рим мы приехали около $\frac{1}{2}$ 5, и я успел до обеда проехаться по городу и побывать у Виельгорского, которому точно, кажется, немного лучше»,—писал он в Петербург¹⁰⁵. А уже 4 февраля начался карнавал. Эта последняя неделя пребывания Александра Николаевича в Риме была весьма оживлена, но и за хлопотами Жуковский не забывал Виельгорских: в пятницу 8 февраля он отобедал у них, 11-го заезжал в гости поделиться впечатлениями с Жозефом, запертым в своих комнатах. Следующий вечер, последний перед отъездом из Рима, поэт провел на виа деи Понтефичи с пришедшими проводить его Гоголем и Чертковой: «У Вьельгорского, которого срисовал и у которого обедал»,—записал он в дневнике¹⁰⁶. Вероятнее всего, на рисунке, предназначенном для пересылки Луизе Карловне, был запечатлен Иосиф, а не Михаил Юрьевич.

13 февраля, в «пепельную среду» (начало католического Великого поста) наследник продолжил свой европейский вояж: «Сегодня поутру, отслужив молебен в нашей посольской церкви и заехав проститься к бедному Виельгорскому, которому точно, кажется, лучше, мы около 9 ч. покинули, признаюсь, с сожалением, Рим»,—писал он отцу¹⁰⁷. Путь его кортежа лежал в Вену, затем через Германию в Нидерланды, а оттуда в Англию. Отъезд великого князя подвел черту под десятью годами придворной жизни Виельгорского. Если, прощаясь с Александром Николаевичем в Берлине, Эмсе или Комо, Жозеф знал, что вскоре они вновь встретятся, то отныне их планы уже ни в чем не совпадали.

Вскоре взамен наследника и Жуковского в окружении Виельгорских появились новые лица. В конце февраля из Пизы вернулись Варвара Алексеевна и Николай Григорьевич Репнины с дочерью Варва-

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1562. Л. 119. В том же письме Александр сообщает отцу, что узнал о смерти «бедного Агафонова».

¹⁰⁶ Дневники Жуковского. С. 466. Рисунок не сохранился.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1562. Л. 125 об.

рой. Глава семейства еще в 1836 г. был вынужден уйти в отставку после грубого выговора, публично сделанного ему императором на маневрах в Красном Селе, и с тех пор избегал встреч с представителями царского дома. Потому он и уехал из Рима перед приездом туда великого князя. Вслед за ними из Флоренции приехала давно ожидаемая М. А. Воронцова, тайная католичка (еще с 1810-х гг.) и близкая подруга Луизы Карловны. В это же время теснее стали связи Виельгорских с Волконской, ранее опасавшейся попасться на глаза наследнику, крайне недовольному ее религиозными исканиями¹⁰⁸.

Несмотря на непривычно суровую погоду, все явственнее ощущалось приближение весны: «Зима в Риме холодна как никогда,—писал Гоголь,—по утрам морозы, но днем солнце, и мороз бежит прочь, как бежит от света тьма»¹⁰⁹. Проводя много времени вместе с Жуковским, Гоголь, по его собственным словам, превратился в «mezzo-художника»¹¹⁰: так много друзья рисовали в те дни. Очарованный необычайной красотой нарождающейся римской весны, Жуковский даже изменил своей многолетней привычке к рисованию карандашом и вместе с Гоголем писал красками: на листках одной из его записных книжек сохранились брызги голубой акварели. После отъезда поэта Гоголь с упоением продолжал свои занятия живописью и просил своего друга А. С. Данилевского, жившего в то время в Париже, прислать ему медовую акварель: «Цвета следующие: берлинская лазурь, охра простая, охра жженная (bruñe), индиго, кобольд, гумегут, бакан (lac), teinte neutre, ultra marine, черную и самую темную кофейную (...) Братец, какое теперь небо в Риме, как чудно глядит на меня в эту самую минуту»¹¹¹. По-видимому, тогда же он писал Жуковскому: «Чудное время! (...) Дни значительно прибавились. Я вчера пробовал рисовать. Краски ложатся сами собою, так что потом дивишься, как удалось подметить и составить такой-то колорит и оттенок. Если бы вы остались

¹⁰⁸ До посещения наследником Италии русский двор не был осведомлен о переходе Волконской в «латинство». Когда об этом стало известно, отношение к княгине со стороны императорской фамилии резко ухудшилось.

¹⁰⁹ Гоголь. Т. 11. С. 197—198 (письмо к А. С. Данилевскому от 5 февраля 1839 г.).

¹¹⁰ «полухудожника» (ит.). Там же. С. 202 (письмо к Жуковскому от 20-х чисел февраля 1839 г.).

¹¹¹ Гоголь. Т. 11. С. 199 (письмо от 12 февраля 1839 г.). Индиго—темно-синяя краска, кобальт—ярко-синяя, гумигут—желтая, бакан—багряная, lac (laque)—сургучно-красная краска, teinte neutre—телесный цвет.

здесь еще на неделю, вы бы уже не принялись за карандаш. Колорит потеплел необыкновенно, всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят красок. Как чудно! в других местах весна действует только на природу: вы видите, оживает трава, деревья, ручей. Здесь же она действует на все: оживает развалина, оживает плис на куртке бирбачена¹¹², оживает высеребренная солнцем стена простого дома, оживают лохмотья нищего, оживает ряса капуцина с висящим назади капучио¹¹³, даже этот продукт, которого мы находили целые плантации, разведенные трудолюбивыми римлянами под всеми почти стенами и оградами, принял какой-то весьма приятный для глаз коричневый цвет. (...) В Колизее явились проповеди, толпы народа и монахи с белыми бородами и одетые все снизу доверху в белое, как древние жрецы»¹⁴. В это время Жозеф тоже начал выезжать на прогулки, а Михаил Юрьевич с головой погрузился в яркие музыкальные впечатления, которым посвятил большую часть письма, написанного в день рождения сына.

Из письма Мих. Ю. Виельгорского к дочерям¹⁵

[13/25 февраля 1839 г.]

(...) Милые мои ангелы.— Мы теперь оживаем, получив от Корики утешающие письма и видя, что она, наша бесценная перла, успокаивается.— Будем *крепко* держаться за промысел Божий, и он нам не изменит.— Здесь теперь Лист, с которым я очень музыкально познакомился. Это царь пианистов, и никто на этом инструменте не произвел на меня подобного действия. Я никогда не думал, что можно так играть музыку, н(а)п(ример), Бетговена, старые его сонаты. Они оказались под его пальцами новые, хоть он никакой перемены не делает, кроме удвоения аккордов в форте. Лист единственный для меня. (...) Хотел бы я вам дать понятие об его игре, но этого пером нельзя описать.— Что господствует в нем, это чувство и оригинальность, а *оттенки* дошли, кажется, до последней границы возможного и приятного— далее было бы карикатурно. Я слышал у него на вечере 4 пьесы, после которых принужден был уехать. Его игра меня расстроила так, что я спать не мог и не *настроился* опять как на другой день к вечеру. (...) Играл я ему конеч-

¹¹² Бирбачен— очевидно, от ит. *birbaccione* (обманщик, повеса, нахал). Плис— ворсистая хлопчатобумажная или шерстяная ткань, дешевый аналог бархата.

¹¹³ капучоном (от ит. *sarpuccio*).

¹¹⁴ Гоголь. Т. 11. С. 201—202.

¹¹⁵ Цит. по: Розанов. С. 296—297. Оригинал см.: РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 60. № 13. Л. 1—3 (в архивной описи автором письма ошибочно назван И. Виельгорский); частично опубликовано— РС. 1886. № 11. С. 488—490.

ную арию, ламенто, хор плясовой цыган, балладу и ярмонку¹¹⁶. — *C'est neuf, bravo*¹¹⁷, часто он вскрикивал, и Николаю, который ему сказал: *Comment trouver des choses si neuves maintenant*¹¹⁸, он сказал: *mon cher, nous ne sommes que des fiacres*¹¹⁹. (...) Я почитаю знакомство его эпохой для меня в отношении музыкальном. (...)

Господь с вами, драгоценные мои, мысленно вас лобызаю. Вчера (воскресенье) Лист был у меня и играл Шуберта (*Lieder*)¹²⁰. Он нас поразил, восхитил.

Жозефу сегодня 22 года. Поздравляю вас, мои милые. Посылаю бишкам фиалки. Расцелуйте Дядю за меня.

В состоянии Иосифа наступила ремиссия. Обнадеженный зримыми результатами лечения, больной воспрял духом; его настроение передалось окружающим, и Черткова решилась ненадолго оставить своего подопечного. Михаил Юрьевич спешил порадовать Жуковского неплохими новостями о сыне, а сам Жозеф, по обыкновению начав письмо к дяде с отчета о самочувствии, неожиданно много внимания уделяет внешним событиям. Его письмо к Софи, удивительно «домашнее» по тону, напоминает летние каменноостровские зарисовки 1836 г.—с той разницей, что теперь его впечатления крайне бедны, а все радости заключены в четырех стенах. Небольшого улучшения оказалось достаточно, чтобы Виельгорские начали строить планы: с наступлением жарких дней они собирались переехать на свежий воздух, в близлежащий городок Альбано, расположенный на возвышенности, усеянной виллами римских нобилей (аристократов); летом предполагалось съехаться в Париже с Мама и сестрами.

Мих. Ю. Виельгорский — В. А. Жуковскому¹²¹

Рим 15/27 февраля [1839]

Ошибкой, вероятно, послана мне посылка, в которой нашел 2 экземпляра истории Бутурлина (1-й том)¹²², из которых один для поднесения Его Высочеству и другой для тебя. Итак, я обе книги пересылаю тебе для передачи кому следует.—

¹¹⁶ Перечисляются фрагменты оперы «Цыгане». Ламенто— жалоба (ит.).

¹¹⁷ Это ново, браво (фр.).

¹¹⁸ Как возможно в наше время добиться подобной новизны? (фр.).

¹¹⁹ Милый мой, мы только ремесленники (буквально— извозчики; фр.).

¹²⁰ «Песни» (нем.)— фортепьянное переложение цикла песен Ф. Шуберта «Лебединая песня» (1838—1839).

¹²¹ ПД. № 27. 958. Л. 12—12 об.

¹²² Речь идет о первом томе «Истории Смутного времени в России в начале XVII в.» (Ч. 1—3. СПб., 1839—1846) Д. П. Бутурлина.

Благодаря Бога, Жозефу все делается гораздо лучше, то есть улучшение медленное весьма, но продолжается, сколько нам кажется. Кашель почти в одном положении, иногда меньше, иногда больше, но он стал ежедневно почти выезжать, даже, следуя твоему примеру, иногда и рисует на чистом воздухе. Одышка еще продолжается, но она не так упорна, и его скорее покидает, нежели как прежде бывало признако несколько сильном движении. К нашему обоим прискорбню, Чертковы уехали в Неаполь. Есть ли не слишком заленился, то напиши слова два или три с каждого главного амта¹²³ или из столиц. Это прошу я для Жозефа, а не для меня. Как и мне оно приятно ни было, знаю, что ты не любишь писать строки 3 или 4.—Я же о Жозефе буду давать тебе недлинный, но верный отчет. Мысленно тебя объемяю. Поклонись в особенности Барятинскому. Бог тебя да сохранит, бесценный мой Жук.

Иосиф— дяде¹²⁴

2 марта. 1839. Рим. Суббота.

Благодарю вас за письмо, любезный Дёнок, и особенно за известие, что кутузовский дом оживился, ободрился и развеселился. Такие вести оживляют также 2-ой и 3-ий этажи № 49 в Via de Pontifici. Появление кратковременное весны в конце февраля совершенно изменило мое состояние. Я как-то ожил, окрепнул; убедился в больших успехах выздоровления. Кашель упорствует. Браун собирается вести регулярную атаку, исключительно обращенную на этот предмет. Кашель начинает мне жестоко надоедать. Нет ни малейшей перемены в нем, но большая перемена в мокроте, коей я меньше выплевываю и которая, что весьма важно, снова приняла обыкновенный ход свой чрез нос; я в Коле почти никогда не сморкался. Погода теперь снова изменилась; опять холодно и ветрено, трамонтана очень сильна; я принужден сидеть дома. Великий Князь оставил здесь самые приятные впечатления; народ от него без ума; его радушие, простота, непринужденность и веселость чрезвычайно понравились римлянам, он принимал большое участие в их веселиях, и от всей души. Когда он стоял на своем балконе и обсыпывал проходящих конфетами¹²⁵, один италиянец подал ему на высокой палке связанную птичку; Великий Князь пустил ее на волю; вся толпа загремела рукоплесканиями: bravo, vivat; явился импровизатор и пропел в честь его стихи¹²⁶. В

¹²³ здесь: станции (от нем. das Amt).

¹²⁴ ПД. Ф. 50. № 72. Л. 6—7 об. На л. 7 об. петербургский штемпель: «Получено 1839 марта 14». Со значительными купюрами, неточной датой и массой ошибок опубликовано: Розанов. С. 297—298.

¹²⁵ Т. е. специальными мучными шариками (confetti). Ср. зарисовку из письма Гоголя к Данилевскому от 5 февраля: «Наш его высочество доволен чрезвычайно и, разъезжая в блузах вместе с свитою, бросает муку в народ корзинами и мешками и во что ни попало» (Гоголь. Т. 11. С. 198).

¹²⁶ Этот эпизод относится к субботе, 9 февраля: «Чижик, поданный великому князю, и аплодирование народа» (Дневники Жуковского. С. 465).

день отъезда народ собрался на площади, провожал его до Porta del popolo¹²⁷, желая счастливого пути. Австрийский посол здешний Люцов бесится, что Великий Князь так понравился в Риме. Вы верно слышали о глупостях его по случаю погребения бедного Ливена. Он не хотел присутствовать при похоронах; папа¹²⁸ рассердился за то, что в приглашениях было сказано «à la chapelle prussienne»¹²⁹; говорят, что прусское посольство получило весьма горькую ноту от Lambruschini, в которой ему извещается, что в Риме протестанты не могут иметь une chapelle¹³⁰ и что они могут только собираться для молитвы в доме посланника прусского¹³¹. Непонятная нетерпимость веры! На ваши новости музыкальные (M-me Pleyel, Clara Novello¹³²) я могу ответить тем, что слышал Лисца, настоящего дьявола клавибордного. Для него уже нет никаких трудностей; себе представить нельзя, что он делает с клавибордами, какие он производит эффекты, переходя от громовых fortissimo к самым сладчайшим piano и к прелестнейшему пению; когда он играет pianissimo, едва слышны ноты, но в то же время ни одна не пройдет мимо вашего уха; а fortissimo его точно пушечные удары. Первое, что я слышал, была симфония Бетговена (5-я)¹³³. Он сыграл первый аллегро в четыре руки с здешним музыкантом Николай¹³⁴, хорошим пианистом, но который успевал играть одну ноту, между тем как Лисц играл три, то есть между тем, как последний делал кроши, Николай мог брать только des noirs¹³⁵. Вы можете себе представить, что из этого вышло. Однакож Николай благодаря своему большому таланту кое-как добрался до конца. Скорость, с кою он играл этот аллегро, произвела на всех необыкновенное впечатление. Потом я слышал галоп¹³⁶ его сочинения и песнь Шуберта, которую он переделал для клавиборд и в коей пение выразил превосходно. Талант колоссальный; Папа от него в восхищении; он сидит у него по целым часам. Мне очень жаль и досадно, что не могу его часто слышать. Он бывает у Папа толь-

¹²⁷ Porta del Popolo (porta Flaminia)—северные ворота Рима, расположенные за пьядца дель Пополо.

¹²⁸ Григорий XVI— папа римский с 1831 по 1846 г.

¹²⁹ «в прусской капелле» (фр.)

¹³⁰ Никакой капеллы (фр.). В Риме по традиции запрещено сооружение любых не католических храмов.

¹³¹ Князя Х. А. Ливена отпевали в протестантской молельне, находившейся в резиденции прусского полномочного министра— в палаццо Кафарелли на Капитолии.

¹³² Первый концерт певицы К. Новелло в Петербурге состоялся 25 января 1839 г.

¹³³ В перечне произведений Ф. Листа фортепьянного переложения 5-й симфонии Бетховена нет.

¹³⁴ Т. е. О. Николаи.

¹³⁵ Des croches— восьмые, des noirs (фр.)— четвертные доли ноты.

¹³⁶ Вероятно, большой хроматический галоп (1838).

ко по воскресениям и часто не играет; капризен и самолюбив до чрезвычайности. Обнимаю вас от всей души; обнимите Шотена; кланяйтесь Ивану Ивановичу и его жене, Ленцу, которому я напишу о Лисце, Шуваловым, Волковым. Мама, само собою разумеется. Lise Чертков[а] вам очень, очень кланяется. Толстая также.

Иосиф — сестре Софье¹³⁷

№ 8

Рим. Суббота. 1839. 9 марта.

С удовольствием принимаюсь за перо, чтоб сообщить тебе и всем бишкам моим дорогим новость музыкальную, касающуюся до «Цыган». Я писал, кажется, столетнему о ярмарке и сцене баядерок, сочиненной папушкой. На сих днях вышло новое произведение в свет весьма замечательное (IV acte): *хор девушек и ария Селавина* совершенно в итальянском вкусе. По моему мнению, это одна из самых лучших пьес оперы Папа. Горесть отца выражена в музыке чрезвычайно трогательно. Мотив хора Папа взял из одного своего квартета¹³⁸; первый голос в скрипках, а *soprano* поет род аккомпанемента или род второго голоса, который вместе с первым производит весьма приятное созвучие. «Хотя б на миг она меня узнала» выражено благородной, трогательной, выразительной мелодией; хор перебивает кабалетту Селавина; наконец он поет *un largo* с хором в итальянском вкусе; вся музыка печальна; оканчивается *tremolando*¹³⁹ в самых низких нотах контрабаса (*ici il faut invoquer Bouchard, le dieu de contrebasse et des serpents*¹⁴⁰). Вдруг слышен вдали голос Лены: этот контраст низких нот с голосом Лены производит необыкновенный эффект; у меня мороз по коже прошел. Нечего тебе говорить, что Папа всю эту сцену поет в совершенстве. Одним словом, надеюсь, что вы останетесь довольными. Листц дает сегодня музыкальный вечер; завидую очень Папа, который слышит его каждый день. Нельзя на стуле усидеть, когда он играет. Он весь огонь в игре. Похоже немного на Ленца, только гораздо лучше; худой; рука маленькая и тощая; Папа в восхищении от его ума, оригинальности. Если, дай Бог, удастся пробыть в Париже летом, услышим и мы кой-что хорошее. Примемся за музыку *avec соеуг et âme*¹⁴¹. Ожидаю от тебя с нетерпением письмо;

¹³⁷ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 8. Л. 15—16 об. На письме помета: «Sophie».

¹³⁸ В единственном существующем (но, очевидно, далеко не полном) списке произведений Мих. Ю. Виельгорского зафиксирован только квартет для струнных инструментов до минор и два вокальных квартета — «Kyrie eleison» и «Иже херувимы» (см.: Щербакова. С. 110).

¹³⁹ трепеца (ит.)

¹⁴⁰ Здесь надобно воззвать к Бушару, божеству контрабаса и серпентов (фр.). Серпент (от фр. *serpent* — змея) — старинный басовый духовой инструмент, обтянутый кожей; разновидность рожка.

¹⁴¹ Со всем возможным старанием (фр.).

оно будет доказательство твоего выздоровления. Прощай, обнимаю тебя и целую глазки и всю бишку, кроме моего большого врага и неприятеля (мязинца, которого так любит супруга). Поцелуй кухарочку в подбородок, *Moelle dans la source de la Moelle*¹⁴², столетнего, нос борща и супругу. Кланяйся всем. Барнет поцелуй).— Ивана Ивановича.— Шот(ена)— Волковы(х).

Наступили долгожданные теплые дни, и только теперь появилась возможность действительно воспользоваться благодатным римским воздухом, на целительное действие которого так рассчитывали и доктора, и сам больной. Надо полагать, что Волконская сама предложила Виельгорским в хорошую погоду привозить Жозефа к ней на «дачу» — т. е. на ее виллу на окраине города, близ церкви Сан Джованни ин Латерано. Бывшая *vigna Falcone* (виноградник, некогда принадлежавший римскому семейству Фальконе) была приобретена княгиней, очевидно, в начале 1830-х гг., когда она укрепилась в намерении перейти в католичество и навсегда поселиться в Риме. Выбор Волконской неслучайно остановился на этом участке: по легенде, в древности им владела св. Елена, мать императора Константина, основавшего в первой четверти IV в. Латеранскую базилику. Княгиня устроилась не просто в соседстве великолепного храма, но рядом с одной из пяти главных святынь Вечного города, «матерью» всех римских церквей; здесь хранится множество реликвий, в том числе таких, как честные главы апостолов Петра и Павла, и находится кафедра епископа города Рима, которую всегда занимает сам папа. Особенное значение для княгини, возможно, имело и то, что церковь Сан Джованни была традиционным местом крещения новообращенных. Эту торжественную церемонию, проходившую ежегодно в Страстную субботу, Волконская наверняка не раз наблюдала.

С любовью обжитая и обустроенная вилла стала одним из самых поэтических уголков Рима. Со свойственным ей вкусом Волконская украсила свое новое имение найденными здесь же, на территории виллы, античными мраморами. Часть обломков была использована во внутренней отделке небольшого домика, «casino», пристроенного к мощным опорам проходящего здесь же акведука Нерона. Это древнее сооружение, обращенное в террасу на уровне второго этажа дома, было главной достопримечательностью виллы. Друзья и гости Волкон-

¹⁴² Умницу — во вместилище его ума (фр.)

ской любили, поднявшись туда, созерцать прославленный необычайной красотой вид. Так, П. В. Анненков вспоминал, что Гоголь «ложился спиной на аркаду тогатых, как он называл древних римлян, и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мертвую и великолепную римскую Кампанию»¹⁴³.

Побывавший на вилле в середине 1840-х гг. А. Н. Муравьев оставил следующее ее описание: «Она открывается роскошною аллеею лавров, которые перемешаны с лимонными деревьями и розовыми кустами и тянутся вдоль древнего водопровода, поросшего плющом. Мы взошли в цветник и оттоле, чрез малый домик княгини, на вершину водопровода Клавдиева. Одна из самых очаровательных панорам Рима открылась нам с высоты разбитого водопровода: здесь пустыня одолевает город, и древний христианский Рим господствует над новым, а кругом картины обвивается тот же лазуревый венок гор, который украшает окрестные воды.—〈...〉 Самая вилла пристроена к водопроводу, как выпреннее гнездо, свитое между развалин, и объемлет часть садов императора Илиогавала, которые сделались потом достоянием святой царицы Елены; пустынное ее положение на краю города, на высотах Целийских, благоприятствует обширности видов. 〈...〉 Вот напротив Латерана и почти в таком же расстоянии от виллы другая базилика, Иерусалимская, где положила блаженная Елена честный крест; а между сих двух святилищ открывается, на обе стороны от водопровода, целый мир римский, христианский и языческий, пустыня и город, Лациум и Сабина. 〈...〉 Вот из-за собора Латеранского 〈...〉 едва показывается третья знаменитая базилика св. Павла 〈...〉 над гробом апостола 〈...〉 Левее, там, где по направлению одинокой башни Цецилии Метеллы зеленеют в пустыне несколько кипарисов, можно различить скромный фронтон четвертой базилики св. Севастиана, над катакомбами. Несколько ближе, у древних ворот Латинских, церковь св. Иоанна 〈...〉, а там тянется вдоль пустыни обильный водопровод папы Сикста V 〈...〉 Позади его восстает горный Лациум, увенчанный обителью на своей вершине и усеянный виллами и селениями по живописному скату. Так представляется римская окрестность; теперь обратимся к городу.— Вот от самой базилики креста и прилегающих к ней развалин потянулись опять водопроводы, по вершине древних стен, к главному их узлу у Великих ворот 〈...〉 Часовая башня св. Лаврентия, пя-

¹⁴³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 92.

той именной базилики, уединенно восстает над воротами, а на дальнем горизонте раскинули голубой намет свой живописные горы Сабинские, усеянные вилами Тиволи. (...) подымается на горизонте гора Витербская (...) Летний дворец папы на холме Квиринальском стоит прямо против горы сей, а по сторонам его видны еще две базилики: св. Марии, которой два стройные купола разделены легкою колокольнею, и верховного апостола Петра; чудный купол его отовсюду виден как неизгладимый герб вечного города. Вот уединенная башня Капитолия и разбитый Колизей; вот Палатин, еще увенчанный царственными обломками, а за ними подымаются, как бы огромные ступени горного амфитеатра, двуглавый Авентин и Яникул с развесистым опалом своих сосен. Все это объемлет взор ваш, от св. Петра и до Латерана, где начался и оканчивается очарованный круг сей древнего и нового Рима»¹⁴⁴.

Грандиозность зрелища, открывающегося с высоты акведука, контрастировала с подчеркнуто интимным характером парка. Одна из дорожек была превращена в аллею Воспоминаний. В конце тридцатых годов вдоль нее уже расположились скромные мраморные стелы с именами родных и тех людей, память которых была дорога княгине: императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, Александра I, Карамзина, Пушкина, Д. В. Веневитинова, Н. М. Рожалина, Байрона, Вальтер Скотта и даже любимых старых слуг. Дорожка вдоль акведука носила название аллеи Друзей; одним концом она упиралась в дом, на другом находился грот, устроенный в арке акведука. В этом меланхолическом месте, откуда виднелась череда античных обломков, белевших среди зелени и цветов, Гоголь 13 мая 1838 г. пережил внезапный ливень: «Я пишу к тебе письмо, сидя в гроте на вилле у кн. З. Волконской, и в эту минуту грянул прекрасный проливной, летний, роскошный дождь, на жизнь и на радость розам и всему пестреющему около меня прозябению», — писал он А. С. Данилевскому¹⁴⁵. Вилла Волконской запечатлена на двух рисунках Жуковского, сделанных 3 и 9 февраля 1839 г.: на одном из них изображен Гоголь, задумчиво глядящий на Латеранскую базилику, а на другом Волконская на аллее Друзей беседует с Гоголем и одним из своих гостей (П. И. Кривцовым или С. П. Шевыревым).

¹⁴⁴ Муравьев А. Н. Римские письма. Ч. 1. СПб., 1846. С. 47—52.

¹⁴⁵ Гоголь. Т. 11. С. 147.

После отъезда Александра Николаевича состав русских римлян изменился разительно. Схлынула толпа искателей высочайшего благоволения, для которых Рим был всего лишь еще одним пунктом, где можно было попасться на глаза наследнику (о них Гоголь весьма иронически отзывался в письме к своей приятельнице В. Н. Репниной: «Все они, по обыкновению, очень бранят Рим за то, что в нем нет отелей и магазинов таких, как в Париже, и кардиналы не дают балов»¹⁴⁶), их место постепенно занимали любители искусств и древностей. 25 марта Гоголь сообщал Данилевскому: «(...) Жуковский уехал из Рима. Но я необыкновенно счастлив: на место его приехал ко мне Погодин. Мы теперь живем вместе. Завтракаем и говорим вместе»¹⁴⁷. Погодин с женой появился в Риме 8 марта 1839 г.; около месяца они прожили в квартире Гоголя на виа Феличе, 126, ежедневно подолгу странствуя с ним по городу. Их с нетерпением ожидали московские знакомцы— Шевырев и Волконская, с которой Погодин не видался с конца 1820-х гг., когда оба журналиста были постоянными посетителями салона княгини. Отправившись на виллу Волконской, он застал там ее молодого гостя.

М. П. Погодин. Год в чужих краях¹⁴⁸

12 [марта]. (...) Вилла княгини В. за Иоанном Латеранским прелестна— домик с башенкою, впрочем, довольно обширную, по комнате в ярусе, выстроен среди римской стены и окружен с обеих сторон виноградниками, цветниками и прекрасно устроенными дорожками. Вдали виднеются арки бесконечных водопроводов, поля и горы, а с другой римская населенная часть города, и Колизей, и Петр. Всего более умилил меня ее садик, посвященный воспоминаниям. (...) Познакомился с молодым графом Виельгорским, который занимается у нее в гроте по предписанию врача пользоваться как можно более свежим воздухом. Рад был удивительно, что он искренно любит русскую историю и обещает полезного делателя. Его простота, естественность меня поразили. Не встречал я человека, до такой степени безыскусственного, и очень удивился, найдя такого в высшем кругу, между воспитанниками двора. (...)

15 [марта]. (...) Я заговорил нарочно с своими, чтоб показать (случайно встреченным русским туристам.— *Авт.*), что и мы русские, но не произвел ни малейшего действия. Прошли как чужие. Я не постигаю, как грубеет настоящее нацио-

¹⁴⁶ Там же. С. 194 (письмо от 18 января 1839 г.).

¹⁴⁷ Там же. С. 183.

¹⁴⁸ Погодин. С. 27, 29, 51—52, 71.

нальное и даже человеческое чувство в этих господах, хотя может быть и очень утончается космополитическое! Мне грустно было смотреть на них. Что до меня, сознаюсь в квасном патриотизме—лишь только услышу русский звук в чужих краях, всегда готов броситься на шею к кому бы то ни было.

Это впечатление изглажено было однакож нынче за обедом у графа В-ского, который.... ну да может быть, он прочтет эти строки, так я не стану говорить об нем¹⁴⁹. Познакомился с г. Липманом, который преподавал всеобщую историю государю цесаревичу. Молодой гр. В. показывал мне свои материалы для литературы русской истории. Прекрасный труд—но приведет ли Бог кончить. Румянец на щеках его не предвещает добра. Он работает однакоже беспрестанно. (...)

22 [марта]. (...) Обедал у гр. В., который прочел свою новую оперу «Цыган[е]». В ней разве один недостаток, что *слишком* много хорошего.

Московский профессор явился в Рим из славянских земель, проникнутый мыслями о славянстве—в первую очередь, конечно, о России. Повсюду Погодин отыскивал свидетельства былого и нынешнего величия отечества, памятники национальной истории, проявления русских талантов. В каждом встреченном соотечественнике он жаждал обрести единомышленника; именно поэтому такое глубокое впечатление на него произвели несколько коротких свиданий с Жозефом. Юный аристократ, которому самой судьбой была предначертана карьера государственного мужа, восхитил Погодина своей искренностью и патристическим пафосом, неожиданными в человеке петербургского большого света, но, по мнению историка, достойными родовитого русского «боярина». Немаловажно и то, что юноша был приближенным наследника престола, а значит, его просвещенность и широта взглядов со временем имели бы непосредственное влияние на судьбы России. Молодой граф так понравился Погодину еще и потому, что историка удручало равнодушие тогдашней русской аристократии к отечественной культуре; в Риме он не раз задумывался об этом: «(...) у нас перевелись почти эти вельможи, которые посвящали бы свои избытки искусствам (...) Я пристрастен, я увлекаюсь, но сочтите мне, сколько есть вельмож в России, которые купят в год на двести рублей русских книг!»¹⁵⁰ Иосиф, в свою очередь, также не мог остаться равнодушным к погодинскому энтузиазму; ему приятно было сознавать, что авторитетный уче-

¹⁴⁹ Нет, он не прочтет их! Достойный юноша скончался вскоре после нашего отъезда из Рима (прим. М. П. Погодина).

¹⁵⁰ Погодин. С. 109—110.

ный с таким вниманием отнесся к его любительским изысканиям. Вероятнее всего, он не только показал Погодину начатую работу, но и поделился планами, в том числе и замыслом «Русского Сборника», оказавшимся созвучным собственным трудам Погодина, который уже около пятнадцати лет занимался собиранием своего знаменитого древлехранилища.

Впрочем, историк не мог часто видаться со своим новым знакомым: все время он посвящал осмотру бесчисленных римских музеев и памятников. Между тем срок его пребывания в Риме быстро подходил к концу. В дальнейшие планы Погодиных входила поездка в Париж, к которой решил присоединиться Шевырев. 9 апреля они покинули город, направляясь сначала в Неаполь, чтобы спустя неделю ехать оттуда в Марсель. Софья Борисовна Шевырева с трехлетним сыном Борисом осталась у Волконской в палаццо Поли. 18 апреля, когда пароход из Неаполя сделал остановку в Чивитавеккье, она специально приехала туда, чтобы проститься с мужем; сопровождал ее Гоголь.

Возобновив в Риме при посредничестве Погодина прежнее, довольно поверхностное, знакомство, Шевырев и Гоголь почувствовали взаимную симпатию и незадолго до расставания решили перейти на «ты». Уезжая, Шевырев поручил новому другу заботиться о Софье Борисовне; Гоголь пообещал бывать у нее и по возможности отвлекать от грустных мыслей, что и принялся исполнять с усердием, судя по его письмам в Париж.

А совсем рядом, в том же кругу Волконской, вращались Виельгорские. Зима прошла для них относительно благополучно; более того, здоровье Жозефа, как они и рассчитывали, укрепилось, и никогда еще за последние полгода с лишним надежда не была так сильна. Весна несла с собой прилив энергии: казалось, худшее позади и можно смело покидать Италию, чтобы в Крэйте или в Париже (где—покамест не было окончательно решено) завершить начатое лечение под присмотром известных врачей. Впрочем, Виельгорские еще колебались, полагая, что сыну будет тяжело совершить столь далекий переезд, поэтому возник план, согласно которому Луизе Карловне предстояло самой прибыть в Рим. Приезд жены позволил бы Михаилу Юрьевичу свободнее располагать собой; о своем намерении съездить во Францию он писал парижанину А. И. Тургеневу, а тот не преминул сообщить об этом Вяземскому: «получил письмо от графа Велгурского: сы-

ну лучше. Ожидают сюда отца, а мать к сыну»¹⁵¹. На Святой неделе (православная Пасха в 1839 г. приходилась на 26 марта/7 апреля) граф позволил себе оставить Жозефа на попечении знакомых дам (Чертковой, Воронцовой, Волконской) и ненадолго отлучиться в Неаполь. Однако то, что казалось Виельгорским приметой скорого выздоровления, на деле было свидетельством близкого конца: «худой признак составляет то обманчивое психическое состояние больного, когда он начинает делать планы к поездке, к постройке дома и подобные», — с беспощадной наблюдательностью отмечал доктор Сокольский¹⁵². К числу подобных химерических планов, очевидно, относилась и изложенная в следующем письме просьба Жозефа о закупке для него кожи сразу на пять пар сапог, кажущаяся особенно странной, если учитывать, как мало уже больной ходил в то время.

Иосиф — дяде¹⁵³

Рим. 26 марта. 1839. Вторник.

Благодарю вас, бесценный Дёнок, за ваши письма от 23 января и 22 февраля, которые я получил почти в одно и то же время. Известия музыкальные очень нас интересовали; видно, что Тальберг талант необыкновенный. Его соперник, как вам известно, здесь — исполнительный колоссальный талант. Он играл у Папа септюор Гуммеля¹⁵⁴, который показался нам совершенно новым, так игра его оригинальна, сильна, умна и выразительна. Пассажи он выделяет с невероятной скоростью, точностью и ясностью; и с такой легкостью, что, кажется, ему играть ничего не стоит; он не бьет клавикуорды, как Мелер¹⁵⁵, хотя игра его чрезвычайно энергическая; можно сказать, что в игре Лисца более господствует ум, воображение, энтузиазм; для него трудностей нет; он убивает клавикуорды; его талант гораздо выше его инструмента. Худ как спичка; маленькими, худощавыми руками он играл септюор, как нельзя лучше играть, и как будто ни в чем не бывало. Вам уже известно наше намерение провести лето в окрестностях Парижа. Каково ваше мнение об этом. Многие хвалят климат парижский; но Браун еще дер-

¹⁵¹ ОА. Т. 4. С. 70 (письмо от 21 апреля).

¹⁵² Сокольский Г. И. Учение о грудных болезнях. М., 1838. С. 157.

¹⁵³ ПД. Ф. 50. № 72. Л. 8—9 об. Небольшой фрагмент письма см. в публикации А. С. Розанова (С. 297—298).

¹⁵⁴ Фортепьянное переложение септета И. Н. Гуммеля обычно датируется 1848 годом.

¹⁵⁵ Неустановленное лицо.

жится первого своего мнения, то есть Крейта. Впрочем, мы ожидаем теперь сведений о сих двух местах; Папа писал доктору Louis в Париж, что я о Крейте писал Мама, прося сведений от Маркуса. Пребывание в Париже соединяет ту выгоду, что сестры могли бы удобно пользоваться ваннами диепскими¹⁵⁶; я избавляюсь переезда Апеннинов и Альпов и всех неприятностей почты; здоровье, слава Богу, подвигается вперед, кроме кашля; если сравнить мое положение теперешнее с комским, то найдешь большую перемену в дыхании, в груди и боках, которые все не болят; *l'engorgement des poumons a diminué immensément*¹⁵⁷; в Коме я мог только спать на спине; теперь я сплю на обоих боках и на груди. Давление и боль в правом боку, которые воспрещали мне движение в Коме, теперь совершенно исчезли; об силах нечего говорить; вы помните, как я ходил в саду Санлазар. Теперь я могу ходить час, хотя медленно, нагибаться, удобно одеваться и проч. Кашель остался в том же положении; частые перемены погоды, влияние марта, сидячая жизнь, редкое пользование чистого воздуха (по причине дурной погоды)— вот одни причины, которым могу приписать упорство кашля. Надеюсь, что в апреле и мае будет перемена, надеюсь на альбанский воздух. В каком положении дело о библиотеке, о каталоге Лобанова, заплатили ли вы Шухову 800 рублей или нет? Вот еще две просьбы: 1, прикажите купить лучшей сапожной кожи на 5^т пар сапог и отдайте это Мама, чтобы она могла мне привезти, а сапоги я здесь закажу, может быть, в Париже; подошвы не нужно; 2ое, узнайте обстоятельно, сколько взяла комиссия на поставку бронзовых капителей и пьедесталов в Георгиевскую залу, по сколько каждую капитель и базу. Потом вам скажу почему и все объясню¹⁵⁸; прощайте, дражайший Дядя, обнимаю вас миллионы раз; обнимите всех, поклонитесь графу и графине Шуваловым, Волковым, Ивану Ивановичу, Ленцу. Шогена обнимите.

¹⁵⁶ Т. е. морскими купаниями в Дьеппе на берегу Ла-Манша.

¹⁵⁷ Стеснение в легких уменьшилось чрезвычайно (фр.)

¹⁵⁸ Имеется в виду «Комиссия, учрежденная при Кабинете Его Императорского Величества для возобновления императорского Зимнего дворца». Ход восстановительных работ не мог не интересоваться Жозефа, тем более, что в Италии в его окружении оказались лица, непосредственно причастные к этому процессу. Основным координатором поставок материалов для отделки дворца был П. И. Кривцов, уже в мае 1839 г. отправивший из Ливорно первый корабль с мраморными изделиями (Эрмитаж. История и архитектура зданий. Л., 1974. С. 162—163). Подряд на изготовление колонн (собственно мраморных стволов без баз и капителей) для Георгиевского зала получил Иван Великанов, бывший крепостной кн. В. С. Трубецкого, живший во Флоренции и владевший каменоломней в Карраре (там 16 февраля побывал наследник, заезжавший в Каррару по пути в Австрию). Великанов был женат на горничной графини М. А. Воронцовой (Записки графа М. Д. Бутурлина // РА. 1897. № 4. С. 616). Навещающая Виельгорских в Риме, графиня наверняка рассказывала им оригинальную историю этого русского флорентийца.

Иосиф—сестре Софье¹⁵⁹

№ 9

Рим. 13 апреля. 1839. Суббота.

Папа уехал вчера в Неаполь с Долгорукими¹⁶⁰; на мне теперь лежит вся корреспонденция; хотя нечего писать особенно хорошего; вот десять дней, как я заперт в комнате, кашель было очень усилился, но теперь опять спал на прежнее, и я чувствую себя довольно хорошо, ожидая теплой погоды. Благодарю тебя, бесценная бишь, за письма; не могу тебе столько же писать; голова тяжела и нервы немного расстроены. Мама, слава Богу, теперь спокойнее и веселее; надеюсь, скоро увидимся, и тогда ей будет лучше. О пребывании летнем ничего не решено; я не могу ехать в Альбано при таком холоде. Прощай, обнимаю всех; Бог вас да сохранит! Лину ни за что не пускай в Карлсбад: что хорошо для 35-летней женщины с ужасными болезнями—гибель для молодой девушки, как Лина, исполненная всех свежих сил девственной природы.

Это последние из известных нам писем Жозефа. Между тем юноше по-прежнему часто писали родные и знакомые, и он наверняка отвечал матери и сестрам. Но великий князь и его молодые спутники вот уже два месяца не получали от него ни строчки. Иосиф прервал молчание примерно в середине апреля и то только для того, чтобы через Адлерберга разузнать, как великий князь отнесется к его намерению побывать во Франции, которая по политическим соображениям была исключена из маршрута заграничного вояжа самого наследника и его свиты.

Пять писем, полученных юношей в течение одного месяца, образуют своего рода цикл, охватывающий почти все стороны его существования. Их географический охват (от Петербурга до Гааги), тематика (от концертов Серве и Гальберга, петербургской погоды и говения на Страстной неделе до известия о производстве в следующий чин и мелкого придворного злословия) и весь спектр эмоций (от беспокойства и нетерпения матери до детской безмятежности Нози и наивного самодовольства наследника и Адлерберга) с почти исчерпывающей полнотой рисуют облик того мира, к которому Жозефа еще привязывали последние слабые нити, истончавшиеся с каждым мгновением.

¹⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 8. Л. 17. На конверте надпись: «№ 9. St. Petersbourg, Russie. Ее сиятельству графине Софье Михайловне Виельгорской, фрейлине двора Ее Императорского Величества в С. Петербурге в доме Кутузова, что на Михайловской площади». Сестра была пожалована во фрейлины в январе 1839 г.

¹⁶⁰ Имеются в виду А. С. и О. А. Долгоруковы.

Из письма В. Ф. Ленца к Иосифу¹⁶¹

С-Петербург, 15/27 марта 1839

Мой дорогой друг,

Пишу к вам, сидя за столом вашего брата, только что узнав, что от вас и графа Михаила вновь пришли превосходные известия. Не могу вам пересказать, как я был рад и как возносил хвалу Всевышнему при получении уже первых добрых вестей о вас; весь город разделяет мои чувства. Как это бывало прежде, при вас, я вновь провел приятнейшие минуты в кругу ваших бесподобных родных.

Пост привел к нам Серве¹⁶², виолончелиста грандиозного, одаренного душою артиста, а это качество встречается все реже и реже (...) Ибо Тальберг почти не чувствует себя артистом и не любит ни музыки, ни своего инструмента, притом, что его исполнение восхитительно, на грани невероятного. Но где во всех этих мелодиях, которые он играет большим пальцем, дотягиваясь им до середины клавиатуры с проворством гальванической искры¹⁶³, в этих арпеджио—где в них бесконечность, где музыка?—С его внешностью и такой манерой исполнения он всегда будет иметь успех. Он чрезвычайно меня изумил, но я оставался холоден и мог бы, выслушав этот поток октав, тут же взять том «Свода законов» и преспокойно читать, тогда как после самой короткой сонаты Бетховена в исполнении Листа меня обволакивал некий электрический флюид, уносящий в бесконечность, *в облака, где мне видятся небесные образы*.

Кланяйтесь от меня Листу; я прозанимался с ним зиму 28/29 годов в Париже, и он меня очень любил, а сейчас, быть может, и не вспомнит моего имени, потому что с тех пор любил многое другое. Для меня же он остался воплощением пианиста.

Попросите его сыграть вам:

1. Sonata quasi una fantasia, в ut # минор.
2. Сонату ля-бемоль с вариациями.

Он сказочно исполняет финалы этих двух сонат.

3. Сонату фа-минор.

¹⁶¹ ПД. Ф. 50. № 268. Оригинал по-французски, звездочками обозначены фрагменты текста, написанные по-немецки; курсивом выделено русское слово. Впервые опубликовано: Розанов. С. 298—300.

¹⁶² Ф. Серве, которого благодаря его исключительному мастерству называли «Паганини виолончели», дал первый концерт в Петербурге 4 марта 1839 г.

¹⁶³ Характеризуя виртуозную манеру Тальберга, особенно эффектно проявлявшуюся при исполнении им собственных произведений, Ф. В. Булгарин тогда же с восхищением писал: «У Тальберга, кажется, *три руки*. Среди труднейших пассажей, исполняемых с быстротою молнии октавами, вы всегда слышите тему, играемую будто бы *третьею рукою*, между тем как *две* руки разыгрывают в двух различных томах вариации и фантазии на эту же тему» (Северная пчела. 1839. № 44. 25 февраля. С. 173).

4. Большую сонату для Hammerklavier в B-dur с адажио¹⁶⁴ {...}

5. Сонату ля-бемоль Вебера¹⁶⁵.

Сонаты 1, 2, 3, 4 — это «Илиада» великого гения, который повсюду искал счастья и никогда его не находил. {...}

Каков ваш братец: не преминув вместе с {нрзб.} посетить репетицию «Création» Гайдна, со всей пунктуальностью явился и на вечернем концерте, словно на посту¹⁶⁶ {...}

Погода все эти дни стоит неприветливая. Даже в мехах можно заledenеть, а уж если кусочек шеи величиной хотя бы с *сривенник* выглянет на воздух, тут вас и подстергает жесточайшая ангина. С приближением весны во мне, как в винах, которые умирают, когда зацветают виноградники, начинается процесс брожения, влекущий меня в знакомые теплые края.

Вы же, на развалинах мира, ласкаемые горячими лучами солнца и освежаемые средиземноморскими ветерками, долетающими до Колизея, вспоминайте иногда об отсутствующих, о замороженных. И все-таки жить на свете можно только в трех городах, в числе коих, вне всякого сомнения, Петербург.

Обнимите за меня графа Михаила, о котором я часто вспоминаю. Я прошел все экзамены на степень доктора искусств и теперь занят тем, что пишу и печатаю предлинную диссертацию.

Прощайте, надеюсь, что полное и совершенное выздоровление наступит, как только вы увидите со всеми вашими; они готовятся к отъезду, и сердца их обитают уже в древней столице мира. Передайте множество приветов вашему Папа, которому я писал этой зимой.

*Преданный вам
В. Ленц.*

Анна Виельгорская — Иосифу¹⁶⁷

Петербург 18 марта [1839].

Увы! у меня только полчаса на письмо тебе, тороплюсь ужасно, ибо Эмма¹⁶⁸ придет ко мне в 1½, а уже начало второго; ну и ладно, у меня еще будет время поболтать с моим супругом. Твои письма прелестны, потому что заключают в себе

¹⁶⁴ Речь идет о произведениях Бетховена: сонате № 14 ор. 27 (№ 2) — «Лунной»; сонате № 12 ор. 26; вероятно, сонате № 23 ор. 57 — «Аппассионате»; сонате № 31 ор. 106 для фортепьяно.

¹⁶⁵ Соната № 2 ор. 39.

¹⁶⁶ Оратория И. Гайдна «Сотворение мира» (1798) была исполнена 9 марта 1839 г. в благотворительном концерте, устроенном Филармоническим обществом в пользу вдов и сирот бедных музыкантов.

¹⁶⁷ ПД. Ф. 50. № 22. Л. 1—1 об. Оригинал по-французски. В левом верхнем углу листка почтовой бумаги — вытисненное и раскрашенное изображение анютиных глазок.

¹⁶⁸ Неустановленное лицо, возможно, преподавательница (см. упоминание о некоей г-же Диоло в письме Иосифа к Анне от 15 января 1839 г.).

замечательные новости, за что тебя нежно благодарю. Послезавтра мы начинаем гаветь¹⁶⁹, как говорит Сережа¹⁷⁰; как страшно исповедоваться. Ты не находишь? Представь себе, мы везде будем вместе: и на исповеди, и у причастия. Поздравляю тебя с причащением и желаю, чтобы сие благотворно воздействовало на твою душу и тело. Погода еще совершенно зимняя, сегодня утром было 11 градусов мороза¹⁷¹; везде лежит снег, и на санях можно ездить без труда. Я бы хотела, чтоб на Пасху мы могли кататься в экипаже, но едва ли это возможно.

Прощай, милый супруг; целую тебя столько же раз, сколько *верст* нас разделяет, и к тому прибавляю все мысли и нежные слова, которые не успеваю начертать на бумаге.

Поцелуй Папа за меня и скажи, что я ему напишу в следующий раз.

Ton épouse Anolite.

Your maid Zerlina.

Deine Frau Nozi.

Твоя жена Анна Михайловна.

*Tua moglie Anna*¹⁷².

Да благословит тебя Господь!

Л. К. Внелгорская — Иосифу¹⁷³

12/24 апреля 1839 Петербург. № 60.

Если судить по времени года, то и не знаю, когда мы сможем увидеться. Весной и не пахнет, словно будет еще холоднее¹⁷⁴. «Геркулес» не сможет отплыть 6 мая, поскольку еще будет лед, снег, холод и все прелести зимы. Вчера солнце выглянуло на два часа, чем я воспользовалась, чтобы отправиться с Бишками на прогулку к Бирже, где дощатый настил — единственное сухое место¹⁷⁵. Надеюсь, ты не думаешь больше о Крейте, которого мне ни одна душа не хвалила, а Императрица, кажется, до сей поры раскаивается в том, что туда поехала. Вчера она

¹⁶⁹ В оригинале каламбур: для передачи русского слова «говеть» использован созвучный французский глагол «gaver», означающий, однако, совершенно противоположное действие — объедаться, откармливать птицу на убой.

¹⁷⁰ Волков.

¹⁷¹ 11 градусов мороза по шкале Реомюра соответствуют —13, 75°С.

¹⁷² Твоя супруга Анолита (фр.). Твоя подруга Церлина (англ.). Твоя жена Нози (нем.). Твоя жена Анна (ит.).

¹⁷³ ПД. Ф. 50. № 43а. Л. 1—1 об. Оригинал по-французски. Адрес: «Monsieur Monsieur le Comte Joseph Wielhorski attaché a la personne de S. A. I. Monseigneur le Grand Duc Héritier. Via dei Pontifici № 49 Rome». Штемпели: «Berlin 2/5», «Roma 13 Maggio 1839».

¹⁷⁴ Весна 1839 г. в Петербурге выдалась чрезвычайно холодной. В день написания этого письма термометр в полдень показывал +3, 7°R, т. е. 4,6 °С. Вскрытие Невы произошло только 21 апреля/3 мая.

¹⁷⁵ По-видимому, имеется в виду «сквер» у Биржи (см. об этом прим. 395 к гл. III).

должна была посетить наш музыкальный вечер, но доктора запретили ей выходить по вечерам, такой уж выдался год, что какое-нибудь невезение то и дело подворачивается. Вечер очень удался. Бишки и Дядя остались не слишком довольны портретом, уж несколько лет Соколов не так хорошо пишет, как раньше¹⁷⁶. Он ничтоже сумняшеся рисует кривые рты, а глаза вечно глядят в разные стороны, не желая подчиняться его мастерству. Поскольку Лине не сделали прививку до того, как она заболела корью, я решила сделать это сейчас, доктора утверждают, что прививка предохраняет от оспы, во всяком случае, от ее ужасных последствий. До сих пор она не заболела, можно ожидать еще на 6 и 9-й день. Я предпочитаю сделать им прививки здесь, где все в моих руках и я у себя дома, чем в путешествии и особенно в Италии. Очень желала бы узнать, какое решение твоя высокая мудрость приняла относительно лета. Судя по всему, во Франции так беспокойно, что должно ожидать ужасной бури¹⁷⁷. Эти французы—безумцы, которых никакой опыт ничему не научит. Бишки и Миша осыпают вас с папушкой¹⁷⁸ ласками и поцелуями. Дядя, думаю, напишет тебе сам. Да сохранит тебя Господь, милое и драгоценное дитя мое, да пребудет с тобою, мой ангел, благословение небес. С живейшей нежностью целую тебя и Папа.

[А. В. Адлерберг]¹⁷⁹—Иосифу¹⁸⁰

Гаага. 24 апреля 1839.

Тебе, наверное, уже известно о твоём продвижении по службе, дорогой мой друг. Поздравляю тебя с этим от всего сердца, как и все наши, передающие тебе

¹⁷⁶ Неясно, о каком портрете идет речь. Из работ П. Ф. Соколова, изображающих членов семьи Виельгорских, известны выполненные в 1830-х гг. портреты Михаила Юрьевича (Всероссийский музей Пушкина, Санкт-Петербург) и Матвея Юрьевича (Государственный музей Пушкина, Москва).

¹⁷⁷ Политическая ситуация во Франции в то время была накалена вследствие затянувшегося правительственного кризиса. 12 марта в Париже произошло вооруженное выступление членов тайного общества «Времена года» под руководством О. Бланки.

¹⁷⁸ В оригинале—«parouchka».

¹⁷⁹ Атрибуция предположительная. В архивном деле автором ошибочно назван великий князь Александр Николаевич, но из содержания и тона письма ясно, что это приятель Иосифа, молодой человек, приближенный к наследнику. Литера А в качестве подписи позволяет предположить, что автором письма мог быть один из Александров—Паткуль или Адлерберг (Александр Барятинский и Алексей Толстой исключаются, поскольку они упомянуты в тексте). Предположение об авторстве Адлерберга основано на мнении об относительно более близких и дружеских отношениях между Иосифом и Адлербергом, которого тот в своем дневнике называет просто по имени (Саша), тогда как Паткуль именуется всегда по фамилии.

¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 2349. Оп. 1. № 10. Л. 6—6 об. Оригинал по-французски. Адрес на конверте: «Italie. Monsieur monsieur le Comte Joseph Wielhorsky. Rome. Aux soins

множество поклонов и приветов.—Полагаю, на этот раз у тебя не будет причины сердиться, как ты сердился когда-то, узнавши о моем назначении к великому князю и думая, что в расписании шла речь о тебе.

Мы крайне тревожились о тебе, дорогой друг, ибо никто из нас не имел от тебя ни словечка со времени моего отъезда из Рима. Наконец я успокоился, получив от Алексея Толстого новости о тебе. Дай Бог, чтобы ты и впредь оставался доволен лечением. Я к тебе писал не однажды, но безответно. Не знаю, чем объяснить твое молчание, которое нас весьма и весьма беспокоило.—Барятинский, также получивший повышение¹⁸¹ и также тебя обнимающий, велит тебе сказать, что писал к тебе дважды: из Вены и Карлсруэ. В первом письме содержалось его отеческое благословение на брак *Змейки*¹⁸².—Во втором он сообщал тебе о двух ружьях, заказанных им для г-жи Черткойвой у Майера, лучшего венского оружейника. Эти ружья находятся у Жерве, в посольстве.—

Ты, вероятно, знаешь, что Орлов получил голубую ленту, Кавелин—алмазные знаки ордена Александра Невского, а Жуковский—*шиш*¹⁸³. Все петербургские милости тебе также, я думаю, известны: самые заметные среди них—пожалование в графы Киселева и Клейнмихеля (обоих разом!). Лихо! *Я воображаю, как первый из них бесится, когда Орлову и Меншикову дали Андрея*¹⁸⁴.

de la légation Impériale de Russie». Штемпель отправления: «Gravenhage. 26. 4»; штемпель получения: «(Rom)a 9 V 1839 G(iugno)».

¹⁸¹ Тем же пасхальным приказом от 26 марта 1839 г., по которому получил повышение Иосиф, корнет Гусарского полка князь Барятинский 1-й был произведен в поручики.

¹⁸² О чем идет речь—неясно.

¹⁸³ 21 апреля поэт отметил в дневнике: «Привезли ленту и брильянты Кавелину, а мне оплеуху» (Дневники Жуковского. С. 483). В указе о награждении А. А. Кавелина царь выразил ему «признательность и особое благоволение» за деятельность по воспитанию наследника. Жуковский, напротив, уже не в первый раз был обойден наградой: в 1837 г., когда праздновалось двадцатилетие свадьбы Николая и Александры Федоровны, так или иначе были отмечены все, кто состоял при них в то время (включая придворных служителей), в том числе и А. А. Кавелин, получивший орден св. Александра Невского и милостивый рескрипт. Жуковский, обучавший Александру Федоровну русскому языку еще в бытность ее невестой великого князя Николая, не получил ничего и воспринял это как недвусмысленный знак неблаговоления со стороны отца его ученика. «Мне пощечина»,—записал он тогда (Дневники Жуковского. С. 337; запись от 6 июля 1837 г.).

¹⁸⁴ Пасха 1839 г. была особенно «урожайной» на награды. В день Светлого Воскресения, 26 марта, был торжественно освящен восстановленный Зимний дворец, и награждения лиц, причастных к его возобновлению, присоединились к обычной череде наград, приуроченных к празднику. 26 марта был подписан ряд высочайших указов Сенату, согласно которым А. Ф. Орлов и А. С. Меншиков получили орден св. Андрея Первозванного, а П. Д. Киселеву и П. А. Клейнмихелю

Пока ничего еще не решено о том, что мы станем делать; известно лишь, что в Англию мы не едем. С завтрашней почтой ожидаем окончательных указаний; следует полагать, что мы воротимся в Петербург к 1/13 июня¹⁸⁵.

Жизнь, которую мы ведем в Гааге, довольно однообразна и скучна. Не пропускаем ни балов, ни обедов, но это, по мне, только умножает скуку.

Письмо, полученное мною от Алеши¹⁸⁶, весьма и весьма *отрывисто* и написано так, что я не мог как следует уразуметь, что происходит в Риме. Попеняй ему за это, да тут же и обними от меня. Поклонись хорошенько Долгоруким и Толстым. Скажи мое почтение твоему отцу.

Сердечно и душевно тебе преданный А.

Константин Бенкендорф сделан флигель-адъютантом, к моему удивлению, *ибо я воображал не знаю почему, что он будет нашим*.

Напомни обо мне Брауну. Я хочу к нему писать на днях.

Великий князь Александр Николаевич—Иосифу¹⁸⁷

19-го апреля / 1 мая 1839.

*Тилбург в Голландии,
из главной квартиры
пр(инца) Оранского¹⁸⁸*

Давно я собирался писать тебе, любезный мой Виельгорский, но мне времени не было. Последние известия о твоём здоровье были слава Богу удовлетворительны, что меня крайне радует; я вполне надеюсь на милость Божию, что Он поможет тебе скорее поправиться и воротиться домой совершенно здоровым.

Между тем в Хаге получил я приказ Высочайший, что для Пасхи, в котором ты произведен в *поручики*, с чем тебя от души поздравляю. Я писал в Петербург,

было пожаловано графское достоинство. Среди прочих «петербургских милостей» можно назвать награждение М. М. Брискорна орденом св. Владимира II степени, Л. В. Дубельта—орденом св. Станислава I степени и пожалование в статс-дамы супруги А. Х. Бенкендорфа Елизаветы Андреевны.

¹⁸⁵ Против ожидания, курьер, прибывший в Гаагу 26 апреля, привез приказание все-таки отправляться в Англию (см.: Дневники Жуковского. С. 485). 1 мая наследник со свитой уехал из Гааги и уже 3-го достиг Лондона. В связи с таким изменением маршрута возвращение в Россию было отложено; великий князь прибыл в Петергоф 23 июня (ст. ст.).

¹⁸⁶ А. К. Толстого.

¹⁸⁷ РС. 1898. № 1. С. 99—100. Уточнено по автографу—РГАЛИ. Ф. 2349. Оп. 1. № 10. Л. 4—5. Адрес на конверте: «A Monsieur Monsieur le Comte Joseph Wielhorski, officier de la Garde Impériale Russe, attaché à la personne de S. A. I. Mon. le Gr. D. Héritier de Russie, à Rome».

¹⁸⁸ Вильгельм, принц Оранский, с 1840 г. король Нидерландов.

чтобы прислали мне эполеты для тебя¹⁸⁹, которые я к тебе немедленно отправлю.— Я полагаю, что ты еще будешь в Риме, в этом *милом Риме*, где я провел так весело прошлую зиму, все это мне кажется *сном* и весьма приятным. Где намерен ты провести лето? Напиши мне, прошу тебя, и адресуй письмо куда в миссию нашу во Франкфурте.

Что со мною во все это время происходило, ты вероятно уже знаешь. Из Вены, где я провел 10 дней, проехал я через Мюнхен в Стутгарт, Карлсруэ, Майнц, Кобленц, Кёльн, Дюссельдорф, Нимвеген и в Хагу, куда я прибыл в самое наше Вербное воскресенье. На страстной неделе мы отовели с Великой Княгиней Анной Павловной, и я в первый раз в отдалении от своих и от тебя, мой милый друг, после стольких лет! Признаюсь, мне было очень больно быть одному в это время, которое мы привыкли проводить вместе.

Всего я пробыл в Хаге ровно 4 недели довольно спокойно и приятно; мы были в Амстердаме и оттуда ездили поклониться знаменитой *хижине Петра Великого* в Саардаме¹⁹⁰. Вчера я выехал сюда в Тилбург и сегодня при самой благоприятной погоде происходил смотр всем войскам голландским, собранным под начальством самого пр(инца) Оранского; они в весьма хорошем состоянии.

Завтра отправляюсь я на пароходе в Англию, где я полагаю пробыть не более 4 недель, а оттуда я вероятно возвращусь по Рейну, на Франкфурт¹⁹¹, Берлин и из Штетина морем в С.-Петербург к 25-му июня/7-го июля. Ты можешь себе представить мое счастье, когда я только об этом подумаю!

¹⁸⁹ Поручишь эполеты с тремя звездочками.

¹⁹⁰ Этой экскурсии Жуковский тогда же посвятил стихотворение «В саардамском домике»:

Над бедной хижиною сей
Витают ангелы святые;
Великий князь, благоговей!
Здесь колыбель империи твоей,
Здесь родилась великая Россия!

(Сочинения В. А. Жуковского под ред. П. А. Ефремова. Т. 3. СПб., 1878. С. 271).

¹⁹¹ Великий князь предполагал на обратном пути в Россию сделать существенный крюк по Германии для того, чтобы вновь посетить Дармштадт близ Франкфурта, где за месяц с небольшим назад— 25 марта, он познакомился с юной принцессой Марией, дочерью великого герцога Гессенского Людвига II. Тогда же он объявил спутникам, что нашел себе невесту. В Петербург с письмом к августейшим родителям, в котором Александр испрашивал благословения, был немедленно отправлен А. И. Барятинский. Вскоре он вернулся с сообщением о том, что император и императрица одобрили выбор сына. Тем не менее, пока велись официальные переговоры, эта информация пока не подлежала огласке, поэтому ни сам наследник, ни Адлерберг в письмах к Жозефу ни словом не обмолвились об этом важнейшем событии.

Но пора кончить, обними за меня отца и скажи ему, чтобы он поклонился от меня *прелестнейшей княгине*¹⁹² и всем милым русским и добрым знакомым, если они все еще вместе в Риме.—Молю Бога, чтобы Он помог тебе скорее поправиться. Прощай, милый друг, пиши мне, и не забывай тебя истинно любящего

Александра.

Все рухнуло 21 апреля. Хрупкие надежды разлетелись в прах, и Михаил Юрьевич с ужасом увидел сына на грани смерти. Срочно созванные врачи констатировали тяжелую чахоточную «кризу»—впрочем, по обыкновению попытавшись уверить графа в том, что все еще может закончиться хорошо. Юноше предписали полный покой и свежий воздух. Оставаться в центре города было невозможно, пришлось перебраться с квартиры на виа деи Понтефичи на виллу Волконской.

Виельгорские не первыми угодили в ловушку кажущегося улучшения, которое дарила чахоточным Италия. Еще в ноябре 1834 г. Луиза Карловна встретила в Флоренции с Вяземскими, которые в последней надежде на излечение везли в Рим больную дочь Пашеньку¹⁹³. Тогда графине бросилось в глаза тяжелое состояние девушки, ровесницы Жозефа, но ей и в голову не могло прийти, что через четыре года то же самое случится с ее собственным сыном. В римский период сходство в судьбе двух молодых людей становится еще очевиднее и страшнее. Вяземских, как и позднее Виельгорских, приняла под свое попечение Волконская: она нашла им квартиру в палаццо Конти на пьяцца дела Минерва и всеми силами поддерживала их. Как и Михаил Юрьевич, князь принял ремиссию за начало выздоровления и решился съездить в Неаполь. Он расстался с дочерью 10 февраля 1835 г., но уже 12-го тревожные известия из Рима заставили его вернуться. Начавшаяся «криза» обозначила последний период болезни. После этого девушка прожила немногим более месяца и скончалась 23 марта.

Эти события происходили на глазах у Волконской, а после отъезда Вяземских из Рима княгиня ухаживала за могилой девушки. Теперь, наблюдая за Иосифом, она не могла не догадываться о том, что развязка близка. Сходного мнения были, очевидно, все, кто окружал Виельгорских в эти дни. 5 мая имя Жозефа впервые появляется в письмах Гоголя. Он пишет Погодину, между делом сообщая последние и, увы,

¹⁹² О. А. Долгоруковой.

¹⁹³ См.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 287.

неутешительные новости о здоровье юноши, который произвел такое приятное впечатление на историка. В интонации этого письма угадываются отголоски недавних бесед. Невозможно с полной уверенностью реконструировать их содержание, но одно несомненно—друзья затрагивали вопрос о том, как необходимы России люди, подобные молодому Виельгорскому. Впрочем, угасание Иосифа еще не успело всецело приковать к себе внимание писателя. Гоголь касается этой темы лишь в связи с рассуждениями об оказании поддержки славянским ученым, в чем неоценимую роль могли бы сыграть связи и влияние Мих. Ю. Виельгорского. На первых порах граф сочувственно отнесся к этой идее, но резкое ухудшение в состоянии сына заставило его позабыть обо всем: «Он ходит как убитый,—писал Гоголь.—Иосиф, кажется, умирает решительно. Бедный, кроткий, благородный Иосиф. Может быть, его не будет уже на свете, когда ты будешь читать письмо. Не житье на Руси людям прекрасным. Одни только свиньи там живущи». При всем том Гоголя в первую очередь занимало собственное здоровье: «Живу надеждою на Мариенбад, а с ним вместе и на приятность с тобою увидаться»¹⁹⁴. Спустя три дня он писал Данилевскому, по обыкновению восторгаясь красотами Италии и ни словом не упоминая о молодом Виельгорском, незнакомом адресату, однако в его словах контрапунктом уже проходит тема болезни: «...» и май какой чудный, прекрасный май! Ты знаешь, каков он в Риме. Альбано, Фраскати, ослы и эти чудные деревья и лазурные небеса. Чего не позабудешь в это время, и слишком нужно быть сильной болезни физической, чтобы не позабыть её хотя бы вполовину»¹⁹⁵.

А еще несколько дней спустя Жозефу пришлось расстаться с человеком, чьи заботы и душевное участие немало утешали его в последние месяцы. Черткова, проводившая с ним целые дни в то время, когда он чувствовал себя относительно неплохо, стала просто незаменимой теперь, когда наступило ухудшение. Больной лишился сна, но и в самые тяжелые для него ночные часы Lise как преданная сиделка не покидала его. Ясно понимая, что дни юноши сочтены, Черткова до последнего оттягивала отъезд из Рима, хотя все сроки, намеченные для пребывания в Италии, давно прошли. Муж настаивал на том, что пора ехать, и наконец она с тяжелым сердцем решила покинуть Иосифа.

¹⁹⁴ Гоголь. Т. II. С. 224.

¹⁹⁵ Там же. С. 225.

Конечно, молодой человек не остался без поддержки и ухода; рядом с ним находился один из домочадцев Волконской, Владимир Павей. Он был воспитанником княгини, однако о его происхождении достоверно ничего известно не было. Считалось, что он был просто подобран на улице Лондона в 1815 г.¹⁹⁶ Выросший вместе с сыном Волконской, он звал Александра Никитича братом, а княгиню— матерью, однако найденышу была предначертана судьба, весьма отличная от судьбы молодого князя. А. Н. Волконский поступил на дипломатическую службу в России, а Павей сделался чем-то вроде управляющего делами княгини. Перешедший под влиянием своей благодетельницы в католичество, он был впоследствии приближен к папскому двору. Павей, старший несколькими годами, опекал больного, видимо, с момента его переезда на виллу, однако между ними едва ли возникла симпатия—слишком велика была разница в их статусе: Жозеф не мог не чувствовать, что в доме Волконской Павей находится в несколько приниженном положении. Как ни странно, сближению могло воспрепятствовать и то, что в биографиях молодых людей было одно весьма существенное общее обстоятельство: оба с детских лет ощутили, что значит быть живым средством для воспитания высокопоставленного ровесника. Функция Павей при А. Н. Волконском напоминала обязанности Иосифа при наследнике, и в судьбе приемыша княгини Виельгорский мог усмотреть жестокую пародию на собственную жизненную коллизию. Если такое сопоставление пришло ему в голову, то даже заботливость, с какой Павей целыми днями ухаживал за ним, вероятно, не могла вытеснить это тягостное чувство.

Впрочем, общение с воспитанником Волконской не имело для Жозефа решающего значения. С отъездом Чертковой ее место при умирающем занял Гоголь. Вероятнее всего, Lise, которую связывали с писателем непринужденно-дружеские отношения, сама попросила его об этом. Иосифу оставалось жить три недели, но этого времени оказалось достаточно для того, чтобы возникла его дружба с Гоголем, которой молодой Виельгорский обязан своей посмертной известностью. При этом об обстоятельствах их общения практически неизвестно ничего достоверного: все сведения, которыми мы располагаем, так или иначе восходят к рассказам одного лица—самого Гоголя. Исключение составляют приводимые ниже свидетельства Мих. Ю. Виельгорского, С. Б. Шевыревой и В. Н. Репниной. Что касается самого Иосифа, то наши зна-

¹⁹⁶ Его фамилия была образована от французского слова *ravée* — мостовая.

ния о его личности позволяют предполагать, что в последние дни жизни ему действительно был необходим близкий человек. Так, в дневнике он несколько раз говорит, что хотел бы наконец встретить настоящего друга. Предшествующая фрустрация в семейных и общественных связях вполне могла породить эмоциональный всплеск, который, несомненно, нашел бы отклик в склонном к экзальтации Гоголе. Быстрому сближению Гоголя с Иосифом не помешала ни обычная застенчивость писателя и его скованность в обществе малознакомых людей, ни его провинциальная неловкость и претенциозность, ни забавная манера одеваться—все то, что могло делать его смешным в глазах аристократов. У Гоголя и молодого Виельгорского было, в сущности, не так много общих интересов: первый был далек от музыки; второго, судя по всему, практически не занимали русский театр и русская словесность. В той трагической ситуации эти различия, однако, меркли, и на первый план, по-видимому, выступало другое: присущее обоим духовное беспокойство, стремление к тому, чтобы в собственной жизни осуществить моральный идеал; кроме того, Гоголя не могло не привлекать в Иосифе его серьезное увлечение национальной историей, отсутствие поддельной аффектации и даже склонность юноши к резонерству, которая отталкивала людей светской культуры¹⁹⁷.

Из дневника С. Б. Шевыревой¹⁹⁸

11 мая / 29 апреля 1839 г.

Сегодня в 8 ч. утра я пошла, взяв с собою Бориса, к Lise Чер(ковой); она еще одевалась; при мне она взяла урок игры на гитаре, а я шила свое одеяло. Пока она заканчивала укладку вещей, я листала ее дневник. В 11 ч. пришел Гоголь и оставался с нами; потом все мы сели в экипаж—это было в половине 3-го. (...) Lise, ее муж и Гоголь завезли меня домой¹⁹⁹, а сами поехали на Vigne²⁰⁰ к больному, у которого Lise останется до 5 ч. утра, потом сядет в экипаж и покинет Рим. (...)

12 мая.

(...) Monsieur Владимир пришел к матери; он видел, как Lise садилась в коляску в 8 ч.; она была весьма грустна и выглядела нездоровой. Поговорили о ней и о больном, которому лучше. (...)

¹⁹⁷ Ср., в частности, письмо Иосифа к сестре Аполлинарии от 27 мая 1837 г.

¹⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 2. № 2. Л. 1, 2—2 об., 5. Оригинал по-французски.

¹⁹⁹ Т. е. в палаццо Поли.

²⁰⁰ виноградник (фр.). Имеется в виду вилла Волконской.

20-20.

Опишу события задним числом, начиная с 15. В этот день мы провели послеобеденное время на Vigne. Вьющиеся розы необыкновенно красивы. (...) Пятница 17. (...) княжна Vagette²⁰¹ зашла к нам; она необыкновенно любезна. (...)

28-20.

У княгини уже три дня живет аббат Жербе и пробудет до 19 июня.

Весной 1839 г. в доме Волконской собралось довольно многочисленное общество: у матери жил Александр Никитич с женой и дочерью, гостеприимством княгини пользовались аббат Жербе, С. Б. Шевырева с сыном, а также некая неизвестная нам баронесса. К ним надо добавить постоянных домочадцев Волконской: ее старшую сестру М. А. Власову, В. Павея и графа Миньято Риччи. Жизнь в стенах палаццо Поли была ключом: 22 мая состоялся любительский спектакль, организованный хозяйкой как в прежние времена, когда сам Россини восторгался ее исполнением партии Танкреда. На этот раз Волконская «угощала» оперой Ф. Листа. Был поставлен «Севильский цирюльник», причем роль Фигаро блистательно исполнил А. Н. Волконский, а в остальных партиях были заняты римские друзья княгини; сама она не участвовала в спектакле. Пять дней спустя «Цирюльник» был повторен. Однако репетиции оперы шли параллельно с грустными хлопотами: 12 мая скончалась синьора Кавалетти, племянница графа Риччи, которую Волконская ежедневно посещала в последние дни²⁰², а на Vigne к этому времени уже находились Виельгорские.

Жозефа поместили на первом этаже дома, по-видимому, в знаменитой гостиной княгини, убранной по стенам «антиками»²⁰³. Туда при-

²⁰¹ Домашнее имя В. Н. Репниной.

²⁰² См.: РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 2. № 2. Л. 1, 2 об., 3 об., 4 об.

²⁰³ Потомки Волконской, унаследовавшие ее виллу, сохраняли малодостоверное предание о том, что И. М. Виельгорский жил в комнате с террасой, где хозяйка обычно селила почетных гостей. В разное время там останавливались Гоголь, Мицкевич и ее друг, известный богослов аббат Жербе (изложение этой версии см.: Aventino. По следам Гоголя в Риме. М., 1902. С. 12; Полонский Я. Б. Литературный архив и усадьба княгини Зинаиды Волконской в Риме // Временник Общества друзей русской книги. Вып. IV. Париж, 1938. С. 179). Отсюда же, очевидно, происходит живучая легенда о том, что молодой Виельгорский умер на руках у Гоголя, полностью опровергаемая публикуемыми ниже свидетельствами С. Б. Шевыревой.

несли простую металлическую кровать. Скорее всего, именно ее можно рассмотреть на рисунке, выполненном предположительно Ф. А. Бруни в это время. Художник в шаржированном виде изобразил Гоголя — тот сидит в кресле с газетой в руках и, возможно, читает вслух больному, лежащему в постели (виден уголок одеяла). Возле окна, под рукой у Гоголя, находится столик, а на нем какие-то предметы — вероятно, стакан с лекарством, чашка или что-то подобное. В углу резвится котенок; вбежавшая в комнату девочка (очевидно, внучка княгини) остановилась, вопросительно глядя на Гоголя, который не обращает на нее внимания. Такова, возможно, была обстановка, окружавшая Жозефа в последние несколько недель жизни. Гоголь, добровольно принявший на себя обязанности сиделки («сердобольной сестры», по выражению В. Н. Репниной²⁰⁴), старался далеко не отлучаться от друга даже тогда, когда с больным оставался кто-то другой. На это время он, по-видимому, удалялся в другую комнату, на террасу или забирался на свою любимую аркаду.

Виельгорскому-отцу хозяйка отвела комнату в башенке, куда гости обычно поднимались, чтобы полюбоваться в телескоп чудесными видами. Михаил Юрьевич, так ценивший комфортность существования и называвший двухэтажные апартаменты на виа деи Понтефичи «скромной квартирой», был вынужден поломать все устоявшиеся за полгода бытовые привычки. Буквально раздавленный обрушившимся на него горем, он не находил себе места; письмо к Жуковскому неслучайно написано на вилле Челимонтана²⁰⁵, куда отец, очевидно, ушел, чтобы лишний раз не беспокоить больного и хотя бы на время вырваться из окружающей тягостной атмосферы.

²⁰⁴ РА. 1890. № 10. С. 229.

²⁰⁵ Огромная вилла Челимонтана (она же вилла Маттеи) с регулярным парком располагается на холме Челио примерно в километре от виллы Волконской. В описываемое время она принадлежала князю Годюю, однако была открыта для любопытствующих. Жуковский, побывав там, сделал зарисовки, пользуясь которыми позднее написал картину, известную под названием «Два монаха на террасе виллы Маттеи» (ныне в Государственном Русском музее). Персонажи этой картины, погруженные в глубокую задумчивость, созерцают вид на просторы римской Кампаньи, озаренной последними лучами солнца. Гоголь, по собственному признанию, любил бывать на этой вилле, вдали от назойливых туристов (Гоголь. Т. 11. С. 199).

Мих. Ю. Виельгорский—В. А. Жуковскому²⁰⁶

Мая 14-го н. с. [1839] *Alla villa Celimontana*²⁰⁷

Долго не решался писать, любезнейший друг, потому что эти три прошедшие недели были тяжки для нас.—

У Жозефа возобновилось кровохаркание и довольно сильное. Гомеопаты уже за месяц все говорили, что у него под правым боком группа постепенно образовавшихся туберкулов, и что они, отделившись, произведут кризу, которую должно выждать перед отъездом.—Но эта криза сделалась так опасная, что едва бедный мой Иосиф не умер. Господь да помилует нас! При этой опасности призвал я весьма искусного врача здешнего Гартмана (он при датской принцессе)²⁰⁸, чтоб наблюдать за лечением и выслушать мне все доводы Броуна и Северина, которые, не смотря на все мои просьбы при самом начале кризы, не соглашались поставить ему пиявки. Обошлось без них.

Сверх всякого чаяния, решившись перевести Жозефа на дачу Зенеиды, оборот болезни был разителен. Перемена воздуха подействовала удивительно, и чрез неделю ход болезни, кажется, остановился. Кашель утих, боли исчезли, но слабость осталась великая, а этот удар последний сильно потряс весь организм больного. Он доселе чрезвычайно слаб; несмотря однакоже на это, ежедневно мы его прогуливаем в открытой коляске и выносим утром в сад.

Криза началась 21-го апреля. Кашель с кровью продолжался не более 5 или 6 дней и собственно частое кровохаркание было только одни сутки (без рвоты), но боль и колотье, одышка еще долго продолжались. 7-го мая перевезли мы Жозефа на дачу. С этого времени сделалось ему легче. Примерно Лиза Черткова за ним ухаживала; более двух недель отсрочила выезд из Рима, но должна была оставить нас (12-го).

Все это время для меня летело на адских крыльях. Об Луизе я не смел и заикнуться с Жозефом. Написал к ней, что ему сделалось немного хуже.—Брату же написал всю истину. Подобные кризы (кровохаркание) с ним бывали раза два в течение зимы, но оканчивались скоро и без дальнейших последствий; от этого в первую минуту я не писал об этом в Петербург, тем более что Жозеф мог еще сам писать к Луизе. Между тем день ее выезда (на «Геркулесе»²⁰⁹) ускорен, и она

²⁰⁶ РА. 1902. Кн. 2. № 7. С. 443—444. Уточнено по автографу—ПД. № 27.598. Л. 14—15 об.

²⁰⁷ На вилле Челимонтана (ит.).

²⁰⁸ Возможно, при датской принцессе Луизе Шарлотте состоял доктор К. И. Гартман. Известна записка Гоголя от 13 октября 1842 г., обращенная к некоему доктору Гартману, которого писатель хотел привлечь к лечению только что прибывшего в Рим Н. М. Языкова (Гоголь. Т. 12. М., 1952. С. 107).

²⁰⁹ Торопясь к Жозефу, Луиза Карловна с дочерьми собиралась отправиться из Петербурга на военном пароходе «Геркулес», не дожидаясь рейса пассажирского судна.

вероятно выедет в полной надежде нас встретить в Париже, где решено было Жозефу провести лето, дабы осенью ехать в Швейцарию подышать альпийским воздухом, а потом на зиму восвояси, то есть в Рим.— Кажется, нетрудно отгадать о намерении вашем ехать в Фр(анкфурт) или его *окрестности*²¹⁰, хотя у меня все способности ума обратились в чувство страха. Хожу я как шальной то к Жозефу, который в большом салоне, то к *себе* в терем (где стоит телескоп).

Извини меня, милый мой, и письмо это шальное— не склеится, как я сам все это время.

Мы вероятно останемся здесь до июня, потому что прежде нельзя будет выехать, и поедем на первый случай в Марсель чрез Геную, где решится, остаться ли нам в окрестностях луккских вод²¹¹ или ехать в Париж.

Гоголь, который приходит бодрствовать ночью и целые дни проводит с нами, тебе кланяется сердечно. Он нас много утешает и забавляет оригинальной, умной своей болтовней. Жена вероятно на «Геркулесе» доедет до Любека, а потом в Гавр. Это все было удобно и умно придумано, что(б) скорее сойтись, увидеться. Намерение наше было по приезде сейчас поселиться в Сен-Жермене, откуда железная дорога облегчает все сношения с Парижем, и между тем спокойнее для больного²¹².

Не знаю, застанет ли тебя письмо в Голландии. Надеюсь, что его перешлют к тебе, куда следует. На будущей неделе напишу в Франкфурт²¹³. Мысленно тебя обнимаю.

Слышу, что Вяземского отозвали из Парижа управлять Департаментом внешней) торговли. Радуюсь, но еще не верю²¹⁴.

²¹⁰ Осторожный намек на визит наследника в Дармштадт свидетельствует о том, что Виельгорским уже стало известно о перемене в судьбе Александра Николаевича. Тем не менее, Михаил Юрьевич избегает писать об этом прямо, не желая ставить Жуковского в неловкое положение из-за разглашения тайны.

²¹¹ Серные воды возле итальянского города Лукка.

²¹² Имеется в виду городок Сен-Жермен-ан-Лэ близ Парижа, связанный со столицей железной дорогой.

²¹³ Мих. Ю. Виельгорский не знал о том, что великий князь со свитой все-таки отправился в Англию.

²¹⁴ П. А. Вяземский состоял в должности вице-директора департамента внешней торговли министерства финансов с 1832 г. С весны 1838 г. он находился в отпуске для лечения за границей (поэтому летом Виельгорские встретили его в Киссингене). Вскоре князь перебрался в Париж, где желал остаться надолго, однако его чересчур длительное пребывание там вызвало неудовольствие министра Е. Ф. Канкринна, потребовавшего срочного возвращения Вяземского на службу (подробнее об этом см.: Нечаева В. С. Письма П. А. Вяземского из Парижа 1838—1839 гг. // Литературное наследство. Т. 31—32. М., 1937. С. 118—119). Мих. Ю. Виельгорский, очевидно, получил информацию об этом не из первых рук и счел, что Вяземский отозван из Парижа в связи с повышением по службе.

Сведений о здоровье молодого Виельгорского ждали не только в Петербурге и Лондоне. 16 мая Волконская писала о нем в Париж Шевыреву: «(...) Бедный Жозеф у меня на Vigne. За ним ухаживает Владимир, я навещаю его каждый день, как и мой добрый друг баронесса²¹⁵, которую я поместила в розово-голубой комнате. Она предложила свои услуги в уходе, когда Lise уедет— если они не будут ему неприятны. (...) Мы наконец-то сняли виллу Мути за 50 пиастров в месяц, и добрая Софи уплатила первые 50 пиастров, чтобы мне помочь»²¹⁶. Шевыреву слал письма и Гоголь, спеша отчитаться в том, как он исполняет обещание уделять время его супруге. Впрочем, заботы о Жозефе вскоре лишили его возможности делать это: «Четыре дня я не видал Софьи Борисовны, все эти дни и ночи вместе я проводил у одра больного Иосифа, моего Виельгурского. Бедненький, он не может остаться минуты, чтобы я не был возле... И было бы бессовестно с моей стороны, если бы я не заплатил, увы! может быть, последнего долга дружбы. И потому я пишу к тебе немного, но мы знаем теперь еще короче друг друга, и наши пути договорят остальное»²¹⁷. Получаемые из Рима известия Шевырев, конечно же, передавал Погодину.

Между тем до Иосифа, умиравшего в тиши виллы Волконской, еще доносились последние отзвуки прежней жизни.

А. В. Адлерберг—Иосифу²¹⁸

**Лондон. 9 мая 1839.*

По приезде сюда, милый мой друг, я получил твое письмо, разом обрадовавшее и опечалившее меня; удовольствие наконец иметь весточку от тебя уменьшилось тревогой о твоём здоровье, которое, судя по твоим словам, улучшается крайне медленно.—Хотел бы я верить, что ты преувеличиваешь. Молю Бога о том, чтобы облегчение наступило для тебя скорее, уповаю на Него и вверяюсь Ему!—

По твоему желанию я поговорил с Великим Князем о твоей поездке в Париж. Он спросил меня, какие резоны убедили тебя провести там лето,—на что я не мог

²¹⁵ Неустановленное лицо.

²¹⁶ РО РНБ. Ф. 850. № 170. Л. 61. Оригинал по-французски.

²¹⁷ Гоголь. Т. 11. С. 233—234 (письмо не датировано).

²¹⁸ ПД. Ф. 50. № 68 (автором письма в заголовке дела ошибочно назван А. Ю. Виельгорский—дядя адресата, скончавшийся в 1821 г.). Звездочками отмечены части, написанные по-французски. На Л. 2 об. адрес: «Italie. Monsieur Mr le comte Joseph Wielhorsky. Rome. Aux soins de la légation impériale de la Russie» и штемпели: «London 10 May 1839», «Calais 12 Mai», «Roma 23 Mag(gio) 1839».

отвечать, поскольку и ты мне об этом ничего не написал.—Он полагает, что тебе следовало бы испросить на сие позволения²¹⁹; это, как и объяснение причин, чистая формальность, ибо тебе ничто не будет воспрещено, если речь идет о твоём здоровье. Он поручил мне передать тебе множество приветов и сказал, что последнее письмо отправил тебе из Тилбурга. Надеюсь, это обяжет тебя ему писать. Я тебя умоляю сим не пренебрегать: ты принесешь удовольствие ему и пользу—самому себе.

Очень прошу также сообщать мне твои новости как можно чаще.

Наше пребывание в Лондоне обещает быть весьма блестящим*, не взирая на недавнее событие, имеющее влияние на все. Я говорю о падении министерства. Вообрази себе, что Великий Князь, обозревая все достопримечательности города, зашел третьего дня в Парламент, и что странно, что в ту минуту, как он входил, Melbourn встал, чтоб объявить, что министр подал в отставку.—Влияние, которое это имеет на всех и все,—невообразимо. Смешно видеть радостные лица тори и грустные—whig²²⁰, и как одни отвертываются от других.—Нельзя себе представить, как разительны эти партии в обществе и везде.—Великого Князя принимают как нельзя лучше: не только при дворе и в обществе, но и в парке, где несколько раз слышно было «ура!»—Еще неизвестно, как долго мы здесь пробудем и что будем делать после. Лондон удивителен.—*Нет слов для описания его громадности и величия.*—

Прощай, любезный друг. Обнимаю тебя от сердца и прошу писать почаще. Кланяйся твоему отцу. [Руку пожми] также Брауну. Я намерен ему писать на днях.—

Александр

Куда тебе адресовать письма?

Это послание было получено в Риме 23 мая. Возможно, оно было последним, которое прочитал Иосиф. Хлопоты и приятельские наставления Адлерберга были уже ни к чему: юноша угасал и вполне отдавал себе в этом отчет. Скорее всего, за несколько дней до этого, 9/21 мая, в день именин Гоголя, Жозеф подарил ему свою Библию. В. Н. Репнина, видевшая эту книгу в руках у Гоголя через несколько дней после кончины Виельгорского, запомнила дарственную надпись: «Другу моему Николаю. Вилла Волконская»²²¹. Обращение здесь не оставляет сомнений в том, что они говорили друг другу «ты».

²¹⁹ Как человек, близкий к наследнику престола, Виельгорский не мог не считаться с прохладными отношениями, существовавшими между русским двором и правительством Луи-Филиппа, из-за которых Франция была даже исключена из программы заграничного путешествия Александра Николаевича. Поездка Иосифа в Париж должна была быть санкционирована лично императором.

²²⁰ вигов (англ.).

²²¹ РА. 1890. № 10. С. 229. Дальнейшая судьба этой книги неясна; среди сохранившихся личных вещей Гоголя ее нет.

Возможно, подарок Гоголю знаменовал собой прощание. В воскресенье, 7/19 мая, Иосиф, предчувствуя скорую смерть, причастился. Вряд ли больного повезли на виа Бокка ди Леоне, где в здании русского посольства одну из комнат занимала походная церковь во имя св. Николая Чудотворца—единственный православный храм, с существованием которого папское правительство соглашалось мириться в Риме. Его настоятель, иеромонах о. Герасим, очевидно, сам приехал на виллу Волконской. Две недели спустя, в субботу 20 мая/1 июня, больной вновь принял причастие: «Молодой Виельгорский причащался в саду,—вспоминала В. Н. Репнина,—и мой отец поддерживал его и читал за него „Верую, Господи, и исповедую“²²²».

Иосиф был очень слаб, но никто из окружавших его не ждал, что конец наступит уже на следующий день. Дальнейшие события отражены в нескольких источниках, которые дополняют друг друга в деталях, хотя кое в чем и расходятся.

Из дневника С. Б. Шевыревой²²³

Воскресенье 2 [июня], в 11 вечера.

Граф Иосиф умер сегодня в 7 часов. Бедный отец! и мать, которая едет в Париж, надеясь вскоре оказаться рядом с ними—страшно подумать. Мы пообедали на Vigne, где я видела Гоголя. Около 6 ч. г-жа Власова, Борис и я отправились в палаццо Джустиниани, откуда должны были смотреть на процессию, идущую к церкви святого Иоанна Латеранского²²⁴. Мы расположились у окна, предназначенного для сардинской королевы²²⁵. Княгиня приехала на минутку и уже собиралась возвращаться, когда пришли с известием, что больной умирает. Аббат Жербе, тоже пришедший смотреть на процессию, вскоре вызвался сходить за пальто для Бориса, который жаловался, что ему холодно. Когда он вернулся на

²²² Цит. по: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. М., 1895. С. 190. «Верую, Господи, и исповедую...»—молитва причащения, которую вслед за священником повторяет причастник.

²²³ РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 2. № 2. Л. 1, 2—2 об., 5—6. Оригинал по-французски.

²²⁴ Имеется в виду торжественная процессия, посвященная католическому празднику Тела Христова. Хотя он приурочен к первому четвергу по Троице, празднование по обычаю переносится на ближайшее воскресенье. Палаццо Джустиниани, располагающееся на развалинах терм Нерона, выходит своим фасадом на площадь Ротонда рядом с Пантеоном. Очевидно, процессия, последовательно посещавшая все главные храмы Рима, проходила по этой площади.

²²⁵ Имеется в виду Мария Христина, вдовствующая королева Сардинии.

Vigne, его как раз искали: надо было прочесть молитву на исход души. Послали за священником, его не оказалось дома, но больной причащался накануне. Пока все это происходило, мы были в палаццо Джустиниани. (...) Брат был последним, с кем говорил граф Иосиф; все это время он поддерживал голову умирающего, и тот сказал ему: «Monsieur Pavey, il faut se décider»²²⁶. Агония длилась не более получаса. Говорят, что в последние его мгновения отец был очень трогателен. Когда мы были там, он спустился в сад с Гог(олем), пришедшим только после кончины молодого графа. Он подошел к нам, сжал руки князя и г-жи Власовой; я отступила назад, он увидел меня и протянул мне руку. Он был не в состоянии говорить. Княгиня пробыла с ним до половины 11-го ч. Кн. Репнин отвез нас домой. Брат вернулся к 9 ч. и поднялся ко мне; мы могли говорить только об усопшем. Добрый брат, после отъезда Лизы он посвящал ему почти все время. (...)

(...) С нами ужинал бедный гр. Виельгорский. (...)

3-го.

4-го, в полночь.

Вчера в 6 ч. мы (княгиня, князь²²⁷, monsieur Владимир и я) отправились на Vigne на *панихиду* по усопшему. Его положили на столе, на том самом месте, где мы ужинали этой зимой; попрощаться пришли еще несколько человек. Был и бедный отец. После службы с лица графа Иосифа сняли покров, и я его увидела. Он словно уснул; его лицо, такое привлекательное, нисколько не изменилось, и казалось даже, что на его щеках играет легкий румянец. Добрый гр. Риччи, увидев, что мне не по себе, предложил мне руку, и мы немного походили по саду. Он пробыл с отцом две ночи и сегодняшний день; похороны состоялись сегодня после полудня. Вечер прошел внизу, и весьма грустно. Сегодня от жары и тоски я почти целый день ничего не могла делать²²⁸.

Из письма С. Б. Шевыревой к мужу²²⁹

3 июня / 22 мая

Все кончено для графа Иосифа, *душечка*, он умер вчера между 7 и 8 ч. пополуночи; кажется, он не очень страдал. Кн(ягиня), аббат Жербе и г-н Павей вместе с отцом были с ним до последнего мгновения. (...) Накануне он говорил Гоголю:

²²⁶ «Надобно решиться, господин Павей» (фр.). В. Павей слабо владел русским языком, поэтому Иосиф разговаривал с ним по-французски.

²²⁷ Т. е. А. Н. Волконский.

²²⁸ Жара, видимо, была невыносима: 8 июня все обитатели дома Волконской (кроме самой княгини), спешно собрав вещи, переехали за город — на виллу Мути во Фраскати.

²²⁹ РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. № 48. Л. 3—3 об. Оригинал по-французски. Письмо писалось в течение нескольких дней.

«Как больно душе отрываться от тела». Гоголь ушел за час до кончины и вернулся только когда его уже не стало. Священник тоже замешкался; никто не думал, что развязка наступит в этот день. Впрочем, он исполнил свой христианский долг и накануне, и две недели назад. Отец, говорят, был весьма трогателен: он разговаривал с ним, осыпал его ласковыми словами; но сын уже не мог отвечать; агония длилась не более часа. (...) Княгиня с аббатом пришли вовремя, он преклонил колена и молился о душе умирающего. (...) Кн. Репнин, также находившийся там, завез нас домой (...) Со времени отъезда Лизы он [Павей] посвятил покойному все свои дни и не отходил от него, хотя такой образ жизни совершенно ему не показан; боль в груди давала себя знать. (...) Княгиня воротилась домой только к 11 ч. Во вторник состоялись похороны, на которых мы не были. Княгиня в тот день поехала во Фраскати с братом и г-ном Гирелли²³⁰. (...)

Из письма З. А. Волконской к С. П. Шевыреву²³¹

[4 июня 1839]

Иосифа нет. Он вчера кончил свою жизнь, а Жерве обедал у меня. Ему было дурно, но никто не думал, что так скоро он умрет. Послали за мной, я с сестрой, с Жерве и с Софьей, и с Борисом были у Массими, где смотрели церемонию. Мне что-то сердцу сказало: пора домой. Встретила гр. Риччи, он искал Гогела, не нашли. Гр. М. Воронцова была при нем и прибежала вовремя, и мы окружили его постелю; в большой моей комнате у стены угловой и приняли, молясь, его чистую душу. Он ничего не отказывал, молился со мной, любил Богоматерь и правду, заслужил последнюю помощь, таинственный свет. Сегодня его выносим. Отец жалок, но повинуется. Миньято с ним ночевал третьего дни, и все с ним. Гогел тоже, но Миньято полезнее; вот как разрушается, что на песке воздвигнуто.

Впечатлительная и нервная Шевырева, тяжело переносившая разлуку с мужем и явно подавленная печальными событиями, тем не менее зафиксировала все происшедшее подробно и, по-видимому, досто-

²³⁰ Неустановленное лицо.

²³¹ Цит. по: Линниченко И. А. Душевная драма Гоголя // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 88. Одесса, 1902. С. 69—70 второй пагинации. Публикатор указывает, что оригинал письма находится в Публичной библиотеке, однако среди писем Волконской к Шевыреву, хранящихся в РО РНБ, данное письмо не обнаружено, поэтому мы не можем поручиться за точность воспроизведения текста. Неясно, на каком языке писала княгиня, сомнения вызывает также датировка письма (если принять дату 4 июня, тогда в тексте должно быть не «вчера», а «позавчера») и странное написание фамилий: «Жерве» вместо «Жербе», «Гогел» вместо «Гоголь», «Массими» вместо «Массимо». Кстати укажем, что ошибка в передаче фамилии французского священника является весьма распространенной.

верно. Сообщаемые ею сведения по-новому освещают обстоятельства последних дней и часов жизни Иосифа, и в частности вносят ясность в вопрос о том, присутствовал ли при его кончине Гоголь. Безусловно жалея юношу и его отца, Шевырева все же оставалась беспристрастной, чего никак нельзя сказать о Волконской. Письмо последней, даже если оставить за скобками сомнительную археографическую точность имеющегося в нашем распоряжении текста, производит впечатление сильного раздражения, которое княгиня не слишком удачно пытается скрыть. Особенно поражает заключительная фраза приводимого И. А. Линниченко фрагмента: банальная моральная сентенция, которой резюмируется рассказ о кончине молодого человека, чьи последние минуты Волконская только что описывала в превыспренних выражениях, заставляет предполагать, что княгиню по какой-то причине терзала непреодолимая досада. В письме нет ни сочувствия, ни скорби, лишь одна холодная экзальтация, нагнетавшаяся, очевидно, в течение последнего месяца, когда один за другим следовали большие религиозные праздники (9 мая — Вознесение, 19-го — Пятидесятница, 26 — Троица и наконец сам праздник Тела Христова, с которого Волконская прибыла к одру умирающего) и связанные с ними пышные церемонии. К этому добавились впечатления от предсмертной болезни и кончины сеньоры Кавалетти. Если принять во внимание эмоциональное состояние княгини к моменту смерти Иосифа, то следующая сцена, запечатленная в написанных много лет спустя воспоминаниях В. Н. Репниной, представляется довольно правдоподобной, даже несмотря на ряд фактических неточностей и явную неприязнь мемуаристки к Волконской: «Когда умирал Иосиф Виельгорский, то у него ежедневно бывали Елизавета Григорьевна Черткова, урожденная Чернышева, графиня Марья Артемьевна Воронцова и наконец Гоголь. Зинаида Александровна была уже тогда ярая католичка, и мне рассказывали, что Гоголь пошел прогуляться и вместе поискать священника для исповеди умирающего. Гоголь же потом сам читал для него отходную. Молодой Виельгорский причащался в саду, и мой отец поддерживал его и читал за него «Верую, Господи, и исповедую». Но когда он умирал, то в его комнате уже был приглашенный Волконской аббат Жерве. Зинаида Александровна нагнулась над умирающим и тихонько шепнула аббату: «Вот теперь настала удобная минута обратить его в католичество». Но аббат оказался настолько благороден, что возразил ей: «Княгиня, в комнате умирающего должна быть безусловная тишина и молча-

ние». Тем не менее моя тетка (т. е. княгиня З. А. Волконская) что-то еще пошептала над Виельгорским и потом говорила: «Я видела, что душа вышла из него католическая». Виельгорский же был перед смертью так слаб, что Черткова вместе с Гоголем нежно ухаживали за ним и держали тарелку, когда он ел. Но Черткова собиралась уехать, так как этого требовал ее муж. В знак глубокой признательности к ней за хлопоты и попечения о нем Виельгорский, умирая, снял с руки кольцо, чтобы передать его Чертковой. Увидя это, Волконская почему-то с несдерживаемым негодованием произнесла: «C'est immoral!»²³² Она находила, что когда Виельгорский умирал, то у него не должно было остаться никакого земного чувства»²³³.

Очевидно, Репниной врезался в память рассказ отца, услышанный буквально через несколько часов после смерти юноши. Князь возвратился домой, возмущенный тем, что он увидел: его родственница²³⁴ повела себя совершенно недостойно, воспользовавшись отсутствием православного священника и тем, что убитый горем Михаил Юрьевич не мог помешать ее действиям. Волконская предприняла свою атаку, памятуя о польском происхождении Виельгорских и о том, что мать Жозефа принадлежит к римской церкви. Княгиня рассчитывала, вероятно, найти поддержку и в католиках, окружавших постель умирающего: в Воронцовой, в Павее, которого ей самой удалось обратить несколько лет назад, и особенно в аббате Жербе— тот, однако, предпочел уклониться от столь сомнительной чести. Однако Волконская, увлеченная идеей привести молодого графа к истинной вере хотя бы на пороге смерти, забылась настолько, что ее не останавливало даже присутствие Репнина, который, несомненно, разгласил бы происшедшее, а это имело бы самые неблагоприятные последствия прежде всего для нее самой.

Артистическая и склонная к экзальтации натура, княгиня была, по видимому, очарована в первую очередь величественной театральностью и эстетизмом католического культа, достигавшими предельной отточенности именно в Риме. Поэтому-то она и направляла свои уси-

²³² Это безнравственно! (фр.)

²³³ Цит. по: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. М., 1895. С. 190—191.

²³⁴ Муж З. А. Волконской князь Никита Григорьевич был родным братом Н. Г. Репнина; таким образом, княгиня доводилась Репнину невесткой.

лия в первую очередь на тех своих знакомых, в ком предполагала тонкий душевный склад и способность переживать те же чувства. Так, весной 1838 г. Волконская с помощью активных прозелитов П. Семеновко и И. Кайсевича настойчиво, но безрезультатно стремилась обратиться к Гоголю, пользуясь той эйфорией, в которую он погрузился, оказавшись в Риме²³⁵. А несколько лет спустя, в 1842 г., она пыталась с той же целью повлиять на А. О. Смирнову. Хотя большая часть ее попыток в этом роде оканчивалась неудачей (за исключением Павея, слишком многим обязанного своей покровительнице), княгиня с неослабевающим рвением продолжала свою деятельность. В течение многих лет она подталкивала к обращению сына, но переход А. Н. Волконского в католичество состоялся значительно позднее. Особенно разительное сходство с историей Виельгорского представляет другой случай: когда в Рим на старости лет переехал ее муж, княгиня постаралась воздействовать и на него, однако ей удалось достичь цели лишь в тот момент, когда Никита Григорьевич находился уже на смертном одре; возможно, она прибегла к духовному насилию, пользуясь беспомощностью умирающего, так же, как пыталась сделать это с Виельгорским.

В тяжело больном Иосифе княгиня не без оснований ожидала найти благодарный объект для пропаганды. Жозеф, казалось бы, обладал всеми необходимыми качествами: был тонко интеллектуален и в то же время впечатлителен, а неизбежные мысли о смерти, по мнению Волконской, должны были располагать его к пересмотру своей предшествующей религиозной жизни. Княгиня в своих расчетах была не так уж неправa. Дневник Иосифа годичной давности свидетельствует о несомненной неудовлетворенности молодого человека тем типом православной религиозности, с которым ему чаще всего приходилось сталкиваться. Весьма красноречива следующая запись: «Долго прогуливался с сестрами и разговаривал с ними по-английски; говорили об религии, о церковных обрядах и предрассудках; я говорил, что не имею веры в святых, то есть в мощи; о монашестве, которое в жалком положении, потому что нет порядочного человека, который бы сделался монахом. Обряды и предрассудки церкви причиною того, что люди образованные, не полагая в них важными, делаются равнодушными к самой религии. Как у нас слушают обедню? машинально; и как служат

²³⁵ Подробнее об этом см.: Кочубинский А. Будущим биографам Гоголя // Вестник Европы. 1902. № 2.

обедню?»²³⁶ В придворном быту религиозность была сведена к механическому исполнению ритуалов. Николай I обязательно бывал в церкви по воскресеньям, праздникам и царским дням, а во время говения на первой неделе Великого поста или на Страстной—ежедневно. Однако он не любил длинных служб, и потому литургия в его присутствии обычно продолжалась не более часа. Зато в течение этого времени все присутствующие в церкви ощущали на себе постоянное пристальное внимание самодержца. К Жозефу, приближенному к наследнику, это относилось прежде всего. По воспоминаниям М. П. Фредерикс (судившей, впрочем, большей частью с чужих слов), император «очень строго следил за стоянием своих детей в церкви; малолетние были все выравнены перед ним и не смели шевелиться, он во всем и во всех любил выдержку»²³⁷. Десять лет, проведенных в такой атмосфере, вряд ли могли воспитать в Жозефе пылкую привязанность к православной церковности. Юноша, очевидно, только укрепился в вынесенной из семьи принципиальной конфессиональной индифферентности. Отец не придавал большого значения такого рода различиям; что же касается матери, то свидетельство ее внука М. А. Веневитинова говорит о том, что и для нее вопросы вероисповедания отступали на второй план, когда речь заходила о дорогих ей людях: «Одному патеру в Италии она объявила, что предпочитает быть со всем своим семейством вместе в аду, чем достигнуть рая без близких родных. Эти слова были ответом на совет или приказание обратить своих детей в католичество»²³⁸.

Как бы то ни было, в религиозности Виельгорских-старших и их детей сомневаться не приходится, однако в случае Иосифа она тесно смыкалась со сферой нравственной рефлексии, практически растворяясь в ней. В то же время многие фундаментальные вопросы веры и ду-

²³⁶ Дневник, 26 февраля.

²³⁷ Фредерикс. С. 76.

²³⁸ РС. 1888. № 6. С. 693. Религиозная терпимость Луизы Карловны коренилась, видимо, в условиях воспитания в Смольном, где католички были дискриминированы по сравнению с девочками других исповеданий. Если для православных воспитанниц при институте существовала своя церковь, а протестантки обязаны были раз в две недели посещать свое богослужение, то к католичкам священник допускался только в старшем («белом») возрасте, накануне конфирмации, и только на то время, пока шло изучение специфических догматов их церкви.

ховной жизни для Жозефа оставались непродуманными, как и для многих его образованных современников. Только этим можно объяснить внезапно посетившее его весной 1838 г. беспокойство: «Читал «Imitation», которая привела меня в смущение. Там сказано не заниматься науками, а заниматься спасением души; какая прибыль в том, что много знаешь, человек умрет и об нем забудут; *всё суета*. Так надобно, следственно, покинуть занятия светские и только изучать то, что может послужить к моему спасению. Мне кажется, что это несправедливо, надобно будет пояснить его на исповеди»²³⁹. По-видимому, Иосиф так и не получил удовлетворительного разъяснения, поэтому тревога и сомнения не покидали его: «К чему заниматься науками?— размышлял он месяцем позже.— Бог на Страшном суде не будет спрашивать нас, многому ли мы учились или многое ли знаем, а были ли мы добродетельны. К чему ж мне учиться истории, астрономии, математике; я не буду лучше от этих наук. Гораздо бы лучше вместо времени, употребляемого на эти занятия, отыскивать и помогать бедным, утешать страждущих, мыслить о Боге, читать священные книги или такие, которые относятся до религии. Во мне рождаются такие минуты, что хочется все бросить»²⁴⁰. Тогда, в 1838-м, готовясь к исповеди и подытоживая духовный опыт за прошедший год, Иосиф писал: «Я вообще не имею большой веры в обрядах церковных; хотя некоторые считаю необходимыми. Мне кажется, что наша церковь имеет много варварского. Я никак не постигаю святости мощей, которые меня опротивили в последнее путешествие по России; поклонение народа сим мощам для меня непостижимо»²⁴¹.

Жозефа корбило формальное отношение к религии в России, но отсюда никак не следовало, что ему будут более симпатичны аналогичные явления на Западе. Он находил смешным и глупым обычай рядить маленьких мальчиков в одежды аббатов²⁴², и очевидно, согласился бы со следующими наблюдениями А. Н. Волконского: «итальянцы по природе привержены к церковным обрядам. В XVIII веке философы уверяли, что нравственность может существовать без религии, а в

²³⁹ Дневник, 29 марта.

²⁴⁰ Там же, 25 апреля.

²⁴¹ Там же, 30 марта.

²⁴² См. письмо к сестре от 19 октября 1838 г. (гл. IV).

Италии мы часто видим противное: *религиозность без нравственности*²⁴³. Едва ли католическая обрядность представлялась Иосифу более привлекательной, чем православная. Скорее он мог бы чувствовать склонность к протестантской традиции, с которой его явно сближали неприязнь к обрядоверию, этический пафос и возникшее уже вне России стремление к самостоятельному изучению Писания.

Внецерковность духовных поисков молодого человека, замеченная, по всей видимости, Волконской, показалась ей подходящей основой для его обращения. Однако княгиня не учла, что пребывание за границей актуализировало для Жозефа переживание собственной русскости, в результате чего конфессиональное для него накрепко связалось с национальным. Иосиф с его сильным стремлением обречь никак не мог перейти в католичество. Это значило бы ополячиться, тогда как в его семье не принято было даже вспоминать о своих польских корнях. События 1830—1831 гг. показали, что Виельгорские судили о происходившем с чисто русских позиций и отзывались о восставших поляках как о врагах²⁴⁴. Неизвестно, пыталась ли Волконская заговаривать с больным о перемене религии, но если и пыталась, то, очевидно, безуспешно: только отчаяние могло толкнуть ее на поступок, описанный Репниной.

В Риме было лишь одно кладбище, где погребали христиан не католического исповедания. *Cimiterio dei protestanti* (Протестантское, или Английское кладбище) было основано в XVII в. на пустынной южной окраине Рима. С одной стороны оно примыкает к старинной городской стене, с другой — к белораморной пирамиде Кая Цестия, одной из своеобразнейших римских достопримечательностей. Этот район между рукотворным холмом Тестаццо и воротами Сан Паоло пользовался дурной репутацией: здесь концентрировались злачные заведения самого низкого разбора. Выбор столь непривлекательного места для расположения иноверческого кладбища был обусловлен нетерпимым отношением папского правительства к иным христианским конфессиям. Не менее враждебно относился к иноверцам и римский

²⁴³ Волконский А. Н. Рим и Италия средних и новейших времен. Т. 1. М., 1845. С. 182.

²⁴⁴ См. недатированное письмо Мих. Ю. Виельгорского к дочерям (ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 65. № 5. Л. 7).

плебс, и это вынуждало придавать церемониям погребения как можно более скромный характер. Исключение делалось только для высокопоставленных лиц, подобных князю Ливену или К. К. Мердеру, похороненному на Английском кладбище 26 марта 1834 г. в присутствии почетного караула папских гренадер и драгун, отдавших честь покойному генералу салютом в 200 выстрелов²⁴⁵. А ровно через год, 26 марта 1835 г., там же было тихо и незаметно предано земле тело юной княжны Прасковьи Вяземской.

Во вторник 4 июня 1839 г. на этом кладбище состоялось погребение Иосифа. Провожали его, скорее всего, лишь несколько человек. Но даже похоронив сына, отец не допускал мысли о том, что прах его Жозефа навсегда останется в Италии. Всего несколько лет назад в Петербург было перевезено тело Мердера; вечером 28 мая 1835 г. Иосиф с товарищами присутствовал при захоронении его праха на Смоленском Евангелическом кладбище²⁴⁶. Возможно, Михаил Юрьевич вспоминал об этом, начиная хлопотать о том, чтобы тело сына было морем отправлено в Россию. Но главное—сейчас ему предстояло известить о случившемся жену, детей и брата, а также императора и наследника. Однако он не сразу собрался с духом и с силами, чтобы взяться за перо, и первые сообщения о смерти Иосифа исходили от других русских римлян—П. И. Кривцова, В. А. Репниной, Волконской, Гоголя²⁴⁷.

Луиза Карловна с дочерьми к этому времени уже покинула Петербург, направляясь, как было условлено, во Францию. В последнюю минуту она, очевидно, оставила намерение пересечь в Любеке на корабль, идущий прямо в Гавр, и решила через Германию добраться до Марселя, чтобы там встретить пароход, на котором должны были приплыть сын и муж. Матвей Юрьевич, очевидно, сопровождал ее. Все шло благополучно до Франкфурта, куда они прибыли в первых числах июня. Здесь графиня задержалась на некоторое время, ожидая известий из Рима. В эти дни во Франкфурте собралось немало русских; наследник должен был посетить этот город по дороге в Дармштадт; опережая его, туда же прибыл Жуковский. Видя свою невестку в окружении знакомых, Матвей Юрьевич наконец решился оставить ее и

²⁴⁵ См. некролог Мердера—РИ. 1834. 9 мая. С. 450—451.

²⁴⁶ Воспоминание о Карле Карловиче Мердере, воспитателе государя императора Александра II. СПб., 1867. С. 34.

²⁴⁷ См. в гл. VI выдержку из его письма к Данилевскому от 5 июня 1839 г.

возвращаться в Россию, где его ожидало множество служебных обязанностей. Никто, по-видимому, не был готов к самому страшному. Жуковский не мог посвятить много времени Виельгорским: он отобедал с Луизой Карловной 8 июня и еще раз навестил ее на следующий день²⁴⁸, но вскоре ему предстояло покинуть город, чтобы следовать за великим князем. Как раз в это время Франкфурта достигли тревожные вести из Рима. А. И. Тургенев писал Вяземскому 8 июня: «Жуковский здесь уже третьего дня, а вчера приехал и великий князь. Я провел с первым весь день у Козловского с графом Велгурским²⁴⁹, где вчера и обедали (...). Графиня Велгурская получает письма от мужа; но мы знаем, что ему (Иосифу—*Авт.*) не лучше, скрываем от нее и не знаем, поедет ли она к ним навстречу в Марсель или будет ожидать писем еще из Рима. Брат графини Пушкиной и Демидовой²⁵⁰ приехал сюда из Рима, где их видел, но прежде писем отца. Сердце раздирает смотреть на мать и сестер, а надежда плоха»²⁵¹.

А в это время почта уже несла в Германию сообщения о смерти Жозефа: 14 июня в Дармштадте Жуковский получил письмо от Кривцова. Вскоре весть пришла и в Киссинген, куда к этому времени перебрался Тургенев. Перед друзьями встала труднейшая задача: как, не говоря впрямую матери о том, что ее сына больше нет, в то же время дать ей понять, что ее дальнейшая поездка потеряла всякий смысл. Соблюсти эти взаимоисключающие условия было практически невозможно, ибо в силу неписаного правила посторонние чувствовали себя не вправе наносить столь сокрушительный удар. В итоге вокруг Луизы Карловны образовалась атмосфера недомолвок и полуправды, но никто так и не решился ее остановить.

Из письма А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому²⁵²

17 июня 1839 г.

Завтра неделя как я здесь. Я оставил во Франкфурте графиню Велгурскую с дочерьми; она не знала еще о своем несчастье. Здесь графиня Эльмпт получила

²⁴⁸ Дневники Жуковского. С. 497.

²⁴⁹ Скорее всего, имеется в виду Матвей Юрьевич.

²⁵⁰ Э. К. Шернваль, брат А. К. Демидовой и Э. К. Мусиной-Пушкиной.

²⁵¹ ОА. Т. 4. С. 72 (письмо адресовано в Петербург).

²⁵² Там же. С. 73, 75—76.

письмо от княгини Репниной, которая известила ее о кончине бедного страдальца. Я написал к Жуковскому или к Убри, чтобы приняли меры помешать графине Велгурской ехать в Италию или во Францию навстречу сыну, коего она уже не встретит в этом мире. Еще не имею ответа оттуда. (...)

19 июня.

Вчера в девятом часу вечера приехал великий князь; с ним граф Орлов²⁵³, Ка-велин, Ливен, Енохин. Жуковский уехал далее, к Берлину, и дождется великого князя на дороге (...). Графиня Велгурская уехала навстречу к сыну. Жуковский писал к ней, чтобы остановить ее на дороге, но (Орлов) уверяет, что письмо его не найдет ее. Каково же одной, с детьми и в неизвестности, ибо ей намекают, но все-го не говорят в письме! Вчера встретили мы на крыльце великого князя. Орлов тотчас сказал мне, чтобы я не объявлял ему о кончине графа Велгурского, ибо он только намекнул ему об опасности. Не знаю, скажет ли и сегодня.

6 часов вечера

Великий князь еще не знает о кончине графа Велгурского.

Истину скрывали от цесаревича несколько дней, не желая омрачить ему радость свидания с невестой. А. Ф. Орлов распорядился сообщить Александру о смерти Виельгорского лишь после того, как он покинет Дармштадт.

Из письма великого князя Александра Николаевича к отцу²⁵⁴

8/20 июня 1839. Эрфурт

(...) Сегодня узнал я о смерти моего бедного Иосифа Виельгорского. Ты знаешь, милый Папа, как я с детства его любил, и потому мне нечего описывать тебе моей скорби. Жалко мне его ужасно, он был бы хорошим слугой и верно бы заслужил все те милости, которыми Ты его с детства осыпывал, но что ж тут делать, это, видно, Воля Божия! помяни его, Господи, во Царствии Своем! Он умер 21го мая / 2го июня в Риме. Ужасно подумать, как мать узнает эту весть, она все еще надеется застать его живым.

Вот четвертый из тех, которые при мне были, что в Риме умирают. Карл Карлович²⁵⁵, князь Ливен, Агафонов и бедный Виельгорский, видно, это им судьба!

Разительный контраст этой беспомощно-трафаретной ссылке на непостижимость судьбы находим в дневнике Жуковского. День 20 июня поэт провел в гостях у своего давнего друга художника Г. Рейтерна, в

²⁵³ А. Ф. Орлов был назначен попечителем наследника после кончина Х. А. Ливена.

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1562. Л. 228 об.

²⁵⁵ Мердер.

его замке Виллинсгаузен. Сделанная в тот день запись исполнена многообразных намеков и переплетающихся ассоциаций, из которых далеко не все поддаются расшифровке: «Рисованье. Елизавета²⁵⁶. Завтрак под деревом. Обед на старом месте. Музыка. Vergiss mein nicht²⁵⁷ Родева фантазия²⁵⁸, Бетховен и Мендельзон. Мысль о Вьельгорском. (...) Вечером опять музыка. Don Juan²⁵⁹. Накануне. Les deux journees²⁶⁰. Саша²⁶¹ и Вьельгорский»²⁶². Музыка пробуждает в Жуковском воспоминание о Виельгорском-отце, а мысль о его потере, о Жозефе связывается с образом покойной Саши Воейковой, скончавшейся десять лет назад также в Италии, в Ливорно. Атмосфера этого дня создана пересечением нескольких мощных смысловых полей, рождающих удивительную поэтичность текста. Красота окружающей природы, дерево (классический символ жизни), рисование, музыка, присутствие юной девушки, в чьей душе в это время возникало чувство любви к пожилому поэту — гармония зримого мира, столь хрупкого, но вечно обновляющегося, сливается с гармоническим переживанием воспоминания об ушедших дорогих существах. В таком эмоциональном контексте смерть утрачивает свой раздирающий душу трагизм. Жуковский находит решение, в высшей степени характерное для его поэтического зрения: его утешает и живит переживание прекрасного, равноценное соединению с милыми сердцу. Впрочем, требовалось еще некоторое время для того, чтобы эти чувства могли быть запечатлены на бумаге. Поэт не спешил писать к Виельгорским. Через две недели он должен был вернуться в Петербург, где надеялся получить достоверные сведения о местонахождении и душевном состоянии родителей Иосифа.

Скорее всего, считанные дни спустя в Марселе наконец произошла та встреча, которую с содроганием представляли себе все, кто знал графиню Виельгорскую. Луиза Карловна с Линой, Софи и Нози при-

²⁵⁶ Е. Рейтерн, впоследствии жена Жуковского.

²⁵⁷ Не забывай меня (нем.).

²⁵⁸ Возможно, имеется в виду до-мажорная фантазия П. Роде.

²⁵⁹ Опера Моцарта. Известно, что Мих. Ю. Виельгорский особенно ценил ее и неизменно старался включать ее фрагменты в организуемые им концерты.

²⁶⁰ Два дня (фр.).

²⁶¹ А. А. Воейкова.

²⁶² Дневники Жуковского. С. 499.

была туда в начале двадцатых чисел июня и, очевидно, остановилась в гостинице, ожидая скорого приезда Жозефа с отцом, чтобы вместе отправиться в дальнейший путь. Можно лишь догадываться о том, в какой ужасной тревоге находилась графиня, вот уже несколько недель терзавшаяся мыслями о том, что творится в Риме, и гадавшая о причинах странного поведения многих знакомых во Франкфурте.

Вряд ли будет преувеличением предположить, что Михаил Юрьевич ждал свидания с женой как казни. Дни, протекшие с момента смерти Жозефа, не улучшили его душевного состояния, что, видимо, и заставило Гоголя принять решение сопровождать графа в его скорбном путешествии. Обстоятельства поездки писателя в Марсель, о которых судят обычно на основании свидетельств мемуаристов, при внимательном рассмотрении представляются по-новому. Расставаясь с Погодиным в апреле, он собирался через несколько месяцев вновь встретиться с ним на водах в Мариенбаде. Но начав ухаживать за молодым Виельгорским, Гоголь уже не принадлежал себе: «Я теперь очень и слишком занят моим больным Виельгорским: сижу над ним ночи без сна и ловлю все его мановения,— писал он в то время Погодину.— Есть святыя услуги дружбы, и я должен теперь их исполнить. Но удивительно: я не чувствую никакой усталости. Здоровье мое ничуть не сделалось хуже. Даже лицо мое не носит никаких знаков изнеможения, находят даже меня поправившимся. Сладки и грустны мои минуты нынешние. Но я вечно благодарю Бога, что во мне случилась эта надобность и что именно случился в это время я, а не лицо чуждое, неродное, неприятное для больного»²⁶³. Смерть молодого Виельгорского, освободив Гоголя, позволила ему вернуться к своим первоначальным намерениям. Отправляясь с Михаилом Юрьевичем в Марсель, писатель в сущности никак не ломал собственных планов, поскольку таков был кратчайший и наиболее удобный путь в Германию.

Перед Виельгорским снова прошли Чивитавеккья²⁶⁴, Ливорно, Генуя — все то, что он семь месяцев назад видел вместе с Жозефом. Путе-

²⁶³ Гоголь. Т. 11. С. 238. Письмо не датировано, но оно явно было написано в промежутке между 12 мая (отъезд Чертковой) и 2 июня (кончина Виельгорского).

²⁶⁴ Недатированное письмо Гоголя к В. Н. Репниной, помеченное «Чивитавеккия» («Благодарю вас за ваш «Счастливейший путь»! Он верно будет счастлив, я в этом уверен. (...) Притом же шапочка ваша хранит главу мою. Что вы будете счастливы, это говорит ваша прекрасная вилла Фальконьери. (...) Прощайте! Це-

шественники добирались до Марселя около трех дней. Вероятно, уже на пороге силы изменили графу, и Гоголю пришлось взять на себя едва ли не самую тяжкую миссию из всех, доселе выпадавших на его долю. Никогда—ни ранее, ни позднее—Гоголь не проявлял такой поразительной самоотверженности. Это может быть объяснено только силой его привязанности к Иосифу, о которой он сам писал так: «Мы (...) сошлись тесно, неразрывно и решительно братски»²⁶⁵. И хотя Гоголь мало знал графиню, он легко мог вообразить себе ее горе: Луиза Карловна была ровесницей его собственной матери, также пережившей раннюю смерть сына. О том, что происходило в Марселе в начале двадцатых чисел июня, мы знаем лишь со слов матери и дочери Смирновых. А. О. Смирнова, несомненно, слышала рассказы как самого Гоголя, так и членов семейства Виельгорских—непосредственных участников и свидетелей этой сцены. Несмотря на это, в ее сознании достоверные факты подверглись сильной аберрации и перемешались с вымыслом. О. Н. Смирнова, также знавшая Виельгорских, очевидно, не раз слышала от матери историю, которую значительно позднее изложила В. И. Шенроку следующим образом: «Старуха-графиня (я привыкла ее так называть: она еще в детстве моем казалась мне старухой) (...) горячо любила мою мать и Гоголя. С ними она была очень ласкова и поверяла им все тайные горести, хотя была гораздо старше обоих. Она никогда не забывала, что Гоголь присутствовал при последних минутах ее сына и первый объявил ей о его кончине. Когда он сказал ей это, она села на пол, накрыла лицо шалью и просидела в неподвижном положении двое суток. Гоголь не отходил от нее; он все старался ее растрогать, чтобы она заплакала, и, наконец, это удалось ему, когда он сказал: «Бедный Иосиф! он умирал без матери!» Тут она разразилась рыданиями. Иногда она вспоминала об этом мне и моей мате-

лую ваши ручки и кланяюсь несколько раз от души княгине и князю. Глафире Ивановне [Псиол] также. Будьте здоровы!»—Гоголь. Т. 11. С. 239—240), по убедительному предположению его первого публикатора В. В. Гиппиуса, относится к моменту отъезда писателя в Марсель вместе с Виельгорским. После лечения на водах Гоголь собирался в Россию, где ему предстояло забрать из Патриотического института своих сестер и хотя бы в общих чертах определить их будущее—этим, очевидно, и объясняется аффектированная благодарность адресату за пожелание счастливого пути.

²⁶⁵ Гоголь. Т. 11. С. 234 (письмо к Данилевскому от 5 июня 1839 г.).

ри»²⁶⁶. В мемуарах самой А. О. Смирновой те же события изложены в еще более фантастическом виде: «Его мать была уже в Марсели с дочерьми и сыном Михаилом, когда Гоголь привез неутешного отца на пароходе. Графиня не хотела верить, когда наш консул сообщил ей это известие; она его схватила за ворот и закричала: «Вы лжете, это невозможно!» Потом, не говоря ни слова, поехала в Петербург, уселась против портрета сына, покрытая длинным креповым вуалем, не плакала, а сидела, как каменный столб. Александр Николаевич Голицын и Матвей Юрьевич постоянно были при ней. Государя она приняла как нельзя хуже и упрекала его за смерть Иосифа, говоря, что они его не поняли и огорчили его юное сердце»²⁶⁷. Таким образом, мы лишены возможности представить себе достоверную картину марсельской драмы. Однако несомненно, что Гоголь тогда никак не мог пробыть с Виельгорскими шесть недель, как утверждает О. Н. Смирнова. На самом деле он посвятил им от силы несколько дней, так как в противном случае не успел бы к 30 июня добраться в Ганау, где в этот день состоялось его знакомство с Н. М. Языковым²⁶⁸.

К сожалению, современное гоголеведение не располагает внятно изложенной хронологией перемещений Гоголя со 2 по 30 июня 1839 г., т. е. с момента кончины Иосифа до прибытия в Ганау. В хронологическую канву жизни Гоголя 1836—1841 гг., составленную Б. П. Городец-

²⁶⁶ Цит. по: Шенрок Н. Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 450. В изложении Шенрока известен также малодостоверный рассказ О. Н. Смирновой о том, что Гоголь оставался в Марселе шесть недель и все это время опекал Луизу Карловну, которая от горя готова была уйти в монастырь (РС. 1888. № 4. С. 71).

²⁶⁷ Смирнова. С. 198.

²⁶⁸ 1 июля поэт писал из Ганау, что писатель «вчера был у нас проездом в Мариенбад—с ним весело. Он мне очень понравился» (Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 560). Впрочем, отмеченная веселость Гоголя вовсе не свидетельствовала о том, что он находился в это время в умиротворенном состоянии. Общение с убитыми горем Виельгорскими не прошло для него даром—это видно из воспоминаний Погодина: «В Мариенбаде произошла новая история. Гоголь занемог в Марсели, но не хотел лечиться, а Иноземцев, который также был тогда в Мариенбаде, больной ипохондрией, не хотел лечить. Мне надо было их сводить и упрашивать, чтоб один решился лечиться, а другой—лечить» (Погодин М. П. Отрывок из записок о жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 г. // РА. 1865. № 7. Стлб. 895).

ким и предпосланную одиннадцатому тому академического собрания сочинений, вкралась ошибка—смерть Виельгорского отнесена к 21 мая *нового* стиля, что привело к смещению последующих расчетов. В частности, у М. А. Панченко, под чьей редакцией готовились к печати письма Гоголя этого периода, не вызвало никаких сомнений шутовское письмо Гоголя к Е. Г. Чертковой, помеченное 22 июня, в котором писатель сообщает, что находится в Вене. Между тем это письмо—явная мистификация. Об этом неопровержимо свидетельствуют хронологические расчеты, не говоря уже о том, что один взгляд на географическую карту убеждает: путь в Мариенбад из Марселя действительно лежит через Ганау, но минует Вену; если же предположить, что писатель все-таки побывал в Вене, то по дороге в Богемию он никак не мог «проездом» оказаться в Ганау.

В действительности Гоголь прибыл в Вену только 24 августа, то есть уже после Мариенбада. Впрочем, его эпистолярная практика вполне допускала как намеренно ложную датировку писем, так и мистифицирование их содержания. Примером тому служит также шутовское письмо к В. Н. Репниной от 14 июня 1838 г., в котором писатель строит предположения относительно того, как семейство его приятельницы проводит время в Неаполе, хотя Репнины после долгих приготовлений так и не собрались покинуть Рим²⁶⁹. Целый блок мистификаций относится к осени 1839 г.: 26 сентября, уже находясь в Москве, Гоголь пишет матери как бы из Триеста, а 24 и 26 октября—как бы из Вены²⁷⁰. Если допустить, что письмо к Чертковой написано тогда же, то шутка представляется зеркальным подобием той, что писатель разыграл с Репниной: автор и получатель письма находятся в одном городе (в данном случае в Москве), только уехавшим «притворяется» не адресат, а сам отправитель.

Но вернемся к Виельгорским. Вероятно, уже после отъезда Гоголя семейство переехало на виллу Риготьер, чтобы там в тишине пережить первые, самые тяжелые недели своего горя и решить, что делать дальше. Примерно в это же время—25 июня по новому стилю или 13-го по старому—известие о смерти Иосифа наконец пришло в Петербург. Не успел Матвей Юрьевич прочесть послание брата, где гово-

²⁶⁹ Гоголь. Т. 11. С. 155—156.

²⁷⁰ Там же. С. 253—254; 257—258, 259.

рилось о том, что Жозеф совсем плох, как последний призрак надежды был развеян письмом от Жуковского. Из пришедшего вслед за ним еще одного письма из Рима Виельгорские узнали, что Михаил Юрьевич, похоронив сына, покидает Италию, чтобы встретиться с женой и дочерьми в Марселе. Туда и адресовано следующее письмо:

Из письма Матв. Ю. Виельгорского к брату Михаилу²⁷¹

Петербург. Июня 19-го [ст. ст. 1839 г.]

Завтра будет уже неделя, что получили мы плачевную весть о кончине драгоценного нашего ангела Иосифа, любезнейший друг. Твое письмо пришло после Жуковского, который прислал мне письмо Кривцова. Бедный Миша много плакал, и хотя мы несколько раз были приготовлены к этому нещастию, но тяжело его перенести в минуту, когда Провидение оное посылает. Когда же нам тяжело сносить этот удар, каково же будет матери! Я не могу и подумать без содрогания о бедной, несчастной Луизе. Что с нею будет? Где она тебя встретит? Извини, любезный друг, что я подумал о ней прежде, нежели о тебе, но ты имел утешение быть при нем, видеть его тихую, светлую кончину и мог постепенно готовиться, с покорностью христианина, к этой горестной [утрате]. Но она! у меня по ней сердце раздирается. Бедные и милые дети, как они снесут это горе? Когда узнаем о вашем соединении? Какая даль, нельзя и думать ехать к вам. Луизы последнее письмо из Страсбурга 3/15 июня, она ехала в Марсель, куда ты ей дал направление. Кривцов пишет, что ты думаешь также туда отправиться, если к 15-му не получишь сведения от Луизы о перемене направления. Поэтому я надеюсь, что вы около 13/25 соединитесь в Марселе. Какое свидание! Боже мой, Боже мой, с трепетом думаю об этой ужасной минуте.

Я получил 14-го числа твое письмо от 1-го июня, а ввечеру Жуковского, которое я не посмел распечатать при Мише. На другой день поутру только собрался с духом сказать ему, что получил от тебя весьма дурные известия о Жози, который очень худ. После некоторого времени, приготовив его немного, дал письмо Жуковского, он начал читать и зарыдал вместе со мной. Целый день проплакал, я боялся, чтобы кровь не поднялась к нему в голову, но слезы его облегчили. Вера Пален²⁷² пришла к нам разделить наше горе, он ее любит и много с нею плакал. На другой день мы отслужили в Невском панихиду, и я повез его в Сергеевку²⁷³, где мы провели четыре дня в совершенном спокойствии. Деревня его освежила, и кроме душевной скорби, которую одно время излечит, он, слава Богу, здоров.

²⁷¹ ПД. Ф. 50. № 79. Л. 20—21. На л. 21 об.—марсельский штамп от 17 июля 1839 г.

²⁷² В. Г. Пален (урожд. графиня Чернышева) принадлежала к семье, издавна близкой Виельгорским.

²⁷³ Мыза Сергиевка—загородное имение великой княгини Марии Николаевны в Петергофском уезде, на берегу Финского залива.

Я исполню твою просьбу касательно перевезения тела. Между тем можно будет оное отправить (...)

Не знаю, соберусь ли с духом написать Луизе. Зачем мы не с вами, это было бы единственное утешение— вместе делили радость, вместе и горевать. Господь да помилует ее и пошлет утешение и утолит печаль ее. Нежно вас всех моих бесценных прижимаю к сердцу своему.

Христос с вами.

Миша хотел писать, но расплакался.

А на следующий день свои соболезнования выразил Виельгорскому-старшему император.

Николай I—Мих. Ю. Виельгорскому²⁷⁴

Петергоф

20-го июня / 2 июля 1839

С каким тяжелым чувством, с каким горем я получил несчастное ваше извещение, вы можете легко вообразить, Михайло Юрьевич; привыкнув столь долгое время видеть бедного Иосифа наравне и почти неразлучно с сыном, почти не видел между ими никакой разницы, и милый нрав и отличные его достоинства еще укрепляли во мне сии чувства. Я уверен был, что в нем сын мой будет иметь не только друга, но совершенного и отличного во всем помощника, своим родителям в честь и справедливую гордость. Но Провидение определило иначе! смеем ли мы роптать?— перенесем со смирением удар сей и с умилением в сердце будем просить милосердаго Бога, да упокоит чистую беспорочную душу нами оплакиваемого. Ваша твердость духа, Михайло Юрьевич, мне известна; я уверен, что вы как добрый христианин смирите скорбь вашу и примером сим укрепите дух бедной, несчастной графини; с нетерпением жду, как она перенесла сию ужасную весть!

Примите еще раз уверение в моем искреннем участии и в отличном моем уважении.

Николай.

23 июня / 5 июля завершился заграничный вояж великого князя, продолжавшийся год и два месяца. За время путешествия многое изменилось в Петербурге и в жизни самого Александра Николаевича. С тех пор, как он нашел себе невесту, на него смотрели другими глазами и в собственной семье, и при дворе. Воспитание и учение считались законченными, и по возвращении в Россию наследник начал принимать все более серьезное участие в реальном управлении империей.

²⁷⁴ РС. 1898. № 1. С. 100. Уточнено по автографу—РГАЛИ. Ф. 2349. Оп. 1. № 16. Л. 1—1 об.

Вскоре он уже присутствовал на заседаниях Государственного совета, набираясь конкретного административного опыта. Изменения затронули и молодое окружение великого князя: приятели уже через несколько дней по прибытии превратились в его адъютантов. Наконец-то начала реально разворачиваться их карьера; путешествуя с наследником, Паткуль и Адлерберг даже успели собрать свой первый урожай наград. Дружественные дворы поспешили выразить свою приязнь к будущему русскому царю, пожаловав его юных спутников в кавалеры низших степеней своих орденов: Красного орла (прусский), Леопольда (австрийский), Вюртембергской короны, Церингенского Льва (баденский), Людвига (гессен-дармштадтский). Барятинский присовокупил те же столь легко доставшиеся отличия к своему золотому оружию. Таким образом, в подражание настоящей свите царствующего монарха, в основном состоявшей из зрелых людей, отмеченных многими наградами, в том числе боевыми, свита наследника формировалась из «игрушечных генералов» — юношей, украшенных пестрыми, но малозначительными иностранными орденами.

В свите наследника в Петергоф прибыл и Жуковский. На следующий день, сразу по приезде в столицу, он поспешил посетить Матвея Юрьевича и Мишу²⁷⁵. Вслед за этим он, видимо, писал в Марсель. Ответа не было. Тем временем поэт из Петербурга отправился вместе с двором в Москву, чтобы присутствовать на Бородинском празднике, намеченном на последние числа августа. Очевидно, оттуда и было отправлено еще одно письмо к Виельгорским:

В. А. Жуковский — Мих. Ю. Виельгорскому²⁷⁶

[Конец июля — начало августа ст. ст. 1839 г. Москва]

Мой бесценный друг. Я писал к вам один раз из Петербурга²⁷⁷, не знаю, получил ли ты письмо мое, но ответа от тебя особенного не жду и не желаю. Что можешь ты написать ко мне, и на что писать? Об вас знаю от доброго твоего брата, и этого довольно. Хорошо, что вы на месте: это даст время физическим силам окрепнуть; а буре души не пройти; из шумной она сделалась глубокою. Беспрестан-

²⁷⁵ Дневники Жуковского. С. 500.

²⁷⁶ РА. 1876. № 4. С. 360—361. Уточнено по автографу — ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 61. № 33а. Л. 1—2 об. Письмо без даты.

²⁷⁷ Письмо не сохранилось.

ная мысль всегда тут, и она не удалится во всю жизнь, да и можно ли желать и ожидать ее удаления. Указывают люди на время как на *утешителя*. И я на него указываю, но не как на утешителя. Нет! Имя его выше. Время—*просветитель* сердца. Оно ничего не изглаживает из его памяти: и такого рода утешение (доступное мелким душам) было бы страшным утешением. Нет. Оно делает только сердце внимательным к тому голосу, божьему голосу, который в нем глубоко таится и в первые минуты бывает заглушен криком Беды, на него напавшей; время дает силу прислушиваться к этому святому, прямо утешительному голосу; но утешающему не забвением, не рассеянием, а напротив, чистейшею, живейшею любовью к тому, чего нет перед глазами, но что стало более нашим, ибо слилось с бытием души нашей, что мы встречали прежде посреди этой бедной *неверной* жизни, и чего теперь не встретим, но что уже вышло из под влияния этой ужасающей неверности всего здешнего. Этот просветитель сердца любовью нежною, глубокою, верующею, не смешанною ни с каким эгоизмом— вот время, близнец вечности. Оно знакомо бывает только высоким душам, способным сильно страдать, но созданным и верить. Как часто мы здесь бываем розно с своими! Девять десятых жизни не проходит ли в разлуке с ними? Почему же не плачем мы о тех, которые уходят в другую горницу и затворяют за собою двери? Знаем ли, что они в эту минуту, в которую мы их не видим? И что может в каждое мгновение с ними случиться? Мысль, что мы *вольны*, как скоро захочем, быть с ними вместе, уничтожает все страхи этих беспрестанных расставаний, и мы их не называем их именем. Дверь отворится, и мы опять с ними. Зная это, мы не боимся того, что однако всякую минуту может случиться за дверью без нашего ведома. А *теперь* что? Дверь затворилась навсегда; но зато уже ничто за нею ужасное для нас не случится. Наши глаза его не увидят. Но зато *где он!* А то место, где *он может* быть, он, чистый Ангел, не взявший с собою ни одного темного воспоминания об этой жизни, о, какое это место! И так верно, так радостно можем знать, *с кем он!*... Все это, как мысль, выраженная словами, конечно не поможет душе, недавно вытерпевшей операцию, оторвавшую от нее лучшую ее часть. Но конвульсии болезни пройдут; и то, что теперь одно неслышное слово, сделается чувством, любовью, прибежищем души. *И тогда* ничто не переменится; дверь останется затворенною как теперь, но за нею будет и видно, и слышно, и вместо этих темных створов, которые кажутся теперь тюремными створами, будет в них стоять утешительный Ангел, сторож нашего рая.—Ты понимаешь, что все это я пишу не для того, чтобы тебе помочь в твоем настоящем горе. Мне усладительно говорить тебе то, что скажет и тебе еще с большим убеждением *со временем* твое собственное сердце; и что еще живее некогда заговорит в сердце матери. Бог сокровище общее, но Он как-то больше принадлежит отцу и матери над гробом их сына. Я же, потеряв сына, не бывши отцом, думаю об нем с каким-то освящающим сердце умилением: мысль об этой жизни без упрека, об этой душе без пятна, об этом тихом, смиренном отбытии в свою сторону, в сторону Ангелов, имеет для меня глубокою, грустную прелесть. Поддержи Бог душу матери и явись ей с тем словом, которое только Он один сказать может! Прости, бесценный друг.

Жуковский, как и Матвей Юрьевич, боялся даже вообразить себе, что переживала в то время Луиза Карловна. Некоторое время графиня находилась в состоянии, очевидно, близком к умопомешательству. Перепуганные близкие всеми силами старались вывести ее из ужасного оцепенения, и здесь как нельзя более кстати были заботы друзей. Гоголь принял на себя тяжесть первых, самых страшных минут горя, но через некоторое время он, как и планировал, уехал в Германию, и тогда, вероятно, Аполлинария Михайловна—Vecchio, отныне старшая из детей Виельгорских, решила писать в Рим к М. А. Воронцовой, подруге матери, прося ее прибыть в Марсель. Об этом позднее рассказывала В. Н. Репнина, узнавшая о письме, скорее всего, от самой Воронцовой вскоре после его получения. Последовательность событий в ее воспоминаниях смещена, однако время не изгладило впечатления от мрачной картины, нарисованной Линой. Та писала, что «мать ее не проливает ни одной слезы в немом ужасе и отчаянии»²⁷⁸, и умоляла помочь. Тем не менее, Воронцова, по-видимому, медлила с отъездом, и четверо убитых горем женщин оказались на попечении одного Михаила Юрьевича.

Когда миновал первый шок, графиню охватило бурное отчаяние. Она разговаривала с сыном, снова и снова прося у него прощения, роптала на Бога и готова была винить всех, начиная с себя и кончая самим государем, которого она, по словам А. О. Смирновой, упрекала «за смерть Иосифа, говоря, что они его не поняли и огорчили его юное сердце». В этих инвективах выплеснулась безысходная горечь от того, что старший сын, «ее собственный», ее гордость, бывший во многом оправданием ее существования, погиб бессмысленно, на самом пороге открывавшейся перед ним будущности. Графиня привыкла смотреть на себя с точки зрения того, насколько успешно ей удавалось исполнять свое материнское предназначение, поэтому такая смерть Жозефа означала для нее крах самоуважения, крах ее как матери²⁷⁹. Она

²⁷⁸ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т 3. М., 1895. С. 190.

²⁷⁹ Вероятнее всего, именно бессознательным поиском компенсации в этом отношении было вызвано ее необычайно активное стремление спустя год устроить судьбу Софи, выдав ее замуж за В. А. Соллогуба. Михаил Юрьевич, несколько обескураженный внезапной энергией жены, писал тогда Жуковскому: «...» вероятно, тебе уже известно важное происшествие в моем семействе. Оно было так неожиданно, некоторым образом наперекор тайных моих желаний и предположе-

не в силах была подобно Жуковскому претворить горе в «освящающее сердце умиление». Поэт, увидевший графиню Виельгорскую спустя четыре месяца после того, как она узнала о смерти сына, был так поражен состоянием ее духа, что не мог позабыть этой картины даже через одиннадцать лет, когда он уже жил в Германии с женой и двумя детьми. Летом 1850 г., получив известие о том, что С. М. Соллогуб потеряла одну за другой двоих маленьких дочерей²⁸⁰, и пытаясь утешить несчастную молодую женщину, он писал: «Что может быть безотраднее, как стоять перед этими двумя могилами, в которых навсегда исчезло то, что радовало твое сердце и было его земною надеждою! Знаю, как мы упорно предаемся этой губящей душу и столь естественной пытке, из которой сам собою вырывается ропот против Бога. В таком положении видел я твою бедную мать в то время, когда умер наш милый Иосиф. Тогда я сам еще был *одиноким* бродягою мира, и для меня человеческие страдания имели смысл более материальный: я видел в них порчу жизни. Однако и тогда раздраженная безнадежность твоей матери меня поразила и показалась мне несоответственною ее высокой, прекрасной душе. Теперь, когда я сам отец, и когда мне есть за что собственное уцепиться в жизни и, следовательно, когда у меня есть сокровище, утраты которого можно страшиться, именно теперь я постигаю, что наши утраты и самые тяжкие — не *порча*, а *освящение* жизни»²⁸¹.

Понемногу свыкаясь с утратой, Виельгорские провели в Марселе около месяца. Родные полагали, что Луизе Карловне может принести пользу длительное путешествие — так возник план перед возвращением в Россию заехать на какой-нибудь из европейских курортов. В их распоряжении оставалась лишь половина сезона, поэтому пришлось отказаться от первоначального намерения провести остаток лета в Брайтоне, ограничившись недолгим пребыванием в Швейцарии.

ний, что в первую минуту сам не знал (и не мог), радоваться ли или жалеть. Луиза была главным двигателем всего. Теперь я доволен, видя, что она как бы ожила» (РА. 1902. № 7. С. 445 — письмо от 26 апреля 1840 г.). Решение устроить этот брак оказалось поспешным и необдуманым, отношения графини с зятем скоро испортились, и еще многие годы Луизе Карловне пришлось страдать, видя несчастье дочери.

²⁸⁰ Восьмимесячная Аполлинурия умерла 12 апреля, а восьмилетняя Софья — 19 мая.

²⁸¹ РА. 1869. Стлб. 959—960.

Мих. Ю. Виельгорский—Н. В. Гоголю²⁸²

Июля 28-го Марсель [1839]

Что мне вам сказать, любезнейший товарищ, незабвенный мой спутник?

Мы все еще здесь живем в уединении на прекрасной, прохладной даче, и если бы не горе, вполне наслаждаться мог бы семейственной жизнью, которую давно не пользовался в такой мере. Но это горе, как червь, неизгладимо, и самый взгляд [на] милых, бесценных моих детей напоминает о потере невозвратимой.

Недавно получил я собственноручное письмо от государя императора, писанное от сердца, как он умеет писать! Гораздо приятнее и сладкоумилительно для сердца было его изъявление насчет умершего,—именно, что от него он ожидал в будущем²⁸³. Также получил и от Жуковского два письма,—в одном есть несколько строк для вас, но не мог их отыскать, а перешлю в Рим, при отъезде, когда разрою свои бумаги.

Мы вообще ожидали графиню Воронцову, которой приезд был бы для меня большой помощью: она любит графиню, которая и ее очень любит. Она была бы помощницей в моих беспрестанных разговорах с женой, у которой горесть все глубже и глубже укореняется. «Что я за мать,—говорит она часто,—я воображала только, что я его любила, и не умела умереть!» и подобные парадоксы материнской любви, которых и пересказать вам не могу, но которые понятны вашему сердцу.

Мы еще не совсем отложили надежду видеть графиню, послав ей даже случай приехать: в таком случае проживем здесь еще до 20-го августа, и если решительно она откажется, то в первых числах поедем, вероятно, по Рейну в Роттердам и оттуда, вероятно, в Брайтон или останемся для пользования морскими купаньями.

Портрет Жозефа отыскался у младшей дочери²⁸⁴. Я его послал в Рим Риччи. Не имею еще известий оттуда. Познакомился я здесь с Паганини, но не слышал его: он вскоре уехал на воды; страдает общим расслаблением и началом *паралича в дыхательном орудии*. Когда говорит, то сжимает ноздри двумя пальцами, что довольно смешно.

Здесь все в большом ожидании развязки дел на востоке, где смерть султана гордианский узел перерезала неожиданно. Что наш скажет и сделает? Этого-то и ожидают со страхом²⁸⁵.

²⁸² Вестник Европы. 1889. № 10. С. 475—476. Письмо адресовано, скорее всего, в Мариенбад. Местонахождение оригинала неизвестно. Опечатка в фамилии Риччи (Ригги) была исправлена Шенроком при републикации этого письма (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. М., 1895. С. 266).

²⁸³ Судьба распорядилась так, что Михаил Юрьевич скончался в Москве во время коронационных торжеств императора Александра II—в дни, которые могли бы стать триумфом его сына.

²⁸⁴ У Анны.

²⁸⁵ Речь идет об очередном обострении борьбы между Турцией и вассальным ей египетским пашой Мегметом-Али. Султан Махмуд II скончался 1 июля, и пре-

Теперь жалею, что не просил вас написать строк десятков для помещения в «Diario»²⁸⁶ о смерти нашего незабвенного друга! Он завял, как одинокий неизвестный цветок!

Простите, милый мой! Мысленно вас объемяю.

Напишите мне в Марсель, au consulat de Russie²⁸⁷, т. е. Ebeling.

Мих. Ю. Вильгорский — В. А. Жуковскому²⁸⁸

Женева, 30 августа (11 сентября) [1839].

Много, много тебе благодарен, сердечный друг, за твоё доброе, умное, душевное письмо, которое заставило меня плакать горько-сладко. Чувство потери и чувство бесценной твоей дружбы слились в одно. Ни с кем мне так на просторе как с тобой, а ты сам представить себе можешь, как душа моя в минуты тяжкие желает быть с тобой и слышать твои увещания, твоё молчание. Бог один может вновь соорудить расстроенное внутреннее домашнее счастье. Вообрази только мою бедную Луизу! Кто её только и мало знает, должен содрогнуться при мысли о её потере. Что я чувствую, при ней выразить не могу, потому что и детей должно беречь. Иногда она воображает, что она не довольно его любила, потому что могла пережить; иногда жалеет, что не застала его в живых, потому что один удар и её бы сразил. Она беспрестанно живет с своим горем. Тихо, в безмолвии вдруг у неё слезы ручьем потекут. Часто, запираясь предаётся она *вполне* мысленной беседе с ним, о нём. Где он? Что с ним? Кто с ним *там*? Мы за нею ухаживаем как бы за младенцем, отнятым от груди и от которого кормилицу скрывают. Одним словом, можно бы книгу наполнить всеми её мыслями, глубокими, нежными *вдохновениями*. Не оставляй Мишу нашего. Слышу, что ты его выдаешь иногда, за что руку целую твою. Мы вероятно будем к 15-му октября ехать чрез Франкфурт и вероятно спустимся по Рейну до Дюссельдорфа. Мы были à la Gr(ande) Chartreuse пешком²⁸⁹. Это утомило Луизу и было ей полезно.

стол унаследовал его сын Абдул-Меджид. «Наш» — император Николай I. Солидарное выступление четырех держав, гарантировавших целостность Турции, было воспринято им как направленное против России.

²⁸⁶ Имеется в виду официальная газета, издаваемая папским правительством с 1716 по 1848 г. под различными названиями (с 1808 г. — «Diario di Roma»); она выходила по вторникам и субботам. С 1804 по 1842 гг. редактором и издателем газеты был Г. Кавалетти — представитель семейства, близкого к З. А. Волконской.

²⁸⁷ в русское консульство (фр.)

²⁸⁸ РА. 1902. Кн. 2. № 7. С. 444—445. Уточнено по автографу — ПД. № 27.598. Л. 17—18.

²⁸⁹ Гранд-Шартрез — горная местность на границе Швейцарии и Франции со знаменитым картезианским монастырем, основанным св. Бруно в начале XI в.

Доселе никого из наших русских не встречали, кроме Мятлева²⁹⁰, которого увидели на станции Aix-les-bains, где он зажился, потому что ни гроша не имеет и ждет денег от матери, которой не лишнее сказать бы о его положении. Здесь Дюваля²⁹¹ нашел и Остермана, который сохранил всю индивидуальность свою, не смотря на 69-й год, который уже для него стукнул. Он живет с детьми и показывал старшего сына; читает *Страуса*²⁹²!

Мы решили ехать на 3 недели в *Шинцнах*²⁹³ после долгого совещания с док(тором) Прево для Аполины. Это еще замедлит наше возвращение в Петербург. Время кончить и обнять тебя хоть мысленно.

Виельгорские приехали в Петербург 18 октября, и на следующий же день у них побывал Жуковский. «Свидание с графиней Вьельгорскою,—отметил он в дневнике.—Обед у них. Отъезд в Царское Село»²⁹⁴. Оставив графиню отдыхать после дороги, Михаил и Матвей отправились вместе с поэтом в Царское, где в это время находился двор. Луизе Карловне, несомненно, было тяжело видеть императорскую фамилию и товарищей покойного сына, но Михаил Юрьевич, обязанный по возвращении представиться государю, спешил также принести ему благодарность за сочувствие и помощь, оказанную ему и Иосифу. Через несколько дней, 24 октября, в дневнике Жуковского появилась следующая запись: «Поездка в Петербург с Вьельгорским по железной дороге. Дорогою чтение «Демона»²⁹⁵. (...) У графини Вьельгорской: замечательный разговор»²⁹⁶. Говорили, скорее всего, о Жозефе. В комнате сына среди его бумаг Луиза Карловна, вероятно, нашла и журнал 1838 года²⁹⁷.

²⁹⁰ И. П. Мятлев также жил в Риме в пору пребывания там отца и сына Виельгорских.

²⁹¹ Неустановленное лицо.

²⁹² А. И. Остерман-Толстой, по всей видимости, читал нашумевшую книгу Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» (1835).

²⁹³ Швейцарский курорт, известный своими серными водами, полезными при заболеваниях суставов.

²⁹⁴ Дневники Жуковского. С. 507.

²⁹⁵ Речь идет, видимо, о списке последней (восьмой) редакции поэмы Лермонтова, оконченной весной 1839 г.

²⁹⁶ Дневники Жуковского. С. 508.

²⁹⁷ Известный в передаче А. О. Смирновой упрек графини в адрес императорской фамилии («они его не поняли и огорчили его юное сердце») и собственное утверждение мемуаристки о том, что «придворная жизнь была для него тягостна»

В это время дом на Михайловской площади, очевидно, посещали многие, желавшие выразить соболезнования. Вечером 30 октября в Петербурге появился Гоголь. На следующий день он поехал к Виельгорским, но, не застав Михаила Юрьевича дома, написал ему записку: «Вы знаете сами и можете сами чувствовать, как мне будет приятно вас видеть. (...) Много объятий посылаю вам заочно. До завтра!»²⁹⁸ Интонация этого обращения свидетельствует о дружеских и чрезвычайно непринужденных отношениях, связавших писателя с семейством его молодого друга. И если доктор Фукс, который немало сделал для Жозефа во время его пребывания в Казани, по приезде в Петербург так и не смог найти верный тон для общения с аристократами Виельгорскими, то для Гоголя после Рима и в особенности Марселя такого барьера просто не существовало. Михаил Юрьевич был глубоко благодарен за ту заботу и попечения, которыми Гоголь сумел в тяжелую минуту окружить Иосифа, а потом и его самого. Что же касается Луизы Карловны и ее дочерей, то они, привязавшись к Гоголю за короткий период, что он провел с ними в Марселе, постепенно все более проникались парадоксальным обаянием его личности²⁹⁹. Эти женщины стали его любимыми духовными ученицами³⁰⁰. Так, одно из своих наставительных писем, обращенных к старшей графине, он включил в «Выбран-

(Смирнова. С. 198), а также замечание А. Д. Блудовой о том, что светская среда «томила его молодую душу» (Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М., 1888. С. 31), возможно, восходят к впечатлениям Л. К. Виельгорской от чтения дневника сына.

²⁹⁸ Гоголь. Т. 11. С. 260. Записка написана на бумаге с черной каймой, которая употреблялась в доме Виельгорских по случаю траура по Жозефу (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1936. С. 95).

²⁹⁹ Подробнее об этом см. в статье В. И. Шенрока «Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839—1849» (Вестник Европы. 1889. № 10—11). 6 августа 1845 г. С. М. Соллогуб заканчивала свое письмо к Гоголю следующими словами: «Отец поручил мне вам сказать, что он глубоко чувствует ваше отсутствие; он привык на вас смотреть как на члена своего семейства. (...) Навсегда сестра ваша Софья» (Там же. № 11. С. 93).

³⁰⁰ См. отзыв писателя о сестрах Виельгорских в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: они «так живо напомнили мне, во сколько раз родство по душе выше всякого кровного родства (дай Бог, чтобы наилучшая сестра с такой готовностью исполняла просьбу своего брата, с какой они исполняли малейшее желание души моей)» (Гоголь. Т. 8. С. 346).

ные места из переписки с друзьями» (1847); этот текст, озаглавленный «Страхи и ужасы России», оказался одним из камней преткновения в прохождении книги через цензуру и в итоге не был пропущен. Еще одна глава «Выбранных мест», названная «Женщина в свете», частично представляет собой отклик на обращение С. М. Соллогуб, просившей у Гоголя поддержки в поисках смысла собственного существования³⁰¹. Глава под названием «Исторический живописец Иванов» основана на письме к Матвею Юрьевичу. В этом семействе Гоголь на многие годы нашел себе влиятельных и верных покровителей. Связь между ними не была разорвана даже после сватовства писателя к Анне Виельгорской в конце 1840-х гг. Этот загадочный поступок Гоголя стал возможен именно благодаря исключительной духовной близости к Виельгорским, которая позволила писателю надеяться на положительный ответ вопреки очевидной химеричности идеи такого брака. Гоголь был не единственным претендентом на руку младшей Виельгорской, однако в отличие от светских поклонников видел в ней не гордую и блестящую *Apolite*, а ту Нози, которую знали и любили в узком кругу семьи и немногих друзей,— милую девушку, не слишком красивую, зато одаренную стремлением и способностью к постоянной духовной работе и совершенствованию.

Между тем семье оставалось исполнить последний долг перед Жозефом. Неизвестные обстоятельства помешали Виельгорским сразу же перевезти гроб с его телом из Рима на родину; это удалось сделать только летом 1840 г. А за несколько месяцев до этого произошли события из разряда тех, которые Пушкин в свое время назвал «странными сближениями»: приехавшая 23 февраля в Петербург З. А. Волконская столкнулась с неожиданными неприятностями. 19 апреля П. Д. Дурново, муж ее племянницы, записал в дневнике: «Княгиня Зинаида Волконская позавчера почувствовала себя плохо, у нее был приступ ее старой болезни, так сказать, род помешательства. Ее терзают теперь в связи с переменой религии, и Синод хочет заключить ее в монастырь. Должно надеяться, что ей разрешат спокойно уехать»³⁰². Десять дней спустя княгине действительно удалось покинуть Петербург.

³⁰¹ Об отражении образа С. М. Соллогуб в этой статье см.: Герштейн. С. 233—234.

³⁰² Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 262.

Иосиф был погребен в семейном некрополе на Старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры 25 августа 1840 года³⁰³ рядом со своей четырнадцатилетней теткой Елизаветой и двумя дядями, Александром и Осипом, которые также умерли молодыми. На похоронах не присутствовал ни император, ни наследник. Великий князь еще в марте уехал в Дармштадт к невесте, чей торжественный въезд в столицу ожидался 7 сентября. Жуковского также не было в Петербурге; начинался последний период его жизни, который поэту было суждено провести в Германии; за неделю с небольшим до похорон Жозефа он обручился в Дюссельдорфе с Елизаветой Рейтерн.

Так в последнее воскресенье августа 1840 г. была поставлена точка в биографии Иосифа Виельгорского. По горсти земли в его могилу бросили лишь самые близкие: сестры, брат, а также все те, кто двадцать три года назад приветствовал его рождение. У дорожки возле западной стены кладбища появился тяжелый блок розового гранита с надписью:

Здесь лежит тело
графа
Иосифа Михайловича
Виельгорского
родившегося
13 февраля 1817 года
скончавшегося
2 июня 1839 года
на 23 году
от рождения

Снег и дождь постепенно сглаживают высеченные в камне буквы, и слова с каждым годом становятся все менее различимы.

³⁰³ Павлов А. М. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры с хронологическим списком особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских. СПб., 1842. С. 137.

Короткая и в сущности неяркая жизнь Иосифа Виельгорского оставила по себе множество как явных, так и незаметных следов; Михаил Юрьевич был не совсем прав, когда в письме к Гоголю из Марселя сравнивал покойного сына с одиноким скромным цветком, увядшим в безвестности. Напрасно он казнил себя тем, что ему самому в голову вовремя не пришла мысль напечатать некролог — едва уловимая текстуальная параллель уже связывает эти сетования с уникальным памятником, которым юношу почтил его друг. Кончина Жозефа дала импульс к созданию загадочного автобиографического текста, озаглавленного «Ночи на вилле», где Гоголь также использует образ «милого молодого цветка», которому суждено разделить печальную участь роз, диких жасминов и белых акаций из сада Волконской, страдающих от резких порывов ветра. Из письма Аполлинаруи Михайловны Виельгорской к дяде Матвею Юрьевичу от 22 июля 1839 г. становится известно о намерении писателя закрепить на бумаге то, что ему довелось увидеть и пережить. «Гоголь обещался нам дать воспоминания и последние слова¹ ангела нашего, выражения которого он никогда не забудет, — писала Лина. — Папа говорит, что у него такая светлая улыбка была...»² Матери и сестрам было мало рассказов Михаила Юрьевича; они жаждали знать малейшие подробности того, что происходило в те последние дни и ночи на вилле Волконской.

¹ Скорее всего, имеются в виду не предсмертные слова Жозефа (которых Гоголь не мог слышать, поскольку в эти минуты его не было на вилле), а передача того, о чем он говорил с другом в последние дни.

² Цит. по: Розанов. С. 301. По указанию исследователя, оригинал этого письма находится в Рукописном отделе ПД, однако названный архивный адрес (Ф. 50. № 72) неверен: в этой единице хранения находятся письма Иосифа к дяде. Дата письма, приводимая А. С. Розановым (22 июня), представляется сомнительной ввиду сопоставления обстоятельств: к этому дню Виельгорские, скорее всего, только что узнали о том, что Жозеф, скорого появления которого в Марселе они ожидали, мертв. Относительно спокойный тон письма заставляет предположить, что после приезда Михаила Юрьевича и Гоголя прошло некоторое время.

Единственная дошедшая до нас рукопись «Ночей на вилле» хранится в Пушкинском Доме³. Она поступила туда от П. Д. Погодина, внука историка. Рукопись-автограф представляет собой два двойных листа белой почтовой бумаги в малую осьмушку без водяных знаков. Текст, написанный чернилами аккуратным почерком и практически без помарок, расположен на л. 1, 2—4 об. и занимает таким образом семь страниц; одна страница (л. 1 об.) оставлена пустой (пропуск следует за словами «я бы кинулся тогда к ней») — косвенное свидетельство того, что работа над текстом не была завершена. Окончание рукописи утрачено.

В 1938 г. по этому автографу под наблюдением В. Л. Комаровича была осуществлена каноническая публикация в Полном собрании сочинений Гоголя (в разделе «Отрывки» — вместе с фрагментами исторического романа «Гетьман» и повести «Страшный кабан», оставшихся незавершенными). В настоящем издании мы воспроизводим гоголевский текст по этой публикации с приведением пунктуации к современным нормам; пропуск в рукописи обозначен пустой строкой.

НОЧИ НА ВИЛЛЕ⁴

Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи. Он сидел больной в креслах. Я при нем. Сон не смел касаться очей моих. Он безмолвно и невольно, казалось, уважал святыню ночного бдения. Мне было так сладко сидеть возле него, глядеть на него. Уже две ночи как мы говорили друг другу «ты». Как ближе после этого он стал ко мне! Он сидел всё тот же кроткий, тихий, покорный. Боже, с какою радостью, с каким бы веселием я принял бы на себя его болезнь, и если бы моя смерть могла возратить его к здоровью, с какою готовностью я бы кинулся тогда к ней.

Я не был у него в эту ночь. Я решился, наконец, заснуть ее у себя. О, как пошла, как подла была эта ночь вместе с моим презренным сном! Я дурно спал ее, несмотря на то, что всю неделю проводил ночи без сна. Меня терзали мысли о нем. Мне он представлялся молящий, упрекающий. Я видел его глазами души. Я поспешил на другой день

³ ПД. Ф. 652. Оп. 1. № 3.

⁴ Гоголь. Т. 3. С. 324—326.

поутру и шел к нему как преступник. Он увидел меня лежащий в постеле. Он усмехнулся тем же смехом ангела, которым привык усмехаться. Он дал мне руку. Пожал ее любовно: «Изменник!—сказал он мне.— Ты изменил мне».— «Ангел мой!—сказал я ему.— Прости меня. Я страдал сам твоим страданием, я терзался в эту ночь. Не спокойствие был мой отдых, прости меня!» Кроткий! Он пожал мою руку! Как я был полно вознагражден тогда за страдания, нанесенные мне моею глупо проведенною ночью.— «Голова моя тяжела»,—сказал он. Я стал его обмахивать веткою лавра.— «Ах, как свежо и хорошо!»—говорил он. Его слова были тогда, что они были! Что бы я дал тогда, каких бы благ земных, презренных этих, подлых этих, гадких благ, нет! о них не стоит говорить. Ты, кому попадутся, если только попадутся, в руки эти нестройные слабые строки, бледные выражения моих чувств, ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебе. Ты поймешь, как гадка вся груда сокровищей и почестей, эта звенящая приманка деревянных кукол, называемых людьми. О, как бы тогда весело, с какою бы злостью растоптал и подавил всё, что сыплется от могущего скиптра полночного царя⁵, если б только знал, что за это куплю усмешку, знаменующую тихое облегчение на лице его.

— «Что ты приготовил для меня такой дурной май!»—сказал он мне проснувшись, сидя в креслах, услышав шумевший за стеклами окон ветер, срывающий благовония с цвевших диких жасминов и белых акаций и клубивший их вместе с листками роз.

В 10 часов я сошел к нему. Я его оставил за 3 часа до этого времени, чтобы отдохнуть немного и чтобы доставить какое-нибудь разнообразие, чтобы мой приход потом был ему приятнее. Я сошел к нему в 10 часов. Он уже более часу сидел один. Гости, бывшие у него, давно ушли. Он сидел один, томление скуки выражалось на лице его. Он меня увидел. Слегка махнул рукой.— «Спаситель ты мой!»—сказал он мне. Они еще доныне раздаются в ушах моих, эти слова. «Ангел ты мой! ты скучал?»— «О, как скучал!»—отвечал он мне. Я поцеловал его в плечо. Он мне подставил свою щеку. Мы поцеловались. Он всё еще жал мою руку.

⁵ Речь идет, видимо, о материальном вспомоществовании, которое Гоголь получал от Николая I. М. Вайскопф усматривает в этом выражении также указание на «миродержавного Сатану», с чем трудно согласиться (Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993. С. 246).

НОЧЬ 8

Он не любил и не ложился почти вовсе в постель. Он предпочитал свои кресла и то же свое сидячее положение. В ту ночь ему доктор велел отдохнуть. Он приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шел к своей постеле. Душенька мой! Его уставший взгляд, его теплый пестрый сюртук, медленное движение шагов его... Всё это я вижу, всё это передо мною. Он сказал мне на ухо, прислонившись к плечу и взглянув на постель: «Теперь я пропавший человек.»— «Мы всего только полчаса останемся в постеле,—сказал я ему.—Потом перейдем вновь в твои кресла».

Я глядел на тебя, мой милый, нежный цвет! Во всё то время, как ты спал или только дремал на постеле и в креслах, я следил твои движения и твои мгновенья, прикованный непостижимою к тебе силою.

Как странно нова была тогда моя жизнь и как вместе с тем я читал в ней повторение чего-то отдаленного, когда-то давно бывшего. Но, мне кажется, трудно дать идею о ней: ко мне возвратился летучий свежий отрывок моего юношеского времени, когда молодая душа ищет дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы решительно юношеской, полной милых, почти младенческих мелочей и наперерыв оказываемых знаков нежной привязанности; когда сладко смотреть очами в очи и когда весь готов на пожертвования, часто даже вовсе ненужные. И все эти чувства сладкие, молодые, свежие—увы! жители невозвратимого мира—все эти чувства возвратились ко мне. Боже! Зачем? Я глядел на тебя. Милый мой молодой цвет! Затем ли пахнуло на меня вдруг это свежее дуновение молодости, чтобы потом вдруг и разом я погрузился еще в большую мертвящую остылость чувств, чтобы я вдруг стал старше целыми десятками, чтобы отчаяннее и безнадежнее я увидел исчезающую мою жизнь. Так угаснувший огонь еще посылает на воздух последнее пламя, озарившее трепетно мрачные стены, чтобы потом скрыться навеки и

Впервые «Ночи на вилле» были напечатаны П. А. Кулишем в 1856 г.⁶ с небольшой правкой и цензурными купюрами. Невозможно с уверенностью сказать, опирался ли ученый на известную нам рукопись или располагал иным списком; во всяком случае, недоумение вызывает тот

⁶ Записки о жизни Н. В. Гоголя... Т. 1. СПб., 1856. С. 227—230.

факт, что характеризуя источник публикации, он указал, что на первом листке написано «Ночь 1-ая» (в автографе Пушкинского Дома такая помета отсутствует). Тридцать три года спустя Н. С. Тихонравов включил «Ночи на вилле» в выходявшее под его редакцией собрание сочинений Гоголя⁷, утверждая, что печатает текст по «собственноручным листкам», с которыми его ознакомил Погодин еще в 1853 г. Судя по описанию Тихонравова, он имел дело с той же рукописью, которая впоследствии оказалась в Пушкинском Доме, однако в момент подготовки издания она вряд ли была у него перед глазами. Видимо, поэтому Тихонравов механически повторил все особенности публикации Кулиша, включая подзаголовок «Ночь 1-ая».

Вопрос о датировке рукописи никогда впрямую не ставился. Свойственная академическому собранию сочинений Гоголя установка на краткость археографических сведений не позволила В. Л. Комаровичу углубиться в изучение этой проблемы. Он переключил свое внимание на историю создания текста, констатировав, что «Ночи на вилле» не являются дневником и, соответственно, не могли быть написаны при жизни Виельгорского. Между тем точная датировка автографа чрезвычайно важна для адекватной интерпретации «Ночей».

Обращает на себя внимание еще одна черта автографа— «дамская» почтовая бумага в виде маленьких и узких двойных листков формата 178×116 мм, крайне редко встречающаяся среди сохранившихся рукописей Гоголя⁸. Это оставляет ощущение случайности, словно писатель, торопясь, воспользовался едва ли не первой подвернувшейся под руку бумагой, не слишком удобной для нормальной работы над текстом. Впрочем, существует одно обстоятельство, способное пролить некоторый свет на то, каким образом эти листки могли попасть в руки Гоголя. Очень близкий формат (180×115 мм) имеет его записка к П. В. Нащокину, относящаяся ко второй половине декабря 1839— началу января 1840 г., когда писатель вместе со своими сестрами жил у Погодина. Известный нам автограф «Ночей на вилле» также мог быть

⁷ Сочинения Н. В. Гоголя. Изд. 10-е. Т. 5. М., 1889.

⁸ См. следующие описания: Георгиевский Г. П. Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. М.; Л., 1940 [ОР РГБ]; Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. Т. 1. Н. В. Гоголь. М.; Л., 1951; Заборова Р. Б. Рукописи Н. В. Гоголя. Описание. Л., 1952 [РО РНБ]; Шубинский И. В. Описание автографов Н. А. Гоголя. Киев, 1952 [Библиотека Академии наук Украины].

создан в Москве, но двумя годами позднее. В промежутке между октябрём 1841 и 23 мая 1842 г. Гоголь снова пользовался гостеприимством Погодиных. Посвятив себя подготовке к печати первого тома «Мертвых душ», он подолгу не покидал своей комнаты в мезонине и зачастую общался с хозяевами при помощи записок, передаваемых через прислугу. В это время писателя чрезвычайно беспокоило непростое прохождение поэмы через цензуру и другие хлопоты, связанные с публикацией. Положение осложнялось назойливыми требованиями Погодина снабдить его давно обещанными статьями для издаваемого им с 1841 г. журнала «Москвитянин», где в свое время было анонсировано участие Гоголя. Но писатель не спешил пойти навстречу другу и в первом номере журнала за 1842 г. поместил всего лишь небольшую анонимную рецензию на очередной выпуск альманаха В. А. Владиславлева «Утренняя заря». Это ни в коей мере не могло удовлетворить Погодина, желавшего получить от Гоголя более значительные и, самое главное, подписанные произведения. «Я устраиваю теперь вторую книжку. Будет ли от тебя что для нее?» — вопрошал историк своего постояльца, на что последовал сухой ответ: «Ничего». Это единственное слово раздраженный писатель вывел на том же клочке бумаги, прямо под погодинским запросом — вразрядку, крупными буквами, и с нажимом подчеркнул⁹. И все же вскоре, уступая настояниям Погодина, Гоголь извлекает из своего портфеля незаконченную повесть «Аннунциата» и готовит ее к печати под названием «Рим». В феврале 1842 г. он читает ее для публики: сначала на вечере у Аксаковых, еще с 1840 г. знакомых с ее первоначальным вариантом, а затем у московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, который сам находился в Риме в 1838—1839 гг., когда Гоголь начинал работать над повестью, то есть одновременно с пребыванием там Виельгорских и Погодина.

«Рим» вышел в третьем номере «Москвитянина». Эта публикация оказалась составной частью целого блока «римских» материалов, появившихся на страницах журнала в конце прошлого и первые месяцы нового года. В №11 за 1841 г. вошла статья Шевырева «Русские художники в Риме. (Из путевых записок 1840 г.)». Сам Погодин поместил во

⁹ Переписка Н. В. Гоголя. Т. 1. М., 1988. С. 385 (две записки, относящиеся к ноябрю-декабрю 1841 г.). См. также: Казанович Е. П. К истории сношений Гоголя и Погодина (Новые материалы) // Временник Пушкинского дома на 1914 г. Пг., 1915. С. 69.

втором и четвертом номерах за 1842 г. «Москвитянина» большой фрагмент своего путевого журнала 1839 г., озаглавленный им «Месяц в Риме»¹⁰. Повесть Гоголя таким образом оказалась в обрамлении документального повествования, подвергнутого некоторой литературной обработке. Погодин, излагая день за днем свои римские впечатления, с большой симпатией упомянул и о молодом графе Виельгорском, вздохнув напоследок: «Достойный юноша скончался вскоре после нашего отъезда из Рима»¹¹. С образом Иосифа соседствует пространное элегическое отступление, навеянное созерцанием памятников друзьям в саду виллы З. Волконской и введенное в текст, очевидно, уже в процессе подготовки его к изданию. Начав перечень рано угасших даровитых юношей с Николая Рожалина, Погодин далее пишет: «Я остался один в этом садике и беседовал с любезными тенями. О Венецианов! Прошло десять лет, и до сих пор не мог я вспомнить об тебе без скорби глубокой. Что было бы из этого юноши, если б судьба даровала ему должайшую жизнь! Каждое поколение приносит как будто в жертву от себя лучший свой цвет. Жуковский, Блудов, Дашков, Вяземский схоронили Андрея Тургенева, который оставил по себе такую же священную память в своих ровесниках. Мы отдали Дмитрия Венецианова. Поколение младшее оплакивает Станкевича, подававшего еще в университете блистательные надежды,—этот молодой человек отличался особою кротостию сердца и ясностию ума; философы берлинские воздавали ему почести, как он погиб злою чахоткою, на 26 году от роду, прошедшим летом в Генуе»¹². Прежде чем опубликовать «Месяц в Риме», Погодин счел необходимым познакомиться со своей работой Гоголя, и тот, оставшись ею чрезвычайно доволен, отвечал следующей запиской: «Все так, и прекрасно, живо и верно. Это лучшая статья из того, что я читал из твоих путешествий»¹³. Воспоминания о

¹⁰ В полном объеме путешествие Погодина было описано им в книге «Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник» (Ч. 1—4. М., 1844), куда «Месяц в Риме» был включен без изменений. Другие фрагменты этого дневника были опубликованы в «Москвитянина» в № 1—3, 5 за 1841 г. («Месяц в Париже», «Еще две недели в Париже», «Венеция») и в № 7 за 1842 г. («Неаполь»).

¹¹ См. выше, гл. V.

¹² Погодин. С. 51. Н. В. Станкевич умер в 1840 г., что позволяет определить время работы над данным фрагментом «Месяца в Риме».

¹³ Гоголь. Т. 12. С. 35.

римской весне 1839 г. были равно дороги обоим приятелям: на это время пришелся расцвет их дружбы, недаром имя писателя множество раз встречается в тексте «Месяца в Риме».

Не исключено, что все это послужило для Гоголя стимулом к работе над «Ночами на вилле», которые он предназначал для погодинского журнала. Возможно, для этого писатель извлек на свет первоначальный набросок, созданный во время марсельского общения с Виельгорскими или вскоре после того, но так и оставшийся незавершенным. Подобную операцию он только что проделал с «Римом». На мысль дать своим по сути автобиографическим заметкам вторую жизнь в виде художественного произведения его могло навести соотнесение беллетристического и мемуарно-дневникового начал в контексте трех следовавших подряд номеров «Москвитянина». Нельзя не обратить внимания и на то, что всем публикациям «римского» блока свойственна фрагментарность: «Месяц в Риме» — это отрывки дневника, «Рим» имеет подзаголовок «Отрывок». «Ночи на вилле», насколько имеющийся текст позволяет судить о замысле писателя, также должны были иметь подчеркнуто фрагментарный характер в полном согласии с поэтикой жанра «ночных бдений». Так, наличие подзаголовка «Ночь 8-ая» вовсе не предполагает изложения событий предшествующих семи ночей — слишком велико эмоциональное напряжение¹⁴, скорее способное сжимать текст до отрывка, чем разворачивать его в пространное повествование. В пользу гипотезы о спонтанности принятого Гоголем решения переработать не предназначенные для печати заметки в беллетристическое произведение говорит и странная, «негоголевская» бумага. Неизвестные нам причины помешали ему воспользоваться привычными для него листами большего формата и заставили, видимо, прибегнуть к погодинским запасам почтовой бумаги.

Под занавес пребывания Гоголя в Москве события стали развиваться в неожиданном направлении. В конце апреля — начале мая писа-

¹⁴ Это напряжение могло быть следствием общего нервного состояния, в котором Гоголь находился тогда. 17 февраля 1842 г. он в письме к М. П. Балабиной жаловался, что в январе ему причиняло немалые страдания «то подступившее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетающий в письмах, обращало в исполна, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль» (Там же. С. 36).

тель просматривает корректуру «Мертвых душ». Между тем неотступные требования новых материалов для журнала все больше выводят его из себя. Он обвиняет Погодина в том, что тот не только пытается беззастенчиво эксплуатировать его, но и наносит вред главному, святому делу его жизни — работе над поэмой. При этом Гоголь в обход «Москвитянина» 17 марта посылает новую редакцию повести «Портрет» П. А. Плетневу для публикации в «Современнике». Отношения с Погодиным с каждым днем становятся все хуже, так что 9 мая на обеде, устроенном историком в честь именин Гоголя, приятели уже не разговаривают¹⁵. 23 мая, едва дождавшись выхода из типографии тиража «Мертвых душ», Гоголь покидает Москву. «Когда ты затворил дверь, я перекрестился и вздохнул свободно, как будто гора свалилась у меня тогда с плеч»¹⁶, — через год с лишним писал Погодин бывшему другу. Столь драматический поворот в отношениях, очевидно, и заставил Гоголя бросить работу над «Ночами на вилле»¹⁷. Незавершенная рукопись осталась у Погодина. В Пушкинский дом она была передана вместе с другими погодинскими документами, относящимися к концу 1841—1842 гг. — записками Гоголя к историку и его письмом к фабриканту В. И. Усачеву, у которого была закуплена партия бумаги для печатания «Мертвых душ».

Как ни странно, «Ночи на вилле» — малоизвестное произведение Гоголя. Обычно оно, как и сами отношения Гоголя с Иосифом Виельгорским, лишь вскользь упоминается исследователями при характеристике итальянского периода жизни писателя. При этом совершенно игнорируется биографическая насыщенность «Ночей» и то исключи-

¹⁵ См.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 3. М., 1956. С. 218.

¹⁶ Переписка Н. В. Гоголя. Т. 1. С. 389 (письмо от 12/24 сентября 1843 г.).

¹⁷ Свою роль могла сыграть и мысль о Виельгорских, в особенности о Луизе Карловне, которая никогда не простила бы Гоголю самовольного обнародования священных для нее воспоминаний о сыне. Кроме того, он чувствовал, что многим обязан Мих. Ю. Виельгорскому, который в числе других петербургских знакомых способствовал скорейшему пропуску цензурой «Мертвых душ»: «Добрый граф Вьельгорский! как я понимаю и знаю его душу! Но изъять каким бы то ни было образом чувства мои было бы смешно и глупо с моей стороны. Он слишком хорошо понимает, что я должен чувствовать» (Гоголь. Т. 12. С. 35—36; письмо к Плетневу от 17 февраля 1842 г.).

тельное значение, которое сам Гоголь придавал этой короткой дружбе. Так, в последнем, третьем, издании книги И. П. Золотусского «Гоголь» (1998) «Ночам на вилле», названным отчего-то «заметками», отведено всего несколько строк. Здесь скороговоркой пересказаны несколько общепринятых тезисов, выдвинутых еще первыми комментаторами гоголевского текста, которые ограничивались тем, что встраивали это сочинение в общий контекст острых переживаний Гоголя по поводу собственной болезненности, утраты молодости и предощущения смерти. Этими немногими положениями до сих пор по существу и исчерпываются достижения научного гоголеведения применительно к «Ночам на вилле». Исключение составляет статья Е. И. Анненюевой «Католицизм в системе воззрений Н. В. Гоголя», где «Ночи» упомянуты в контексте биографии и творчества писателя: «(...) на грани 30—40-х годов Гоголя начинает занимать мир чужой человеческой души: «Ночи на вилле» запечатлели непривычное для Гоголя состояние любовной и родственной отданности другому человеку. (...) Ночи рядом с умирающим И. Вьельгорским, нуждавшимся в участии Гоголя и вызвавшим в нем родственную нежную заботу, прежде почти неведомую Гоголю, породили произведение, похожее на дневник (однако, что характерно,— достаточно краткий, зафиксировавший одно состояние и не переходящий к другим, последующим)»¹⁸. Между тем К. В. Мочульский еще в 1934 г. подчеркивал, что по своей уникальности «Ночи» заслуживают большого внимания: «Их автобиографичность подтверждается письмами; они стоят совершенно особо в гоголевском творчестве и не похожи ни на одно его произведение»¹⁹.

В самом деле, многочисленные письма Гоголя 1838—1839 гг. дают возможность детально рассмотреть то душевное состояние писателя, с которым он пришел к общению с Вьельгорским, а также его переживания, связанные с умиранием юноши, которые и нашли отражение и художественное преломление в тексте «Ночей».

Как уже говорилось выше, сближение Гоголя с отцом и сыном Вьельгорскими произошло далеко не сразу. Долгое время они мало что

¹⁸ Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 33. Тонкие наблюдения исследовательницы над текстом «Ночей на вилле» нуждаются тем не менее в некоторой корректировке, поскольку Е. И. Анненкова молчаливо исходит из хронологической близости события и его художественного осмысления.

¹⁹ Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя. Paris, 1934. С. 51.

значили друг для друга: каждый был погружен в свои переживания. Письмо к А. С. Данилевскому от 31 декабря 1838 г. свидетельствует о том, что даже упиваясь «прекрасным, чудесным Римом», Гоголь испытывал иногда чувство одиночества: «Здесь теперь гибель, толпа страшная иностранцев, и между ними не мало русских. Из моих знакомых здесь Шевырев, Чертков; прочие незначительные, то есть для меня. (...) Болезненное мое расположение решительно мешает мне заниматься. Я ничего не делаю и часто не знаю, что делать со временем. Я бы мог проводить теперь время весело, но я отстал от всего, и самим моим знакомым скучно со мной, и мне тоже часто не о чем говорить с ними. (...) Чувствую, что ты бы наполнил дни мои, которые теперь кажутся пусты»²⁰. Впрочем, ситуация здесь обрисована несколько одно-сторонне: вспомним, что в Риме в эти дни находился прибывший в свите наследника Жуковский, и Гоголь с неиссякаемым энтузиазмом показывал ему город. Возможно, на тон письма оказал влияние тот факт, что за два дня до этого, 29 декабря, Гоголь читал отрывок из «Мертвых душ» перед великим князем, его свитой и едва ли не всем русским Римом и не имел у слушателей никакого успеха²¹. Через месяц с небольшим, успокоившись, он писал другу в совершенно ином настроении: «Я начинаю теперь вновь чтение Рима, и, боже, сколько нового для меня, который уже в четвертый раз читает его. Это чтение теперь имеет двойное наслаждение оттого, что у меня теперь прекрасный товарищ. Мы ездим каждый день с Жуковским, который весь влюбился в него и который, увы, через два дня должен уже оставить его. Пусто мне делается без него. Это был какой-то небесный посланник ко мне, как тот мотылек, им описанный, влетевший к узнику»²². Расставание с Жуковским вновь повергло Гоголя в уныние. Жалуясь Данилевскому, он называл себя «сиротою»²³; вслед поэту полетело письмо, полное тоски. Впрочем, прошло две недели, и писатель снова воспрял духом, оживленный приездом Погодина. Вслед за этим в течение целого месяца Гоголь был почти неразлучен с вновь прибывшим приятелем и его женой. В это время, как и в дни общения с Жу-

²⁰ Гоголь. Т. 11. С. 191—192.

²¹ Дневники Жуковского. С. 454.

²² Гоголь. Т. 11. С. 197 (письмо от 5 февраля 1839 г.). Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813).

²³ Там же. С. 199 (письмо от 12 февраля 1839 г.).

ковским, Виельгорские по-прежнему оставались на периферии его внимания, зато происходило быстрое сближение с Шевыревым.

Отъезд Погодиных и Шевырева, по-видимому, не вызвал у писателя явного приступа тоски. Но на фоне относительно уравновешенных писем к различным адресатам, написанных весной 1839 г., фрагмент его послания к Данилевскому от 14 апреля поражает ничем, на первый взгляд, не мотивированной мрачностью: «Право странно: кажется, не живешь, а только забываешься или стараешься забыться. Забыть страдания, забыть прошедшее, забыть свои лета и юность, забыть воспоминание, забыть свою пошлую текущую жизнь. Но если есть где на свете место, где страдания, горя, утраты и собственное бессилие может позабыться, то это разве в одном Риме. Здесь только тревоги не властны и не касаются души. Что бы было со мною в другом месте? Здесь только самая разлука с близкими и друзьями, которая так тяжела, менее тяжка»²⁴. Это письмо позволяет ощутить природу необъяснимых скачков от восторга к унынию и обратно, которые образовывали ритм душевной жизни Гоголя в то время. Еще к февралю относятся трагически надрывные строки из письма к тому же Данилевскому, где писатель прямо указывает на сущность терзавшего его ужаса: «Мы приближаемся с тобою (высшие силы! какая это тоска!) к тем летам, когда уходят на дно глубже наши живые впечатления и когда наши ослабевающие, деревенеющие силы, увы, часто не в силах вызвать их наружу так же легко, как они прежде всплывали сами, почти без зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, нас облекающая, не окрепла и не обратилась, наконец, в такую толщу, сквозь которую им в самом деле никак нельзя будет пробиться. Употребим же, по крайней мере, всё, [чтобы] спасти их хотя бедный остаток. Пусть мы будем иметь хотя несколько минут, в которые будем свежи и молоды. Пусть же мы встретим нашу юность, наши живые, молодые лета, наши прежние чувства, нашу прежнюю жизнь, пусть же все это мы встретим в наших письмах. Пусть хотя там мы предадимся лирическому сердечному излиянию, которого бедного гонят, которому заклятые враги — пошлость глупейшего препровождения времени, презренная идея обеда, рисующаяся со времени поднятия с постели, роковые 30 лет, гнусный желудок и все гадости потухающего черствого рассудка»²⁵.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Там же. С. 196 (письмо от 5 февраля 1839 г.).

Гоголь чувствовал, что жизнь словно утекает у него между пальцев; вместо спокойной, благополучной зрелости перед ним замаячил призрак старости, неотвратимо затягивающей подобно болоту; отсюда его отчаянные попытки вырваться, подстегнуть охлаждающую душу мощным допингом эстетических переживаний. Рим становится для него единственным местом, «где страдания, горя, утраты и собственное бессилие может позабыться». С этой точки зрения вся римская эйфория писателя предстает как бессознательное стремление «забыться», убежать — не столько от старости, сколько от подступающего омертвления души. Но безупречно прекрасный римский фон требовал столь же совершенной человеческой фигуры. В поисках поддержки Гоголь обращался к Данилевскому, другу юности, которого он сам называл братом и «ближайшим», уповая, что тот в меньшей степени затронут неотвратимым процессом иссыхания телесных и душевных сил. Однако он ясно понимал, что Данилевскому слишком многого не хватает. В изображении Гоголя приятель в чем-то даже комичен: этот добрый малый слишком приземлен своим чревоугодием и слабостью к прекрасному полу.

Когда отъезд Чертовой из Рима сблизил его с Виельгорскими, в безнадежно больном Иосифе писатель неожиданно увидел то, что искал — молодое, талантливое существо, очищенное близостью смерти от всякой плотской скверны и в последние свои дни вдруг одарившее его чувством полноты и красоты жизни. Отсюда исключительно яркий и приподнятый образ нового друга, возникающий в письмах Гоголя этого периода. Тот же эффект внезапного *узнавания*²⁶ обусловил, очевидно, и чрезвычайно высокую оценку, которую дал юноше Погодин на страницах «Месяца в Риме», помножив впечатления от знакомства с молодым Виельгорским на собственные надежды и идеалы.

Схожие чувства Гоголь питал еще к одному человеку — к Марии Балабиной, своей бывшей ученице. Эту девятнадцатилетнюю девушку он высоко ценил, считал личностью незаурядной и поддерживал с ней деятельную переписку. Ни один из тогдашних корреспондентов Гоголя не мог похвастаться тем, что получал от него такие длинные, литературно отточенные послания. В одном из писем к ней писатель при-

²⁶ Гоголь мог усмотреть во внешности Иосифа еще одну черту, дополнительно актуализировавшую для него воспоминания о юности, — румянец. «Мой красненькой» — так писатель иногда ласково называл Н. Я. Прокоповича, с которым был знаком с детства (см. письмо к нему от 15 апреля 1838 г. — Там же. С. 134).

знавался: «Мне стало очень грустно, когда я читал письмо ваше. Я мыслил: будет ли счастлива моя приятельница Марья Петровна? и когда я представил себе этот холодный, прозаический, мелкий чувствами и характерами мир, который окружает Марью Петровну, облако сомнения отуманило мне очи. Клянусь, мне было грустно. Но я вспомнил, что у Марьи Петровны есть черты римского характера, есть что-то твердое и сильное, есть наша воля и решительность на великие вещи. И во мне вдруг поселилась уверенность... насчет вас я стал покойнее»²⁷. Когда в поле зрения Гоголя оказался Иосиф, в котором писатель увидел идеального юношу, по своим душевным качествам на голову превосходящего других его знакомых, ему в голову вполне логически пришла мысль о соединении Балабиной с его новым другом. Очевидная несбыточность этого плана (письмо к Погодину от 5 мая свидетельствует о том, что Гоголь уже тогда понимал, что Жозефу недолго осталось жить) не смущала писателя, вдохновленного красотой своего замысла.

Из письма Н. В. Гоголя к М. П. Балабиной²⁸

Май 30 1839

(...) Если бы ваше письмо пришло несколькими месяцами раньше, я бы с готовностью и живою, многоречивою охотою пустился бы соглашаться с вами и перечить вам, и судить, и спорить обо всех тех предметах, о которых вы пишете; но чувствую, что теперь буду и туп, и вял, и глуп. Мысли не лезут вовсе из моей головы; другие, совершенно непризванные, являются на место призываемых. Увы! я пишу к вам тоже под впечатлением книги, которую теперь читаю, но другой и как противоположной вашей²⁹! Печальны и грустно-красноречивы ее страницы. Я провожу теперь бессонные ночи у одра больного, умирающего моего друга Иосифа Вьельгорского. Вы, без сомнения, о нем слышали, может быть, даже видели его иногда³⁰; но вы, без сомнения, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасных чувств его, ни его сильного, слишком твердого для молодых лет характера, ни необыкновенного основательностью ума его; и всё это—добыча немолимой смерти; и не спасут его ни молодые лета, ни права на жизнь, без сомне-

²⁷ Там же. С. 181 (письмо от 7 ноября 1838 г.).

²⁸ Там же. С. 227—228.

²⁹ Балабина сообщала Гоголю, что занята чтением записок Н. А. Дуровой.

³⁰ Семейство Балабиных, по всей видимости, было знакомо с Вьельгорскими. Так, известно, что старший брат Марии Петровны певец-любитель Е. П. Балабин участвовал в тех же благотворительных концертах 23 марта и 9 апреля 1838 г., где в хоре пел и Жозеф (афишки этих концертов см.: ОР РГБ. Ф. 48. Оп. 1. Картон 49. № 1. Л. 17, 18).

ния, прекрасную и полезную! Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновение развеселившийся вид уже для меня эпоха, уже происшествие в моем однообразно проходящем дне. Итак, не вините меня, если я глуп и не умею к вам написать письмо так же умно, как вы написали его ко мне. Бедный мой Иосиф! один единственно прекрасный и возвышенно благородный из ваших петербургских молодых людей, и тот!.. Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошего у нас в России! Едва только оно успеет показаться — и тот же час смерть! безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не верю, и если встречаю что прекрасное, тотчас же жмурю глаза и стараюсь не глядеть на него. От него несет мне запахом могилы. «Оно на короткий миг», — шепчет глухо внятный мне голос. «Оно дается для того, чтобы существовала по нем вечная тоска сожаления, чтобы глубоко и болезненно крушилась по нем душа».

Кстати о прекрасном. Когда я думал об вас (я об вас часто думаю и особенно о вашей будущей судьбе), я думал: «Кому-то вы достанетесь? Постигнет ли он вас и доставит ли вам счастье, которого вы так достойны?» Я перебирал всех молодых людей наших в Петербурге: тот просто глуп, другой получил как-то несчастную крупцу ума и зато уже хочет высказать ее всему свету; тот ни глуп, ни умен, но бездушен как сам Петербург. Один был человек, на котором я остановил взгляд — и этот человек готовится не существовать более в мире... Вы извините, что пустился быть вашей свахой, что называется иначе кума. Мое мысленное сватовство, как вы видите, неудачно. Я вам всё говорю, я не хитрю с вами, не таю от вас моих мыслей. (...)

В этом письме Гоголь помещает образ Иосифа Виельгорского в колоссальный по широте и многообразию затронутых проблем контекст. Италия присутствует здесь имплицитно, как абсолютный полюс красоты, при соприкосновении с которым все явления жизни поднимаются на высоту чистых идей. Прекрасные образы юных друзей особенно контрастны на фоне яростных филиппик против филистерской Германии (абсолютного олицетворения духовной пошлости) и лживого, холодного Петербурга — достойной столицы страны, где нет места ничему высокому, где «одни лишь свиньи живущи».

В сходном эмоциональном и тематическом ключе выдержано следующее письмо, написанное несколько дней спустя, когда Иосиф был уже в могиле.

Из письма Н. В. Гоголя к А. С. Данилевскому³¹

Июнь 5

(...) Я недавно еще чувствовал одну сильную, почти незнакомую для меня в эти лета грусть, грусть живую, грусть прекрасных лет юношества, если не отроче-

³¹ Гоголь. Т. 11. С. 234—235.

ства души. Я похоронил на днях моего друга, которого мне дала судьба в то время, в ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю об моем Иосифе Вельегорском. Мы давно были привязаны друг к другу, давно уважали друг друга, но сошлись тесно, неразрывно и решительно братски только, увы, во время его болезни. Ты не можешь себе представить, до какой степени это была благородно высокая, младенчески ясная душа. Выскочки ума и таланта мы видим иногда часто у людей, но ум и талант, и вкус соединенные с такою строгою основательностью, с таким твердым, мужественным характером, это явление, редко повторяющееся между людьми. И всё было у него на 23 году возраста. И при твердости характера, при стремлении действовать полезно и великодушно, такая девственная чистота чувств. Это был бы муж, который бы украсил один будущее царствование Александра Николаевича. Все прочие его окружающие хоть бы крупицу таланта имели. И прекрасное должно было погибнуть, как гибнет всё прекрасное у нас на Руси. (...)

К этим же дням, очевидно, относится эпизод, запомнившийся В. Н. Репниной: «(...) однажды после его (Виельгорского—*Авт.*) смерти на вилле Фальконьери, где мы жили, я застала Гоголя в моей комнате с книгою в руках и спросила его, что это за книга; он мне ее передал. Это была Библия; на первом листке дрожащей рукой молодого Виельгорского написано было: «Другу моему Николаю. Вилла Волконская»; числа я не припомню. Гоголь сказал мне: „Эта книга вдвое мне святее“»³².

Появившись впервые в письме к Погодину от 5 мая 1839 г., имя Иосифа в последний раз упоминается в письме к тому же адресату, датированном 17 октября следующего 1840 года. Но теперь оно вписано в совершенно иной контекст. Гоголь сообщает другу, что не так давно, в середине августа, сам побывал на грани смерти. Находясь в Вене, он чувствовал себя прекрасно, ощущал значительный прилив сил и творческий подъем, как вдруг был поражен необъяснимой, жестокой болезнью: «(...) нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздражение нервическое. Все мне бросилось разом на грудь. Я испугался. Я сам не понимал своего положения. Я бросил занятия, думал, что это от недостатка движения при водах и сидячей жизни. Пустился ходить и двигаться до усталости и сделал еще хуже. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотоле мною не испытанное, усилилось. По счастью, док-

³² РА. 1890. № 10. С. 229.

тора нашли, что у меня еще нет чахотки, что это желудочное расстройство, остановившееся пищеварение и необыкновенное раздражение нерв. (...) К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни на постеле, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно, это была та самая тоска и то ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Вельегорского в последние минуты жизни»³³. Эта болезнь, как известно, явилась переломным моментом в биографии Гоголя. Сам писатель придавал ей провиденциальное значение, полагая, что Господь тем самым окончательно упразднил в нем «ветхого человека» ради создания человека нового, которому предначертана высокая миссия — заключив себя в духовный монастырь, вершить там спасительное дело, воздвигать здание своей поэмы. Образ покойного Виельгорского неслучайно представился внутреннему взору Гоголя в дни болезни. Целый год писатель носил в себе память о последних днях друга, чтобы, ощутив себя на его месте, тем острее пережить непрочность человеческой жизни. Позднее, в «Ночах на вилле», умирание Иосифа поднимется на высоту философского обобщения и из биографического факта окончательно превратится в символ.

Непреходящая ценность короткой дружбы с Виельгорским для Гоголя состояла, видимо, в ее интеллектуальной и эстетической насыщенности. Обостренное художественное чувство, по всей вероятности, с самого начала превалировало здесь над обычной симпатией. Даже в трагических обстоятельствах Гоголь не утрачивал зоркости, присущей писательскому взгляду. В его письмах этого времени слова об умирающем Иосифе соседствуют с отстраненным наблюдением над самим собой: «(...) удивительно: я не чувствую никакой усталости. Здоровье мое ничуть не сделалось хуже. Даже лицо мое не носит никаких знаков изнеможения, находят даже меня поправившимся»³⁴. В этом меньше самолюбования, чем профессионального интереса к действующим лицам ситуации, богатой драматическим содержанием. Литературное осмысление пережитого было только вопросом времени.

Молодой герой гоголевского отрывка утратил все черты, которые прямо связывали бы его с прототипом. Мы не знаем его имени, не

³³ Гоголь. Т. 11. С. 314—315.

³⁴ Там же. С. 238.

представляем его внешности, нам неизвестно, сколько ему лет и отчего он умирает— все это не имеет значения в том поистине космическом масштабе, который Гоголь придал коллизии «Ночей на вилле». Впечатление предельной плотности текстовой ткани усиливается крошечным объемом отрывка и даже самим видом рукописи, где довольно крупный почерк контрастирует со странными маленькими листочками.

Умиравший не покидает комнаты, вся драма разворачивается в тесном замкнутом пространстве и непрерывно тающем, сжимающемся, как шагреневая кожа, времени. Статичная атмосфера, «томление скуки» как душный воздух обволакивают его, и все же изнемогающий под тяжестью болезни юноша продолжает бороться: постель ассоциируется для него со смертным одром, и он упорно отказывается сдаться, покинуть свои кресла³⁵. Меж тем дом, как камень посередине бурной реки, со всех сторон окружен жизнью внешней. Розы, акации и жасмины в саду, ветер, несущий сорванные лепестки, ветка лавра—этими немногочисленными штрихами Гоголь задает ключевое соположение двух начал: вечно обновляющейся природы и хрупкого человеческого существования. Рассказчик, в отличие от больного имеющий возможность передвигаться, служит связующим звеном между внутренним и внешним мирами. Неслучайно в его руке ветвь лавра. В античной и позднейшей культуре с этим деревом связан целый комплекс ассоциаций: вечнозеленый лавр (дерево Аполлона) символизирует победу, бессмертие, вообще светлое, гармоническое начало. Комната умирающего в «Ночах на вилле» не может быть напрямую отождествлена с гостиной Волконской, однако общий итальянский колорит текста, определяемый уже его заглавием (вилла как совокупность дома и сада—принадлежность современной Гоголю итальянской цивилизации, унаследованная ею от античности), и специфический «римский» контекст, в котором создавался отрывок, не позволяют забыть о биографической первооснове «Ночей». Неназванные, глядя со стен античные обломки, и с ними в комнату умирающего как бы проникает дуновение вечности. За стенами виллы незримо присутствует Рим. Переживший собственную смерть и лежащий в развалинах, он тем не менее утратил лишь скоропреходящее, обратившись в бессмертный «поэтический прах». Для Гоголя смерть в Риме лишена трагизма и отгал-

³⁵ Реальный Иосиф Виельгорский, очевидно, поступал так потому, что сидя ему легче дышалось.

квивающего безобразия, обычно от нее неотделимых³⁶. Писатель ощутил это вскоре по приезде в Вечный город; ко 2 ноября 1837 г. относятся следующие известнейшие строки из письма к П. А. Плетневу: «Когда вам все изменит, когда вам больше ничего не останется такого, что бы привязывало вас к какому-нибудь уголку мира, приезжайте в Италию. Нет лучшей участи как умереть в Риме; целой верстой здесь человек ближе к божеству»³⁷. Тем же настроением проникнут облик умирающего молодого героя «Ночей»: юноша ангелоподобен—тих, кроток, приветлив, даже весел, в его умирании нет грязи и унижительной муки, он только чувствует изнеможение.

Даже неотделанность «Ночей на вилле» способна порождать дополнительные художественные эффекты. Повторы, которые можно трактовать просто как свидетельство незавершенности работы над текстом, в то же время играют роль осмысленного художественного приема, имитируя истерические рыдания человека, говорящего бессвязно, не заботясь о гладкости речи. Такое же двоякое объяснение допускает и резкий обрыв едва намеченной сюжетной линии, когда писатель, вдруг позабыв о своем молодом друге, разражается страстным исповедальным монологом.

В. Л. Комарович в комментарии к публикации «Ночей на вилле» в полном собрании сочинений Гоголя рассматривал этот отрывок как поэтическую эпитафию, созданную вскоре после кончины Виельгорского. Проводя параллель с несомненно известным Гоголю письмом Жуковского к С. А. Пушкину по поводу гибели поэта, он указывал на то, что общение с Жуковским, побывавшим в Риме за несколько месяцев до кончины Иосифа, оживило для Гоголя переживания более чем двухлетней давности. Предложенная нами датировка «Ночей» (конец 1841 или начало 1842 г.) и проведенный анализ художественной природы текста заставляет отвергнуть эту гипотезу. Тем не менее образ Пушкина, безусловно, сыграл свою роль в предыстории «Ночей», только соотносить с образом поэта следует не безымянного молодого героя, а подлинного Иосифа Виельгорского.

Еще за пять лет до драматических событий весны 1839 г. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» писал: «Пушкин (...) это русский

³⁶ Об изображении смерти в творчестве Гоголя см., например: Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 26—27.

³⁷ Гоголь, Т. 11. С. 114.

человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет»³⁸. На его преклонение перед поэтом не повлияли даже сложности в личных отношениях. Действительно, мысль о Пушкине была актуализирована для Гоголя приездом в Рим Жуковского. 31 декабря 1838 он писал Данилевскому: «Свиданье наше было трогательно: он весь полон Пушкиным»³⁹. Грусть при виде умирающего Иосифа слилась у Гоголя с размышлениями о судьбах родины, образ молодого Виельгорского оказался включенным в некий обобщенный мартиролог, освященный именем Пушкина, не названным впрямую, но несомненно подразумеваемым:

«Не житье на Руси людям прекрасным» (Погодину, 5 мая 1839 г.);

«Бедный мой Иосиф! один единственно прекрасный и возвышенно благородный из ваших петербургских молодых людей, и тот!.. Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошего у нас в России!» (М. П. Балабиной, 30 мая);

«Это был бы муж, который бы украсил один будущее царствование Александра Николаевича. (...) И прекрасное должно было погибнуть, как гибнет всё прекрасное у нас на Руси» (Данилевскому, 5 июня).

В Виельгорском он нашел живой идеал русского юноши и этим—признанием воплощенности идеала—на мгновение сблизил его с Пушкиным. Это не получило непосредственного отражения в тексте «Ночей на вилле», однако можно предполагать, что в переосмыслении непосредственных впечатлений во время работы над отрывком сыграла свою роль и первоначальная идеализация Иосифа. Коллизия «Ночей» носит всечеловеческий характер. Пожалуй, только время действия можно определить по костюму героя («теплый пестрый сюртук»), все остальные характеристики, в том числе и национальная, не проявлены. Такая важная деталь, как свойственная Жозефу «руссомания», о которой писатель, конечно же, знал, полностью отбрасывается. Дело происходит в Италии, но это не реальная Италия, а та страна—квинт-эссенция прекрасного, в которой Гоголь, по его собственным словам, обрел свою духовную родину.

В предыстории «Ночей на вилле» отчетливо выделяется несколько периодов: к первому можно отнести римскую жизнь Гоголя до начала

³⁸ Гоголь. Т. 8. С. 50.

³⁹ Гоголь. Т. 11. С. 192.

интенсивного общения с Иосифом Виельгорским, когда формируется комплекс мотивов, характерных для творчества писателя конца 1830-х — начала 1840-х гг. Второй — собственно бдения на вилле в мае 1839 г.; третий — время после смерти юноши, когда упоминания о нем постепенно исчезают из дошедшей до нас переписки Гоголя, и в течение двух с половиной лет римские переживания отходят на второй план. К концу 1841 — весне 1842 г. относится актуализация пласта воспоминаний и впечатлений, связанных с образом Виельгорского, которая и привела к созданию «Ночей на вилле».

Мнение первых публикаторов этого произведения о том, что «Ночи» являются фрагментами реального дневника Гоголя, веденного в конце мая — начале июня 1839 г., достаточно убедительно опровергается сквозным употреблением глаголов в форме прошедшего времени, а также приведенной выше выдержкой из письма А. М. Виельгорской, откуда явствует, что к 22 июля 1839 г. родные Иосифа еще не имели в руках обещанного Гоголем текста. Сдержал ли писатель данное в Марселе слово, неизвестно. Весьма вероятно, что Виельгорские так и не дождались письменного изложения его римских впечатлений. Красно-речиво отсутствие каких бы то ни было упоминаний о том, что в семейном архиве Виельгорских-Соллогубов-Веневитиновых-Шаховских когда-либо имелся список «Ночей на вилле». В противном случае об этом непременно упомянул бы первый биограф Иосифа — его племянник М. А. Веневитинов, а также М. С. Волкова. «Ночи» — далеко не те заметки мемуарного характера, которые хотели получить от Гоголя родные Жозефа. Тем не менее отважимся предположить, что некий не дошедший до нас «протограф» все-таки существовал. На это косвенно указывает сходство начала «Ночей на вилле» («Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи») с фразой из письма к Погодину, написанного в последние дни жизни Иосифа: «Сладки и грустны мои минуты нынешние»⁴⁰. Текстуальную близость к «Ночам» можно усмотреть также в письме Гоголя к Балабиной от 30 мая («Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновение развеселившийся вид уже для меня эпоха, уже происшествие в моем однообразно проходящем дне») и к Данилевскому от 5 июня 1839 г. («Я недавно еще чувствовал одну сильную, почти незнакомую для меня в эти лета грусть, грусть живую, грусть прекрасных лет юно-

⁴⁰ Там же. С. 238.

шества, если не отрочества души»). Вряд ли, однако, протограф создавался именно в эти дни и имел дневниковый характер: насколько известно, Гоголь никогда не вел дневника, а его сохранившиеся записные книжки начисто лишены интимно-исповедального элемента. В дошедшем до нас тексте «Ночей» различимы два слоя. Первый, «рудиментарный», собственно и содержит информацию о том, как протекали последние дни юноши («он сидел больной в креслах. Я при нем», «я не был у него в эту ночь», «в 10 часов я сошел к нему. Я его оставил за 3 часа до этого времени, чтобы отдохнуть немного и чтобы доставить какое-нибудь разнообразие, чтобы мой приход потом был ему приятнее. Я сошел к нему в 10 часов. Он уже более часу сидел один. Гости, бывшие у него, давно ушли. Он сидел один», «он не любил и не ложился почти вовсе в постель. Он предпочитал свои кресла и то же свое сидячее положение. В ту ночь ему доктор велел отдохнуть»). Эти разрозненные фрагменты, очевидно, восходят к первоначальному тексту, который Гоголь наскоро набросал в ответ на просьбы Виельгорских, высказанные в Марселе. Ранний слой перекрывается позднейшим, значительно более мощным, где доминирует оплакивание молодости и душевной свежести автора, покидающих его со смертью друга. Возникновение этого слоя текста, по всей видимости, связано с литературной обработкой, направленной на подготовку записей к печати. Заглавие, несомненно, рассчитано на то, чтобы ввести читателя в обстановку, которая Виельгорским и без того была известна. Кроме того, в тексте имеется прямое обращение к постороннему читателю: «Ты, кому попадутся, если только попадутся, в руки эти нестройные слабые строки, бледные выражения моих чувств, ты поймешь меня». Наконец, можно предполагать, что само членение на отдельные «ночи» (явно восходящее к юнгианской традиции мистико-медитативной словесности) также было произведено в процессе работы над текстом.

«Ночи на вилле» — не единственное художественное воплощение образа молодого Виельгорского, которым мы обязаны Гоголю.

В 1934 г. среди антиквариата Торгсина искусствоведу Н. Г. Машковцеву посчастливилось найти неизвестную дотоле работу Александра Иванова — небольшой этюд головы молодого человека, несомненно примыкающий к ряду подготовительных работ для картины «Явление Мессии». Об этом говорит поза модели, соответствующая позе персонажа, известного как «дрожащий мальчик». Ученого заинтересовала

необычность образа: «Это скорее юноша, чем мальчик, но юноша с очень сильно развитой интеллектуальной жизнью. Это не лицо рядового итальянского натурщика»,—писал он позднее⁴¹. В нижней части холста Машковцев заметил довольно неразборчивую надпись, процарапанную по свежему красочному слою явно рукой самого художника: «Гр. Виельгорский». Исходя из этого, он уверенно атрибутировал новонайденное произведение Иванова как этюд, выполненный с И. М. Виельгорского, в подтверждение чего сослался на сходство с лицом Матв. Ю. Виельгорского. Публикуя это изображение в качестве иллюстрации к своей статье «История портрета Гоголя», Машковцев высказал и убедительно развил предположение о том, что молодой граф попал в поле зрения художника благодаря дружбе с Гоголем.

К сожалению, проследить первоначальную историю ивановского этюда не представляется возможным. Из рук живописца он, вероятнее всего, перешел к Виельгорским, которые не могли не дорожить последним изображением Жозефа. Вряд ли это произошло в 1839 г.: Иванова, скорее всего, уже не было в Риме в момент смерти молодого Виельгорского—он отправился в путешествие в Венецию и другие города Северной Италии для изучения старых мастеров. Очевидно, что портрет, который упоминается в письме Михаила Юрьевича к Гоголю от 28 июля 1839 г., не имеет отношения к ивановскому этюду: в данном случае речь идет о каком-то старом портрете (возможно, миниатюре), находившемся у Анны Михайловны⁴². В соответствии с игрой, которую она вела с братом, Церлине, естественно, полагалось иметь у себя изображение своего супруга Мазетто. Посылая этот портрет в Рим, Михаил Юрьевич, возможно, имел намерение заказать с него гравюру, что позволило бы почтить печальным подарком всех, кто принимал участие в судьбе Иосифа. Один из первых оттисков, несомненно, получил бы и Гоголь. По-видимому, в первое время после смерти

⁴¹ Машковцев Н. Г. История портрета Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 418.

⁴² Известно о существовании нескольких доселе не обнаруженных портретов Иосифа: изображениями детей Виельгорских были украшены чашки, упоминаемые в недатированной записке Михаила Юрьевича к старшему сыну (см. главу I); в январе 1829 г. Л. К. Виельгорская, находясь в Вюрцбурге, получила от Жуковского портрет сына (см. об этом: ПД. № 27. 955. Л. 3); М. С. Волкова упоминает о некоем барельефном изображении Жозефа, принадлежавшем одному из братьев Жемчужниковых, кузенов А. К. Толстого (РГАЛИ. Ф. 111. Оп. 1. № 7. Л. 4, 2).

Иосифа горе отца было так велико, что он был не в состоянии как-то позаботиться об увековечении памяти сына. Неслучайно в письме сообщении о посылке портрета соседствует с сожалением о том, что не был вовремя написан и опубликован некролог. Однако и гравюра, по видимому, так и не была изготовлена.

Каким образом в конце концов была передана Виельгорским работа Иванова, неизвестно, но здесь, вероятнее всего, не обошлось без посредничества Гоголя. Оказавшись в собственности семьи и, естественно, утратив свое первоначальное техническое назначение, этюд претерпел некоторые внешние изменения, которые приблизили его к обычным представлениям о портрете. Изображение на прямоугольном холсте было заключено в овал (230×200 мм), так что светлый фон сохранился только вокруг головы и плеч Иосифа, в то время как поля были замазаны темной краской⁴³, и помещено в резную рамку темного дерева с овальным просветом. В Торгсин портрет попал, очевидно, из фамильного собрания кого-то из потомков Виельгорских. Приобретенный по указанию Машковцева в собственность государства, он некоторое время находился в Музее изящных искусств (ГМИИ им. Пушкина), а в 1938 г. в соответствии с тогдашней практикой комплектования провинциальных музейных собраний работа Иванова была передана в Молотовскую картинную галерею (ныне Пермская областная художественная галерея), где и хранится и по сей день.

Машковцев, много сделавший для введения в научный оборот неизвестного изображения И. М. Виельгорского, тем не менее ошибся, утверждая, что лицо человека, изображенного на найденном им холсте, «не повторяется более в этюдах Иванова»⁴⁴. Американский славист С. Карлинский в вышедшей в 1976 г. книге о Гоголе⁴⁵ воспроизвел хранящуюся в Третьяковской галерее кальку—одну из тех, которые Иванов время от времени делал со своих произведений. Рядом с фигурой Гоголя и наброском св. Христофора, несущего Христа-ребенка, можно видеть выполненную с неизвестного оригинала зеркальную прорисовку головы юноши в повороте «дрожащего мальчика». Не-

⁴³ См. воспроизведение этого этюда без рамы в альбоме «Пермская государственная художественная галерея» (М., 1976) под № 33.

⁴⁴ Машковцев Н. Г. Указ. соч. С. 418.

⁴⁵ Karlinsky S. *The Sexual Labyrinth of Nicolai Gogol*. Cambridge, Massachusetts and London, England, 1976.

смотря на стилизацию под античную головку, она имеет несомненное сходство с пермским этюдом.

В Третьяковской галерее находится еще один этюд к фигуре «дрожащего мальчика», известный под названием «Полуфигура обнаженного мальчика на фоне ярко освещенной стены» (бумага, наклеенная на холст, масло, 570×400 мм). Размером он более чем в два раза превосходит пермский этюд. Работа обычно датируется 1840-ми годами, однако есть серьезные основания предполагать, что моделью здесь также послужил Иосиф Виельгорский. М. В. Алпатов в своей капитальной монографии об Иванове не обошел вниманием эту работу, однако не усмотрел в ней связи с находкой Машковцева и в целом оценил достаточно сдержанно: «(...) кроме внимания, в лице этого мальчика ничего не заметно. В характеристике его еще отсутствует «психологический фон». Между тем, по замыслу Иванова, и «дрожащий мальчик» должен был приобрести черты вполне определенной личности. (...) Одно время художник намеревался в качестве «дрожащего мальчика» представить умершего от чахотки юношу Виельгорского»⁴⁶. Однако это произведение допускает и диаметрально противоположную трактовку. Среди всех известных этюдов для фигуры «дрожащего мальчика» оно отличается именно своей психологической выразительностью. Изображенный не просто *смотрит* на какой-то предмет справа от себя, как это можно видеть на этюдах, выполненных для этой фигуры с других моделей⁴⁷. Скорее он весь обратился в *слух* — взгляд не сфокусирован на точке, куда он глядит, и все существо его напряжено в стремлении уловить невидимое. Этот образ несет в себе мощное ощущение тревоги, духовного горения, как бы некоего прозрения. Очень выразителен контраст между духовной энергией лица и жалкой позой тщедушного тела, выражающей слабость, незащищенность, покорность. Созданию того же эффекта способствует и колористическая напряженность этюда — сочетание залитой солнцем светлой поверхности стены и смуглой кожи модели, яркие губы и белки глаз, черные густые ресницы и брови. Трудно не заметить в этом этюде и портретного сходства с Иосифом Виельгорским — таким, как он запечатлен на пермском этюде. Кроме того, ряд черт: разрез глаз, округ-

⁴⁶ Алпатов М. В. Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество. Т. 1. М., 1956. С. 262.

⁴⁷ Там же. С. 223.

лый маленький подбородок, изящно очерченный рот, узкий прямой нос — напоминает портреты Виельгорских, в особенности матери (портрет маслом работы К. Рейхеля, 1816) и сестер Софьи (акварель П. Н. Орлова, нач. 1840-х гг.) и Аполлинаруи (акварель К. К. Гампельна, конец 1830-х гг.)⁴⁸. Также и некоторые семитские черты, подчеркнутые художником, стремившимся воссоздать в «Явлении Мессии» древнееврейский колорит, могут быть истолкованы в пользу предположения о том, что Иванов писал именно Иосифа, прабабка которого княгиня А. П. Гагарина происходила как по отцу, П. П. Шафирову, так и по матери, А. С. Копьевой, от крещеных евреев. Различие в прическах моделей на пермском и московском этюдах, в сущности, не является значимым. Русскому офицеру полагалось носить коротко стриженные волосы, зачесанные на косой пробор слева направо — именно так, как мы видим это на этюде из Третьяковской галереи, а также на портрете 1835—1836 г., единственном, где Иосиф изображен в военной форме. Что касается прически на пермском этюде, то она, вероятнее всего, является плодом фантазии художника, экспериментировавшего с деталями внешности моделей в поисках образа, адекватного его замыслу. Отсутствие усов, которые мы видим на самом раннем из портретов Виельгорского, легко объясняется тем, что они плохо вязались с гражданской одеждой, которую молодой человек преимущественно носил за границей.

Московский этюд, несомненно, выполнен с натуры. Так, Алпатов в особенности указывал на реалистическую передачу напряженных мышц шеи при обобщенном решении торса. Это замечание косвенно подтверждает нашу атрибуцию: хотя поза, которую Иванов придал своему «дрожащему мальчику», вероятно, могла найти некоторое соответствие в движениях больного, страдавшего от озноба, Жозеф в его состоянии вряд ли мог позировать обнаженным до пояса, и лишь ворот рубашки, по-домашнему распахнутый, открывал шею. Признаки болезни заметны и в другом: на лице играет нездоровый румянец, глаза словно обведены темной каймой, щеки впалые. Все это говорит в пользу того, что перед нами изображение Иосифа Виельгорского.

⁴⁸ См.: Николай Михайлович, великий князь. Русские портреты XVIII—XIX столетий. Т. 4. Вып. 1. № 34; Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX в. из музеев РСФСР. М., 1987. № 97; Московская изобразительная пушкиниана. М., 1986. № 44.

Этюд поражает глубиной проникновения художника во внутренний мир юноши, которого он едва знал. Психологическая характеристика, которую Иванов дает своей модели, вполне совпадает с комплексом впечатлений, возникающих при чтении журнала Иосифа, где юноша предстает таким же—словно бы обнаженным, дрожащим и в то же время полным внутреннего горения. Возможно, это проявление профессиональной проницательности художника, но нельзя сбрасывать со счетов и то, как именно Гоголь мог характеризовать Иванову своего молодого друга.

К моменту появления Виельгорских в Риме осенью 1838 г. композиция «Явления Мессии» была уже давно найдена и в общих чертах намечена на громадном холсте. Когда в марте следующего года Гоголь привел в мастерскую живописца своих московских гостей, их глазам предстало следующее зрелище: «Мы увидели в комнате г. Иванова ужасный беспорядок, но такой беспорядок, который тотчас дает знать о принадлежности своей художнику. (...) В одном углу на полу валяется всякая рухлядь, в другом исчерченные картоны. В середине господствует на огромных подставках картина, над которою трудится художник. Сам он в простой холстинной блузе, с долгими волосами, которых он не стриг, кажется, года два, не бритый недели две, с палитрою в одной руке, с кистью в другой, стоит один-одинехонек перед нею, погруженный в размышления. Вокруг него по всем сторонам лежит несколько картонов с его корректурами, то есть с разными опытами представить то или другое лицо, разместив фигуры так или иначе»⁴⁹. Не исключено, что среди этих «картонов» уже находились этюды, выполненные с молодого Виельгорского. На протяжении ряда лет Иванов сосредоточенно трудился над художественной разработкой отдельных образов своего полотна. Гоголь, живо сочувствовавший его замыслу, был посвящен в малейшие детали поисков. Ему более чем кому-либо был понятен метод работы Иванова, это бесконечное, терпеливое перебирание новых и новых лиц и черт в поисках «первообраза». Многочисленные портретные этюды и штудии итальянской природы служили художнику материалом для воссоздания события космического масштаба—явления Мессии не просто кучке жителей древней Палестины, а всему человечеству. О таком подходе к натуре Гоголь говорил позднее в статье «Исторический живописец Иванов», во-

⁴⁹ Погодин. С. 85—86.

шедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями»: «(...) как изобразить то, чему еще не нашел художник образца? Где мог найти он образец для того, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины,—представить в лицах весь ход человеческого обращения ко Христу? (...) Иванов напрягал воображение, елико мог, старался на лицах всех людей, с какими ни встречался, ловить высокие движения душевные»⁵⁰.

Вдохновленный сходством идеи Иванова с собственным эпическим замыслом, Гоголь увидел и в себе черты, необходимые художнику. В статье Н. Г. Машковцева подробно прослеживается, как живописец «пробовал» его на различные «роли»: раба, «ближайшего ко Христу» («кающегося»), «дрожащего отца». В последнем случае, очевидно, художнику или самому Гоголю и пришла в голову мысль о том, что прекрасной моделью для парного к «дрожащему отцу» образа («дрожащего мальчика») будет Иосиф Виельгорский. Можно предполагать, что в те последние недели жизни юноши Гоголь рассмотрел в нем нечто, поразившее его неожиданным ощущением духовного родства. Отсюда само собой вытекало желание увидеть его и себя в качестве именно тех персонажей картины, которые наиболее тесно связаны друг с другом и фактически составляют единый образ.

«Дрожащие» — олицетворение таинства крещения. Они только что вышли из воды — обнаженные, очищенные души, трепещущие на ветру этого мира, умершие и вновь возродившиеся, глубоко потрясенные и погруженные еще в себя. Из этого состояния их выводит голос Иоанна Крестителя, взывающий к ним; они уже взглянули на него, вопрошая. В следующий миг они увидят своего Спасителя. Они стоят на самой грани земной жизни и бессмертия, Ветхого и Нового заветов, они пробуждаются для грядущего. На это, в частности, указывал Хомяков, специально уделивший несколько строк образу «дрожащего мальчика»: «Вот на правой стороне мальчик, только что принявший крещение, и вы говорите: «это будущий мученик»; вы высказали мысль Иванова. (...) вот краткая сила Завета Нового, зарождающаяся в двух из его будущих служителей, и несказанная любовь, загорающаяся в одном из них»⁵¹.

⁵⁰ Гоголь Т. 8. С. 331.

⁵¹ Хомяков А. С. Картина Иванова (письмо к редактору «Русской Беседы») // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1900. С. 360.

Портрет
Мих. Ю. Виедьгорского
*Гравюра Т. Райта
с оригинала Ф. Крюгера. 1830-е*

К. П. Брюллов
Портрет
Матв. Ю. Виедьгорского
1828

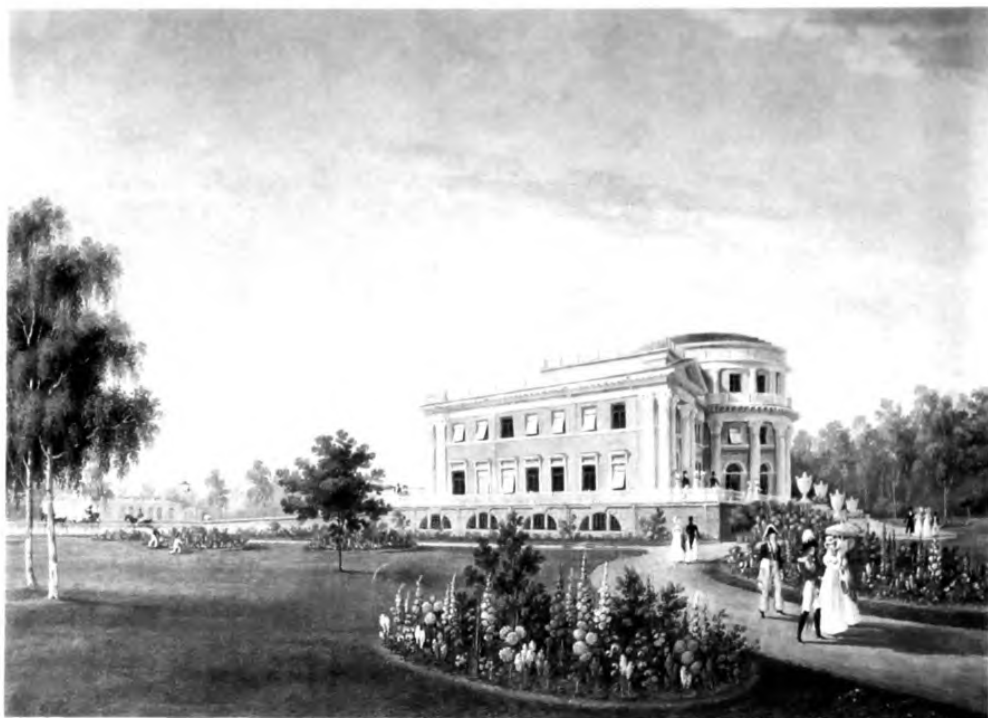
К. Рейхель
Портрет
Л. К. Виельгорской
1816

П. Н. Орлов
Портрет С. М. Соллогуб
Начало 1840-х

К. К. Гамтельн
Портрет Ап. М. Виельгорской
Конец 1830-х

К. П. Беггров. Вид Елагина дворца. 1823

К. И. Кольман. Острова вечером. 1835

Дж. Доу
Портрет Николая I (фрагмент)
1826

Портрет
Александры Федоровны с детьми
Александром и Марией (фрагмент)
Гравюра Т. Райта с оригинала Дж. Доу. 1825

Ф. Крюгер. Портрет великого князя Александра Николаевича
1832-1833 (?). Вероятно, с более раннего прототипа

П. Ф. Соколов
Портрет В. А. Жуковского
Начало 1820-х

Портрет К. К. Мердера
Литография неизвестного художника

Неизвестный художник
Портрет С. А. Юрьевича
1837

Портрет А. А. Кавелина
Литография неизвестного художника
1840-е

И. Виельгорский
 Кирха в окрестностях Павловска
 Акварель. 1828. ГАРФ. Ф. 728. Оп.1. Кн. 3. № 1548. Л. 14

Обзорные сведения и прилежности во время во по следние походы 1828													
	Виды поделок на поделочные материалы										Число поделок в год	Число поделок в год	
	Лесной промысла	Кустарный промысла	Фабричный промысла	Сельскохозяйственный промысла	Прочий промысла	Прочий промысла	Прочий промысла	Прочий промысла	Прочий промысла	Прочий промысла			Прочий промысла
Александр Николаевич	1	4	1	1	1	1	1	2	1	7	100	100	11
Василий Иванович	1	1	1	1	1	1	1	1	1	7	100	100	11
Патрица	5	2	2	2	2	2	2	2	2	14	100	100	11

Табель успеваемости великого князя и его соучеников
 Конец 1828

Е. Тухаринов
Ротонда – проходной зал
в западном корпусе
Зимнего дворца
(в глубине воспитатели
великих князей Александра
и Константина)
1834

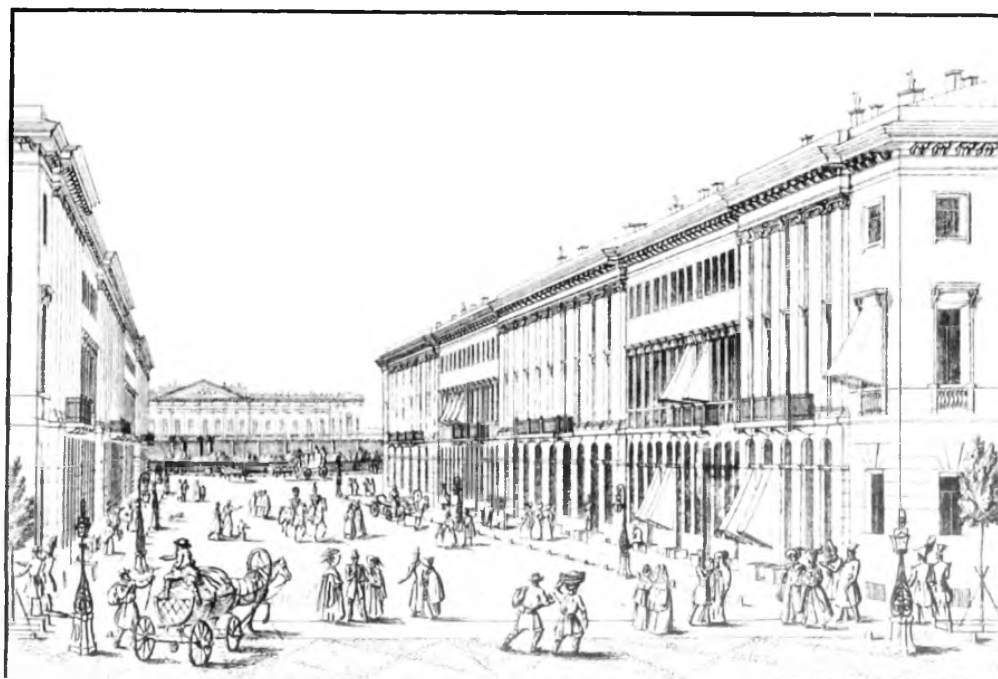
Б. Грин
Пожар Зимнего дворца в 1837 году. 1838

Неизвестный художник
Портрет Н. М. Внелгорского
1835-1836

Неизвестный художник
Портрет А. В. Паткуля
1835-1836

Михайловская улица в Петербурге (в перспективе вид на Михайловский дворец)
Гравюра Л. Тюмлинга. 1830-е

Портрет великих княжон
Марии и Ольги
Гравюра Г. Робинсона
с оригинала Т. А. Неффа. 1839

Портрет великого князя
Александра Николаевича
Гравюра К. Майера
с оригинала Ф. Крюгера. 1833

Г. Г. Гагарин. Бал у М. Ф. Барятинской
Первая половина 1830-х

P. V. Басин
М. Тальони и Н. О. Гольц в pas de deux
из балета «Дева Дуная». Конец 1830-х

Портрет М. Тальони
Литография по рис. Ф. Салабера
Около 1828-1830

Гравюра, изображающая ногу М. Тальони
Т. Райт по рис. Л. И. Кляя. Конец 1830-х

Квартет (на переднем плане А. Ф. Львов и В. Маурер, на заднем –
Матв. Ю. Внелъгорский и Г. Вильде; в глубине – Мих. Ю. Внелъгорский)
Литография П. Рорбаха. 1840-е

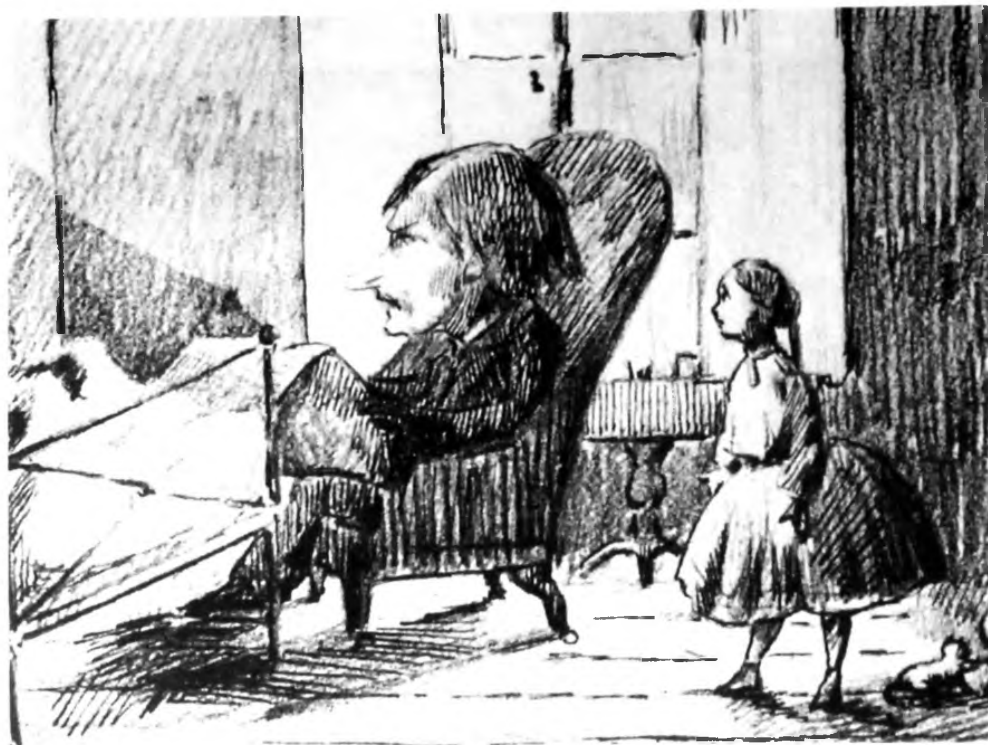
А. В. Нотбек
25 декабря. 1 января. 1838

В. А. Жуковский
Гоголь на вилле Волконской
1839

В. А. Жуковский
Аллея Друзей на вилле Волконской. 1839

Ф. А. Бруни (?)
Гоголь на вилле Волконской. 1839 (?)

В. А. Жуковский
Два монаха на террасе виллы Маттеи. Вид на Римскую Кампанию. 1840-е, по рис. 1839

А. Иванов
Фигуры двух обнаженных
натурщиков в позе дрожащего
Конец 1830-х – 1840-е

А. Иванов
Калька с набросками
Конец 1830-х – 1840-е

А. Иванов
Портрет И. М. Виельгорского
1839

А. Иванов
Полуфигура
обнаженного мальчика
на фоне ярко освещенной стены
1839

А. Иванов. Явление Мессии. Эскиз в венетцианских тонах
1839 Фрагмент

А. Иванов. Явление Мессии (окончательный вариант)
1837-1857. Фрагмент

Поза «дрожащего мальчика» — такая, какой она вошла в окончательный вариант картины, — была определена Ивановым задолго до знакомства с Иосифом Виельгорским. Фигуру мальчика, пожимающего от холода и вопросительно глядящего снизу вверх на Иоанна, можно видеть на ряде эскизов картины; сохранилось несколько рисунков и этюдов, изображающих натурщиков именно в этой позе⁵². Тем сильнее бросается в глаза, что в так называемом «венецианском» эскизе «Явления», созданном летом 1839 г., то есть вскоре после смерти Иосифа, группа «дрожащих» выглядит совершенно иначе. Обнаженный мальчик прижал руки к груди и весь подался к отцу, как бы ища защиты. Тип его лица и прическа (короткие гладкие волосы) имеют несомненное сходство с этюдами, написанными с молодого Виельгорского, а в фигуре отца узнается Гоголь⁵³. Мотив психологической связи между отцом и сыном выражен в «венецианском» эскизе значительно сильнее, чем где бы то ни было. Но в итоге художник решил все же отказаться от преувеличенного драматизма, вернувшись к первоначальному замыслу группы «дрожащих».

В окончательном варианте ивановской картины образ «дрожащего сына» претерпел значительные изменения; в мальчике-еврее лет двенадцати с короткими курчавыми волосами уже невозможно различить черты Иосифа. Но значение нескольких этюдов, написанных с Виельгорского, в конечном счете определяется не тем, насколько близким к ним оказался итоговый образ, а тем местом, которое они занимают в творческой истории «Явления Мессии».

Анализ ивановских штудий, связанных с Гоголем и Иосифом Виельгорским, играет немаловажную роль в концептуальных построениях С. Карлинского, автора монографии «Сексуальный лабиринт Николая Гоголя». Отмеченный выше недостаток внимания, которое традиционно уделялось в классическом гоголеведении «Ночам на вилле» и личности Виельгорского, заставляет обратиться к этой книге, темати-

⁵² См., например: Алпатов М. В. Указ. соч. Т. 1. С. 233.

⁵³ Черты Гоголя приданы здесь также трагической фигуре «кающегося», которая в ходе дальнейшей работы трансформировалась в куда менее психологически напряженный образ «ближайшего ко Христу» (подробнее об этом см.: Машковцев Н. Г. Указ. соч. С. 420—422). Подобная судьба постигла многие образы картины, которые художник последовательно очищал от изначально приданного им драматизма.

чески тесно примыкающей к нашему исследованию. Ее пафос, представляющий собой запоздалое эхо сексуальной революции, состоит в выявлении гомосексуальных интенций творчества и биографии Гоголя. Наиболее яркое и убедительное доказательство своей гипотезы Карлинский усматривает в истории отношений писателя с Иосифом, а осень 1838 г.—весну 1839 г. называет «самым счастливым и насыщенным периодом в жизни Гоголя», когда он «наконец нашел друга, чья жажда взаимной привязанности была равна его собственной»⁵⁴. Исследователь твердо убежден, что эти отношения носили характер гомосексуальной связи, к которой Гоголь был подготовлен всем своим предшествующим эмоционально-психологическим опытом. «Ночи на вилле» он без малейшего колебания объявляет дневником, игнорируя при этом содержательный комментарий В. Л. Комаровича, помещенный в академическом собрании сочинений Гоголя. Для Карлинского «Ночи на вилле» — настолько очевидный довод в пользу его предположений, что он ограничивается тем, что попросту приводит текст отрывка, не утруждая себя ни комментированием, ни разбором. «Дневник», с его точки зрения, говорит сам за себя. При этом Карлинский полемизирует с другим переводчиком «Ночей на вилле». Так, фразу «Мы всего только полчаса останемся в постеле» он переводит следующим образом: «We will remain in bed for only half an hour» [*Мы* (то есть мы оба) останемся в постели только полчаса], упрекая при этом одного из своих предшественников в том, что тот случайно или намеренно затемняет смысл оригинала, когда пишет: «You'll just stay in bed for half an hour» [*Ты* останешься в постели лишь полчаса»]⁵⁵. Увы, он сам демонстрирует здесь либо прискорбное незнание русского языка, либо сознательную тенденциозность, заставляющую «подправлять» текст источника в своих целях: любому непредвзятому читателю понятно, что местоимение «мы» в данном случае выражает лишь сочувствие и поддержку, которую здоровый человек оказывает больному, которому трудно двигаться без посторонней помощи. Если же верить Карлинскому, то Гоголь не просто настаивает на близости с умирающим, но еще и делает это против его воли, потому что перед этим сам Виельгорский выразил нежелание переходить из кресел в постель!

⁵⁴ Karlinsky S. Op. cit. P. 193.

⁵⁵ Idem. P. 307.

К сожалению, американский ученый довольно слабо владеет исходным материалом. Со многими первостепенными источниками он знакомится не по аутентичным публикациям, а по выдержкам, собранным в книге В. В. Вересаева «Гоголь в жизни», повторяя при этом вслед за творцом известной «солянки» все его погрешности. Такая небрежность в конце концов приводит к крупному провалу: в качестве неоспоримого аргумента Карлинский цитирует фрагмент мемуарного текста А. О. Смирновой, напечатанный Вересаевым с одной крошечной, но переворачивающей весь смысл фразы ошибкой: «находился в близких отношениях с *Виельгорским*»⁵⁶ вместо «находился в близких отношениях с *Виельгорскими*»⁵⁷. Американский исследователь строит свои рассуждения на этом ошибочном чтении воспоминаний Смирновой, приписывая ей, весьма осведомленной современнице, недвусмысленный намек на существование неких нестандартных отношений между Гоголем и И. М. Виельгорским. Еще более вольно он обращается с текстами своих предшественников. В поисках единомышленников в русском гоголеведении Карлинский записывает в свои союзники Н. Г. Машковцева и О. Д. Форш с ее романом «Современники» (1922), вычитывая в их весьма разнохарактерных сочинениях прямые указания на гомосексуальную ориентацию Гоголя. Между тем ни Ольга Форш, ни Машковцев в принципе не касаются этого вопроса. В романе «Современники» образ Виельгорского возникает лишь эпизодически: трагическая тень друга посещает писателя ежегодно в день кончины Иосифа, а Машковцев, озабоченный обоснованием предложенной им атрибуции этюда Иванова, на материале известных ему источников добросовестно воссоздает картину дружеских и теплых отношений между Гоголем и Виельгорским без какого-либо намека на гомосексуальность.

Карлинский же, исходя из своей концепции, не ограничивается констатацией связи писателя с его молодым другом, но и усматривает в ней один из существеннейших факторов последующей духовной жизни Гоголя. Эта связь, полагает он, оставила по себе чувство вины, которым автор «Мертвых душ» мучился многие годы⁵⁸. Согласившись

⁵⁶ Idem. P. 192—193.

⁵⁷ Смирнова. С. 29.

⁵⁸ Karlinsky S. Op. cit. P. 196—197.

с Машковцевым в том, что Александр Иванов, прибегая к образу Гоголя при работе над различными персонажами своей картины, исходил из прямых указаний писателя, Карлинский далее уделяет специальное внимание фигурам «дрожащих» и «кающегося» на «венцианском» эскизе «Явления Мессии» (который почему-то отнесен им к коллекции Русского музея вместо Третьяковской галереи)⁵⁹. В «кающемся» он видит отражение состояния Гоголя, который терзается тем, что его любовь незаконна с точки зрения общества и религии. В то же время единение пары «дрожащих» символизирует, с его точки зрения, прямо противоположное — прощение и принятие этой любви Христом. Так глубоко проникнуть в душевное состояние писателя Иванову, как считает исследователь, помогало то, что он и сам разделял подобную психосексуальную ориентацию. Впрочем, умиротворение было найдено лишь в мечтах и лишь на мгновение; со временем Гоголь, утверждает Карлинский, все глубже погружался в сознание собственной неизбывной греховности, что и привело его к трагическому финалу — самоубийству⁶⁰.

Слабость подобных построений бросается в глаза, но как бы фантастичны они ни были, просто отбросить предложенное американским славистом осмысление отношений Гоголя с Виельгорским невозможно. Справедливо отмеченное Карлинским солидарное молчание советских литературоведов относительно «Ночей на вилле» может быть расценено как свидетельство того, что и они усматривают в этом произведении нечто чрезвычайно странное, никак не поддающееся объяснению в рамках привычных подходов. Похоже, что в ситуации какого-то неясного мерцания смыслов в сознании исследователей все же возникает пугающая химера — великий писатель, влюбленный в умирающего юношу и упивающийся этой любовью на пороге смерти. Преувеличенная эмоциональность отношений героев, обилие выражений, ха-

⁵⁹ Idem. P. 200—201.

⁶⁰ Эти выводы повторены С. Карлинским во вступительной статье к антологии русской «голубой» литературы, куда включены и «Ночи на вилле» (Out of the Blue: Russia's Hidden Gay Literature: An Anthology / Ed. by Kevin Moss. San-Francisco: Gay Sunshine Press, 1996; рецензию А. Зосимова на это издание см.: Ex libris НГ. 1997. № 15. С. 2). В отечественной литературе трактовка отношений Гоголя с И. Виельгорским как гомосексуальных встречается лишь однажды — в эпатажной книге К. К. Ротикова «Другой Петербург» (СПб., 1997).

рактерных для стандартного описания влюбленности («мне было так сладко сидеть возле него, глядеть на него», «сладко смотреть глазами в очи»; «я видел его глазами души»; «я следил твои движения и твои мгновенья, прикованный непостижимою к тебе силою»), частые телесные соприкосновения («он дал мне руку. Пожал ее любовно», «кроткий! Он пожал мою руку!», «я поцеловал его в плечо. Он мне подставил свою щеку. Мы поцеловались. Он всё еще жал мою руку», «он сказал мне на ухо, прислонившись к плечу») — все это образует атмосферу любви и взаимного влечения, сгущенную за счет малого объема текста. Казалось бы, трактовка описанных в «Ночах на вилле» отношений как гомосексуальных напрашивается сама собой.

Так можно судить в том случае, если рассматривать текст как буквальное воспроизведение чувств автора. Однако выше мы обращали внимание на то, что «Ночи на вилле» — художественное произведение. Отрывок отмечен несомненным влиянием не только романтизма со свойственной ему спиритуализацией телесности, но и сентиментализма с его культом чувствительности, в равной степени распространявшимся как на любовь, так и на дружбу.

Кроме того, следует иметь в виду, что «Ночи на вилле» не были завершены, с чем и можно связать перенасыщенность текста характерными для гоголевской поэтики приемами. Желая изобразить некое явление как безусловно прекрасное, писатель часто обращается к лексике, маркированной принадлежностью к сфере возвышенно-религиозного; в «Ночах на вилле» это «сладкий», «святыня», «бдение», «ангел», «блага земные», «благовония», «знаменованье». Неслучаен и взвинченный, неровный, по временам как бы захлебывающийся от рыданий или восторга ритм текста, также неизменно возникающий у Гоголя в патетических пассажах.

И все же мы по-прежнему стоим перед вопросом: почему в «Ночах на вилле» так ясно видится гомосексуальный подтекст? Совершенно очевидно, что в действительности отношения Гоголя и Иосифа носили исключительно дружеский характер. Несмотря на робость, которая препятствовала Виельгорскому строить отношения с женщинами, едва ли можно заподозрить, что он испытывал влечение к мужчине (напомним, что его волновали вовсе не мужские, а дамские ножки). Что касается писателя, которому многие исследователи приписывают латентный гомосексуальный комплекс, то даже если принять это как ги-

потезу, все равно представляется совершенно невероятным, чтобы у него могла возникнуть связь с человеком, стоявшим на пороге смерти (за месяц до кончины Иосифа он уже понимал, что тот «умирает решительно») ⁶¹. Обращает на себя внимание и то, что в «Ночах на вилле» нет портрета молодого героя; Гоголь, по всей видимости, не придает его внешности того значения, которого можно было ожидать в том случае, если бы он действительно чувствовал к нему физическое влечение. Тем не менее в глазах писателя юноша прекрасен, но отнюдь не уходящей, тленной телесной красотой. В образе молодого друга для Гоголя слилось то, что составляло самое существо его душевной жизни в Риме: поклонение прекрасному, разлитому во всем — в меланхолическом саду виллы Волконской, в окружающих ее величественных пейзажах, в глубоких римских небесах и самой атмосфере Вечного города.

Остается рассмотреть последнее из возможных предположений: скрытая интенция не обязательно должна быть реализована; это не мешает ей оказывать заметное влияние на мироощущение и поведение человека. Таким образом «Ночи на вилле» опять оказываются в гомосексуальном контексте. Здесь необходимо вновь обратиться к рассмотренным выше особенностям русской культуры конца 1830-х — 1840-х гг., в частности, вспомнить о феномене Марии Тальони. Ее появление перед глазами современников Гоголя и Иосифа Виельгорского ознаменовало окончательное торжество культурного стереотипа, все духовные ценности сосредоточившего в женщине. Идеал человеческого существа как существа духовного стал не просто женственным, а сильфидо-ангелоподобным, то есть максимально освобожденным от телесности, которая целиком доставалась мужчине. Это хорошо видно в шуточной записи, сделанной Гоголем в альбоме Е. Г. Чертковой накануне ее отъезда из Рима в мае 1839 г.: «(...) как вам известно, ангел и черт — это два идеала, к которым стремятся мужчины и женщины. От женщины требуется, чтобы она была ничуть не хуже ангела; от мужчины, чтоб немного был лучше черта» ⁶². В подобной дуальной системе одухотворение мужчины (исключая религиозное одухотворение) ста-

⁶¹ Существующее в исследовательской литературе предположение о склонности Гоголя к некрофилии мы не считаем возможным рассматривать в силу его недостаточной обоснованности.

⁶² Гоголь. Т. 9. С. 26.

новится возможным только через приобщение или стремление к этой идеальной женственности, а собственно «мужская» культура оценивается как грубо брутальная, циничная, бездуховная (ср. с тем, как сам Иосиф осуждает «свинские разговоры»). Это неизбежно ведет к тому, что мужчина, желающий отметить духовные качества другого мужчины, поневоле и незаметно для себя его феминизирует. Так возникают эффекты, представляющиеся современному человеку гомоподобными. Свою лепту в этот процесс вносит также болезненное состояние героя, придающее его образу черты незащитности, слабости, кротости, свойственные женщине или ребенку («он сидел всё тот же кроткий, тихий, покорный», «усмехнулся (...) смехом ангела, которым привык усмехаться», «душинька мой»).

Русская культура первой половины XIX в. не знает поэтизации гомосексуальной любви⁶³. Напротив, все упоминания этой темы (естественно, преимущественно в сфере ненормированного слова—в дневниках, письмах, частных разговорах, не предназначенных для печати эпиграммах и т. п.) однозначно свидетельствуют о том, что мужеложство понималось как грязь и грех и потому могло служить темой лишь для циничных и грубо непристойных шуток.

Произошедшая культурная перекодировка сделала для нас непонятной поэтику человеческих отношений, в концентрированном виде представленную в «Ночах на вилле»⁶⁴. Характерно, что гоголеведы второй половины XIX—начала XX в., которых этот процесс еще не затронул, не только не усматривали в тексте «Ночей» ничего противоземного, но, напротив, рассматривали его как «излияние неж-

⁶³ С этим не следует смешивать анакреонтику как жанр, а также всевозможные вариации на тему античной и восточной культур, предполагающие не эстетизацию самого явления, а лишь стилизаторскую игру.

⁶⁴ Ср. формулировки из трактата Пеллико «Об обязанностях человека» (1834): «Кроме родителей и родных (...), кроме наставников (...) ты, может быть, почувствуешь когда-нибудь особенное влечение к другим лицам, которых все свойства будут тебе менее знакомы, преимущественно к молодым людям твоих лет. В каком случае должен ты уступать сему влечению и в каком воздерживаться? Ответ не подлежит сомнению. (...) Дружба есть братский союз и в высшем значении она есть самый прекрасный идеал братства. (...) Дар сердца есть дар священный и важный и спешить бросать его первому встречному есть неосторожность преступная, есть неуважение к самому себе. (...) Но нашедши раз достойного друга, люби его высокою дружбою» (Пеллико. С. 58—61, гл. 13—«Дружба»).

ной, можно сказать, ангельской души поэта»⁶⁵ (П. А. Кулиш). На изломе этой культурной традиции появляется расплывчато-уклончивая оценка И. А. Линниченко: «Гоголь полюбил его [Иосифа] за его чистую, кристальную душу, и любовь его превратилась в почти болезненную страстную привязанность»⁶⁶; в эти же годы выходят в свет первые исследования психической патологии писателя⁶⁷. Впрочем, авторы этих работ, уделяя некоторое внимание гоголевской сексуальности, не рассматривают в этом контексте «Ночи на вилле».

⁶⁵ Записки о жизни Н. В. Гоголя... Т. 1. СПб., 1856. С. 227. Шенрок, проецируя собственное впечатление от «Ночей на вилле» на реальную биографию автора, называл заботу Гоголя об Иосифе «отеческой» (Шенрок В. И. Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839—1849 // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 449). Ср.: «В 1839 году Гоголь переживает свою последнюю привязанность, быть может, самое чистое и возвышенное чувство всей своей жизни» (Мочульский К. В. Указ. соч. С. 51); «В том обращении к внутренней жизни, обращении к религиозному пониманию жизни, которое развилось у Гоголя после «великого перелома», смерть прекрасного юноши как-то особенно была «печальна и грустно красноречива» на фоне нежной дружбы, которая расцвела в эти «ночи на вилле» у Гоголя с Вьельгорским» (Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. Paris, 1961. С. 143). В. В. Гиппиус рассматривает отношения с Виельгорским в контексте дружб писателя с Жуковским, Аксаковыми, Погодиным, Шевыревым (Гиппиус В. В. Гоголь. Л., 1924. С. 123—124).

⁶⁶ Линниченко И. А. Душевная драма Гоголя // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 88. Одесса, 1902. С. 69 второй пагинации.

⁶⁷ См., например: Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя. М., 1902; Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. М., 1904.

Post mortem

Проследив в предыдущих главах жизнь Иосифа Михайловича Виельгорского и обратив внимание на то, как благодаря знакомству с Гоголем и Ивановым его образ запечатлелся в современном ему искусстве, мы должны теперь рассмотреть последнее — посмертную репутацию нашего героя и то, как память о нем была усвоена культурой и преобразована в несколько несложных клише.

Известные нам воспоминания о Жозефе фрагментарны. Никто из современников не посвятил ему отдельного, пусть даже краткого, очерка. О нем говорили всегда «по поводу»: в глазах окружающих и потомков его навсегда затмила близость таких крупных фигур, как наследник (будущий Александр II) и Гоголь. В мемуаристике образ Виельгорского чаще всего подверстывается в некий ряд персонажей, тяготеющих к одному центральному. Иосиф умер на двадцать третьем году жизни, однако даже в собственном семействе о нем остались до странности неясные, расплывчатые и скупые воспоминания. С. М. Соллогуб неверно называет даже дату его рождения; из всего, что она говорит о брате, абсолютно достоверным является лишь упоминание о том, что он был товарищем наследника престола.

Выше уже говорилось о целенаправленном мифотворчестве семьи Виельгорских. О каких бы событиях из фамильной истории ни повествовали ее члены, их рассказы неизменно клонятся *ad majorem familiae gloriam* — к вящей славе семейства. Записки С. М. Соллогуб с их явной дидактической интонацией призваны были в первую очередь познакомить молодое поколение семьи с традициями дома, особенную ценность которым в глазах мемуаристки придавала та обстановка общественного и культурного брожения, которая окружала ее и ее детей в России 1870-х гг. Эти заметки не были рассчитаны на публикацию; семейные воспоминания Виельгорских впервые увидели свет лишь позднее, благодаря историку литературы В. И. Шенроку. В восьмидесятых годах потомки Виельгорских, памятуя о своем давнем знакомстве с отцом ученого, доктором И. М. Шенроком, который еще в начале 1850-х гг. лечил Луизу Карловну от болезни глаз, согласились ознако-

мить его с частью фамильного архива. Ценные сведения, почерпнутые Шенроком из воспоминаний С. М. Соллогуб, записных книжек Иосифа, семейной переписки и устных рассказов самих членов семьи, легли в основу ряда его работ, в том числе статьи «Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839—1849»¹.

Появление публикации Шенрока «Н. В. Гоголь и А. О. Смирнова»², где также упоминались Виельгорские, побудило М. А. Веневитинова, сына Аполлинарии Михайловны, выступить в печати с заметкой «Семейство Виельгорских»³. В качестве хранителя и популяризатора корпуса фамильных преданий Веневитинов организовал несколько важных публикаций эпистолярных материалов из родовых архивов⁴. Впрочем, он действовал весьма осторожно, опасаясь повредить репутации семьи обнародованием таких подробностей, которые могли бы уронить Виельгорских в глазах читающей публики. Так, он предпочел обойти вопрос об истории второго брака Михаила Юрьевича, объясняя это тем, что «подробное изложение этого обстоятельства не было бы у места в настоящих замечаниях»⁵ (впрочем, женитьба Виельгорского на свояченице к этому времени уже не была тайной: в 1872 г. об этом поведала в своих мемуарах А. Д. Блудова). Рисуя образ Иосифа, Веневитинов сосредоточился исключительно на его близости к царскому семейству.

Идея товарищества с наследником престола как главного дела жизни юноши возникла, видимо, вскоре после определения Виельгорского ко двору. Она звучит в надписи, сделанной Михаилом Юрьевичем в «белой книге», предназначенной стать дневником сына за 1838 г., ее не раз высказывала Луиза Карловна, разделял ее и сам Жозеф, а после его смерти император, выражая соболезнования графу, дал самую высокую оценку того, насколько успешно молодой Виельгорский справлялся с исполнением своего долга. Слова Николая о том, что он «почти не видел никакой разницы» между Иосифом и своим сыном, признание то-

¹ Вестник Европы. 1889. № 10—11.

² РС. 1888. № 4.

³ РС. 1888. № 6.

⁴ См. РС. 1898. № 1 — письма великого князя Александра Николаевича к И. М. Виельгорскому и Николая I к Мих. Ю. Виельгорскому; РА. 1902. № 6 и 7 — письма И. М. Виельгорского, Л. К. Виельгорской и Мих. Ю. Виельгорского к В. А. Жуковскому.

⁵ РС. 1888. № 6. С. 694.

го, что покойный обладал «милым нравом и отличными достоинствами» и «чистой, беспорочной душой», и наконец вывод о том, что со временем наследник имел бы в нем «не только друга, но совершенного и отличного во всем помощника», окончательно утвердили в сознании родных и современников Жозефа его восприятие в качестве человека, без остатка отдавшего все свои способности и самую жизнь преданной службе царскому дому и, в конечном счете, России. То, что Иосиф скончался, едва выйдя из юношеских лет, практически не успел ничего совершить в жизни и унес с собой в гроб возлагавшиеся на него надежды, лишь придавало представлениям о его личности дополнительную элегическую красоту.

Впрочем, живой лиризм недолго окрашивал воспоминания о Виельгорском. Стоило ему выветриться, как со всей очевидностью проявились плоскость и однозначность первоначально заданного образа. Как ни странно, неловкая формулировка, промелькнувшая в письме великого князя от 8/20 июня 1839 г.— «он был бы хорошим слугой», оказалась более соответствующей позднему восприятию Жозефа, чем прочувствованная николаевская эпитафия. В дальнейшем без упоминания об Иосифе Виельгорском не обходилась ни одна биография Александра II, затрагивающая его ранние годы, однако дело никогда не шло дальше простого упоминания и нескольких дежурных эпитетов типа «талантливый», «благородный» и т. п. Одаренный совоспитанник царя-освободителя не мог со временем не стать его выдающимся сподвижником—такова была логика построения большинства посмертных портретов Виельгорского⁶. Общая картина набрасывалась несколькими штрихами, детали при этом не имели значения, важно было лишь одно—на Иосифа падал отсвет харизмы его августейшего товарища.

Формулировка «товарищ наследника» на многие годы сделалась визитной карточкой Иосифа Виельгорского⁷. Немало способствовали

⁶ Ср. следующие характеристики, которые дает И. Виельгорскому П. И. Бартнев: «Старший брат ее [А. М. Веневитиновой] Иосиф (ум. 1839) был лучшим товарищем и соучеником молодого Александра Николаевича, и проживи он доле, его благотворное влияние конечно прибавило бы лишних лавров прошедшему царствованию» (РА. 1884. № 5. С. 239); «Это соученик цесаревича Александра Николаевича (...) надежда родителей и, можно сказать, России» (РА. 1902. № 6).

⁷ В этом отношении красноречива странная ошибка Л. Н. Толстого. Писатель был знаком с М. А. Веневитиновым, от которого в апреле 1878 г., в разгар работы над романом «Декабристы», получил важные рукописные материалы, в том числе

этому мемуаристы, которые едва ли не в один голос повторяли набор штампов, характеризующих образ «благородного и умного, чистого и честного друга будущего царя»⁸.

Своеобразное преломление этот стереотип нашел в посвященном Виельгорскому фрагменте «Петербургских очерков» П. В. Долгорукова. До отъезда из России князь был лично знаком едва ли не со всеми, о ком пишет; знал он, несомненно, и Жозефа⁹. Желчный, беспощадный и острый на язык, Долгоруков при желании наверняка мог бы, по своему обыкновению, поведать и о нем какие-нибудь отгаливающие подробности. Однако он, вопреки ожиданиям, отзывается о Виельгорском совершенно таким же тоном и в таких же выражениях, как позднейшие историки литературы, не заставшие Иосифа в живых и потому создававшие образ молодого друга Гоголя на основании чужих воспоминаний и собственных представлений о прекрасном. Во всей книге Долгорукова не найти другого столь же идеализированного портрета. Причиной тому — особая роль, которую автор отводит этому герою. Образ молодого Виельгорского призван как можно нагляднее оттенить моральное и умственное ничтожество приближенных императора и в конечном счете самого Александра II. Собственно говоря, пассаж из «Петербургских очерков» лишь с некоторой натяжкой можно относить к числу мемуарных свидетельств об И. М. Виельгорском. Правильнее будет сказать, что их автор не столько вспоминает о Жозефе, сколько использует его имя и репутацию в качестве полемического орудия. Впрочем, изображение прекрасного явно не дается Долгорукову; помимо воли памфлетиста столь важный для него образ приобретает незапланированную карикатурность.

извлечения из переписки Мих. Ю. Виельгорского (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 17. М., 1936. С. 492), и, следовательно, не мог не знать, что Иосиф был совоспитанником Александра II. И тем не менее в одном из вариантов повести «Хаджи-Мурат» Виельгорский неожиданно появляется в роли товарища маленького Николая Павловича: «У него было и ружьецо и сабелька, и он маршировал и делал ружейные приемы и командовал своим братом и товарищами: Адлербергом, Вельгорским и др.» (Там же. Т. 35. М., 1950. С. 545). По всей видимости, Толстой смог позволить себе столь вольное обращение с материалом, почувствовав, что образ Виельгорского утратил всякое реальное содержание, полностью превратившись в историческое клише — «товарищ августейшего ребенка».

⁸ Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М., 1888. С. 31.

⁹ См.: Дневник, 13 января.

П. В. Долгоруков. Из «Петербургских очерков»¹⁰

(...) Граф Иосиф Михайлович Виельгорский (1816—1839) был существом, какие редко встречаются в этом мире; он одарен был замечательным умом, редкой любознательностью и душой самой возвышенной; но именно по причине возвышенности чувств своих он совершенно чуждался всяких интриг; сверх того, по уму и по любознательности своим, он весьма мало сходилась или, лучше сказать, очень расходился с цесаревичем, не любившим ни людей умных, ни ученых. При том он уже носил в груди своей зародыш той злой чахотки, которая вскоре прекратила жизнь его в Риме, во время первого заграничного путешествия цесаревича. Итак, вследствие качеств Виельгорского, качеств блистательных, но именно потому и вредивших ему при дворе, и вследствие совершенного тупоумия Паткуля, соперником Бяратинскому являлся лишь один Адлерберг. С тех пор началась и всегда продолжалась между ними под личиной искренней дружбы борьба тайная, но неутомимая (...)

В отличие от Долгорукова А. Д. Блудова приложила немало усилий к тому, чтобы в своих записках представить как можно более правдоподобный облик Иосифа. Ее личные воспоминания о Виельгорском, несомненно, были куда богаче. Большинство существенных подробностей в следующем отрывке относится к зиме 1829/30 гг., когда шестнадцатилетняя Блудова, еще не выезжавшая в свет, по меньшей мере раз в неделю встречалась с наследником и его товарищами на придворных детских балах и маленьких вечерах у К. К. Мердера. И все же тенденциозность изображения, нарисованного мемуаристкой, очевидна.

Из «Записок» А. Д. Блудовой¹¹

(...) В это же время и на этих вечеринках я особенно сошлась с Иосифом Виельгорским. Он был старший из соучеников Великого Князя и из всей нашей маленькой компании меньше отделен от меня годами; да мы виделись еще, кроме дворца, в семействе его. Какой светлый образ оставил он в моей памяти! Какие светлые надежды подавал он! Веселость ребяческая как-то даже тогда *оттенялась* сдержанностью и разумностью. Нельзя более непринужденно и искренно смеяться и забавляться мальчику на 14-м году, нежели смеялся наш *Жозеф*, и не встречала я веселости и смеха более добродушного; но он в то же время не только хорошо учился, он любил и в часы досуга поговорить об уроках, о книгах, о читаемом и пройденном, и это-то нас и сблизило. (...)

¹⁰ Долгоруков. С. 220. Очерк «Граф Александр Густавович Армфельд и князя Бяратинские», частью которого является приводимый фрагмент, публиковался в газете «Листок» в 1863—1864 гг.

¹¹ Блудова. Стлб. 1229, 1231, 1233—1235.

Иосиф Виельгорский, казалось, поставлен был Провидением в такие близкие отношения к наследнику престола, чтобы со временем быть правой рукой царя, сотрудником его в великом подвиге устройства и направления народа (нации) и управления страной. Даровитость и прилежание, любовь к труду, серьезность характера обещали большую выдержку в будущих предприятиях, а нежная привязанность к цесаревичу вместе с высоким благородством души должны были связать его с ним теми крепкими узами любви и уважения друг к другу, из которых составляется *дружба*, это почти небесное чувство, так редко достигающееся в удел царственным лицам.

Гораздо позже, в последний год своей молодой жизни с каким бескорыстным жаром говорил он мне о России и ее царской семье; и как смущался и возмущался, и негодовал он на все, что мало-мальски походило на лесть или расчет около них. К несчастью, он простудился во время пожара Зимнего дворца, когда он, конечно, не пожалел себя; сперва сделался ревматизм в бедре; его стали лечить паровыми ваннами, он еще более простудился, болезнь перешла на легкие, и хотя его отправили в Рим, но надежды не могло быть никакой: молодость для чахоточных не залог для выздоровления, а скорее приговор к смерти. Он из Рима уже не воротился живой (...)

Самые милые и близкие тогда, с которыми мы на всю жизнь остались в коротких дружественных отношениях, были Виельгорские. Какие у меня отрадные воспоминания этого семейства! Отец, Михаил Юрьевич—даровитая, поэтическая натура, которая от времени до времени изливалась в гармонических звуках, передавалась публике в мелких пьесах музыкальных, в романсах, которые он пел с неподражаемым увлечением и страстностью. Михаил Юрьевич был прежде всего композитор-музыкант, и уже потом светский человек, остроумный и веселый, и вместе с тем несколько мистик в религиозных убеждениях. Но везде и всегда он был тот же, человек добрый, бескорыстный, поэтический, с истинно христианскою любовью ко всем людям-братьям, и самый милый, симпатичный во всех отношениях, делая из дома и семейства своего, среди удушливой пустыни великосветского общества, какой-то оазис поэтической простоты и непринужденности, где однако никогда не забывались приличия истинно образованной жизни (...)

Жена его, Луиза Карловна, была урожденная принцесса Бирон и, оставшись сиротою, воспитывалась в Смольном монастыре, потом была фрейлиной при императрице Марии Феодоровне в одно время с моей теткой Марьей Андреевной Поликарповой (тогда княжной Щербатовой). Она в молодости была, говорят, очень романического характера, вступила в брак тайно, без дозволения императрицы, и потому граф Виельгорский был удален от двора. Они провели несколько лет в деревне своей в Курской губернии, и только когда дети стали подрастать, воротились в Петербург. Все романическое в графине отрезвилось, как видно, в это время и перешло в высокие добродетели семейные, со всею простотою и преданностию обязанностям, которые свойственны истинно-христианским отношениям семьи. У нее осталась от прежней экзальтации только страстность в ее любви к детям своим, и вследствие того можно сказать *односторонность*: она ревновала их, не хотела дозволить никому помогать ей в их воспитании и оставила только старую

няню при них, добрую, но простую женщину m-rs Bennet¹², не имея гувернантки. Зато она должна была всецело отдать себя и все свое время детям; и хотя жила очень дружно и хорошо с мужем, однако, пока дети были малы, она, конечно, не находила времени разделять занятия и общественную жизнь его, как, например, было с моею матерью; так что до выезда в свет дочерей в доме Виельгорских был настоящий *гиникей*¹³ на половине графини. Вот этот-то *гиникей* и оставил во мне такие отрадные воспоминания не только в 1829 году, но и потом, когда я уже выезжала, а Виельгорские еще сидели за уроками. Графиня Луиза была еще очень хороша собой, живая, деятельная, умная и благоразумная, но с оттенком дидактическим, или нравоучительным, как бывает большею частью с начальницами учебных заведений; только она была непричастна величавому покровительствующему виду некоторых из них; напротив, она была приветлива и добра до бесконечности. Я полюбила ее от всей души, а она до конца жизни называла меня своей старшей дочерью. (...) Старшая дочь Аполлина была еще сущий ребенок с большими черными глазами из тех, которых взгляд *лезет в душу*, по простонародному выражению. Вторая девочка, Софья, была маленькая красавица с выражением ангельской невинности и чистоты, которых никакое прикосновение с горем, суетой и пошлостью житейскою не могло погубить в ней. (...) Меньшая Анолита была еще на руках няни, а второй сын Миша еле-еле начинал ходить¹⁴.

Характер этих воспоминаний определяется прежде всего их открытой полемической направленностью против нравов и ценностей 1870-х гг. Однако для достижения своей цели—обличения пороков настоящего—Блудова избирает не прямолинейную долгоруковскую памфлетность, а более сложное противопоставление современности и идеализированного прошедшего. Мемуаристка заботливо отбирает для характеристики своих персонажей лишь те черты и детали, которые рисуют их в наиболее выгодном свете, умалчивая обо всем, что могло бы усложнить картину, и потому для нее важно представить в идиллических тонах отношения Иосифа с великим князем—ныне царствующим государем. Очевидно, что образ Виельгорского сознательно конструируется ею как антитеза тогдашним нигилистам—людям, для которых ни в обществе, ни в человеческих отношениях не осталось ни-

¹² Неточность: имеется в виду мисс Барнетт.

¹³ Гиникей (гинекей)—женская половина дома в Древней Греции; здесь—женский мир, существующий изолированно от мужского, параллельно ему.

¹⁴ В этих воспоминаниях бросается в глаза целый ряд мелких неточностей, объясняемых отчасти тенденциозностью, но преимущественно ошибками памяти. Здесь и далее мы не оговариваем их специально, отсылая читателя к соответствующим главам настоящей книги.

чего святого. Для самой же мемуаристки преданность царскому дому принадлежит к тому же ряду безусловных добродетелей, что и благородство души, бескорыстие и любовь к собственной семье. Блудова не мыслит себе возвышенно-прекрасного человека вне столь же идеального семейства, и потому приподнятый тон, в котором выдержан ее рассказ о Виельгорских, объясняется не только личной симпатией, но и необходимостью указать на источник тех исключительных достоинств, которыми отличался юный Жозеф. Многолетние усилия Виельгорских по созданию своего рода харизмы семьи¹⁵ не прошли даром. Теперь эта харизма работает на создаваемый Блудовой образ. Граф—просвещенный и утонченно культурный вельможа, графиня—своеобразная, сильная личность и образцовая мать семейства, ангелы-дети—эта семья в изображении мемуаристки достойна была подарить России Иосифа Виельгорского.

Более сложное явление представляют собой заметки А. О. Смирновой. В хаосе ее воспоминаний Иосиф Виельгорский теряется среди множества бегло обрисованных лиц. Очевидно, что между ними никогда не существовало симпатии. Вспомним, что Жозеф был весьма низкого мнения о нравственности этой дамы¹⁶. Не исключено, что Смирнова ощущала неприязнь с его стороны, поэтому ее воспоминания о Виельгорском проникнуты не слишком доброжелательной иронией. В ее изображении Жозеф является закомплексованным, инфантильным педантом (характерно презрительное наименование «графчик»), однако мемуаристка тут же смешивает свои живые впечатления с чужими, преимущественно посмертными отзывами об Иосифе, не заботясь о том, что их тон явно противоречит ее предыдущим высказываниям. По-видимому, она даже не задается целью создать в своих записках целостный, внутренне непротиворечивый образ. Эта небрежность производит, однако, непредвиденный эффект—из всех известных нам характеристик Жозефа смирновская компиляция оказывается в наибольшей степени свободной от всеохватывающей идеализации.

¹⁵ Ср. относящиеся к более поздним временам воспоминания М. П. Фредерикс, представляющие собой настоящий гимн семье Виельгорских (Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1).

¹⁶ См.: Дневник, 23 марта.

А. О. Смирнова-Россет. Из автобиографических записок¹⁷

(...) Наследник начал уже серьезно заниматься; к нему взяли в товарищи графика Иосифа Виельгорского и Паткуля. Это товарищество было нужно, как шпоры для ленивой лошади. Вечером первый подходил тот, у которого были лучшие баллы, обыкновенно бедный Иосиф, который краснел и бледнел; что касается Паткуля, тот никогда не помышлял о такой чести. Наследник не любил Виельгорского, хотя не чувствовал никакой зависти: его прекрасная душа и нежное сердце были далеки от недостойных чувств. Просто между ними не было симпатии. Виельгорский был слишком серьезен, вечно рылся в книгах, жаждал науки, как будто спеша жить, готовил запас навеки. Придворная жизнь была для него тягостна. Весной этого года он занемог, его послали в Рим на зиму и там, на руках Елизаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя, увял этот прекрасный цветок. Он скончался тихо, не жалея этого мира. (...) Странно, что брат мой Иосиф очень подружился с покойным Иосифом; тот ему сообщал все свои беды и читал ему выписки из книг, все серьезное. (...)

Нарисованный Смирновой образ так и остался исключением в ряду многочисленных однообразно-хвалебных характеристик Иосифа, однако они подводят нас к еще одному стереотипу восприятия нашего героя. Рано увядший прекрасный цветок— применение этого клише к Жозефу также ведет свое начало от его семьи и людей, близко знавших юношу. В кратких «Воспоминаниях» Блудовой, написанных в 1867 г., за несколько лет до ее же «Записок», Виельгорский представлен с иной точки зрения— как воплощение идеально прекрасного в человеке. Перед умственным взором мемуаристки один за другим проходят образы людей, чьи имена к тому времени уже превратились в пароль золотого века русской культуры: Карамзин, Жуковский, Воейкова, Батюшков, Пушкин, Лермонтов и др. «И сколько, сколько еще теней, безвременно покинувших землю, когда жизнь сулила так много радостей, когда так много обещали они сами внести в нее и доброго, и славного, и полезного!—воскликает она.—(...) Вот и еще благородный и честный друг будущего царя— Иосиф Виельгорский, который тоже сошел в могилу нетронутый нравственной заразой светской среды. Она томила его молодую душу, и он убегал от нее в тесный круг своей или самой царской семьи или в учебную комнату, где слушал с великим князем мирные и правдивые речи и уроки, согретые любящею душою и спокойным духом Жуковского и честным прямотушием

¹⁷ Смирнова. С. 198.

Мердера и Плетнева»¹⁸. В этом элегическом контексте ранняя смерть Жозефа воспринимается как знак некоей избранности. Выше уже не раз отмечалось, что буквально все современники, писавшие об Иосифе, по тому или иному поводу выражали ему сочувствие и называли «бедным», вкладывая в это понятие целый комплекс признаков: «бедный» — не только болящий; этого эпитета удостоивается также человек, в силу своей духовной высоты обреченный на страдания и гибель.

В эпоху, когда средняя продолжительность жизни была невелика и едва ли не всякая хворь грозила серьезной опасностью, смерть занимала гораздо более значимое место в быту и, следовательно, в культуре. Умирание понималось как серьезное, торжественное и ответственное дело; умирающих не просто окружали заботой — с ними охотно общались, друзья и знакомые посещали их и подробнейшим образом информировали друг друга о последних днях и минутах близких. Смерть от чахотки была явлением весьма распространенным¹⁹, и сам образ чахоточного больного был вполне освоен культурой. Особенность туберкулеза состоит в том, что больной долго остается на ногах. Он тихо гаснет, слабеет, худеет; странный, неестественный румянец, контрастируя с изможденным обликом, наводит на мысль о какой-то другой, не земной, не телесной жизни, которая захватывает чахоточного²⁰. Поэтическое претворение этой объективной картины находим в стихотворении Пушкина «Увы, зачем она блистает...» (1820), положенном А. А. Алябьевым на несложную сентиментальную мелодию и ставшем романсом, весьма типичным для салонной музыки того времени.

Увы, зачем она блистает
 Минутной, нежной красотой?
 Она приметно увядает
 Во цвете юности живой...
 Увянет! жизнью молодою
 Не долго наслаждаться ей;

¹⁸ Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М., 1888. С. 31.

¹⁹ По сведениям, приводимым М. С. Волковой, в семье Виельгорских от туберкулеза скончались Иосиф Юрьевич и Дарья Юрьевна (см.: РГАЛИ. Ф. 111. Оп. 1. № 7. Л. 4.).

²⁰ Классическим примером эстетизации облика чахоточного больного служит фрагмент стихотворения Пушкина «Осень» (1833) «(...) Мне нравится она, // Как, вероятно, вам чахоточная дева // Порою нравится...»

Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой острою
Беседы наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу усладять...
Спешу в волнение дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей,—
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей²¹.

Необходимым элементом этой картины обычно являлась молодость больного. Трогательный образ чахоточного юного существа, ярко окрасивший восприятие Иосифа современниками, послужил основой для создания и дальнейшего бытования второго связанного с Виельгорским культурного клише — «бедный Жозеф».

Исторически репутация Иосифа Виельгорского складывалась не только усилиями семьи и современников. Ученые для своих нужд формировали «вторичный» образ юноши. Уже к концу XIX в. определение «Виельгорский — товарищ наследника» практически потеряло значимость. Его место занял другой стереотип — «друг Гоголя». Первый из его создателей, Шенрок, еще непосредственно связанный с семейной и мемуарной традицией, касаясь истории отношений Иосифа с писателем, свел в цельное, логически завершенное построение все набросанные предшественниками штрихи к его портрету: «(...) соединение в Виельгорском богатых дарований с самыми привлекательными нравственными качествами не могло не возбуждать искренней гру-

²¹ Комически сниженный вариант того же стереотипа, к середине века сместившегося в культуру средних слоев города, обыгран в комедии Островского «Свои люди — сочтемся» (1849). Липочка, доказывая матери свое превосходство как девушки образованной и утонченной, а потому и имеющей право на соответствующее обращение и, самое главное, на соответствующего жениха, идет на крайнюю меру — шантажирует мать: «Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени (...) Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю!» (д. I, явл. 2).

сти в каждом, видевшем его в эти последние месяцы жизни. Чем ближе подкрадывалась беспощадная развязка, тем трогательнее становилось это безропотное угасание прекрасной молодой жизни. Тяжело было видеть, как гибнет чистый юноша, исполненный самых благородных стремлений, так много обещающий и так безжалостно отнимаемый судьбой у семьи, друзей и отечества. (...) ни Гоголь, ни другие лица, видевшие его во время последней болезни, нисколько не замечали столь извинительной и столь обычной у больных раздражительности, от него не слышали ни слова ропота или скорби об ускользавшей молодой жизни, сулившей ему, казалось бы, столько прекрасных, светлых радостей. Эта трогательная покорность судьбе, эта привлекательная сердечность, украсившая ореолом великодушного всепрощения последние дни Виельгорского, придавали страдальцу в глазах Гоголя яркий отпечаток своеобразного поэтического величия. Жалобы, проклятия, стоны, невольно вырывающиеся у многих других в его положении, неизбежно ослабили бы долю благоговейного сочувствия к умирающему, но ничего подобного на этот раз не было, и дышала невыразимым, святым обаянием эта умилительная кротость²².

Позднейшие авторы утратили живой интерес к личности друга Гоголя. Развернутые, патетические и при этом полностью вторичные характеристики, подобные приведенной выше, сменились краткими и сдержанными указаниями на объективно нейтральные качества—ум и дарования. В работах К. В. Мочульского, В. В. Зеньковского, В. В. Гиппиуса и др. образ Виельгорского претерпевает очередное превращение—на этот раз в абстрактный символ молодости и хрупкой красоты. Отныне, заговаривая об Иосифе, историки литературы говорят в сущности лишь о Гоголе.

²² Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. М., 1895. С. 257, 259.

Домашние прозвища Виельгорских

Луиза Карловна—Лулу, Коричка, Кухарочка, графиня Ижица

Матвей Юрьевич—Дёнок, Moelle

Иосиф—Мазетто, Верзила

Аполлинария (Лина)—Аполи, Фрейлина, Старик, Vecchio, Столетний, Иван
Иванович Шерцкий, Вурц

Софья—Фофа, Viche (Бишь)

Михаил—толстяк, Бушар, Голиаф, Монстр, Гренадер, Roastbeef, Борщ, Вертел

Анна—Нози, Нанина, Бузики, Супруга, Церлина

Аннотированный указатель имен*

Абдул-Меджид (1823—1861)—турецкий султан с 1839 г. 464

Август II (1670—1733)—курфюрст саксонский, король Польши в 1697—1706 и 1709—1733 гг. 76

Августа (Мария Луиза Августа Екатерина; 1811—1890)—принцесса Саксен-Веймарская, с 1829 г. жена принца прусского Вильгельма, с 1861 г. королева Пруссии, с 1871—германская императрица. 103

Агарев—см. Огарев.

Агафонов Михаил Афанасьевич (ум. 1839)—камердинер императора Николая I и великого князя Александра Николаевича. 404, 407, 451

Адамс Михаил Фридрих (Михаил Иванович; 1780—1830-е)—ботаник; профессор Московского университета и Московской медико-хирургической академии, член-корреспондент Академии Наук. 210

Адамс Любим—штаб-лекарь; практиковал как врач в Москве в 1820-х и 1830-х гг. 210

Адан Адольф (1803—1856)—французский композитор. 209

Адлерберг Александр Владимирович (Саша; 1818—1888)—подпоручик Преображенского полка, «состоящий при особе наследника» (1839); впоследствии генерал-адъютант (1855), министр двора (1870—1881); близкий друг великого князя Александра Николаевича. 76, 144, 150—151, 205, 244, 255, 261, 266—268, 272, 278, 283, 290, 295—296, 300, 305, 311, 333, 373, 396, 422, 426—429, 438—439, 459, 509

Адлерберг Владимир (Эдуард Фердинанд Вольдемар) Федорович (1791—1884)—генерал-адъютант (1828), генерал от инфантерии (1843); член Государственного совета (с 1842), доверенное лицо и душеприказчик Николая I. 144, 207, 254, 269

Адлерберг Николай Владимирович (Никса; 1819—1892)—флигель-адъютант (с 1838), в 1839—прапорщик Преображенского полка, впоследствии финляндский генерал-губернатор (1866—1881); близкий приятель наследника. 76, 224, 232, 244, 261

Адлерберг (урожд. Багговут) Юлия Федоровна (1760—1839)—с 1802 г. до кончины начальница Смольного института. 55

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859)—писатель, мемуарист. 160, 477

Аксаковы 474, 504

Александр I (1777—1825)—российский император с 1801 г. 19, 28, 37, 45, 49, 59—60, 67, 76, 148, 416

Александр Николаевич, Александр II (1818—1881)—старший сын Николая I, российский император с 1855 г. 46, 53, 68—69, 75—110, 112, 114—124, 126—132,

* В указатель не включены имена литературных, библейских и мифологических персонажей, а также имена, упомянутые только во вступительной статье и библиографических описаниях

134, 140, 144—156, 158—159, 162—163, 165—167, 170, 172—173, 178—179, 182, 198—200, 202, 205—206, 208, 211, 214, 216, 219—220, 231, 234—238, 244, 246, 250, 254, 261, 264, 266—267, 272, 274—275, 277—278, 280, 282—283, 285—286, 288—290, 292—296, 301—306, 308—310, 313, 328—333, 336, 339—340, 349—351, 355—361, 363—364, 366, 372—375, 378—379, 382—383, 385—388, 395—397, 399, 403, 405, 407—408, 410—412, 417—418, 421—422, 425—426, 428—430, 437—439, 449—451, 458—459, 463, 468, 479, 484, 488, 505—508, 511, 513

Александра Николаевна (1825—1844)—великая княжна, младшая дочь Николая I, с 1843 г. супруга принца Фридриха Гессен-Кассельского. 53, 69, 109, 169, 179, 248, 267—268, 270, 288, 293—294, 308—309, 311, 333, 357, 359

Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798—1860)—дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, с 1817 г. жена великого князя Николая Павловича, российская императрица с 1825 г. 58, 68, 77—78, 80, 89—90, 92, 96, 101—104, 109, 112—113, 121, 125, 128—129, 143, 152, 170, 172, 178—179, 191—192, 206, 210, 216, 223—225, 236—238, 240, 244, 255, 260, 262, 266—268, 270, 273, 275, 277, 279—280, 288, 291, 293, 296, 299—302, 304—306, 308—309, 311, 333, 351, 355, 357—359, 427, 429

Александров Павел Константинович (1808—1857)—побочный сын великого князя Константина Павловича, флигель-адъютант. 125

Алексей Михайлович (1629—1676)—российский царь с 1645 г. 227

Аленин—см. Оленин.

Аллан (урожд. Дебрео) Луиза (1810—1856)—актриса, в 1837—1846 гг. выступала в составе французской труппы в Петербурге. 226

Алпатов Михаил Владимирович—историк искусства. 493—494

Альберт, принц Саксен-Кобург-Готский (1819—1861)—супруг Виктории I, королевы Великобритании. 312

Алябьев Александр Александрович (1787—1851)—композитор. 282, 514

Андреев Иван Николаевич—певец-любитель (тенор). 278

Андреевна Елена Ивановна (1819—1857)—прима петербургского балета в 1840—1850 гг. 224—225

Анисе (Анисе-Буржуа) Огюст (род. 1806)—французский драматург. 226

Анна Иоанновна (1693—1740)—российская императрица с 1730 г. 18, 216, 406

Анна Павловна (1795—1865)—великая княжна, сестра Николая I; с 1816 г. жена принца Вильгельма Оранского, с 1840—королева Нидерландов. 243, 429

Анна Прохоровна—служанка Виельгорских. 62, 67—69

Анненков Павел Васильевич (1812 или 1813—1887)—критик, мемуарист. 415

Анненкова Елена Ивановна—литературовед. 478

Аносов Павел Петрович (1798—1851)—металлург, инженер-изобретатель. 247

Апраксин Александр Иванович (1782—1848)—полковник (1823), тайный советник и сенатор (1834). 255

Апраксин Степан Степанович (1747—1827)—меценат и любитель музыки. 43

Апраксина Елена Степановна—графиня, фрейлина. 239, 260

Апраксина Наталья Владимировна (1820—1897)—фрейлина (с 1838). 239, 260

Арендт (Аренд, Арнд) Николай Федорович (Николас Мартин; 1785—1859)—врач-хирург, лейб-медик Николая I (с 1829). 280, 335, 337, 340—341, 346—347

- Аретин* (в замуж. графиня Толстая) Софья Егоровна (1811—1893)—баронесса, фрейлина принцессы Ольденбургской. 269
- Арнольд* Юрий Карлович (1811—1898)—композитор, педагог. 177
- Арсеньев* Константин Иванович (1789—1865)—историк, статистик, географ; член Совета Министерства внутренних дел (с 1832), управляющий Статистическим комитетом Министерства; член Российской академии (1836); с 1828 г. преподавал историю наследнику и его товарищам. 108, 117—118, 121, 127, 149—150, 153, 205, 215
- Арто* Александр Жозеф (1815—1845)—бельгийский скрипач; выступал с концертами в России в 1836—1842 гг. 264, 277, 282
- Бажанов* Василий Борисович (1800—1883)—протоиерей Придворного и Московского Благовещенского собора; с 1835 г. законоучитель и духовник наследника, его товарищей и великих княжон; член Синода (с 1844). 132, 163, 286, 294, 375
- Базаров* Иоанн Иоаннович (1819—1895)—протоиерей, духовный писатель; настоятель православного храма в Висбадене, позднее— в Штутгарте. 133
- Байрон* Джордж Гордон Ноэл (1788—1824)—английский поэт. 93, 174, 337, 416
- Бак* Дмитрий Петрович—литературовед. 338
- Балабин* Евгений Петрович—певец-любитель. 487
- Балабина* (в замуж. Вагнер) Мария Петровна (1820—1901)—ученица и приятельница Гоголя. 476, 481—483, 488, 489
- Бальзак* Оноре де (1799—1850)—французский писатель. 401
- Баранов*, знакомый Виельгорских. 113
- Баранов* Павел Трофимович фон (1814—1864)—генерал-майор свиты (1856). 76—77, 260, 373
- Баранов* Эдуард Трофимович фон (1811—1884)—подпоручик Измайловского полка (1838); начальник штаба Гвардейского корпуса (с 1855), член Государственного совета (с 1868). 77, 305, 373
- Баранова* (урожд. Адлерберг) Юлия Федоровна фон (1789—1864)—графиня (с 1846); мать предыдущих; воспитательница детей Николая I, статс-дама. 76, 249, 277
- Баратаев* Михаил Петрович (1784—1856)—князь; тайный советник (с 1838). 159
- Баратынский* Евгений Абрамович (1800—1844)—поэт. 160, 172
- Барнет* (Барнетт) Элизабет (ум. 1854)—бонна Виельгорских. 53—54, 58, 64, 67, 69, 71, 101, 129, 136, 164, 168, 359, 385, 392, 414, 511
- Бартенева* Петр Иванович (1829—1912)—историк, библиограф. 34, 507
- Бартенева* (в замуж. Нарышкина) Мария Арсеньевна (1816—1870)—фрейлина (с 1838). 223, 249, 260, 285, 303, 306, 308
- Бартенева* Прасковья Арсеньевна (1811—1872)—фрейлина (с 1835); певица-любительница (сопрано). 225, 271, 278, 285, 302—303
- Бартенева* (урожд. Бутурлина) Федосья Ивановна (1790—1835)—мать П. А. и М. А. Бартеневых, певица. 225
- Барятинская* Л. И.—см. Витгенштейн
- Барятинская* (урожд. Бутенева) Мария Аполлинарьевна (1835—1906)—жена Викт. И. Барятинского. 61
- Барятинская* (в замуж. княгиня Кочубей) Мария Ивановна (1818—1843)—фрейлина. 41, 60—61, 207—208, 217, 223, 239, 269, 279

Барятинская (урожд. графиня Келлер) Мария Федоровна (1792 или 1793—1858)—вторая жена И. И. Барятинского (с 1813). 38, 60—63, 65, 72, 145

Барятинская (в замуж. Орлова-Давыдова) Ольга Ивановна (1814—1876)—дочь И. И. Барятинского. 60

Барятинские 38, 41, 60—61, 72

Барятинский Александр Иванович (1815—1879)—князь; в 1833 г. выпущен корнетом из школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; в 1836—1845 гг.—в свите наследника (с 1839—адъютант), наместник Кавказа и командующий Отдельным Кавказским корпусом (1856—1862), генерал-фельдмаршал (1859). 41, 61—63, 84, 144—146, 148, 192, 228, 309, 352, 354, 361—362, 373—374, 385—387, 393—394, 406, 411, 426—427, 429, 459, 509

Барятинский Анатолий Иванович (1820 или 1821—1881)—командир Преображенского полка (1859—1866), генерал-адъютант (с 1866). 61, 84

Барятинский Виктор Иванович (1823—1904)—лейтенант (1845), капитан I ранга (1856), в отставке с 1857 г. 61

Барятинский Владимир Иванович (1817—1875)—командир Кавалергардского полка (1861—1866), генерал-адъютант и обер-штабмейстер с 1866 г. 61, 84

Барятинский Иван Иванович (1767—1826)—князь; тайный советник (1804), в 1808—1812 гг. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Мюнхене. 38, 60, 72, 146, 148, 328

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855)—поэт. 17, 75, 513

Бах Иоганн Себастьян (1685—1750)—немецкий композитор. 16

Бегров Карл Петрович (1799—1875)—владелец литографии. 204, 264

Бёх Филипп Август (1785—1867)—немецкий филолог-классик, историк античности; профессор Берлинского университета. 338

Бекетов—кредитор И. М. Виельгорского. 204, 260—261, 299, 340

Бекетов Платон Петрович (1761—1836)—библиофил, коллекционер. 204

Беллини Винченцо (1801—1835)—итальянский композитор. 140, 280, 302, 382

Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778—1852)—мореплаватель. 164

Бельские—боярский род. 121

Белявский Франц Иосифович (ум. 1859)—врач, путешественник. 170, 336, 357

Бендер Франц Иосиф (1774—1838)—кларнетист, артист оркестра Петербургских императорских театров. 302

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844)—граф (с 1832); шеф жандармов, начальник III Отделения Собственной е. и. в. канцелярии (с 1826), генерал от кавалерии (1829). 125, 219, 273, 428

Бенкендорф (урожд. Донец-Захаржевская, в первом браке Бибикова; ум. 1857) Елизавета Андреевна—жена А. Х. Бенкендофа, с 1839 г. статс-дама. 428

Бенкендорф Константин Константинович (1817—1858)—племянник А. Х. Бенкендорфа; выпускник Пажеского корпуса, офицер Конногвардейского, в 1842—1846 гг. командовал Апшеронским пехотным полком. 428

Бер—см. Бэр.

Бёр И. А. (род. 1794)—скрипач. 277

Берви Василий Федорович (1793—после 1858)—доктор медицины, ординарный профессор Казанского университета по кафедре анатомии, физиологии и судебной врачебной науки. 159

Берио Шарль Огюст (1802—1870)—бельгийский скрипач, композитор, педагог. 280

Бернар (Бернард) Матвей Иванович (1794—1871)—пианист, композитор; с 1829 г. владелец фирмы, занимавшейся изданием нот и торговлей ими. 257

Бертье Луи Александр (1753—1815)—маршал, начальник Главного штаба армии Наполеона (с 1800). 266

Бетховен (Бетговен) Людвиг ван (1770—1827)—немецкий композитор. 16, 18, 39—40, 141, 206, 219, 249, 264, 277, 282, 300, 302, 306, 401, 409, 412, 423—424, 452

Бирон (урожд. Медем) Анна Шарлотта Доротея (1761—1821)—третья жена П. Бирона. 49

Бирон (в замуж. Лазарева) Антуанетта (1813—1871)—дочь Г. К. Бирона, племянница Л. К. Виельгорской. 116

Бирон (урожд. княжна Понинская) Аполлония Матвеевна (1760—1800)—жена К. Э. Бирона, мать Е. К. и Л. К. Виельгорских. 19, 49, 55

Бирон (в замуж. баронесса Черкасова) Гедвига Елизавета (Екатерина Ивановна; 1727—1797)—дочь Э. И. Бирона, тетка Е. К. и Л. К. Виельгорских. 19

Бирон Густав Каликст (1780—1821)—брат Е. К. и Л. К. Виельгорских. 19, 49, 116

Бирон Екатерина Карловна—см. Виельгорская.

Бирон (в первом браке принцесса Роган-Гемене, во втором княгиня Трубецкая, в третьем графиня фон Шуленбург) Екатерина Фридерика Вильгельмина (1781—1839)—двоюродная сестра Е. К. и Л. К. Виельгорских. 21

Бирон Карл Эрнст (1728—1801)—второй сын Э. И. Бирона, отец Е. К. и Л. К. Виельгорских; генерал-майор русской службы. 19, 49

Бирон Луиза Карловна—см. Виельгорская.

Бирон Петр (1724—1800)—старший сын Э. И. Бирона, владетельный герцог Курляндский и Семигальский (до 1795). 18—19

Бирон Петр Алексей (Петр Карлович; 1781—1809)—брат Е. К. и Л. К. Виельгорских; штаб-ротмистр кавалергардского полка, камергер. 19, 49

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772)—граф (1730), герцог Курляндский и Семигальский (с 1737); фаворит императрицы Анны Иоанновны. 18—19, 216

Бироны 18, 20, 27—28, 36, 38, 76

Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве о. Иакинф; 1777—1853)—ученый-синолог. 313

Бланка Кастильская (1188—1252)—королева Франции, регентша в 1226—1234 (до совершеннолетия сына, короля Людовика IX) и 1248—1252 гг. (во время VII крестового похода). 69

Бланки Луи Огюст (1805—1881)—французский политический деятель. 426

Блейлер Иоганн Генрих (1758—1823)—швейцарский художник. 303

Блейлер Иоганн (1763—1832)—швейцарский художник. 303

Блом Отто Гаврилович (Отто Леонард; 1798—1877)—полковник гвардейского генерального штаба, обер-квартирмейстер гвардейского резервного кавалерийского корпуса. 266

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864)—граф (с 1842); министр внутренних дел (1831—1838). 248, 475

Блудова (урожд. княжна Щербатова) Анна Андреевна (1777—1848)—жена Д. Н. Блудова. 390

Блудова Антонина Дмитриевна (1813—1891)—дочь Д. Н. Блудова; фрейлина императрицы Александры Федоровны (с 1863); мемуаристка. 188, 192, 227, 466, 506, 508—514

Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1868)—граф; управляющий двором великой княжны Ольги Николаевны (1840—1846), шталмейстер (1854), крупный промышленник. 304

Бодэ Лев Карлович (1787—1859)—барон; гофмаршал, вице-президент Московской дворцовой конторы (с 1849). 207, 262

Бодянский Осип Максимович (1808—1877)—славист. 352

Боккаччио (Бокаччо) Джованни (1313—1375)—итальянский писатель. 117

Бордоский герцог—см. Бурбон.

Борер Максимилиан (род. 1785)—немецкий виолончелист. 162

Борис Годунов (ок. 1552—1605)—русский царь с 1598 г. 393

Бороздина (в замуж. княгиня Урусова) Анастасия Николаевна (1809—1877)—фрейлина, певица-любительница. 125

Бороздина (в замуж. Каменская) Наталья Николаевна (1816—1853)—фрейлина великой княжны Ольги Николаевны. 179, 254, 272, 305

Бороздина (в замуж. Мосолова) Ольга Николаевна (1807—1871)—фрейлина. 125, 308

Браницкая (в замуж. Красинская) Елизавета Владиславовна—графиня; фрейлина. 306

Браницкие 13

Браун (Броун) Август Эмиль (1809—1856)—археолог, исследователь античного искусства, секретарь Римского археологического института; практиковал как врач-гомеопат. 387, 397, 411, 420, 428, 436, 439

Брейтинг Герман (1804—1860)—немецкий певец (драматический тенор); в 1837—1840 гг. в составе немецкой оперной труппы гастролировал в Петербурге, выступал в концертах. 206, 232, 235, 254, 264, 271

Брискорн Максим Максимович (1789—1872)—директор канцелярии Военного министерства, статс-секретарь. 211—212, 214—215, 228, 244, 247, 250—251, 254—255, 261, 269, 276, 279, 281, 312, 428

Брискорн—соседка Виельгорских по имению в Курской губернии. 63

Брод Анри (1801—1839)—французский гобоист, профессор Парижской консерватории. 210

Брод (ум. 1863)—гобоист. 210

Брукс—гувернантка Виельгорских. 52—53

Бруни Федор Антонович (1799—1875)—живописец. 435

Брюллов Александр Павлович (1798—1877)—архитектор. 284

Брюллов (Брюлов) Карл Павлович (1799—1852)—художник. 43, 62, 210, 284

Будберг Александр Иванович (1796—1876)—барон; генерал-адъютант. 215

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863)—в 1809—1832 гг. чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, московский почт-директор (1832—1856). 18, 45—46, 225, 238

Булгаков Константин Александрович (1812—1862)—сын предыдущего; адъютант великого князя Михаила Павловича, прапорщик Московского полка (1835); певец и композитор-любитель. 206

Булгаков Константин Яковлевич (1782—1835)—московский (1816—1819) и петербургский (с 1819 до кончины) почт-директор. 18, 45, 225

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859)—журналист, прозаик. 27, 423

Буль Оле (Уле) Борнеман (1810—1880)—норвежский скрипач-виртуоз, композитор. 268, 271—272, 314, 392

Бунзен Христиан Карл Иозиас фон (1791—1860)—немецкий историк, дипломат, один из основателей Археологического института в Риме. 387

Бурбон Анри де (граф Шамбор, 1820—1883)—сын герцога Беррийского; претендент на французский престол под именем Генриха V. 93

Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849)—генерал-майор (1824), директор Императорской Публичной библиотеки (с 1843). 253, 410

Бутурлина (урожд. Комбурлей) Елизавета Михайловна (1805—1859)—жена Д. П. Бутурлина. 256

Бэр Иозеф—франкфуртский книгопродавец и антиквар. 406

Бюлер Федор Андреевич (1821—1898)—барон; писатель, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел; дальний родственник Л. К. Виельгорской. 19

Вайскопф Михаил—литературовед. 471

Валуев Петр Александрович (1814—1890)—граф (с 1880); с 1834 г. служил во 2-м отделении Собственной е. и. в. канцелярии. 377

Валуева (урожд. княжна Вяземская) Мария Петровна (1813—1849)—дочь П. А. Вяземского, жена П. А. Валуева. 377

Валуевы, кузины М. А. Волковой. 22

Варранд Самуил Александрович (ок. 1792—после 1851)—преподаватель английского языка у наследника и его товарищей. 121, 127

Василий III (1479—1533)—великий князь Московский с 1505 г. 121

Васильчиков Дмитрий Васильевич (1778—1859)—обер-егермейстер, управляющий гофмейстерской частью двора великого князя Михаила Павловича. 395

Васко да Гама (1469—1524)—португальский мореплаватель. 120

Вебер Карл Мария фон (1786—1826)—немецкий композитор, дирижер. 270, 424

Веймарн Иоганн Фердинанд (Иван Федорович) фон (1800—1846)—подполковник гвардейского Генерального штаба, флигель-адъютант; с 1836 г. преподавал наследнику и его товарищам фортификацию и другие военные науки. 210, 215—216, 220—221, 227, 230, 234, 237, 242, 247, 253, 257, 262, 266—267, 270, 276—277, 279, 282

Векрот Филипп Антонович—управляющий Виельгорских. 63

Вендт—врач. 360

Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872)—чиновник министерства иностранных дел (с 1829), сенатор (1855); с 1843 г. муж Ап. М. Виельгорской. 326

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827)—брат предыдущего; поэт, критик. 416, 475

Веневитинов Михаил Алексеевич (1844—1901)—сын Ап. М. Виельгорской; камер-юнкер, член Археографической комиссии. 147, 334—335, 401, 446, 489, 506—507

Вересаев Викентий Викентьевич (1867—1945)—прозаик, литературовед. 499

Верещагин Иван Степанович—протоиерей церкви Аничкова дворца. 285

Виельгорская (в замуж. княгиня Шаховская) Анна Михайловна (15 ноября 1823—4 сентября 1861) 36, 44, 52, 77, 91—92, 101, 103—104, 109—113, 119, 128—129, 132, 134—138, 141—142, 144, 164, 168—172, 179, 182, 184—185, 187, 190—191, 193, 201—204, 208, 223, 230, 233, 235—237, 240, 243, 253, 266, 268—270, 275, 290, 292—293, 295, 300, 303, 309, 315, 324—326, 352, 358—359, 362, 375—376, 378, 385, 389—393, 398—399, 402—403, 405, 409—410, 413—414, 421—422, 424—426, 436, 448—450, 452, 455, 457, 461, 463, 466—469, 491, 511—512

Виельгорская (в замуж. Веневитинова) Аполлинария Михайловна (15 октября 1818—4 сентября 1884)—фрейлина (с 1837). 34, 38, 44, 49, 51, 53, 62, 64, 67, 73, 77, 91—92, 101, 103—104, 109—110, 112, 119, 128—129, 132, 134—136, 138—140, 142, 144, 161—164, 168—172, 182, 184—185, 187, 191, 193, 196, 201, 206—209, 213, 223, 235—236, 240, 243—244, 247—248, 252—253, 266, 268—270, 275, 290, 292—293, 295, 298—300, 303, 315, 324, 326, 330, 352, 358, 362, 375—376, 378, 385, 389—390, 392, 402—403, 405, 409—410, 413, 421—422, 425—426, 433, 436, 448—450, 452, 455, 457, 461, 465—466, 468—469, 489, 491, 494, 506—507, 511—512

Виельгорская (в замуж. Волкова) Дарья (Доротей) Юрьевна (ум. не ранее 1818)—дочь Ю. М. Виельгорского, с 1812 г. жена С. А. Волкова. 20—22, 25, 30, 55, 468, 514

Виельгорская Елизавета Юрьевна (1795—16 октября 1809)—дочь Ю. М. Виельгорского. 55

Виельгорская (урожд. принцесса Бирон) Екатерина Карловна (1793—31 января 1813)—первая жена Мих.Ю. Виельгорского. 18—25, 27, 30—32, 36—37, 49, 55, 58—59, 324, 364

Виельгорская (урожд. Снарская, в первом браке Сиверс) Елизавета Станиславовна—вторая жена Ю. М. Виельгорского. 15—17, 55

Виельгорская (урожд. принцесса Бирон) Луиза Карловна (14/25 июля 1791—6 февраля 1853)—вторая жена Мих. Ю. Виельгорского. 19—20, 22, 27—41, 44—47, 49—53, 55—56, 58—60, 63—78, 80—81, 83, 91—93, 101—104, 110—114, 116, 119, 121—123, 126—130, 134, 139, 141—145, 147, 153—158, 167—169, 171, 173, 181—187, 191, 195, 206—207, 209, 212—213, 216, 223, 228, 233, 235, 240, 242—244, 248, 250, 253, 260, 266—267, 272, 276—277, 282—283, 286, 290—293, 298, 300, 303, 305, 307, 312, 315, 324—326, 328, 333, 339—341, 347—351, 353, 355—358, 361—362, 375—378, 381—385, 388—392, 395, 399, 402—405, 407—410, 413—414, 419—422, 425—426, 430, 436—437, 444, 446, 448—455, 457—458, 460—466, 469, 477, 491, 494, 505—506, 510—512

Виельгорская (урожд. Матюшкина) Софья Дмитриевна (1755—1796)—первая жена Ю. М. Виельгорского (с 1787). 13—16

Виельгорская (в замуж. графиня Соллогуб) Софья Михайловна (23 июня 1820—16 февраля 1878)—фрейлина (с 1838). 28, 35, 41, 44—45, 47—73, 91—92, 101, 103—104, 109, 113—114, 119, 128—129, 132, 138—139, 141—144, 157, 164, 167—168, 170—172, 182—183, 185, 187, 191—193, 201, 208, 213, 220, 233, 235—236, 240, 243, 253, 266, 268—270, 275, 278—279, 290, 292—293, 295, 300, 315, 324—326, 336—338, 352—355, 358, 361—362, 367, 375—376, 378, 385, 389, 392, 397—399, 402—403, 405, 409—410, 413—414, 421—422, 425—426, 436, 447—450, 452, 455, 457, 461—462, 466—469, 491, 494, 505—506, 511—512

Виельгорские 13, 15—17, 20—21, 31, 34, 38, 40—42, 44—48, 55—56, 76, 91—92, 111—112, 121, 155, 158, 161, 167, 175—176, 181, 204, 209, 312—313, 315, 326, 351, 401, 404, 407—408, 410, 414, 419, 420—421, 426, 430, 434, 437, 444, 446, 448, 450, 452, 454—457, 459, 465—467, 476—477, 480—482, 489—490, 492, 494, 505—506, 510, 512, 514

Виельгорский Александр Юрьевич (род. между 1790 и 1793)—сын Ю. М. Виельгорского от первого брака. 14, 56, 438

Виельгорский Александр Юрьевич (5 мая 1802—9 мая 1821)—сын Ю. М. Виельгорского от второго брака. 14—15, 21, 33, 35, 40, 56, 438, 468

Виельгорский Иосиф (Осип) Юрьевич (12 марта 1790—5 декабря 1816)—сын Ю. М. Виельгорского. 14, 21, 30—31, 56, 186, 468, 514

Виельгорский Матвей Юрьевич (15 апреля 1794—21 февраля / 5 марта 1866)—шталмейстер и управляющий двором великой княгини Марии Николаевны (1839—1856), обер-гофмейстер (1856); виолончелист-виртуоз, певец (баритон). 14—15, 21, 31—34, 39—41, 50, 55—56, 62—63, 65—66, 92, 101, 113—114, 118, 121, 125, 134—136, 141, 155, 168, 171, 175, 208, 223, 236, 240, 242, 245, 251—252, 257, 271, 277, 302, 305—306, 364—365, 372, 375—378, 383, 388—390, 399—405, 410—414, 420—421, 426, 436, 449—450, 455—459, 461, 465, 469, 491

Виельгорский Михаил (ум. 1790)—отец Ю. М. Виельгорского. 13, 17—18

Виельгорский Михаил Михайлович (ок.1755—после 1804)—офицер польской кавалерии на австрийской службе, дядя Мих.Ю. Виельгорского. 18

Виельгорский (с 1853 г. Виельгорский-Матюшкин) Михаил Михайлович (28 февраля 1822—22 ноября 1855)—дипломат; во время Крымской войны—председатель комиссии для помощи раненым и распределения пожертвований; умер в Севастополе от тифа. 35, 41, 44—45, 53, 57, 61, 66—67, 77, 84, 91—93, 101, 103, 110, 113—114, 119, 129—130, 134—139, 141, 147, 164, 168, 171, 183, 185, 201, 206, 208, 214, 237, 244, 249, 253, 269, 278, 281, 290, 292, 302—303, 309, 325, 357, 362, 385, 389—390, 392, 402—403, 405, 413—414, 423—424, 426, 449, 455, 457—459, 464, 467—468, 491, 511—512

Виельгорский Михаил Юрьевич (31 октября 1788—28 августа 1856)—музыкальный деятель, композитор-дилетант. 14—22, 25—47, 49—51, 54—60, 62—68, 70, 72—78, 91—92, 103—104, 111—114, 118, 121, 126—130, 134, 137, 146, 155, 159, 162, 168, 170—175, 184—185, 187, 194, 200, 202, 204, 207—208, 221—223, 235, 239—240, 243, 248, 250, 253, 256, 260, 265, 268—269, 271, 276, 286, 302, 324, 326, 328, 333, 341, 346—352, 354—361, 364—368, 371—372, 375, 378—385, 387, 389—392, 395—399, 401, 404—407, 409—413, 418—424, 426, 428, 430—432, 435—437, 441—444, 446, 448—450, 452—461, 463—466, 469, 477—478, 491—492, 506, 510, 512

Виельгорский Юзеф (Иосиф) (1816—1892)—польский композитор. 30

Виельгорский Юрий Михайлович (1753—1808)—польский посланник в Петербурге, затем действительный тайный советник русской службы, сенатор; отец Мих. Ю. Виельгорского. 13—17, 21, 31, 54—55

Виельгорский Юрий Юрьевич (род. между 1790 и 1793)—сын Ю. М. Виельгорского. 14

Виктория I (1819—1901)—королева Великобритании с 1837 г. 312

- Вилламов* Григорий Иванович (1773—1842)— статс-секретарь по ведомству императрицы Марии Федоровны. 36—37, 218
- Виллие* Яков Васильевич (1766 или 1767—1854)— лейб-медик, главный инспектор медицинской части по армии. 215
- Вильгельм* (1797—1888)— принц прусский, второй сын короля Фридриха-Вильгельма III, брат императрицы Александры Федоровны; с 1861 г. король Пруссии, с 1871— германский император Вильгельм I. 103
- Вильгельм* (1792—1849)— принц Оранский, с 1840 г. король Нидерландов Вильгельм II. 428—429
- Вильгельм Завоеватель* (1027—1087)— нормандский герцог, с 1066 г. английский король. 118
- Вильдермет*— гувернантка императрицы Александры Федоровны. 101
- Винтергальтер* Франциск Ксаверий (1806—1873)— немецкий художник. 61
- Витгенштейн* Лев (Людвиг) Петрович (1799—1866)— флигель-адъютант (1820); с 1828 г. в отставке. 61
- Витгенштейн* Петр Львович (1831—1887)— генерал-адъютант. 61
- Витгенштейн* Петр Христианович (1768—1843)— граф (с 1834 г. князь); фельд-маршал (1826). 61
- Витгенштейн* (урожд. княжна Барятинская) Леонилла Ивановна (1816— не ранее 1910)— вторая жена Л. П. Витгенштейна (с 1834). 41, 61, 270
- Витгенштейн* (в замуж. княгиня Гогенлоэ-Шелингфюрет) Мария Львовна (1829—1847)— дочь Л. П. Витгенштейна. 61
- Витгенштейн* (урожд. княжна Радзивилл) Стефания Доминиковна (1809—1832)— первая жена Л. П. Витгенштейна (с 1828). 61
- Владимир* (в миру Василий Федорович Алявдин; 1791—1845)— митрополит костромской. 163
- Владимир Святославич* (ум. 1115)— великий князь киевский с 980 г. 176
- Владиславлев* Владимир Андреевич (1806 или 1808—1856)— прозаик, издатель альманахов. 474
- Власова* (урожд. княжна Белосельская-Белозерская) Мария-Магдалина Александровна (1787—1857)— сестра З. А. Волконской. 434, 440—442
- Воейкова* (урожд. Протасова) Александра Андреевна (1795—1829)— племянница В. А. Жуковского. 452, 513
- Воинов*— скрипач. 277
- Волков* Михаил Аполлонович (1799—1882)— дипломат, с 1832 г. служил в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, с 1839 в отставке; камергер (1832). 195, 234, 242, 248, 271, 280, 300, 310
- Волков* Николай Аполлонович (1795—1858)— гвардии полковник в отставке, член Мануфактур-совета при московском отделении департамента мануфактур и внутренней торговли министерства финансов. 168—169
- Волков* Сергей Аполлонович (1788—1854)— действительный статский советник в отставке. 20—21, 25, 210, 251
- Волков* Сергей Сергеевич (1813—1882)— сын С. А. Волкова; камер-юнкер, в 1838 г. служащий Азиатского департамента министерства иностранных дел. 25, 204—205, 213, 255—256, 275, 277, 300, 402, 425

- Волкова* (в замуж. Змиева) Анна Николаевна (1835—1854)—дочь Н. А. Волкова. 169
- Волкова* (урожд. княжна Оболенская) Екатерина Андреевна (1796—1849)—жена Н. А. Волкова. 169
- Волкова* (в замуж. Слингер) Елизавета Сергеевна (1814—1906)—дочь С. А. Волкова. 209, 220, 247, 254
- Волкова* (урожд. Кошелева) Маргарита Александровна (ум. 1820)—кавалерственная дама; мать Н. А. , С. А. , М. А. Волковых. 21, 30
- Волкова* Мария Аполлоновна (1786—1859)—фрейлина при императрице Марии Федоровне (с 1818), певица-любительница. 20—25, 186, 209, 324
- Волкова* Мария Сергеевна—дочь С. С. Волкова. 48, 110, 402, 480, 491, 514
- Волкова* (урожд. баронесса Хюбш) Урания Иосифовна—жена М. А. Волкова. 247, 271
- Волковы* 211, 251—252, 271, 299, 390, 402—403, 413—414, 421
- Волконская* (Волхонская) 308
- Волконская* (урожд. княжна Белосельская-Белозерская) Зинаида (Зенеида) Александровна (1789—1862)—поэтесса, музыкант. 43, 186, 381, 384—385, 391, 396, 407—408, 414—417, 419—420, 430, 432—436, 438—445, 448—449, 464, 467, 469, 475, 484, 502
- Волконская* (урожд. Бенкендорф) Мария Александровна (1820—1880)—дочь А. Х. Бенкендорфа, фрейлина; с 1838 г. жена Г. П. Волконского. 223, 308
- Волконская* Н Александровна—дочь А. Н. Волконского. 381, 434—435
- Волконская* Луиза (урожд. баронесса Лилиен)—жена А. Н. Волконского. 434
- Волконский* Александр Никитич (1811—1875)—князь, сын З. А. Волконской; камер-юнкер (1833), чиновник особых поручений при дипломатической канцелярии И. Ф. Паскевича в Варшаве (1834—1853); посланник и полномочный министр при Дрезденском дворе (1858—1860) и в Испании (1862—1867). 432, 434, 441, 445, 447—448
- Волконский* (Волхонский) Григорий Петрович (1808—1882)—князь, сын П. М. Волконского; с 1830 г. чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел, камергер (1835); собиратель древностей, певец-любитель (бас). 125, 223
- Волконский* Никита Григорьевич (ум. 1844)—князь, муж З. А. Волконской. 444—445
- Волконский* (Волхонский) Петр Михайлович (1776—1852)—светлейший князь (1834); министр двора и уделов (1826—1852). 125, 226, 357
- Вольтер* (Франсуа Мари Аруз; 1694—1778)—французский писатель и философ. 174, 212
- Воронцов-Дашков* Иван Илларионович (1790—1864)—обер-церемониймейстер. 125, 246, 249
- Воронцова* Мария Артемьевна (ум. 1866)—фрейлина (в 1834 г.). 136, 376, 392, 403, 408, 420—421, 442—444, 461, 463
- Враницкий* Павел (1756—1808)—австро-чешский композитор, скрипач. 16
- Всеволодская* 281
- Всеволожский* Александр Всеволодович (1794—1864)—камергер (с 1833), церемониймейстер (с 1837); театрал и музыкант-любитель. 301

- Всеволожский* Никита Всеволодович (1799—1862)—церемониймейстер (с 1836). 301
- Вьетан* Анри (1820—1881)—бельгийский скрипач-виртуоз и композитор, в 1838—1840 и 1845—1852 гг. жил и работал в Петербурге. 268, 282, 314
- Вяземская* (урожд. княжна Гагарина) Вера Федоровна (1790—1886)—жена П. А. Вяземского. 153, 377, 430
- Вяземская* Прасковья Петровна (1817—1835)—дочь П. А. Вяземского. 364, 430, 449
- Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878)—князь; поэт, литературный критик, с 1833 по 1846 г. вице-директор Департамента внешней торговли министерства финансов. 40—43, 47, 75, 129, 153, 173—174, 186, 218—219, 238, 243, 248, 328, 341, 350—351, 360, 364, 377—378, 403, 419—420, 430, 437, 450—451, 475
- Гааз* Федор Петрович (Фредерик Иозеф; 1780—1853)—врач, филантроп. 160
- Гагарин* Матвей Петрович (ум. 1721)—князь, стольник (с 1686); в 1708—1719 гг. сибирский губернатор. 36
- Гагарина* (урожд. баронесса Шафирова) Анна Петровна (1716—1804)—княгиня. 494
- Гагаринья* 13, 36
- Гайдн* Иозеф (1732—1809)—австрийский композитор. 16, 55, 141, 219, 264—265, 271, 424
- Гакстгаузен* Август фон (1792—1866)—немецкий историк, экономист, путешественник. 159
- Галеви* Фроманталь (наст. имя Элиас Леви; 1799—1862)—французский композитор, музыкальный критик. 206
- Гампельн* Карл (1808—1880-е)—художник, гравер. 494
- Ганнибал* (247 или 246—183 до н.э.)—карфагенский полководец. 118
- Ганс* Эдуард (1797—1839)—немецкий юрист, представитель философского направления в юриспруденции. 338, 340
- Гафрман* Карл Иоганн (1790—1849)—известный шведский врач, доктор медицины. 436
- Гастингс* Мэри—дочь графа Хантингтона, родственница английской королевы Елизаветы I. 393
- Гауке* (в замуж. Гауке) Софья Маврикиевна (1816—1861)—фрейлина. 223, 260, 303
- Гебель* Франц Ксавер (1787—1843)—немецкий композитор, пианист, педагог; с 1817 г. работал в России. 277
- Гедеонов* Александр Михайлович (1791—1867)—директор Императорских театров (1833—1858). 242
- Гейден*—см. Гайдн.
- Гейне* Иоганн Георг (1770—1838)—немецкий хирург, доктор медицины, основатель ортопедического института в Вюрцбурге. 70
- Гелиогабал* (Марк Аврелий Антонин, 204—222)—римский император с 218 г. 415
- Гендель* Георг Фридрих (1685—1759)—немецкий композитор. 16
- Гензельт* Адольф Львович (1814—1889)—пианист, композитор, педагог; в Петербурге с 1838 г.; камер-виртуоз, инспектор преподавания музыки всех женских учебных заведений России (с 1838). 270, 272, 282

- Генрих IV* (1553—1610)—король Наварры с 1572 г., король Франции с 1594 г. 127
- Генрих III* (1551—1589)—король Франции с 1574 г. 13
- Герасим*—иеромонах, впоследствии архимандрит (1842); с 1831 по 1852 гг. настоятель церкви при русском посольстве в Риме. 440, 442
- Герберштейн* Сигизмунд фон (1486—1566)—немецкий дипломат; посетил Россию в 1517 и 1526 гг. 394
- Герино* Теодор (род. 1808)—танцовщик, балетмейстер; с 1834 г. выступал на петербургской сцене, в 1838—1845 гг.—в Москве. 317
- Герке* Антон Августович (1812—1870)—придворный пианист. 210—211, 306
- Герман* Федор Иванович—майор (1837), состоял при казанском военном генерал-губернаторе «для особых поручений». 159, 166, 278, 284, 307
- Геродот* (между 490 и 480—ок. 425 до н.э.)—древнегреческий историк. 117
- Герольд* Фердинан (1791—1833)—французский композитор. 231
- Герштейн* Эмма Григорьевна—историк литературы. 192, 238, 467
- Геслер* Иоганн Вильгельм (1747—1822)—немецкий композитор. 16
- Гесс* Герман (Генрих) Иванович (1802—1850)—химик, профессор Главного педагогического института, академик; преподавал химию наследнику и его товарищам. 215, 220, 230, 237—238, 247
- Гёте* Иоганн Вольфганг (1749—1832)—немецкий поэт. 178
- Гиллер* Фердинанд фон (1811—1885)—немецкий пианист, композитор и музыкальный критик. 18
- Гино*—гувернантка в семействе Барятинских. 62
- Гиппиус* Василий Васильевич (1890—1942)—литературовед. 454, 504, 516
- Гирелли*—римский знакомый З. А. Волконской. 442
- Гировец* Адальберт (1763—1850)—австрийский композитор. 16
- Глинка* Михаил Иванович (1804—1857)—композитор, капельмейстер Придворной певческой капеллы (1837—1839). 177, 211, 278
- Глинская* Елена Васильевна (ум. 1538)—княжна; с 1526 г. вторая жена великого князя московского Василия III, в 1533—1538 гг. регентша при малолетнем сыне, великом князе Иване IV. 121
- Глинские*—боярский род. 121
- Гогенталь* (урожд. принцесса Бирон) Луиза (1808—1845)—графиня; дочь Г. К. Бирона, племянница Л. К. Вильгорской. 116
- Гоголь* Анна Васильевна (1821—1893)—сестра Н. В. Гоголя. 454, 473
- Гоголь* (в замуж. Быкова) Елизавета Васильевна (1823—1864)—сестра Н. В. Гоголя. 454, 473
- Гоголь* Иван Васильевич (1810—1820)—брат Н. В. Гоголя. 454
- Гоголь* (урожд. Косяровская) Мария Ивановна (1791—1868)—мать Н. В. Гоголя. 454, 456
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852)—писатель. 33, 132—133, 147, 320, 326, 381—382, 387, 396, 403, 407—409, 411, 415—417, 419, 430—445, 449, 453—456, 461, 463—464, 466—467, 469—492, 495—502, 504—505, 508, 513, 515—516
- Годой* Мануэль, князь делла Паче (1767—1851)—глава испанского правительства в 1792—1798 и 1801—1808 гг., владелец римской виллы Челимонтана. 435
- Голенищев-Кутузов* Павел Васильевич (1773—1843)—граф (с 1832); петербургский военный генерал-губернатор. 125, 203, 389, 391, 403, 422

Голицын Александр Николаевич (1773—1844)— князь; министр просвещения и духовных дел иностранных исповеданий (1816—1824). 30, 219, 455

Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844)— светлейший князь (с 1841); московский военный генерал-губернатор (1820—1844). 245, 474

Голицын Сергей Михайлович (1774—1859)— князь; попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета в 1830—1835 гг. 206

Голланд Константин (1804—1868)— певец (тенор), впоследствии режиссер Немецкой оперы в Петербурге. 250—251

Гольц Николай Осипович (1800—1880)— танцовщик Большого театра в Петербурге, педагог, балетмейстер. 224—225

Гольц— владелец нотного магазина в Петербурге. 257

Гончаровы 134

Городецкий Борис Павлович (1896—1974)— историк литературы. 455—456

Гортензия де Богарнэ (1783—1837)— жена Людовика Бонапарта, королева Нидерландов. 18

Гофман Иоганн (1802—1856)— певец (тенор). 250—251

Гофман (урожд. Крайнци) Катарина (ум. 1857)— певица (меццо-сопрано). 250—251

Гоч (урожд. Шредер, в первом браке Сулакадзева) С.— вдова коллекционера А. И. Сулакадзева, владелица книжного собрания. 176, 203, 207, 389, 400—402

Граббе Карл Христофорович (1789—1875)— генерал-губернатор Эстляндии; генерал-адъютант (с 1839). 274, 281

Граммон— французские аристократы. 13

Греч Николай Иванович (1787—1867)— журналист, прозаик. 209, 314

Григорий XVI (Мауро Капеллари, 1765—1846)— папа римский с 1831 по 1846 г. 412

Григорьевский 286

Гризи Джудитта (1805—1840)— итальянская оперная певица (меццо-сопрано). 382

Гризи (в замуж. Перро) Карлотта (1821—1899)— балерина, двоюродная сестра предыдущей. 225

Гросс Антон (Иоганн Вениамин; 1809—1848)— виолончелист, композитор. 219

Гугерт (Гогерт; ум. 1863)— лейб-медик при баденском дворе. 54, 350, 366, 388

Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859)— немецкий естествоиспытатель и путешественник, в 1829 г. посетил Россию 159

Гуммель Иоганн Непомук (1778—1837)— австрийский композитор и пианист. 420

Гус (Гусс) Ян (1371—1415)— ректор Пражского университета (1402—1403, 1409—1410), идеолог реформации в Чехии. 117

Гуссе Арсен (1815—1896)— французский писатель, историк. 317

Гюм— см. Юм.

Давыдов (с 1856 г. граф Орлов-Давыдов) Владимир Петрович (1809—1882)— муж О. И. Барятинской. 60—61

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839)— поэт. 172

Давыдова Елизавета Евгеньевна— историк литературы. 218

- Дадриан* (Дадьян, Дадрианов) Александр Леванович (1800—1865)— князь; полковник и флигель-адъютант (1829), командир Эриванского карабинерного полка (1829—1837). 245—246
- Дантес-Геккерн* Жорж (1812—1895)— поручик Кавалергардского полка (с 1836). 146
- Данзас* Борис Карлович (1799—1868)— в 1821—1822 и в 1829—1835 гг. чиновник особых поручений при московском военном генерал-губернаторе Д. В. Голицыне. 245
- Данилевский* А. И.— см. Михайловский-Данилевский.
- Данилевский* Александр Семенович (1809—1889)— соученик и близкий друг Н. В. Гоголя. 408, 411, 416—417, 431, 454, 479—481, 483—484, 488—489
- Данте* Алигьери (1265—1321)— итальянский поэт. 157
- Дарий I*— царь государства Ахеменидов в 522—486 до н.э. 117
- Дато*— кредитор И. М. Виельгорского. 204
- Дашков* Дмитрий Васильевич (1788—1839)— литератор, министр юстиции (1832—1839). 475
- Дегай* Павел Иванович (1792—1849)— правовед, с 1831 г. директор департамента Министерства юстиции. 265
- Демар* Эжен (ум. 1839)— французский литератор. 178, 209, 226, 233, 242, 314
- Де Маттеис*— римский врач. 382, 384
- Демидова* (урожд. баронесса Шернваль, во втором браке Карамзина) Аврора Карловна (1808—1902)— сестра Э. К. Шернваля. 450
- Демьянов* (Демиянов) Николай Иванович (Ионович?)— действительный статский советник, собиратель редкостей. 227
- Депредадович* Николай Иванович (1767—1843)— генерал-адъютант, командир Кавалергардского полка. 256
- Дивов* Павел Гаврилович (1763—1841)— сенатор с 1819 г. 222
- Дидло* Шарль Луи (1767—1837)— балетмейстер. 224
- Диксон* Лука— книгопродавец. 228, 230
- Диоло* 403, 424
- Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837)— поэт. 47, 117, 174, 197, 240
- Долгорукий* 266, 279
- Долгоруков* Александр Сергеевич (1809—1873)— князь, камер-юнкер. 422, 428
- Долгоруков* Василий Васильевич (1787—1858)— князь; обер-шталмейстер (с 1832). 209, 278
- Долгоруков* Григорий Алексеевич (1814—1855)— князь; член Гос. совета. 215, 228, 230, 243
- Долгоруков* Николай Васильевич (1789—1872)— князь; гофмаршал (1826), с 1832 г. вице-президент, с 1833— президент Придворной конторы. 209
- Долгоруков* Петр Владимирович (1816—1868)— князь; генеалог, публицист, политический эмигрант; выпускник Пажеского корпуса (1834), во второй половине 1830-х гг. числился по ведомству Министерства народного просвещения. 13—14, 27, 61, 217—218, 309, 508—509
- Долгорукова* (урожд. графиня Апраксина) Мария Александровна (1816—1892)— с 1833 г. жена С. А. Долгорукова. 255

- Долгорукова* (урожд. графиня Чернышева) Надежда Григорьевна (1813—1853)—сестра Е. Г. Чертковой, жена Г. А. Долгорукова. 41, 215, 228, 230
- Долгорукова* (урожд. Булгакова) Ольга Александровна (1814—1865)—жена А. С. Долгорукова. 260, 404, 422, 428, 430
- Доливо-Добровольский* Флор Иосифович (1776—1852)—владелец дачи на Каменном острове. 134
- Доницетти* Гаэтано (1797—1848)—итальянский композитор. 280
- Дубельт* Леонтий Васильевич (1792—1862)—генерал-майор и начальник корпуса жандармов (с 1835), управляющий III Отделением (с 1839). 428
- Дубельт* (Дупельт) Николай Леонтьевич (1819—1874)—сын предыдущего; в 1837 г. окончил Пажеский корпус и был определен корнетом в Кавалергардский полк; флигель-адъютант (с 1844). 233
- Дургам* (Durghum) Джон Джордж Ламотон (1792—1840)—лорд, граф; посол Великобритании в Петербурге в 1836—1838 гг. 142
- Дурново* (урожд. княжна Волконская) Александра Петровна (1804—1859). 137, 467
- Дурново* Павел Дмитриевич (1804—1864)—муж А. П. Дурново. 137, 467
- Дурново* (урожд. княжна Кочубей) Мария Васильевна. 394
- Дурова* Надежда Андреевна (1783—1866)—«кавалерист-девица»; писательница. 482
- Дюваль* 465
- Дюмануар* (наст. имя—Филипп Франсуа Пинель; 1806—1865)—французский драматург. 226
- Дюшекк* (Душек) Франц Ксавер (1731—1799)—австрийский пианист и композитор. 16
- Екатерина I* (1684—1727)—российская императрица с 1725 г. 216
- Екатерина II* (1729—1796)—российская императрица с 1762 г. 13—14, 38, 57, 71, 216, 218, 353—354, 400, 406
- Елагина* (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) Авдотья Петровна (1789—1877)—переводчица, хозяйка литературного салона. 133
- Елена* (сер. III в.—ок. 335)—мать римского императора Константина Великого. 414—415
- Елена Павловна* (Фредерика Шарлотта Мария; 1807—1873)—принцесса Вюртембергская, с 1824 г. супруга великого князя Михаила Павловича. 236, 260, 278, 306
- Елизавета Алексеевна* (Луиза Мария Августа; 1779—1826)—принцесса Баден-Дурлахская, супруга императора Александра I. 416
- Елизавета I* Тюдор (1533—1603)—английская королева с 1558 г. 214, 218, 393
- Елизавета Петровна* (1709—1761)—российская императрица с 1741 г. 216, 261
- Енохин* Иван Васильевич (1791—1863)—лейб-хирург, впоследствии лейб-медик Александра II. 149—151, 156, 205, 238, 294, 332, 335, 348—349, 355, 372, 451
- Ермилов*—в 1828 г. фельдфебель Павловского полка. 84
- Железнов* Иван Григорьевич—генерал-провиантмейстер, директор Провиантского департамента Военного министерства, в 1834—санктпетербургский вице-губернатор. 216

Железнова (урожд. Ланге) Екатерина Ивановна (1800—1853)—жена И. Г. Железнова. 216

Жемчужниковы 491

Жербе Филипп Олимп (1798—1864)—католический теолог, публицист; епископ Перпиньянский (с 1854). 434, 440—444

Жерве Карл Андреевич—дипломат, младший секретарь русского посольства в Вене. 427

Жиль (Жилль) Флориан Антонович (1801—1865)—губернер наследника, преподавал ему и его товарищам французский язык и географию; впоследствии директор Эрмитажной библиотеки. 82, 93, 103, 117—118, 120, 126, 128, 272, 275, 277, 288, 299—300, 209

Жировец—см. Гировец.

Жомини Анри (Генрих Вениаминович; 1779—1869)—барон; военный историк и писатель, начальник штаба маршала М. Нея. В русской службе с 1813 г. (принят в чине генерал-лейтенанта); преподавал наследнику и его товарищам стратегию. 216, 267

Жуковская (в замуж. Вёрман) Александра Васильевна (1842—1899)—дочь В. А. Жуковского 462

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852)—поэт; с 1825 по 1840 г. наставник наследника. 43, 75—81, 87, 91—96, 101, 103—108, 114—125, 146, 148—159, 162, 166, 172—174, 184, 189, 196, 199—200, 206—207, 218, 237, 239, 243, 253, 257, 259, 272, 283—284, 286, 288, 295, 303, 307, 319, 328—335, 339—341, 347—349, 351—352, 356—361, 364—367, 371—373, 375—379, 382—383, 385—387, 390, 395—396, 398—399, 403—404, 406—408, 410—411, 416—417, 427—430, 435—437, 449—452, 457, 459—465, 468, 475, 479, 487—488, 491, 504, 506, 513

Жуковский Павел Васильевич (1845—1912)—сын В. А. Жуковского. 462

Загряжская Екатерина Ивановна (1779—1842)—фрейлина. 134

Загряжская (урожд. графиня Разумовская) Наталья Кирилловна (1747—1837)—кавалерственная дама. 134, 136—137.

Зауервейд Александр Иванович (1783—1844)—профессор Академии художеств («живопись животных для батальи и других родов»), преподавал рисование наследнику и его соученикам. 86, 284

Захаржевский Григорий Андреевич (1792—1845)—генерал-лейтенант, комендант Зимнего дворца. 312

Зеленков—кредитор И. М. Виельгорского. 204, 207

Зеньковский Василий Васильевич (1881—1962)—философ, литературовед. 516

Зиссерман Арнольд Львович (1824—1897)—историк. 352

Золотусский Игорь Петрович—литературовед. 478

Зонтаг (урожд. Юшкова) Анна Петровна (1786—1864)—переводчица, детская писательница; племянница В. А. Жуковского. 119

Зубова (урожд. Эйлер) Александра Андреевна (1808—1870)—известная красавица, с 1830 г. жена отставного штаб-ротмистра А. Н. Зубова. 364

Иван Иванович—см. Рейнгардт.

Иванов Александр Андреевич (1806—1858)—живописец. 396, 467, 490—497, 505

- Иероним Пражский* (Прагский; ок. 1380—1416)—чешский ученый, сподвижник Я. Гуса. 117
- Изабелла* (1451—1504)—с 1469 г. супруга Фердинанда Арагонского, королева Кастилии с 1474 г. 120
- Илинский* Август Иванович (1761—1844)—сенатор. 354
- Илиогавал*—см. Гелиогабал.
- Ильин* Николай Иванович (1777 или 1779—1823)—драматург, переводчик. 47
- Илья*—см. Яковлев И.
- Иннокентий III* (Джованни Лотарио; 1160—1216)—папа римский с 1198 г. 359
- Иноземцев* Федор Иванович (1802—1869)—врач, знакомый Н. В. Гоголя. 455
- Инсарский* Василий Антонович (1814—1882)—управляющий курскими имениями А. И. Барятинского (с 1843), вице-директор его канцелярии (1857—1862); мемуарист. 144—145, 148, 184, 373—374, 400
- Иоанн III* (1440—1505)—великий князь московский (с 1462). 117—118, 120—121
- Иоанн IV Грозный* (1530—1584)—великий князь московский (с 1533), царь с 1547 г. 109, 121, 127, 196, 380, 393—394
- Иосиф II* (1741—1790)—австрийский император с 1780 г. 13
- Истомина* Авдотья Ильинична (1799—1848)—балерина. 225
- Кавалетти*—племянница М. Риччи. 434, 443
- Кавалетти* Гаэтано—в 1804—1842 гг. редактор и издатель газеты «Diario di Roma». 464
- Кавелин* Александр Александрович (1793—1850)—генерал-адъютант, в 1834—1841 гг. воспитатель наследника; впоследствии петербургский генерал-губернатор. 128, 130, 149—150, 152—153, 205, 212, 221, 238, 279, 285, 310, 331—332, 340—341, 349, 355—356, 358, 372, 427, 451
- Кавелина* (урожд. Чихачева) Мария Павловна (1808—1891)—с 1828 г. жена А. А. Кавелина. 385
- Кавос* Катерино Альбертович (1775—1840)—композитор и дирижер; в России с 1799 г., с 1832—«директор музыки» императорских театров. 307
- Кайсевич* Иероним (1812—1873)—польский эмигрант, поэт. 445
- Калиновская* (в замуж. графиня Огиньская) Ольга Осиповна (1816—1899)—графиня, фрейлина великой княжны Марии Николаевны. 198, 283, 305
- Камерон* Чарлз (1730-е—1812)—архитектор. 239
- Кампе* Иоахим Генрих (1746—1818)—немецкий писатель и педагог. 73
- Камознс* Луиш ди (1524 или 1525—1580)—португальский поэт. 120
- Канкрин* Егор (Георг) Францевич (1774—1845)—граф (1829); член Государственного совета (1822), министр финансов (1823—1844). 267, 271, 273, 279, 405, 437
- Капцевич* Петр Михайлович (1772—1840)—генерал-лейтенант (1812), генерал от инфантерии (1823). 256
- Карамзин* Александр Николаевич (1815—1888)—сын Н. М. Карамзина. 192, 279, 377
- Карамзин* Андрей Николаевич (1814—1854)—сын Н. М. Карамзина. 192, 279, 377
- Карамзин* Николай Михайлович (1866—1826)—писатель, историограф. 77, 197, 257, 377, 416, 513

- Карамзина* (урожд. Колыванова) Екатерина Андреевна (1780—1851)—вторая жена Н. М. Карамзина. 93, 377
- Карамзина* Софья Николаевна (1802—1856)—старшая дочь Н. М. Карамзина, фрейлина. 77, 377
- Карамзины* 76, 153, 373
- Карл I* (1600—1649)—английский король с 1625 г. 262, 272
- Карл V* (1500—1558)—германский император (1519—1556), король Испании в 1516—1556 гг. (под именем Карла I). 56
- Карл VIII* (1470—1498)—король Франции с 1483 г. 120
- Карлинский* Саймон (р. 1924)—американский славист, профессор университета в Беркли. 492, 497—500
- Картов* Петр Александрович—отставной полковник гвардии. 154, 156, 158
- Катенин* Александр Андреевич (1803—1860)—полковник Преображенского полка, флигель-адъютант. 309
- Катенин* Михаил Андреевич—штабс-капитан Преображенского полка, адъютант великого князя Михаила Павловича. 309
- Катенин* Павел Александрович (1792—1853)—поэт. 309
- Кауфман* Фридрих (1785—1866)—немецкий изобретатель. 209
- Кауфман* Фридрих Теодор (1823—1872)—немецкий изобретатель. 209
- Каштру* Инеш де (ум. 1355)—возлюбленная португальского принца Педру (с 1357 г. короля Португалии). 120
- Келлер*—граф; прусский посланник при венском дворе, отец М. Ф. Барятинской. 60
- Кеммерер*—владелец ювелирного магазина в Петербурге. 204
- Кеммерер* Александр Богданович (1789—1858)—член-корреспондент Академии Наук и Петербургской Медико-хирургической академии. 204
- Кениг* Генрих (1790—1869)—немецкий писатель, автор книги «Literarische Bilder aus Russland» (Stuttgart, 1837). 362—363
- Керубини* Лунджи (1760—1842)—французский композитор. 18
- Киль* Лев (Людвиг) Иванович (1795—1851)—генерал-майор императорской свиты, художник-любитель, почетный вольный общник Академии Художеств. 246—247, 265
- Кир II Великий* (ум. 530 до н.э.)—первый царь (с 558 до н.э.) государства Ахеменидов. 117
- Киреевские* 133
- Киселев* 360
- Киселев* Павел Дмитриевич (1788—1872)—граф (с 1839); министр государственных имуществ (1837—1855). 427
- Кларк* Джеймс (1788—1870)—английский врач (специалист по легочным заболеваниям), с 1835 г. лейб-медик. 366
- Клебек* Елена Викторовна (ум. 1901)—баронесса; певица-любительница. 271
- Клейнмихель* Петр Андреевич (1793—1869)—граф (с 1839); с 1832 г. дежурный генерал Главного штаба, с 1835—управляющий департаментом военных поселений. 312, 427
- Клейст* Адольф фон (1793—1866)—вице-президент судебной палаты в Берлине. 338—340

- Клементи Муцио* (1752—1832)—английский пианист, композитор. 16
Клот 232
- Козлов Иван Иванович* (1779—1840)—поэт. 130
- Козловский Петр Борисович* (1783—1840)—князь; дипломат, литератор. 450
- Козловский Федор* (ум. 1848)—придворный певчий. 261—262, 264—265, 277, 327
- Кокошкин Сергей Александрович* (1785—1861)—генерал-майор свиты, петербургский обер-полицеймейстер. 312
- Коллинс Эдуард Альберт Христофор Людвиг* (Эдуард Давыдович; 1791—1840)—академик, математик; преподавал математику и физику наследнику и его товарищам. 117, 121, 127, 151
- Колосова Евгения Ивановна* (1780—1869)—балерина. 225
- Кольрауш Фридрих* (1780—1856)—дерптский доктор, историк, преподаватель наследника. 117
- Комарович Василий Леонидович* (1894—1942)—литературовед. 470, 473, 487, 498
- Комаровский Николай Егорович*—мемуарист, племянник А. В. Веневитинова. 20, 27, 155
- Коменский Ян Амос* (1592—1670)—чешский мыслитель, педагог. 366
- Комовский Александр Дмитриевич* (1815—1863)—библиотекарь М. Ю. Виельгорского; впоследствии сенатор, статс-секретарь. 58
- Константин Великий* (между 270 и 288—337)—римский император с 306 г. 414
- Константин Николаевич* (1827—1892)—великий князь, второй сын Николая I. 275
- Копп Иоганн Генрих* (1777—1858)—известный врач (практиковал преимущественно в Ганау), доктор медицины, член-корреспондент петербургской Медико-хирургической академии. 359—360
- Копьева* (в замуж. баронесса Шафирова) Анна Степановна (ок. 1670—1739). 494
- Корнеев* 125
- Корреджо Антонио* (ок. 1489—1534)—итальянский живописец. 338, 396
- Корсакова* 112
- Корф Модест Андреевич* (1800—1876)—барон; государственный секретарь (с 1834), член Гос. совета (с 1843). 27, 146, 255
- Корф* (урожд. Корф) Ольга Федоровна (ум. 1884)—с 1827 г. жена М. А. Корфа.
- Кочубей Василий Викторович* (1812—1850)—князь; дипломат, археолог, нумизмат, известный коллекционер. 394
- Кочубей Виктор Павлович* (1768—1834)—князь (с 1831); председатель Гос. совета и Комитета министров (1827—1834). 126, 229
- Кочубей* (урожд. Васильчикова) Мария Васильевна (1779—1844)—статс-дама. 229, 249, 302
- Кочубей Михаил Викторович* (1816—1874)—паж (1834); служил в Кавалергардском полку (в 1834 г. корнет; в 1836—поручик), адъютант А. Х. Бенкендорфа (1839), камергер (1851). 61, 387, 396, 405
- Кошелев Родион Александрович* (1749—1827)—член Государственного совета, обергофмейстер; видный масон. 30
- Кривцов Павел Иванович* (1806—1844)—первый секретарь русского посольства в Риме. 396, 416, 421, 449—450, 457
- Кристи Евгения Ивановна*—нянька И. Виельгорского, впоследствии воспитательница детей Николая I. 53

- Кромер* Мартин (1512—1589)—епископ варминский, польский историк и публицист. 406
- Крузет* Луиза—французская балерина, в 1830-х—1840-х гг. выступала в России. 178, 254, 264
- Крупеников* Александр Леонтьевич (1788—1855)—сын Л. Ф. Крупеникова, казанский купец 1-ой гильдии, почетный гражданин. 161, 165, 167
- Крупеников* Алексей Леонтьевич (1776—между 1827 и 1839)—сын Л. Ф. Крупеникова, казанский купец 1-ой гильдии, почетный гражданин. 161, 165, 167
- Крупеников* Иван Леонтьевич (1789—1850)—сын Л. Ф. Крупеникова, казанский купец 1-ой гильдии, почетный гражданин. 161, 165, 167
- Крупеников* Константин Леонтьевич (1801—1885)—сын Л. Ф. Крупеникова, казанский купец 1-ой гильдии, почетный гражданин. 161, 165, 167
- Крупеников* Леонтий Филиппович (1754—1839)—казанский купец 1-ой гильдии, почетный гражданин, член мануфактурного комитета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли министерства финансов, казанский городской голова (1809—1811). 160—161, 165, 167, 244
- Крупеников* Петр Леонтьевич (1785—1856)—сын Л. Ф. Крупеникова, казанский купец 1-ой гильдии, почетный гражданин. 161, 165, 167
- Крылов* Иван Андреевич (1769—1844)—поэт. 242—243
- Крюднер* Александр Сергеевич (1796—1852)—барон, первый секретарь русского посольства в Мюнхене, чиновник особых поручений при министре иностранных дел. 279, 311
- Крюднер* (урожд. графиня фон Лерхенфельд-Кеферинг, во втором браке Адлерберг) Амалия Максимилиановна (1810—1887)—побочная сестра императрицы Александры Федоровны, известная красавица. 256, 311
- Кузмин* Илья, гренадер. 226
- Кукольник* Нестор Васильевич (1809—1868)—драматург, поэт. 76
- Кулиш* Пантелеймон Александрович (1819—1897)—литературный критик, этнограф. 472, 504
- Кунин* Виктор Владимирович—историк. 406
- Куракин* Александр Борисович (1752—1818)—князь; личный друг Павла I, вице-канцлер (1796). 218
- Куракин* Алексей Борисович (1759—1829)—князь; генерал-прокурор (1797). 42—43
- Кутузов*—см. Голенищев-Кутузов.
- Кюстин* Астольф, маркиз де (1790—1857)—литератор, путешественник. 205—206
- Лабар* Теодор (1805—1870)—французский композитор. 178
- Лабзин* Александр Федорович (1766—1825)—переводчик, религиозный просветитель; видный масон. 133
- Лагарп* Фредерик Сезар де (1754—1838)—швейцарский политический; воспитатель императора Александра I и его брата Константина. 300
- Лагода* Антон Иванович—воспитанник Пажеского корпуса, с 1833 г. камерпаж, в 1834 г. выпущен в статскую службу в чине 10 класса. 266
- Ладюрнер* Адольф Игнатъевич (ум. 1856)—французский художник-баталист, академик; работал в России с начала 1830-х гг. 251—252

- Лазарев* Михаил Петрович (1787—1851)—мореплаватель. 164
- Лакретель* Жан Шарль Доминик (1766—1855)—французский историк. 263
- Ламарк* Жан Максимилиан (1770—1832)—французский генерал и политический деятель. 114
- Ламберт* Карл Осипович (1772—1843)—граф; генерал от кавалерии. 362
- Ламберт* Карл Карлович (1815—1865)—корнет лейб-кирасирского полка (с октября 1833); впоследствии наместник Царства Польского. 362
- Ламберт* Петр (род. 1814) 362
- Ламберт* Иосиф (1809—1879)—штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка (1839), впоследствии состоял в свите наследника. 362
- Ламбускини* Луиджи (1776—1854)—кардинал, папский статс-секретарь по иностранным делам, ультрамонтан. 412
- Лангенгаун* Леопольд (ум. 1874)—певец (бас). 251
- Ланская* Варвара Васильевна (1800—1881)—фрейлина. 253, 308
- Ланская* (урожд. княжна Одоевская) Варвара Ивановна (1794—1845)—жена С. С. Ланского, корреспондентка М. А. Волковой. 20, 22, 186
- Ланская* Варвара Сергеевна (1816—1878)—дочь В. И. и С. С. Ланских, фрейлина. 253, 308
- Ланская* (в замуж. Вревская) Мария Сергеевна (1819—1843)—дочь В. И. и С. С. Ланских, фрейлина. 231, 253, 308
- Ланская* Софья Васильевна (1796—1877)—фрейлина. 253, 308
- Ланской* Александр Сергеевич (1822—1866)—сын В. И. и С. С. Ланских. 251
- Ланской* Сергей Степанович (1787—1862)—камер-юнкер (1806), действительный статский советник (1819), сенатор (с 1834); видный масон. 25, 27, 60, 134
- Ланской* Степан Сергеевич (род. 1814)—сын В. И. и С. С. Ланских. 251
- Ларошфуко* Франсуа де (1613—1680)—французский политический деятель, писатель. 199, 213, 215, 220
- Лашук* Шарль (1801—1841)—французский танцовщик, один из ведущих исполнителей петербургского Большого театра, в котором служил с 1832 г. 225
- Левашев* Василий Васильевич (1783—1848)—граф (с 1833); генерал-адъютант. 235
- Ледло* Робина Анна—английская пианистка-виртуозка, придворная пианистка королевы Ганноверской. 268, 314
- Лейхтенбергский Максимилиан* (1817—1852)—герцог, сын Евгения Богарнэ, герцога Лейхтенбергского; первый муж великой княгини Марии Николаевны (с 1839). 388
- Лейцман* 157
- Ленц* Вильгельм (Василий) Федорович (1808—1883)—пианист, музыкальный критик, исследователь творчества Бетховена. 164, 204, 221, 234, 242—243, 309, 389, 400—402, 405, 413, 421, 423—424
- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814—1841)—поэт. 192, 465, 513
- Ливен* (урожд. Бенкендорф) Дарья (Доротей) Христофоровна (1786—1857)—жена Х. А. Ливена. 223—224
- Ливен* Христофор Андреевич (1774—1838)—светлейший князь, попечитель великого князя Александра Николаевича. 131, 149—150, 156, 167, 173, 205, 278, 372, 399, 412, 449, 451

- Ливен* Карл Андреевич (1767—1844)— князь; генерал от инфантерии, министр народного просвещения (1828—1833). 451
- Линниченко* Иван Андреевич (1857—1926)— историк. 442—443, 504
- Липиньский* Кароль Юзеф (1790—1861)— польский скрипач-виртуоз и композитор. 268—269, 277—278, 306
- Липман* Федор Иванович (Фридрих Леберехт; 1784—1854)— историк, статистик, доктор Берлинского университета. 76, 94, 101, 108, 117, 120, 126—127, 174, 215, 227, 234, 242, 253, 255, 262, 278, 283, 295, 303, 305, 307, 311, 338, 340, 346, 418
- Лист* Ференц (1811—1886)— венгерский композитор и пианист-виртуоз. 404—405, 409—410, 412—413, 420, 423, 434
- Лисянская* Елена Юрьевна— певица-любительница. 271, 280, 302
- Лихтенштейн* Франц Пауль Иохим (род.1802)— младший брат владетельного герцога Лихтенштейнского, полковник, командир гусарского его величества императора Николая I полка австрийской службы. 207, 227, 315—316
- Лобанов* 358
- Лобанов-Ростовский* Александр Яковлевич (1788—1866)— князь; генерал-майор; библиофил, библиограф и издатель. 401, 421
- Лобачевский* Николай Иванович (1792—1856)— математик, ректор Казанского университета. 165
- Лотман* Юрий Михайлович (1922—1993)— историк и теоретик литературы. 194
- Лубяновский* Федор Петрович (1777—1869)— пензенский (1821—1830) и подольский (1831—1833) губернатор; с 1833 г.— сенатор. 242
- Лукашов* Евгений Николаевич— в 1875 г. генерал-майор в отставке. 84
- Луи* Пьер Шарль Александр (1787—1872)— французский врач. 421
- Луи Филипп* Орлеанский (1773—1850)— французский король в 1830—1848 гг. 439
- Луини* Бернардино (1480-е—1532)— итальянский художник. 374
- Луиза Шарлотта* (1789—1864)— маркграфиня Гессен-Кассельская, принцесса Датская. 436
- Львов* Алексей Федорович (1799—1870)— директор придворной певческой капеллы (1837—1861); композитор. 280, 282, 301
- Лэм Уильям*, виконт Мельбурн (1779—1848)— премьер-министр Великобритании в 1834—1841 гг. 439
- Людвиг II* (1777—1848)— с 1830 г. великий герцог Гессен-Дармштадтский, отец великой княгини Марии Александровны. 429
- Людвиг IX* (Святой; 1214 или 1215—1270)— король Франции с 1226 г. 69
- Людвиг XI* (1423—1483)— король Франции с 1461 г. 120
- Люцов* Рудольф (1780—1858)— граф, австрийский посланник при папском дворе с 1825 по 1848 г. 399, 412
- Лясковский* Валерий Николаевич— историк. 218
- Мавра*— горничная Л. К. Виельгорской. 71, 92
- Майер*— венский оружейник. 427
- Макар*— слуга Виельгорских. 247
- Макеровский* Фавст Петрович (1780—1847)— знакомый А. Я. Булгакова. 238
- Мак-Каллок* Джон Рамзей (1789—1864)— английский экономист. 228
- Мальцов* 89—90

Маренике Филипп Конрад (1780—1846)—профессор теологии Берлинского университета. 338

Марио (Джузеппе Марио ди Кандиа; 1810—1883)—граф; певец (тенор). 398

Мария Александровна (Максимилиана Вильгельмина Августа Мария; 1824—1880)—принцесса Гессен-Дармштадтская; с 1841 г. супруга великого князя Александра Николаевича, с 1855—российская императрица. 429, 458, 468

Мария Николаевна (1819—1876)—старшая дочь Николая I; с 1839 г. замужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, во втором браке за Г. А. Строгановым. 27, 53, 56, 69, 170, 206, 216, 223—224, 237, 240, 248, 267—268, 270, 273, 276, 279, 281, 284, 288, 293—294, 299—300, 302, 305—306, 309, 320, 323, 349, 353, 365, 388, 402, 457

Мария Павловна (1786—1859)—великая княжна, дочь Павла I; с 1804 г. замужем за великим герцогом Карлом Фридрихом Саксен-Веймарским 103—104

Мария Стюарт (1542—1587)—королева Шотландии в 1560—1567 гг.; супруга короля Франции Франциска II (1558—1561); была обвинена в заговоре против английской королевы Елизаветы I и казнена. 218

Мария Федоровна (София Доротея Августа Луиза; 1759—1828)—принцесса Вюртембергская; с 1776 г. жена великого князя Павла Петровича, с 1796—российская императрица. 14, 19—20, 28, 36—37, 45—46, 55, 58—59, 64, 67—68, 75, 78, 80, 93, 107, 416, 510

Мария Христина Амалия Терезия де Бурбон (1779—1831)—дочь короля Сицилии, вдова короля Сардинии Карла Феликса (1765—1831). 440

Марк Аврелий (121—180)—римский император с 161 г. 127

Маркус Михаил Антонович (1790—1865)—доктор медицины, лейб-медик, состоявший при императрице Александре Федоровне. 357—358, 421

Мармон (Мармонт) Огюст Фредерик Луи (1774—1852)—герцог Рагузский, французский маршал (1809). 93

Мартин-и-Солер Висенте (1754—1806)—испанский композитор, с 1788 г. жил и работал в Петербурге. 15

Мартынов Павел Петрович (1782—1838)—генерал-адъютант, военный комендант Петербурга, член следственной комиссии о пожаре Зимнего дворца. 208, 261, 263—264

Марфа (в миру Ксения Ивановна Романова)—жена боярина Ф. Н. Романова, мать царя Михаила Федоровича 163

Марья Петровна—ключница и экономка в доме Виельгорских. 69

Массимо Франческо Ксаверию—князь, папский церемониймейстер (maestro di camera). 442

Матюшкин Иван Павлович—думный дворянин, окольныйчий (1676) 13

Матюшкина (урожд. княжна Гагарина) Анна Алексеевна (1722—1804) 14—15, 31, 36, 57,

Матюшкины 13, 76

Маурер Людвиг Вильгельм (1789—1878)—скрипач-виртуоз, композитор, дирижер; с 1837 г. инспектор музыки при Императорских театрах. 226, 277

Махмуд II (1785—1839)—турецкий султан с 1808 г. 463

Машковцев Николай Георгиевич—искусствовед. 490—493, 496, 499—500

- Мегмет-Али* (Мухаммед-Али; 1769—1849)—египетский паша (1805—1848). 463
- Мегюль Этьен* (1763—1817)—французский композитор. 39—40
- Межевич* Василий Степанович (1814—1849)—литературный и театральный критик, переводчик. 316—317
- Мейер* Леопольд—пианист. 162, 282
- Мейербер* Джакомо (1791—1864)—немецкий композитор. 253, 267, 302, 398
- Мейнгард* Адольф—первый виолончелист императорских театров. 277
- Мелер*, музыкант 420
- Мендельсон-Бартольди* Якоб Людвиг Феликс (1809—1847)—немецкий композитор. 209—210, 215, 219, 225, 245, 264, 306, 452
- Менелас* Адам Адамович (1753—1831)—архитектор 305
- Менцель* Вольфганг (1798—1873)—немецкий писатель, историк. 295, 299, 301, 306—308, 310
- Меншиков* Александр Сергеевич (1787—1869)—светлейший князь; адмирал (1833). 427
- Мердер* (Мёрдер) Карл Карлович (1788—1834)—ротный командир Школы гвардейских подпрапорщиков (1823—1824; здесь состоялось его знакомство с великим князем Николаем Павловичем); с 1824 г. воспитатель наследника. 68—70, 75—77, 80—82, 84—86, 88—91, 100—104, 107—108, 110, 121—123, 128—130, 288, 341, 449, 451, 509, 514
- Мердер* (в замуж. Корвин-Гонцевская) Мария Карловна (1815—1870)—старшая дочь К. К. Мердера, фрейлина. 128, 306
- Мердер* Петр Карлович (1819—1894)—сын К. К. Мердера, впоследствии генерал-адъютант, генерал от кавалерии. 76, 82, 373
- Мердер* (урожд. Гоксфорд) Сара Николаевна (1791—1872)—с 1814 г. жена К. К. Мердера. 103, 128
- Меркаданте* Саверио (1795—1870)—итальянский композитор. 140
- Меровей* (V в. н.э.)—полулегендарный вождь франков. 120
- Меровинги*—династия франкских королей. 120
- Меттерних-Виннебург* Клеменс фон (1773—1859)—австрийский государственный деятель, канцлер (1821—1848). 279
- Мещерская* 254
- Мещерская* (урожд. Карамзина) Екатерина Николаевна (1805—1867). 377
- Микулин* Григорий Иванович—думный дяк, глава русского посольства в Англии и Дании в 1600—1601 гг. 393—394
- Миллер* Иоганн Генрих (род. 1780)—композитор, педагог. 15
- Милорадович* Михаил Андреевич (1771—1825)—граф (1813); генерал-майор (1798), с 1818 г. петербургский генерал-губернатор. 28, 67
- Мильчина* Вера Аркадьевна—историк, переводчик. 219, 359
- Мине* Поль—ведущий комик Петербургского французского театра. 248
- Михаил Павлович* (1798—1849)—великий князь, брат Николая I. 46, 59, 178, 234, 236—237, 252, 298, 323
- Михаил Николаевич* (1832—1909)—великий князь, младший сын Николая I. 119, 125, 274, 281, 311
- Михаил Федорович* (1596—1645)—русский царь с 1613 г. 13, 162—163, 393, 406

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848)—генерал-лейтенант; автор трудов по истории Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. 247, 262

Мицкевич Адам (1798—1855)—польский поэт. 186, 434

Моден (в замуж. княгиня Шаховская) София Гавриловна (1804—1884)—графиня, фрейлина. 143

Монтескье Шарль Луи (1689—1755)—французский правовед, философ. 174

Монферран Огюст Рикар де (1786—1858)—архитектор. 212

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791)—австрийский композитор. 16, 139, 141, 162, 168, 207, 264, 271, 274, 300, 324, 452

Мочульский Константин Васильевич (1892—1948)—писатель, литературовед. 478, 516

Мошелес Игнац (1794—1870)—немецкий композитор, пианист и дирижер. 263

Мундт Николай Петрович (1804—1872)—секретарь при директоре императорских театров (с 1829); музыкант-любитель, театральный критик. 241

Мундт Павел Петрович—театральный критик. 232

Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874)—духовный писатель. 117, 132, 401, 415—416

Мусина-Пушкина Екатерина Петровна (род. 1816)—фрейлина, с 1838 г. жена С. В. Трубецкого. 238—239

Мусина-Пушкина (урожд. баронесса Шернваль) Эмилия Карловна (1810—1846)—сестра Э. К. Шернваля. 450

Мухин Ефрем Осипович (1766—1850)—физиолог, гигиенист, профессор медицинского факультета Московского университета (1813—1835). 327

Мэри—англичанка, бонна в семействе Барятинских. 62

Мятлев Иван Петрович (1796—1844)—камергер, чиновник министерства финансов, поэт-любитель. 465

Мятлева (урожд. Салтыкова) Прасковья Ивановна (1772—1859)—мать И. П. Мятлева. 465

Назимов Владимир Иванович (1802—1874)—полковник Преображенского полка (1834), флигель-адъютант (1838), генерал-адъютант (1849) 110, 149—150, 205, 234, 238, 254, 257, 266, 274, 278, 283, 285, 300, 311, 331—332, 335, 339, 356, 358

Назимов Владимир Николаевич (1806—1887)—капитан Семеновского полка (1835), флигель-адъютант (с 1838), генерал-майор (1848). 257

Наполеон I (1769—1821)—французский император (1801—1814 и 1815). 18, 20, 65, 256, 266

Нарышкин Кирилл Александрович (1786—1838)—обер-гофмаршал и действительный камергер, президент Придворной конторы. 275

Нарышкина (в замуж. Гурьева) Марина Дмитриевна (1798—1871). 65

Наталья Яковлевна—см. Плюскова.

Нащокин Павел Воинович (1801—1854). 473

Неелов Василий Иванович (1721—1782)—архитектор. 239

Нелидова Варвара Аркадьевна (1814—1897)—фрейлина, фаворитка Николая I. 304—305

Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт; 1780—1862)—граф; министр иностранных дел (1816—1856). 248, 273, 393

Нессельроде (урожд. графиня Гурьева) Мария Дмитриевна (1786—1849)—жена К. В. Нессельроде, статс-дама. 242, 248

Нессельроде (в замуж. Зеебах) Мария Карловна (1820—после 1881)—фрейлина. 251, 253—254

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877)—литератор, цензор Петербургского цензурного комитета (с 1833). 314

Николаи (Николай) Отто (1810—1849)—немецкий композитор, работал в Италии. 410, 412

Николай Николаевич (1831—1891)—великий князь, сын Николая I. 281, 311

Николай I (1796—1855)—российский император с 1825 г. 45—47, 53, 56, 59, 64, 67—68, 76—80, 83—85, 87—90, 92—96, 102—105, 109—111, 126, 128—131, 140—141, 144, 149—151, 170, 178—179, 194—196, 206, 210—211, 216, 219, 222—225, 234—235, 240, 245—246, 248—250, 254—256, 258, 260, 262, 266—267, 273, 275—280, 282—284, 286, 291, 294—296, 300, 302—305, 307—308, 328, 332—333, 337, 339—340, 346, 350, 372, 395, 407—408, 427, 429, 439, 446, 451, 455, 458, 461, 463—465, 471, 506—508

Никон (в миру Никита Минов; 1605—1681)—патриарх с 1652 по 1667 г. 406

Новелло (в замуж. графиня Джилуччи) Клара Анастаси (1818—1908)—английская певица (сопрано). 412

Новосильцева Мария Николаевна (ум. 1865)—фрейлина. 231

Нодье Шарль (1780—1844)—французский писатель. 264

Нурри Адольф (1802—1839)—французский певец (тенор), театральная деятельность. 264

Обер Даниэль Франсуа Эспри (1782—1871)—французский композитор. 178, 232, 234, 398

Овидий (43—17 или 18 до н.э.)—римский поэт. 101

Огарев Николай Александрович (1811—1867)—поручик Конной артиллерии, адъютант великого князя Михаила Павловича (1838). 305

Одоевский Владимир Федорович (1803—1869)—князь; писатель, музыкальный критик. 41, 177, 319—320, 347—348

Озеров Александр Петрович (ум. 1900)—камер-юнкер (с 1838). 229

Озеров Иван Андреевич (1811—1887)—поручик гренадерского принца Фридриха Нидерландского полка (1834); с 1843 г. в отставке с чином капитан-лейтенанта. 229

Озеров Сергей Петрович (1809—1884)—капитан-лейтенант, адъютант великого князя Михаила Павловича (1837), полковник (1847). 229

Оленин Алексей Николаевич (1764—1843)—историк, археолог, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки. 243, 248

Оленина (в замуж. Андро) Анна Алексеевна (1808—1888)—дочь предыдущего, фрейлина, певица-любительница. 278

Ольга Николаевна (1822—1892)—великая княжна, средняя дочь Николая I, в замуж. принцесса Вюртембергская (с 1846), с 1864 королева. 53, 59, 206, 216, 223, 237, 240, 248, 267—268, 270, 282, 288, 293—294, 299—302, 316, 323, 353, 365

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881)—принц, племянник Николая I; основатель и попечитель ряда благотворительных и учебных заведений, музыкант-любитель. 298—299, 310, 312

Онсло (Онсло) Жорж Андре Луи (1784—1853)—французский композитор и пианист. 210

Опочинин Федор Петрович (1779—1852)—действительный тайный советник, обер-гофмейстер (с 1838). 267

Опочинина (в замуж. Туманская) Александра Федоровна (1814—1868)—фрейлина. 231, 308

Орлов Алексей Федорович (1786—1861)—граф (с 1839); генерал-майор (1817), с 1839 г. попечитель наследника, с 1844—генерал-адъютант, шеф жандармов, начальник III отделения. 427, 451

Орлов Пимен Николаевич (1811—1864)—художник, академик живописи (1857). 494

Орлов-Денисов Василий Петрович (1745—1801)—генерал от кавалерии, войсковой атаман Войска Донского. 220—221

Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785—1848)—графиня; камер-фрейлина. 46, 283

Остерман (Остерман-Толстой) Александр Иванович (1779—1857)—генерал от кавалерии, генерал-адъютант. 28, 465

Островский Александр Николаевич (1823—1886)—драматург. 515

Оттон I (1815—1867)—король Греции в 1832—1862 гг. 138

Павей Владимир (ок. 1811—после 1858)—воспитанник З. А. Волконской, впоследствии камергер при дворе папы Римского. 432—434, 441—445

Павел I (1754—1801)—российский император с 1796 г. 14—15, 19, 49, 59, 67, 216, 218, 220—221, 354

Павлищева (урожд. Пушкина) Ольга Сергеевна (1797—1868)—сестра А. С. Пушкина. 347

Павский Герасим Петрович (1787—1863)—законоучитель и духовник наследника и его товарищей, доктор богословия, лингвист. 79, 117, 127, 131—133

Паганини Никколо (1782—1840)—итальянский скрипач и композитор. 268, 286, 463

Паизиелло Джованни (1740—1816)—итальянский композитор. 16

Пален (урожд. графиня Чернышева) Вера Григорьевна (1808—1880)—сестра Е. Г. Чертковой и Н. Г. Долгоруковой. 41, 457

Пален Федор Петрович (1780—1863)—граф, дипломат, впоследствии член Государственного совета. 218—219

Пальменбах (в замуж. Бюлер) Александра Евстафьевна 28

Пальменбах (в замуж. Шулепова) Екатерина Евстафьевна 28

Пальменбах (урожд. баронесса Черкасова) Елизавета Александровна (1762—1832)—начальница Смольного института в 1797—1802 гг. 19, 28

Пальменбах (в замуж. Батюшкова) Софья Евстафьевна (1781—1839). 28

Панаева (урожд. Брянская) Авдотья Яковлевна (1819—1853)—писательница, мемуаристка. 316

Панченко М. А.—литературовед. 456

Паскаль Блез (1623—1662)—французский философ. 213, 216—217, 222, 224—225, 241, 270

Паскевич Иван Федорович (1782—1856)—князь Варшавский (с 1831); генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского (с 1832). 240, 275

Пассеки 13

Паткуль Александр Владимирович (1817—1877)—совоспитанник великого князя Александра Николаевича; впоследствии генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер. 69, 76, 79—87, 89—90, 95, 97, 99—100, 102—107, 109—110, 114—115, 122, 128—129, 131, 134, 144, 146, 148—151, 178—179, 194, 196, 212, 214, 236, 249, 254, 260, 266, 272, 274, 277—278, 283, 290, 296, 300, 305, 308, 311, 329, 331, 333, 335, 337, 373, 396, 426, 459, 513

Паткуль Владимир Григорьевич (ум. 1855)—отец предыдущего, комендант Ревеля. 76

Паткуль Иоганн Рейнгольд (1660—1707)—граф; генерал-комиссар русской армии. 76

Паткуль (урожд. маркиза де Траверсе) Мария Александровна (1822—1900)—с 1841 г. жена А. В. Паткуля. 179, 196

Пашков Николай Иванович (1800—1873)—певец-любитель (тенор), композитор. 264

Пашкова (урожд. фон Баранова) Мария Трофимовна (1807—1887)—жена флигель-адъютанта М. В. Пашкова. 256, 309

Пейзиелло—см. Паизиелло.

Пейсар (в замуж. Герино) Лаура Мария Жозефина (род. 1802)—французская танцовщица, в 1831—1836 гг. выступала в Петербурге, затем преподавала в московском Театральном училище. 264

Пеллико Сильвио (1789—1854)—итальянский писатель. 188—200, 244—245, 247—249, 251—253, 255, 265, 320—321, 325, 329, 503

Пенкержевский (Пенхержевский) Александр Лаврентьевич—генерал-майор, командир 1-ой легкой кавалерийской дивизии. 140

Перголези (Перголезе) Джованни Баттиста (1710—1736)—итальянский композитор. 271

Перуджино Пьетро (между 1445 и 1452—1523)—итальянский художник. 337

Перфильева (урожд. Ланская) Анастасия Сергеевна (1813—1891)—дочь В. И. Ланской, московская знакомая Виельгорских. 168

Пестель Павел Иванович (1793—1826)—декабрист. 245

Петр I (1672—1725)—российский царь (с 1682), император (с 1721). 108—109, 353—354, 406, 429

Петр III (1728—1762)—российский император с 1761 г. 216

Петрафка Франческо (1304—1374)—итальянский поэт. 117

Петров Осип Афанасьевич (1807—1878)—певец (бас). 211, 243

Петров Павел Яковлевич (1814—1875)—санскритолог, востоковед. 338

Пец Иоганн Корнелий—владелец нотного магазина. 257

Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885)—философ. 133

Платов Матвей Иванович (1751—1818)—граф (с 1812); генерал от кавалерии, в 1812—1814 гг. командир донского казачьего корпуса. 257

- Платон* (428 или 427—348 или 347 гг. до н.э.)—древнегреческий философ. 320
- Плейель* (урожд. Мок) Камилла (настоящее имя Мари Фелисите Дениз; 1811—1875)—французская пианистка. 405, 412
- Плетнев* Петр Александрович (1792—1865)—поэт, критик. 117, 120, 137, 146, 148, 329, 477, 487, 514
- Плюскова* Наталья Яковлевна (ок.1780—1845)—фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны. 93, 121, 283, 349, 378, 383, 390
- Погодин* Михаил Петрович (1800—1875)—историк, журналист, писатель. 172, 352, 375—376, 394, 417—419, 430, 438, 453, 455, 470, 473—475, 477, 479—482, 484—485, 488—489, 495, 504
- Погодина* (урожд. Вагнер) Елизавета Васильевна (1809—1844)—жена М. П. Погодина с 1833 г. 417, 419, 474, 479—480
- Погодин* Петр Дмитриевич 470
- Поздеев* Иосиф Алексеевич (1746—1820)—отставной полковник (1774), в 1782—1784 гг. начальник канцелярии московского губернатора; видный масон. 25—26, 28—30
- Позен* Михаил Павлович (1798—1871)—управляющий военно-походной канцелярией императора, статс-секретарь. 212, 281
- Поликарпова* (урожд. княжна Щербатова) Мария Андреевна—тетка А. Д. Блудовой. 510
- Полозов* Петр Петрович 244
- Полозова* 244
- Полтавцева* Зинаида Николаевна (ум. 1854)—родственница П. В. Долгорукова. 218
- Полторацкая* (урожд. Хлебникова) Анна Петровна—мать С. Д. Полторацкого. 406
- Полторацкий* Сергей Дмитриевич (1803—1884)—библиограф и библиофил. 146, 263, 281, 401, 406
- Потемкин* Иван Алексеевич (1778—1849)—русский посланник при папском дворе в 1837—1843 гг. 396
- Потоцкая* (урожд. княжна Салтыкова-Головкина) Мария Александровна (1806—1845)—сестра С. А. Шуваловой. 355
- Прево* Жан Луи (1790—1850)—доктор медицины, практиковал в Женеве. 465
- Прозоровский* Петр Семенович—князь; стольник; глава русского посольства в Лондоне в 1662 г. 393—394
- Прокопович* Николай Яковлевич (1810—1857)—школьный товарищ и друг Н. В. Гоголя. 481
- Протасов* Николай Александрович (1798—1855)—генерал-адъютант, с 1836 г. обер-прокурор Синода. 296
- Протопопов*—казанский купец, содержатель гостиницы. 158—159
- Псиол* (в замуж. Дунина-Барковская) Глафира Ивановна (1823—1866)—воспитанница семейства Репниных, дальняя родственница Гоголя. 454
- Пушкин* Александр Сергеевич (1799—1837). 49, 131, 134, 137, 146—147, 160—161, 163, 199, 219, 237, 281, 283, 347—348, 405, 416, 467, 487—488, 513—514
- Пушкин* Лев Сергеевич (1805—1852)—брат предыдущего. 347

Пушкин Сергей Львович (1770—1848)—отец предыдущих. 487

Пушкина (в первом браке Дубельт, во втором—графиня Меренберг) Наталья Александровна (1836—1913)—младшая дочь А. С. Пушкина. 134, 137

Пушкина (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Наталья Николаевна (1812—1863)—жена А. С. Пушкина. 134, 347, 364

Радзивилл Леон Людвигович (1808—1885)—флигель-адъютант. 118, 140

Радовиц Иосиф (1797—1853)—прусский генерал, государственный деятель, друг В. А. Жуковского. 360

Разумовская (урожд. княжна Вяземская, в первом браке княгиня Голицына) Мария Григорьевна (1772—1865)—хозяйка великосветского салона. 209, 231, 251

Разумовский Алексей Кириллович (1748—1822)—брат Н. К. Загряжской, министр народного просвещения (1810—1816). 136

Райт Томас (1792—1849)—английский гравёр и живописец. 246

Раумер Фридрих Людвиг Георг фон (1781—1873)—историк, профессор Берлинского университета. 142, 340

Раух фон—полковник (1835), флигель-адъютант (1836—генерал-адъютант) прусского короля. 281, 306

Раух—дочь предыдущего. 281

Раух—жена фон Рауха. 281, 306

Рафаэль Саети (1483—1520)—итальянский живописец и архитектор. 296, 308, 337

Рахманов Дмитрий Григорьевич—камер-юнкер. 204, 300, 310—311

Рахманова (урожд. Волкова) Екатерина Аполлоновна—певица-любительница. 42—43, 195, 210—211, 220, 300, 308, 310, 389

Рейнгардт Иоганн (Иван Иванович) (1761—1847)—пианист, композитор, придворный пианист (с 1838 г.). 164, 209, 215, 236, 242, 245, 256, 263, 305—306, 312, 359, 398, 402—403, 405, 413—414, 421

Рейнгардт («Кашеварка»)—жена (?) И. И. Рейнгардта. 312, 413

Рейнгардт—пастор в имении Барятинских Марьино 61, 72

Рейнгардт—жена предыдущего, компаньонка в семействе Виельгорских, писательница. 61, 71—73, 101, 142

Рейтерн Герхард Вильгельм фон (1794—1865)—художник; друг и тесть В. А. Жуковского. 451

Рейтерн Елизавета Алексеевна (1821—1856)—дочь предыдущего, с 1841 г. жена В. А. Жуковского. 452, 462, 468

Рейхель Карл—портретист, выпускник Академии Художеств (1808). 494

Репнин (Репнин-Волконский) Николай Григорьевич (1778—1845)—князь; брат Н. Г. Волконского. 407—408, 441—444, 456

Репнина (урожд. графиня Разумовская) Варвара Алексеевна—жена Н. Г. Репнина. 407, 449, 451, 456

Репнина Варвара Николаевна (1808—1891)—дочь Н. Г. и В. А. Репниных, приятельница Гоголя. 403, 407—408, 417, 432, 434—435, 439—440, 443—444, 448, 453, 456, 461, 484

Репнина (в замуж. Кривцова) Елизавета Николаевна—дочь Н. Г. и В. А. Репниных. 396

Рёмер Николай Федорович (1806—1889)— камер-юнкер, чиновник Министерства иностранных дел; певец-любитель. 302

Рибопьер Александр Иванович (1786—1865)—граф (с 1856); действительный камергер, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Берлине (1837). 356, 358

Рибопьер (в замуж. баронесса фон Зенден) Аглаида Александровна (1812—1842)—фрейлина (с 1831). 231, 251, 254, 308—309

Рибопьер (в замуж. Брасье де Сен-Симон) Мария Александровна (1816—1885)—фрейлина (с 1834). 231, 251, 254, 308—309

Риенци Кола (наст. имя Никола ди Лоренцо Габрини; 1313—1354)—глава республики в Риме в 1347 и 1354 гг. 117

Римский-Корсаков Андрей Петрович (1784—1862)—начальник Первого отделения канцелярии министра внутренних дел; видный масон, впоследствии новгородский вице-губернатор (1827—1831), волынский губернатор (1831—1835); отец композитора Н. А. Римского-Корсакова. 25, 27, 60

Риттер Карл (1779—1859)—немецкий географ, основоположник научного ландшафтоведения. 338, 340

Рихтер 257

Риччи (урожд. Лунина) Екатерина Петровна (1787—1886)—графиня, певица-любительница. 42—43

Риччи Миньято (1792—1860)—граф; певец-любитель, литератор; с 1817 г. муж П. Луниной, в 1828 г., расставшись с ней, вернулся в Италию; близкий друг З. А. Волконской. 434, 441—442, 463

Роган Анри де (1579—1638)—герцог; автор мемуаров. 326

Роде Жак Пьер Жозеф (1774—1830)—французский скрипач, композитор. 55, 452

Роджерс Елизавета Ивановна—англичанка, состоявшая при великих князьях Николае и Михаиле Николаевичах. 311

Рожалин Николай Матвеевич (1805—1834)—литератор, воспитатель А. Н. Волконского. 416, 475

Розанов Александр Семенович—музыковед. 16

Розен Александр Григорьевич—сын Г. В. Розена. 245—246

Розен Егор (Георгий) Федорович (1800—1860)—барон; литератор, издатель, личный секретарь наследника (1835—1840). 269, 346—347, 349, 352, 355—358, 362—363, 365, 367

Розен Григорий Владимирович (1782—1841)—барон; командующий Отдельным Кавказским корпусом. 246

Романовы— боярский род, впоследствии царствующая династия 13, 76

Ромберг Генрих Мария (1802—1859)—немецкий скрипач, композитор; певец, с 1827 г. выступал на сцене Императорской оперы в Петербурге, впоследствии ее музыкальный директор. 277

Ромберг Киприан (1807—1865)—брат предыдущего, виолончелист, в 1835—1841 гг. играл в оркестре Немецкой оперы в Петербурге. 277

Рон Карл Фридрих де—отставной поручик шведской службы, тренер, специалист по эстетической и лечебной гимнастике, практиковал в Петербурге с 1837 по 1858 г.; в 1843 г. служил преподавателем гимнастики в 1-м кадетском корпусе. 301

Россет А. О.—см. Смирнова.

- Россет* Иосиф Осипович (1812—1854)—в 1839 г. поручик Уланского полка. 192, 194, 231, 254, 513
- Россини* Джоакино (1792—1868)—итальянский композитор. 70, 232, 264, 278, 280, 307, 434
- Роум* Дункан—губернер М. М. Виельгорского. 135—136, 403
- Рубенс* Петер Пауль (1577—1640)—фламандский живописец. 286
- Рубинштейн* Ида Львовна (1883—1960)—балерина, драматическая актриса. 316
- Руссо* Жан Жак (1712—1778)—французский философ и писатель. 13, 199, 214
- Рюль* Иоганн Георг (Иван Федорович; 1764—1846)—доктор медицины, лейб-медик (с 1823). 360
- Савиньи* Фридрих Карл фон (1779—1861)—немецкий юрист, историк права. 338, 340
- Самсонов* Евгений Петрович (род. 1812)—старший адъютант Управления императорской Главной квартиры, полковник Преображенского полка; мемуарист 89—91
- Сарти* (Сартий) Джузеппе (1729—1802)—итальянский композитор; с 1784 г. работал в России. 16
- Сверчков* Николай Егорович (1817—1898)—художник-анималист. 239
- Северин* 436
- Северолли*—архиепископ Тосканы и Витербии. 27
- Севинье* Мари де Рабютен-Шанталь де (1626—1696)—маркиза, французская писательница. 135
- Семеновко* Петр (1814—1886)—католический публицист, римский знакомый З. А. Волконской. 445
- Семенов* Иван Иванович (1798—1874)—скрипач. 42—43
- Сент-Альдегонд*—дочери Карла Францевича де Сет-Альдегонда, генерал-майора свиты, члена Совета Корпуса горных инженеров. 306, 308
- Сентон* Проспер Филипп (1813—1890)—французский скрипач, композитор, гастролировавший в Петербурге. 210
- Серафим* (в миру Степан Васильевич Глаголевский; 1763—1843)—митрополит Санктпетербургский (с 1821). 131
- Серве* Адриен Франсуа (1807—1866)—бельгийский виолончелист, композитор и педагог. 422—423
- Серков* Андрей Иванович—историк. 17
- Серов* Валентин Александрович (1865—1911)—художник. 316
- Сеславина* (в замуж. Огарева) Мария Николаевна (1816—не позднее 1887)—фрейлина. 251
- Сестренцевич-Богущ* Станислав (1731—1827)—католический епископ Белорусский (с 1773), архиепископ (1782); митрополит всех римско-католических церквей в России (с 1796). 27, 29
- Симонов* Иван Михайлович (1794—1855)—астроном. 164—165
- Скарятин* Александр Яковлевич (1815—1884)—впоследствии дипломат (генеральный консул в Неаполе), гофмейстер; певец и композитор-любитель. 205, 211, 254, 274, 278, 280, 289, 300, 311

- Скарятин* Яков Федорович (1780—1849)—отец предыдущего, знакомый Виельгорских. 43
- Скарятин* 170
- Скарятина* 244
- Скотт* Вальтер (1771—1832)—английский писатель. 307, 416
- Скриб* Эжен (1791—1861)—французский драматург и либреттист. 206, 226
- Смирдин* Александр Филиппович (1795—1857)—книгопродавец, владелец книжной лавки на Невском проспекте. 401
- Смирнов* Иван Яковлевич (ум. 1849)—русский генеральный консул в Генуе. 379—380, 393—394
- Смирнов* (настоящая фамилия Линицкий) Яков Иванович (1754—1840)—отец предыдущего; в 1780—1837 гг. священник церкви при русском посольстве в Лондоне. 379—380
- Смирнова* (урожд. Россет) Александра Осиповна (1809—1882)—фрейлина (с 1826), мемуаристка. 36—37, 45, 61, 88, 100, 194, 281, 445, 454—455, 461, 465—466, 499, 512—513
- Смирнова* Ольга Николаевна (1834—1893)—дочь предыдущей. 454—455
- Соколов* Петр Федорович (1791—1848)—художник-акварелист, академик живописи (с 1839). 426
- Сокольский* Григорий Иванович (1807—1886)—врач. 327, 335, 420
- Солива* Карло Эвазио (1792—1853)—итальянский композитор, с 1832 г. капельмейстер русской оперы, преподаватель пения и теории музыки в Петербургском театральном училище. 177, 208, 217, 236, 268
- Соллогуб* Александр Иванович (1787—1843)—граф; церемониймейстер, тайный советник, отец В. А. Соллогуба. 68
- Соллогуб* Аполлинария Владимировна (1849—1850)—дочь В. А. Соллогуба и С. М. Виельгорской. 57, 462
- Соллогуб* Владимир Александрович (1813—1882)—граф; выпускник Дерптского университета, писатель, мемуарист; с 1840 г. муж С. М. Виельгорской. 34, 50, 56, 58, 68, 111—112, 183—184, 187, 189—193, 237, 278—279, 309, 325, 337, 346, 386—387, 390—391, 400, 461
- Соллогуб* Михаил Владимирович (1854—1888)—сын В. А. Соллогуба и С. М. Виельгорской. 54, 57, 65, 67
- Соллогуб* Матвей Владимирович (1852—1894)—сын В. А. Соллогуба и С. М. Виельгорской. 65
- Соллогуб* Софья Владимировна (1841—1850)—дочь В. А. Соллогуба и С. М. Виельгорской. 56—57, 462
- Соллогуб* Софья Михайловна—см. Виельгорская С. М.
- Соллогуб* (урожд. Архарова) Софья Ивановна (1791—1854)—графиня; мать В. А. Соллогуба. 47, 54
- Софокл* (ок. 496—406 до н.э.)—древнегреческий драматург. 338
- Сперанский* Михаил Михайлович (1772—1839)—граф (с 1839); член Государственного совета (с 1821); в 1835—1837 гг. читал наследнику курс законоведения. 159, 308
- Станкевич* Николай Владимирович (1813—1840)—поэт, философ, глава литературно-художественного кружка. 475

- Стасов* Василий Петрович (1769—1848)—архитектор. 310
- Степан* —буфетчик Виельгорских в имении Фатеевка. 64
- Стефания* Луиза (урожд. Богарнэ, 1789—1860)—вдова великого герцога Баденского Карла (1786—1818). 54
- Стеффенс* Генрих (1773—1845)—немецкий философ, естествоиспытатель, беллетрист. 338, 340
- Страдивари* Антонио (1644—1737)—итальянский мастер смычковых инструментов. 55, 402
- Страус*—см. Штраус Д. Ф.
- Стрекалов* Степан Степанович (ум. 1875)—генерал-адъютант, генерал-лейтенант, в 1831—1841 гг. военный губернатор Казани, управлявший также и гражданской частью. 154, 158—159
- Стрешнев* Лукьян Степанович (ум. 1650)—боярин. 13
- Строганов* Григорий Александрович (1824—1878)—граф, с 1854 г. морганатический супруг великой княгини Марии Николаевны. 27
- Строганова* (в замуж. Черткова) Елена Григорьевна (ум. 1832)—графиня, бывшая невеста Матв.Ю. Виельгорского. 40, 65
- Строганов* (Строганов) Сергей Григорьевич (1794—1882)—граф, генерал-адъютант; попечитель Московского учебного округа (1835—1847). 206
- Стров* Владимир Михайлович (1812—1864)—театральный критик, журналист. 315
- Суворов* Александр Аркадьевич (1804—1882)—флигель-адъютант; прибалтийский генерал-губернатор (1848—1861). 275
- Суворов* Александр Васильевич (1729 или 1730—1800)—полководец. 275
- Суковкин* Акинфий Петрович (1811—после 1853)—коллежский ассессор, чиновник военно-походной канцелярии императора. 241, 245
- Сулакадзев* Александр Иванович (ум. 1830)—библиофил, собиратель редкостей. 176
- Сухарева* (урожд. Полторацкая) Агафоклея Марковна (1776—1840)—председательница Женского патриотического общества. 277
- Сухтелен* Петр Корнилович (род.1751)—граф; чрезвычайный посланник и полномочный министр при шведском дворе, известный библиофил. 401
- Сухтелен* Павел Петрович (1788—1833)—граф; военный историк, сын предыдущего. 282
- Таль*—петербургский купец, любитель музыки. 284
- Тальберг* Сигизмунд (1812—1871)—австрийский пианист-виртуоз, автор небольших пьес для фортепиано. 209—210, 236, 245, 359, 398, 420, 422—423
- Тальони* (в замуж. графиня де Вуазен) Мария (1804—1884)—балерина, в конце 1830-х—1840-х гг. выступала в России. 177—178, 209, 214, 221, 223—227, 231—235, 237, 240—241, 243, 246—247, 249—251, 253—255, 257—262, 264—265, 293, 299, 312—319, 322—323, 326, 398, 502
- Тальони* Филиппо (1777—1871)—танцовщик, балетмейстер. 178, 209, 226, 232, 240, 254, 262, 264, 314, 398
- Тацит* Публий Корнелий (ок. 58—ок.117)—римский историк, автор трактата «Германия». 363

Теплов Григорий Николаевич (1716—1779)— статс-секретарь (с 1762), сенатор (с 1768); экономист, музыкальный деятель. 38

Тепловы 38, 41

Титюс (наст. имя Антуан Тетюс Доши)— в 1832—1849 гг. балетмейстер в Петербурге. 178, 264, 308

Тихонравов Николай Саввич (1832—1893)— историк литературы. 473

Толстая (урожд. Перовская) Анна Алексеевна (1796—1857)— графиня, мать А. К. Толстого. 361, 373, 396, 402, 404, 413, 428

Толстая (урожд. Труссон, во втором браке княгиня Волконская) Луиза Ивановна (1825—1890)— жена А. А. Толстого. 23

Толстая (урожд. Бенкендорф) Мария Константиновна— племянница А. Х. Бенкендорфа и Д. Х. Ливен, жена П. М. Толстого.

Толстая (урожд. Волконская) Мария Николаевна (ум. 1830)— мать Л. Н. Толстого. 23

Толстая (в замуж. Толстая) Мария Николаевна (1830—1912)— сестра Л. Н. Толстого. 23

Толстая (урожд. Берс) Софья Андреевна (1844—1919)— с 1862 г. жена Л. Н. Толстого. 23

Толстой А. А.— троюродный брат Л. Н. Толстого. 23

Толстой Алексей Константинович (1817—1875)— граф; писатель. 361, 373—374, 396, 426—428, 481

Толстой Иван Матвеевич (1806—1867)— граф (с 1866); дипломат, камергер (1834), в 1838 г. сопровождал наследника в поездке по Европе, шталмейстер его двора (1839), сенатор (1856); певец-любитель (баритон). 280, 282

Толстой Лев Николаевич (1828—1910)— писатель. 23—25, 324, 507—508

Толстой 236, 305

Том Константин Андреевич (1794—1881)— архитектор. 263

Трепольский— придворный певчий. 261

Триниус Карл Бернгард (Карл Антонович; 1778—1844)— академик, ботаник, преподавал наследнику естественную историю. 101, 117—118

Трубецкая (в замуж. Мансурова) Агриппина Ивановна (ум. 1861)— княжна, певица-любительница. 43—43

Трубецкая (в первом браке Апраксина, во втором— де Бот) Александра Васильевна (род. 1827)— дочь В. С. Трубецкого. 65

Трубецкая (в замуж. графиня Эстергази) Вера Васильевна (1829—1861)— дочь В. С. Трубецкого. 65

Трубецкая (в первом браке Столыпина, во втором— светлейшая княгиня Воронцова) Мария Васильевна (1819—1895)— княжна, сестра С. В. Трубецкого; фрейлина, известная красавица. 65, 231, 249, 281, 309, 323

Трубецкая (в первом браке Устинова, во втором— Бланка-Денкалада) Ольга Васильевна (1820—1896)— дочь В. С. Трубецкого; фрейлина. 65, 168, 239, 249, 281

Трубецкая (урожд. фон Вейс) Софья Александровна (София Марианна; 1795 или 1796—1848)— вторая жена В. С. Трубецкого; кавалерственная дама ордена св. Екатерины меньшего креста (1841). 238—240

Трубецкая (в замуж. Рибопьер) Софья Васильевна (род. 1823)— дочь В. С. Трубецкого. 65

Трубецкие 254, 278

Трубецкой Александр Васильевич 76, 305

Трубецкой Василий Сергеевич (1773—1841)— князь; генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, сенатор. 21, 65, 239—240, 421

Трубецкой Сергей Васильевич (1814—1859)— сын В. С. Трубецкого; выпускник Пажеского корпуса, корнет лейб-гвардии Кирасирского полка; известный повеса. 76, 227, 238—239

Тургенев Андрей Иванович (1781—1803)— дипломат, литератор. 115, 475

Тургенев Александр Иванович (1784—1845)— литератор, археограф. 40—43, 75, 129—130, 146, 218—219, 238, 328, 341, 359, 376, 419, 430, 450—451

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883)— писатель. 338

Турниер— преподаватель верховой езды. 77

Тюдоры— английская королевская династия. 214

Тюрин Евграф Дмитриевич (1792—1870)— архитектор. 264

Тютчев Федор Иванович (1803—1873)— поэт. 375

Убри Петр Яковлевич (1774—1847)— дипломат. 451

Уваров Сергей Семенович (1786—1855)— президент Академии наук с 1818 г., министр народного просвещения (1833—1849). 243

Уваров Федор Петрович (1773—1824)— генерал от кавалерии (с 1813), командующий Гвардейским корпусом. 256

Урусова (в замуж. Радзивилл) Софья Александровна (1804 или 1806—1889)— княжна; известная красавица, фаворитка Николая I. 118, 125.

Усачев Василий Иванович— купец, знакомый Н. В. Гоголя. 477.

Устинов Михаил Александрович— камер-юнкер, дипломат. 302

Устинов Михаил Михайлович (1800—1871)— кандидат Московского университета (1818), подпоручик Кавалергардского полка (1820); поверенный в делах в Константинополе (1846), тайный советник (1850). 302

Уткин Николай Иванович (1780—1863)— гравер. 210

Ушаков Павел Петрович (1779—1852)— генерал-лейтенант, генерал-адъютант, управляющий конюшенной частью Аничкова дворца и конюшенным отделением двора наследника. 121, 231

Фальконе— римский род. 414

Феврие— владелец музыкального магазина в Петербурге. 15

Федор Иоаннович (1557—1598)— русский царь с 1584 г. 127

Фенелон Франсуа (1651—1715)— французский писатель, архиепископ г. Камбрэ. 199, 211

Феофан Прокопович (1681—1736)— архиепископ Новгородский (с 1720); писатель и проповедник. 133

Фердинанд I (1793—1875)— король Богемии и Венгрии (с 1830), австрийский император (с 1835); отрекся от престола в связи с революционными событиями 1848 г. 279

Фердинанд II Арагонский (1452—1516)— король Арагона (с 1479 г.), Кастилии в 1479—1504 гг. (совместно с Изабеллой), Неаполитанского королевства (с 1504). 120

Ферзинг Вильгельм (род. 1811)— певец (бас). 250, 264

- Филафет* (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783—1867)—архиепископ московский с 1821 г. (с 1826—митрополит). 131
- Философов* Алексей Илларионович (1799—1874)—генерал-майор, адъютант великого князя Михаила Павловича; воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевичей (с 1838); впоследствии генерал-адъютант, петербургский военный губернатор. 266, 274, 281, 311
- Фильд* Джон (1782—1837)—ирландский пианист, композитор и педагог; с 1802 г. жил в России. 39, 73, 210
- Фоглер* 361
- Фома Кемпийский* (1379—1471)—фламандский монах, автор трактата «О подражании Христу». 199, 203, 226—227
- Фонвизин* Денис Иванович (1744 или 1745—1792)—драматург. 47
- Форш* Ольга Дмитриевна (1873—1961)—писательница. 499
- Фоскари*—венецианские патриции. 117
- Фотий* (в миру Петр Никитич Спасский; 1792—1838)—архимандрит, настоятель новгородского Юрьевского монастыря (с 1822). 283
- Франчески* (Францески) Пасхалис (Пасхалий Людвигович)—лекарь, позднее доктор медицины; практиковал в Петербурге в 1830-х—1870-х гг. 173, 212, 271
- Фредерикс* (Фридрикс; в замуж. графиня Алопеус) Александра Петровна (род. 1815)—фрейлина (с 1832). 125, 187, 223, 251, 306, 308
- Фредерикс* (в замуж. Никитина) Ольга Петровна. (1821—1859) 187, 306, 308
- Фредерикс* Мария Петровна (1832—1908)—фрейлина; мемуаристка. 37, 155, 184, 187—188, 223, 325—326, 446, 512
- Фредерикс* Петр Андреевич (1786—1855)—барон; шталмейстер (1841), оберштальмейстер (1857). 113
- Фредерикс* Софья Петровна (1824—1882)—фрейлина. 309
- Фредерикс* (урожд. Гуровская) Цецилия Владимировна (1794—1851)—жена П. А. Фредерикса. 309
- Фрейганг* Василий Иванович—русский генеральный консул в Венеции. 372
- Фридрих Вильгельм* (1795—1861)—наследный принц прусский, с 1840 г. король прусский Фридрих-Вильгельм IV. 355
- Фридрих Вильгельм III* (1770—1840)—прусский король с 1797 г. 103, 273
- Фролов* Илья Степанович (1808—1879)—капитан Гвардейского Генерального штаба; флигель-адъютант. 266
- Фукс* (урожд. Апехтина) Александра Андреевна (ок. 1805—1853)—писательница, жена К. Ф. Фукса, хозяйка литературного салона в Казани. 160—161, 165—166, 244, 265
- Фукс* Иван Иванович (Иоганн Леопольд; 1785—1853)—композитор, преподаватель теории музыки. 176, 221
- Фукс* Карл Федорович (Карл Фридрих; 1776—1846)—врач, профессор терапии, патологии и клиники, ректор Казанского университетат (1805—1828, с перерывами). 159—161, 165—167, 221, 230, 265, 466
- Хайдлер* Карл Йозеф (1792—1866)—известный доктор; с 1818 г. занимал должность княжеского курортного врача в Мариенбаде. 349
- Хаммер* 271

- Хёхт* — домашний доктор Виельгорских. 50, 62
- Хлодион* (Хлогийон) — первый король салических франков. 120
- Хомутова* Анна Григорьевна (1787—1851) — писательница, мемуаристка. 37
- Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — философ, литератор. 133, 217—218, 324, 496
- Хомякова* (урожд. Языкова) Екатерина Михайловна (1817—1852) — жена А. С. Хомякова с 1836 г. 218
- Хомякова* (урожд. Киреевская) Мария Алексеевна (ум. 1853) — мать А. С. Хомякова. 218
- Храпачев* Василий Иванович (1786—1851) — генерал-майор, директор Комиссариатского департамента Военного министерства (1839). 251
- Храповицкий* Александр Васильевич (1749—1801) — писатель, секретарь Екатерины II. 14
- Хрептович* (Хрептовичева; в замуж. Титова) Елена Иринеевна — графиня, фрейлина. 242, 253, 323
- Чернышев* Александр Иванович (1785—1857) — граф (1826), военный министр (1827—1852). 212, 312
- Чернышев* Григорий Иванович (1762—1831) — граф; обер-шенк. 38
- Чернышев* Захар Григорьевич (1797—1862) — граф; декабрист. 41, 159, 398
- Чернышева* (урожд. Теплова) Екатерина Алексеевна — с 1834 г. жена З. Г. Чернышева. 398
- Чернышева* Н. — см. Долгорукова Н. Г.
- Чернышевы* 41
- Чертков* Александр Дмитриевич (1789—1858) — историк, археолог, нумизмат. 146, 170—172, 361, 395, 411, 431, 444, 479
- Черткова* (урожд. графиня Чернышева) Елизавета Григорьевна (Lise; 1805—1858) — с 1828 г. жена А. Д. Черткова. 41, 170, 361, 397—398, 402—407, 410—411, 413, 420, 427, 431—433, 436, 438, 441—444, 453, 456, 481, 502, 513
- Чилищев* 388
- Чимароза* Доменико (1749—1801) — итальянский композитор. 70, 226, 249
- Шамбо* Иван Павлович (1783—1848) — секретарь императрицы Александры Федоровны, управляющий ее канцелярией; обучал наследника и его товарищей немецкому языку. 244
- Шапн д'Оттфоз* Жан (1722—1769) — французский астроном, аббат; в 1761 г. по поручению парижской Академии наук предпринял путешествие в Тобольск для наблюдения над прохождением Венеры через диск Солнца. 400
- Шатобриан* Франсуа Рене де (1768—1848) — французский писатель. 126
- Шафиров* Петр Павлович (1669—1739) — барон (с 1710); дипломат, тайный советник. 494
- Шаховская* (в замуж. Келлер) N Александровна — княжна; дочь А. И. Шаховского и Ан. М. Виельгорской. 36, 326
- Шаховской* Александр Иванович (1822—1891) — князь; генерал-майор; муж Ан. М. Виельгорской. 36, 326

- Шварценберг* Карл Филипп (1771—1820)—герцог Крумауский, австрийский военачальник, фельдмаршал, в 1813—1814 гг. командовал союзными войсками. 230
- Шевченко* Тарас Григорьевич (1814—1861)—украинский поэт. 43
- Шевырев* Борис Степанович (1836—1888)—сын С. П. и С. Б. Шевыревых. 419, 433—434, 440—442
- Шевырев* Степан Петрович (1806—1864)—писатель, критик, историк литературы. 395, 416—417, 419, 438, 442, 455, 479—480, 504
- Шевырева* (урожд. Зеленская) Софья Борисовна (1809—1871)—жена С. П. Шевырева (с 1834). 395, 419, 432—434, 438, 440—443
- Шекспир* Уильям (1564—1616)—английский драматург. 121
- Шенрок* Владимир Иванович (1853—1910)—историк литературы. 147, 396, 454—455, 461, 463, 466, 504—506, 515—516
- Шенрок* Иван Маркусович—отец предыдущего, врач, медико-хирург. 505
- Шереметева* 125, 239
- Шернваль* фон Валлен Эмилий Карлович (1806—1890)—барон; с 1831 г. служил в Павловском полку; в 1836 г. был определен к статским делам; камер-юнкер (1843). 204—205, 450
- Шильдер* Карл Андреевич (1785—1853)—генерал-адъютант (с 1833), начальник Инженерного отделения Отдельного гвардейского корпуса (с 1836). 234—235
- Шинкель* Карл Федорович (1781—1841)—немецкий архитектор, художник. 337
- Шнейцхоффер* Жан Мадлен (1785—1852)—французский композитор. 264
- Шоберлехнер* (урожд. Даль-Окка) София Филипповна (1807—1864)—певица (драматическое сопрано). 48, 70
- Шопен* Фридерик (1810—1849)—польский композитор и пианист. 268, 270
- Шотен* (Шоттен) Александр Кондратьевич фон (1787—1851)—гравер, выпускник Академии художеств (1803), в 1825 г. в чине 9 кл. числился на службе в депо карт; музыкант, друг семейства Виельгорских. 31—36, 54—57, 65, 71, 92, 101, 110, 114, 142, 164, 168, 359, 389, 402—403, 405, 413—414, 421
- Шотен* Иван Кондратьевич фон—брат предыдущего. 56
- Шперер* (Шпёрер) Карл Генрих фон (1797—1883)—доктор, в 1840 г. статский советник. 340—341, 352, 356—358, 364
- Шпор* Людвиг (1784—1859)—немецкий скрипач-виртуоз, композитор. 277, 282
- Шрёдер* (Шрёдер-Девриен) Вильгельмина (1805—1860)—немецкая певица (сопрано). 48, 70
- Штакенишнейдер* Андрей Иванович (1802—1865)—архитектор 263, 402
- Штемпель* Карл Романович—капитан Егерского полка (в 1839). 204
- Штёкерт* (правильнее—Штёкгардт) Генрих Роберт (1802—1848)—правовед, профессор энциклопедии права и сравнительной юриспруденции Училища правоведения; музыкальный критик. 251
- Штёкерт*—жена предыдущего. 251
- Штиглиц* Иоганн (1767—1840)—ганноверский лейб-медик, доктор медицины, член-корреспондент петербургской Медико-хирургической академии. 357
- Штольц* 301
- Штраус* Давид Фридрих (1808—1874)—немецкий протестантский богослов и писатель. 465

Штубель — художник-миниатюрист. 51

Шуберт Франц (1797—1828)—австрийский композитор. 410, 412

Шувалов Андрей Петрович (1802—1873)—граф; обергофмаршал, вице-президент придворной конторы (1850). 125, 171, 223, 232, 236, 244, 275, 324, 376, 389—390, 392, 402—403, 405, 413, 421

Шувалов Григорий Петрович (1804—1861)—брат предыдущего. 355

Шувалов Павел Андреевич (1830—1908)—сын А. П. Шувалова; дипломат, впоследствии варшавский генерал-губернатор. 171—172, 223, 232, 324, 355, 376, 392, 399, 402—403

Шувалов Петр Андреевич (1827—1889)—брат предыдущего; начальник III отделения (1866—1873). 171, 223, 376, 392, 402—403

Шувалова (урожд. княжна Салтыкова-Головкина) Софья Александровна (1806—1841)—жена Г. П. Шувалова. 355

Шувалова (в замуж. графиня Бобринская) Софья Андреевна (1829—1912)—дочь А. П. Шувалова. 223, 355, 376, 392, 402—403

Шувалова (урожд. Валентинович, в первом браке Зубова) Текла (Фекла) Игнатъевна (1801—1873)—жена А. П. Шувалова, известная красавица. 223, 252—253, 303, 355, 389—390, 392, 399, 402—403, 405, 413, 421

Шуйские — боярский род. 121

Шульгин Иван Петрович (1795—1869)—ординарный профессор всеобщей истории Петербургского университета, ректор (с 1834). 281

Шухов — московский торговец предметами старины. 204, 207, 260—261, 308, 406, 421

Щербатова Анна Александровна (1808—1870)—княжна; с 1833 г. жена П. К. Александрова. 125

Щербинин 235

Щербинин Александр Андреевич (1790—1856)—гоф-интендант Зимнего дворца; после пожара 1837 г. был уволен в отставку. 222

Эбелинг Александр Карлович — русский консул в Марселе. 455, 464

Эбергард Иван Иванович (ум. 1863)—танцовщик-пантомимист, выступал на петербургской сцене с 1803 г. 225

Эверсмани Эдуард Александрович (Эдуард Фридрих; 1794—1860)—доктор медицины и философии, ординарный профессор Казанского университета по кафедре зоологии, натуралист; практиковал в Казани как врач. 159

Эггерс — петербургский книгопродавец. 224, 227—228, 230

Эльмпт (урожд. Баранова, в первом браке баронесса Будберг) Анна Ивановна (1777—1845)—гофмейстерина великой княгини Елены Павловны. 450

Эльслер Фанни (1810—1884)—австрийская танцовщица, в 1848—1851 гг. гастролировала в России. 225, 232, 317

Энгельгардт (урожд. Кусовникова) Ольга Михайловна (1796—1853)—вдова В. В. Энгельгардта, владелица дома на Екатерининском канале, где устраивались общественные увеселения и концерты. 255

Эртель Василий Андреевич (1793—1847)—переводчик, библиотекарь Академии Наук и Академии Художеств; обучал наследника немецкому языку. 117, 120

Эссен Петр Кириллович (1772—1844)—граф (с 1833); генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор. 312

Юм (Гюм) Дэвид (1711—1776)—английский историк, философ, экономист. 214, 218, 228, 230, 234, 236, 256, 262—263, 267—268, 272

Юревич (урожд. Ниротморцева) Елизавета Андреевна—жена С. А. Юревича. 153, 156, 349

Юревич Семен Алексеевич (1798—1865)—штабс-капитан Измайловского полка, преподаватель Первого кадетского корпуса (1825), с февраля 1826 г. помощник воспитателя великого князя; полковник, заведующий канцелярией наследника; в 1839 г. флигель-адъютант. 69—70, 79—83, 85—87, 93, 103, 109—110, 118, 127—129, 149—153, 156, 166, 205, 231, 234, 238, 278, 283, 294, 331—332, 349

Юсупов Борис Николаевич (1794—1849)—князь; меценат, любитель музыки; дальний родственник Виельгорских (его тетка княжна Евдокия Борисовна (ум. 1780) была в 1773—1778 гг. женой герцога Петра Бирона, владетельного герцога Курляндского). 244

Юсупов Николай Борисович (1750—1831)—князь, отец предыдущего. 43

Юсупова (урожд. Нарышкина, во втором браке графиня Шово де ла Серр) Зинаида Ивановна (1809—1893)—вторая жена Б. Н. Юсупова. 125, 256

Юсупова (урожд. Энгельгардт, в первом браке Потемкина) Татьяна Васильевна (1767—1841)—жена Н. Б. Юсупова. 43

Языков Николай Михайлович (1803—1845)—поэт. 160, 436, 455

Якоби Борис Семенович (Мориц Герман; 1801- 1874)—физик и электротехник, член Академии наук. в России с 1835 г. 220, 271

Яков—слуга Матв. Ю. Виельгорского. 113

Яковлев Илья—денщик И. М. Виельгорского. 334, 341, 345, 366—367

Ян Фридрих Людвиг (1778—1852)—немецкий ученый. 83

Янихен Фридрих Август—штаб-лекарь, директор заведения искусственных минеральных вод в Москве. 169

Яронский Иозеф—настоятель костела в г. Освее. 29

Berthier—см. Бертъе.

Cissner, валторнист 282

Gogert—см. Гугерт

Heidler—см. Хайдлер.

Lacretelle—см. Лакретель.

Lambruschini—см. Ламбускини.

Luini Bernardino—см. Луини.

Melbourne—см. Лэм.

Minet—см. Мине.

Petillart—повар Виельгорских. 36

Pleyel—см. Плейель.

Romer—см. Рёмер.

Sainton—см. Сентон.

Vieutant, Vieutemps—см. Вьетан.

*Екатерина Эдуардовна Лямина
Наталья Владимировна Самовер*

**«БЕДНЫЙ ЖОЗЕФ»:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ИОСИФА ВИЕЛЬГОРСКОГО**

Опыт биографии человека 1830-х годов

Издатель А. Кошелев

Корректор И. В. Подосинова

**Подписано в печать 10.09.99. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервиль.
Усл. изд. л. 42,84. Заказ № 1130. Тираж 1000.**

**Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).**

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

**Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.**

**Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)**

**Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).**

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.